



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Андреевич Апосту

Метастазы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677063

SelfPub; 2023

Аннотация

Главный герой обрывает связи и автостопом бесцельно уносится прочь . Но однажды при загадочных обстоятельствах его жизнь меняется, и в его голову проникают...Метастазы! Где молодость, путешествия и рейвы озаряют мрачную реальность хосписов и трагических судеб людей. Где свобода побеждает страх. Где идея подобна раку. Эти шалости, возвратят к жизни. Эти ступени приведут к счастью. Главному герою предстоит стать частью идеи. Пронестись по социальному дну на карете скорой помощи. Заглянуть в бездну человеческого сознания. Попробовать на вкус истину и подлинный смысл. А также вместе с единомышленниками устроить революцию и изменить мир. И если не весь, то конкретно отдельный...

Содержание

Глава 1. Дневник битника	4
Глава 2. Огоньки большого города	34
Глава 3. Хоспис	71
Глава 4. Как Хелтер – Скелтер	122
Глава 5. Скорая	170
Глава 6. Музыка, белые стихи и проститутки	218
Глава 7. На рейве	283
Глава 8. Метаморфозы путешествия	329
Глава 9. Ещё глубже	393
Глава 10. Пляж вечного счастья	432
Глава 11. Четвёртая ступень	477
Глава 12. С другой планеты	522
Глава 13. Революция	561
Глава 14. Во снах классно	594
Глава 15. Улитка и Фудзи	625
Глава 16. Жить ради Лето	663
Глава 17. Легенда о двух Богах и Левиафане	714
Эпилог. Те, кто спасён. Те, кто спасёт. Те, кто остаётся	775

Александр Апосту

Метастазы

Глава 1. Дневник битника

«Девятиэтажки позади, потому что мне они нравились. Сам фотографировал или коллекционировал чужие фото. Я их любил. Людей тоже люблю. Либо их коллекционировал, либо они меня. Сейчас они тоже все позади. Я не люблю себя и почему-то таскаю себя с собой.

Меня спрашивают:

– Ты куда едешь?

– На восток.

– Почему на восток?

– Потому что на запад едут те, кто что-то ищет.

– А на востоке те, кто уже все нашел?

– Нет. Те, кто хочет избавиться от всего того, что нашел.

За моими плечами рюкзак. Чем дальше иду, тем больше понимаю, как в нём много лишнего. Дорога всегда учит избавляться.

Меня спрашивают:

– Не устаю ли я путешествовать?

– Нет, я просто живу.

– Тебе просто нравится?

– Не хуже, чем все остальное.

– Я тоже бы так хотел.

– Все так хотят.

Время путается. Дни начинают быть похожими один на другой. Места тоже. Мысли тоже. Мне скучно и грустно, как любому человеку. Возьми что клерка из рабочего класса, что шоумена, что шизофреника, что миллиардера. Мы все просто люди.

Меня спрашивают:

– Долго ты так странствуешь?

– Больше месяца.

– Где живешь?

– В палатке.

– Не страшно?

– Бывало, особенно, когда волки забрались ночью. Через пару недель после той жестокой схватки я начал чесаться и выть на луну.

Он больше ничего не спрашивал, на прощание я решил изобразить мини-припадок.

Попутчики всегда что-то спрашивают, но больше им нравится убеждать тебя в их собственной интересной жизни. О подрастающем ребенке, о хозяйстве, о работе. Обо всем том, что входит в их зону комфорта. Тебя они туда не пустят. Там слишком мало места для чего-то нового. Никто не залезет под кожу. Никто не разделит радость или грусть. Никто не заметит, если ты исчезнешь в том самом лесу. Им плевать. Я

это знаю потому, что мне так же плевать на них и их истории. Но они лучшие из людей, самые добрые и отзывчивые. Мало кто вообще пустит оборванца к себе в машину.

Меня спрашивают:

– А ты по дому не скучаешь?

– Скучаю.

– А зачем тогда болтаешься?

– Чтоб соскучиться.

– Тебе не нужна работа, семья?

– Слишком затянутый побег. Мой более эффективный.

– Побег? От чего побег?

– От реальности.

– В смысле?

– От незначительности нашего существования.

– В смысле?

– От привязанностей и суеты.

– В смысле?

– От отсутствия смысла.

– Но это же не правильно.

– Насрать вообще. Остановите тут.

Сколько людей, столько побегов от реальности. Мой побег абсолютно ничем не лучше. Если у людей имеется в планах пунктик «завести свору детей и заработать все деньги мира», то стоит помолиться мне за них в своей одинокой палатке. А встретимся в могиле».

Назар убивал время, заполняя дневник. Иногда убивал

настоящее, перечитывая его. Старая толстая тетрадка являлась единственным продолжительным другом в дороге. Он останавливался на трассе, посреди густой чащи, пустой степи, забывал о возможных попутчиках и записывал мысли или происшествия за последнее время. Затем это все надоедало, парень возвращался к обочине и поднимал большой палец вытянутой руки вверх. Сколько придется стоять – только сам бог оставался в курсе. Но оптимистичная заповедь автостопщика гласит – ни один путешественник ещё не заночевал на дороге, кроме как в стельку пьяного. Пить не хотелось на такой жаре, поэтому Назар либо ловил попутку, либо к вечеру уже раскладывал свой переносной дом на любимившемся месте. Рядом должна быть вода, чтоб её шум успокаивал ночью. В идеале море, но из него напиться невозможно. Да и не спится там. Посмотришь вдаль и пропадешь на вечность. Потом придешь в себя на заре и не поймешь – сколько ты уже жизнью там пролетал.

Назар недавно бывал на побережье. Он добрался до морского дикого причала глубокой ночью. В его планы не входит случайное везение, но попутчик попался удобный, да и на планы в дороге привыкаешь плевать. Парень спустился вниз по горе, отмахиваясь от густых джунглей. Попрыгал по выступающим камням, и вот его ног уже коснулась морская пучина. Яркие созвездия, пение русалок, далекие огни заброшенных маяков, пиратские сказки. Назар сидел и курил одну за другой, пока пачка не кончилась. После этого встал и

отправился обратной дорогой к трассе. Он записал кое-что в темноте, перед тем как сжалилась ещё одна попутка.

«Нигде нет места нам в мире. Мне хорошо и плохо только внутри себя. Это просто мозг, его память и отношение».

Не существовало уже давно какого-то определённого маршрута. Скорее всего, просто идти вперед и ждать, когда земля вместе с тобой сделает круг и вернется на круги своя. К тому с чего начинала. Денег особо не требовалось. Люди абсолютно все частично хорошие и всегда рады помочь. Земля тоже не оставит помирать свой выведенный вид организма. Только кроссы изнашивались быстро, Назар мог делать только пешком по 20 км в день. Предпочитая дикие места, неизвестно на что ты нарвешься и по какой дороге пойдешь. Хорошо, если только кроссовки потеряешь. Однажды медведь под утро забрался в палатку и съел сгущенку, которую Назар использовал на кашу, а порой и баловал себя на ужин разведенным молоком с медом. Мишка наслаждался моментом, но стоило парню пробудиться, тот тут же смылся. Назар в тот момент ещё сам не успел испугаться, зато потом страх после неожиданной стычки его доконал. Он купил свисток, подвешивал всю еду на высокую веточку и тщательно перед сном метил свою территорию. Хотя на самом деле понимал, что бояться приходится только тогда, когда ничего не происходит. В момент происходящего уже ничего не страшно. Жаль только сгущенку.

«Мы ко всему привыкаем. Нет таких условий, где было бы

абсолютно идеально или абсолютно невыносимо. Как один знакомый мой торчок заявил : Всех одинаково штырит и загоняет. Смысл в том, кто найдет больше в жизни ширева, от которого кайфануть можно. Поправлю его – быстрее начнет кайфовать тот, кто меньше всего зависит от жизни. Я вот исполнил мечту миллионов. Побег для них является новым этапом, чистым листом. Ничего в этом нет нового, пока ты не вернешься обратно. И лист выдается тебе один на всю жизнь, только одну сторону ты перечеркал. Ему надо было бы навсегда остаться просто белым и нетронутым. Или нарисуйте там просто цветочек».

Столько провожаешь закатов, столько встречаешь рассветов. Чувствуешь в них только то, что ощущаешь сам на данный момент. Постоянная меланхолия, как труп той радости и беззаботности что были раньше. Смотришь на звезды и понимаешь, как все скоротечно . Ни тебя, ни любимых твоих когда-нибудь не станет. Лежишь в палатке и понимаешь, что тут тебя никто никогда не найдет. Сидишь у костра и скучаешь по всему, от чего вроде решил избавиться.

Густой темный лес. Многоярусный мох, накопивший дождевую влагу. Деревья то ли старые, то ли больные. Среди тьмы мерцает огонек и возле него стоит палатка. Назар лежит у костра с закрытыми глазами и повторяет про себя свою молитву. Пальцы перебирают гладкие бусинки чёток, которые парень таскает уже лет шесть с собой в походы. Нет ничего похожего в Библии или Коране, или в Торе. Он сло-

ва сам придумывает и монолог его успокаивает, как всех остальных успокаивает что-то другое.

«Я желаю спокойной ночи всем, кого люблю. Желаю спокойной ночи маме. Желаю спокойной ночи папе. Надеюсь, у них завтра будет замечательный день. Надеюсь, они купят дом на берегу озера, как и хотели. Проведут вместе ещё очень долгие – долгие дни и ночи. Желаю, чтоб они обрели покой. Чтобы не боялись ни старости, ни смерти. Желаю, чтоб они встретились на том свете и провели друг с другом ещё вечность. Желаю спокойной ночи своим младшим братьям и сестрам. Вырастите просто хорошими людьми. Просто искренне будьте счастливы и делайте счастливыми друг друга. Хочу, чтобы у вас была большая семья, большие дома на одной улице. Чтобы вы всегда могли лицезреть улыбки друг друга. Я желаю спокойной ночи всем тем, кого я обидел. Я больше всего сожалею, что не со всеми вовремя успел стать человеком. Я желаю спокойной ночи тем, с кем мне довелось встретиться на этом жизненном пути и с кем наши дороги, к сожалению, разошлись. Мы останемся связаны, ведь каждый из нас лишь то, что с ним произошло. Я благодарен тому, как вы повлияли на мою жизнь тем и иным способом. Надеюсь, я оставил вам тоже только что – то светлое и положительное. Желаю спокойной ночи прошлым моим мыслям и действиям, но и желаю спокойной ночи сразу и будущим – все они когда-нибудь уснут покойным сном вместе со мной. И в этом прелесть пути. Я желаю себе спокой-

ной ночи и обещаю не забыть то, что я понял. Дай мне сил не забыть истину и ту дорогу, к которой она меня привела. Прошу избавить меня от какой-либо слабости и компромиссов. Прошу направить меня с этим осознанием туда, где я буду существовать для других. Спокойной ночи, вселенная. Если бы не ты со своей бессмысленной вечностью, я до сих пор был заиклен на себе».

Ночи совсем в лесах не тихие, как может показаться. Здесь то ветер забавляется с листвой, то волки исполняют серенады лунному диску, то ручей набирает обороты и с совершенно новым звучанием бьется о камни. А оглянуться не успеешь, уже наступает утро и птицы горланят вовсю. С первыми лучами Назар просыпается и голышом бросается в реку. Говорят, утром ты еще не успеваешь вернуться полностью в человеческую форму. Погружаясь в холодную свежую воду, ты становишься её частью. Лежишь на спине, чувствуя свежесть и жажду жизни. Её течение уносит тебя все дальше. Надеешься, что оно хотя бы знает куда и зачем.

«Я видел много исходов, никакой из них меня не впечатлил. Думалось, у людей нет мозгов, храбрости и фантазии что-то придумать интереснее. Казалось, они все не счастливы. Теперь я знаю, что они как раз наскитались, насуетились и выбрали свой способ дожить эту не особо важную жизнь. Они тоже были когда – то не согласны. Они тоже считали себя особенными. Они тоже были переиграны судьбой. Они тоже приняли свою дхарму. Кому религия, кому деньги, кому

семья, кому развитие, кому алкоголь, кому творчество, кому путешествия. Но это даже не выбор. Это все тот же побег. От пустоты к жизни. Мы хотим жить, с каждым днем приближаясь к смерти. Вот диссонанс. Нам всем что-то необходимо делать, хотя обоснованно и очевидно, что это бессмысленно».

– Приветствую, странствующее молодое поколение! – мужичок преклонных лет излучал собой неподдельную радость.

– В Лас – Вегас, – захотелось пошутить Назару, – подберите?

– Если дорогу подскажешь!

Назар так и не понял, выкупил шутку водитель или нет.

– Ты случайно не из цыганского табора сбежал? – сохранил он добродушную улыбку. В машине пахло сеном и застиранными до благоухания чехлами. Видимо, жена этого мужика чудесная женщина.

– Ха, – Назар решил сегодня поддерживать веселую нотку, – причем здесь цыгане? Вроде не похож.

– Совсем. Но если бы ты спел что-нибудь из их репертуара, я бы с удовольствием послушал.

Приняв тот факт, что юноша не будет исполнять роль магнитолы, мужик пояснил :

– Просто ты выглядишь не как эти туристы. Я довольно часто останавливаюсь, чтоб их подвести, и скажу честно – ты совсем выглядишь по-другому. Они в своих "велосипед-

ках", тренажерных повязках, спортивном обмундировании. Всякие коврики для йоги, батончики энергетические, вода в супер – пупер полезных бутылках с этикеткой , пропагандирующей охрану природы и так далее.

Назар не выдержал и захохотал. Мужик, действительно, попался с тонкой иронией.

– А ты прямо мрачный бродяга, без всего лишнего этого хлама. Настоящий волхв. Искатель истины. Ходячая метафизическая трагедия.

Тут Назар окончательно сдался и смех двух незнакомцев перешёл в общий.

– Ну, даете! Я уже забыл, когда в последний раз смеялся.

– Очень зря. Чем ещё в жизни заниматься.

– Согласен. Просто свои шутки в голове уже надоели.

– Ты только не обижайся, я люблю цыган. Очень свободолюбивый красочный народ.

– Я не обижаюсь.

– Это правильно. Человека характеризует отношение к себе. Ты, наверное, голодный .

– Да нет..., – решил скромничать Назар.

– А вот отказываться от угощения – уже плохо. Мне же хочется сделать приятное. То есть ты тут мне делаешь одолжение. Тем более, моя старушка такие пироги печет – пальчики оближешь. Доставай давай из бардачка! Там на десятых хватит!

Назар полез за пирогами. Аппетит начал просыпаться.

– Смотри, те которые волнистые – это с картошкой. Которые овальные – с капустой жареной. А вот с узелком сверху – это с яблоком и корицей. О, – воскликнул он, – я тебя должен угостить своим копченым мясом. Посмотри, там сзади должен быть шматок в фольге. И конфеты тоже. У внуков своих украл немного.

– Вы очень запасливый.

– Люблю угощать людей. Все равно нечем особо в дороге заняться. А так хоть вам, путешественникам, не дам умереть с голоду. Пробуй пирожки. Даю слово, это лучшее, что ты пробовал в жизни. Моя женушка не может на месте сидеть, ничего не приготовив. Сует мне на один день недельные запасы продовольствия...

Назар снова посмеялся с полным ртом угощения.

– Вы же сказали это для путешественников?

– Ну да, – усмехнулся мужик, изображая неловкость, – у нас с ней общий благотворительный бизнес.

– Очень вкусно.

– Внукам тоже нравится. Они сюда приезжают на каникулы. Обьедаются, гуляют, купаются. Я их в походы по лесам вожу, байки всякие травлю. Родители то их заняты работой. Надо новоиспеченным людям детство устроить, подарить лучшее время жизни.

– Что правда, то правда.

– С яблоками попробуй, они у нас лучшие во всем крае. Я на них просто молюсь. Они и сидр чудесный приносят, и

варенье. А шарлотку какую из них пеку-хоть в ресторане подавай. Даже моя шеф-повариха с такой не справится. Внуки свидетели, что я не брешу.

– Ха-ха. Главные дегустаторы это дети.

– Конечно. Их сердечки покорить легко – главное, больше яблок, а для хрустящей корочки больше домашних яиц взболтать. А если добавить ещё вишневое или черничное варенье туда, то вообще меня утопят в океане любви.

Назар не знал, часто ли старик это рассказывает, но его глаза горели как от перевозданного чувства. Умиротворение стало очень заразительным.

– Ты прости, если много болтаю. Понимаешь сам, старость, отчужденность от цивилизации.

– Мне очень интересно.

– А ты сам-то чего скитаешься? Я-то ладно, отдалился на старости лет. А тебе на вид лет 25, должен в это время не выходить с вечеринок. Девочки там, друзья, самореализация.

Назар вспомнил недавние записи в дневнике.

«Любовь. Я как – то любил. Потом еще раз. А потом еще раз. Затем снова, но по-настоящему. А потом это случилось вновь. И потом еще пару раз. После этого я уже не мог любить».

– Не знаю, – ответил он мужику, – если честно сам без понятия. Сам поверил в обреченность, что-то пообещал себе. Вот пытаюсь не сдаваться и непонятно зачем идти к намеченному.

– Все мы так. До тех пор пока несчастные.

«Счастье – это гормоны, перемноженные на слабоумие, в свою очередь перемноженное на долю случая, разделённое на погоню за счастьем других людей и в итоге ещё раз умноженное на ноль коварной реальностью».

– У тебя что-то случилось в жизни? – поинтересовался мужик.

– Да ничего особенного. Все, как у обычного человека. Мелочи. В совокупности.

«Я не помню, что со мной было. Я просто помню, что чувствовал в начале и понимаю, что ничего не чувствую сейчас».

– Это все от постоянных мыслей. Надо меньше копать. Думать надо, но в итоге приходиться к хорошему и жизнеутверждающему.

«Жили – были атомы Адам и Ева. Стали эволюционировать и растить мозг. Рая они больше не встречали».

– Да, наверное.

Он мельком посмотрел на меня и улыбнулся.

– Хочешь секрет счастья?

– Конечно.

– В моих яблоках. Попробуй пирожок и тебе сразу станет легче.

Назар посмеялся и все-таки взял отведать десерт.

– А дальше как? Все же вернется на круги своя.

– Пирожков много, заберешь с собой. Всегда можно де-

лать счастья себе и другим своими руками, прямо как я эти яблоки. Начни с других. Тебе это сейчас нужно, поверь мне. И ты скоро найдешь то, что требуется.

Мужик говорил уверенно, без всякого сомнения.

– Почему вы так думаете?

– Потому что после тьмы наступает рассвет. После зимы – весна. После крошечного отчаяния – перерождение. Жизнь не первый год существует по этим правилам. Все настолько просто в ней, что остаётся только посмеяться в ответ накопленной грусти.

– Надо научиться верить в это.

Назар знал, что рядом сидящий мужик – верующий. Парень ждал от него заумных изречений, но тот промолчал, демонстрируя верх мудрости и окончательно располагая доверие. Смешав и переработав сотни цитат философов, в дневнике как-то Назар записал:

«Ничего другому человеку не объяснишь. Никак на истинный путь не выведешь. Нужны только свои ошибки, выбор и опыт. Остаётся только молчать».

– Хочешь, можешь переночевать с нашей семьёй в доме? Отдохнешь в бане и мягкой постели...

– Спасибо, но мне нужно дальше идти. Я ещё не готов вернуться в мир.

– Не буду соглашаться. Могу лишь тебя понять, как и все остальное в этой жизни.

Назар промолчал.

– А куда ты хоть едешь на самом деле? А то к Лас – Вега-су надо преодолевать океан. Я бы не прочь, но завтра жене пообещал по ягоды сходить, пока сезон.

– Хотелось бы на водопады. Я краем уха слышал про них.

– Да. Есть тут поблизости один, самый большой в наших краях. Правда, там через лес надо идти. Не заблудишься?

– Буду только рад, – скверно пошутил Назар, но мужик понял чёрный юмор парня и тоже посмеялся.

– Тогда твои пионерские костры в одном месте точно потухнут.

– Посмотрим.

– Если что, следуй вдоль течения реки и обязательно выйдешь к населённому пункту.

– Хорошо.

– И конфеты с собой возьми. Они тебе нужнее.

– Спасибо.

Вскоре машина остановилась возле тонкой тропы, уходящей вглубь леса. Назар выпихнул свой рюкзак и вскоре вышел сам. Мужик вышел проститься.

– Прямо по тропе пойдешь километров 6-7. Дальше на шум воды. В случае чего, где – то в том районе расположен дом лесника. Правда, там никто вроде не живет. Но все-таки...

– Я уже не боюсь спать в палатке.

– Да ты вообще с железными яйцами, – он протянул руку на прощание, – помолюсь за тебя сегодня, парень. Помни,

если ты не нужен себе, то это не значит, что не нужен кому-то другому.

Назар пожал руку, но не сказал в ответ ни слова. Мужик тоже больше ничего не изрек. Просто сел за руль и дал газу, оставляя странника наедине с лесом и с набитыми руками домашней еды.

Назар перепрыгнул колею. Кусты мешали пробиться сквозь густую стену листвы и продолжить путь. Парню пришлось нагнуться и собраться коленями травяную росу. Дальше ноги сами несли по тропе. Голова была забита чем угодно, только не предстоящим маршрутом. Повстречавшийся мужик не хотел покидать мысли.

«Никто ничего правильно не делает. Никто не сумел выбрать верный путь. Никто не хороший и не плохой. Просто человек есть, а потом его нет. И всё».

Странник шёл, уклоняясь от веток. Петлял меж валунов, поросших мхом. Над головой кружили вороны, за ними облака заслоняли собой солнце. Мужик за рулём отличался от прежних попутчиков. Иногда встречаются люди на дороге, которые западают глубоко в душу.

«Добро-сильная вещь. Не потому что оно побеждает во всех сказках. А потому, что оно единственное остаётся выжившим на поле боя страстей. За розовыми очками следует эгоцентризм. За эгоцентризмом саморазвитие. За саморазвитием – саморазрушение. А вот после саморазрушения, когда от тебя уже ничего не остаётся, да и выбрать уже не

хочется, является добро. Ты даешь ему слово – всегда, не смотря на ситуацию, ни на какую выгоду, выбирать сторону жертвы. Лучше ты, чем другие. Хорошие люди не счастливые, они истлевшие во всем остальном».

Не замечать утомляющую продолжительность дороги Назару помогал дневник. Тетрадка всегда находилась в руках. Упакованная еда занимала большее пространство в рюкзаке. Иногда Назар уставал идти и ложился плашмя на зелёную перину. Голова кружилась от чистого воздуха. Здесь вполне могла не ступить нога человека. Только природа и одинокий путник. Как это прекрасно. Должно быть...

«Свобода не нужна человеку. Лишь только на время – осознать, что ему нужно совсем другое. Люди рвутся в дорогу, чтобы угнаться за жизнью. Когда её догоняешь, понимаешь насколько ты для неё печальный и не нужный. Так и выходит. Дома все мысли только о дороге. А в дороге – только о доме. Как же я запутался во всем».

Шум воды перебивает птиц. Воздух становится влажнее и прохладнее. Накрывает внутренняя легкость по мере удаления от непроглядной глуши. Молодой парень начинает аккуратно спускаться к низине водопада. Укомплектованная палатка со спальником бьют по затылку при каждом следующем прыжке на камень. Здесь нет дальше тропы. Назару в один момент стало без разницы. Даже если она совсем исчезнет, он не будет переживать. Вода с метров 15-20-ти мощным потоком сбрасывалась с обрыва и сокрушающей волной

ударялась о камни. Сброс визуально был разделён небольшим каменным выступом на две части. Одна полоса пенистой воды начиналась чуть выше, другая за выступом чуть ниже. Каменный водораздел с повисшим в воздухе старым деревом смотрелся очень гармонично на фоне двух половин водопада, соединяющихся вскоре в один массивный поток. Разбиваясь о камни, вода переходила в бурлящую быструю реку. Она неслась через пороги и крутые повороты дальше вдоль леса. Назар встал у подножия реки. Где – то в полсотни метров уже начинался подъём на верхушку водопада. Из-за сильной влаги лучше остаться было в стороне. Река вела прямо к древним скалам, которые отсюда выглядели неразлучной семьёй. Скалы обманчивы на вид. Их истинные высоты не определимы взглядом с расстояния, так же как и неприступны подножия. Дикие звери и непроходимые дебри охраняют эти края. Они не хотят, чтобы их трогали. Они горды и одиноки, поэтому так притягательны и прекрасны. Назар мог смотреть на них вечно и ощущать внутреннее насыщение. Уже не так страшно, не так бесполезно. Камни гор мертвы, но выглядят живее всех живых. А ягоды оказались самые вкусные, что доводилось пробовать. Ради них можно жить.

«Главное – вовремя найти причины жить дальше. Это очень просто сделать. Их на самом деле много. Главное, вовремя успеть...».

Назар прошелся по округе, собирал грибы. Оказалось, подберезовиков и маслят вполне хватит, чтобы прокормить-

ся. Сложив в кучку лесное богатство, он прошелся ещё раз по округе и набрал сухих веток. Те мигом вспыхнули и превратились в полноценный костер, стоило поднести одну зажженную спичку. Топор даром был не нужен в этих землях. Многочисленные запасы еды тоже. Странник поставил на пламя котелок с водой и приготовил остатки гречки. С грибами в самый раз пойдет. Тем более, где – то оставались остатки зелени, которые парень стащил с заброшенного огорода. Пока вода кипятилась, Назар насобирал душистых трав и до кучи добавил еловых иголок в маленький чайник.

– Побалую себя сегодня, – решительно заявил сам себе дикарь, – мёд этому чаю только придаст вкуса. Будет лучший напиток на свете.

Так и сделал. Пока ароматизаторы леса соединяли свои соки в единый напиток, Назар отчерпнул в чайник пару ложечек липового мёда. Кухонная готовка была в самом разгаре, страннику оставалось лишь следить за кипячением и наслаждаться процессом. Он закрыл глаза и повторял про себя:

«Я беру плоды у леса. Ничего вкуснее в моей жизни не было. Никогда не испытывал подобной благодарности за пищу. Я пуст. Мне ничего не нужно. Если вселенной надо, она меня накормит. Я ни за что не держусь. Я сделал выбор и меня ничего не отвлечет, не переманит и не переубедит. Я – это совсем не я. Я – это блуждающая речная вода леса. От меня самого ничего не осталось. Я – таинственный туман над той рекой вечерними часами. Меня никогда и не было как тако-

вого. Я – это тишина в горах. Мне себя не зачем выдумывать. Я – легкий ветер в поле цветов посреди леса. Я – всё и я ничего. Я – лёгкое колебание травы, Я – тяжелый шаг медведя. Я – невообразимо много и до смешного мало. Я – мгновенная жизнь бабочки. Я – многовековая мудрость дуба. Не может быть никаких проблем и волнений. Лишь понимающая, раскрепощенная улыбка. Не надо себя обманывать. Я – облако на небе, переходящее из одного состояния в другое. Я – облако, которое нельзя потрогать. Оно никуда никогда не исчезнет. Оно будет жить в дожде. Оно будет жить в воздухе. В любой стране, на любой планеты, в любом уголке галактики. Где угодно. И ему плевать. Ему давно хорошо».

Назар конспектирует строки в дневник. Чтобы потом прибегнуть к ним в момент, когда станет невыносимо тяжело. А тяжело непременно станет. Сколько не убеждай себя в обратном. Мозг просто работает, а с его химией каждый справляется сам как умеет. Парню это, как никому другому, хорошо известно. Но он продолжает сидеть, не двигаясь. Языки пламени гипнотизируют сознание.

«Медитируй. Бухай. Торчи. Тренируйся в зале. Убивай людей. Трахайся. Или просто освободи наконец эту свою энергию».

Темнело. Назар на автомате подобрал пологое место и разложил палатку. Несколько раз его воображению чудилось, что за ним кто-то наблюдает. Иногда казалось настолько отчетливо, что парень резко подсказывал и пристальным взгля-

дом пробежал вдоль и поперек стоянки. Никого не было. Конечно, стоит списать это на наступление ночи. Она всегда с собой приносит либо страх, либо грусть, либо угнетение. Что-то обязательно будет преобладать, поэтому сейчас страху не оставалось места.

«Жизнь прекрасна, повторяю я. Я верю в это как никогда. Все исправимо, все не так печально, все не так значительно. Я люблю жизнь. Мое тело любит жизнь. Мое сердце, глаза, уши – всё. Но вся маниакальность проходит и наступает депрессивная стадия. Ты не управляешь своей развитой, метафизической bipolarкой».

Назар сидел возле костра и даже не моргал. Вода в кастрюле давно уже превратилась в пар. От чая остались одни разваренные помои. Парень ничего не замечал вокруг себя. Его ничего не волновало, он ни к чему не хотел быть причастен. Мир слишком стал переполненным серостью и безысходностью.

«Слабая творческая натура. Травмы детства. Неразделенная любовь. Призраки прошлого. Потеря близких. Непрерывное переосмысление вездесущего и вечные поиски смысла. Все это полная чушь. С этим всем можно справиться. На самом деле ты просто висишь над пропастью и лёгким движением в любой миг можешь оказаться опрокинутым вниз головой. Человека убивает ничтожная мелочь в партнерстве с хитрой случайностью. Что там на этот раз? Настроения нет? Ноги стер? Небо пасмурное? Чай пропал? Как же всё

до боли смешно. Тебя всё готово столкнуть в ту пропасть, которую ты сам до этого и вырыл».

Первые звезды зажглись на небе. Назар смотрел на них очень долго. Но они не спасали. Никак не хотели забрать к себе. Вроде бы такие далекие, но настолько родные. Где -то в горных перевалах таился солнечный блеклый свет, но его совсем оставалось немного от уходящего дня. Воздух наполнялся вечерней перевозданной свежестью. Как и вчера. Как и год назад. Как и миллионы лет назад. Лес вокруг возвышался стеной. Отдельно от Назара. Луна выглядывала на противоположной стороне от заката. Тоже отдельно от Назара. Весь мир будто существовал отдельно. Ничего общего. Кроме общей печали, которую человеку довелось чувствовать за всех. Куда от неё деться. Как убить в себе эти чувства.

Назар встал на ноги. Пламя в него недовольно выбросило оранжевые искры. Парень бродил взад-вперед. Влево – вправо. Мысли уже потеряли свою весомость и значимость, они ему осточертели. Ничего больше невозможно было воспринимать всерьез.

Сам того не заметив, путник оказался на вершине водопада. Его сомнамбулические шаги привели напрямик к обрыву. Не слышно шума листьев, щебета птиц, лишь только мощный поток смертоносной стихии. Парень стоял в метре от пропасти и глядел замороженно вниз. Вода себя ни капли не жалела и приносила жертву выпирающим валунам. Но она не умирала, а продолжала свой ход. Назар подходил бли-

же, понимая, что страха нет. Лишь озорное внутреннее любопытство, точно перед каким-то ярким неизведанным событием, которое вот-вот должно случиться. А может всё наконец закончится. Никто, а тем более Назар, об этом уже не будет в курсе. Все на самом деле глупая случайность. Забавная шутка. Болезненное помешательство. Сбой химического процесса в мозге. Переходящая стадия из одной формы в другую.

«Что бы я сказал напоследок миру? Наверное, долгое – АХАХАХАХА!».

Назар был все ближе и ближе к падению, как тут неожиданно его внимание привлекла падающая от лунного света тень. Она явилась из ниоткуда и отразилась чёрным столбом в пучине реки. Парень мигом бросил взгляд в сторону и увидел по левую сторону водопада, прямо за каменным водоразделом, человеческую фигуру. Она стояла, по всей видимости, спиной к пропасти, расставив руки подобно самолёту. Назар не успел ничего толком понять, как силуэт ступил вперед и в свободном безмятежном падении полетел вместе с водопадом вниз. Назар, обо всем забыв, рефлексивно бросился обратным путём к речной низине. Он мчал быстрее ветра, не замечая острых камней и глубоких расщелин. Что только не творилось в его голове в тот момент. Вопросы: Откуда взялся этот человек? Как он нашел это место? Как Назар его не заметил до этого? Почему он решил покончить жизнь самоубийством именно здесь? Страх как такового не бы-

ло. Адреналин вытеснил все ненужные эмоции. Парень летел пулей вниз, понимая, что обязательно должен спасти потерпевшего.

Добежав до палатки, Назар вновь обратил свой взор к реке, дабы найти тело. Поначалу было совсем глухо, но стоило глаза отвести дальше по течению, так тут же странник разглядел плывущую массу, похожую на чёрный мешок. Все бы ничего, но течение набирало обороты и уносило самоубийцу прямо к порогу, где среди камней и пены он однозначно бы повстречал свою смерть. Назар как ужаленный бросился дальше, надеясь перегнать стихию и успеть вовремя. Со всех ног бежал парень, но и того было бы недостаточно, если бы течение реки не петляло и не бросало тело из стороны в сторону.

Удача улыбнулась, и Назар оказался возле крутого порога раньше утопленника. Парень начал думать, как ему зацепить человека и самому не угодить в водоворот. Ничего лучше не пришло в голову, как по каменным выступам добраться до середины реки и уже там постараться выудить черное тело. Так и поступил. Скользя и спотыкаясь, парень добрался до примерной линии движения его цели и уже был готов провести спасательную операцию. В какой-то момент тело изменило курс и обошло валун, на котором держался Назар. Спасателю пришлось мигом сориентироваться и метнуться уже с вытянутыми готовыми руками на 180 градусов. Самоубийца приближался, а парень молил про себя, чтобы того

не откинуло ещё дальше. Но нет, тело угодило прямо в правую руку Назара. Левой он прытко схватился за воротник и резко потянул незнакомца на себя. Нога начала соскальзывать. Повезло, что в темноте позади возни оказался ещё один выступ, который послужил опорой и сохранил баланс. Под действием аффекта Назару удалось вытащить мужчину, не обращая внимания на массу тяжести. Как только тело оказалось вне досягаемости бурного течения, спасатель взялся за второй этап эвакуации. Высматривая неглубокое и покрытое камнями дно, Назар начал в быстром темпе вместе с человеком перебираться по камням к берегу. Парень находил ногой устойчивую позицию, а мужика прислонял спиной к соседнему валуну. Таким образом, с ноющей болью в руках и окровавленными коленями, Назар оказался вместе с самоубийцей на берегу. Сердце вырывалось из груди. Первая мысль, пришедшая в голову: «Это ведь мог быть я! А может, мне это все кажется! А может, это я себя со стороны увидел!». Понимая, что не время сходить с ума, парень поспешил вернуть здравомыслие и кинулся к человеку, который вполне вероятно уже мог быть трупом.

Худощавое лицо с мокрой бородой и длинными волосами, завязанными в пучок, не подавало никаких признаков жизни. Назар повернул его лицом к себе, вспоминая параллельно действия при оказании первой помощи. В итоге спасатель машинально начал мужчину тормозить и бить по щекам, крича дрожащим голосом:

– Ну, давай же! Не умирай! Хватит! Давай!

Когда парень скрестил руки в замок на грудной клетке и уже собирался надавить, утопленник пришёл в себя. Его глаза широко открылись, а рот непрерывно стал глотать воздух, одновременно давясь проглоченной водой. Назар отошел в сторону и внимательно смотрел на незнакомца, пока тот находился в полном непонимании происходящего. Затем мужчина, оттолкнувшись локтем от земли, перебрался в сидячее положение и взглянул на Назара. В его глазах не было испуга или растерянности. Они смотрели, на удивление, весело и непринужденно, что заставило Назара насторожиться. Мало того что самоубийца, ещё и псих.

– Вот это да! – выдал незнакомец воодушевленным голосом. – Ну и полёт!

Назар не понимал, что происходит с этим человеком. Другой на его месте бился в истерике, а этот ведёт себя будто бы на аттракционах только что покатался.

– А мог и ласты склеить, – добавил он со смешком, – и больше уже без ласт не поплавать!

Точно психопат. Может, это психическая травма, думал про себя Назар. Бедняга никак не идёт прийти в себя. Хотя лицо виртуоза выражало полнейшее спокойствие. Тут парень и решил поинтересоваться:

– С вами все нормально?

– Вполне. Правда, мог простудиться, пока летел по такому холодному воздуху.

Назар чуть язык не проглотил.

– Да ты сам же в воду залазил, – добавил мужик, – в курсе ведь, что не гейзерные ванны.

Шутник встал на ноги, его немного штормило, но держался он стойко.

– Фух, – подвел он черту произошедшему событию, – да уж. Меня кстати Николаем звать...

Он протянул руку, ожидая скорейшего знакомства.

– Меня Назар, – еле смог выдавить парень, пребывая до сих пор в недоумении от поведения незнакомца.

– Красивое, очень редкое имя, Назар. Очень приятно.

– И мне, – голос сохранял всю ту же манеру.

Наступила небольшая пауза, которую поспешил прервать своей непосредственностью Николай:

– Слушай. У тебя поблизости подсохнуть негде? А то, как видишь, не всегда удается выйти сухим из воды.

– Ну... У меня там неподалёку лагерь... Палатка, костер...

– Подойдет.

Он двинул в указанную сторону. Назару лишь оставалось следовать за ним.

– Но... вы же могли умереть?

– Мог. Этого сегодня не случилось.

Назара не покидал шок.

– А...а зачем вы это...

– Да я акробатом подрабатываю в цирке, вот сальто репе-

тировал. Никогда не получается.

После этого он громко захохотал. Его смех оказался очень пронзительным и звонким. Видимо, мужчина вкладывал в него всю душу.

Добираясь до палатки, Николай ни на что не обращал внимания. Он сразу прильнул к костру.

– Отлично, ещё не потух. Сейчас могли остаться без огня с этим купанием... Давай дровишек немного подкинем.

Назар выбрал по – больше дрова и кинул их в костер. Гость аккуратно их разложил так, чтоб каждое горело равномерно. Затем просто уселся у пламени. Разглядывая оранжевые хлопья, мужчина ни на что больше не отвлекался. Назар же не находил себе места.

– Может, вы...

– Давай на «ты». Ведь ты же меня всё-таки спас.

Ещё, поразительно, помнит.

– Если вы, то есть ты... хотите поесть, то...

– Нет, спасибо. Я не ем вечером.

Парень замолчал, не зная, что и делать.

– Ты давно здесь?

– Именно сюда добрался сегодня.

– А вообще?

– Путешествую около двух месяцев.

– Интересно. Я тоже подобное люблю. Туризм-это буддизм.

Снова наступила тишина, которая совсем не угнетала Ни-

колая. Костер слабо отсвечивал, но даже при таком мерцании можно было разглядеть ярко – голубые глаза бородача, сверкающие из черных окружающих синяков. Мужчина был явно лет на 15-20 старше юноши, никакие заросли не могли скрыть морщины.

– А ты? – переспросил его Назар.

– Я можно сказать вечный буддист, как и все. Путешествую по жизни.

– Неординарно получается.

– Сочту за комплимент.

Николай не отводил глаз от костра и наслаждался теплом. Назара тоже перестало стеснять молчание. Тревога перешла в спокойствие. Спустя несколько минут бородач заявил:

– Я, наверное, спать буду. лягу прямо возле костра, если ты не против.

– Но...

– Не волнуйся. Я предпочту уединиться с природой, чем тесниться в палатке.

– А...

– Обещаю больше не прыгать с утёса. Дам тебе отдохнуть.

Шутку он выдал снова своим ироничным голосом. Даже Назар не удержался от ухмылки.

– Тогда я тоже пойду.

– Да. До завтра.

– Спокойной ночи.

– Спокойной.

Николай докинул дров, снял верхнюю одежду, которая успела немного подсохнуть, и подсунул её в качестве подушки себе под голову. Положение возле костра его целиком устраивало, на лице не было и намека о возможном неудобстве. Назар оставил гостя и удалился в палатку. Он решил заснуть без спальника в знак солидарности перед Николаем. Кто этот человек и откуда он взялся, парень понятия не имел. Мужик был чересчур странный, но почему – то Назару и в голову не пришло переживать за предстоящую ночь. Человек внушал спокойствие, и странник начинал быть даже рад встречи с ним. На миг возникло согревающее изнутри ощущение, будто вернулся домой. Захотелось жить.

Глава 2. Огоньки большого города

Солнце беспощадно палило. Как обычно вблизи гор и бывает – ночью надеваешь всю одежду на себя, утром снимаешь. Но Назар не помнил, чтобы просыпался от холода. Ночь, на удивление, оказалась теплая. Или просто чудной новый знакомый сжёг все дрова в округе. Парень протер глаза и спустил немного молнию, позволив свежему воздуху проникнуть внутрь палатки. Снаружи помимо пения птиц никого слышно не было. Может, ушёл. Исчез так же внезапно, как и появился. Или снова свои пируэты со скалы выполняет. Назар схватил одной рукой зубную щетку с пастой и вялыми ногами выбросился в проход.

Яркие лучи слепили глаза, потом кое-как привыкли. Николай валялся все на том же месте. Он безмятежно наслаждался покоем, закинув ногу на ногу. Разноцветная гусеница бегала по его ладони. Лицо чудика излучало спокойствие и полную гармонию.

– Доброе утро, – поздоровался Назар.

– Доброе, – даже не поднял глаза Николай, продолжая сосредоточенно улыбаться насекомому. – Как спалось?

– Как обычно. А тебе?

– Тоже как обычно. Правда, стрекозы утром поднадоели. Прямо вот на лице им хотелось совершить свою стоянку! Может они мою бороду со мхом перепутали?! Ха!

– Вполне возможно, – уголок рта в усмешке поплыл вверх.

– И ещё муравьи. Дав им фору ещё в пару часов, они бы на мне свой муравейник бы воздвигли.

– Ничего себе. И не кусали?

– Нет. Скорее всего, тоже приняли за часть леса.

– Это прекрасно, – пробубнил Назар, выплевывая пену зубной пасты .

– Можешь, кстати, позавтракать. Я тут рыбу приготовил по выдуманному рецепту.

Назар удивлено глянул в костер, где, действительно, на углях что-то томилось в фольге.

– Я понимаю, что тебе теперь не из чего смастерить шапочку от инопланетян, но все же я позаимствовал её у тебя. Думаю, получилось ничего.

– Кажется, все инопланетяне уже здесь , – про себя посмеялся Назар и задал главный вопрос: – а как рыбу удалось поймать?

– Оглушал её прыжками с высоты.

– У меня тут еще хлебцы где – то завалились с мёдом, – начал рыться в рюкзаке парень.

– Хорошая идея, устроим настоящий праздничный завтрак в честь знакомства!

Сейчас он напоминал осла из «Шрека», ещё чуть – чуть и предложит испечь вафельки.

Назар достал остатки еды, дабы отблагодарить человека за его старания. Хотел взять в руки чайник, но Николай оста-

новил:

– Я уже заварил.

Парень снял крышку и вдохнул пар. Запах потрясающий. Травы ему не были знакомы.

– Люблю экспериментировать, поэтому рыбу нафаршировал грибами и всякими найденными зелеными специями.

– Это форель? – отпала челюсть.

– Да. Она самая. Речная, молодая, насыщенная. Давай свою сервизную тарелки, или чего у тебя там...

Назар мигом протянул миску, и ему туда упала половина приготовленного блюда. Рыба вышла сочная, пропитанная ароматом трав и соком грибов, каких именно – парню так и не удалось определить.

– Пальчики оближешь, – похвалил Назар талант Николая.

– Можно и без этого. Но спасибо!

Бородач сам наслаждался едой по полной программе. Видимо, он любил вкусно поесть, как и все остальное. Назару в тот момент самому стало без каких-либо на то причин на душе хорошо. Солнце грело, но воздух оставался свежим. Пахло едой и лесной растительностью. Лёгкие трепетали от счастья.

– А это что? – ткнул пальцем Назар.

Николай посмотрел вбок.

– А. Это молодые еловые шишки. Вместе с чайной заваркой собирал.

– Для чего?

– Как для чего? Для варенья конечно. Знаешь, какое вкусное получается? Вот тут уж точно «пальчики оближешь». Закатаю, порадую одного человечка.

Назар вернул глаза в тарелку и не задавал на эту тему больше вопросов.

– Олеся любит варенье, – добавил мечтательно Николай.

Назар представил себе его жену. Боевая, болтливая, веселая, со светлыми волосами и с такими же огромными умными глазами.

– Вообще из ягод тоже выходит неплохо. Я вот из черники больше всего люблю. А что до мёда лесного... Ммм... Кстати, где там твой десерт?!

Назар засуетился и подал товарищу банку и хлебцы.

– Ещё бы чай не из ладошек попить...

– Можешь мою кружку взять. Я все равно пока уплетаю рыбу.

– Большое спасибо.

Николай налил себе чай и налетел на сладкое.

Оставив от рыбы одни косточки, Назар присоединился к второй части завтрака. Оба бродяги оказались голодными, поэтому не заметили, как разом уничтожили запасы.

– Вот это да, ну я и объелся! – похлопал по плоскому животу себя Николай.

– Не знал даже, что так в лесу можно объесться! Да к тому же, еще так вкусно!

Тут бородач еще немного повалился в тишине, затем резко приподнялся и с озорными глазами накинулся на Назара:

– И что дальше?

Парень ещё не привык к его резким переменам в действиях, поэтому растерялся.

– В смысле?

– Что дальше будешь делать?

– А что-то должен?

– Нет. Но хорошо бы.

Назар озадаченно глядел на мужика. Тот сохранял ехидную гримасу.

– Я не понимаю...

– Не бойся.

– Чего?

– Что ты окажешься один в незнакомом городе, и там все начнется заново.

– А... Почему я должен оказаться в незнакомом городе?

– Потому что ты меня попросишь взять тебя с собой, а я соглашусь.

– Хах, – не выдержал Назар такой наглости, – но я ничего не просил!

– Пока еще нет, – расплылся Николай в улыбке, поддерживая уверенность, – но попросишь.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел все события будущего. И не было ни одного варианта, где бы ты со мной не отправился дальше.

Назар оторопел вконец.

– Ты меня попросишь тебя взять с собой в мой город, а я соглашусь. Потому что ты спас меня, а я теперь должен спасти тебя.

– От чего? Зачем?

– От прошлой жизни. Ради новой жизни.

– У меня прекрасная жизнь.

– А что же ты тогда делал там наверху вчера?

Назар не понимал – этот парень действительно головой поехал или строит из себя Сверхразум. Но что-то он явно знал.

– С чего ты взял, что мне это нужно? – задал он вопрос в лоб.

Николай долгим пронзительным взглядом всматривался в глаза Назара. Он нёс в себе энергию, в которой напускная забава являлась лишь внешней оболочкой. Там было что-то ещё. Что-то сильное, заразительное, наполненное до краев жизнью.

– Тебе не нужно. Но может, нужно другим.

Именно эти слова выбили Назара из скептической колеи. Не от первого человека ему довелось слышать подобное за последнее время.

– Тем более, – вернул расслабленную ухмылку Николай, – у тебя больше еды нет.

Назар издал смешок, а потом бесконтрольно погрузился в себя. Николай это понял и поспешил оставить его в покое,

– Надо искупаться. Вода потрясающая сегодня.

Он нырнул и до трети реки, где ещё течение оставалось не слишком мощным, проплыл под водой.

– Фух! Вот это да! Давай тоже ныряй! Хватит думать, лишние мысли ещё никому пользы не приносили!

Назар улыбнулся, мигом встал и сиганул в речку. Холодом обдало все тело. Парень опустил голову и увидел, как лучи солнца пронзают воду до самого дна. С таким освещением камни и тину вполне было возможно рассмотреть в деталях.

– Ещё вчера, – начал бородач, – эти два тела боролись здесь со смертью, а уже сегодня на этом же месте наслаждаются жизнью.

– Не напоминай!

Николай рассмеялся, прямо как днём ранее :громко, от души, на весь лес.

– Как я там вчера то?! – он забрался на один из валунов, пародируя вчерашнее падение. – Помогите! Спасите! Я хочу летать!

После этих слов свалился плашмя в воду.

– Искусственное дыхание, скорее! Позовите пышногрудую спасательницу! О, сэр, это вы?! Ладно, сам в себя приду!

Назар наблюдал, как развлекает себя подобно ребенку Николай. Вскоре сам не удерживался и захохотал.

– В следующий раз летайте только нашей авиакомпанией. Рейсы комфортнее, более обширный обзор полёта и плавное

приземление прямо меж двух смертоносных камней! Спасибо за внимание!

Надурачившись вдоволь, он поплыл к берегу. Назар последовал за ним.

– Время принять солнечные ванны и пожевать траву!

Николай вернулся в прежнюю свободолобивую позу и начал нежиться на солнце. С наступлением тишины новый поток размышлений атаковал Назара. Редко бывают настолько трудные минуты выбора. Кто это человек – он не знал. Здоровый ли головой – тоже не знал. Какие у него планы – тем более. Мужик обладал даром, заряжающим неким пробуждением. Назар оставался на распутье. Но он ничего не имел, ничего не мог потерять. Судьба порой сама решает с кем и чем надо столкнуться в жизни, остаётся лишь пойти ей навстречу. Иногда это самый что ни есть правильный вариант. И снова в голове строчки из дневника:

«Какая разница что будет? Именно с этого вопроса мы выбираем жизнь и окончательно отказываемся сдаваться».

– Ну что ж, – будто все это время подслушивал чужие мысли Николай, – мне пора.

Он поднялся на ноги, демонстративно отряхнулся и с веселой улыбкой заявил:

– Приятно было познакомиться. Счастливо, как говорится, оставаться.

После этого с лёгкостью развернулся и нагло пошел в сторону тропинки. Назар глядел в спину подлеца, поражаясь его

самонадеянности и непосредственности. Мужчина стремительно удалялся. Парень понимал, что даже если бы Николай один добрался до города, то Назар все равно бы его отыскал и так же крикнул ему:

– Николай.

Тот остановился и медленно развернулся. Назар поднялся на ноги и с широкой улыбкой без какой-либо внутренней неловкости спросил:

– Можно я с тобой отправлюсь в город?

– Хм, – продолжил он снова свою излюбленную театральную часть, – а зачем? Тебе ведь это не нужно...

– Но... может, нужно другим.

Николай издал добродушный смех.

– Конечно. Будущее ведь не изменить, как я и сказал. Погнали.

– А как доберемся?

– Ты же мастер автостопа.

Назар ухмыльнулся, почесав мокрый затылок.

– Тогда я быстро соберу палатку и в дорогу.

– Жду. Я пока в тишине попрощаюсь с лесом.

...

Через пару часов со всеми пожитками и со своим новым приятелем Назар стоял на шоссе с вытянутой рукой, надеясь остановить какого-нибудь водителя. Всю дорогу Николай оживлённым голосом делился своими знаниями в ботанике. Оказалось, он практически у каждого растения знал назва-

ние. Его было не заткнуть. Лишь у трассы он решил не мешать делать парню свою любимую работу, присел на обочину и принялся грызть травинку.

– Сколько до города? – поинтересовался Назар.

– Часа 4-5.

– Вряд ли за один присест доедем.

– Посмотрим, как выйдет.

Дорога пустовала – что в одну сторону, что в другую. Назару не пришлось даже напрягать особо руку. Парень изначально шёл непонятно куда и зачем, смысла спешить не было.

– Знаешь какое у меня самое любимое растение? – после большой паузы спросил Николай.

– Может быть... Южный баобаб?

– Совсем нет. Стланик. Потомок кедровых. Растёт на крайнем севере.

– Почему именно стланик?

– На всем севере он единственный среди мерзлоты и сурости постоянно помнит о тепле. Сохраняет для него вечно зелёный наряд, ждет весны и рядом с огнём раскрывается во всей красе.

– Значит, он так хорош из-за своей борьбы?

– За глупую наивную надежду несмотря ни на что.

Тут тишину нарушил шум приближающейся машины. Старый пикап тархтел на всю округу, огибая лесные повороты.

– Думаю, нам сейчас повезет, – заявил Николай и поднялся на ноги.

– Надеюсь.

Машина проехала чуть дальше положенного, но все же остановилась. Старенький водитель заметил с опозданием двух путешественников. Он затормозил в трёх метрах, вышел из машины и сложил руки на кабине, щурясь солнечным лучам :

– Вам куда, сынки?

– В город, отец.

– Моей женушки впервые за 20 лет приспичило посадить на огороде у себя болгарский перец! И кто как не я должен тащиться за семенами в такую даль?!

– Конечно, любимый муж.

– Хах! Так что вам сегодня очень повезло. Запрыгивайте, подброшу.

– Будем очень признательны. Дорога совсем опустела.

– Сейчас приближается лето, скоро может что-то и изменится. Хотя тут глушь полнейшая.

Сзади поместился только Назар с вещами, Николаю пришлось сесть на переднее кресло, что очень было кстати, потому что два болтуна моментально нашли друг друга.

– Как тебе там, удобно? – спросил молодого старик. – Дорога то не близкая.

– Всё отлично.

– А я сам – то выехал на рассвете...

– То есть еще дальше живете? – с интересом спросил Николай.

– О, милый, даже не представляешь насколько. Во всей заброшенной деревне четыре дома жилых осталось. Зато красотища какая...

После этого старик начал ему рассказывать о достопримечательностях родного края, потом они перешли к огороду. Назар их какое-то время слушал, но потом солнце и шум мотора его разморили, и он уснул. Просыпался иногда, когда тема уже заходила про рыбалку, про охоту, про студенческие годы. В последний раз перед тем, как Назара бросило в сон, Николай делал корректировку в лечении гипертонии той самой женушки мужика. Рекомендовал препараты и давал советы в профилактике. Казалось, не нашлось бы темы, в которой он не вставил бы свои пять копеек. Самое любопытное, ему это самому было интересно. Он с удовольствием поддерживал разговор, если человек напротив был в том заинтересован. Болгарским перцем, рыбалкой, чужими болячками – он жил всем. Назар задавался одним вопросом: как такой человек мог решить покончить жизнь самоубийством? Неужели есть то, что он скрывает. Обратная сторона, которая его и делает от безысходности добрым. Хотя, если бы так не было, разве он пошел бы за ним? Парень смотрел сонными глазами то на своего товарища, то на попутчика и понимал, что старику хватит полученного позитива на всю оставшуюся дорогу, да ещё и жене достанется. Двое незна-

комцев болтали как давние друзья. Спорили, смеялись, просвещались, а машина уносила компанию все дальше от лесной чащи.

...

Назара разбудили капли дождя, бьющие по стеклам. Машина уже въезжала в город. Лесополоса закончилась, начали появляться дачные дома и вскоре первые пятиэтажки.

– Дождик что-то у городских, – подчеркнул водила, – надо было у нас оставаться отдыхать. Там солнечный курорт.

– Так работа же, – заявил Николай. – Нужно снова заслужить подобный отдых.

Назар не знал о какой работе идет речь, но если она такая же странная как и отдых, то парень в бородаче не ошибся.

– Где вас выбросить то, ребятки?

– Где-нибудь в центре, у мостов.

– Договорились.

Старик хлопал активно глазами. Языком он наболтался и, видимо, сознанием тянулся к обеденному сну.

Окраина сменялась хостелами, торговыми центрами, плотными рядами машин. Люди, несмотря на дождь, носились со своими делами. Конечно, город являлся незнакомым, но все оставалось похожим, как и в остальных. То, от чего бежишь в голове, бежит за тобой. Потерянность, одиночество, безразличие, пустота – всё это спряталось в лицах прохожих и в стенах серых домов.

– Что – то знакомое увидел? – повернулся Николай.

– До боли, – продолжал смотреть Назар в водянистое окно.

– Ничего страшного, скоро домой приедем.

– У меня нет дома.

– Появится.

Проспекты вели прямо к реке, вдоль которой проходила обширная набережная.

– Ну, мужики, я вас тогда где – то здесь высажу..., – старик держался уверенно в городском сумбуре. Правда, не отказывал себе в возможности обругать какого-нибудь гонщика.

– Да, где-нибудь.

Странники затормозили возле моста, водитель оказался до мелочей пунктуальным.

– Вот, пришло время проститься. – Расплылся он в улыбке, поправляя свои квадратные очки. – У вас одна дорога, у меня за перчиками.

– Очень было приятно побеседовать на разные темы. По – больше бы на дороге таких приятных людей, – Николай двумя руками благодарно обхватил руку мужика и оставил в ней тысячу рублей.

– Ой, да не надо... Заберите!

– Пожалуйста! Ради меня! Купите ещё фарш и, когда созреют ваши перцы, зафаршируйте их. Это мое любимое блюдо.

– Тогда хорошо! – посмеялся старик.

– Вы нас спасли! – попрощался с ним Назар.

– Да что уж там.

После этих слов старик дал газу и двинул в своём направлении.

– Куда теперь?

Дождь моросил, но уже не так сильно.

– Слышал что-нибудь о Карлсоне, который живёт на крыше? – на полном серьёзе задал вопрос Николай и, не дожидаясь ответа, двинул вглубь города.

Назар не стал переспрашивать, он уже начал привыкать к странному поведению нового друга. Парень бросил взгляд на реку, волны которой бились пирс. Потом устремил взор в ту сторону, где остался лес. И, наконец, вернулся глазами к уходящему незнакомцу, с которым неизвестно почему и каким образом повязал свои судьбы.

– Не жалеешь что покинул дивные просторы лесной чащи? – издевался Николай, видя реакцию Назара на пробки громких машин и толпы суетливых людей.

– Не знаю пока.

– Город поглотит, сам не заметишь. Он убийца мечтаний, надежд, планов. Он усыпляет, делая своей шестерёнкой в общем необратимом механизме, а затем списывает и заменяет на новую. И все мечты, все надежды и планы, все реквизиты и смирения, всё это повторяется. Передается из одного человека в другого.

– Что же ты тут тогда забыл?

Николай помолчал, а затем все-таки ответил:

– Надо же кому-то с этим бороться.

Основная улица осталась позади. Спальный район открыл свои узкие дворики, исписанные гаражи и потрескавшиеся пятиэтажки. Дети играли с лебедями, вырезанными из машинных шин. Алкаши сидели на лавке рядом с помойкой, заполненной пустыми бутылками водки. Старушки выглядывали любопытно с балконов. Их кошки разбегались по подвалам, бросая объедки на чёрном асфальте под козырьком крыши.

– Внутри всё не так на самом деле страшно, как со стороны.

Дома по дороге все старели и старели. Назару трудно было уже понять – живёт ли там кто-то. Стены покрывались глубокими трещинами, во многих окнах не было стекол, но какие – то призрачные тени всё-таки бродили внутри квартир. Среди развешенного белья на бечевке и зимнего хлама нет – нет, а пролетал брошенный кем-то очередной бычок.

– Иногда чтобы понять своё счастье, необходимо взглянуть на чужое.

– Несчастье?

– Как раз таки счастье.

Назар внимательно осматривал детали. Заборы повествуют провинциальные романтические истории, начиная от «кто у кого отсосал», «выходи за меня», «прости меня, я не могу без тебя», заканчивая искусственной любовью – «мик-

сы, спайсы, соли». Дома рассказывают, как рождаются и умирают друг за другом разные безымянные жители. Люди рассказывают как надо жить, но сами без понятия.

Всё больше встречалось заброшенных зданий. Видимо, попалась самая безлюдная улица города. Николай остановился перед одной из заброшек. Она отличалась от всех: в стенах были выгравированы античные фигуры, напоминающие древнегреческих богинь, если бы у тех не хватало конечностей и они страдали чумой; чуть выше в линию располагались странные рожицы, время которых тоже не пощадило и превратило в генетических уродов; на верхушке под самой крышей в окружной каменной оправе была высечена красивая веточка розы.

– Когда – то это был театр. Здесь собирались самые влиятельные представители современности. Пили дорогое шампанское. Исполняли реверансы. Вешали друг другу на уши слащавую лапшу и с восторгом смотрели на выступления талантливых бедных ребят, разъезжающих по миру подобно бременским музыкантам.

– А сейчас что с ним?

– Сейчас плесень, мох и ненужность пожрали его. Но, – Николай улыбнулся, – для меня он стал еще более прекраснее.

Он обошел главный вход с левой стороны. Там за завалами мусора и досок прямо в кустах находилась еще одна дверь, которую удалось открыть одним резким рывком.

– Я не застал то время, когда этот театр работал. Мне многое рассказывали о нём мои родители. Первый мой спектакль здесь играли в моей голове.

За дверью оказалась скрипучая и ржавая лестница. Она вела наверх в темноту, куда бородач и направился. Назар мгновенно ощутил её шаткое положение, но делать оставалось нечего.

– Здесь я когда – то жил.

Николай поднялся наверх и включил фонарь. Путь оказался не близкий, Назару пришлось забраться на высоту третьего этажа, прежде чем унять свой интерес. Бывшим домом товарища являлась мрачная коморка. Здесь располагалась кровать, окружённая стопками книг, а также пианино, патефон, картины в рамах, столы, стулья, горы башмаков и костюмов.

– Когда – то это считалось атрибутикой спектаклей. Здесь складировали старое и ненужное барахло. В нём я как раз и нашел подлинный покой.

– И долго здесь жил?

– Долго. Тут есть всё необходимое для первого времени. А еще имеется выход на крышу, – он указал на крохотную дверь под потолком, – с которой видно весь брошенный людьми райончик. Сам скоро увидишь.

– Куда ты?

– Мне надо отлучиться по делам. Позже забегу к тебе.

– И что?

– Есть у меня один план по твоему спасению.

– А зачем это всё?

– Чтобы не задавать потом таких вопросов. Мы просто каждый плетем свою бессмыслицу, и иногда они пересекаются.

– Ясно.

– Неподалёку есть магазин. Но, думаю, ты разберешься. Не скучай.

На этой ноте Николай удалился. Куда он пошел и когда вернется Назар не знал. Казалось, что и потенциальный самоубийца не особо контролировал своими мыслями и действиями. Оставшись наедине, парень застыл на одном месте. Кровать аккуратно застелена. Книжки расставлены на полу по полочкам. Сборники Шопенгауэра, Платона, Ницше, Камю. Записи Ошо, Будды, Сократа. Старые оранжевые обложки «Альтернативы», а также экземпляры издательства «Чак Паланик и его бойцовский клуб». Конечно, классики: Достоевский, Чехов, Толстой, Стейнбек, Гюго, Ремарк, Хемингуэй, Фицджеральд. Назар решил, что можно и задержаться. У Николая явно имелся литературный вкус и теперь становилось объяснимо его неординарное поведение, воспитанное писателями.

Дальше по коридору царил крошечный завал: наряды прошлых веков, наряды фантастического будущего, пыльные башмаки, краски, косметика, чемоданы, трости, плакаты, парики, усы. Если бы Назару понадобилось прятать-

ся или сменить личность, он бы выбрал явно эту кладовую солнца.

Парень достал фонарик и посветил сквозь бардак – дальше глухая стена. Вход и выход, помимо крыши, был только один. Осталось осмотреть округ с птичьего полета. Потолок чуть смещался книзу, но, несмотря на свою древность, внушал доверие. Дверь оказалась открыта. Театр всегда рад любым гостям. Губы ощутили прохладные капли дождя. Оказалось, что серые тучи заволокли всё небо. Назар нашел рядом камень и оставил обратный путь на всякий случай открытым.

Бедный район действительно лежал как на ладони. Чередуясь с деревьями, отрезки фонарей и домов хранили вечную меланхолию оставшихся здесь постояльцев. Хоть заброшенный театр и занимал лобное место, но ни одной живой души обнаружено не было. Назару, казалось, что если он завоюет на всю улицу, никто даже не испугается и не вызовет скорую. Либо здесь никого нет, либо так делают все. Дальше за серо – зеленым простором вырастали многоэтажки. Там начиналась совершенно другая жизнь.

Назар отломил от расщелины в крыше камешек и запульнул его по пустой асфальтовой дороге, заросшей по обочине травой. Снаряд издал звонкий посадочный звук и еще раза два прошелся глухо по земле.

– Кажется, я попал в постапокалипсис, – крикнул Назар на весь двор.

Взбодрила идея, что по ночам в хорошую погоду можно заимствовать один из многочисленных стульев, выбираться к звездам и под свет жирной свечи читать книгу. Но сначала парню следовало бы отправиться в магазин за продуктами на первое время. В животе не было ничего с самого утра.

Назар оставил рюкзак рядом с кроватью, засунул по карманам деньги и документы и покинул свою обитель.

По пути попался закадычный пьянчуга, у которого не было смысла что-то спрашивать. Главное, чтоб место жительства не пришлось внепланово с кем-то делить, – подумал Назар. Алкаш прошёл мимо, ничего не заметив. Спирт дал о себе знать.

– Извините, не подскажите, где здесь ближайший большой супермаркет? – зацепился он за возможность, увидев топающую с пакетом домой женщину.

– Здесь поблизости нет. Попробуй на метро доехать до центра. Там на выходе будет несколько торговых магазинов.

– Понял. Спасибо.

Парень сориентировался. Каменные джунгли порой казались сложнее лесных дебрей. Телефон вырубился. Пешком идти в неизвестность было очевидно долго, поэтому по памяти оставалось только найти дорогу к подземному транспорту.

Назар пялился в карту, пока толпы людей следовали привычному маршруту.

– Я правильно иду, если мне сюда? – спросил у зевающего

охранника.

– Да. Тут как не крути, туда попадешь.

– Спасибо.

Назар прижался к левой стороне и наблюдал за людьми. Вечно опаздывающие в офис клерки с окраин. В их расписании ежедневный сон с 11 вечера до 4 утра. В их желудках язвы от фастфуда, а в задницах геморроидальные узлы от электрички. В их головах прочитанная надпись в конце эскалатора «выхода нет». Вечно спящие в поисках заработка нелегалы. В их сердцах любовь и уважение к семье. В их ногах и трусах зудящий грибок. В их пакетах Доширак и Коран. В их головах все та же надпись «Выхода нет», которую они не могут прочесть. Вечно накрашенные и болтливые молодые красотки. В их характере самоконтроль, безжалостность, пафос и целеустремленность. В планах – роскошное будущее. В их влагилицах примесь сперм разных олигархов. Они не замечают надпись «Выхода нет», но она так же висит над их головами.

Вагон поезда несет их от одной надписи к другой. Каждый пялится в телефон, поливая желчью Инстаграм; или в журнал, читая очередной крах былой звезды, который обязательно должен скрасить чью-то жизнь. Кто-то делает на другом деньги, кто-то самомнение, кто-то любовь и счастье. Но каждый знает насколько всем плевать на него. Ответ – ровно столько же, сколько и ему самому. Новая запись. Новый приступ. Что там насчет терапии Николая?

Все, что нужно делать, чтобы выжить, идти туда, где «Выхода нет» и ни за что, ни к чему, никогда «Не прислоняться».

Назар вышел из вагона. Опустив голову, пошел быстро к выходу. Ничем не лучше других. Тот же шаг. Тот же спрятанный взгляд.

«Мы бы себя навсегда во всем оправдали или облевали с ног до головы, осознав какие мы все одинаковые».

На станции раздался детский голос. Красивый детский голос, поющий о чем-то прекрасном. Назар остановился посередине толпы и прислушался. Люди натыкались на парня и, недовольно бурча, обходили боком. Пел самый настоящий ангел. Сначала подумалось, что это радио по громкоговори-телю, но нет. Чем дальше к выходу, тем очевиднее представлялся живой вокал. Назар поднялся по лестнице, от улицы его отделял один подземный переход. По обеим сторонам тоннеля стояли бабушки и просили милостыню. Веяло прохладой и влажностью, но старушки стояли непоколебимо на месте, вытянув руки со стаканчиками. Над головой звучал гул проезжей части, но машины оставались на втором плане, так как где-то за снующей толпой играла гитара и под её аккорды пела девочка. Назар стал пробираться вперед, чувствуя неопишное притяжение. Он расталкивал народ и шаг за шагом приближался к подземным музыкантам. Каким оказалось потрясение Назара, когда он увидел перед собой рыжую девочку лет восьми-деяти в роли солистки и гитариста в два раза её старше.

– Что тебе снится, крейсер Аврора..., – пела она волшебным голосом, – в час, когда утро встает на Невой...

Назар уперся спиной в противоположную стену и замороженно смотрел на дуэт. Взгляд парня оставался беспристрастным, он хладнокровно провожал глазами прохожих и сосредоточенно выдавал басы на припеве. Взгляд девочки целеустремленно был направлен в одну точку. По всей видимости, малышка так делала, дабы подавить волнение.

– Слышу голос из прекрасного далека..., – звучала она новой песней.

У одного из немногочисленных зрителей побежали по спине мурашки. Он почувствовал внутри неподдельное чувство красоты и благодарности. Глядел на эту маленькую жизнь. Ребёнок дарит, сам того даже не осознавая, красоту. Ничего не бывает просто так. За все надо платить. Всем от нас что-то нужно. Такими правилами накормлены люди. И когда встречаешь подобную простоту, то своим естественным забываешь обо всём и становишься частью совершаемого добра. То, что якобы не существует и вымирает, прямо сейчас Назар увидел в глазах маленькой девочки. На улице лил дождь, люди оставались неизменными, мир не перевернулся и не собирался этого сделать, но девочка продолжала петь. Причин у неё, скорее всего, не было. Она дарила серым, злым и потерянным взрослым кусочек своего детства, в котором когда-то они тоже являлись добрыми и счастливыми.

Назар вернулся в себя и рефлекторно потянулся в карман.

У него была с собой единственная неразменная купюра. Он прошёл вперед и положил деньги в чехол от гитары, в котором уже накопилась приличная сумма.

Девочка заметила жест внимания Назара и мельком ода-рила того улыбкой. Озорной взгляд певицы показался парню очень знакомым. Но её глаза вернулись в прежнюю точку, дабы не сбиться в словах песни. Эмоции невозможно пере-дать словами. Назар уже раздумывал подождать окончания концерта и заговорить с ребятами, но тут случилось еще бо-лее неожиданное действие.

В толпе кто-то прокричал «Менты, менты!». В тот же момент гитарист быстро прошелся взглядом по сторонам и остановился на выходе метро, откуда пришёл Назар. Юноша прекратил играть и командным голосом сказал напарнице:

– Пора.

Они без какой – либо суеты начали готовиться к отступ-лению. Девочка мигом собрала весь накопленный бюджет в руки, парень спрятал гитару в чехол и закинул её на спину.

– Всем спасибо за ваше внимание! Скоро обязательно увидимся снова! – бросил весело толпе гитарист.

– Для вас выступала рок-группа «Сияние»! – гордо доба-вила девочка.

– Ждите на всех площадках мира! – продолжал пятиться назад и нести чепуху юноша, затем похлопал по плечу ма-лышку, – пора удирать!

Полиция действительно ускорила шаг за юными правона-

рушителями. Назар начал уже гадать, как помочь ребятам, но вдруг увидел то, что его окончательно повергло в шок. Девочка пробежала вперед юноши и все собранные деньги начала быстро раздавать бабушкам.

– Вот, это вам. А это вам. Вот, возьмите, пожалуйста.

Малютка прощалась с накопленным бюджетом, а её верный друг тем временем держал под контролем ситуацию. Как только полицейские сумели наконец пробраться сквозь толпу, тот громко сказал:

– Бежим!

После этого парочка, размахивая гитарой, пролетела над ступенями и скрылась на улице. Полицейские добежали до лестницы, взглянули наверх, потом на бабушек: те толком тоже не поняли, что произошло. Офицеры плюнули и пошли обратной дорогой, о чем-то с друг другом переговариваясь.

Назар ошеломлено продолжал стоять на том же месте. Парень пребывал в настоящем изумлении после происшествия. Ему потребовалось время, чтобы прийти в себя и наконец покинуть переход. Рок-группы «Сияние» и след простыл. Назар медленным шагом направился в случайно выбранную сторону. Он шёл с улыбкой на лице, совершенно позабыв о своих планах.

Бродяге ничего не оставалось, как вернуться в свою заброшку. Денег с собой больше не осталось. Да и о еде как-то совсем позабылось. Парень шёл в трансе, машинально переходя светофоры и дороги. Заглядывал в каждый дом, на

каждую детскую площадку. Представлял, что именно здесь спрятались последователи Робин – Гуда. В голове стоял образ рыжеволосой девочки. Как она взглянула и как весело убежала от полиции, словно играя в игру. Скорее всего, они часто поют в переходах, – думал Назар. Парень корил себя, что ничем не смог помочь ребятам. Что не успел спросить их имена. Что, скорее всего, их больше не встретит. Такие огоньки быстро вспыхивают, а затем гаснут на огромном черном небе, чтобы остаться незамеченным. Но если долго смотреть в черноту, этих вспышек будет становиться всё больше и больше.

Назар возвращался пешком в театр. На улице темнело, но дождь кончился. В округе стало намного больше людей. В основном, молодежь. Парни в спортивках, с колонками в руках пили пиво возле тачек и слушали музыку. Девочки курили кальян и качали головами в ритм. Все о чем-то громко болтали, и эхо звонко гуляло по улице. Свежие лужи на асфальте отражали окружающий мир. Назар заглянул тоже. Ничего интересного не увидел, кроме неба над головой. Из-за пролитого бензина оно покрылось зелено-желтыми разводами. «Как сияние» – пробубнил про себя.

Никого не оказалось в каморке. Ни бомжей, ни Николая. Парень не знал, когда его друг вернётся. Ничего не оставалось, кроме как ждать. Назар зажёл фонарь, ещё раз прошелся глазами верх – вниз по названиям книг, выбрал оранжевую «Дневник баскетболиста» . Откинулся на кровать ,

подложив руку под голову ,и принялся читать довольно легкий маргинальный текст. Как любят тусоваться американские подростки. Как любят баскетбол. Как любят героин. Назару никогда не было скучно с веселыми "джанками" со страниц альтернативы. Авторы хоть и были при жизни деградирующими торчками, но безупречно разбирались что да как происходит в жизни.

«Всё, что когда-либо мне когда-то хотелось – это ограбить чужие мозги. Украсть чужой опыт и истории. Думаю, было бы просто договориться, ведь от своего я с удовольствием бы отказался».

Надоело лежать. Прислушавшись к крыше и определив, что нет ливня, Назар захватил с собой книгу, стул и направился на обзорную площадку . Там ему составили компанию звёзды и тёплый ветер, божественно пахнувший весной. Но что-то было еще.

Сначала Назар ощутил в ногах лёгкую дрожь. Затем в самом воздухе повисло дрожание. Будто кто-то сотрясал его. Вскоре начали доноситься басы. Оказывается, это было не землетрясение. Кто-то громко включил музыку, от которой стены развалюхи пребывали в экстазе. Парень отложил книжку и прислушался. Звук доносился явно снизу, но не из каморки. По обрывкам децибел Назар двинул дальше по крыше. Колебание становилось мощнее и достигло пика прямо там, где раньше ориентировочно располагалась театральная сцена. Парень посмотрел вниз и увидел кучки людей, ко-

которые то входили внутрь здания, то выходили покурить и потрепаться. Назару ничего не оставалось, как спуститься вниз и разобраться. Театр выглядел самой настоящей заброшкой, а теперь перевоплотился в молодёжный эпицентр. Назар мигом залез обратно в каморку, оставил книгу и спустился на первый этаж. Возле двери, ведущей к нему в логово, никого не оказалось. Значит, проживание путешественника на время сможет остаться тайной. Пробравшись через кусты, он вышел на дорогу. Стараясь не привлекать лишнего внимания, Назар слился с общей толпой. Он осторожно оглядывал каждого встречного человека. С долей подозрения прислушивался к хохоту разных компаний, но не улавливал ничего, кроме пошлых шуток и болтовни про баб и бухло. Не повстречался ни один тусовщик, кому Назар мог показаться странным. Все приветливо улыбались и оставались гармонично расслабленными. Кто стоял с бутылкой пива, кто с водкой и соком, кто просто курил сигареты одну за другой. Музыка била по ушам, сомнений не оставалось, что её источник внутри культурного монумента. Чужак зашел внутрь.

– О, – воскликнула радостно девушка на входе, – привет. Давай обниму!

Назар сначала решил, что обращаются ни к нему, но по крепким объятиям вопросов больше не осталось.

– Выпьешь с нами? – улыбалась она, присматриваясь в глаза.

– Не... Пока нет. Спасибо.

– Чего ты потерянный такой? – спросил бородатый парень рядом с девчонкой. – Помочь найти кого-то?

– Нет. Я к другу.

– А. Ну бери друга и возвращайся к нам!

– Хорошо, – Назар произвольно улыбнулся в ответ. Неформальность некоторых людей за последнее время его поражала. Неужели он так долго пробыл в лесу.

В проходе тусовались люди. Кто-то сидел на полу, кто-то двигался под музыку рядом. Царила домашняя уютная атмосфера. Все общались, эмоционально делились историями и просто улыбались. Внутри происходило всё то же самое, только в большем масштабе. Назар зашел в зал с партера и его голова наполнилась музыкой, словно к ушным раковинам привязали динамики. Играла какая – то смесь электро и техно. Стиль здесь был, кажется, не важен. Главное, чтобы вставлял и сводил с ума народ. На сцене парень увидел диджея за пультом, а также здоровенные бумбоксы по бокам и светодиодный шар, подвешенный к потолку. Лучи разноцветного света разгуливали по тёмным уголкам обширного помещения. Под общее освещение попадали танцоры возле сцены, балаболы среди зрительских кресел и умиротворенные эстеты, сидящие на балконе и молча наблюдающие за происходящим. Мероприятие выглядело на первый взгляд так, будто одной подростковой компании негде тусоваться. Но судя по качеству организации и возрасту гостей, всё было по-другому.

– Вообще в самый последний момент сообщили..., – доносилось из толпы.

– Хорошее место.

– Ещё бы старый химзавод оборудовали...

– Тогда бы и за закладками не пришлось никому идти, – общий смех.

– Да хватит вам. Лето – красавчик. Другой бы уже прикрыл лавочку, а он держит марку, несмотря на постоянные облавы...

– Ради дела своего, – мечтательно пропела какая-то синеволосая малолетка, – Как он там затирает по синьке? Метастазы?

– Ха – ха! Да, что-то такое, – подтвердил чувак с тоннелями в ушах.

– Так что мы не имеем право ворчать! Пошли уже, сейчас его прикольный сет начинается.

Компания отошла от Назара напрямиком к сцене. Тот мало чего услышал и понял, но, по всей видимости, вечеринка проходила неофициально и под строгой тайной. Хотя глядя на колориты в это трудно было поверить. Диджей крутил вертушки, наполняя помещение музыкой. Народ использовал все конечности тела, дабы больше выдать движений. Но даже с такой музыкой регулярно раздавался смех и чей – то дурашливый вопль.

Назар почувствовал на плече чью-то мягкую руку.

– Хэй, ну что, нашел друга?

Это оказалась та самая девчонка у входа.

– Отошёл снова, – ответил он ей на ухо.

– Ясно, – повысила она голос, – тогда стоит пойти потанцевать.

– У вас у всех одно и то же решение на все проблемы?

– Ха. Конечно. Это же рейв.

Она потянула его за руку и они двинулись по наклону к сцене.

– А где твой друг?

– Остался среди таких же друзей, – улыбнулась девушка. Лет ей было на вид не больше двадцати.

– Большая компания у тебя.

– Здесь все как одна семья. Даже если не знакомы поначалу.

– Как армяне?

– Да, точно, – захохотала она и начала плавно передвигать плечами в такт музыке. Вокруг народ делал так же. В одышке, в поту, в мышечной судороге, но люди продолжали танцевать. Если это не демоны с их дьявольскими танцами, то тогда свободные ото всего люди.

– Вы всегда здесь собираетесь?

Девчонка переспросила, он повторил.

– Нет. Каждый раз по-разному. Выследить же могут. Егор очень тщательно подбирает место, но дополнительной предосторожности ему все же не хватает.

– Кто такой Егор?

– Вон он. За пультом стоит. Во всех жизнь вгоняет.

Назар ещё раз обратил внимание на диджея, который сосредоточенно занимался своим делом. Кислотные очки. Черная бандана, скрученная в полоску на лбу. Гавайская рубашка. Адидасовские трикотажные штаны. Имидж говорил о том, что парню плевать на одежду, лишь бы выглядело ярко и как можно провокационно. Но музыку он явно любил. Его страсти, с которой он насиловал аппарат, можно было только позавидовать.

– Пойдём, познакомлю с ним. Это величайший из гениев, которых я знала.

Она вновь его схватила и потащила, не дожидаясь ответа, к пульту. Диджей заметил, что идут гости.

– Ян, вот только для тебя! Ради тебя родной! Ты только послушай, что я сотворил из семи чудесных нот, – он переключился на другой трек и добавил громкости.

– Привет, Егор, – она радостно обняла его, ожидая прилива новой музыкальной волны.

– Сейчас ... Секундочку... Вот...

Заиграло что-то космическое, перемешанное со звуками природы и шаманским воем.

– Мм, – промурлыкала Яна, – это я люблю!

– Да, я знал, детка! Только для тебя и для вселенной!

– Я хотела тебя познакомить с хорошим человеком. Ха. И самой заодно кстати познакомиться. Он с нами в первый раз.

– Да ну?! Как ты до этого жил? Шучу! Меня Егор зовут.

– Назар, очень приятно.

– Ну а я Яна, – качнула головой девушка.

– Самое прекрасное создание на свете, – чмокнул её в щечку Егор.

– Егор – главный организатор рейвов в нашем городе. Без него бы не существовало рая.

– Без вас, моя дорогая, не было бы подпольных медузных танцулек и меня самого, – поправил он её.

– Не скромничай, зайка! Ой, там мои потерялись... Пойду, схожу. Вы пока поболтайте без меня...

Яна убежала, Назар остался наедине с Егором, который продолжал возиться с динамиками.

– Тебе нравится такой транс?

– Да. Интересно звучит. Я бы в лесу его послушал.

– Ха – ха. Призывает древние индейские корни, скажи же? Сразу представляешь джунгли, луну, океан, пейот из мексиканских кактусов...

– Это что?

– Что-то похожее на мескалин. Страх и ненависть чтоб словить.

– И записать все детали прихода в Ромовый дневник.

– А ты шарить за культуру! – посмеялся Егор. – Тогда это для тебя!

Следующий трек стал миксом трансa с чередой жестких ритмичных басов. Народ то взмахивал руками вверх, то топтал танцпол ногами. Назар расплылся одобрително в ис-

кренней улыбке.

– Что надо!

– Сам дьявол сейчас где-то пляшет под прямую бочку, забыв о своих тёмных делах!

Тёмные силы были вырваны из души и растворены музыкой.

– Это место раньше являлось театром, знаешь? – поинтересовался Егор.

– Да, – посмеялся Назар, – слышал.

– Но ничего. Думаю, наш спектакль реалистичнее всех вышел.

– Почему?

– Здесь актеры играют людей, которых они скрывают внутри. И знаешь, что я вижу?

– Что? – с интересом спросил Назар.

– Что они способны на счастье.

Парень посмотрел на публику, царящую атмосферу вокруг и не смог ни согласиться со словами диджея. Все танцевали, смеялись и обнимались. Не отыскать людей счастливее.

Назару ещё захотелось поболтать с Егором, без разницы даже о чем. Этот романтик был определённо способен расположить к себе, кажется, любого человека. Но тут словно по хитрому замыслу судьбы Назар заметил начавшийся хаос у входа в помещение. Во второй раз за день до него донеслось:

– Мусора! Валим! К запасному выходу! Что не понятно?!

Через дыры в стенах пробивался синий свет мерцающих мигалок. Люди, пребывающие до сих пор в неведении, стали подозревать неладное и приобщаться к массовой эвакуации. Молодежь разбежалась по всем безопасным направлениям. Общий вопль заполнил зал. Шум перебивал даже жирные басы, но беспечный диджей продолжал нагонять мощность.

– Егор, там менты. . . , – ткнул Назар в начавшуюся на танц-поле суету.

– Я знаю.

Назар не понимал причину спокойствия организатора.

– Надо уходить! Давай помогу с аппаратурой. . .

– Всё в норме. Я об этом позабочусь. Беги.

Егора совершенно не волновало сложившееся обстоятельство. Он продолжал с тем же блаженным выражением лица. Людей становилось меньше. Звук сирен раздался на улице, вслед за ней и невнятная речь, обращённая по микрофону к участникам запрещенного мероприятия.

– Егор, надо уходить. . .

– Я не хочу бежать.

– Там ОМОН уже.

– Да пусть в жопу трахнут друг друга. Мне нужно трек доиграть.

Парень не собирался отступать. Никакие уговоры и угрозы на него не действовали. Назар увидел, что опустевшее помещение начинают заполнять правоохранительные органы в касках и жилетах.

– Они вооружены! – Назар не знал что делать. Бросить незнакомца и убежать он почему – то не мог.

– Ты только послушай! – Егор возвёл музыку на максимум, поднял руки ввысь и в первый раз задвигался в диком танце. Он не обращал внимания на приближение полиции. Целиком и полностью он оставался предан своему веселому, наплевавшему на проблемы богу.

– Егор! – закричал во все горло Назар, бросая испуганный взгляд то на него, то на полицейских.

– Конец, – провёл плавно кистями по воздуху диджей и выдернул ногой провод. После этого весь свет в помещении погас. Сцену окутала тьма. Лишь некоторые поломанные ряды на паркете заливались синим светом.

– Всем стоять! Не двигайся, сука!

Назар почувствовал, как его хватают со всех сторон, валят на пол и заламывают за спину руки.

– Лови второго!

– Он делся куда-то!

– Так ловите скорее! Мы с этим пока разберемся...

Назару ощущал щекой еще не затихшую дрожь пола. Натоптанная рейверами пыль вздымалась над сценой как туман. Парень надеялся, что Егору удалось в ней скрыться.

Глава 3. Хоспис

Раздался будильник, рингтон которого уже играет в одно и то же время больше десяти лет. Семён Павлович Валдаев открыл глаза и для профилактики потер своей большей рукой ещё вялые веки. На часах ровно 6:30. Жена Лариса уже должна была встать полчаса назад, чтобы не образовалась очередь в ванную комнату. Мужчина провел свободной рукой по второй половине кровати, и та оказалась, действительно, пустой. Прислушавшись, он услышал работающий фен.

- Лар, ты там скоро? – покашляв, четко задал он вопрос.
- Уже выхожу.
- Поторопись, мне сегодня пораньше надо на работу.
- Что – то случилось?
- Да местных хулиганов доставили.
- Что натворили?
- Да так. Приеду, будем выяснять.
- Все. Выхожу.

Семён направился в майке и семейниках в ванную, его жена предусмотрительно досушивала волосы возле зеркала в коридоре.

- Доброе утро! – он чмокнул её по пути в щеку.
- Доброе.

В ванной мужчина взглянул на себя в зеркало. Щетина

ещё была не большой, но общей картине усов совсем не мешала. Зато на висках появились очередные седые волоски. Конечно, с такой работой неудивительно – подумал он про себя, как в принципе очень любил говорить. За дверью раздался крик:

– Пап, ты скоро?! Мне очень в туалет нужно!

– Потерпи. Я ведь только зашел.

– Но я не умею терпеть.

Семён недовольно вздохнул и поспешил выйти.

– Иди. Нельзя терпеть.

Мелкий забежал в туалет.

– Кира, после этого буди Лёшу.

– Хорошо! – отозвался мальчик, сидя на туалете.

Семён передумал и решил взять на себя эту миссию. Зашёл к старшему сыну в комнату и скомандовал:

– Сын, пора вставать!

Молчание.

– Чтобы через 5 минут была уже застелена кровать.

– Да пусть повалывается, – встала на защиту Лара, – у него вчера два репетитора было и сегодня ещё контрольная.

– По какому предмету?

– Профильной алгебре.

– Он готов?

– Да...

– Во сколько он вчера домой пришёл?

Жена замялась.

– Лёха! Ты меня слышишь?! Алексей!

– Ммм, – раздалось из-под одеяла.

– Во сколько вчера пришёл?! Честно!

– Часов в 10, пол 11.

– Почему так поздно?! Мы же договаривались, чтобы никаких долгих гулянок.

Сын сейчас туго соображал, да и с отцом было спорить бессмысленно.

– Я вовремя пришёл, – буркнул он.

– Вовремя это в 9 вечера. И то при условии, что все уроки и задания репетитора выполнены! – отцовский голос начал повышаться.

– Семён..., – встряла Лариса.

– Нет, Лара. У него 11 класс. Важный период в жизни. Если сейчас не научится нести за себя ответственность, то скатится рано или поздно на дно общества, которого у меня в отделении пруд пруди. Ты этого хочешь, а?!

– Нет, – сел с опущенной головой от утренней взбучки юноша.

– Конечно, нет. Ты не посмеешь отца опозорить.

Командир наконец-то дошёл до кухни. Там его ждал любимый завтрак. Разделённая яичница из двух яиц, две вареные сосиски, два тоста, которые он обязательно намажет джемом, и чашка крепкого кофе.

– Сахар клала?

– Нет. Сам по вкусу.

– Ты считаешь, что я не прав?

– Ты всегда прав.

– Я хочу, чтобы он вырос приличным уважаемым человеком, а не оболтусом.

– Я же сказала, что ты прав, – она тоже не видела смысла спорить с человеком такого темперамента. Раньше она пыталась бороться, потом смирилась и оставила в покое. Теперь они не ругаются, не мирятся, да и практически не разговаривают на провокационные темы. Всегда хватает одних бытовых обыденных диалогов.

– Леха, вставай! -заверещал на всю квартиру Кирилл настолько громко, что старый пёс Джек наконец проснулся и потопал на кухню.

– Да встал я, – пробурчал Леша, понимая, что весь день отправлен насмарку.

– О, старина Джек! – по своему обыкновению Семён Павлович потрепал своего пожилого лабрадора по твёрдой шерстке. – Скоро с тобой на пенсию отправимся.

– Пап, я хочу хомяка! – заявил Кирилл, весело налетая на свои хлопья.

– А я хочу повышения зарплаты. Но видишь, сынок, во взрослой жизни мечты не всегда сбываются.

– Может, на день рождения?

– Мы с твоей мамой решили тебе на день рождения подарить новые хорошие кроссовки, а то твои уже совсем порванные, – рассуждал Семён, расправляясь с сосиской.

– Да это ведь не подарок, – надул щеки Кирилл.

– Это очень полезный и нужный подарок. Совсем не ваши бесполезные игрушки. Сколько их вам там бабушки переда-
рили?!

– Но это ведь хомяк!

– Тем более. Ты в курсе, что за ним ухаживать надо? Кор-
мить?

– Да. Ещё колесо для бега ему потребуется.

– Ничего ты не знаешь. За собой ещё не научились уби-
рать. Кстати. Где там старший обиженный сын? Лёха! Зав-
тракать!

Леша зашел с тем же понурым лицом и уселся за стол .

– К алгебре готов? – спросил его отец, испепеляя взгля-
дом.

– Да.

– Повтори на всякий случай. Я, надеюсь, ты вчера не пил?

– Нет, – сын уже сам был готов поверить в обратное под
напором отца.

– Молодец, – потрепал того по голове, – ещё этого не хва-
тало. Во сколько сегодня репетитор?

– В 7.

– Давай после этого сразу домой, ладно? Я постараюсь
раньше освободиться с работы и вместе поужинаем? Окей?

– Окей.

– Окей, семья?!

– Окей.

Хоть Семен и не посмел дать передышку своему строгому виду, но внутри царила удовлетворенность. Домашний уют в его жизни являлся одним из самых главных пунктов.

– Ну всё, я побежал. Всем хорошего дня, – он допил свой кофе и рванул надевать обувь.

Лара должна как всегда его проводить.

– Всё взял? – произнесла она.

– Вроде да.

– Береги себя.

– И ты, дорогая.

Он накинул фуражку, униформу с двумя звездами на погонах и рванул на улицу. Жигуль завелся быстро. Всё-таки погода стояла отличная. Это зимой мужчина мог по два часа заводиться во дворе, чтобы потом еле тронуться. Старый автомобиль его вполне устраивал, другого он не желал, хоть средства с повышением звания у него имелись. К черному дню всегда нужно быть готовым, – считал Валдаев.

На работу он тоже ехал одним и тем же путём. Четыре квартала по одной улице, три по другой, всего в сумме пять светофоров и он на месте. Посигналив охране, он проезжал под поднятым шлагбаумом, парковал свою ласточку и с чёрной папкой в руках направлялся в отделение.

– Доброе утро, Семён Палыч, – повстречался прямо на пороге младший сотрудник и его верный помощник.

– Привет, Игорь. Что там произошло вчера? – старший лейтенант привык переходить сразу к делу.

– Да ничего особенного. Накрыли вчера ночью очередную дискотеку в заброшке.

– Где на этот раз? – Валдаев достал ключи от своего кабинета.

– В бывшем театре «пионеров» на окраине.

– Вот паразиты. Когда уже прекратят свои гуляния. Много приняли?

– Да не особо. Двоих поймали на выходе, когда те хотели сбежать. Ещё одного прямо внутри здания.

– Организаторы есть?

– Да по ним поди определи. . . Все на одно лицо. Наркоманы гребанные!

– Старых знакомых нет?

– Вроде нет.

– Что-то запрещенное нашли при обыске? – уселся Валдаев за стол и потянулся за своими бумагами.

– У первых двух нет. Но шмалью от них пованивало знатно. Можно попробовать привлечь, у нас как раз тут пробел за прошлый месяц. . . А у третьего вообще ничего. Даже трезвый.

– Давайте, давайте. А этот третий. . . Очень странно. И не под кайфом даже?

– Вроде нет. Совершенно адекватный, молчаливый. Сидел спокойно до утра и глаз не сомкнул.

– Ничего себе. Что он тогда забыл на их тусовке?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант. Его уже с утра

мужик какой-то ждет снаружи...

– Ну, пусть ждёт. Все мы тут чего-то ждем. Хотя знаешь... Давай этого приличного первым ко мне. Какая-то должна ведь существовать справедливость.

– Слушаюсь.

Игорь вышел из кабинета. Семён Валдаев пошуршал немного бумагами в папках, затем перевел внимание на фотографию, вставленную в рамку. Та стояла всегда на рабочем столе и напоминала Валдаеву, как они с семьёй ездили прошлым летом к лесному озеру с палатками. От воспоминаний стало тепло на сердце. В тот день они наловили много гигантских окуней и сварили настоящую уху. Может, если дадут отпуск, в этом году поедут на юг. Снимут домик на две недели. Будут каждый день ходить на море купаться. Крабов у местных купят и наготовят... От нахлынувших мечтаний Семён Павлович поспешил оторваться и вернуться к реальности. Лейтенант поправил галстук и взялся с ручкой за протоколы.

...

– Калинин! – обратился Игорь ко всему обезьяннику.

Назар поднял сонные глаза на молодого парня. За всю ночь так и не удалось поспать. Мозги переваривали случившееся ранее. Встреча с Николаем, переезд, новый город, заброшка, рейв, исчезновение Егора.

– В кабинет к старшему лейтенанту Валдаеву.

Остальные нарушителя закона вмиг пробудились. Игорь

закрыл за Назаром решетку и повёл молодого парня к старшему по званию. Прежде чем войти, постучался.

– Семён Палыч, привёл Калинина.

– Да, пусть заходит.

Парень вошёл в кабинет, осмотрел типичный полицейский интерьер и затем встретился глазами с Валдаевым.

– Присаживайся, – пригласил он того на свободный стул после небольшой паузы.

Назар послушно без какого-либо страху уселся перед лейтенантом.

– Итак, Назар Андреевич Калинин, 1995 года рождения... Родом с Приморского края... Красиво на Дальнем Востоке?

– Не помню. Я там рос маленьким.

– Потом переехал?

– Да.

– А здесь как оказался? Учиться приехал?

– Нет. Путешествую.

– Интересные у вас путешествия, Назар Андреевич! По галактикам путешествуете под психотропными веществами?

– Не понимаю о чем вы.

– Ну как же... Сегодня в... 00:50 вы были задержаны сотрудниками полиции за нарушение общественного порядка. Вы ворвались в охраняемый законом исторический монумент и устроили там дебош...

Назар молчал.

– Вы же понимаете, что у многих ваших друзей по инте-

ресам имелись при себе запрещённые вещества, за которые им грозит большой срок? – Валдаев вернул взгляд хищника. Зверь искал внутри любого человека жертву слабее его самого.

– Я с такими не связывался, – с тем же спокойствием ответил Назар.

– А что же вы забыли тогда в том месте?

– Случайно забрел.

Валдаев долго и пристально наблюдал за парнем, разыскивая в его душе слабину.

– Хочется верить. Верить, что все вы не причастны и что проходили мимо.

Снова молчание.

– Думаете, не найдется на вас управы? – хитро задал вопрос лейтенант.

– Я не знаю, с чем вы боритесь, но те ребята, которых я вчера встретил, точно не представляют опасности. Они за мир и добро.

Усатый мужик в погонах рассмеялся. Получалось у него эффектно, так как позволял себе подобное не часто.

– Вроде взрослый парень, а ведёшься на всю эту брехню. Они ведь так и подсаживают на наркотики людей...

– Ну, – пожал плечами Назар, – как видите, я чист.

– Я очень рад. Правда. Это хорошо, когда человек видит и принимает жизнь с совершенно разных сторон, но грань очень тонкая. Главное, не заиграться.

– Я понимаю. Каждый человек это понимает .

– Важно, чтобы не стало поздно.

Снова гнетущая тишина.

– Ты мне сына напоминаешь. Тоже ветер в голове. – Сложил руки он на столе. – Сколько людей, столько и самых разных тараканов в их головах . Чтобы жить всем в гармонии и более менее умеренном благополучии, необходима норма. Именно её мы и преследуем. Самую банальную и простую норму.

– Согласен.

– И я здесь для того, чтобы обезопасить нормальных людей от диссидентов, у которых торчит шило в жопе из-за гормонов. Про самолюбие «выше крыши» я вообще молчу.

– Согласен, – повторил Назар, не опуская глаз.

– Так устроен мир. Никто изменить его не сможет, но испортить любой...

– Вы же отпустите тех ребят, – перебил он лейтенанта, – которых поймали вместе с мной?

Валдаев обомлел от беспардонного хамства, но, заметив в глазах парня честность и добропорядочность, смягчил нарастающий гнев.

– Всем воздаться по их заслугам. Если они не виноваты, то будут свободны. А ты давай, ступай домой. Ты хороший человек, но на этот раз тебе повезло. Не связывайся с теми людьми. Держись от таких подальше. Ты не представляешь, насколько они могут оказаться опасны для твоего будущего.

Назар поднялся со стула и встал боком к выходу.

– Игорь. Проведи молодого человека, – на команду откликнулся помощник и предоставил Назару путь к свободе, а Валдаев закончил с напутствием, – каждому это говорю и тебе скажу: надеюсь, больше не встретимся!

Семён Павлович остался один в кабинете.

– Тебя там ждут уже, – заверил Игорь.

– Кто? – удивился Назар.

– Сейчас увидишь, я откуда знаю.

За железной дверью ждал Николай. Улыбка его будто так и не покидала.

– Вижу, ты совсем не скучаешь в незнакомом городе.

– Как ты и приказал.

– В первый же день разбой, привод в полицию..., – махал с наигранным возмущением бородач головой.

– Не книжки же читать в каморке.

– А чем тебе книжки мои не угодили?

– Не было бы мозгов, не было бы своего мнения. Язык оставался бы за зубами, а личность в футляре. Книжки создают людей, не пригодных обществу.

– Хах! Правда. К сожалению, это так. Есть хочешь?

– Ужасно, – не стал скромничать Назар.

– Тут неподалёку есть как раз столовая, там делают отменный омлет.

– У меня денег нет с собой.

– Я угощаю. Надо же загладить вину, что позволил тебе

попасть в передрагу.

Назар не стал спорить, а смело пошел на поводу у голодного желудка.

Кафе оказалось очень даже уютным. Утром здесь не было практически посетителей. Молодая официантка сразу любезно подошла принять заказ.

– Два ваших фирменных омлета, пожалуйста. Два кусочка шарлотки. Она же с корицей там? Я очень надеюсь на корицу...

– Да. С корицей.

– Прекрасно. Значит два кусочка десерта. Мне сок. А тебе, мой друг?

– Кофе.

– Спасибо за заказ, ожидайте.

Николай отложил меню и вернулся к Назару:

– Кто в отделении с тобой беседовал?

– Лейтенант какой-то. Усатый такой. Забыл, как звать.

– Семён Павлович? Валдаев?

– Да, вроде он.

– Непреклонный борец за справедливость.

– Знаешь его?

– Один из главных оперов нашего города. Тебе повезло, что так легко от него отделался.

– Прямо такой суровый?

– Работник своего дела. Не знает ни жалости, ни пощады.

Всё за какой-то правдой гонится.

– Ты знаком с ним?

– Частично.

– Целую лекцию прочитал мне.

– Помешанный человек. В его возрасте относиться ко все-
му так однобоко – это маразм и кощунство. К средним годам
в человеке должны остаться лишь всеобщее снисхождение и
добрейшее безразличие.

– Но он мент. У него «норма».

– И всё же. Его норма становится личностным абсурдом,
которая так же мешает другим.

– Зато она имеет массовость.

– Люди тупеют, чтобы выжить в обществе. Уподобляются
другим. Есть какое-то бесформенное желе, которое якобы
соответствует устоям. К нему люди и стараются стремиться.

– И что оно из себя представляет?

Принесли завтрак. Назар не удержался и сразу налетел на
пищу, не прекращая слушать. Николай подождал и догово-
рил.

– Массу несчастных, боязливых, стареющих, невменяе-
мых клеток мозга, помешанных и обманутых своими внут-
ренними процессами. Сложно и бессмысленно интерпрети-
ровать всю сущность человека.

– А какая норма правильная?

– Где человек счастлив.

– Она в принципе существует?

– Да.

– И как она достигается?

– Начинается у каждого глубоко внутри.

– Это понятно. Философия мира говорит о том, что всё начинается с себя самого, – пережевывая необыкновенно вкусный омлет, рассуждал Назар, – но существует ли верный способ обретения этого счастья?

– Согласен. У каждого своя дорога. Чужой компас – плохой ориентир, – Николай так и не притронулся к завтраку, – но способ есть.

– Какой? – даже Назар отвлекся от еды.

– Слышал что-нибудь о лестнице пяти измерений?

– Что-то с метафизикой и медитацией? – скептически отнесся Назар.

– Нет. Всё в рамках нашей жизни, нашей объективной реальности, – Николай взялся наконец за омлет.

– То есть, она состоит из пяти ступеней, по прохождению которых наступает счастье?

– Самое чистое и неподдельное. Позавидуют самые чокнутые психи и продвинутые буддийские монахи.

Назар заинтересовался, но ещё ожидал подвоха.

– А что человек будет испытывать?

– То, что он не испытывал ни под каким сильнейшим эйфоретиком, ни в каком гипнозе, ни в каком ментальном состоянии. Все чисто, легально, постоянно.

– И что за пять измерений или ступеней?

Николай улыбнулся и попросил нагнуться приятеля, дабы

никто не услышал великую тайну:

– Наслаждаешься омлетом. Наслаждаешься шарлоткой. Наслаждаешься кофе или соком. Поглощаешь полученную энергию. Идёшь срать. Отдаешь энергию. И всё заново.

– Так и знал, что какая-нибудь шуточка очередная.

– А ты хотел, чтобы я рецепт счастья рассказал за пять минут?! – посмеялся Николай. – Такие вещи не объяснишь доступными человеческому лексикону словами. Это долгий, трудный путь действий и осознаний, который должен пройти каждый сам от начала до конца.

– Нужны ли действия? Разве не все прекрасное уже внутри нас?

– Конечно там. Но как найти то, что скрыто, и затем научиться управлять и пользоваться этим. Поэтому и существует лестница пяти измерений.

– Её же возможно пройти?

– Абсолютно каждому. Кому-то просто понадобится больше времени и терпения. Счастья штука дорогая.

– Какая плата за неё?

– Она невыносимо большая, но и одновременно ничтожно малая.

– Какая?

– Это твое прошлое, твое настоящее, твое будущее, твоя жизнь, твоя смерть, твое любимое «я», близкие тебе люди, устоявшиеся знания и понимания сущности.

– Но что же тогда останется?

– Счастье.

– И человек сохранит здравый рассудок?

– Я же сохранил.

Назар посмотрел с сомнением, на что Николай усмехнулся.

– Ты хочешь сказать, что ты достиг вершины?

– Вершина – растяжимое понятие в любой ситуации. Мне известен сам процесс достижения. Ведь всё самое прекрасное происходит в процессе. Окончание не несет в себе никакого результата.

– И ты можешь этот процесс показать?

– Я могу провести по нему.

– Меня?

– Конечно. Ведь ты меня спас тогда на водопаде, и я обещал вернуть долг.

Назар вспомнил тот самый момент, но поспешил вернуться к интересующей его теме:

– И как же начать?

– Скоро объясню. Не так быстро. Процесс состоит из многочисленных деталей, о которых так сразу не расскажешь. Путь много. В первую очередь нужно избрать для себя дорогу и идею, с которой ты отправишься наверх по лестнице. Я свои личные скрижали выбрал и могу на них полностью положиться.

– И что за скрижали?

– С чего хочешь начать: с дороги или идеи?

– Давай с первого.

– Дорога, – подвел черту Николай, – тогда доедай и от-
правляйся за мной.

Назар хотел задать еще много вопросов, но понял, что бо-
родатый мудрец сильно сосредоточен на еде. Поэтому решил
оставить его в покое и наконец-то доесть свою порцию. Он
поглядывал на Николая и осознавал внутри себя, что как бы
этот человек не смахивал на сумасшедшего, у него есть дар,
которому начинаешь доверять. Непонятно, дарован тот был
с рождения или приобрёл живой магнетизм, но в его суще-
ствовании не возникает больше и доли сомнения. Мужик яв-
но знает и имеет то, что пока не дано Назару. Плоды того
самого пути и процесса, о которых он твердил, на лицо.

– Ну что, – вытер салфеткой уголки рта Николай, – готов?

– Да, – отодвинул от себя пустую тарелку парень, – спасибо
за угощение.

– Теперь традиция – кормить тебя завтраком.

– Мне она очень даже нравится.

– Ещё бы. Спасибо большое вам, все было очень вкусно, –
бросил он официантке, – я за всё заплатил.

Девушка улыбнулась, радуясь чаевым.

– Будем чаще к вам ходить, если так будете всегда улы-
баться.

– Хорошо, – застенчиво прочирикала она.

– До свидания, – попрощался с улыбкой Назар и вышел
следом.

– Никакую лестницу не преодолеть с таким набитым пузом, – пошутил он.

– Божественное чувство! – восхвалил обжорство Николай.

– Куда едем? – спросил парень, когда они вышли на улицу.

– Скоро узнаешь. Нам нужно поймать такси.

Остановив машину, они отправились на другой берег реки. В сторону района, где проживал Назар. Он внимательно изучал местность. Привычка закрепилась за годы путешествий. Покинув главную трассу, компания начала петлять среди дворов, пока не остановились у ржавого забора. За железным ограждением росли корявые деревья, похожие на фруктовые.

– Приехали, – объявил Николай и вышел из машины.

Сделав два шага в сторону, Назар разглядел полностью двухэтажное здание с входом посередине. Оно оказалось чуть менее старым, чем заброшенный театр, где проводилась прошлая экскурсия. Но это здание не выглядело необитаемым, потому что в окнах мелькали человеческие силуэты.

– Что это такое?

– Это моя, а теперь уже и твоя дорога. И по совместительству работа.

– Какая-то больница? – Назар подметил в окнах пожилого дедушку и женщину в медицинском халате.

– Это хоспис.

– Что это?

– Учреждение, где оказывается паллиативная помощь.

– Здесь люди умирают?

– Как и везде, – Николай пошел вперёд по аллее ко входу.

По краям разместились белые лавочки. На подстриженном газоне, действительно, росли яблони. – Нет места на земле, которое бы так отчетливо и досконально не демонстрировало все проявления жизни человеческого существа.

– Я должен смотреть, как люди страдают?

– А ты веришь в добро?

– Хочу верить.

– Ты будешь помогать людям, зная, что это бессмысленно, – впервые за все время Николай говорил серьёзным тоном. – Помогать и понимать происходящее. Эта дорога, которая начнет с тобой совершать превращения и поведет тебя по лестнице пяти измерений наверх.

– А для какой внутренней цели? Люди ведь умирают каждый день. И я, и ты. Этого не избежать.

– Завтра ты поймешь это, – заключил спокойно Николай, – а сегодня ты познакомишься с той дорогой, которую избрал я.

Назар смиренно промолчал.

– Тем более тут очень вкусно кормят! – вернулся к своему оптимизму его друг и открыл перед гостем входную дверь.

Запахло больницей. Спиртом, лекарствами, бинтами, мощными средствами и старостью. Назару приходилось лежать в стационарах, и он знал специфичный запах, который вско-

ре уже не спутаешь ни с чем.

– Там столовая, там процедурная, там склад, там лестница на второй этаж. Тебе все еще должны будут показать.

– А тебя здесь не будет? – спросил удивлено Назар.

– Я вообще официально здесь не работаю.

– А где?

– На скорой помощи. Врачом бригады.

– Так ты врач? – такого поворота событий парень ожидал меньше всего.

– Да, всю свою жизнь. А что не похож? – посмеялся Николай.

– И очень да, и очень нет.

– Дело в голове. Для меня скорая – профессия, но помогал бы я людям и без неё.

– Почему?

– Мне кажется, из всеобщей бессмыслицы это самым осмысленным.

– Разумно.

– Скажу так, добро люди выбирают методом исключения. Ведь не существует на это никакой объективной причины, повода и цели. Как и во всем остальном.

Назар воспринимал всё, что он говорит.

– Мне скоро уже пора идти. Тобой займется Елена Ивановна. Покажет, научит. Как устанешь, можешь идти домой.

– Хорошо.

Они прошли по коридору в сестринскую комнату. Там

им навстречу выбежала женщина лет пятидесяти. Короткие кудрявые бордового цвета волосы, яркая косметика, длинный маникюр, невысокого роста. Как только столкнулась с гостями, сразу затараторила:

– Ой, кто к нам пришёл! Николай Николаевич! Как я рада вас видеть! Столько к нам не заходили... Вы же уезжали в путешествие! Ну как?! Рассказывайте! Хотите чаю с пирожками?! Я сама напекла...

– Здравствуйте, Елена Ивановна! Милая, у меня сегодня смена на скорой, – он погладил её по плечу, – я к вам помощника привёл, как и обещал!

– О, это тот самый юноша, о котором вы рассказывали по телефону! Очень рада знакомству, меня можете звать Леной или Еленой... Как нравится, – посмеялась она смущенно.

Назару она показалось очень приятной и воспитанной женщиной. Хотя вряд ли бы другие работали с Николаем.

– Меня Назар, – ответил парень женщине.

– Пусть у нас работает, если понравится. Сегодня его особо не напрягайте, а то парень провёл ночь в отделении, – посмеялся Николай, тем самым загнав Назара в краску.

Но Елена звонко рассмеялась:

– У вас такой вкус!

– Что правда, то правда, – вздохнул Николай.

– Но ничего. Я всё покажу, всему научу! Сделаем из него настоящего доктора! – сжала она по-матерински запястье юноши в своей руке.

– Тогда оставляю вас и бегу на работу!

– Конечно, конечно. Там уже вызовов куча, наверное...

Только подождите, я вам в дорогу пирожков дам...

– Да не надо...

– Надо, надо! Вам там целый день гонять...

Женщина суетливо бросилась в комнатушку, а Николай следом за ней. Назар остался один в коридоре. Любопытным взглядом он осматривал своё будущее место работы.

– Спасибо вам большое...

– Да не за что.

– Назар, подзаряди свой телефон и запиши контакты.

– Хорошо.

– А то мало ли ещё в какую беду попадешь! – Николай пожал приятелю руку.

– Не ругайте его, молодой же! – вдогонку крикнула Елена Ивановна.

– Ни в коем случае! – дверь за мужчиной закрылась.

– Ну что, пойдём быстренько чаек попьём? – с улыбкой предложила женщина.

– Можно, – не мог отказать Назар.

– Тебе уже что-то Николай Николаевич рассказал?

– Кроме того, что он здесь официально не работает – нет.

– Какой скромник. Он здесь занимает самую заслуженную должность.

– Какую?

– Он..., – она запнулась, – можно сказать, поставщик-ор-

ганизатор. Находит пациентов, лекарства, средства ...

– Он привозит сюда людей?

– Да, на скорой помощи бывают разные случаи. Попадают бездомные, совсем одинокие, беспомощные инвалиды. Так вот он их и забирает к себе, а мы общими силами выхаживаем.

– Я думал, здесь люди доживают свои последние дни.

– В том числе и так, – с грустью в глазах сказала Елена, – мы оказываем самую незначительную в большинстве случаев помощь. Многие в критическом возрасте, многие с раком на смертельных стадиях... Мы помогаем пожить ещё какое-то время и затем провожаем в последний путь.

Назар промолчал.

– В своём роде это медвежья услуга. Люди находятся одной ногой в гробу и лишь только мучаются... Но мы им пытаемся помочь. Заботой, покоем, кровом, вниманием, обезболиванием, успокоением...

Назар вопросительно взглянул на Елену.

– Сам можешь представить, какие боли на терминальных стадиях рака... Вот Николай Николаевич какими-то своими махинациями и достает из государственной казны наркотические анальгетики.

– И получается?

– Часто возникают проблемы с законом. Всякие проверки, недостачи, подозрения. Но этого человека хранит Господь Бог. Всевышний всё видит, понимает и всегда остаётся

рядом с Николаем Николаевичем.

Она налила чай и угостила пирожками.

– Эти с вареньем, эти с капустой, эти с картошкой.

– Спасибо.

– Мы с Аллой Петровной по очереди работаем. Николай Николаевич приходит периодически. Волонтеры иногда помогают. Так, конечно, трудная работа. Никто здесь надолго не остаётся.

– Случаи страшные?

– Привязанность. За ними пока ухаживаешь, они ведь как родные становятся. Кушай, кушай.

– Очень вкусно.

– Все домашнее, с огорода. – Улыбнулась она, – Можешь обосноваться в соседней комнате. Там есть кровать, зарядка...

– А что я должен делать?

– Да просто помогать. Основную работу я буду делать сама. А так, всё как за маленькими. Покормить, убрать, переодеть, помыть. С лекарствами я тебя потом познакомлю. И уколы делать научишься, и капельницы ставить, и клизму, если потребуется. Боишься клизмы? – посмеялась она.

Назар покачал отрицательно головой.

– Это самое главное. Ну что ж, – она тяжело поднялась со стула, – мне пока надо в журнале покопаться. Ты можешь сходить со всеми познакомиться. К обеду встретимся, там твоя помощь понадобится.

– А много лежит человек?

– Пока шесть. Но тут текучка страшная... Могут и привезти нового, а могут в любой момент и уйти нынешние.

– Пожилые?

– Три бабушки, один дедушка, один мужчина – инвалид и девочка.

– А у девочки что?

– Рак головного мозга, – долго под напором своих каких-то мыслей кивала Елена Ивановна.

Назар оставил остальные вопросы.

– Сходи на разведку, – вернула она свою добрую независимую улыбку, – а я подойду позже. Больные у нас пока на втором этаже.

Женщина убежала по делам в процедурную, Назар развернулся и пошел по коридору. Вокруг пустые палаты с застеленными койками. Возле каждой стояли тумбочки. Окна смотрели на зелёный сад. Комнаты одно-двух-местные. Стены зелёного цвета, видимо, совсем недавно отделанные ремонтом. Тупик заканчивался кладовкой и туалетом. Парень отправился на второй этаж. Поднявшись наверх, он оказался в общей комнате, где имелись диваны, телевизор, столы и стулья для принятия пищи. По обе стороны коридора так же располагались палаты. Приблизившись, Назар заметил сидящую в кресле белокурую девочку. Та что-то сосредоточенно рисовала. Ему не хотелось её пугать, поэтому он тихо поздоровался:

– Привет.

Она отвлеклась от рисунка и обратила на незнакомца внимание. Её лицо было очень худощавое. Кожа казалась натянутой на скулы. Под зелёными с примесью жёлтого оттенка глазами огромные чёрные мешки. Но, несмотря на последствия, заболевания девочка оставалась очень милостивой.

– Здравствуйте. Вы новый пациент?

– Нет... Я, – замешкался парень, – я здесь буду работать...

Подрабатывать.

Ребенок задумался.

– Друг Николай Николаевича?

– Да. Меня зовут Назар.

– А меня Лиля.

– Тебе сколько лет?

– Тринадцать.

Молчание.

– Но я люблю говорить, что мне уже за восемьдесят и что мне пора умирать.

– Почему? – испуганно спросил Назар.

– Потому что это говорят мои подружки, которые тут находятся.

Назар улыбнулся, вспомнив про старушек.

– Одной 70, другой 89, третьей 93. Раньше все разговаривали, но потом состояние ухудшилось...

– Они ведь старенькие совсем.

– А тебе сколько? Ты выглядишь как сын Елены Иванов-

ны.

– Откормила она меня точно, как сына. Мне 25.

– Такое она любит, – Лиля немного посмеялась, – 25 лет – это много уже.

– Да.

– Но ещё и не совсем. Хотя для всех по-разному.

– Что ты рисуешь? – посмотрел Назар на рисунок.

– Коалу. Мое любимое животное.

– Почему?

– Не знаю. В детстве у меня была мягкая игрушка. Такой кругляшок, наподобие смешарика. Вот я его рисовала постоянно, игралась с ним.

– А сейчас она где?

– Не помню. Наверное, дома осталась.

– Её никак не забрать оттуда?

– Скорее всего, нет.

– Покажешь рисунок?

– Конечно, вот, – она продемонстрировала своё творчество. Выглядело неплохо .

– Ты хорошо рисуешь.

– Спасибо. У меня просто рука уже набита на этих животных. Над моей кроватью сотни рисунков коал. Я всегда дарю по одному Николай Николаевичу, Олесе, Елене Ивановне, Алле Петровне... Могу и тебе подарить.

– Если можно.

– Только давай я этот дорисую. Сделаю лучше, – глаза

заискрились, они были наполнены жизнью несмотря ни на что, – я просто ведь не знала, что у меня так неожиданно новые друзья появятся.

– И я не знал.

– А ты в курсе, что они в Австралии только живут?

– Мне казалось, что ещё где-то.

– Нет. Они прямо как кенгуру. Вообще все сумчатые только в Австралии обитают. Я это по телевизору услышала.

– Я знаю, что кенгуру очень драчливые.

– Правда?

– Да. Видел пару видео, где они дерутся, как настоящие рестлеры.

– Это кто?

– Дядьки, которые в клетке борются.

– А. Илья такое любит смотреть. Ты кстати бывал в Австралии?

– Нет. Но хотел бы.

– Я тоже, – улыбнулась она. – Работала бы в приюте для коал и панд. Перекладывала их бы с одного места на другое.

– Интересно.

– А ты почему?

– Там большой риф, – вспоминал Назар, – самые длинные по протяженности заросли подводных кораллов. Там много различных рыб, медуз, осьминогов. Хотелось бы там поплавать с маской и трубкой, поглядеть на них.

– А как бы ты туда добрался?

– Можно было бы нанять лодку. Или самому доплыть.

– Там есть акулы?

– Наверное.

– Хотя конечно они там есть. Везде, где красиво ,очень опасно.

– Точно. А еще там волны достигают самой большой высоты на планете. Почти как цунами.

– А как же тогда на кораллы смотрят?

– Там же волны не всегда, – заверил Назар, – только в какое-то особое время года.

– Зимой, наверное.

– Наверное.

– Может, когда-нибудь удастся съездить, – подбодрила Лиля.

Назар замолчал, ему стало не по себе. Мало людей он встречал, которым не мог смотреть долго в глаза, но эта девочка оказалась одной из тех.

– Хочешь я проведу тебе экскурсию? – пришла она сама ему же на помощь.

– Хотелось бы. А то я совсем тут ничего не знаю. Елена Ивановна меня бросила и убежала.

– Тогда возьму на себе на недолго её обязанности. Пойдём.

Она резко вскочила, но затем остепенилась и замедлила темп. Быстрые движения, видимо, ей были противопоказаны. Лиля совсем выглядела худой, её нога была толщиной с

руку Назара . Но активности при всём этом ей было не занимать.

–Пойдём сначала к нашим бабушкам, – взяв роль гида, гордо заявила Лиля.

Они зашли в двухместную палату. На одной лежала женщина моложе, на другой старенькая маленькая старушка.

– Вот у неё Паркинсон и полная амнезия, – присела Лиля к женщине, – нашли на улице во время приступа судорог. Не знаю, может, в тот момент она ударилась головой или уже прежде ничего не помнила... Имени своего не знает, документов при себе не имела. Вначале ещё разговаривала, сейчас вообще ни на что практически не реагирует. Мы её прозвали Соня, потому что постоянно спит... Но с открытыми глазами.

Женщина лежала с открытым ртом буквой «о». Губы запали и по краям засохли слюни. Глаза смотрели в пустоту. Конечности выглядели хаотично перекрученными: руки в запястьях смахивали на куриные лапки, ноги в коленях были обращены в противоположные друг от друга стороны. Женщина почти сваливалась с кровати. Назар попробовал её передвинуть, но её тело оказалось каменным. Члены были словно загипсованы в одном положении. Пациентка никак не отреагировала на прикосновения. Она издавала слабый стонущий звук, который, кажется, являлся её единственной возможной речью.

– Она не подвижна, – подметила Лиля, но все равно своей

хилой помощью поспособствовала Назару. Вместе у них получилось передвинуть больную на середину.

Парень ничего не мог сказать. В носу стояла вонь от засохшей мочи и памперсов. Душа испытывала страх и жалость. Назар мог долго глядеть на неё и ужасаться. Конечно, он много читал и был знаком с такими формами болезни, но для того, чтобы вживую столкнуться с незавидной судьбой другого человека, никто не может быть до конца морально подготовлен.

– А это Никитишна, – перешла к другой койке Лиля, – она глухая, слепая и тоже не особо общительна. Вчера или позавчера прекратила есть и вот так вот теперь постоянно лежит.

Крохотная бабушка свернулась в позу эмбриона, подложив дряблые руки под длинные седые волосы. Иногда она поднимала тяжелые морщинистые веки, но затем вновь безразлично их опускала.

– С ней и до этого тяжело было беседовать. Она помнила только моменты из своего далекого прошлого. Как жила в деревне, доила корову, ухаживала за детьми и за мамой, пока муж работал в колхозе. Но в настоящем времени очень путается. К ней иногда заходят её сыновья, но она их даже не узнаёт или называет именами своих братьев.

– Сколько ей лет?

– 93.

Так выглядела угасающая жизнь. Жизнь, которая как и текла незаметно, так и исчезнет бесследно. Никто уже не

вспомнит её детали, её яркие моменты, её воспоминания, даже сам хозяин этой жизни их окончательно позабыл. Всё стерлось, перемешалось и стало ничем.

– Здесь иногда понимаешь, как хорошо, что ты не доживешь до старости, – усмехнулась Лиля.

Назар подумал, что если бы захватил с собой сейчас дневник, то обязательно бы записал следующее:

«У тебя имеется всегда повод стараться быть счастливым. Ведь всегда есть жизни хуже, чем твоя».

– Пойдём дальше.

Девочка поднялась и направилась к выходу.

– Тут вот лежит наш Ворчун, – она не стала заходить в следующую палату, – дедушка очень злой и вредный. Я с ним никогда даже не разговаривала.

– А он может говорить?

– Да, но в основном, лишь бранится. Никого к себе не желает подпускать, всех отталкивает. Как мне известно, его Николай Николаевич нашел дождливой холодной осенью возле канализационных труб. Знаешь... Из которых пар выходит... На них ещё обычно кошки сидят...

Назар кивнул.

– Так вот он там лежал, завернутый в дубленку. А до этого он жил то в подвале, то в канализации. В общем, бездомный.

Парень заглянул в дверную щель и увидел бородатого старика. Тот сидел, свесив ноги с кровати, и смотрел через оконное стекло на улицу.

– А вот тут, – сменила девочка голос на более веселый, – живёт Алексеевна. Она хорошая. Стихи любит рассказывать наизусть. У неё такой же диагноз, как и у меня.

Ребята зашли в одноместную палату. Старушка лежала под капельницей. Особой массой тела, как и все, не обладала, но выглядела активной. Несмотря на морщины и седину было очевидно, что являлась красавицей в молодости.

– Ой, Лилечка, привет, – она хотела бы от радости говорить больше, но становилось тяжело, – как ты?

– Здравсте, – обняла девочка бабушку как родную, – у меня всё хорошо. Я к вам привела познакомиться нового врача.

– Ой, да ты что! Вот теперь заживем, как на самом настоящем курорте с таким обслуживанием, – пошутила Алексеевна, но затем с болью закашляла. Лицо вмиг сменилось на страдальческое.

– Меня Назар зовут.

– А по имени отчеству? А то я так не могу с врачами.

– Да я не врач.

– Но все же.

– Андреевич.

– А я Маргарита Алексеевна. Теперь будем знакомы, – она с трудом протянула руку и легонько, на сколько позволяли силы, пожала пальцы парня. – Ты бы предупредила, Лиль, я бы хоть в порядок себя привела...

– Вы и так что надо выглядите! – подбодрила Лиля.

– Скоро с тобой обязательно на танцы пойдём. Как я в

свои молодые годы. Все кавалеры будут наши. Платье тебе подберем. Знаешь, какое?

– Какое?

– Такое вульгарное, экспрессивное! – В красках описывала старушка. – Как на лучших карнавал Рио! Возьмем с тобой дорогушее каберне и отправимся в кабак танцевать всю ночь танго.

– Мне нравится, – захихикала девочка.

– Ещё бы. Жизнь для того и дана. Надо пользоваться каждым моментом. Это одно из точных убеждений за всю мою жизнь, в котором я уверена на сто процентов. Ни о чем не жалеть. Всё – полная фигня. Важно лишь веселиться и нести радость. Всё в итоге со временем отправится в помойку...

Ей вновь тяжело стало разговаривать, но она повторила:

– Только вино и танцы. Истина в вине. А вы, молодой человек, каких поэтов предпочитаете?

– Мне нравятся Маяковский, Пастернак, Бродский.

– Ой, как чудесно. Я в прошлом работала учительницей русского языка и литературы, даже Евгения Онегина знала наизусть. Сейчас уже мозг отмирает, не смогу исполнить...

– Да вы и сейчас прекрасно помните, – не согласилась Лия.

– Стараюсь не забывать прекрасное. Это моя борьба с поганой болезнью. А в своей молодости мне даже удалось побывать на выступлениях Цоя.

– Правда? – улыбнулся Назар.

– Да. Мы с мужем обожали подобные вещи. Готовы были все сбережения потратить на квартирники.

Она мечтательно окунулась в воспоминания и на миг забыла о боли.

– Ещё спектакли обожали. Каждую субботу наряжались в новые тряпки и шли в театр. Вы любите театр, Назар Андреевич?

– Да, очень.

– Значит, вместе когда-нибудь сходим. Я бы продала всё – квартиру, дачу, драгоценности, чтобы приобрести билеты, купить роскошные вещи, сходить на мюзикл, а потом сразу улететь на танцы в Бразилию.

Девочка посмеялась.

– Да, – пропела старушка, – что полутрупы обожают делать, так это мечтать...

– Зато можно не переживать, что мечта осуществится и её не станет, – раздался незнакомый мужской голос.

В дверях появился мужчина около 30 лет. Он был заключён в коляску, так как ноги ему ампутировали. Черноволосый, гладковыбритый, худой как и все, но с более уставшим и поникшим взглядом.

– А это Илья, знакомьтесь.

– Назар.

Илья с улыбкой пожал ему руку.

– Возиться с нами будете?

– Да. Николай пристроил.

– Вы, видимо, хороший человек, раз он к вам обратился.
Назар промолчал.

– Николай Николаевич разглядывает сразу. У него врожденный рентген на подлинное добро.

– Внутренний свет, – поправила Алексеевна.

– Да, против жизненной тьмы... Вы с ним на скорой познакомились?

– Нет, – ответил Назар, – в путешествии.

– А, да. Он же ездил за шишками на варенье для Олеси.

– Меня она обещала угостить. – Похвасталась Лиля. –
Кстати, Илья, знаешь, где мечтает побывать Назар?

– Где? – с любопытством спросил он.

– В Австралии. На кораллы посмотреть хочет и на волнах покататься.

– На сёрфе? – заискрились глаза инвалида.

– Я не умею, но очень хотелось бы научиться.

– Обязательно научись. Это же прекрасно. Можно всю жизнь этим заниматься и больше никогда ни о чем не думать. Это же океан. Кто связывает с ним жизнь, автоматически попадает в рай. Рыбаки, сёрферы, моряки...

– Мой муж рыбачил на Волге... Это считается? – пошутила Алексеевна, а и все посмеялись.

– Если он только любил купаться!

– Конечно.

– Тогда да. Все, кто любил жизнь, попадают в рай. А вообще где ты еще путешествовал? Я обожаю просто слушать

подобные истории.

– На Алтае... Байкале... Камчатке.

– И в гейзерах купался?

– На Курилах.

– И как?

– Потом неделю вонял сероводородом.

Илья громко рассмеялся.

– А так, мне сейчас без разницы где странствовать. Главное – дорога.

– Почему?

– Она лечит.

– Ты в ней что-то находишь, пока идешь?

– Забираю скорее и накапливаю в себе.

– Что именно?

– Свободу и легкость в отношении ко всему. Доброжелательность от людей. Красоту от природы. Принятие от самого себя.

– Интересно. Я тебе завидую. Ты автостопом?

– Да.

Компания смотрела заворуженно на юношу.

– А хотел бы побывать на малазийских островах? Это просто моя самая заветная мечта.

– Да, там очень красиво, – Назару было тяжело говорить и впадать в грёзы перед пациентами.

– Но туда на самолёте, скорее всего, надо... Или ты бы тоже автостопом?

Его глаза горели. Дайте дневник, и Назар бы записал одно:

«Даже своими действиями ты можешь другим людям дать возможность почувствовать жизнь».

– Я бы вообще на товарняках поехал.

– Ого, – воскликнул радостно Илья и подтянул своё тело повыше, оперевшись руками на поручни.

– А что это? – спросила Лиля.

– Товарняки? – решил взять на себе пояснение Илья. – Это товарные поезда. Некоторые путешественники цепляются за один из вагонов такой махины и едут, куда взбредет в голову.

– А так можно?

– Нет, конечно. Это строго запрещено. Но можно укрыться где-то внутри вагона.

– В какой-нибудь куче каменного угля, – посмеялся Назар, и все залились хохотом.

– Зато, какая романтика! – заявила Алексеевна.

– Это точно, – выдохнул Илья с улыбкой.

– Я вижу, вы тут уже познакомились! – пожаловал ещё один гость.

– Я бы даже сказал – подружились! – поправил Илья. – Какого вы интересного парнишку к нам привели, Елена Ивановна.

– Да сами знаете кто постарался! – отмахнулась медсестра.

– Ему бы с девчонками гулять сейчас, а он тут с нами во-

зиться будет, – возмущалась Алексеевна.

– Я сам же захотел, – заверил Назар.

– Мы будем стараться не сильно докучать, – пришла Лиля на помощь, – сохранять своё здоровье в стабильности.

– Это правильно. Давайте пока по палатам, сейчас обед. А я украду Назара и всё ему как раз покажу, – засуетилась Елена Ивановна.

– Сегодня, значит, будет особенный обед! – заявила старушка под капельницей.

– Новые таблеточки и укольчики, – пошутил Илья, направляя коляску к выходу, – у меня уже задница, как бетон.

– А у меня рак уже как омар, – добавила Лиля и сразу дернулась к себе в палату.

– Я тебе говорила так не шутить! – получила девочка вслед грозное замечание от Елены Ивановны, которая действительно изменилась в лице. Эмоции чередовались одна за другой в турборежиме.

– Только шутки сейчас как раз и спасают, – безмятежно крикнула Лиля.

– Засранка. Ладно... Пошли.

Назар с Еленой направились на первый этаж.

– Со всеми познакомился?

– С дедушкой только нет.

– А наш Ворчун ни с кем не знакомится. Вечно злой. Николай Николаевич нашел его в подворотне. Пропил, небось, всё, а сейчас расплачивается ...

– Он ничем не болеет?

– У него гипертония. Смотри, тут запомнить не сложно, – спускаясь аккуратно по лестнице, начала объяснять женщина, – он пьет свои таблетки. Если будет давление подниматься, пусть дополнительные выпьет. У бабушки с Паркинсоном наоборот оно пониженное, поэтому ей колем Дексаметазон, но это я сама сделаю. Твоя задача будет мне помогать её перекладывать. Там, знаешь, подузники или постельное белье поменять... Старенькую бабушку надо просто кормить. Прямо заставляя и заставляя. Она сама уже понимаешь... Илюше инсулин делаем два раза в день, но он и сам умеет.

– У него сахарный диабет? – спросил Назар.

– Да. Страшной формы. Сахар больше 20 может зашкаливать, если вовремя не уколоть.

– И ноги из – за болезни ампутированы?

– Да. Начали гнить и вот... Оперировали года три назад. После этого ушёл в себя и пытался передознуться инсулином. Тогда Николай Николаевич и повстречался с ним на вызове. Ещё чуть – чуть и гипогликемическая кома...

– А Лиля?

– Лилия из интерната. Уже полгода у нас. Как определился диагноз, и начались осложнения, Николай Николаевич её к нам забрал. Очень привязан доктор к этой девочке.

– Долго уже здесь, – заключил Назар.

– Да. Много смертей повидала. Позавчера только похоронили бабушку с раком желудка. Началось внутреннее крово-

течение и не успели спасти.

– Лиля не говорила.

– Девочка отходчивая. Уже привыкла. Даже со своей смертью смирилась.

– Ей действительно всего лишь 13?

– Да.

Назар много хотел сказать, но понимал, насколько в словах нет смысла.

– Ей и Алексеевне прописаны наркотики с химиотерапией, которая проводится по вторникам и четвергам. А из препаратов: девочке мы даем Феназепаму половину дозы, а бабушке наоборот двойную. При сильных болях используем Морфин.

– Часто бывают такие боли?

– У бабушки практически каждый вечер. Но уколами в основном пока буду заниматься я, а ты пока запоминай. Сейчас в процедурной покажу что где находится.

Через час Назар знал обстановку процедурной. Елена показала как менять капельницы, мерить давление и делать элементарные уколы.

– В вену научишься со временем, – заверила она.

Они вместе заполняли бумаги, а потом Назару было доверено первое самостоятельное дежурство. Решил начать с дедушки. Он подошёл к его койке, пока тот лежал, читая газету.

– Можно ваше давление померить.

Ворчун никак не среагировал, делая вид, что парня не существует.

– Давайте померяем.

– Не надо, – злобно огрызнулся тот.

Назар растерялся.

– А если высокое?

– Я мерил, в норме. Иди на других учись.

Старик всем видом показывал, что больше не скажет ни слова. Назару ничего не оставалось, как оставить его и пойти дальше.

Он зашел в двухместную палату, где лежали две бабушки. Обе не желали принимать пищу, их порции так и остались стоять на тумбочке. Парень подошёл к Соне. По запаху стало понятно, что она испражнилась. Рот так и оставался открытым, издающим стонущие звуки.

– Придется вам немножко потерпеть, – пробубнил Назар.

Он перевернул медленно её набок и увидел что пролежни на ягодицах начали кровоточить. Парень сходил за Хлоргексидином, стерильными салфетками и тщательно обработал раны. Вторая бабушка безэмоционально наблюдала за манипуляциями. Юноша поменял памперс и еле справился с заменой белья.

– Вот видите и гимнастикой с вами позанимались, – с глубокой одышкой закончил медработник.

Теперь женщина лежала по центру и выглядела чище. Стон не прекращался. По её пересохшим губам Назар ре-

шил, что она хочет пить. Пришлось намочить салфетку и аккуратно смочить ротовую полость, так как глотками воды она могла подавиться. Затем медбрат направился к соседней койке.

– Давайте поедим! – первые минут десять он пробовал до Никитичны докричаться, следующие двадцать уговаривал её взять ложку с кашей в рот.

Бабушка то бессмысленно смотрела на парня своими пустыми глазами, то просто их устало закрывала. Один раз удалось открыть рот. Правда, затем содержимое ложки вывалилось на подушку. Парень вытер кашу и предложил пациентке попить через трубочку компот. На это она согласилась. Выпила целых пол стакана.

– Не старайся, – раздался голос в дверях, пока Назар стоял на корточках возле койки, – она очень привередливая к еде.

Это оказалась Лиля. Девочка стояла на пороге, пряча руки за спиной.

– Я уже понял, – усмехнулся Назар и сдался окончательно.

– Я тут тебе кое-что принесла, – девочка зашла в палату и протянула подарок, который так усердно прятала.

Им являлся тот самый рисунок коалы, только уже доработанный и разукрашенный.

– Ничего себе! Очень красиво!

– Может, когда-нибудь привезешь мне с Австралии, – покраснел ребёнок.

– Я могу это у себя повесить?

– Да где хочешь. Он твой.

– Спасибо, мне очень приятно.

– Да не за что.

Лиля начала очень смущаться, поэтому мигом зашагала ребяческим шагом к выходу.

– Я таблетки выпила и всё съела. Можешь проверить!

– Молодец.

Девочка засмеялась. Вдруг по коридору раздался крик Елены Ивановны:

– Назар!

Парень мигом кинулся в коридор. Лиля уже как будто знала, что происходит и сразу направила его:

– К Алексеевне!

Они оба кинулись в нужную палату. Елена уже находилась там и держала бабушку за голову. У той внезапно начались судороги.

– Снова боли, – прокомментировала старшая медсестра, – набирай в шприц морфин, а в другой Конвулекс. Всё лежит на столе. Конвулекс разведи на десять физраствора. Я пока капельницу поставлю.

Назар замешкался, но всё сделал, как ему велели. В один набрал противосудорожный, который Елена сразу ввела в вену. В другой чистый наркотик, который отправился в банку физраствором. С закатившимися глазами Алексеевна держала челюсти плотно сомкнутыми. Елена старалась оказывать помощь быстро и, даже несмотря на склерозированные

вены, иглой попала молниеносно. Лекарство пошло.

– Сейчас должна боль немного утихнуть, – обливаясь потом, выдохнула Елена .

– Ей станет легче? – от волнения речь парня стала сбивчивой.

– Должно. Опухоль большая, поэтому с каждым разом сложнее купируется.

Назар глянул в проход, Лиля стояла на том же месте и наблюдала за происходящим.

– Надо будет с ней посидеть рядом, пока не станет лучше.

– Я останусь, – сразу вызвался Назар.

– Хорошо. Если что, зови. Я пока остальных ещё разок проверю. Пошли, Лиля, хватит смотреть, – Елена поднялась со стула и прихватила на выходе с собой девочку . Та успела попрощаться взглядом с новым другом.

Назар сидел и внимательно смотрел на старушку, моментально реагируя на каждое её движение. Судороги, действительно, быстро прекратились, и бабушка пришла в себя. Хоть она и узнала Назара своим пустым взглядом, но все равно ничего не смогла ни сказать, ни сделать. Тело оставалось в одном положении. Назар надеялся, что ей станет лучше. Больше всего сейчас он боялся, что судороги вновь повторятся.

– Вам лучше? – пытался он у неё удостовериться. Пациентка лишь кивнула слегка головой.

Парень взял её вторую повисшую руку и сжал своей. На

лице старушки возникла слабая улыбка.

– Как она? – донесся звук колес кресла – каталки.

Назар обернулся и увидел Илью, который своими мрачными глазами наблюдал развёрнутую картину.

– Вроде лучше уже.

– Да, – мужчина заехал внутрь, – Лекарство быстро действует. Правда, у неё эти приступы случаются чаще и чаще.

– Мне сказали, что каждый вечер.

– Организм пожирает сам себя.

Назар промолчал.

– Насколько мы всё-таки беспомощны в его делах и задумках. Убивает, когда хочет. Ломает и радуется, когда хочет.

– Здесь будто живет что-то, помимо неё, – высказался про опухоль с бледным лицом Назар.

– Да. Но она молодец. Держится стойко.

– Очень. Такая веселая.

– Всё, что остаётся – это быть сильным. На другое люди повлиять не могут.

– Не всегда хватает сил.

– Надо вечный источник найти.

– Вера?

– Хотя бы.

– Ты сам веришь?

Илья задумался.

– Да. Я верю. На моем месте это трудно, но я верю.

Его круги под глазами становились темнее, а кожа на теле

прозрачнее.

– Когда тебя лишают тела, молодости, возможностей, дружбы, любви, справедливости, понимания, тогда ничего не остаётся, кроме как черпать счастье и надежду из Бога. Ты просто начинаешь верить и всё. Насрать, что ты обманываешь самого себя. Насрать, что Бога то, может, и нет. И вообще ничего нет. Насрать, потому что, когда ты исчезнешь и исчезнет всё, что ты любил, уже точно будет абсолютно ничто не важно.

– И ты счастлив?

– Да. Я нашел свой путь. Банальный, самый используемый. Знаешь, ещё по какой причине я верю, что Бог есть?

– Почему?

– Чтобы при встрече плюнуть ему в лицо. И заставить перед людьми извиниться.

Назар усмехнулся:

– Думаешь, он это сделает? Ему либо всё равно, либо мы для него в роли игрушек на детской песочнице.

– Думаю, если он хороший человек, как о нём все говорят, то он обязательно извинится.

– В том то и дело, – положив аккуратно руку Алексеевны на кровать, сказал Назар, – что он не человек.

– То, что каждый человек здесь переживает, ему в его радужных снах не приснится.

Тут неожиданно Маргарита Алексеевна начала петь. Сначала тихим хриплым голосом, а потом громче и чётче. Гла-

за глядели на мужчин, их не покидало опустошенное выражение. Назар забеспокоился, но Илья улыбнулся и шепотом произнёс:

– Она всегда начинает петь, когда начинаются сильные боли. Опухоль шевелится, а она поет ей назло. Так борется.

Назар, замерев, слушал прекрасное и одновременно самое что ни на есть грустное пение. Прекраснее и грустнее всего, что есть на этом свете.

– Человек намного сильнее бога, – подтвердил слова Ильи, развернулся и уехал.

...

Парень вышел из палаты, когда Алексеевна закрыла глаза. Капельница медленно капала, её должно было хватить надолго. За окнами уже стемнело. На часах 11 вечера. Хоспис погрузился в сон. Назар шёл вдоль палат. Илья лег в койку прямо в одежде. Лиля, свернувшись калачиком, сопела под одеялом. Старик, услышав, что к нему пожаловали гости, отвернулся и уперся лицом к стене.

Медбрат проходил мимо заключительной двухместной палаты. Соня спала, а вот Никитична нет. Она смотрела куда-то в сторону, всё так же не шевелясь. Еда оставалась нетронутой на тумбочке. Назар зашел в палату и, чтобы не разбудить вторую женщину, начал говорить в пол-голоса:

– Надо все-таки добить эту кашу, а то вы совсем ничего не едите.

Он взял в руки тарелку и не спеша, без торопливой на-

стойчивости принялся подносить ложку ко рту старушки.

– Давайте. Надо есть. Думаете, мало причин, чтобы есть? Надо обязательно. Надо кушать, чтобы лучше себя чувствовать. Чтобы порадовать своих детей. Всех родных и любимых, – медленно начал перечислять Назар, – Чтобы Николай Николаевич не расстраивался. Чтобы ваша соседка пришла в себя. Чтобы у вашего соседа по палате перестало повышаться давление. Чтобы Алексеевну оставила боль, и она отправилась на спектакль, а затем в Рио-де-Жанейро. Чтобы Илья смог попасть на тропические острова и остаться там жить. Чтобы Лиля выздоровела и прожила долгую счастливую жизнь, как вы.

Или произошло чудо, или старушка каким-то образом услышала и поняла, но она пошла навстречу. Две или три ложки все таки съела.

– Вот видите, как много причин, чтобы вы ели.

Назар ещё долго сидел около бабушки, пока та не закрыла глаза и не погрузилась в сон. Становилось ясно, что ей недолго осталось. Смерть уже парила над её душой и медленно забирала последние крупницы жизни. Бабушка уже не сопротивлялась и встречала дорогую гостью, как давнего друга. Не было ни сожалений, ни страха, ни ожиданий. Здесь её больше ничего не держит. Она понимала, что просто пройден какой-то этап. Но, а сейчас ещё пока впереди череда красочных сновидений.

У Назара не осталось сил возвращаться в свою каморку.

Он просто зашел в соседнюю свободную палату, на случай если кому-то понадобится, и изнеможенный завалился на койку. Но прежде чем окончательно уснуть, записал в свой дневник:

«Больше всего хочу, чтобы никто никого никогда не терял в этой жизни».

Глава 4. Как Хелтер – Скелтер

Ночь прошла спокойно. Назар провалился глубоко в сон. Проснулся в той же позе, что и заснул. Сквозь мутную пелену глаз он увидел сидящий на стуле силуэт. Парень об подушку потерся лицом и взглянул ещё раз, признавая Николая.

– Спишь, значит, на работе? – хитрым взглядом окинул тот юношу.

Назар резко вскочил и виновато сел на край кровати.

– Что-то случилось?! – осипшим голосом спросил он.

– Да нет. Все хорошо. Правильно сделал, что поспал, а то выглядел ты очень уставшим.

– Что-то вырубил, – подтвердил Назар.

– Смотрю, новых друзей себе нашел?

– Да, вот, – медбрат продемонстрировал подаренный рисунок, который лежал рядом с ним на полке всю ночь.

– Лиля вместе с Алексеевной в тебя чуть ли не влюбленные! – посмеялся Николай.

– Ага. Уже на танцы и на мюзиклы зовут.

– Это хорошо. Значит, нашли в тебе что-то. Людей, которым нечего терять, так легко не обманешь.

Назар промолчал на это замечание.

– Твоя как смена прошла?

– Да как всегда. Пьяницы, сумасшедшие, гипертоники...

Но поспать удалось.

– Много вызовов?

– Относительно. Когда-нибудь тебя с собой возьму. Мне Елена Ивановна доложила, что ты кое – чему здесь научился...

– Памперсы менять, – усмехнулся Назар.

– Это кстати самое сложное. Я до сих пор не умею!

Они оба посмеялись.

– Но и, конечно, прощаться с людьми. К этому порой невозможно привыкнуть.

– В этом и заключается суть выбранной дороги? – задумался Назар. – Разочаровываться каждый раз в жизни?

– Увидеть все её стороны. Поставить себя на место каждого существующего человека. Понять, что жизнь – это борьба, которую ты обязательно примешь.

– Борьба ради чего?

– Ни ради чего. Нет того результата, который бы нам подошёл. Нет приза в финале, оправдывающего все старания, надежды и утраты. Но есть принятие и все последующие процессы после него. Это одно из составляющих элементов лестницы пяти измерений.

Николай смотрел глубоко внутрь Назара.

– Как улитка, ползущая к вершине Фудзи. Ей тяжело, сложно, невыносимо, но она ползет, несмотря ни на что.

– Но зачем ей туда ползти?

– Это её путь, на протяжении которого будут происхо-

дить изменения. Улитка станет неуязвимой и совершенной. И вскоре обнаружит в себе вечный источник счастья.

Николай поднялся со стула и направился к двери, Назар поспешил за ним.

– То есть, на вершине Фудзи что-то все-таки есть?

– Определенно.

– А улитка знает об этом?

– Она догадывается, но по большей части ею движет вера.

– Но ведь ей что-то нужно изначально иметь внутри для того, чтобы не сдаваться и не сойти с пути? Какой-то стимул, какой-то аккумулятор, который её всегда подбадривает и ведёт вперед...

Николай расплылся в улыбке. Они стояли возле палаты Лили, где белокурая девочка играла в куклы и ела ягоды с другой рыжей малюткой. Назар присмотрелся и сразу узнал её. Та самая малышка из подземного перехода. Та юная певица, которая его очаровала своим пением. Та участница самобытной музыкальной группы, удравшая вместе со своим напарником от полиции. Маленький Робин Гуд, раздавший собранные деньги незнакомым бабушкам. Парень остолбенел.

– Очень вкусные ягоды, Николай Николаевич, – поблагодарила Лиля врача, – о, доброе утро, Назар Андреевич!

– Доброе, – выдал юноша, не сводя глаз с рыжей девочки.

– Мы тут сделали наброски домика для наших коал, – малышка спрыгнула с кровати и побежала к Николаю.

– Олесь, познакомься с нашим новым членом семьи, – представил он ей Назара.

«Так вот кто такая Олесья! Это не его жена, а дочь! Какой ещё семьи?» – шквал мыслей накрыл парня с головой. Он недоуменно стоял и не мог произнести ни слова.

– О, – воскликнула девочка, хорошо присмотревшись, – так я его знаю...

– Вы знакомы? – удивился Николай.

– Да, мы..., – Назар запнулся, но Олесья пришла на помощь.

– Этот дядя нам помог убежать от охраны в переходе, когда мы были на задании с Валерой, – девочка прижала на радостях к себе куклу, – он что теперь будет с нами?!

Назар посмотрел на людей вокруг. Кажется, он один здесь ничего не понимал.

– На каком ещё задании? В смысле с вами?

Николай загадочно усмехнулся.

– Тебе пора всё объяснить и кое с кем ещё познакомить.

– Да, пора бы уже! – восторжествовала девочка. – Ребята очень обрадуются!

– Лиль, – обратился к своей пациентке Николай, – нам надо отлучиться ненадолго...

– Да? – Разочарованно произнесла девочка. Ей, видимо, хотелось поучаствовать в общем знакомстве тоже. – Ну, хорошо...

– Мы за новой куклой съездим. Вам же с Олесей как раз

не хватает одной для полной коллекции.

– Ура! – Олеся бросилась прощаться с подругой. – Купим Стеллу и будем как в мультфильме! Там, правда, к ним ещё комнаты и машины продаются...

– Но это уже потом! – заявил Николай.

– Да-да, конечно.

Рыжая девочка крепко обняла и поцеловала подругу.

– Пока, – помахала рукой Лиля, – Назар Андреевич, а вы когда в следующий раз работаете?

Назар затруднялся с ответом. Мысли оказались перемешаны в кашу. Парень вопросительно посмотрел на своего друга.

– Скоро. Я составлю удобный график, и Назар обязательно вернется, – утешал девочку Николай. Та засияла от счастья и запрыгнула обратно в кровать.

Олеся убежала вперёд. Назар замедлил по лестнице шаг, ожидая пояснений.

– Помнишь, ты меня спрашивал, что движет улиткой на её пути? – начал серьезно Николай.

– Да.

– Ею движет идея. Та самая идея, которая бок о бок проходит с выбранной дорогой. Человек становится одержим ею, и после этого он перестает ощущать все тяготы пути.

– Эта та самая идея, о которой вы обещали рассказать?

– Да. Та самая, которой мы посвятили жизнь.

– Кто мы?

Николай открыл дверь на улицу. За ней стояли два болтающих парня. Один помладше, другой постарше. Олеся помчалась к ним навстречу, чтобы первой донести важную новость.

– Егор, Валера, у нас новый член семьи! Его зовут Назар!

Парни посмотрели друг на друга. Младшего Назар знал, это был тот самый гитарист. Затем второй снял очки, и новичок семьи совсем опешил от удивления. Егор. Организатор рейва. Чокнутый диджей.

– О, старый знакомый, – засмеялся в своей манере псих, – так мы с ним хорошо знакомы...

– Вы все что ли уже знакомы? – недоумевал с улыбкой Николай,

– Я нет, – буркнул Валера, видимо, не узнав парня.

– А я да. И ещё как! Он меня от мусоров прикрыл!

– И тебя тоже?! – захохотал в голос Николай, а за ним и Олеся.

– В смысле тоже?! – возмутился Егор и пожал руку Назару. – Именно по моей вине его повязали и посадили в бобик...

– Так вот как ты в отделении оказался, – ухмыльнулся Николай, глядя на бедного парня, потерявшего в буре событий дар речи, – я не удивлен почему-то!

– Да прекращай, Нагваль! Сам же знаешь, что я никогда не стану подставлять кого-то, особенно, если дело может коснуться Валдая и его шайки. Тут дело вот как обстояло... Я

себе диджеил на рейве, никого не трогал, спасал мир своей неземной музыкой, как тут подруга приводит знакомиться Назара. Мы с ним душевно потрепались. Потом мусора вычислили нас и организовали обвал. Когда началась паника и массовый побег, наш герой остался со мной и не покидал боевую позицию до самого конца, пока его лицом не уткнули в пол поганые копы...

Валера засмеялся:

– А тебе удалось сбежать?

– Да я быстро вырубил свет и скрылся за кулисами. Аппаратуру же нельзя было бросать.

– Но ты бросил Назара! – грозно уткнула руки в боки Олеся.

– Пирожок, там вся моя техника стояла. Тем более, я знал, что паренек впервые на таком мероприятии и приводов у него за спиной не имеется.

– Всё равно! – наезжала на него девочка.

– Драться хочешь?! – выставил вперед кулаки диджей и шуточно начал махать с ребенком. Затем схватил её на руки и, пока она визжала и брыкалась, поинтересовался: – А сам-то ты как в заброшке оказался?

– Ну..., – замешкался Назар. – Я вообще там живу.

– Ты живешь в заброшенном театре? – удивился Валера.

Тут Николай возмущенно вступил в беседу.

– Ты в «пионерах» проводил рейв?! Я же тебе говорил к нашим точкам не приближаться со своими дискотеками...

Егор быстро парировал.

– Это для дела. Много народу собралось, я не мог отменить сходку. Тем более, всё прошло довольно гладко...

– Не учитывая полицейского визита, – осуждающе продолжал испепелять глазами Николай.

– Нагваль, да хорош. Они ничего не заподозрили .

– Нагваль? – переспросил Назар, услышав прозвище уже во второй раз.

– А, да. Мы же не представились, – Егор собрал команду в одну кучку и, дурашливо изображая любящего семьянина, каждого чмокнул в щечку и назвал по двойному имени, – Коля – "Нагваль", потому что главный шаман в нашем деле. Валера – "Сад". Я – "Лето". А Олеся – "пирожок".

– Почему это я пирожок? – возмутилась и отпрянула от Егора девочка.

– Она наш Садик, – поправил Николай – "Нагваль", прижав к себе Олесю. – Потому что с Валерой они брат и сестра.

– Садовы, – назвал фамилию старший брат.

Назар с улыбкой присмотрелся на них и признался:

– Когда я вас встретил в переходе, даже и не подумал, что вы родственники.

– Просто я больше похожа на маму, а Валера на папу.

Назар машинально начал сравнивать юношу с Николаем, но тут Нагваль продолжил свою отложенную речь:

– Так вот, Назар, мы хранители той самой идеи, которая движет улиткой. Мы существуем и продолжаем наш путь

только ради неё. Это наш выбор. Наша дорога к Фудзи по пяти ступеням измерений.

– И в чем она заключается? – не терпелось услышать ключевую истину Назару.

– Мы заражаем других людей болезнью под названием жизнь.

– Это как?

– Мы придумываем разные штуки, которые других бы пробудили, воодушевили, вернули в них страсть к существованию.

– Мы своими действиями и поступками активизируем внутри других людей силы и желание, – дополнил Егор – "Лето".

– Мы... Знаешь... Как прививка, – решила вставить когда-то услышанное подходящее сравнение Олеся, – мы вживаем в организм людей любовь, добро и веру в лучшее.

– Мы это называем "Метастазами", – подвел черту Валера – "Сад".

– Почему Метастазы?

– Потому что один раз заразившийся жизнью человек обязательно распространит эту болезнь на остальных.

– Заразившиеся идеей люди, как клетки, начнут размножаться и заполнять весь организм мира, – по очереди говорили то Нагваль, то Лето.

– Восстанут против природы и системы.

– Которые убивают в нас человека с каждым днем.

– Наша семья ведёт ежедневную войну с отчаянием, тос-

кой, грустью и смертью нашего мира.

– Семья, как..., – запнулся Назар.

– Как Хелтер-Скелтер. Или как клан Карлеоне. Или «Острые козырьки», – пафосно начал перебирать знакомые эпитеты Лето.

– А еще есть люди?

– В основном штабе нас четыре, – сказал Сад.

– Но теперь пять, – поправил с улыбкой Нагваль. – Теперь ты в нашей семье.

Назар почему-то после этих слов ощутил тепло по всему телу. Впервые ему показалось, что он является частью чего-то огромного и ценного.

– Пять, как измерений в лестнице, по которой мы идем.

– Как на руках пальцев, – продемонстрировала свою руку Олеся, высунув дерзко язык.

– Как баллов в оценке моих рейвов! – пошутил под общий смех Лето.

У Назара накопилось много вопросов, но в итоге озвучил только один:

– И что дальше?

– Теперь, – с серьезным видом Лето положил руку на плечо Назару, – как новый член нашей банды ты должен пройти посвящение... И отрезать себе на ноге большой палец...

Все вновь захохотали и Назар в том числе. Нагваль потер ладоши и сказал:

– Пожалуй, тебе надо показать нашу базу, помимо хосписа

и заброшенного театра.

Чёрный Рено стоял на стоянке за забором медучреждения. Обновленная семья уселась в салон. За рулем был Нагваль, рядом усадили в качестве гостя Назара, а сзади уместились остальные.

– Теперь машинку придется побольше приобрести! – подметил Сад.

– Ничего, – утешил его Лето, – мы на следующей неделе с тобой банк ограбим...

– А меня возьмете? – взмолилась посередине Олеся.

– Так, хватит мне ребенка портить! – буркнул Нагваль.

Машина тронулась. Николай вернулся на главное шоссе и рванул вдоль реки. Проезжал мимо мостов и набережной в неизвестную часть города.

– Может, пиццу купим? – предложил он. – Устроим праздничный завтрак.

– Да-да! Обязательно заедем! – завелась девочка.

– Нам нужен каждый день новый член семьи, – усмехнулся Лето. – Кстати так бы намного быстрее распространялись Метастазы, каждого нового человека подкупали бы пиццей.

– И колой! – добавила Олеся.

– А в чем заключается ваша деятельность? – спросил Назар.

– Вообще, – протянул Нагваль, – каждый член семьи старается в день выполнить задание.

–Какое?

– Спасти какого-нибудь человека.

– Причем не важно как и от чего, – пояснил Лето, – от смерти, от грусти, от уныния, от самого себя, от проблем, от суеты. Сгодится всё.

– То есть, надо выискивать таких людей?

– Ты удивишься, но они повсюду. Чуть ли не каждого в этом мире нужно спасать.

– Это возможно?

– В нашем деле да. Ведь мы одержимы идеей и другой дороги у нас нет.

Назар понимал, что все их аргументы звучат наивно, странно и не обосновано. Но он помнил эффект, который произвели все четверо на него в своё время, когда еще не были ему даже знакомы. И сказать, что они в тот момент подтолкнули его к жизни – не сказать ничего. Они выглядели как обычные сумасшедшие, но обитая своей потерянностью, обреченности и осознанности бытия, решили не сдаваться и помогать остальным людям. Назар без всяких сомнений знал, что примет предложение и вступит в их общество не от мира сего. Ведь если судьба сама подкидывает шанс, надо им пользоваться. И как говорил Нагваль – «из всей бессмыслицы это самое осмысленное».

Компания заехала по дороге в пиццерию и прихватила с собой пять больших коробок, кока-колы и мороженого. После закупки маршрут ещё занимал минут 15, пока не остались позади многоэтажки и не начались дачные дома. В ка-

кой -то момент Нагваль свернул на маленькую проселочную улицу и проехал до самого её конца. Когда грунтовая дорога кончилась, а впереди ждали поле и лес, Николай затормозил.

– Дом, родной дом, как счастливы мы быть в нём! – пропел Лето и вышел первым из машины.

Остальные члены банды вылезли следом за ним, прихватив пакеты. Назар увидел деревянный домик, своим интерьером и ландшафтом напоминающий бабушкин; такой встречался в жизни каждого ребёнка.

– Это наша основная точка! – сказал Николай.

– Лучше места не найти, – прокомментировал Егор, – если бы мне пришлось выбирать между тайной подземной базой ЦРУ и нашим объектом, я бы безусловно доверился нашей развалюхе .

– Зато тут лес красивый и речка есть! – поведала Олеся. – Ты любишь купаться?

– Конечно.

– Что-что, а это он любит, – посмеялся Нагваль, вспоминая их знакомство.

– Тогда надо сходить, мы тебе всё покажем, – держа за руку Николая, пообещала девочка.

Компания завалилась в дом, который внутри соответствовал внешнему виду: старые кровати; сервант с праздничной пыльной посудой; маленькая кухня; окна, завешанные белыми вязаными шторками; деревянная лестница, ведущая на второй этаж; классический ковер на стене.

– Согласен, не то, что ты ожидал, – посмеялся Егор, – просто когда всем крутым группировкам раздавали их двухэтажные штабы на островах, наш предводитель сидел дома и вышивал крестиком.

Все захохотали, даже Нагваль. Но сквозь смех всё-таки пригрозил:

– Не нравится, ночуй на своих рейвах в лесу.

– С удовольствием! Где музыка, там моя земля! В следующей жизни предпочел бы быть наушником какого-нибудь олдскульного панка! – уселся Егор в кресло, продолжая нести чушь. – А вообще, весь мир мой дом! Не нашлось бы место, где бы мне ни понравилось. Даже в отделении у Валдая! Как он тебе кстати?

Назар усмехнулся:

– Я не встречал людей душенее.

– Точно! Невыносимый душила!

– Всегда мечтал его жене в фоторамке на столе пририсовать усы! – уселся рядом с товарищем Сад, после чего Лето залился смехом.

– Кто бы вас уму разуму учил, если не Семен Палыч! – изрек Нагваль.

– Согласен. Он – это совокупление телеканалов Культура и НТВ, – не могли успокоиться и отдышаться два друга.

– Мы пойдем на кухню с Назаром стол накрыть, – Нагваль с юношей отошли, пока Олеся агитировала друзей включить по телеку мультфильмы.

– Звонила Лиля, – сказал с серьезным лицом Николай. –

Плачет...

– Что-то случилось? – забеспокоился Назар.

– Случится.

– Что? Почему?

– Тебе не рассказывала Елена Ивановна?

– Нет.

– У этой девочки дар есть. Чутье. Она начинает плакать перед тем, как кто-то умрёт.

– Близкий ей человек?

– Да. Больше она в жизни ни над чем никогда не плакала.

По крайней мере, я не видел.

– Она знает о своём даре?

– Да. В хосписе изучила его.

– И когда должен умереть этот человек?

– В ближайшее время. Поэтому мне надо будет уехать.

– Мне с тобой?

– Нет. Не надо. Оставайся, познакомься с семьёй.

– Хорошо.

Нагваль, погрузившись в себя, раскладывал пиццу по тарелкам.

– Почему именно я? – задал Назар неожиданно вопрос, который у него уже давно вертелся на языке.

Николай замер на секунду, а потом резко спросил:

– Хочешь, я тебе скажу, в чем заключается переход от одной ступени на другую на лестнице измерений?

– Да.

– Чтобы достичь вечного настоящего счастья, всегда мешает что-то. Любой человек обрёл гармонию и покой, если бы ему многое не мешало в жизни. Наш мозг, наше тело – всё большая помойка, переполненная лишним и ненужным. Для достижения счастья и вершины лестницы необходимо отказываться. На каждой ступени приносится жертва. Знаешь, с чем прощаются на первой ступени?

Назар приготовился.

– Нет.

– Со всей своей прошлой жизнью. С воспоминаниями, привязанностями, людьми, контактами, взглядами. Человек должен легко научиться отпускать то, с чем был повязан. Он должен найти силы отказаться от прошлого. Понять, что нет понятия дорогого, ценного, важного для него. Всё пыль, своевременный прах. Первая ступень дает понять, что нет ничего значимого. Ни от чего нельзя оставаться зависимым. Всегда быть готовым проститься. Всё, что приходит в твою жизни, рано или поздно уйдет. Поэтому первая ступень – это умение забыть и отказаться от всего, что на данный момент у тебя есть.

Назар внимательно слушал и молчал.

– Когда мы с тобой встретились, – продолжил Нагваль, – ты уже находился на этой ступени.

Назар вспомнил, как путешествовал. Как скитался от места к месту. Как бежал от чего-то. И вспомнил то, к чему эти

скитания почти его привели.

– Я сам получается начал этот путь?

– Своим внутренним сознанием.

– И ты это увидел?

– Да. Многие приходят рано или поздно к одному и тому же. Но каждая ступень не только совершенствует людей, но и в какой-то степени разрушает. На любом этапе продвижения очень легко сломаться.

Назар помнил это. Помнил за двоих.

– Всё что может спасти тебя, может так же и уничтожить, – закончил Нагваль.

– А что же на второй ступени?

– Скоро узнаешь, – он выдавил из себя блеклую улыбку.

– Ну, где вы там? Мы уже умираем с голоду!

– Пойдём, – передал тарелки Николай, – праздновать.

Семья ела пиццу, смотрела олесины мультфильмы, о чём-то болтала. Назар поддерживал разговор, но всё больше возвращался к своим раздумьям. Он думал про лестницу, хоспис, новых людей в своей жизни и про своё путешествие. Какими-то своими словами Нагваль приоткрыл для юноши правду. Он осознавал её. Не секретом являются человеческие страдания, одиночество, несогласие. Это неизбежные проходные ворота для каждого и глупо думать, что только с тобой одним подобное происходит. Нагваль действительно обладал мудростью, которая кажется бредом только потому, что не всегда понятна. Назар признавал факт и теперь был на

сто процентов уверен, что пойдет дальше за этим человеком.

Вдруг идиллию прервал звонок телефона. Нагваль взял трубку и удалился на улицу. У Назара было дурное предчувствие, и не у него одного.

– Кажется, праздник чуть будет подпорчен, – загудел Лето.

Вскоре Нагваль вернулся и с отреченным бледным лицом сказал:

– Мне надо отлучиться в хоспис.

– Я с тобой! – молниеносно среагировала Олеся.

– Нет...

– Но мы обещали куклу Лиле! – всхлипнула девочка.

Николай подумал и, видимо, из-за глубокого сочувствия в данный период к своей маленькой пациентке согласился.

– Ладно, поехали. Подожди меня на улице.

Олеся, забыв про телевизор и друзей, радостно побежала к машине.

– Что случилось? – спросил Егор, как только девочка скрылась за дверью.

– Никитична умерла.

Все замолчали. Присутствующие были знакомы со старушкой. Назар ощутил едкую жалость, вспоминая, что не смог её покормить напоследок. Мелочь разрывала душу сильнее любой трагедии. Оставалось надеяться, что бабушка так и умерла в безмятежном сне.

– Мы поедem, – вернулся к реальности Нагваль, – если что

на связи.

Николай скрылся за дверью. Егор бросил взгляд на поникшего Назара и толкнул его в ногу:

– Не печалься. Она отмучилась и надо за неё радоваться. Грустить можно лишь по живым людям. Все покойники самые счастливые на свете. Но мы тоже попробуем! Предлагаю всем оставшимся членам семьи отправиться в город и немного развеяться!

– Куда? – поинтересовался Валера.

– Думаю, нет ничего лучше старого доброго бара, кружечки тёмного эля, обзорного вида на вечерние фонари набережной и пьяного трепа с недоинтеллигентами. Ради этого можно и задержаться в этой всратой жизни!

Валера потер ладошки и ехидно улыбнулся. Большого было и не нужно. Назар понимал, что выбора нет, да и самому хотелось давно смочить горло. Такси вызвали до самого города.

...

– Даже хорошо, что Нагваль взял машину, – посмеялся Лето в салоне, – теперь у нас не осталось шансов остаться сегодня трезвыми.

– Куда едем вообще?

– Да знаю я одно место...

Машине пришлось не так долго возиться. Егор знал, где можно выпить поблизости от дома.

– Так, чтобы ещё к утру доползти домой, – объяснил он.

Буквально в паре дворов от набережной располагался невзрачный паб.

– Не делайте поспешных выводов по внешнему виду, внутри царит настоящий разбой, хаос и анархия. Не советовал бы никому в это место попасть, но я бы именно сюда и пошел!

Расплатившись с таксистом, парень направился внутрь, но прежде на секунду бросил взгляд на Назара.

– Теперь тебя ждет, мой друг, истинное посвящение в наши Метастазы.

Назар усмехнулся.

– Знаешь, почему истинное?

– Почему?

– Потому что в нашем опасном, бесполезном и печальном деле просто жизненно необходимо веселиться. Всегда может настать момент, когда будет слишком поздно. Как и, собственно, в самой жизни.

– Почему? – повторил вопрос парень.

– Мы горим, как спички. Знаешь, что происходит с теми, кто ярко горит?

– Быстро гаснут?

– Их тушат. Или же у них распадается печень, если брать в расчет греческую мифологию.

Лето открыл дверь и вежливо пригласил друзей внутрь. Бар выглядел довольно уютным. За стойкой работала черненькая, пикантная формами, женщина, которой Лето сразу

отсалютировал.

– Региночка, свет моих очей, здравствуй!

– Привет, Лето, – натирала она пивные стаканы и ждала заказов, – как же тебя к нам занесло?

Он усмехнулся.

– Из всех существующих в мире дыр, я всегда выберу вашу.

– Дане бы не понравилась эта идея, – посмеялась женщина.

– Я кстати хотел спросить, как он там?! Выздоровливает?! Надо собраться уже ему фруктиков со сладостями отослать...

– Да все хорошо. Переломы двух костей почти зажили.

– Ну и, слава богу. Наконец начну спать спокойно.

– А что случилось? – поинтересовался Назар.

– Эммм... Так скажем, он меня прикрыл, – недоговаривал

Егор.

– Наш революционер прятался от ментов с друзьями, а Даня их любезно приютил, – пояснила Регина, – так копы чуть ли не весь бар разгромили...

– Я бы им разгромил! Я бы им... Ух! – Лето пригрозил кулаком.

– Это на митинге что ли? – уточнил Сад.

– Да, на нём самом. Не удачно всё пошло, – протянул Назар. – Многих взяли.

– Вышло, как вышло. Важно, что он состоялся, – заклю-

чил его друг и уставился в меню.

– Да всё равно не должно быть так.

– Если бы происходило всё так, нас бы не было.

– Тоже верно. Но за ребят многих обидно, даже за Даню вот... – искренне соболезновал Егор.

– А за меня? – возмутилась в шутку Регина, переводя специально тему. – Мне теперь приходится за него внеурочно выходить.

– И радовать своим присутствием весь город! Ты же, как ангел, в этом мрачном царстве. Даришь очарование и настрой держаться наплаву!

– В океане пива! – добавил лестно Валера.

– Ладно уж, черти! Выбирайте пиво и скорее спешите занять места, а то сегодня футбол транслируют. Думаю, чёрные тучи народа над баром уже сгущаются!

– Тучи отчаянных и безбашенных фанатов – это я люблю!

А кто играет?

– Челси с Реал Мадридом за выход в финал.

– Класс. Даю сто процентов, что это местечко сегодня взлетит над землей, – Егор оставался поглощенным своими какими-то мыслями, – что будете, парни?

– Я стаут, – сразу определился с выбором Валера и направился занять диваны в углу.

– Я тоже! Потрясная вещь! Бери, братан, уши свернуться в трубочку!

– Мне тоже, – согласился Назар.

– У тебя сегодня праздник, так что еще и самые хрустящие орешки!

– А что за праздник, если можно поинтересоваться? – улыбнулась Регина, разливая тёмное пиво.

– Сегодня незнающий доселе бед паренек подписал сделку с дьяволом, – похлопал по плечу Назара товарищ.

– На самом деле я в первый раз в этом городе, вот Егор и показывает его лучшие стороны, – пояснил сквозь смех новобранец.

– Обезьянник ты-то уже видел! – дополнил Лето.

– Это он умеет, – бросила взгляд исподлобья женщина, – но всё равно добро пожаловать! Как городок тебе на первый взгляд?

– Многообещающий.

– Ты даже не можешь себе представить насколько! – Егор схватил пиво. – Спасибо тебе, моя дорогая! Но ты не скучай, мы скоро обязательно вернемся! Это во мне говорит внутренний шотландский пивосос!

– Почти настоящий! – кинула вслед Регина.

Егор расхохотался и уселся за стол.

– Прекрасная женщина, я бы женился незамедлительно! Но, конечно же, этого не сделаю!

Ребята разобрали пиво и оценили его насыщенный ореховый вкус.

– Божественно. Мать бы родную обменял на шоколадно-ореховый стаут! А если ещё фирменные начосы докинут,

то и отца в придачу...

– Да так себе тут начосы, – возразил Сад.

– Ну и отца я своего не особо знал...

Валера усмехнулся и отпил ещё из бокала.

– Что за митинг? – спросил Назар.

– Да обычный. Бунт впустую. Легкая народная встряска.

– А повод?

– Журналиста одного засадили. Он все резал да резал правду матку, правительство наше терпело, терпело, а потом повязало.

– За что?

– Якобы за пропаганду наркотиков в крайнем интервью, – присоединился Валера, – последняя невинная на первый взгляд капля в море. Это они умеют.

– Молодой парень мешался, вот и загремел.

– Значит, имел какое-то влияние.

– Безусловно. Но о нём вскоре все равно забудут. Немножко повозмущаются, да вновь вернуться в свой панцирь.

– Но вы пытались добиться его освобождения?

Лето издал громкий смешок.

– Не смейся меня. Если бы мы могли спасти от жестокости и несправедливости мира каждого вляпавшегося, мы были бы не Метастазами, а самые настоящими богами. А так, мы можем только подтолкнуть к внутреннему спасению.

– Тем, что выходите на улицу с плакатами?

– Это звучит глупо, но, я думаю, что тому парню стало

немного легче. Уверен, что легче. Мир не изменить, но внутренний можно.

– А людей много задержали?

– Прилично.

– Это стоит того?

– Конечно, мой друг, – улыбнулся Лето, – спасение одной души может оправдать жертвы. Знаешь почему? Потому что это идея. Мы всего лишь жалкие муравьишки в большом муравейнике: и тот журналист, и семья, и все революционеры, всё. Но наши идеи и поступки могут что-то да изменить.

– Из общей бессмыслицы выбирать что-то менее бессмысленное, – повторил Назар.

– Конечно. Нам ведь надо в этой жизни кого-то спасать и как-то себя развлекать! А насколько всё бессмысленно – тут можно каждый день заново углубляться и поражаться.

Назар отпил ещё.

– Если Метастазы спасут по-настоящему хотя бы одного человека, наши действия окажутся не напрасными.

– Не соглашаться же с этой системой! – добавил от себя Валера.

– Её не сломать и не уничтожить ни силой, ни умом, ни властью, – дополнил Егор, – любая система уязвима изнутри.

Новые люди постепенно заполняли бар. Мужчины в фанатских футболках и шарфах врывались в помещение, выкрикивая с русским акцентом гимн любимого клуба. Они весело окружали барную стойку и одним глазом поглядывали

телевизор. Крутили предматчевое разглагольствование футбольных экспертов. Егора окрикнули знакомые, он помахал им в ответ рукой.

– Извините, господа, пойду повторить наш заказ и поздороваюсь с мужиками.

– Давай, ждём.

Назар остался с Валерой.

– Что такое «Сияние»? – решил завести разговор Назар.

– В смысле? – посмотрел на него с недоумением юноша.

Очевидно по глазам, что тот относится к новичку с недоверием.

– Тогда в переходе... Вы крикнули, что выступала рок-группа «Сияние».

– А, – отвел он взгляд без особых эмоций, – это моя музыкальная группа.

– Выступаете?

– Пишем песни и музыку. Но никто не платит нам за это.

– В Метастазах по-другому и не может быть.

Сад промолчал, про себя возмущаясь: «Тебе-то откуда знать?».

– А Сияние, как у Кинга? Писателя такого...

– Да я знаю вообще-то. Не один ты читаешь книги... Скорее, как у Летова.

– Понятно. А я думал, у вас на подтанцовке две близняшки, измазанные в кетчупе, – ответил Назар иронией на негатив молодого парня.

Тот промолчал.

– А есть в планах огромный стадион собрать?

– Конечно. Скоро это обязательно произойдет.

– Я бы пришёл.

– Ты ведь ещё не слушал нас...

– В переходе.

– Это было задание, – отмахнулся Сад.

– Все равно. Я так понял, что каждый ваш жизненный шаг может оказаться заданием.

– А вот тут, – неожиданно вернулся Лето, – ты абсолютно прав. Если ты начинаешь ежедневно жить этим, то можно считать, идея в тебе полностью поселилась. Ты её официальный носитель и переносчик.

– Мне понравилось сравнение с вирусом, – усмехнулся Назар.

– Любая идея это сильнейший вирус. Она забирается в мозги, овладевает организмом и распространяется из одних мыслей в чужие. Мы даже себе и представить не можем, что существуем, опираясь на несколько довольно простых идей, которые нам внушили в детстве или чуть позже. Действия, мировоззрения, выборы – это продукт закоренелой в нас когда-то идеи. И Метастазы – не исключение.

– Спасать людей своими вдохновляющими поступками?

– Да. Я тебе отвечаю, меня ничто так не заставляло переосмыслить и встряхнуть свою никчемную уже разобранную в тысячный раз жизнь, как неординарные поступки некото-

рых, вроде бы совсем обычных, людей. Метастазы вполне могут изменить если не всё, то многое. Тут нужно лишь одно...

– Что?

– Верить в них. Верить слепо и настырно, как в детстве в Деда Мороза. Как только ты перестанешь в него верить, чуда не случится и от родителей больше не будет подарка под ёлкой.

Назар задумался.

– Просто слишком много врагов, которые неосознанно против.

– Это не они против, а мы, чувак. Знаешь почему именно рейвы? – он с горящими глазами перекинулся на другой конец стола поближе к Назару, – потому что изначально они преподносили себя как протест. Первые зарубежные рейвы конца 90-х обозначались как бунт против устоев. А знаешь, что там было? Там не было насилия, утеснения и непонимания. На рейвах царили гармония, добро, свобода и любовь. Вот что несут за собой перемены и протесты: они пробуждают в людях самые благородные качества. Плохие времена и борьба с ними изменяют человека в лучшую сторону. «Только во тьме может быть заметен свет», – кто сказал?

– Ремарк.

– Человек, переживший две великие войны. Свидетель уничтожения и возрождения поколений. Протесты и бунты для ощущения свободы. Сама свобода такому глупому суще-

ству, как человек, вскоре не понадобится. Но воля и стремление к её достижению необходимы. Поэтому Метастазы нужны гниющему с самого своего рождения человечеству, как свет нужен тьме.

Назар понимающе улыбнулся.

– Мы не за смерти, и не за боль со страданиями. Каждый из нас слишком много увидел, претерпел и понял в своей жизни, чтобы желать невинных жертв и уничтожения. Знаешь, ради чего стоит только жить?

– Ради идеи?

– Нет. Это просто дорога, тебе должен был это уже впарить Нагваль.

– Ради других людей?

– Нет. Все мы покойники.

– Ради пива? – попробовал Валера.

– Трудно отрицать, но нет.

– Ради чего?

– Ради смеха и танца. Всё. Вот он весь смысл бытия. В жопу всю философию, метафизику, энергию, душу, искупление грехов, молитвы – всё в задницу. Не нужны слова и ежедневная суета. Всё, ради чего стоит жить, можно продемонстрировать смехом и танцем. Но ещё бы желательно под хорошую музыку. С моего плейлиста.

Он добавлял понемногу предложений и все смеялись.

– В жопу этих Наполеонов, Македонских, Чингисханов – они великие и сильные люди, но ничего не смогли сделать с

собой. Можно завоевать всё в мире, но себя победить так и не суметь.

–А Че Гевара?

–Гений! Вместе с Фидель Кастро, Черчиллем, Кеннеди. Молодцы ребята, хорошо поработали. Но главные герои всегда остаются в тени и будут живыми, пока есть носители их идеи.

– Например?

– Не знаю. Ганди, Омар Хаям, Иисус, Будда..., – тут Лето встрепенулся, – Боб Марли! Боб Марли жил ради одной музыки, он верил, что она изменит мир. Сейчас его песни поют, пусть бедные и больные, но зато самые счастливые люди в мире на экзотических островах и материках. Жизнь ничего не стоит, долой войну! Из отечественных героев: наверное, Высоцкий, Летов... Сторчавшиеся психи, которые перепугали вождей и вдохнули в народ свободу и веру в жизнь.

Он разошелся не на шутку среди шумной возбужденной публики, которая с открытыми ртами была готова заорать на весь бар в любой момент.

– Надо уехать, – неожиданно вскочил со стула Валера.

– Куда? – подняли глаза его товарищи.

– Надо собраться рассмотреть детали задания с крыши.

– А, – вспомнил Егор, – да, давай. Пацанам привет.

– Всё, бывайте. Потом расскажите, как матч закончился, – парень устремился сквозь толпу на выход.

– Новое задание? – поинтересовался Назар, чувствуя, что

пиво постепенно ударяет в голову.

– Типа того. Если получится, будет круто. Они молодцы с Олесей, я ими горжусь. Из них получатся великие люди.

– Их задания не опасны?

– Да ты что! Я тебя умоляю... Они проворнее и сообразительнее нас в тысячу крат.

Егор тоже уже не сдерживал своего охмеления.

– Просто, чтобы отец посылал своих детей на такие дела...

Лицо Егора выразило непонимание.

– Какой отец?

– Ну... Нагваль.

Лето улыбнулся.

– Нагваль им не отец.

Теперь на гримасе Назара возник жирный знак вопроса.

– Их родители погибли в автокатастрофе, когда Олесе было три, а Валере четырнадцать. Коля был лучшим другом их отца.

– Как они разбились?

– Не знаю, но именно Нагвалю по стечению судьбы достался тот вызов. Их скорая добралась к месту ДТП, когда в машине никого уже нельзя было спасти. Когда покойников опознали, он молчал. Не разговаривал ни с кем абсолютно. На работе взял отпуск и занимался лишь документами по опекунству двух детей. У Олеси с Валерой не оказалось близких родственников, поэтому дети перешли в добрые руки Нагваля. Теперь, как видишь, они как самая настоящая семья.

Валера уже, конечно, вырос, а вот Олеся очень привязана к Коле. У них есть какая-то волшебная связь, невидимая и неосязаемая остальным.

– Любят друг друга.

– Может быть, и в этом дело. Любовь двух чистых душ.

– А ты как познакомился с ним?

Лето ожидал этот вопрос, поэтому уже минуты три держал голову опущенной. После того как услышал его, потер рукой свою бритую голову и сказал:

– Давай пока не будем об этом. Скажем так, он спас мою жизнь от меня же самого. Хоть мы с ним и очень разные, но я готов ради этого человека на всё. Ты даже не представляешь с кем связался.

– Почему он такой? – Назар подыскивал слова, но не мог сформулировать мысль. – Как стал таким?

– Он никогда про это не рассказывает. Он каждый свой шаг оставляет в прошлом.

Назар вспомнил о первой ступени в лестнице. Ожидание второй загорелось внутренним огнём.

– Он выбрасывает всё, что происходит в жизни. Хорошее оно или плохое. Но при этом остаётся результат того, что это хорошее и плохое с ним сделало.

– Это он создал Метастазы?

Назар ухмыльнулся:

– Их создала сама вселенная, чтобы спасти человечество!

После этого весь бар затрясся точно от землетрясения. За-

били гол и народ обезумел. Зрители кричали, обнимались, бежали на повторе в туалет, но затем непременно снова заказывали ещё пива и закуски.

– Во как! Кажется такое надо отметить и наполнить бокалы! – Лето встал из-за стола и направился пошатывающимся шагом к стойке.

Назар остался наедине со своими тягучими хмельными мыслями. Он был искренне удивлен тому факту, что Валера с Олесей не дети Нагваля. Николай не переставал поражать. Что там творилось в его голове. Какие строились планы. Зачем Назар нужен семье. И самым главным вопросом оставался – что же сам парень с этим будет делать. Какие задания предстоят. Какова роль в Метастазах. Назару хотелось действовать. Он не понимал, откуда столько энергии и кто зажег, казалось бы, потухший огонек. Оставалось лишь только догадываться и учиться верить словам его новых напарников.

Стены бара вновь сотрясались от вопля. Матч радовал болельщиков своими голами. Назар ощущал во рту горький привкус пива. В какой-то момент ему захотелось сделать что-то впервые ради идеи. Ему нужен был совет, но Егор о чем-то разговаривал с Региной. Они специально отошли в сторону от всех, и женщина ему с серьезным видом что-то рассказывала. Понятно, что они уединились не случайно. Им не нужны были посторонние уши и, видимо, дело являлось личным. Егор снял с себя смехотворную маску и сейчас слу-

шал с совершенно новым для Назара выражением лица. Регина жестикулировала и с эмоциями погружала друга в проблему, тот внимательно стоял и слушал. Назар продолжал сидеть один и созерцать мутными глазами футбол. Вскоре женщина вытерла слезы, улыбнулась Лето и вернулась за бар. Егор под наплывом эмоций неожиданно взобрался на свободный стул и провозгласил:

– А теперь, господа, хочется выразить свой восторг и благодарность этому чудесному дню и матчу! И ничего не передаст подобное лучше, чем поэзия! Стихотворение, посвящённое нашим далёким от реальности мечтам. Да выпьем за то, чтобы они всегда оставались такими далёкими и потому прекрасными!

Все обернулись и наострили с улыбками уши, а Лето громко и выразительно начал исполнение:

–В Петропавловске на Камчатском все ещё полночь.

Я пронизан все ещё отчаянием и зноем тихоокеанского берега.

Во всей вселенной ты одна пришла мне на помощь,

Сказав, что где-то за горизонтом нас с тобой все ещё ожидает Америка!

И вот я уже в классическом смокинге мистер, а ты моя мисс!

Для нас этой ночью на бульваре Сансет каждый бродвей!

Сегодня в программе черно – белая любовь без слов в кинотеатре Парадиз!

Сегодня для нас вспышки эндорфинов в цирке Дю Солей!

Мы превратимся в героев фильмов восьмидесятых,
Где розы, рестораны, дороги, убийства, сирены, мигалки...

Будем танцевать всю жизнь на карнавалах Рио, меняя наряды!

И несколько раз умрём на солнечном рейве Ямайки!

Запивая бурбоном дым Мальборо под тёплым пледом,
Мы торчим ночи напролёт в отеле «Челси».
Всегда на экранах Мэрилин Монро под звёздным небом.
Всегда тарахтит радио под напором Синатры и Пресли.

Мы пойдём в никуда, куда тебе так хотелось,
Ведь не отыскать отныне счастья без безумия.
Наши мысли в извилинах окисляет Лас-Вегас.
Нашу слизистую в носу сжигает Колумбия.

Наше серое Лефортово ждёт старый Бруклин.
Нашего Города Солнца ждёт Город Бога в трущобах районов.

Мы развесим с тобой флаги Пугачева на Кубе!
Мы почитаем стихи Есенина бухому Аль Капоне!

В финале скажем вместе – гуд бай, Америка, гуд...

Мы ещё во многих моих мечтах побываем с тобой!

Ты моя мисс, моя семья, моё странствие, мой друг, моя подружка, моя не от мира сего-

Ты моя кукушка и моя голова навечно твоё гнездо!

Когда парень закончил, ему весь бар аплодировал. Кто-то половину прослушал. Кто-то был недоволен, что его отвлекли от матча. Как минимум двое по-настоящему пребывали в восхищении.

– Спасибо! Меня вдохновили на этот подвиг прекрасное пиво внутри меня и еще более прекрасная женщина за барной стойкой! Которую мы должны на руках носить!

Публика засмеялась пьяному шоу Егора и затем громко кинулась за пивом к Регине. Женщину ждали, как второе пришествие. Егор же вернулся к своему столику.

– Нет слов! Это чей стих? – спросил Назар.

– Мой, конечно.

– На самом деле?! – удивился товарищ.

– Да! Кто мог ещё гениальнее такое написать и исполнить?!

– Обалдеть!

– Я люблю писать стихи. Читать их смелости хватает только на пьяную голову... Но решил немного порадовать Регину, она любит их слушать...

– У неё что-то случилось?

Егор замешкался и вновь поменялся в выражении.

– Да, у неё мама больная. Спрашивал о её здоровье. Скорее всего, операция потребуется дорогая... У меня благодаря Нагвалю есть кое-какие связи в больничках...

– А что у её матери?

– Сердце. Уже один инфаркт перенесла. Думаю, всё хорошо будет, но надо помочь.

Назар пристально всмотрелся в глаза напротив.

– Что? – заметил это Егор.

– Да ничего.

– Спрашивай.

– Ты это сделал ради Метастазов или ради реального желания помочь подруге?

Егор улыбнулся.

– Скажем так, поинтересовался её жизнью ради Метастазов...

– Для чего?

– Она почувствует себя нужной. Одно из верных способов спасти другого человека. А помогу её матери – по собственным побуждениям, ибо идея Метастазов никак не спасет человеческое существо от смерти. Ему этого и не надо.

– То есть просто дать возможность быть нужным?

– Да. Хочешь еще кого-то спасём на недолго?

– Конечно!

– Смотри. – Он ткнул на двух мужиков, сидящих напро-

тив. Те не особо увлекались транслируемой игрой, а больше запивали тоску пивом. – Этих двух надо спасать. Они погрязли в трясине бытовухи. Их пилят жены, начальники имеют на работе, друзей нет, интересов нет, либидо на нуле. Им просто необходимо взбодриться и почувствовать себя сильными и крутыми. Знаешь, какая в таких ситуациях лучшая панацея?

– Какая?

– Самолюбие. Мы сейчас затеем драку, и они нас побьют.

– Серьезно?

– Конечно. И медлить нельзя. Вперёд выполнять первое задание!

Егор взял бокал пива в руки и направился к намеченному столу. По мере приближения он немного добавил к своей походке пьяной дискординации, а затем со всего размаху влетел в одного из мужиков, обливая того пивом. Посетитель резко вскочил:

– Чтоб тебя...

– Чел, ты мне теперь пиво должен! Тебе не кажется так?! – талантливо включил борзого Лето.

– Чего... Вы... Ты совсем с дуба рухнул?

– Ты развалился тут на пол бара и своими протезами машешь куда не глядя! Может, тебе их оторвать...

– Ты перепил! Вали домой!

– И пойду! В твой! К твоей женушке! Потребую у неё счёт за любимое пролитое пиво!

Назар еле сдерживался, чтобы не заржать в голос. Но тут и для него работенка подъехала:

– Парень, шел бы ты отсюда по добру – поздорову! – вмешался друг мужика.

Тут благодетель и ворвался в схватку:

– А ты чего лезешь?! Смотри, чтоб самому удалось уйти на целых ногах!

– Вы че оба совсем оборзели?!

– Может, высказать чё хочешь?! Так пошли на улицу!

Назар первый рванул на выход.

– Пошли, два сыкла, проверим кто тут чего стоит! – кинул Лето двум готовым работягам, но и про остальных зевак не забыл: – Делайте ставки, господа. Уделаю любого из них за новый бокал стаута!

Гнев внутри невинных мужиков нарастал с небывалой скоростью. Намереваясь наконец-то выплеснуть энергию, они отправились на задний двор следом за Егором. Драка совпала с перерывом матча, и толпа ободрено повалила на улицу. Лучшего представления между таймами и придумать было невозможно. Регина пыталась как-то остановить Лето, но народ требовал зрелища.

– Ну что ж, штаны еще не пора поменять, бойцы?! – подстегивал Егор мужиков, пока те скручивали в локтях рукава рубашек.

– Давай уже, балабол!

Назар ощутил приятную волнительную дрожь в ногах и

первым кинулся в бой.

– Мне оставь там что-нибудь от этих гомиков! – подско-чил Егор на помощь другу, нанося для эффекта первый удар ногой.

Мужики сначала вели себя осторожно, но после парочки пропущенных ударов от инициаторов, решили отдаться мордобоей всей душой. Помимо пива, двум парням вскружили голову и хорошие пропуски в башню. Защищаться и наносить удары в ответ всё менее становилось возможным. Но провокаторы даже не старались. План оставался важнее всего. Чем сильнее мужики входили в азарт, тем больше испытывали успех их противники. Старпёры, поглощенные своим превосходством, продолжали мутузить обидчиков, точно боксёрские груши. Неумело и лишь на уровне дилетантов, но себя они ощущали в тот момент настоящими спартакцами. Боли особо парни не чувствовали, но вскоре сначала Егор, а потом Назар оказались на земле. Драка сразу прекратилась. Мужики, осознав свою победу, миг оставили в покое двух задир. Их мужество ликовало. Они скорее поспешили вернуться в бар, дабы избежать продолжения пьяного дебоша. Немного подташнивало от непредвиденного насилия, но чувство гордости и самодостаточности превозвышалось над прочим. Толпа, быстро позабыв о боксе, переключилась вниманием на футбол. Победители оживились прямо на глазах, подключились к общим беседам и уже были готовы покорять новые вершины.

Назар с Лето не пошли в бар. Подождали, когда все остальные зайдут обратно, и громко засмеялись.

– Отличная оказалась идея! Просто супер! Я в последний раз дрался в третьем классе! – признался Назар, ощупывая болезненные припухлости на лице.

– Я заметил! Тебе кстати губу рассекли!

– Это я просто хорошо подыгрывал! А у тебя ссадины на лбу и висках!

– Отлично! Теперь ты кровью посвящён в наш сумасшедший дом! – оценил себя Лето в отражение лужи.

– Было весело.

– Бедняги почувствовали себя живыми и годными для выживания в каменных джунглях – это главное. Они сегодня будут спать как никогда спокойно.

– Как думаешь, они о чем-то догадались?

– Нет, – без сомнений ответил Лето, – самолюбие одно из самых слепых чувств на свете.

– Тогда мы поработали на славу! Завтра их начальникам не поздоровится.

– Но прежде всего их жены будут в постели удовлетворены пробудившимися хищниками!

Назар продолжал смеяться во весь голос. Друзья пошли вдоль улицы, продолжая обсуждать случившееся в баре.

– Неужели всё так просто?

– Иногда нужно малого, чтобы помочь человеку. Главное, успеть в нужную минуту. Это очень легко. Мы на самом деле

знаем всё, что необходимо.

– Откуда?

– Через собственные ошибки и анализы. Мы одинаковые и всем нужно одно и то же.

На улице стемнело. Ещё для летних белых ночей было рановато, поэтому небо продолжало радовать звездами на своём чёрном покрывале. Парни шли лёгкой походкой по набережной и вдыхали поздний майский аромат. Вокруг никого не было. Раздавался лишь иногда шум проезжей части и колыхание листьев на деревьях.

Вдруг парни заметили посреди травы лежащего человека. Егор остановился, подошел поближе и убедился, что тот дышит. Подложив под голову свой пакет с вещами, на траве валялся бомж. По заплывшему от чрезмерного употребления алкоголя лицу было невозможно определить спит он или нет.

– Ну что, – хитрым взглядом окинул Егор Назара, – можно еще выполнить одно задание.

Назар в недоумении глянул на бездомного, отдыхающего в трёх метрах от них.

– Ты хочешь спасти бомжа?

– Почему бы и нет. Тем более, мы сейчас не лучше него выглядим.

Лето целеустремленно направился напрямиком к телу. Назар решил повторять действия Егора. Парень, не сказав поначалу ни слова, просто взял и лег на траву рядом с незнакомцем. Назар чуть приостановился, потом плюнул и тоже

разложился по другую сторону от бомжа.

– Друг, спишь? – умиротворенно заговорил Лето.

Бездомный встрепенулся. Сначала посмотрел суетливо налево, потом направо. С некой долей страха и непонимания ответил грубым прокуренным голосом:

– Нет.

– А у тебя есть сигаретка? Мы с другом её напололам бы скурили... А то сейчас, прикинь, изрядно выпили и в башню словили. Сейчас ходим с головой, как у зомби...

Уличный бродяга порылся в карманах, достал мятую пачку и полностью протянул её Лето, дабы не касаться сигареты грязными руками.

– Можете две скурить, а то че вы будете с одной возиться...

Мужик, по всей видимости, был трезвый на тот момент и абсолютно адекватный.

– Да мы одну. Чисто прикурить после хорошей драки.

– Из-за чего хоть?

– Женщины.

– О, истинное зло! – прохрипел бомж.

– Да и стишки мои им не понравились.

– Да ну?! Ну-ка исполни.

Лето покашлял, передал половину скуренной сигареты Назару и, глядя ввысь, прочитал новое произведение.

– Меня выкинула за порог вселенная:

«Делай все что угодно, мне без разницы»
День длился долго, а жизнь мгновенно -
Чувствовали одно все скитальцы.

Зачем мне это, вселенная?

«Просто так» – слетело с её уст -
«Перестань ощущать всё и параллельно
Наслаждайся растерзанием чувств».

Что мне дальше делать, вселенная?

«А давай я тебя научу»-
Она подарила мне всего осмысление,
Теперь я всё люблю и ничего не хочу.

– Глубоко, – заявил бомж, начиная чувствовать расслабление, – Даже не сопливо. Не знаю даже чего на вас быканули...

Назар тоже подключился, пуская по ветру табачный дым:

– А ты давно бродяжничаешь?

– Давно, – протянул бомж, – лет пять уже из одного города в другой... Так уж жизнь сложилась, пацаны...

Ему казалось, что парни начнут задавать свои навязчивые вопросы и искать первопричину его неблагополучия, но не угадал.

– А ты всегда в теплое время ночуешь на траве? – подхватил Егор.

– Если тепло – да.

– Это круто. А почему не в помещении где-нибудь?

– Тут на небо можно позалипать, – бомж говорил откровенно, ведь вряд ли он что-то терял в искренности, – да и воздух свежий, не канализации...

– Согласен. Тут красиво.

– И вот ты не бомжара уже, – поржал бездомный, – а странник.

– По звездам.

– Читал у Лондона эту книгу? – поинтересовался Назар.

– Я только «Морской волк» читал и что-то про кладоискателей в детстве, сейчас уже и буквы забыл ёптить... – признался бродяга.

– Там про человека, которого держат в смирительной рубашке. Но он улетает на небо к звездам и путешествует по измерениям, просматривая свои прошлые жизни.

– Ничего себе. Крутая, видимо, вещь.

– Точно.

– А ты там что-то видишь? – мечтательно спросил Егор.

Мужик задумался.

– На небе?

– Да. В созвездиях, млечном пути...

– Я просто смотрю туда и забываюсь. Там будто совершенно отсутствуют мысли, законы, плохие воспоминания. Всё это дерьмо...

Лето оживленно заметил:

– Там стирается грань между прошлым и будущим. До звёзд миллиарды световых лет. Их свет до нас доходит уже посмертный. А мы точно так же в их виденье уже прожили сотни жизней и перенесли столько же перерождений.

– Они что там мертвы? – спросил бомж.

– Как и мы для них. Поэтому время на небе вещь субъективная и то, что случилось с нами – совершенно там не имеет значения. Мы для неба ничтожная комбинация атомов.

– Звездам, получается, плевать какой ты и что за прошлое у тебя за плечами..., – заключил медленно мужик.

– Конечно.

– Может, – подумал Назар, – именно поэтому теряется ход мысли, глядя на них. Ты просто смотришь, понимаешь что-то важное для себя, но ни словами, ни доступными чувствами не можешь полностью это описать и до конца ощутить.

– Там слишком много прекрасного. Слишком много родного составляющего.

– То есть, мы с ними сделаны из одного и того же.

– Точно.

– По образу и подобию. Как с Богом, – в хриплом голосе проскользнула искра.

– Конечно. Там Бог, там центр вселенной, основа мироздания.

– Значит и ему плевать на наше прошлое? – в нём росла надежда, возвращающая к жизни.

– Да. Мы частички вселенной, а она сплошная огромная

любовь. Знаете почему?

– Почему? – хором спросили Назар с мужиком.

– Потому что только любовь может создавать новое и лучшее.

– А что там дальше? Ну... После этой жизни? – сосредоточил всё внимание бродяга, прикуривая сигарету и угощая парней. Те отказались.

– Какая разница, если мы временная форма, которая перейдет вскоре в нечто безграничное и вечное. Мы перестанем быть людьми, с присущим для них тяжелым бременем, и просто отправимся путешествовать по вселенной. Весело, благодарно и вечно.

– Все мы откуда-то оттуда, – улыбнулся Назар, – и когда-нибудь обязательно туда вернемся. А эта жизнь пройдет, как страшный сон.

– Ха, – усмехнулся приливу реанимированных чувств бездомный, – ну вы даёте, парни!

Три тела молча остались лежать на траве и всматриваться в звездное небо. На их лицах сияли улыбки. Им было необычайно хорошо от неожиданного пробуждения внутренней веры в прекрасное. Летели яркими огнями самолёты в темноте, а прозревшая троица им желала преодолеть свой путь. Летели звезды, и вместо желаний мужики загадывали тем тоже просто пройти свой долгий путь. И друг другу они лишь желали сил справиться с трудной дорогой. Просить конкретно себе ничего не хотелось. Трём мечтателям одновременно

Одинаково на миг показалось, что всё у них уже есть.

Глава 5. Скорая

Нагваль впервые выспался за последние дни. Он открыл глаза и больше смог их сомкнуть. Часы показывали пол 7 утра. В пол 9 начиналась дневная смена на скорой помощи. Олеся спала в своей комнате, прижав плотнее к себе свои куклы, Николай не стал её пока будить. Умылся, приготовил оладья на сковородке и решил позвонить Назару.

– Ало, – ответил тот сонным голосом.

– Привет, воину свету! Как вчера отдохнули?

Назар осознал, что половину вечера не помнит. Губа побаливала. Голова ныла. Но причиной вряд ли являлось похмелье. Болью ныли именно места побоев.

– Просто прекрасно.

– Вы у Егора?

– Да. На квартире. Не оставляй меня больше с этим сумасшедшим.

Нагваль засмеялся.

– Ты должен был познакомиться с каждым.

– Да уж...

– Кстати о деле. Ты готов сегодня познакомиться ближе со второй ступенью?

Назар, не раздумывая, дал ответ:

– Конечно.

– Отлично, тогда готовься, я за тобой через час заеду.

– А что делать будем?

– Спасать людей из самых разных жизненных передряг.

Мне на посту разрешили взять помощника.

– Хах! Тогда я уже собираюсь.

Нагваль пошел будить девочку. Он долго стоял и смотрел на неё, каждый раз мужчина не мог взять и сразу её разбудить. Ему нравилось смотреть на её спокойное лицо, растрепанные рыжие волосы, маленькие ручки, заботливо обнимающие свои игрушки. Ему нравилось чувствовать себя счастливым. Особенно перед работой. Он любил Олесю, она его заряжала тем добром, которое он мог дальше передавать людям.

– Малыш, просыпайся.

Она насупилась и потерла нос, всё ещё оставаясь во сне.

– Олесь, надо вставать.

Девочка отвернула голову в сторону, дав понять, что не желает расстаться с кроватью.

– Тебе оладья с вареньем или Нутеллой?

Тут она среагировала мимолетно.

– Нутеллой.

– Тогда поднимайся, завтрак готов. Поедем к Лето.

– А школа? – девочка с надеждой подняла сонную мордашку, подумывая, что сегодня можно будет остаться дома.

– Егор ответит. А я Назара сегодня на скорую возьму.

– Ого. Ему понравится.

– Я тоже так думаю.

Девочка стянула одеяло, выпрыгнула из постели и помчалась к любимым оладьям.

– А зубы чистить?

– После завтрака, чтобы следов не осталось от шоколада.

– Понял, тогда приятного аппетита.

– А чего так много их? – радостно воскликнула девочка.

– Отвезем всей нашей семье, а то они вчера загуляли на славу.

– Пиво своё пили в баре. Лето только о нём и болтает.

Нагваль посмеялся:

– Вполне может быть.

Через полчаса Олеся тоже была собрана. До наступления летних каникул оставалось всего лишь несколько дней.

– Не хочу в школу, – повторила она.

– Знаю.

– Можно не идти?

– Тогда весь день будешь наблюдать, как Егор делает музыку.

– Ладно, – удрученно бросила она. – Школа так школа. А давай напугаем Назара? Возьмем с собой наши пистолеты?!

Он же ещё не знает.

– Мой всегда у меня в машине, – оповестил девочку Нагваль.

– Он у тебя заряжен?

– Вроде да.

– Тогда я за своим сбегаю и наполню его.

– Давай скорее.

Они сели в машину и направились к Егору на квартиру. Машину припарковали возле старой девятиэтажки. Домофон оставался сломанным. Поднимаясь в изуродованном лифте, Олеся с улыбкой спрятала пистолет за спину и поспешила напомнить о конспирации своему взрослому напарнику.

– Вот он сейчас испугается! – хихикала она.

– Он же до сих пор думает, что мы какая-нибудь мафия.

Олеся захохотала и в нетерпении затопала ножками. Лифт остановился на восьмом этаже и двери открылись.

– Готова? – спросил Нагваль, нажимая дверной звонок.

– Ага!

Дверь открылась, и на пороге оказался именно Назар. Парень молниеносно изменился в лице и машинально поднял руки вверх, как только мужчина с девочкой прицелили свои стволы и хором крикнули:

– Всем не двигаться!

Даже Егор выскочил в трусах из своей комнаты. Но увидев разыгранную сцену, хлопнул себя по лбу :

– Нельзя же так пугать людей в похмелье! Они очень чувствительны...

Ребята спустили курок и из пистолетов полетели мыльные пузыри. Назар продолжал глупо стоять с поднятыми руками, понимая, как его легко развели. Олеся смеялась на всю квартиру, держась за живот.

– Ты... Ты бы... Ой, не могу!

– Спасибо, Олесь, – с тем же лицом молвил Назар, – я вот хотел с утра сходить в туалет, теперь на хочу.

Олеся уже чуть ли не каталась со смеху по полу.

– Это твой предварительный тренинг, – усмехнулся Нагваль, – чтобы не бояться сюрпризов на скорой.

– Уж теперь-то точно ничего не испугаюсь!

– Вот, держите вам оладья, – Николай протянул своё творение, спрятанное в контейнер.

– Тут кто-то сказал оладья, – снова вернулся в том же образе Лето и на цыпочках, как воришка в мультфильмах, забрал угощение и смылся с ним на кухню.

– А Валерка где? – спросила Олеся, покрасневшая от хохота.

– Он вчера к друзьям ушёл.

– А, – протянула Олеся, – небось торчал всю ночь на Манеге и репетировал.

– Что такое Манега? – спросил Назар.

– Это площадка рядом со старым фонтаном. Они там собираются на скейтах и великах потренироваться.

– Собственный штаб, – объяснил Лето с набитым угощением ртом, – отдельный филиал Метастазов.

– Понятно, – посмеялся Назар.

– Ты вообще как? Выспался? – подмигнул Нагваль.

– Да.

– А губа чего разбитая?

– Боролись вчера за авторские права одного талантливого поэта, – ответил за него Егор.

– Так и знал, что с тобой нельзя никого оставлять!

– Можешь положиться на меня с оладьями!

– Да все хорошо, – успокоил его Назар, – это было задание.

Мое первое!

– Ясно. Никогда не сомневался в оригинальности Лето.

Иди, кстати, ешь, а то нам скоро уже ехать. Губу вроде не сильно видно...

– Надо запашок проверить, – продолжался похмельный юмор, – а то мы вчера на одной траве почти с бомжом уснули!

– Фу! – вскрикнула Олеся.

– А это было второе задание, – потер лоб со стыдливой улыбкой Назар.

Нагваль прошёл на кухню.

– Да у тебя у самого лицо побитое!

– Это взлеты и падения с вершины творческой славы!

Очень вкусно кстати!

– Назару оставь, обжора! – приказала девочка, запрыгнув на стул с портфелем на плечах.

– Ты, пирожок, сама, по-любому, добрую половину съмячила одна!

– Не правда! И сколько я тебе говорила так не называть меня!

– А то что?

– Вот узнаешь! Я обязательно что-то придумаю! Вот уже получил один раз по лицу!

– Неужели твоих рук дело? – пристально всмотрелся Егор в невинные глазки.

– А вот не скажу!

– То есть из-за тебя нас побили? Нас же могли покалечить... Ясно, Олесь.

Лето перестал резко кушать, встал из стола и отвернулся к окну. Девочка перестала смеяться. Перепугано взглянула на Лето, потом на Назара и мигом всхлипнула.

– Да я же пошутила! Конечно, это не я! Егор...

– Уже поздно.

– Ну, Егор! Это не я! Правда, не я! – она поверила своей детской наивностью и вымаливала прощения у шутника.

– Ладно. Это тебе месть за твой розыгрыш, – обернулся уже с улыбкой Лето и подхватил малышку на руки.

– Ах ты! Ну, всё! Отпусти! Ты колешься! Коля, я с ним не останусь! Спаси!

Лето начал её чмокать в обе щеки, а девочка пыталась оттолкнуть своими руками бородатое лицо. Назар наслаждался оладьями и смеялся вместе с Нагвалем.

– Ладно, голубки! Нам ехать надо. Егор, отведешь Олесю в школу?

– Сочту за честь, – он наконец её оставил в покое, -будешь, пирожок, хвастаться, что у тебя свой личный охранник.

– Я не пирожок!!!

Лето показал язык и вежливо обратился к ребятам :

– Может, кофе выпьете перед тем, как спасти мир?

– Уже не успеваем. Надо ещё чемодан и машину принять у уходящей смены. Назар доел и запил водой.

– Спасибо, за завтрак.

– Традиция. – Напомнил Николай. – Готов?

– Угу.

– Тогда поехали.

Медработники отправились к выходу.

– Всего доброго, – помахал рукой на прощание Лето, – если не досчитаетесь в мире одного пирожка, знайте – мне просто не хватило одних оладьей!

– Тебе конец! – раздался воинственный крик Олеси, перед тем как захлопнулась входная дверь квартиры.

– Точно выпался?

– Точно. Тут невозможно быть не приготовленным. – Назар нажал кнопку лифта с первым номером этажа . -Так что же на второй ступени?

– Сегодня узнаешь, – Нагваль поднял демонстративно правый уголок рта вверх.

– Сейчас поедем на подстанцию, захватим ящик, кардиограф и в бой.

– А форму?

– Там дадут.

– Что мне делать понадобится?

– Документы сможешь заполнять, кардиограммы снимать, по инъекциям посмотрим, но с лекарствами в ящике лучше ознакомиться.

– Там ампулы такие, как в хосписе?

– Да, но препараты разные.

– Ясно. Какие случаи чаще всего попадаются?

– Разные, в общем-то. В основном, старики с гипертонией и аритмией, травмы, алкашы, наркоманы без сознания, температуры у детей... Мне ещё на ДТП везёт.

Назар ощущал легкое волнение. Николай заметил это молчание.

– Не переживай, вместе справимся. Твоя задача сегодня взглянуть в бездну человеческого бытия.

Нагваль припарковался рядом с трехэтажным кирпичным зданием и вышел на улицу.

– У нас имеется планшет, на который будут диспетчера кидать вызовы с предварительными данными. Мы будем должны заполнять в него паспорт, полис, диагноз и результат выезда.

– Ясно.

– На первом этаже раздевалка и процедурная, где нужно пополнять препараты. На втором – кухня и комнаты отдыха, можно занимать любую свободную кровать.

– Понятно.

Они зашли внутрь, Николай сразу двинул к раздевалке. С теми, кого встречал по дороге, приветливо здоровался и

перекидывался парой словечек.

– Народу мало, – подчеркнул он, – видимо, все уже разъехались по вызовам.

В раздевалке никого не было, Нагваль открыл один из шкафчиков и вытащил оттуда синие штаны и рубаху.

– Примерь, вроде твой размер.

Назар снял с себя уличную одежду до футболки и надел униформу.

– В самый раз, – заключил он.

– Отлично, – Нагваль сам поспешил переодеться. – У нас будет третья бригада по номеру. Диспетчер будет объявлять вызов по микрофону, чтобы услышали и мы, и водитель.

– А кто у нас водитель?

– Сашка. Хороший мужик. Проработали с ним уже тыщу лет.

Дальше Николай двинул в кабинет старшего фельдшера, Назар еле успевал за ним.

– Подожди здесь, а то там такая болтушка сидит в кабинете... На весь день знакомство.

Назар кивнул и остался ждать снаружи. После громких разговоров и смеха Нагваль вышел в руках с желтыми маленькими коробочками и планшетом.

– Это наркотики для экстренных случаев, на них особый рецепт для пополнения придется выписывать.

– Столько наркоты в моей новой жизни, – усмехнулся Назар, – реально будто в мафию вступил.

– С выкрутасами Егора и Валеры мы от мафии недалеко ушли, – посмеялся Нагваль.

– Ты не одобряешь?

– Многое нет, но я им доверяю. Они знают, что делают.

Пройдя по коридору, мужчины зашли в процедурную.

– Бери перчатки и маски нам, а я проверю ящик.

Назар выполнил поручение и посмотрел внутрь оранжевого чемодана.

– Знакомься... хотя сейчас всё равно не запомнишь, будем по ходу событий. Кардиограф заряжен... Погнали!

– Уже кинули вызов?

– Мне сообщили, что уже вот-вот.

Бригада взяла своё обмундирование и направилась к практически пустому гаражу.

– О, здорова, Николаич!

Рядом с машиной ждал массивный мужик лет 50, держа большие руки в карманах.

– Здорова, Санек! Готов спасти мир?

– Конечно! Сейчас удалось подкрепиться, так что я во все оружие! У нас новый член команды?

– Ага. Назар.

Парень поздоровался с водителем.

– Отлично. Теперь хоть не вдвоем будем таскать двухсоткилограммовых теток с пятых этажей

– Ха. Не пугай мне пацана раньше времени.

– Пойду тогда заводиться!

– Уже должен быть заведенным, как мы!

Нагваль забрался внутрь машины.

– Вот здесь кислородные баллоны, носилки, дефибриллятор и всякие реанимационные наборы...

Тут зазвенел планшет.

– Опа, едем, – Николай нажал кнопку выезда и пересел на переднее сиденье.

– Куда едем, Николаич?

– На Ленина. Давление.

– Отлично начался денек!

На первом вызове всё прошло довольно гладко. У женщины подскочило давление, но, пока медработники доехали, цифры уже были на 160 и 90. Нагваль показал, куда вносить данные паспорта и полиса, а также научил снимать ЭКГ. Он расспросил больную, что она обычно принимает от давления, какие имеются хронические заболевания и в итоге обратился к коллеге, который держался всегда наготове.

– Назар Андреевич, давайте дадим таблетку Капотена.

Парень чуть не рассмеялся от такой неожиданной официальности, но при этом с серьезным видом нашел нужную упаковку и выдал одну штучку больной. Нагваль заполнил бумагу и, уходя, порекомендовал женщине оставаться сегодня дома и несколько раз строго наказал следить за приемом назначенных лекарств.

Бригада вышла за дверь, Назар был воодушевлен первым и довольно простым вызовом, но тут вновь загредел план-

шет.

– Только закрыл этот и вот уже новый! Кажется, на подстанцию нам не дадут вернуться сегодня ...

– Что там? – с интересом заглянул Назар.

– О, – протянул Нагваль, – тут уже сложнее. Сахарный диабет, без сознания.

Назар вспомнил сразу Илью из хосписа. Но сейчас, похоже, обычным инсулином не обойтись.

– Скорее всего, надо будет делать внутривенно инъекцию. Будешь пробовать?

– Можно.

– Посмотрим на месте короче.

Они вышли из подъезда и запрыгнули в машину. Николай назвал адрес.

– Уже новый что ли?! – возмутился Саня. – Ну дадут!

– И поскорее, там без сознания.

– Сделаем, – водитель врубил мигалки и вырулил на встречную. Назар пришлось ухватиться за поручень, чтобы не вылететь из сиденья. Машина помчала на большой скорости, лавируя между пробками и светофорами.

– Давай переносные носилки с собой захватим на всякий случай, – Нагваль сохранял спокойствие, а вот Назар начал переживать.

Как только машина остановилась, мужики выскочили и направились к домофону. Набирая нужный адрес, Назар испытывал в организме сильнейший прилив адреналина.

– Страшно?

– Немного.

– Это нормально.

Домофон без слов незамедлительно открыли, и бригада бегом поднялась на второй этаж. Дверь открыла старая женщина.

– Ой, как быстро приехали, ребятки...

От неё пахло алкоголем.

– Здравствуйте. Что случилось? – прошёл внутрь Нагваль, Назар следом.

– Да не знаю, всё хорошо вроде было, – женщина говорила очень медленно и с запинками, – а потом брат совсем никакой стал...

Квартира походила на настоящие руины. Многие вещи не меняли своего расположения со времён СССР. На дырявом диване под пледом лежал худошавый дедушка.

– Что конкретно случилось?

– Он перестал разговаривать. Речь стала совершенно невнятной... С каждым днем всё хуже и хуже.

Дед слышал посторонний голос и хаотично задвигал немощными руками перед собой. В его глазах наблюдалась крошечная дезориентация в пространстве.

– Он сначала истошно выл, звал меня и просил водки налить. Я ему периодически рюмочку в пол дня давала... А сейчас в туалет под себя ходит и вообще непонятно общается. Я подумала, – она ходила взад-вперед, – может, у него

инсульт. У моей соседки вот недавно совсем случился...

– Много водки давали? – перебил ее несвязный треп врач.

– Да говорю же, рюмочку... Как обычно...

– У него сахарный диабет?

– Да. Есть такая пакость...

– Давай сахар посмотрим, – обратился Нагваль к помощнику, – доставай глюкометр.

Назар нашел чёрную сумочку, и Николай показал, как он работает.

– Вы меня слышите? – громко крикнул деду он, – вам сейчас палец уколут!

Дед ни на что не реагировал, лишь мычал и продолжал шевелить руками.

– Каплю крови на этот тест, – подсказал Нагваль.

Назар поймал костлявую руку, протер палец спиртовой салфеткой и уколол ланцетом.

– Один и пять показывает, – заключил парень.

– Гипогликемия, – вздохнул Николай. – Дед когда вообще в последний раз ел?

– Ой, милый, знаешь, он вообще ничего не хотел есть...

Вчера две ложки каши в него силком засунуть смогла...

– И при этом водкой его накачиваете?!

– Так он до невозможности кричал...

– Набирай две двадцатки глюкозы, сейчас в вену полезем, – командовал врач своему помощнику.

Назар достал самые большие шприцы и, открыв четыре

ампулы по 10 мл глюкозы, принялся их наполнять. Руки немного тряслись, по итогу перчатки оказались запачканными сладким раствором.

– Чего стоите?! Вы пока ему тёплую воду с сахаром разводите, – сделал замечание старухе Нагваль, -или чай. С водой не перепутайте!

– Да что ты, милый...

Назар принёс два шприца и поменял липкие перчатки на новые.

– Попробуешь в вену зайти?

– Можно.

– Давай катетер, а то у него руки совсем худые, ещё насквозь проколём...

– Какой?

– Там есть маленький. Бабочка.

Назар нашел один маленький катетер с розовым лепестком. Прихватив салфетки и жгут, направился к больному.

– Давай в кисть, вроде, хорошие там... , – Нагваль измерил давление на руке и прижал её к кровати, позволив Назару затянуть жгут.

Парень продезинфицировал место укола, а врач пока приготовил бабочку и передал её напарнику. Игла была тоненькая, а вена успела за это время заметно вздуться.

– Прямо параллельно заходи и ощутишь пустоту. Затем потяни поршень и, если пойдет кровь, то ты там, где нужно.

Назар попал с первого раза. Старик вздернулся от непри-

ятного ощущения и что-то завыл на своём инопланетном языке.

– Молодец. Теперь потихоньку начинай. Глюкоза очень тяжело может идти... А вы помогайте держать деда, он сейчас начнет дергаться.

– Конечно, конечно, – неловко и суетливо опустилась на колени сестра, -вы знаете, он ведь пить много начал не просто так ...

Назар со всей силы давил на поршень, чтобы протолкнуть тягучую глюкозу. Бабушка тем временем рассказывала историю вперемешку со слюнями на ухо.

– У него два сына погибло. Один на операционном столе. Другой от цирроза печени... Оба пили. А такие ребята хорошие были...

Дед начал дергаться и громче стонать.

– Были мастера на все руки. Отцу весь дом сами построили. И потом такая беда... Вот он и сдал. Двух сыновей похоронить, вы сами подумайте... Ой, а что это с ним?

Дедушка начал приходить в движение.

– Это действие лекарства, он возвращается постепенно в себя, -заверил Николай и сильнее прижал руки и ноги пациента.

У Назара ныла кисть, но он не останавливался и продолжал вводить глюкозу.

– Ау... Уя..., – извиваясь, кричал дед, – бл...бля...

Глаза оживились ,координация понемногу возвращалась,

как и речь.

– Блять... Нах...Нахуй... Нахуй ди...

Первый шприц опустел . Нагваль вставил второй. Парень набрал больше воздуха в легкие и продолжил сжимать поршень.

– Хватит... Блять... Б...Больно блять...

– Кажется, собой становится, – расплылась бабка в беззубой улыбке. – Вон как заговорил!

– Ссать... Спать хочу... Отпусти!

Все трое наблюдали наглядное превращение Шарика в Полиграфа. Дед всё красноречивее матерился и осознаннее чувствовал себя в своём теле.

– Отпусти! Нахуй! – пытался он вырваться, вертя бородой в разные стороны. – Отпусти, говорю! Заебали!

– А ну не ругайся! – крикнула ему бабка на ухо. – Тебе вон помогают ребята! Смотри, как мальчик похож на твоего сына! Ну, копия Никиты...

– Блять... Ссать хочу, не могу...

– Кажется, хватит, – сказал Нагваль.

– Можно выходить? – пот с Назара лил градом.

– Да, давай.

Парень вытащил из вены иглу и старик вновь содрогнулся.

– Вот и всё! – восторжествовала бабка.

– Померить ещё раз сахар осталось. Дайте руку.

– Нет! Идите нахуй!

Бабка его стукнула по лбу рукой.

– А ну быстро дал руку!

Назар быстро проделал манипуляцию, глюкометр показал «5.2».

– Теперь сахар в норме. – Заключил Николай, ручкой чиркая на бумаге. – Кормите его, отпаивайте сладким чаем и водки не наливайте.

– Чего?! – воскликнул дед, окончательно понимая, что происходит.

– Помолчи!

– И к эндокринологу обязательно обратитесь, – закончил врач.

– Спасибо вам большое! – затрепетала бабка и толкнула брата. – А ну быстро скажи «спасибо», тебе доктора жизнь спасли!

– Спасибо нахуй! – буркнул дед. – Можно теперь поссать ?!

Бабка загоготала и отмахнулась от старого дурака рукой. Назар тоже не сдержал улыбки. Выкинув очередные использованные перчатки, он закрыл ящик и пошел за Нагвалем к выходу.

– Ещё раз спасибо, – провожала их хозяйка, – хорошей вам смены.

Дверь закрылась. У Назара создалось впечатление, что он пережил глобальную катастрофу. Нагваль спускался вниз с тем же спокойным лицом.

– Зря пожелала хорошей смены...

– Почему?

– Примета плохая, – пожал плечами герой и больше про этот случай даже не вспоминал.

Дальше скорую помощь вызывали маленькому мальчику с ангиной, Назар лишь наблюдал осмотр врача со стороны. У малыша держалась долгое время температура, поэтому пришлось госпитализировать. Затем был безрезультатный вызов алкоголику, который успел удрать с места до приезда бригады. Назар заполнял планшет и старательно изучал препараты в ящике с их предназначениями. Потом им довелось захватить пообедать, но ненадолго. Диспетчера кинули вызов с аритмией, Назар не смог ввести лекарство, так как у старушки вены полностью оказались склерозированными и моментально лопались. Тогда Нагваль всё сделал сам, парню лишь оставалось следить вместе с врачом за показаниями кардиографа. Аритмия всё не сбивалась, но под конец ампулы Новокаинамида все-таки произошел результат. Николай облегчено вздохнул.

– Не хотелось её везти в приемное, – признался он, когда вышли из квартиры пациентки.

– Почему?

– Да ритм может сам восстановиться прямо по дороге в больницу, и в итоге привезем ни с чем.

– Часто так бывает?

– Частенько. Главное, чтоб не умер в машине.

Назар промолчал и спрятал в кармашек пустые ампулы,

чтоб потом обменять на новые.

Ближе к вечеру поступил вызов с очередной гипертонией, на который Нагваль среагировал по-другому.

– Знаю этот адрес. Бабушка со своим котом.

– А. Кошатница, – усмехнулся Саня.

– Постоянный клиент? – поинтересовался Назар.

– Можно сказать и так. У неё действительно давление скачет до потрясающих цифр, но в стационар ложиться ни в какую не хочет.

– Почему?

– Сейчас узнаешь.

Это был двухэтажный затхлый дом благотворительной помощи. Деревянные ступени своим скрипом молили о пощаде и в любой момент готовы были провалиться. Надписи на стенах уже не читались из-за древнего слоя плесени. Дверь в квартиру оказалась открыта. В проходной пахло котом. Рыжий гигант испуганно ретировался через весь коридор прямо под кровать .

– Персик, ну ты чего, – раздался слабый старческий голос из комнаты, – весь дом снесешь...

– Здравствуйте, – поздоровался с порога Николай, – это скорая.

– Да, да, заходите, пожалуйста. Проходите в зал, а то мне тяжело подняться.

Врач с помощником прошли дальше. Бабушка сидела на кровати, отложив одеяло с треугольным вырезом в сторону.

Над кроватью на полочке располагался пыльный абажур, который ещё чуть-чуть и свалиться старушке на голову. Его свет освещал высокие стопки старых газет и писем, которые за непонятной надобностью стояли именно возле кровати. У стенки стоял стол, на котором были разложены всякие таблетки. Напротив него располагался старый комод с книжными томами одного писателя по порядку нумерации. По левую сторону от него квадратный телевизор, завешанный вязаным платком. По правую сторону пустые коробки, то ли от пылесоса, то ли от холодильника; сейчас они выполняли функцию дома для рыжего животного.

– О, это вы! – выдавила радость бабушка, увидев Николая.

– Да, это мы. Вот мой новый помощник.

– Очень красивый молодой человек. Хотите чай, там, на кухне печенье есть...

– Нет, спасибо, – Николай присел на табуретку. – Как Персик поживает? Сбежал куда-то неугомонный засранец...

– Ой, не говорите. Никакого спокойствия с ним нет.

– Перестал отлучаться на улицу через окно?

– Представляете, – жаловалась она, – пришлось позакрывать все форточки. А то если в доме будет хоть одна щель, он обязательно её найдет. Уже надоела соседям со своими просьбами его отыскать...

– Понятно, – хлопнул в ладоши Нагваль, – вот волнуетесь, и поэтому давление поднимается...

– Ну что ж делать...

– Как что?! В больницу ложиться! Я же вам объяснял, что с такими цифрами вы себе инфаркт заработаете, а в вашем возрасте он крайне опасен.

– Да и слава богу, – молвила бабушка, – мужа я похоронила уже год назад, а без него совсем не справляюсь. Поскорее бы меня уже на тот свет Боженька забрал. Одна проблема – с Персиком некого оставить...

Рыжий кот осмелел, вышел тихо из укрытия и с любопытными большими глазами направился к ящику с ароматными лекарствами.

– Так же нельзя, – Николай стал натягивать манжетку на дряблую руку, – вам срочно нужно пройти курс лечения.

– Персика не с кем оставить, – стояла бабушка на своём.

– У вас же сын есть! Пусть он кота на время заберет!

– Он его ненавидит, потому что он ссытся где попало. В первый же день кот окажется на улице.

– Вот, 220 на 110! Это же страшный риск! – возмущению врача не было предела. – И так каждый раз, когда я приезжаю! Вам срочно нужна госпитализация!

– Уж простите меня, что вас беспокою вечно, я сама жду – не дождусь, когда отправлюсь на небеса к мужу...

– Да при чем здесь это! – вспрыснул руками врач. – Я же хочу помочь!

– Сделайте мне укол, пожалуйста, как обычно и всё, – взмолилась старушка и на её глазах выступили слезы. – Я не могу бросить Персика. Если и умру, то пусть это случится

здесь. Он же без меня совсем пропадет...

Жалость подействовала на Нагваля моментально. Он снизил темперамент, молча достал магния сульфат, набрал в шприц с физраствором и уколол в вену. Врач был поглощён своими мыслями и внутренними противоречиями, совсем позабыв о Назаре.

– Я его тут кормлю, пою, – заладила бабушка, пока её питомец игрался пышным хвостом с ногой гостя, – я не хочу, чтобы с ним что-то плохое произошло.

– Я вас предупреждаю, что для вас это может закончиться очень плохо. Заставлять вас в больницу лечь я не могу.

– Спасибо вам, доктор. Простите меня.

– Укол я вам сделал, давление сейчас начнет снижаться.

– Дай Бог вам здоровья!

– Но прислушайтесь к моим словам. Нет безвыходных ситуаций, Персика всегда можно куда-то пристроить на время.

Кот глупо посмотрел на Николая, а потом направился приласкаться и к нему.

– Но пока ему нужна я. У него никого нет, кроме меня.

– Я вам сказал. Всего доброго.

– Извините меня ещё раз.

– Дверь я прикрою. Закроете на замок попозже, сейчас надо полежать.

– Хорошо, спасибо.

Нагваль отправился к выходу, Назар попрощался с бабушкой и пошёл следом. Персик поспешил проводить новых

друзей, но дверь перед носом путешественника мгновенно захлопнулась. Назар смотрел на печальное лицо Николая. Врач оказался бессилён и, как бы ему не хотелось, помочь он не мог.

– И так каждый раз она отказывается от лечения? – спросил Назар.

Нагваль молча кивнул. Но уже в машине спустя три минуты сплошного молчания он изменил своё настроение и задал громко вопрос:

– Кто хочет анекдот? ...

...

Через буквально полчаса диспетчер кинула новый вызов. Николай посмеялся и вслух озвучил повод:

– «Пил неделю. Очень плохо».

– Обожаю таких! – воскликнул с сарказмом Саня.

– Надо ехать скорее, – заявил Николай, поудобнее располагаясь на сиденье, – у человека алкоголь всё счастье выкачал.

– Придурки! Выживать таких нужно.

Пациент проживал в частном доме. Назар ожидал встретить одинокого грязного пьянчугу, но открыть ворота вышла молодая девушка на руках с маленьким ребенком.

– Здравствуйте, – первой поздоровалась она.

– Добрый день. Что случилось?

– Пил неделю. Сейчас лежит на кровати и весь трясется, – устало констатировала жена. Ребенок сосал соску и широко

открытыми глазами глядел на незнакомцев.

– Пойдёмте, – вздохнул Нагваль.

В доме их встретил ещё один ребёнок. Белокурая девочка разинула рот.

– Привет, – улыбнулся Николай.

– Привет... Ой, то есть, здрасьте.

– Держи конфетку, – он ей достал из кармана барбариску.

Девочка взяла сладость, но все так же замороженно продолжала глядеть на незнакомых дядек.

– Кристин, поблагодари врачей, – наказала мама.

– Благодарю.

Парни и мать посмеялись.

– А тебе, малыш, ещё нельзя, – обратился он к грудному ребенку, – у тебя и так вкусная соска.

Они прошли дальше и увидели лежащего мужчину лет тридцати на вид.

– Д... До... Добрый вечер, – с третьей попытки справился тот с речью, его худое тело было пронизано судорогой. – Не могу понять, чего так трясет...

Назар достал кардиограф, понимая, что без него не обойдется.

– Сколько пили? – спросил Николай, пальпируя живот и осматривая лицо больного.

– Семь или ...восемь дней.

– Много?

Мужчина задумался.

– По пазырю в день, – из-за стены донесла изнеможенным голосом жена.

– И пиво ещё, – глаза его говорили честно.

– Это много. Сегодня употребляли?

– Сегодня нет.

– Вот и наступил синдром отмены. Зачем пьете то?

– Не... Не знаю. Устаю очень.

– От чего?

– Работа.

– Где работаете?

– На складе. Вот... Уезжаю из дома в 7 утра и приезжаю в 9 вечера. И так каждый день. Там тяжело... Сейчас нагрузки ста..., – он сглотнул с трудом слюну, – стало больше. Совсем загоняли.

– И обязательно надо поэтому пить?

– Я только так могу расслабиться. По-другому срываюсь...

– Не пробовали работать меньше?

– У меня два кредита. На этот дом и машину. Мы сами приезжие, никаких родственников, ни связей... Никого. Жена с детьми сидит, приходится одному...

– Давно пьете? – расспрашивал Николай, пока Назар снимал ЭКГ.

– Начал пробовать с 14, когда мама умерла. Отец ушёл из семьи.

– С кем жили?

– С бабушкой. Потом тоже скончалась, когда я в институте на первом курсе учился.

Нагваль внимательно слушал.

– Тогда начались первые запои. Если бы не жена, не знаю, где бы оказался... На кладбище, наверное...

Он измученным взглядом смотрел в потолок.

– Так вы не хотите сейчас ради неё бросить пить? Вы же можете найти в себе силы? Она тоже устает ведь...

– Я знаю.

– Ваших детей растит. Посмотрите, какие замечательные.

Мужчина взглянул в проход, где с волнением семья наблюдала, что делают врачи с папой.

– Самые лучшие.

– Тратьте свободное время на них. Сходите погулять, на аттракционах покатайтесь или просто на речке покупайтесь. Им же нужен здоровый отец, иначе у них самих жизнь пойдет наперекосяк...

Мужчина снова сглотнул слюну и кивнул.

– Мы не вправе ломать жизнь другим людям, тем более, если это самые близкие.

– Понимаю. Просто тяжело иногда очень бывает...

– Я тоже пил, – посмотрел прямо в глаза мужчине Нагваль, – много пил. Но потом понял насколько это эгоистично и слабохарактерно. У меня есть любимые люди, ради которых мне необходимо жить. Я могу отдать свою жизнь, помогая другим людям на скорой, а не пропить её из-за глупых

мыслей. Каждый человек может быть нужным другим. Разве этого не достаточно, чтобы просто выбрать жизнь и не травить себя медленно и самозабвенно изо дня в день?

– Достаточно, – мужчина перестал трястись.

Нагваль улыбнулся.

– Тем более, когда у вас такие прекрасные дети и жена. У меня таких нет. Это я должен пить и страдать, а не вы.

Мужчина посмеялся и жена за стенкой тоже.

– Кардиограмма хорошая. Сердце в норме. Сейчас приходите в себя и стройте планы, чем вы займетесь всей семьёй на выходных. Вы им нужны, как вам в детстве были нужны ваши родные. Если судьба жестока, то мы хотя бы должны оставаться добродушны друг к другу.

– Спасибо, доктор, – благодарили глаза мужчины в счастье, которое у него было, но о котором он начал забывать. – Спасибо большое!

– Всего хорошего! – попрощался Николай.

Назар восхищено пропустил вперёд своего друга.

– Спасибо вам, доктор! – жена еле сдерживала слезы и протянула коробку конфет. – Вот возьмите!

– Извините, но ни за что! У вас есть две собственные сладкоежки! Им это нужнее! – он подмигнул девочке, которая признала в госте хорошего человека и улыбалась ему. Маленькому мальчику Николай просто пожал ручку. Тот так же был занят своей соской, а на остальное реагировал с безразличием.

– До свидания! – ещё раз попрощался врач.

– До свидания, – повторил Назар.

– Всего вам доброго! – проводила медработников женщина. – Берегите только себя!

– И вы.

Женщина закрыла ворота. Саня оставался за рулем и что-то разглядывал в телефоне. Нагваль задержался на свежем воздухе, устремив взгляд на вершины леса.

– Так мечты и губят людей, – изрек неожиданно он, – многие даже не понимают на что тратят своё время и силы, действуя и думая просто как все вокруг.

– Ты про его кредиты? – уточнил Назар.

– Про всю его жизнь. И жизнь каждого. Ты еще удивишься, насколько их истории похожи. Их неосознанные и вскоре нереализованные мечты разрушают изнутри.

– Поэтому они начинают пить?

– Под своим пьянством они обычно обозначают борьбу против своей природы. Против ненавистного человека в лице самого себя. Знаешь, как они к этому приходят?

– Как?

– Четыре вопроса страдания. Первый – «почему у меня не получилось?». Второй – «почему я этого хотел?». Третий – «почему это хотели все остальные?». И четвёртый – «почему мы все страдаем?». Вопросы вытекают один из другого, но ответов ни на один так и не получено.

– Неужели так абсолютно у всех?

– В большинстве случаев – да. Люди стремятся самосовершенствоваться, но со временем приходят лишь к добровольному самоуничтожению .

– Мы тоже?

– Наша дорога, одержимая идеей отличается тем, что мы принимаем свой путь с его печальным исходом, трудностями и вечными диссонансами. Находим силы и проходим его до самого конца, как бы там не хотелось всё закончить. Почему? Ответ лишь в идее, больше его нигде нет. Остальные ценности жизни канули и растворились в бездне.

После этих слов Нагваль уселся в машину.

– Кажется, нас сегодня решили погонять по всему району, – усмехнулся он, взглянув на новый вызов, – перевозка в перинатальный центр.

– Ох, ближний свет, – завел мотор водитель. – А что там?

– Самопроизвольный аборт.

– Мать его.

Бригада доехала до центральной больницы. Возле приемного отделения уже скопилась куча людей, двое из которых были пьяницами, благополучно пристроенными на ночлег возле стены. Вонь от них стояла страшная, пациентам приходилось затыкать руками нос, чтобы не чувствовать резкого запаха пропитанной испражнениями одежды. Лишь одна девушка спокойно сидела, сложив руки на колени и ничего не замечая. Её не волновал ни запах, ни скопление шумного народа. Она пребывала словно в гипнотическом трансе. На-

зар и Николай мельком окинули взглядом происходящее и направились к медсестрам.

– Вы за девушкой?

– Да. Я бы оказался в замешательстве, если бы за женщиной, – пытался поднять всем настроение Николай.

– Николай Николаевич, – со снисходительной улыбкой обратилась женщина за компьютером, – тут девушка с самопроизвольным абортom.

– Я понял. Везем в перинаталку.

– Тут такое дело...

– Какое?

– У неё это уже четвёртый подобный случай.

Попытки вернуть оптимизм оказались напрасны.

– А сколько ей лет?

– 27. Совсем молодая. Первый раз в 22. Второй в 24. Третий год назад. И вот уже четвёртый, – поникшим голосом рассказывала медсестра, – мы её весь анамнез изучили с выпученными глазами.

– А на сохранении лежала?

– Да, но не помогло.

– Это она там сидит, как каменная статуя?

– Да. Оксана Королёва.

У Николая больше не было вопросов. Он взял её направление и вышел из кабинета.

– Оксана, – обратился он к толпе.

Никто не среагировал. Бабушки начали оглядываться по

сторонам, ожидая какой-то реакции, но той не последовало. Назар наблюдал за отрешенной от окружающего мира девушкой, она продолжала смотреть в одну и ту же точку.

– Оксана Королёва, – повторил громче доктор, не сомневаясь в интуиции.

Тут девушка медленно повернула голову и уставилась с тем же безразличием на врачей.

– Мы за вами. Поедем в перинатальный центр.

Девушка даже не повела мизинцем.

– Пойдемте в машину. Давайте мы вас отвезем на коляске.

Назар, – попросил он помощника, – возьмишь?

Парень подобрал первую попавшуюся сидячую коляску и подкатил к девушке. Та на неё презрительно взглянула, встала самостоятельно на ноги и пошла косолапым шагом.

– Вам нельзя перенапрягаться, – заявил врач, и хотел было подхватить её, но она отпихнула руку помощи и пошла настырно вперёд.

Николай не обратил на грубый жест внимания и направился следом, соблюдая безопасную дистанцию. Назар решил не бросать пока коляску и подстраховывал сзади. Оксане было больно идти, но она будто бы специально себя пропитывала болью. Девушка вскарабкалась в салон и уселась на предназначенное для пациентов место. С ним она, видимо, хорошо была знакома.

– Как вы себя чувствуете?

Хладнокровное молчание.

– Оксана, за вами сможет кто-то приехать потом?

И снова молчание. Её ничего не интересовало в этом мире. Тем более, что-то связанное с ней. Она откинула голову к задней двери и с пустыми глазами, в которых уже не осталось слез, смотрела на блеклый свет фонарей.

– Поехали, – тихим побежденным голосом произнёс Назар, и Саша молча тронулся.

Назар старался не испытывать девушку своим присутствием, лишь иногда поглядывал на замерший несчастный силуэт в темноте.

– Посмотри, пожалуйста, давление и сатурацию, – попросил Николай напарника, когда машина уже выехала на трассу.

Парень аккуратно подошел к своей ровеснице, которая вследствие пережитого выглядела уже лет на десять старше, и аккуратно попросил разрешения на измерение. Девушка равнодушно протянула руку, позволяя с ней делать что угодно. Показания оказались в норме.

– Давление немного повышено .

Николай просто кивнул и окончательно отвернулся . Он долго и упорно знакомился с историей болезни Оксаны. Потом отложил её в свою чёрную папку и, оперев подбородок на локоть, разглядывал уставшими глазами проезжую часть. Назар тоже откинулся на сидение затылком и растворился во тьме. В полной тишине неслась бригада по трассе и, желая быть спасёнными от себя самих, спасали тех, кто в послед-

нюю очередь бы хотел, чтобы им помогали.

– Привет, -раздался голос Нагваля, – как ты там?... Как школа?... Ммм... Хорошо написала?... Ну, умничка...

Он разговаривал с Олесей по телефону. Не громко и не спеша подбирал обыденные вопросы. Слыша её голос, набирался сил. Девочка рассказывала весело о своём прошедшем дне, а врач внимательно слушал и вспоминал, что в мире есть что-то хорошее.

Скорая затормозила, и Нагваль обернулся впервые за долгое время:

– Приехали.

Назар выскочил наружу и придержал дверь для Оксаны. Она прошла мимо, так же не нуждаясь в помощи. Врачи зашли внутрь центра и передали бумаги с документами девушки в регистратуру. Оксана, держась за живот, присела на кушетку. Лицо не показывало чувства боли. Глаза опустились вниз и рассматривали свои неподвижные руки.

Когда Николай закончил с разъяснением ситуации, он позвал Назар, а и они двинули на выход. В какой-то момент что-то врача придержало, он остановился. В его голове пробежала череда мыслей и направила мужчину к девушке. Нагваль медленно подошёл к Оксане и сжал слегка её руку. Девушка не отняла её, но и не подняла голову.

– Держитесь. Все будет обязательно хорошо.

С этими словами он отпустил её ладонь и продолжил обратный путь до машины. Трудно предположить, изменил он

что-то своим поступком внутри девушки хотя бы немного или нет. Но ничего не сделать он попросту не мог. Всех пропавших и погубивших себя людей окончательно добило именно безучастие остальных в критический момент. Нагваль это как никто знал и делал всё возможное, что было в его силах.

– Вот так оно бывает, – заключил он и не сказал больше ни слова до самой станции.

Назар чувствовал себя брошенным чем-то особенно ценным для внутреннего покоя. Что-то у него забрали. Что-то, что было ему нужно, к чему он привык. Это пустота давила и разъедала нутро благополучия. Но одновременно с этим чувством явилось другое. Освобождение от произошедшей потери. Теперь новая правда превалировала над сознанием. Именно она смиренно твердила всему существу, что реальность такова и предположения о безысходности были верны. Свобода не загоняла в депрессию, она скорее делала более целым и совершенным. Оказывается, что правда всегда жестока, но с ней ты становишься сильнее. Чем больше знаешь, тем меньше в этой жизни что-то ранит, вплоть до полной атрофии. Все прошлые беды и ненастья приравниваются к пустякам.

Все выводы и определения «правильно и неправильно» к глупости и воли случая. Не существует ничего, что показалось бы постоянным и точным. Свобода дарит первозданную легкость по отношению к короткому мигу нашего бытия.

На подстанцию бригада вернулась к позднему вечеру. На

часах было около одиннадцати. Назар прилег на выбранную им койку и закрыл глаза. То ли от новой обстановки, то ли от переизбытка событий, но парню заснуть не удалось. Сознание постоянно сопровождали слуховые галлюцинации звенящего планшета. Нагваль заполнил бумаги и тоже лег на боковую. Назару казалось, что его напарник так же не спит и мечется на кровати.

Подремав неизвестное количество времени, Назар услышал чей-то планшет. Сомнений не оставалось, что вызов достался его бригаде. Николай совершенно бодрый зашёл в комнату и спросил:

– Спишь?

– Нет, – ответил Назар и приподнялся над подушкой.

– Можешь спать, если хочешь, я один съезжу.

– Нет, я с тобой.

Парень встал, обулся и готов был отправиться в путь.

– Что там? – поинтересовался он.

– Кровотечение. Начались ночные страсти.

– Мужчина?

– Женщина.

Нагваль направился разбудить водителя. Судя по сонному и недовольному лицу, Саше удалось поспать.

– Че им не спится, ебить их мать...

– Зато по городу. В машине отоспишься, пока мы воевать будем.

– Алкаши?

– Наверное.

Запрыгнули в машину и помчались на нужный адрес. Саня старался ускорить темп, чтобы быстрее вернуться на подстанцию. Пятиэтажка смотрелась ухоженно и очень уютно.

– Не люблю эти дома..., – прокряхтел Нагваль, вылезая на улицу.

– Да, – подчеркнул Саня, – тут один этаж высотой за два.

Пролёты подъезда оказались очень высокими, обессиленные ноги уставали в два счета. На третьем этаже Николай позвонил в дверь, долгое время никто не открывал. Товарищи подумали, что пострадавшие забылись пьяным сном, но тут дверь распахнул мужчина среднего возраста. Если бы не жёлтый оттенок лица и не многочисленные гематомы по всему телу, то вполне мог сойти за приличного гражданина.

– Ну, наконец-то! Вы что ли с другого континента ехали?!

От него разило перегаром и мирного исхода событий его поведение не предвещало.

– У нас тут беда..., – он начал сдавать назад и чуть не свалился на пол, споткнувшись о табуретку.

– Что случилось?

– Моя жена... В общем, короче... Да, мы выпили... Но... Это просто пиздец... Никогда такого не было... Кровь не останавливается ... И ещё это... Рвота...

Он тараторил без умолка.

– Помогите ей. Вы должны помочь...

Бригада зашла внутрь квартиры. Беспорядок царил по

всей территории. Разбросанное грязное белье, пустые бутылки водки, детские игрушки...

– У нас трое маленьких детей... И старшая дочь... Я позвоню ей ... Пусть приедет...

Он засуетился с мобильником.

– Где женщина? – спросил Николай.

– Какая? А! Жена моя, сейчас, – он направился в спальню.

Стены комнат оказались изрисованы фломастерами, практически все обои в ободранном виде. Девушка лежала на покрывале и придерживала салфетку возле носа. Из двух ноздрей хлестала кровь. Девушка выглядела ровесницей своего мужа, такого же роста, склада и с теми же синими пятнами на теле, что и у него.

– Я задыхаюсь, – истерично заверещала она, – задыхаюсь!

Повсюду были разбросаны использованные салфетки, пропитанные кровью.

– Помогите мне срочно! – повторяла она гнусавым голосом.

– Что случилось? – сохраняя адекватное мышление, спросил Нагваль.

– А вы не видите что ли?! Кровь течёт отовсюду, как с кабана!

– Отовсюду?

Назар увидел на потолке убегающих в укрытие перепуганных тараканов.

– Да! Из жопы, из пизды, из пупка даже!

– Её рвало черной жижей! – дополнил с бледным лицом муж. – Кровавой чёрной массой...

– Где? – голос врача стал тверже.

– Вот, – тот продемонстрировал таз с темно-красной, пол-ной ошметков и сгустков, рвоту, – она блевала раз четырнад-цать...

– Сегодня началось такое интенсивное кровотечение? – начал осмотр Николай.

Назар не мог отвести ошарашенного взгляда с перепол-ненного таза.

– Уже третий день...

– Да то санные месячные... Из носа сегодня... Я задохнусь сейчас! – она снова начала симулировать припадок.

– Покажите живот! – Нагваль откинул одеяло и увидел огромный вздутый живот.

Испачканное кровью пузо учащено вздымалось и опуска-лось.

– Я не беременна, если что...

– Я знаю. Хронические заболевания есть?

Муж и жена промолчали.

– Есть?! – задал ещё раз громче вопрос Николай.

– Гепатит, – признался муж.

Назар увидел таракана на постели, устремляющегося пря-мо к хозяйке квартиры.

– В кале тоже кровь?

– А? – не расслышал мужик.

– Да, да! – закричала женщина. – Сру тоже кровью.

– Мелена, гепатит, ясно, – заключил тихо Николай.

– Что?!

– У вас желудочно-кишечное кровотечение. Вполне вероятен цирроз печени судя по животу. Гематомы откуда?

– Да... Она знаете как щипает! – втирал свою пьяную чушь муж.

– Надо анализы крови делать. Едем в больницу!

– Я никуда не поеду! – больная забыла о своём удушье. – Сделайте просто так, чтобы прошла кровь из носа!

– Собирайте её! – скомандовал Нагваль.

– А что?! Её положат?! Надо дочке ещё раз позвонить...

Назар не знал, что делать и с растерянным видом стоял возле женщины.

– Набирай Этамзилат, – сказал Николай, пораскинув мозгами, – капельницу ей поставим...

– Нет! Я не поеду никуда! Ты врач или кто?! Просто останови кровь! – кричала девушка.

Тут из комнаты выглянули три маленькие девочки, у каждой разница в возрасте была максимум в год.

– Почему мама кричит? – спросила старшая, пока две другие нервно сосали большие пальцы.

– А ну быстро вернулись к себе! И не выходить оттуда! Я сказал! – мужчина погнался малышом обратно в комнату и закрыл дверь на замок.

Нагваль старался не отвлекаться от работы и не давать во-

ли эмоциям.

– Поддержите вашу жену, я ей повязку сделаю на лицо.

– Нет! – вопила она в натуральной истерике. – Уходите!

Вон!

Назар с мужем держали больную за плечи, пока врач обматывал бинтом ей нос.

– Потерпи, милая...

– Не могу дышать!

– Хватит шоу устраивать, о детях подумайте! – не выдержал Нагваль. – Зовите соседей помогать её тащить!

– А, да, сейчас..., – бросился мужик на лестничную площадку.

Нагваль выбрал место на руке для укола.

– От чего следы инъекций?

– Пошел нахуй! – плюнула в него женщина и откинулась в новом театральном припадке.

Нагваль вытер лицо рукавом и принялся раскладывать носилки. Пришли соседи. Семейная пара, видимо, являлась близкими знакомыми.

– Что вы употребляете? – спросил строго Николай. – Это надо знать перед введением лекарств.

Муж снова замешкался с ответом. Женщина орала как резаная, выгибая конечности тела.

– Я жду.

– Да скажи уже, – крикнула на мужика осведомленная соседка.

– Тут дети...

– Они в комнате,

– Соли, – стыдливо выкрикнул он, – но уже давно не употребляли. Это не может быть из-за них!

– От синтетических наркотиков всё что угодно может быть, – сказал Нагваль, – держите её.

Мужчины разом схватились за женщину, А врач метким взором с первого раза попал в вену и ввёл лекарство.

– Капельницу все равно вырвет, тащите её в машину.

Назар помог перенести наркоманку на носилки.

– Куда вы её повезете?! – засуетился муж. – Я должен знать! Я её люблю!

– В больницу, – бросил ему в лицо Нагваль и направился с ящиком на выход.

Назар с соседями потащили женщину вниз. В коридоре помимо причитаний мужа доносился плач детей. Таракан так и остался ползать в её одеяле, на которое положили большую.

У машины стояла молодая девушка со своим парнем. Она презрено взглянула на свою мать, а потом на вывалившегося из подъезда отца.

– О, дочка...

– Я девочек забираю пока к себе! – твердо озвучила она своё решение и направилась в дом.

– Что?! Ты ебнулась?!

Он поскакал за парой в подъезд. Парень старшей дочери

уже сжимал яростно кулаки и готовился к драке.

– Иди, пригляни за ними, – обратилась соседка к своему мужу, когда больную погрузили в машину, – я одна съезжу.

Мужчина послушался и тоже скрылся в подъезде.

– Едем? – спросил с тем же сонным лицом Саня.

– Да.

По пути у женщины начались то ли сильные боли с бредом, то ли обычная ломка. Но она кричала, пыталась встать, пенала ногами, и только в моменты приступов боли скручивалась в калачик.

– Они уже год или два колются, – объяснила соседка Назару, – и месяц назад она пожаловалась на кровотечения.

– Дети их?

– Да. Все четверо. Старшая съехала, а вот мелкие... Благо, что еще ничего не понимают...

– Ах ты шлюха тупая! – женщина хотела нанести удар по руке, но измученный живот не дал этого сделать. Наркоманка зарыдала звериным ревом.

В приемное отделение её доставили на носилках. Бригада дождалась хирурга, Нагваль ему всё объяснил.

– И рвота, и кал? – переспросил с недовольством доктор, понимающий, что остаток смены пройдет без сна.

– Да, – покачал головой Николай.

– Оставляйте, – вздохнул измученно хирург и подписал бумагу.

Николай с Назаром прошли мимо орущей матом женщи-

ны, которая почти уже свалилась на пол. Соседка выдавила из себя обреченное «спасибо».

– До свидания, – попрощался Назар.

Медработники вышли на улицу. Нагваль повторил свой обряд и застыл, устремив глаза в небосвод. Назар присел на ступень и уставился в асфальт.

– Видел глаза их детей? – неожиданно задал вопрос Николай.

Назар вспомнил силуэты девочек на пороге спальни.

– Да.

– Что ты там увидел?

– Страх. За мать.

– В их взгляде была чудовищная бездна, которую им довелось увидеть в таком раннем возрасте. Знаешь, что самое страшное?

– Что?

– Что я тоже вижу подобную бездну..., – Нагваль рассказывал беспристрастно и совсем без эмоций, – каждый день... И я понял за всю свою долгую жизнь одно ...

Он прикрыл глаза, но продолжил тем же тоном:

– К ак бы не казалась глубока эта бездна, она всегда ещё глубже. В мире столько происходит мерзости и зла, что границ общему ужасу не существует.

Назар отвел глаза от друга.

– Ты видел в глазах девочек боль?

– Да.

– Они её заслужили?

– Нет.

– Ты удивишься, если они повторят путь родителей, обитая в подобных условиях?

– Нет.

– Может, и их родители повторили чей-то... Может, и их глаза когда-то переполнялись болью... Разве они её заслужили?

– Нет.

– Нет, – повторил Нагваль. – И страха никто не заслужил. Вторая ступень заключается в отказе от боли и страха. Человек прощается с этими чувствами. Он не должен чувствовать ни физической, ни моральной боли. Ему плевать на жизнь, как на ценность. Бояться ему больше не за что, так как прошлого, привязанности и боли нет. Теперь он ни за что не боится, потому что ему ничего не нужно и сам он себе, как брэнное временное явление, не нужен. Бездна глубока и здесь нет места надеждам и исключением из реалий, значит, не может быть и страха с болью. Человек осознает вновь и вновь как ничтожен он и мир.

Назар начинал понимать, но вместе с пониманием росла и поджидала момента пустота.

– Как ты думаешь, эти девочки счастливы были в тот момент? – не закончил Нагваль.

– Нет, – продолжал четко отвечать Назар.

– А мы с тобой счастливы оказывается?

– Да.

– А эти девочки могут быть счастливыми?

– Да, если с их мамой всё хорошо будет.

– Мы должны ей помочь значит, – выдохнул он, – но сегодня я не смог сделать то, что от меня требовалось. Но я постараюсь делать больше ...

Он направился в машину и больше не сказал ни слова. Как бы Назар или Саня не пытались заговорить, Нагваль обходился лишь парой фраз. До самого утра больше вызовов не поступило. Водитель спал, а медработники лежали в своих комнатах и думали о чем-то своем. Под утро Назар машинально провалился в сон, а, когда открыл глаза под конец смены, Николая уже и след простыл. Парень обошёл всю станцию и решил, что его друг уехал домой к Олесе. Но оказалось всё не совсем так. Добравшись до своей каморки в заброшенном театре, Назар ощутил вибрацию телефона. Это было сообщение от Нагваля:

«У нас в хосписе на одного человека больше. Оксана Королёва теперь с нами. Та девушка, которую мы сегодня возили в перинатальный центр».

Назар не знал, каким образом пораженная несчастьем девушка оказалась в руках Нагваля, но он не сомневался, что так и должно быть. Прежде, чем провалиться глубоко в сон, парень вытащил свой позабытый дневник и сделал запись:

«Причина любого сделанного кому-то безвозмездного добра – это либо наши счастливые детские годы, либо

несчастливые взрослые».

Глава 6. Музыка, белые стихи и проститутки

Лето первую половину дня решил посвятить музыке. Его накрыло неожиданное вдохновение, и он принялся сводить трек за треком, готовясь к долгожданному событию. Ни еда, ни вода его не интересовали. Лишь открытое окно в комнате и ноутбук для работы.

К вечеру раздался звонок в дверь, парень в одних трусах оторвался от экрана и направился к коридору.

– Кто там?

– Полиция нравов. Вы арестованы за слишком экстравагантное творчество.

Егор посмотрел в глазок, за дверью топтался Валера. Хозяин открыл дверь и запустил друга.

– Заваливайся, братан. Как раз сейчас оценишь новоиспеченные шедевры.

Лето похлопал Сада по плечу.

– Я нам жрачки прихватил. А то ты тут сидишь взаперти, как отшельник, ничем не питаешься...

– Музой питаюсь, дорогой мой друг. А че там кстати взял пожрать?

– Бургеры и картошку.

– Пойдет.

– Муза против не будет?

– Муза не приемлет в этом доме лишь порядок и здоровый образ жизни. Бургеры с картошкой к ним не относятся.

– Отлично, тогда налетай!

Лето с Садом прошли в зал, распотрошили пакеты и с аппетитом начали уничтожать фаст-фуд.

– Где вчера был? – спросил с набитым ртом Лето.

– С парнями на студии зависал.

– Есть успехи?

– Да. Скоро альбом заделаем.

– Можешь мои стихи взять на одну из песен.

Валера усмехнулся.

– Твоими белыми стихами только молоденьких шлюх оболыщать.

– Не правда, – повышенным тоном заявил Егор, – кстати, надо бы заглянуть к подружкам. ..

– Я сегодня пас.

– Чего это?

– Сегодня задание с крышей намечено.

– Уже сегодня?

– Трубы горят. Сам знаешь, если есть желание...

– Согласен.

Валера замялся.

– Погоди, – догадался Лето, – так ты за помощью ко мне пришёл...

– А кто будет снимать? Такое зрелище обязательно дол-

жен увидеть наш канал! Это прыжок вперед!

– И едой меня решил подкупить, – быстро засунул Егор за обе щеки остатки бургера.

– Не придумывай! Сколько я тебя раз спасал в похмелье! Ты нужен сегодня...

– Чувак, я не могу.

– Почему?

– Это сюрприз, – глаза Лето хитро загорелись .

– Да хорош! Реально кинуть вздумал?!

– Просто неудачное стечение обстоятельств.

– Не умничай, это же для дела.

– Слухай, – подумал Лето, наворачивая картошку , – а возьми с собой Назара.

Валера нахмурился, ему эта идея явно пришлась не по вкусу.

– С дуба рухнул?! Никуда я его не буду брать...

– Ему нужно тренироваться. Он готов для более серьезного задания, чем завязывать драку с незнакомцами.

– Если Нагваль берет кого попало в семью, то я ни с кем церемониться не стану, – Валера встал и нервно начал ходить взад-вперед..

– Ты чего на него взелся? – посмеялся Егор.

– Он новичок! Откуда мы знаем, что он не мусор под прикрытием? От этого говняра Валдая что угодно можно ожидать.

– Он не мусор.

– А тогда, – вспомнил Валера, – случай с вашим знакомством! Его же упекли! Откуда тебе знать, что они его не щеманули и не заставили на них батрачить?

– Не в этом дело. Я вижу его глаза. Это самое главное.

– Да что ты говоришь, великий окулист?! Ты с ним знаком несколько дней.

– Плевать. Я сразу всех насквозь вижу. И будущее наперед знаю.

– Нагваль научил? – усмехнулся Валера.

– Нет. Свой собственный дар. И вижу точный исход сегодняшнего дня – ты возьмешь Назара и всё будет в шоколаде.

Сад замолчал и задумался.

– Ты думаешь, ему можно доверять?

– По-любому, – без раздумий заявил Лето, – он то, что нам нужно.

– Нагваль ему так доверяет...

– Он что-то в нём почувствовал. Я первый раз Коляна таким вижу. Он этого паренька и в хоспис устроил, и на скорую в одну бригаду пригласил...

– Серьезно?

– Ну. Весь день на одной бригаде отработали.

– Жесть. Может, Нагваль поехал кукухой...

– Ты же знаешь, что это только на пользу в нашем деле.

Ха-ха!

– Ха-ха, – смиренно повторил Сад.

– Так что зови Назара и начинай воспринимать его как

полноценного члена нашей банды. Он ощутит доверие и начнет творить сам.

– Почему?

– Такие люди, как он, не могут себе позволить подвести другого человека.

Валера сохранял тишину.

– Ладно. А где он сейчас хоть?

– Дрыхнет, наверное. Вчера явно не простой денёк выдался.

– Где он обитает?

– Скорее всего, в заброшенном театре, куда его Нагваль пристроил. Потому что сам наш любезный доктор ни свет ни заря отыскал новую постоялицу хосписа. Причем совсем молодую.

– Откуда знаешь?

– Я с ним созванивался сегодня. Говорит, девушка полностью ушла в себя, а в психушку жалко класть.

– Ужас.

– И не говори... А Назар пусть пока охраняет нашу вторую базу. Менты и так нас в последнее время беспощадно пасут.

Сад встал с дивана, закончив приём пищи.

– Охранять только от тебя нужно и от твоих безумных рейвов, – смеялся он.

– Когда-нибудь, – величаво произнёс Лето, – они изменят кому-то жизнь.

– Не сомневаюсь, дружище, – попрощался с ним Валера, –

но мои концерты это сделают быстрее.

– Только если музыку на стихи всё-таки сделаешь, – кинул Лето и закрыл за товарищем дверь.

После этого Егор подышал возле открытой форточки свежим воздухом. Предвкушая грядущее задуманное событие, диджей с улыбкой вернулся к ноутбуку.

...

Назар открыл глаза, на часах было почти шесть вечера. Голова гудела, как после пьянки. Конечности пронзала ноющая боль. Заметно сказывались переноски и долгие маршруты в неудобном положении. Парень нашел в себе силы спустить ноги с кровати. Живот сковали приступы голода. Мечты о шашлыке на берегу реки не давали покоя. Юноша оделся и двинул наружу в поисках еды. Улица как обычно не густела людьми; попадались те же лица, что и в прошлый раз. Назар дошёл неторопливым шагом до шаурмичной, где сдался и купил шаурму с бутылкой пива. Он решил сегодня день посвятить отдыху, а попозже связаться с Нагвалем по поводу следующего выхода в хоспис или на скорую. Ноги доплели до ближайшей лавочки, которая располагалась неподалеку от его пристанища. Тело блаженно рухнуло на деревянные удобства. Небо было голубое. В тихом районе пели птицы. Пиво холодное, да и шаурма оказалась необычайно вкусной. Тут Назар заметил вдали приближающуюся фигуру. Сначала не обратил внимания, но вскоре признал в ней черты своего напарника.

– Здорова, как ты? – объявился Валера.

– Ого, привет. Ты какими судьбами здесь? Я ничего, только оклемался.

– Как на скорой первый день?

– Час назад проснулся и почувствовал, что вполне могу уже и за пациента сойти.

– Сложно?

– Ну так. К такому надо привыкать. Пиво выпьешь со мной?

– Может попозже, – подбирал слова Сад, собираясь озвучить своё заманчивое предложение, – ты сегодня чем-то занят?

– Да нет, в общем-то. Думал отдохнуть на диване, книжки почитать.

– Хочешь со мной на задание? – испытывая неловкость, задал он быстро вопрос.

Назар чуть не подавился.

– Какое?

– Я по ходу объясню. Но дело стоящее и довольно опасное.

– Касаемо Метастазов?

– Конечно.

– Вообще..., – протянул Назар.

– Тебе ничего особо не нужно делать, только снимать на камеру и кайфовать, как и публике.

– А что снимать?

– Мой концерт.

– Серьезно?

– Да, выступление моей группы.

– Тогда, я согласен. Если будет, как в переходе, то я безусловно в деле.

Валера улыбнулся.

– Олеси, правда, не будет. Для неё это слишком опасно.

– Опаснее, чем убегать от полиции?

– Да. Но детали я расскажу позже.

– Ничего себе. Ну ладно.

– Но ты можешь отказаться, это твое право.

– Нет, я все равно шаурму доел. Больше прекрасного у меня сегодня не предвидится.

Сад посмеялся.

– Надо какие вещи взять?

– Да нет. Телефон с камерой дадим.

– Тогда я готов, – выкинул пустую бутылку Назар. – Куда едем?

– На Манегу. Там соберемся с пацанами и на закате движем.

– Из группы «Сияние»?

– Точно.

– Зрители будут?

Валера ухмыльнулся, поблескивая искрами в глазах:

– Целая толпа. Но они об этом ещё не знают.

Назар не понимал, что это всего лишь странная часть плана.

– А снимать зачем?

– На наш закрытый канал закинем. Мы там все наши грязные делишки фиксируем. Метастазы, так сказать, распространяем.

– СМИ не палят?

– Нет. Конспирация лучше, чем у Штирлица.

– И сегодняшнее видео тоже там окажется?

– Если всё получится, то да. Думаю, выйдет потрясно.

Парни доехали на метро до нужной станции и пошли по проспекту.

– Манега – это ваша точка?

– Ага. Местечко, где пропадают самые гениальные представители своего поколения.

– Почему?

– Взрослеют, понимают, где оказались. Очень многие ребята из неблагополучных семей. С ранних лет приходится идти работать, решать самостоятельно проблемы, пропускать учёбу и хвататься за жизнь всеми возможными способами. Главная проблема – это наркота.

– Подсаживаются?

– И подсаживаются, и банчат, и сами варят. Всё вокруг этой дряни крутится.

Назар молча слушал.

– Лёгкие деньги, но рано или поздно на этом попадаешься.

– Или сам подсаживаешься.

– Да, соблазнительная вещь. Заменяет полностью всё.

– Стоит ли это того...

– Ни для кого никакой разницы нет как подышать. Всё самое ужасное лишь кажется таким со стороны.

– Но жить приходится, к сожалению, каждый день, а не только, когда тебе хорошо.

– Согласен. Это дерьмово.

Внутри двора находился старый нерабочий фонтан. Каменная статуя возвышалась над пустым бассейном, по окружности стояли лавочки, на которых сидели и пили пиво мужики. Назар присмотрелся к людям.

– Не. Это не наши. Слишком старые, – заявил Сад, – нам за это дом.

Позади новенькой девятиэтажки начинались гаражи. Они выстроились полосой, огороженной однотипными новостройками.

– В батиных гаражах? – посмеялся Назар.

– Гляди.

Назар устремил взгляд в нужном направлении и увидел молодого парня, который забрался на крышу гаража со скейтом, а затем на доске прыгнул вниз.

– Кажется, сюда к вам частенько скорая приезжает.

– Да. Бывают даже открытые переломы. У некоторых подростков совсем чердак на понтах протекает.

Начала доноситься громкая музыка. Играл Корж «Атестат». Оказалось, что площадка располагалась среди гаражей, с окружной панорамой на модные девятиэтажки.

– Почему Манега?

– Здесь когда-то давно была текстильная фабрика...

– И что?

– Короче, не знаю.

Площадка состояла из футбольной коробки, закрытой по периметру железной сеткой, и площадки для паркура. Рэйлы, рампы, квотеры – всё для того, чтобы малые испытали побольше экстрима. Подростки демонстрировали свои трюки с переворотами на скейтбордах и BMX -ах. Каждый хотел заслужить уважения старших ребят, которые могли себе позволить хлебнуть пива и понаблюдать в сторонке. Парни гоняли в кепках с оттопыренными козырьками, под которыми засвечивались крашенные волосы и дырявые уши под тоннели. На голом торсе выделялись первые портаки, на ногах еле держались убитые после маневров кроссы.

– Ну как те? С хосписом не сравниться конечно, – посмеялся Сад.

– Мне нравится. Правда, думаю, тут ролики не к месту будут...

Валера ещё больше расхохотался.

– Расслабься, тут дети приходят на самокатах. Всем плевать на чём ты. Сюда сбегает тупо от реальности и пытаются отвлечься, чтобы не вскрыться раньше времени.

– Как-то в мрачных тонах.

– Я тут с 14 лет, знаю о чем говорю.

– А где твоя группа?

– Вон там тусуется, – ткнул Сад на компанию с музыкой.

Из колонки играл Мукка «Алиса». Парень с девушкой откинулись спинами на заднюю сторону гаража, исписанную сверху-донизу граффити. Пили пиво. Лысый бородатый парень сидел стороной к Назару, он показалось ему знакомым. Сомнений не осталось, когда развернулась девушка. Яна с рейва.

– Ну и чего вы тут развалились, рок-звезды? – бросил им Валера, стараясь перекрыть звук бумбокса.

Утомленное за день солнце делилось своими последними на сегодня лучами, заливая асфальт томным оранжевым светом, и ослепляя глаза молодёжи. Яна с парнем прищурились, опознавая новобранцев.

– Знакомьтесь, это..., – начал было Сад, как тут же Яна его опередила и радостно вскочила на ноги.

– Назар!

Девушка бросилась в объятия к знакомому.

– Ты уже со всеми успел перезнакомиться? – с отвисшей челюстью остолбенел Валера.

– Мы на рейве познакомились, – пояснил с улыбкой Назар.

– У тебя явно имеется суперспособность...

– Я его с Егором познакомила, – с хвастовством заявила Яна, которая успела за это время перекрасить волосы в фиолетовый цвет.

Сад посмеялся.

– Лучше бы тебе было не делать этого. Бедняга из-за этого мега-диджея угодил в обезьянник.

– Во время облавы что ли? – спросил бородатый парень, с которым Назар так и не успел познакомиться в темноте заброшки.

– Да. Не успел удрать.

– Да, -подтвердил тот своим медленным гнусавым голосом, -там как сельди в бочке застряли . Копы застали врасплох.

– Ага. Егор навел суету.

Парень улыбнулся и протянул руку :

– Миша.

– Назар.

– Надо было тебе с нами уходить, – заверила Яна, потряхивая юношу за рукав.

– Герой остался спасать Лето, – поведал Валера.

– Нашел кого спасать, – усмехнулась Яна, – этот жучара из любой передряги выйдет сухим из воды.

– Это точно.

Заиграла Кис-Кис «Не надо». Яна сделала громче, качая под музыку головой.

– Будете пиво? – предложил Миша.

– Пока нет. Думаю, сегодня чем-то другим взбодриться нужно. Вы взяли?

– Да. Сегодня ночью ходили.

– Отлично. Все будут?

Яна кивнула головой, а потом сказала:

– Миша не будет.

– Почему? – удивился Сад. – Надо же отыграть на полнуюю.

– Отыграю. Я завязал, – он пошмыгал широкими ноздрями.

– Снова?

– На этот раз точно. У меня из носа каждый день кровь хлещет.

Яна знала, но её зависимости это пока не касалось. Назар стоял в сторонке, понимая, что не стоит вмешиваться в чужие дела.

– Тогда ладно, – Валера решил на время замять тему, – а где Порох?

– С детьми в баскет рубится, – хихикнула Яна.

Назар оглядел Манегу и рассмотрел на другой стороне площадки прицепленное к бетонной стене ржавое кольцо на высоте двух метров. Рядом с ним играли в мяч подростки и тучный парнишка в чёрной футболке, шортах и белых кроссах.

– Это наш барабанщик, – познакомил Сад Назара, – Миша с Яной – на гитаре, а я – солист.

– А ты теперь режиссёр, – развела празднично руками девушка.

– Да это я понял. Единственное, что мне известно.

– А ты ему ещё не рассказал про крышу? – не поняла она.

– Хотел устроить сюрприз, – буркнул Валера.

Играли Три дня дождя «Демоны». Здоровяк в кепке оставил баскетбольный мяч в покое и с одышкой заявил пацанам:

– Извините, молодежь, я сейчас помру. Этот спорт убивает, – он поспешил убраться прочь, – тем более, моя любимая песня играет.

Подпевая и двигая толстыми булками из стороны в сторону, он добрался до ребят.

– Мне нужно срочно пивная терапия. Восстановить баланс вредных веществ в организме.

– Ты малышей передавил, – подколот Валера, – они тебя чуть с мячом не перепутали.

– Обхохочешься, – передразнил его Порох, – моя команда победила, между прочим.

– Ещё бы, – гнусаво издал Миша смешок, – с таким гроссмейстер баскета.

– Ну так! – Порох пафосно стряхнул пот со лба. – А чего не знакомите меня с новым другом? Захотели себе его присвоить?

– Это Назар, – начал Сад, – а это... Короче... Порох.

Толстяк пожал руку Назару.

– Любимчик публики. Диджей на лучшем в мире радио. Сад каждую ночь на меня надрачивает.

– У тебя лучшие сиськи, которые я видел в жизни.

Порох отправил лидеру группы воздушный поцелуй.

– Диджей на радио? – переспросил Назар.

– На лучшем в мире, – повторил тот.

– Умение ссать в уши ему помогло даже найти работу, – добавил Валера.

– Голубки, когда выдвигаемся? – спросила с нетерпением Яна.

– Подождем, когда тьма окутает город, и накроем его сверху хаосом.

– Точно выход на крышу проверили?

– Да.

– С камерой разобрались?

– Да. Всё чики-пуки.

– Главное, обратно успеть смыться, – глотнул пива Порох. – Не хотелось бы до конца своих дней алюминиевой ложкой по нарам стучать.

– Главное, чтоб ты на выходе не застрял.

– Не обижай моего Винни-Пуха, – прочирикала Яна.

– Ах вы, неблагодарные! – завопил Порох. – Я нашу группу возвёл до вершины, а вы злорадствуете!

– Мы шутим, – посмеялся Сад, – сегодня на твои барабаны вся надежда.

– Спасу людей от твоего писклявого голосочка.

– Хах!

– И вообще, раз так много времени, я пошел еще погоняю в футболчик, – кинул через плечо Порох и направился к старой коробке.

– Ты же только что в баскет уделывал детей!

– Мне мало!

– Тогда мы с тобой! – все неожиданно кинулись к площадке.

Назар не играл лет пять, но решил вспомнить молодость.

– Мне нужна надежная и подготовленная команда для победы, поэтому я за малых! – открыл ржавые ворота Порох. – Парни, возьмете меня к себе, на этих инвалидов не рассчитывайте!

У парнишек с мячом вмиг загорелись глаза перед предстоящим матчем со старшиками.

– Тогда ты на воротах! – заявил самый смелый из них.

– Это почему?

– Потому что ты самый жирный.

Все всплеснули хохотом, даже сам Порох не сдержался от такой наглости. Начали резаться в футбол. Малые крутили взрослыми как хотели, несмотря на разницу в возрасте. Музыканты с одышкой, криком и передышками, но огромным детским азартом пытались как-то сопротивляться.

По всей Манеге стоял однородный галдеж. Вопли от падений, смех и мат, стук баскетбольного мяча и музыка из колонки. На этот раз играл Хаски «Никогда-нибудь». Ребятам получалось забываться. Надо прятаться от проблем в смехе и душевной болтовне – тогда это всё равно, что играть в детские прятки.

Мяч бился о карикатуры на стенах. Кирпич осыпался вместе с чьим-то творчеством.

– Кажется, нам пора, – заявил Сад, как только тень уходя-

щего солнца накрыла площадку и зажглись старые побитые фонари.

Группа быстро среагировала, тем более, часть уже отдыхала на лавочке и пила пиво.

– Спасибо за игру, парни, – кинул Порох малым, – живите долго и процветайте!

– Так на жопу же играли! Вы просрали!

– Давай компромисс . Мы вас пожалеем и не будем бить сегодня.

– Пошел ты, жирдяй!

Порох обернулся на малолетних обидчиков, но те заржали и, перебравшись через сетку, удрали.

– Просто кошмар! – возмутился он. – Что за воспитание!

– Сам в их возрасте плюхи курил, да в кустах клей нюхал!

– Ложь и провокация!

Все заржали. Назар принял предложение Яны выпить пива, так как жажда добила окончательно. На Манеге обстановка сменилась: основная масса бросила спортивные выкрутасы, скучковалась и врубила колонки. Многие треки являлись просто минусами, под которые девушки и парни начинали исполнять брэйкданс. Оказалось, у них имелись специальные коврики и пледы для своеобразных танцев. Задавая ритм и градус, они освобождали всю накопившуюся энергию в танце.

– Может, наконец-то просветите меня в свой план? – посмотрел на компанию Назар.

– Ха! Даже не знает на что идет! А ты мне нравишься! – посмеялся Порох.

– Мне кажется, пора, – шмыгнул носом Миша.

– В общем, – начал Назар, – есть шайка уродов, которые себя считают пупами земли. Думают, раз есть бабки, то можно наплевать на чувства других. Есть и другие люди, их фортуна не наградила в жизненной лотереи. Они каждый день цепляются за жизнь. Борьба и депрессия главные спутники их существования. Дело в том, что уроды и люди обитают рядом и тесно взаимодействуют...

– Короче, – подытожил Порох, – Сад ударился в излишнюю философию. Для многих ребят Манега – это дом. Они приходят сюда за поддержкой и пониманием к тем, кто столкнулся с похожим дерьмом. В основном ребята с окраин, где не особо можно похвастаться благоустройством. В последнее время их старые дома сносят и строят на их месте крутые особняки. Населяют их самовлюбленными засранцами, которые мечтают убрать с карты города Манегу из-за вечной музыки и шума, так как на своих тихих экзотических островах они к подобному не привыкли.

– Поэтому, – вновь вернулся к разъяснению Сад, – мы сегодня дадим большой концерт на одной из этих многоэтажек. Заткнем рот говорящим кошелькам.

– Вы хотите сыграть в живую на крыше жилого дома? – парень решил, что ослышался.

– Да. Сегодня «Сияние» озарит ночной город!

– Так ментов же сразу вызовут...

– Будем глядеть в оба, – загорелась Яна, предвкушая грядущую опасность, – успеем убежать, если что.

– А если они всё перекроют?

– Ворвемся к кому-нибудь на хату, скажем, что волонтеры и помогаем пенсионерам.

Все заржали.

– Или... Или..., – никак не мог справиться со смехом Порох, – спрячем инструменты, поделимся и прикинемся бомжами ...

Никто не понимал, почему так весело их барабанщику, но его трясло от хохота,

– Короче вариантов куча, и не одной причины дать заднюю, – оскалился в ожидании шоу Валера, – сегодня души города проснутся!

План казался Назару слишком необдуманном и рискованным. Но Валера смотрел на него глазами, в которых парень увидел Нагваля. Хотя мужик был и не отцом Саду, но какой-то отпечаток в нём всё же оставил. Как и на всех. Назар вспомнил изречения Нагваля, объясняющие насколько бессмысленно чего-то бояться. Вспомнил лица людей из хосписа и со скорой, которые доказывают этот факт. Хотелось отомстить смерти, осознанию ежедневной боли и ничтожности людей чем-то громким и сумасшедшим. Пусть даже кто-то очень богатый и культурный не выспится. Метастазы существовали не для тех, у кого в жизни всё хорошо и кто счаст-

лив, а для тех, кому нужна незамедлительная помощь. Сад на него надеялся, и он не мог подвести.

– Я в деле! – усмехнулся Назар.

Валера одобрительно кивнул и посмотрел с радостью на группу.

– А вы свои песни будете исполнять?

– Сегодня нет. Нужна музыка, которая затронет и перевернет верх ногами дно русской души. А подобная музыка только та, которая уже успела полюбитья.

– Сегодня буду как молодой Игги Поп, – гримасничал Порох, – купаться в море фанаток и драть систему во все дыры!

– Мы Сид и Нэнси, – добавила Яна, прижимаясь к Мише, – надаем в рот королеве!

– Я скромняга Боб Дилан, бог всего рок-н-ролла! – подыграл хриплым сексуальным голосом Сад.

– Я тогда Тарантино, – закончил Назар, – и снимаю меси-во.

Группа засмеялась. Твердая решимость кипела в горячей крови. Ребята чувствовали нутром, что нужно как можно больше успеть сделать, пока безбашенность хранит молодость.

– Тогда, – перешёл Сад на серьёзный манер, – берем инструменты и потихоньку двигаем.

– А где они?

– Здесь, под боком, – Валера позвенел ключами, – Манега же наш дом.

– Она подарила нам детство, теперь и мы должна прийти ей на помощь, – воинственно изрек Порох.

Ребята обогнули площадку. Музыка продолжала управлять танцорами. Кто-то добавил световую гамму в общую атмосферу. Пахло дымом сигарет вперемишку с дурью.

– А малолетки умеют отрываться, – унюхал аромат каннабиса Порох.

– Ничего. Прибереги свои ноздри, братец!

Сад огляделся с осторожностью по сторонам, прежде чем распахнуть дверь одного из гаража. Внутри парень включил свет и озарил мини-студию с богатым ассортиментом музыкального инвентаря.

– Здесь наша первая штаб – квартира. Первые краски сияния на небе.

– А чей это гараж?

– Моего отца, – ответил Сад, и Назар замолк, жалея о своем излишнем любопытстве.

Помимо инструментов тут хранилось куча барахла, в ящиках и на полках. Оно оставалось годами не тронутым и, вероятнее всего, таким и останется дальше.

– Мы зарядили генератор, аккумулятора хватит, чтобы поддерживать звучание и гитар и микрофонов около полу часа.

– Позже мы уже будем кукавать в бобике, – посмеялась Яна.

– Согласен, – с серьёзным лицом подтвердил Валера, –

большого и не надо!

– Моя малышка, – с такой редкой улыбкой взял в руки свой инструмент Миша, – сегодня взорвет всем перепонки.

– И сердечки.

– Никакая скорая не успеет! – посмеялся Сад, взглянув на Назара. Тот тоже усмехнулся, рассматривая барабаны, которые Порох заботливо протирал тряпочкой.

– А на чей телефон будем снимать?

– Давай на мой, – подошла провести инструктаж Яна, – у меня камера лучше всех. Я же девочка, ага.

Она показывала настройки для лучшей съёмки, а парни настраивали звук, чтобы в нужный момент не облажаться.

– Всё в норме, – бросил нервно Порох, – сейчас проводим тут бес толку до утра! Перед смертью не надышишься.

– Тогда по дорожке? – улыбнулся Валера.

– Вот это предложение, я понимаю! А то ещё барабаны с антенной перепутаю от волнения, – толстый парень мигом подлетел к Мише, у которого должен был быть стафф. – Как кстати сгоняли? Без происшествий?

– Норм. Возле железной дороги зарыли, – поведал парень, доставая из кармана прозрачный пакетик с порошком, – там только и ошиваются закладчики и торчки.

– Ммм, старые добрые кошачьи ссаки! Ты сам будешь?

– Нет, – твердо шмыгнул носом Миша, – я всё. Дорвался.

– Точно?

– Надо пробовать без этого дерьма играть. Думаю, не хуже

получится.

– А мы, пожалуй, нырнем разок в эти восточные сказки! – Потом Валера обратился к Назару, который равнодушно смотрел, как его друг чертит дороги на экране телефона: – ты будешь?

– Это что?

– Мефедрон.

– Нет. Мне же не играть.

– Да ладно те! Тарантино, по-любому, на более тяжелой херне сидит, чтоб творить...

– Я пас. Ещё в голову ударит, и видео хреново получится...

– Понял. На самом деле – да, это дерьмо может размазать дай боже!

– Люди от кокса отказываются в пользу этого! – добавил Порох.

– Ты только молчок, – подстерегся Сад.

Назар кивнул головой, дав понять, что парень может положиться на него. Валера достал купюру, свернутую в трубочку, и трое музыкантов пустили допинг по ноздре. Сад прослезился, а у Яны чуть покраснели щеки, но потом команда единогласно заявила, что сорт первоклассный.

– Пора идти, пока не накрыло, – Порох запил глотком воздуха.

– Точно! Хватайте всё, что вам нужно для шоу!

Каждый взял свой инструмент, парни дополнительно

схватились за генераторы. Работали быстро и уже через пару минут топтались на улице. Валера закрыл дверь и все дружно направились к многоэтажкам.

– Ну ты, конечно, даешь, – начал добреть и ещё больше тереть языком Порох, обращаясь к Назару, – согласиться на такое детище! Ты реальный кабан!

– Я же говорил, что он парень что надо! – приобнял его Валера, который и позабыл о своей мнительности.

– Это вообще я его нашла, – отлипла от Миши со своей любвеобильностью Яна и окружила вместе со всеми новичка.

– Настоящий герой! Егора спас!

– Может, его к нам вторым солистом?!

Всех накрыла эйфория и превратила в самых добрейших существ в мире. Назара это рассмешило.

– Давайте тише.

– А то нас примут ещё у подъезда, – ухмыльнулся Миша и вернул к себе навязчивую девушку.

– Ладно, – вернулся в себя Сад, – сегодня ни капли счастья себе, всё народу!

– Я просто уверен, что сегодня всех ожидает отменная жара!

Оставив гаражи позади, и еле сдерживая смех, ребята свернули во двор к первой новостройке. Дом передней стороной смотрел на своих близнецов, а задней возвышался над Манегой.

– Ключи у кого?

– У меня, – Сад достал ключи.

Проверив первый этаж, один за другим по очереди нырнули внутрь. Валера шепотом озвучил свой план, но прежде спросил:

– Ян, ты будешь ещё?

– Не. А то я и так тут эпицентр эндорфинов.

– Ха. Тогда ездай вместе с Мишей, Назаром и частью аппаратуры наверх. Мы все вместе не поместимся. Я с Порохом поднимемся пешком и пустим ещё по дорожке.

– Мой личный фитнес-инструктор по усиленному похуданию! – пошутил толстяк. Все заржали, прикрывая рот руками.

– Короче, встретимся на девятом.

– Смотрите, аккуратнее там, – гнусавым голосом предупредил их бывалый.

– Всё будет в шоколаде, – забрал у Миши пакетик лидер группы и полетел вверх по этажам, Пороху оставалось лишь догонять.

– Не много им? – беспокоился Назар.

– Надеюсь, они знают, что делают, – пожал спокойно плечами Миша, поддаваясь смиренно безостановочным поцелуям Яны.

– Ты рад, что с нами пошел? – спросила она с улыбкой до ушей.

– Да. Но думаю, ягодки ещё впереди.

– Ещё какие.

Двери лифта открылись на 9 этаже. Ребята тихо перетащили инструменты, вышли сами и притаились в полной тишине. Пахло свежим ремонтом. Назару вспомнился аромат ресепшн в курортных отелях.

– Ну где там они? – едва слышно произнесла Яна. Тут же послышались лёгкие шаги и наконец-то показались Сад с Порохом. Оба выглядели вполне нормально, только Пороха одолевала одышка. Во всем остальном парни сохраняли тот же настрой.

– Заждались, котятки?

– Какие там наркотики, – взвыл Порох, – рок-звезду может убить только лестница!

– Лестница к славе, – поправил Валера и вытащил другой продолговатый ключ. – На пороге которой мы стояли, но променяли на идею, правду и тюремные нары!

Вновь засмеялись и готовы были идти за своим другом хоть в огонь, хоть в воду.

– Сделаем это так, чтобы в округе не осталось ни одного бесчувственного человека!

– Погнали!

Сердце выпрыгивало из груди даже у Назара, что говорить об остальных. Он с широко открытыми глазами смотрел, как Валера отпирает дверь на крышу и раздаётся щелчок успешного взлома. Никто не верил, что долгожданный момент вот-вот настанет. Сад выпустил всех на свежий воздух и закрыл

дверь. Лёгкий ветер ласкал кожу, луна освещала сияющие улыбки друзей. Кажется, мироздание заняло их сторону.

– У жителей нет ключа, поэтому ждем только ментов, – изменил солист тон и громкость голоса, готовя его к чему-то большему.

– Просто охренеть! У нас получилось! – воскликнула радостно Яна, обнимаясь к каждым.

– Рано ликовать.

– Да, – бросил Порох, – у меня сейчас член встанет от возбуждения. Давайте уже начнем!

Через мгновение провода генератора были на месте. Колонки расставили по углам крыши, дабы никто не остался обделенным звуком. Один микрофон достался Валере, другой подставили к барабанам Пороха. Тот нашел подходящий бетонный блок и организовал себе комфортное сиденье.

– Ха-ха! Я готов! – кинул он, начиная уже в воздухе тренировать удары.

– Отлично, это самое главное. Яна? Миша?

– Готовы прямо сейчас реинкарнировать английский панк-рок 80-х, – посмеялся Миша.

– Назарчик, ты разобрался во всем? – поинтересовалась напоследок Яна.

– Да, – будучи давно готовым, ответил режиссёр, – смотрите супер!

Музыканты улыбнулись и глянули на задний фон, где мерцал свет в окнах новостроек, а над ними горели звезды. Ночь

дышала жизнью и ещё не подозревала, что ей заготовлено.

– Тогда начинаем! Пусть когда-нибудь наша депрессия нас уничтожит, но сегодня этого точно ни с кем не произойдет! Музыка спасет мир, остальное всё полная чушь...

– Давай уже, хренов мотиватор! – завопил Порох, – У меня сейчас сердце выпрыгнет из груди ... Да и обосраться прямо на месте не далеко осталось!

Валера посмеялся в микрофон и звонкий, оглушительный, пронзающий, безумно заражающий смех вырвался из колонок, распространяясь по ещё недавно спящему району.

– Если услышите мусоров, – подытожил Сад, – играем и поем громче! Ха-ха!

Затем парень встал спиной к группе и отправил бесстрашный, жаждущий взгляд прямо в объектив камеры.

– Сияние и Метастазы! – заорал он, как самый настоящий король сцены. – Сегодня каждый заслуженно заразится жизнью! Раз! Раз! Раз, два, три, четыре!

Тут и начался хаос. Назар думал, что он вспыхнет с высоких нот. Но гитары исполняли медленную композицию, постепенно набирающую темп. Они позволяли проснуться жителям района и понять, что происходит на улице и с ними лично. Звук оказался воистину громким. Сначала тормозил, но потом воспринимался идеально. Сад выжидал проигрыш с опущенной головой, а потом присоединился ко всем.

– Круговая порука мажет, как копоть. Я беру чью-то руку, а чувствую локоть...

Паузы и тембр попадали точно в оригинал. Назар знал это песню. Наутилус Помпилиус «Скованные одной цепью». Он снимал на камеру, но ему хотелось, чтобы это делал профессионал, который бы смог отчетливо запечатлеть то, что передавали ребята. Каждый отыгрывал так, будто перед ним находился миллионный зал. Каждый выкладывался на полную катушку ради общей цели.

– Скованные одной цепью, связанные одной целью, – повторял Валера своим красивым голосом, не уступающим олесиному.

Начинался галдеж со двора. Назар глянул в сторону и увидел перепуганные лица, появившиеся в рамках окон. Они не понимали, откуда доносится шум. Женские и мужские отъевшиеся рожи перекидывались возмущенными ругательствами и делились догадками. Но остальные подробности растворялись в песне, даже не добираясь до ушей.

– Здесь первые на последних похожи и не меньше последних устали, быть может. Быть скованными одной цепью, связанными одной целью.

Сад был прав: знакомая музыка, действительно, обладала более мощным эффектом. Удивительно, что ребята не торопились и выводили каждую ноту в неспешное удовольствие. Им плевать было на время, сейчас они словно выступали для небесных звёзд. Закончив с первым треком, они не перекинулись и словечком, а по плану продолжили концерт. Следующую композицию Назар не сразу узнал. Сад изменил голос

на совершенно другую манеру. На припеве Назар узнал все-таки «Северный флот».

– Стою один, сердце бьётся из груди, – Валеру практически было не разглядеть, эти слова он исполнял, не двигаясь, – поднимая знамя, не доживших до седин...

Он знал, что его никто не видит в живую, но твердо оставался уверенным, что каждый, кто был в том же дерьме, слышит его. Парень верил, что если его спасло одно, то и другим оно чуть-чуть поможет. Каждый одинокий, разочарованный, находящийся на грани человек, должен был уловить эти звуки и пропитаться жизнью, исходящей из них. Если музыка спасает каждого по-отдельности в наушниках, то что до общего восприятия.

–Ненадолго живой...

Назар мельком обращал внимание на соседние дома. Не оставалось практически ни одной квартиры, где бы ни выглянул человек. Назар видел, как кто-то в молчании замер, кто-то закурил, кто-то позвал семью, чтобы они тоже стали свидетелями чуда. Не понятно, как угадал Валера с ключиком к народу, но Назар ощущал результат на себе.

Так же плавно группа перешла к Гражданской обороне «Все как у людей». Назар поражался подборке. Довольно странной, чтобы нравиться всем, но и не найти было точнее и подходящее для людского района, где перемешались совершенно разные жизни. Сад не делал лишних движений. Вся энергия уходила в голос. Создавалось чувство, будто мело-

дия пружинит от стен домов и разлетается да самых дальних окраин.

–В стоптанных ботинках годы и окурки. В стираных карманах...

Гул нарастал. Люди доносили друг другу о месторасположении нарушителей порядка. Они пытались перекрычать музыку, но у них ничего не выходило. Назар глянул на Манегу: собравшийся народ радостно прыгал и аплодировал местным хулиганам. Парень сам ощущал мурашки по всей коже, на припеве выступали слезы. И не было ни жалости, ни грусти, просто красивее ничего не доводилось видеть.

–Вот и всё что было. Не было и нету, -давил Сад и ребята ему подыгрывали, -Правильно и ясно! Здорово и вечно! Все как у людей!...

Громче. Ярче. Как в последний раз. Люди выходили на улицу и всматривались на крышу. У одних в жизни никогда не было такого беспорядка, у других такого феерического события. Все были на эмоциях. Все забыли про серость и равнодушие. Назар понимал, что скоро концерт закончится. Но компания без какой-либо паники перекинулась молча кивками головы и продолжила концерт песней «Плоскость» группы Аквариум. Так же неожиданно они перешли к ещё более медленному и умиротворенному. Кажется, они видели в этой песни больше, чем кто-либо другой.

– Мы стояли на плоскости с переменным углом отражения, – Назар разглядел улыбки на лицах молодых ребят, –

наблюдая закон, приводящий пейзажи в движение...

Они играли, погружаясь полностью в музыку. С закрытыми глазами улетали далеко – далеко от мира. Назар в проигрышах наводил камеру на скандирующую Манегу, на очарованных людей с балконов и на разгневанную толпу, готовую рвать и метать. Группа ничего этого не знала. Валера пел до самого конца, не обращая внимания на существование времени. Под конец песни Назар услышал отголоски сирен, он глянул во двор, и его накрыло дежавю. Точно такие же синие оттенки он видел на рейве, они принадлежали полиции. Режиссёр поспешил дать знак группе, ребята в момент отреагировали, держа концентрацию внимания всё время на чеку. Сирен становилось больше, а возгласы народа доносились настойчивее и злее. Назар думал, что наступил конец незаконному мероприятию, но Валера перешёл к следующей песне, которую слушатель уж точно не надеялся услышать.

– Крыши домов дрожат под тяжестью дней. Небесный пастух пасет облака. Город стреляет в ночь дробью огней...

Устами Валеры группа «Кино», не спеша и с сочувствием к любым переживаниям желала «тем, кто ложится спать, спокойного сна». Это было нечто. Назар нутром чувствовал, как менты врываются в подъезд, несутся по этажам, но Сад не думал покидать позицию. Он исполнял песню так же медленно и непринужденно, как если бы играл в кругу друзей на пьянке, или сидя один на кухне глубокой ночью. Для него ничего не изменилось в этом мире. Назар узнавал в друге

черту одного человека. Если еще раз в обезьянник то, только так. Телефон оставался с включённой камерой до последнего. Не реагировал ни на толпу, ни на приближение полиции, Назар старался уйти от всего мира прямо здесь и сейчас. Не существует на свете того, чего бы разумно можно было бояться.

Он вновь видел страдания людей, вновь их глаза, вновь их тела, исчезающие и забывающиеся со временем. Ради этого стоило забыть о своей шкуре и продолжать петь.

– Спокойного сна... Спокойная ночь..., – закончил солист с выдохом влажного пара.

Смолкли гитары, затихли барабаны, и сами музыканты на секунду погрузились в молчание. Стояли, не двигаясь, будто чего-то ожидая. Назар закончил снимать и в две руки начал хлопать. Овации перемешивались с ревом многочисленной публики. Один человек аплодировал, но даже этого было достаточно для Метастазов.

– Кажется, всё прошло... а таких и слов нет... Просто незабываемо! – признался с потным лицом Порох.

– Переплюнули свои ожидания, – подчеркнул Миша.

– Признаюсь, только что сбылась самая заветная мечта в жизни, – подняла руки к небу Яна.

Валера молчал, а потом с улыбкой сказал:

– Время уносить ноги со звёздной пылью на подошве!

Все засмеялись и в быстром темпе начали хватать оборудование и спешить спасать свои задницы.

– Тут подъезд перекрыт, – предупредил Назар, – как пойдём?

– Пошли через другой подъезд, ключ должен ко всем подходить.

Ребята, пригнувшись от посторонних глаз, бросились на другой конец крыши и вставили ключ в дверь.

– Пожалуйста! Да помоги нам, небо! Ведь мы для тебя старались ... Да!

Яна первая воскликнула, когда дверь оказалась открытой. Последний этаж пустовал, но ребята решили для подстраховки спуститься пешком. Они неслись между пролётами и этажами, обмениваясь какой-то несвязной чушью, которая так и слетала с языка под действием адреналина. Им повезло, так как по дороге им никто не попался. Большая часть народа топталась на улице. Самое страшное музыкантов ожидало снаружи.

– Если что, начинаем прикидываться психами и отмахиваться гитарами от этих уродов! – придумала Яна.

– Будь что будет! – под аффектом заявил Валера и открыл входную дверь одним толчком.

Во дворе скопились люди, вникая в курс происходящего. Ошеломленные зеваки топтались и перебирали недовольства. Виновники покоя выскочили к ним прямо в руки. Полицейских среди местных не было, но мирные жители начинали быстро догонять что происходит. Тут раздался гудок из рядом стоящей машины, стекло опустилось, и выглянул

Егор.

– Такси ждете, черти неугомонные? – кинул он друзьям со своей фирменной, вечно беспредельно довольной улыбкой. – Ну чего встали?! Запрыгивайте! Надо сваливать, пока копы не накрыли!

Группа вышла из ступора и бросилась мимо толпы к машине. Закинули в багажник кое – как инструменты и, навалившись друг на друга, залезли в салон.

– Дверь закрывайте! Ладно, насрать...

– Лето, если ты нас вывезешь отсюда, – заголосил Сад, придавленный Мишей и Назаром, – я клянусь, тебе никакие девки не понадобятся больше...

– Ха-ха! – заржал Егор и дал газу.

Тачка с открытой дверью понеслась прочь с места преступления. Свора людей толком не поняла, что произошло, и так осталась стоять охранять тротуар.

– Ты как вообще... Как оказался здесь? – весь красный от переизбытка эмоций накинудся на друга Назар.

– Не мог же я вас бросить, молодежь. У нас особая связь через Метастазы!

– Да че ты заливаешь?! Ха-ха! – Валера будто словил очередной приход. – Колись, как узнал про место!

– Чего там узнавать было-то?! Вас чуть ли не на весь город было слышно!

Пронеслась новая торжествующая волна смеха.

– Я подогнал к Манеге, а потом вы дали сигнал с крыши.

Когда менты подъехали к подъезду, то я допер, что вариантов у вас особо нет...

– Просто охренеть!

– Охренеть от выступления, вы во всех смыслах были на высоте!

– Правда?

– Сто пудово! – признался Егор. – Лучшего выступления даже мне за свою насыщенную жизнь не доводилось наблюдать...

– Ты еще с видоса посмотришь, – подхватил Назар, – у меня у самого все прожилки тряслись от восторга!

– Да. Завтра зальем и ещё сверху докинем.

– Чем?! – с ожиданием замолкли ребята.

Егор хитро ухмыльнулся.

– Это секретная информация.

– Рейв?! – заверещала вне себя Яна.

– Да. Самый что ни на есть настоящий ретрорейв! Олдскул, музыка, протест по полной программе!

– Ура! – закричали громко поклонники, не замечая тесного пространства.

– Да ты чокнутый! – завопил Сад. – Недавно же был один...

– Это была репетиция к главному боссу, – с ажиотажем твердил Лето, – теперь открытая площадка, полная конфиденциальность, три сцены, около десяти диджеев с разных городов. Многие знатоки своего дела заинтересовались на-

шей движухой после того переполоха в заброшке. Так что развиваемся, братцы! Скоро каждый в башке будет носить наш порыв!

– А место?

– Как всегда за несколько часов!

– Можно брать с собой что-то прикольное?

– Да. Рейв-это свобода. Запаситесь улетной дурью, алкашкой, литрами воды, гондонами и желанием сдохнуть прямо там!

– Да! – продолжала кричать Яна. – Это лучшие два дня в жизни!

– Думаю, надо начать отмечать прямо сейчас, – заявил разгоряченный Порох.

– Не, чувак. Сегодня надо залечь на дно, чтобы случайно не попасться, – мудро решил лидер группы.

Лето сделал круг по дворам, дабы избежать хвоста и подъехал к гаражу. Ребята начали потихоньку выгружаться и переносить шмотки. Каждый оглядывался по углам, чтобы не привлечь чье-либо внимание.

– А я думал позвать вас к моим любимым подружкам! – расплылся в улыбке Лето.

– Братан, мы завтра продолжим. Сегодня точно всем по домам надо. Сильно рискуем. Тем более, мне Нагваль написал, что Олеся уснуть не может.

– Маленькому пирожочку нужен второй пирожок?

– Точно.

На Сада нахлынула ответственность. Он с чувством выполненного долга решил вернуться на ночь к семейному покою.

– Мы тогда вызовем такси, – заявил Миша.

– Я пешком пройду, что-то у меня настроение перевозбужденное, – погладил барабаны на прощание Порох.

– Давайте, чуваки, завтра днем соберемся помонтажируем наш фильм. А ты, Назар, куда?

– Домой тоже, наверное.

– Не, не, братец, – замотал головой Егор. – Ты то меня точно не кинешь. У нас с тобой сегодня культурный вечер!

– Что-что, а культуры там точно нет никогда!

Все посмеялись и ещё раз посмотрели друг друга с благодарностью за подаренный день.

– Но всё же! Тебе понравится, даю слово!

Назар решил, что отказываться от предложений сегодня официально запрещено.

– Поперли мы тогда! – Миша и Яна начали со всеми обниматься.

– Да, спасибо, что вы есть! Люблю вас, парни! – Порох тоже полез со своими медвежьими нежностями.

Музыканты разбрелись в разные стороны.

– Ну и мне пора, – машина Сада подъехала, – спасибо, пацаны. Назар, тебе отдельное!

Парень пребывал на седьмом небе от счастья. Назар оставался за него больше рад, чем за всё происходящее в прин-

ципе. Ради этого стоило пойти на риск.

– Давай, удачи. Пирожка за меня обними.

– Хорошо. Завтра, чтоб все сделал на высшем уровне.

– Вас не переплюну, конечно, но Ютуб точно взорву.

Сад дал волю своему смеху и уселся в такси. Машина вскоре скрылась во тьме.

– Так куда едем? – потер ладони Назар. – Найдём того бомжа и продолжим вселенский сериал?

– Ха. Неплохая идея, но у меня лучше, – Егор вернулся в салон. – Поедем к жрицам любви. Будем читать им стихи, и пить вино.

– Реально едем к проституткам? – опешил Назар.

– Поверь, это первоклассные собеседницы и собутыльницы. Мне ни с одним соратником не было настолько интересно, как с ними.

– Даже с Нагвалем?

Лето посмеялся.

– Даже с ним. Они лучшие друзья на свете. Если бы мое существование проходило исключительно в их компании, то всякие идеи по изменению мира мне даже в голову не лезли.

– Почему?

– Я был бы счастлив. А когда счастлив, ни черта не нужно больше.

– Ну ладно, уговорил. Особенно если стихи твои будут в программе .

– Ты думаешь, эти цыпы станут другие слушать?! – в иро-

ничной форме бросил поэт. -Прочитаю самые бессмысленные, тривиальные, любовные стишки. Но. Самые красивые из всех написанных мною.

Назар посмеялся, с блаженством провожая взглядом ускользящие огни фонарей за стеклом.

– Просто-напросто внутри ты больной романтик.

– Романтик это тот, кто внутри носит что-то красивое. То, что его греет и помогает не превратиться в монстра. Это же целый мир.

– Согласен.

– Я бы без своей романтики не выжил, как и ты. Думаю, люди в каком-то роде связываются друг с другом именно похожей внутренней красотой. Всё остальное – скукота поднебесная.

– Ха.

Парни добрались до двухэтажного дома, огражденного непроглядным забором.

– Это их притон! – пояснил с усмешкой Лето. – Типа штаба. Они тут делят бабки, решают вопросы с сутенерами, но, в основном, собираются компаниями и болтают.

– О чем?

– Им есть что рассказать, поверь!

– То есть их там целый дом?

– Мы столько не осилим. У моих стихов тоже ограниченный заряд потенции, – Егор вышел из машины, – там сейчас мои близкие подружки только. Остальные на вызовах...

Прямо, как на вашей скорой.

– Не отличишь, – ерничал Назар и вышел следом.

– Только их клиенты больны на голову! У меня волосы дыбом встают от извращений, с которыми проституции приходится сталкиваться!

Парень открыл багажник и достал с гремящим стеклом пакеты.

– Набрал на всю ночь! Поэту нужна атмосфера!

– Они точно против не будут?

– Ты что?! У них призвание любить мужчин! Перед теми, кому от них не только секс нужен, они вообще не устоят.

– Ладно, – Назар ощущал неловкость.

– Тебе понравится. Воистину земной рай! – Егор постучал в ворота. – Они видят людей насквозь. Их не обманешь и не раскусишь. Спрятанный в их крашенных головушках опыт не приобретешь и за тысячу лет жизни. Сильнейшие существа рода человеческого!

Прозвучали последние слова Егора перед тем, как раздались лёгкие шаги. Донесся нежный запах парфюма.

– Господи, что за чудесные духи, готов за ними следовать на край света!

Дверь медленно начала открываться. На пороге встретила блондинка средних лет с очаровательной улыбкой.

– Здравствуй, Егор.

– Добрый вечер, Сабина! Ты просто неотразима! Я заготавливал заранее кучу комплиментов, которые сейчас, кля-

нусь, позабыл! Это Назар.

– Мне очень приятно!

Она подала руку вперёд. Какой же она представлялась милой. Думается, это её выиграшная и отработанная позиция. Роль стесняшки, в которую она успешно вжилась и которой стала пользоваться в обыденной жизни.

– И мне.

– Как вам мое платье?

Длинные ноги прикрывало розовое платье, немного напоминающее детское.

– Настроение было купить что-то подобное! Не поверите, где нашла... В сэконде!

– Оно потрясающее!

– Конечно, в приличную публику в нём не выйдешь, но себя порадовать иногда можно...

– Мне кажется, не существует вещи, которая тебе бы не подошла.

Она покраснела.

– Спасибо. Ты очень любезен.

Назар поражался, как ей удавалось так быстро располагать к себе людей. Профессиональный опыт. Внутренняя доброта. Хотелось просто находиться рядом с этим ульем феромонов.

– Ну что ж... Прошу в дом!

– Да! Конечно!

Егор, кряхтя, с пакетами в руках направился к дому. На-

зар спешил за другом.

– Там открыто, проходите. Я пока воздухом подышу. Девочки уже там вас ждут – не дождутся.

– Хорошо, – Назар заметил, что и Лето меняется на глазах.

– Она всегда такая милая?

– Да. Скажи же настоящий ангел?

Назар кивнул.

– Ты остальных ещё не видел, – распахнул перед товарищем дверь Егор, – неземная прелесть!

– Как так получается вообще...

– Видимо, всю грязь они хотят оставлять на работе. Это их другая жизнь.

Девушки услышали незнакомый топот в коридоре, и вышли встречать гостей. Назар осматривал дом, пока с кухни не вышли две проститутки. Первая была смуглой и низенькой, возраста примерно такого же что и Сабина. А вторая выглянула мельком из-за угла, на первый вид совсем молодая.

– Ну наконец-то приехал мужчина всей моей жизни! – с веселым хрипом в голосе накинулась черненькая на Егора, которому она еле доставала до груди. – Я уж думала, обдурил!

– Не существует такой причины, из-за которой я отказался бы от визита к вам.

– Ах ты, подлиза! – ущипнула его пышногрудая женщина. – А что за молодого красавчика к нам привел?!

Она очень много улыбалась и являлась, судя по гиперактивности, душой и заводилой компании.

– Это мой личный супергерой! Настоящий друг и товарищ! Гроза мусоров! Ночной кошмар Валдая!

При упоминании лейтенанта женщина громко рассмеялась, наполняя пустой дом звоном.

– Тогда действительно супергерой! По крайней мере, для нас, маргинальной коалиции города! А как зовут?

– Назар, – ответил за друга Лето.

– Редкое имя, – лукавыми глазами оценила молодая девушка, все так же скрываясь в углу, – это всех так немых людей зовут?

– Я не..., – хотел было ответить Назар на необоснованную остроту девушки, но тут черненькая пришла на помощь.

– Не смущай мне гостя! Он не всегда же ходит по таким злополучным местечкам.

– Да, – кокетливо бросила молодая, – его я не припоминаю.

– Я тебя тоже, – прямо глядя в глаза, отомстил он девушке.

Черненькая вновь засмеялась, а девушка широко улыбнулась, будто этого и ожидала от нового знакомого.

– А паренек не пальцем деланный!

– Ещё бы! – похлопал Егор по плечу парня. Назар принял вызов на сражение взглядов. Хитрая обидчица внимательно изучала юношу, но потом первая капитулировала, опустив сделанные ресницы. В отличие от своей коллеги по работе,

она имела изящную фигуру с модельной талией и маленькой правильной грудью, о которой свидетельствовала чёрная водолазка без лифчика. Крашенные в светлый цвет волосы были собраны по-домашнему в пучок. Широкие скулы, маленький носик, пышные губы, показавшиеся Назару искусственными. Из всех трёх она ему понравилась меньше всех.

– Не обращай внимания на Дашу, она любит экстравагантно выпендриться! А я Люба!

– Очень приятно, Люба! – улыбнулся Назар. – И экстравагантная Даша.

– У вас какое-то заведомо ранее равнодушие друг к другу! – женщина очень любила смех.

Лето тоже хихикал, то ли от правдивого замечания, то ли от забавного необычного смеха Любы.

– Через пару дней поймет, что влюбился, – еще более беспринципно кинула Даша с совершенно серьёзным видом.

Назар опешил и понял, что наглость его победила, но все равно решил не снимать защитный панцирь.

– У меня столько денег не будет.

– Но ничего, – продолжала она свой спектакль, – на нашу будущую семью и моего заработка хватит.

Люба с Лето облокотились друг на друга и чуть не попадали со смеху. Они ржали, еле успевая вытирать выступающие слезы на глазах. Егор несколько раз пробовал что-то сказать, но ничего не выходило из-за очередных приступов хохота.

– Если бы... Если бы я знал... Что такая дружба возник-

нет, я бы сразу вас познакомил...

Даша с самодовольным лицом бросила заключительный победный взгляд на парня. Назар покраснел.

– За такое точно надо выпить! – воскликнула Люба. – За искру между двумя людьми, свидетелем которой мне довелось стать! Божественно!

– Чего вы смеетесь без меня? – вернулась добрая фея в безумное царство.

– Сабина, – протянул Егор, – знаешь пословицу «от ненависти до любви один шаг»?

– Конечно. Я все-таки занимаюсь эскорт-услугами.

– Так вот, этот самый шаг только что произошёл на вашем пороге.

Сабина своим чутьём обо всем догадалась и с пониманием посмотрела на Назара, а потом на Дашу. Молодая девушка пожалала невинно плечами и продолжила пить из бокала вино.

– Такое знакомство надо отметить, – заявила Сабина, сохраняя статность.

– Да я вот и предлагаю накатить, черт побери! А то уже трубы горят! – Любка наоборот себя вела открыто и более развязно, совершенно не стесняясь своего прыткого темперамента.

– Мы тут и вино взяли, – начал Лето, – и бурбон.

– Не поверишь, но мы тоже. Хотели вас угостить.

– У нас возникли одинаковые мысли! Именно поэтому, мы так друг с другом и ладим. Потому что, что? Тараканы

должны быть с одной и той же колокольни!

– И ничего не добавишь, – махнула Любка рукой, – как всегда правду – матку рубишь!

Компания прошла на кухню, центр которой занимала барная стойка. Девушки заранее нарезали закуски, выставили алкоголь и разложили тарелки. Необоснованная забота и отдача. Назар не мог даже вообразить, что люди с подобной судьбой окажутся такими порядочными и хозяйственными.

– Ой, бокалы позабыли, – засуетилась на мгновение Сабина и кинулась к серванту.

– Знаете, какой у Назара первый вопрос возник? – улыбнулся Лето.

– Какой же?

– Почему Сабина такая добрая.

Все засмеялись, даже Даша, которая держалась вместе со своим бокалом особняком от остальных.

– Даже не знаю, – ответила скромно Сабина.

– С нашей работой либо выпиливаешься, либо становишься монашкой! – поржала Люба.

– Это точно. Приятнее общества я не встречал, – ещё раз выразил симпатию Егор и достал выпивку.

– Какое вино дамам?

– Мы белое с Дашей продолжим, – сказала Сабина.

– А я с вами тогда виски накачу! – потерла ладони черноглазая мулатка.

– Отлично. Сегодня по ковбойской схеме.

Лето наполнил фужеры и стаканы разными напитками. Люба подала лёд, и каждому прилетело ещё по три кубика в стакан.

– За встречу!

– Да. Надо чаще себя радовать.

Они чокнулись. Назар вновь ощутил изобилие женского парфюма. Дашу он решил не воспринимать совсем. Она пила вино и лишь иногда что-то добавляла в общий разговор. Сабина участвовала в беседе с той же грацией и обаянием, но в её глазах проскакивала отстраненность. Стоило девушку оставить в покое и она погружалась в свои глубокие раздумья.

– Очень вкусно! – решил подбадривать Назар, ему почему-то не хотелось, чтобы она грустила.

– Спасибо. Рыбу сама делала, а салат Даша, – возвращала Сабина свою милость, -она очень вкусно готовит, попробуй.

– Хорошо.

Больше она не проявляла интереса к разговору. В ней существовал тот подвид добра, который был направлен на всех, но никому принадлежать конкретно не мог. Ещё одна черта хороших людей. Назар подлил ей вино, а она улыбнулась.

– Спасибо.

Затем она проверила стакан Любы, которая разговаривала с Егором о засуженном журналисте и митинге. Лето не забывал его периодически наполнять. Потом Сабина обратила

внимание на Дашу, которая внимательно слушала беседующих и наслаждалась вкусной едой с почти пустым бокалом. Назар понял этот взгляд и, переборов себя, направился к девушке.

– Тебе налить?

Она подняла на него глаза. У неё они оказались зелёными, похожими на два огромных аквариума, и вряд ли это были линзы. Равнодушие сменилось на секунду иронией.

– Я думала, что я враг номер один.

– Ошибаешься. Не враг, а злодей.

– Даже так, – протянула она. – Ну знаешь, каждому супергерою нужен злодей.

– Тут я бессилён.

– Очень жаль, – девушка резко перешла на абсолютную незаинтересованность, забрав свой бокал.

Назар вновь почувствовал болезненный укол, но ничего не сказал и просто переключился на болтовню Любы. Лето уже выглядел чуть выпившим.

– Попробуй нашу домашнюю еду! Шлюхи были бы самыми прекрасными женами! – смеялась Люба.

Егор развернулся и навалил себе салат с помидорами, креветками и Моцареллой. С аппетитом начал уплетать за обе щеки.

– Это неопишимо! Скажу так, никто не достоин в этой мире стать вашим мужем!

– Ну прямо уж, – прочирикала Сабина.

– Это истина! Люди слишком глупы, чтобы познать подлинную красоту души человека!

– Но есть же кто может? – спросила Даша.

– Я практикую, Дашенька, – заверил Лето. – И поэтому никогда не буду претендовать на свободу другого человека. Это словно держать вольную птицу в клетке.

Девушки смеялись, а Егор продолжал хмелеть.

– Разумный человек понимает, что ему не будет ни с кем так хорошо, как с собой.

– А как же семья? Любовь? – с интересом спрашивала Даша, будто испытывая парня.

– Слабость. Но, к сожалению, мы все уязвимы по своей природе. Хотите стих?

Женщина разом крикнули:

– Да.

– Мне его довелось сочинить, вспоминая о своих человеческих прекрасных слабостях.

Затем Егор откашлялся и начал:

– Мы бы болтали тихо с тобой на балконе,

Пока шумная пятница горела тусой.

Напоминали, что любовь себя хоронит,

Считая после секса друг у друга пульсы.

Купили бы на один раз тебе то платье

И взяли билеты в Париже на Нотр-Дам.

Переломали в каждом отеле кровати
И перебрали батарейку сто раз по ладам.

Плелись бы бок о бок за шаурмой в похмелье.
Обошлись вместо двух – местом плацкартным.
Заглядывали бы в окна каждой панельки,
Пока шли в аптеку за антидепрессантом.

Пили бы пиво в бабушкином дворе на лавке,
А по небу разбрасывал звёзды летний вечер.
Кажется, наконец-то с нами все в порядке
–мы научились растрачивать вечность.

Девушки замороженно слушали, им тоже нравилось творчество талантливого балагура. Егор не владел уникальными поэтическими данными, но он жил как поэт. Его жизнь была переполнена красотой, которую он мог передать в стихах самыми простыми словами.

– Как всегда великолепно. Назар, а тебе как?

– Я бы всё отдал, чтобы чувствовать мир так, как чувствует этот безумец! – ответил не раздумывая юноша и тем самым растрогал Лето.

– У тебя там намного глубже, парень! – поэт зажал его шею рукой и чмокнул в щеку.

– А еще что-нибудь есть в таком репертуаре? – запросила Даша.

– Перейдем к горизонтальному и голому.
Под жизнь с плесенью выпьем крепкое бургундское.
Прочитаю белые стихи, что пишу по чёрному,
Где русская душа умирает по голливудски.

Ты грезишь, что все на свете закончится ,
Но на теории прекраснее, чем в практичности.
Наш конец самое весомое пророчество!
Мы две самые важные незначительности!

У изумрудного города слишком много врагов.
Город, которого нет пусть, не ждет нас домой.
Мы выбираемся из города Бога и бежим в город Грехов,
А затем в Праздник, который всегда оставался с тобой!

Разум к помешательству близок
Сердце добровольно в любви утопится...
Ведь ты моей боли морфинистка!
Ты моих психозов эскортница!

Петли времени я скомкаю в здесь и сейчас!
Границы измерений до твоих ног расширю!
Вселенная взаперти твоих прелестных глаз!
Наша химия внутри согдится создателю за ширево!

До нашей вечности не доходили математики,
Но мы возвращаемся друг к другу, каков не велик был
выбор -

Реинкарнациями , автостопом по галактике ...

Но ты вызываешь такси домой, значит туда и двинем...

Егор прочитал этот стих с трезвой и четкой выразительностью. Каждое слово проходило через сердце. Каждый ощутил ту волшебную атмосферу, которая превращала обычную кухню в роскошный европейский ресторан начала двадцатого века. Откуда доносились бы живая музыка, дым дорогих сигар и, конечно, французские диалекты разных сливок общества.

– Я побывала словно в Париже или Амстердаме, – запела Сабина, у которой вновь оживились чувства.

– Героиней романа золотого века, – добавила Даша.

– А я прямо ощутила себя очарованной морфинисткой! – посмеялась Люба и, ласково проведя по щетине Егора, поцеловала его.

– Я с твоего образа и писал, – признался Лето.

– Что тобой движет? – спросил Назар , наслаждаясь внутренним теплом, пробегающим от головы до пяток.

Егор задумался, держа бокал возле губ.

– Чувство свободы. Молодости. Вечною смеха и удовольствия. Охренительно быть молодым и здоровым. Ничего так не вдохновляет, как здоровое тело, которое работает на тебя,

и с ним ты можешь свернуть горы, бороздить океаны, обойти все дороги мира. Мозг, гормоны, химия – ты просто совершенство. Хочется жить на полную и заражать этим огнём других. Молодость – это лучшее что могло случиться с человеком в его жизни. Любить, ошибаться, мечтать, познавать, создавать и никогда не прийти к эмоциональному выгоранию .

– Разве оно может случиться с такой философией?

–К сожалению, да.

Вмиг народ будто словил одну и ту же волну. Люди не подавали виду, но молчание говорило за них. Нечего сказать, когда знаешь жизнь. Нечего добавить, изменить, поправить. И вроде у каждого она была своя, но при этом конечное молчание очень похожее.

Тут неожиданно заиграла музыка. Люба знала, что надо делать, читая чужие мысли как с листа бумаги.

– Никому сегодня не позволю хандрить. Первые умные слова, которые я себе сказала в жизни: «засунь себе глубже в жопу свою кислую гримасу, она никому не нужна».

– Согласен, моя дорогая, – встрепенулся Лето, – что-что, а только музыка спасет людей от самих себя.

Пьяные тела задвигались. Пустые бутылки вина постепенно накапливались в общей куче под столом. Первая бутылка виски тоже была оприходована. Даша стояла с бокалом и, прикрыв глаза, плавно качалась в такт музыке. Сабина рвала на кусочки салфетку. Назар находился рядом и не замечал в

её приложения грусти. Парень всё больше убеждался, что это её типичное состояние. Кажется, она один раз устала от всего и больше из этого состояния не выбралась. Но женщина никого не винила и не мучилась злобой, а наоборот решила играть в доброту.

– На таких реально придурков натыкаешься..., – ржала Люба, повествуя Егору, -настоящие уроды. Жаль, я не выучилась на психиатра, я тебе скажу. У меня имелся бы идеальный научный материал. Я не верю Фрейду, знаешь почему?

– Почему?

– Потому что он не мог быть проституткой.

Лето еле держался, чтобы не упасть со смеху. Музыка играла, и Любка успевала пританцовывать. Она все меньше следила за моралью и становилась прозрачным стеклом, которое заляпал окружающий мир.

– Одного в жопу надо трахнуть. Прямо, прикинь, просит засадить ему поглубже! Главное, спрятать в квартире временно все продолговатые предметы. Этот говнюк обязательно попросит запихать что побольше. Будет визжать, как поросенок, и вертеться как червяк. Чаще всего старики попадают. У них видно, шарики за ролики заезжают и уже превращаются в анальные! Пидоры гребанные...

Лето умирал с хохота, держа свой стакан в одной руке, а второй хлопал себя по лбу. На Сабине могла изредка промелькнуть слабая улыбка, но, в основном, женщина безраз-

личным взглядом реагировала на истории Любы.

– А с этими детскими травмами извращенцы! Как они меня заебали! Одному чтобы кончить надо дать тупо сиську сосать, второму погавкать, третий вообще не хочет член совать и просто дробит на то, как ты себя ласкаешь. Но палку кинуть ни-ни! Сорокалетние дылды боятся, что из-за спины появится их строгая мать с платьем в руках и скажет, что хотела дочку на самом деле!

– Тебе надо рассказы писать! Или в стендапе выступать! С такими историями ты нарасхват будешь! – вытирал слезы Лето.

Назар тоже смеялся и поглядывал на Дашу, которая, хоть и находилась вблизи Любы, а совсем не обращала на компанию внимания и просто танцевала. Может, у неё у самой таких историй выше крыши.

– Но иногда..., – потрясла она пальцем с красным маникюром, – лучше всякие шизофреники, чем нормальные! Знаешь, что делает каждый нормальный после пятиминутного траха?

– А?

– Начинает ныть и убеждать тебя, как он любит свою семью. Я готова в такие моменты блевануть от их ничтожества! Они открывают свою душонку, и там ничего, кроме слабости, запутанности в себе и гнили. В аду будет гореть каждый санный женатик!

– Вы же им так семью сохраняете, -изрек Егор.

– Для чего?! Чтоб они таких же плодили?! Да пошли они нахуй!

– Зато у тебя какой опыт теперь.

– И что мне с ним делать? Жопу подтереть? Я с ним только сама становлюсь злее и циничнее ...

– А мне кажется, ты внутри самое нежное и ласковое создание, – Лето, усердно держась на пьяных на ногах, поднялся и прилип к Любе, в глазах которой жестокость перешла на милость и страсть. Женщина прижала к себе в ответ пьяное тело.

– Пойдёмте наверх, – прочирикала Люба, – там огромная кровать, на которую мы все поместимся! Я бы каждого из вас трахнула!

– Будем любить друг друга и читать стихи! – воскликнул Егор. – Яйца уже звенели, но мы с тобой не покидали постели...

– Оставим молодежь, – покачала головой с усмешкой Сабина, глядя на Лето, – Я с вами пойду.

– ...ты мой Бог, я приклоняю колени. Кажется, я утопаю в любви и вере... Пойдём, моя дорогая!

Женщины прихватили бутылки вина и облепили Лето с двух сторон, а он в свою очередь приобнял каждую за талию. Виляя задницами под музыку, они направились наверх по лестнице. Напоследок доносились обрывки стихов, поцелуи и громкий жизнерадостный смех. Вскоре троица скрылась на втором этаже. Назар с улыбкой смотрел им вслед, а затем

заметил пристальный взгляд девушки прямо на себе. В груди почему-то забилося сердце. Даша смотрела беспощадно и пронзительно. Парень не сомневался, что она видит его насквозь подобно рентгену. Не боялась, не смущалась, а делала всё это, потому что хотела и могла.

– Вина ? – решил прервать её сеанс Назар.

Даша ещё немного поглядела и потом ответила.

– Давай, если осталось.

Девушка вновь обрела свой веселый, немного подвыпивший облик. Она приложила к губам бокал, и парень понял, что всё-таки они у неё настоящие.

– Ну что, супергерой, расскажешь? – снова показала она свой хитрый оскал.

– Что тебе рассказать? – переспросил Назар.

– Ты тоже поэт?

– Нет.

– Ты не знал, что проституткам надо читать стихи?

– Теперь буду знать.

– Есенин ведь завещал. У тебя другая суперспособность?

– Нет.

– Думаешь?

– Уверен.

– Есть. Ты просто о ней не знаешь.

– Какая?

– Не знаю, но она есть. У некоторых людей есть суперспособность, – заявила девушка с глазами ведьмы, – просто не

все вовремя о ней узнают. У тебя она точно зарыта глубоко внутри.

Назар вспомнил о девочке Лиле из хосписа и мертвой бабушке.

– Как ты её видишь?

– Типа рыбак рыбака.

– У тебя она тоже есть?

– Да, – протянула самодовольно девушка, – ещё какая!

– Какая?

– Ну, я получаю что хочу.

– Прямо всё?

– Да. Всё, что хочу и люблю.

Назар отпил из бокала. Её глаза, как две яркие планеты приближались к его лицу.

– Так не бывает.

– Бывает. Я люблю вкусно кушать и это получаю. Люблю пить вкусное вино и это получаю. Люблю одеваться в разные шмотки и это получаю.

– А что-то большее?

– А больше мне не надо. Я беру от возможного максимально много. Всё, что можно урвать.

– И поэтому работаешь проституткой?

– Я просто обожаю ещё заниматься любовью. Нимфоманка жуткая, – глаза оказались еще ближе, парень уже ничего не видел, кроме них, – секс прекрасен. Мы созданы для секса.

– Почему?

– Не улетай! – Посмеялась она и отвела глаза, возвращая юношу на землю. – Мы здесь для продолжения рода. Для этого и нужен секс.

– Это твой смысл жизни? – пытался Назар следить за собой и не попадать на её уловки.

– Ха-ха. Я же проститутка. Какое мне продолжение рода. Просто я не отрицаю основ человеческой природы и плыву, согласно им, по течению.

– А я из тех, кто строит воздушные замки и живёт мифическими иллюзиями, – откровенно признался ей назло парень.

– Поэтому ты можешь жить для кого-то другого, в отличие от меня, – на ней это не сработало, – ты же в хосписе работаешь?

– Да.

– Разочаровываешься в жизни, глядишь на смерть, ждешь своей и находишь в этом благо?

– Да.

– Красиво. Я так не умею, – она поднялась со стула и вернулась к танцу, – давай потанцуем?

– Зачем? – придерживал грубость Назар.

– Покажу тебе свой мир.

Парень подбирал слова, но девушка его взяла за руку и повела к себе. Назар почувствовал в своих руках её тонкую талию и обонянием притягательный запах.

– В этом мире наслаждаются каждым моментом и не копают себе могилу в поисках смысла.

– Я его не ищу уже давно.

– Тебе так кажется. Ты не можешь его перестать искать.

Таким создан.

Назар смотрел ей в глаза, которые она ни на секунду не опускала.

– Но я не говорю, что это не прекрасно.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивал он.

– Мы дополняем хорошо друг друга. Я получаю смысл, которого у меня нет, и не может быть. А тебе отдаю счастье, которого у тебя нет. Это просто обмен.

Назар ничего не сказал, но почувствовал её ладонь у себя на щеке.

– Напилась? – спросил Назар.

– Нет, – улыбнулась она.

Девушка совсем не выглядела пьяной, как её подруги. Выпитое вино будто растворилось внутри подобно воде. Парень смотрел на её волосы и она смотрел так же на его. Он опускался до её румяных щек, и она продолжала поглаживать его. Он опускался до губ и её глаза в свою очередь уже были там.

– Это твой мир?

– Да. Нравится?

– Да.

– Есть еще кое-что.

Она медленно притянула его лицо к себе, позволяя в

случае чего выбраться, но Назар уже не управлял собой. Он ощутил прикосновение её губ со своими. Было плевать, сколько она целовала до этого мужчин и сколько брала в рот детородных органов. Он, опустив веки, представлял в темноте лишь два её ярко-зеленых магических фонаря, которыми она его загипнотизировала. Парень прижал девушку к себе, и она поддалась. Он ощущал её слабость и готовность быть такой, пока длится удовольствие, ради которого она живёт и которым решила поделиться. Тяжело дыша, Даша повела его в зал и с томным взглядом подождала, когда он сам вернется к поцелую. Нежнее губ Назар не встречал, нежнее кожи не трогал. Он всё быстрее погружался в мир беспамятства и наслаждения. Она сорвала с него одежду, а он с неё. Они стали на мгновение вновь наивными, невинными, способными любить. Теми детьми, которые мечтали, чтобы этот миг длился вечно. Она крепко держала его и не хотела отпускать. Он хотел стать с ней одним целым. Она застонала, когда он вошёл в неё. Она использовала всё, чему научила жизнь, но даже это всего лишь была поверхностная оболочка. В её открытых глазах Назар видел искренность, видел девичью нежность и человеческое желание любви. Он понимал, что нельзя верить счастьем. И она это знала. И оба понимали, что это им и мешает. Но на мгновение они решили сдаться вместе. Весь мир остался в стороне. Прошлое, настоящее и будущее. Осознания, умозаключения и призраки прошлого. Они были двумя чистыми источниками энергии, которых на время

заточили в человеческие организмы.

...

Назар разглядывал её татуировки по всему телу и иногда целовал запястья. Она улыбалась и вновь его тянула к своим губам. Они не могли отлипнуть друг от друга. Они любили друг друга, пили вино, курили сигареты, иногда засыпали, но потом вновь прижимались нагими телами друг к другу, и соитие повторялось снова. Ей нравилось смотреть в его глаза:

– У тебя они очень честные. Там чистая правда.

– А в твоих грязная правда.

Она смеялась и запрыгивала на него сверху, полностью погружая его в себя.

– Это как вернуться в родной любимый дом. Так комфортно и уютно, – шептала она.

– Будто больше ничего не нужно в жизни.

Так продолжалось до самого утра. Им было плевать, если даже кто-то зайдет и увидит их. Все давно спали. Вино уже закончилось, и солнце озаряло комнату и две обнажённые фигуры на кровати.

– Я же говорила, что получаю что захочу, – промурлыкала ехидно Даша.

– Я в это поверил.

Она поцеловала напоследок в губы и вернулась в своё обычное состояние, которым то ли защищалась, то ли видела себя настоящую. Она не скрывала, что всё вокруг игра, но игра искренняя. С надменным взглядом она покинула кро-

вать и хитро усмехнулась:

– Теперь твоя очередь сдержать слово.

– Какое? – начинал понимать Назар, что происходит.

– Не влюбиться.

Парень смотрел в её глаза, которые ни на секунду не прекращали колдовать. На острую улыбку, которой она резала по живому. Затем девушка развернулась и, виляя кокетливо попой, направилась в душ.

– Возвращайся обратно в свой любимый мир, мой мальчик, только не резко.

– Сколько я тебе должен? – мстил со смехом ей Назар.

– Лето заплатил.

Всё летело мимо строптивой цели. Дверь в ванную плавно закрылась.

Глава 7. На рейве

Назар с самого утра пребывал в хосписе. Увидел пропущенное сообщение от Нагваля с предложением выйти на работу и, не раздумывая, направился в больницу. Ни похмелья, ни усталости совершенно не ощущалось. Видимо, переизбыток положительных эмоций прогнал из организма всю дрянь. Парень ехал на метро и думал о концерте на крыше, который им удалось провести. О горящих глазах ребят. О взаимопомощи и о вкладе в общее дело. Но даже эти вспышки счастья казались несравнимыми с мыслями о Даше. Как бы себя парень не пресекал, а не думать о ней у него не получалось. Ему становилось спокойно и хорошо, стоило лишь вспомнить её взгляд. Он сам чувствовал, что делается лучше. Он вспоминал о произошедшем ночью, но не отпускал далеко мысль, что для неё это ничего не значит. За свои лишние иллюзии можно опять расплатиться. Он черпал возможную радость, будучи подготовленным ко всему, дабы не оказаться обманутым самим собой. Даже выдуманного уже не так в жизни много, чтобы ему не поверить. Парню казалось, что ступени лестницы начинают работать. Процесс пути шёл и сам Назар становился его частью. Частью приближения к счастью. В его жизни появились новые знакомства, новые истории, новые ожидания. Думалось, что вся формула счастья состоит в том, чтобы человек находился между двумя значимыми для

него событиями. Ему необходимо что-то с теплом на сердце вспоминать и что-то с нетерпением ждать, тогда он не будет замечать время и всеобъемлющую печаль.

Никакая генеральная уборка в хосписе после бессонной ночи не смогла сломить дух; ею парень занялся, пожаловав в больницу. Нагваль с Олесей уже были там. Доктор позвал из процедурной Елену Ивановну и они вместе начали драить полы и мыть окна. Девочка вмиг сбежала к своей подруге Лиле. Николай Николаевич сам пребывал в бодром расположении духа. Назар очень переживал за него после последней смены на скорой, но мужчина быстро реабилитировался. Его навыку отпускать плохое, и мигом накапливать хорошее, можно было только позавидовать.

– Ничего мне рассказать не хочешь? – улыбался он.

Назар и не знал, что именно тот имеет в виду.

– Что?

– Валера показал выступление его группы. Ты снимал?

– Да.

Нагваль покачал с отцовским недовольством головой, а потом неожиданно сказал :

– Талант. Спасибо.

– За что?

– За то, что не отказал.

Назар изумился.

– Разве я мог. Он своей настырностью весь в тебя.

– Но все равно.

– Я думал, ты это не одобряешь...

– Я знаю их мотивы, мне этого достаточно.

– Цель оправдывает средства?

– Когда искренне хочешь помочь другим – да.

– А если бы нас поймали?

– Все мы проигрываем, – пожал плечами Нагваль, – но я бы вас все равно вытащил. Ваш лимит косяков по сравнению с Лето ещё очень даже неплохо смотрится.

Назар посмеялся.

– Как все-таки вы познакомились с ним?

Нагваль сделал паузу.

– Когда-нибудь он сам расскажет эту историю.

Назар фыркнул:

– Даже к этому нужно подбираться по ступеням.

– А ты как думал? Всё приходит в нужное время. Мы можем знать о чем-то, но понять какое оно на самом деле способны только в определённый момент. В этом наша проблема.

– Какая?

– Мы в курсе всего с самого начала, но не знаем, как это работает. Учиться можно лишь на своих ошибках, счастливым становиться только после своего несчастья, ценить только после потери и так далее.

– Неужели тот, кто будет больше всего испытан жизнью, обретет большее счастья, чем тот, кого та оставила в покое?

– Жизнь не может оставить в покое, если она уже есть. Нам

приходится работать уже с ней.

Назар о многом хотел спросить Нагваля, который уже выступал в роли духовного наставника, но тот не особо много разглагольствовал и в какой-то миг просто сводил болтовню на нет. Никакая философия никого не доводила до добра. Всем и так уже понятно, а если нет, то другой тебе точно не сможет донести необходимое. Всё понятное, что говорил Нагваль, по сути содержалось уже в Назаре, учитель лишь прочитал его внутренние скрижали. А так, не должно быть никакой болтовни. Лишний раз заражать людей безысходностью бытия не стоит. Для этого есть лестница пяти измерений. Для этого у каждого есть своя дорога.

Назар закончил с протиранием стен на первом этаже. Смыл воду, прополоскал руки и взял листы назначения пациентов. Приготовил капельницы, шприцы с лекарствами и направился наверх, желая ещё чем-то побыть сегодня полезным. Наверху девочки заняли диваны перед телевизором, разложив свои куклы. Только стоило им услышать посторонний шаг, они вмиг обернулись и радостно завопили.

– Назар Андреевич! – поднялась Лиля и побежала к парню. Он заметил, что на её голове волос стало меньше, и ужаснулся, но не посмел показать эмоцию публично. – Как вы?

– Хорошо. Ой...

Олеся влетела ему в живот со всего размаху и крепко сжала в объятиях.

– Сдавайся, фраер! – пустила она из своего игрушечного

пистолета пузыри, с которыми Назар был хорошо уже знаком.

– Тебя кто таким словам научил, дорогуша?! – потрепал он её по рыжим волосам, не отпуская Лилину руку.

– Угадай!

– Егор, – посмеялся Назар.

– Он сказал, что, если не «пирожок», то «фраер». Мне так больше нравится.

– Пойдемте, мы вам покажем, что тут изменилось за дни вашего отсутствия, – вернула к себе внимание белокурая девочка, на затылке которой виднелись проблески лысины от химиотерапии. Назар держался, но внутри что-то невыносимо трепетало от жалости.

– Что же произошло? – слабым голосом спросил он.

Обе девочки повели его в палату, где Назар увидел изрисованные сверху – донизу красками стены. Дикая джунгли с животными на одной, море с рыбками на другой, отдельная стена под коал, а на четвёртой – цепочка людей, держащихся за руки.

– Это мы вместе рисовали, – заявила гордо Олеся. – Узнаешь?

– Это все мы? – глядя на портреты людей спросил Назар.

– Да, – Улыбнулась Лиля и начала перечислять. – Вот: я, Олеся, вы, Николай Николаевич, Алексеевна, Илья, Соня, Ворчун...

Девочка ткнула на злобного старика с бородой и рассме-

ялась.

– Очень похоже, – подтвердил Назар.

– Я с позволения Лили ещё нарисовала Егора и моего братика, – она ткнула пальцем в две мужские фигуры, позади изображённой маляутки.

Парень нашел ещё одну неопознанную фигуру.

– Понятно. А это кто?

– Это Оксана. Она новенькая у нас...

Назар вспомнил о девушке, которую они возили на скорой в гинекологию.

– Только она молчит постоянно, – поведала Лиля. – Николай Николаевич по секрету сказал, что она..., – девочка посмотрела на маленькую Олесю и перефразировала то, что изначально хотела произнести, – потеряла родного человека. Стоит вечно у окна в палате и смотрит на улицу. Я пыталась с ней говорить, но бесполезно...

– Надо её испугать, – заявила малышка, демонстрируя своё опасное оружие в руках. – Сразу всё пройдет.

– Она же не заикается, – поспорил с ней Назар, – хотя с тобой может начать.

– Не надо её пугать, она и так натерпелась, – опустила голову Лиля и руками обвела портрет на стене, – я её решила в общую семью нашу определить.

– Вот такие мы молодцы!

– И правда, молодцы, – улыбнулся медбрат, – Елена Ивановна не отругала?

– Она нам помогала даже, – завершила Лиля, а потом через паузу со смешком добавила, – так что это моя теперь палата навечно, даже когда умру.

Назар посмотрел на девочку с растерянным лицом, не в силах подобрать слова.

– Не надо так говорить...

– Да, – обхватила теперь подругу руками Олеся, – если ты умрешь, то и я. Вот посмотришь.

– Ты то куда?

– О Валере Егор с Колькой позаботятся, а я с тобой останусь, чтоб скучно не было. А время придет, мы все встретимся. Это Коля, так говорит. Мы подождем их.

Назар поражался: с какой лёгкостью и уверенностью повторяла девочка фразу своего второго отца, в которую непоколебимо верила, и совершенно ничего не боялась.

– Мы все будем жить, – сказал на полном серьезе Назар, зная, что если у ребёнка получается верить, то и у него получится.

Девочки улыбнулись другу и ещё раз глянули на свой настенный шедевр.

– Пойду, поработаю немного, – заявил Назар, – а то я с вами заболтался.

– Хорошо, мы потом к тебе забежим, – уткнула руки в боки Олеся, – только доиграем.

Назар вышел из палаты и вернулся к капельницам, которые оставил рядом с диванами. Он хотел было начать обход,

но решил вначале заглянуть к новенькой подопечной в палату. Парень двинул по коридору и практически в самом конце наткнулся на прикрытую дверь, которая обычно оставалась распахнутой. Назар понимал, что никаких лекарственных назначений для девушки нет, Николай даже не прописал антидепрессанты, чтобы был хоть какой-то повод для визита. Но парень все равно тактично постучал дверь, подождал несколько секунд, а затем открыл. Оксана Королёва стояла возле окна, как и говорила Лиля. Девушка лишь чуть дёрнула головой на внезапный шум и, уловив боковым зрением медработника, вернула свой взгляд к картине за стеклом.

– Доброе утро, – у Назара охрипло назло горло и пришлось прокашляться, – извините... Извините, что беспокою...

Девушка никак не отреагировала на его слова. Не шелохнувшись, она продолжила что-то искать, разглядывать или ждать в окне.

– Хотел спросить как ваши дела и самочувствие?

Полная отрешенность и равнодушие. Всё так, как и было в тот день, когда они впервые столкнулись на скорой. Назар даже не уверен, что она его узнала. Для неё все лица людей смешались в безразличии. Понимая, что ничего от нее не добьется, парень решил оставить её.

– Извините. Я хотел сказать..., – парень замялся, понимая насколько его слова ничтожны и не значительны, но он все равно их сказал, – всё будет хорошо. Простите.

Назар оставил наедине одинокий неподвижный силуэт и закрыл за собой дверь. Пришлось глубоко вдохнуть, чтобы прийти снова в себя. Медбрат решил начать манипуляции в закреплённом порядке и направился к первой палате, где лежала женщина с Паркинсоном. На общий вид ничего не изменилось, Соня только сильно похудела. Все та же бессмысленность и отсутствие осознанности в глазах. Рот такой же открытый и пересохший, как и прежде.

– Здравствуйте, – поздоровался он, – давайте вас переоденем.

Переворачивая женщину на бок и меняя ей памперс, медбрат невольно бросил взгляд на соседнюю гладко застеленную чистым бельем койку. Ещё недавно здесь лежала крошечная бабуля и хлопала своими серыми глазами. Теперь её будто и вовсе не было. Ничего не осталось и, вероятнее всего, она скоро исчезнет из памяти. Назар не знал, где её похоронили, приехали ли какие-нибудь родственники, и вообще, есть ли они у неё на самом деле. Ничего не известно, осталась лишь пустая кровать. Мысли нахлынули штормом, но Назар понимал, что ничего ими не изменит. Старался думать о друзьях, о Даше. Надо думать, пока это есть. Пока не осталась лишь одна пустая койка от всего что было.

– Вот, молодцы, – закончил парень с бельем, ввёл во внутривенный катетер гормоны и подключил питательные смеси к трубке, торчащей изо рта больной.

Он пошел дальше. Настроение становилось шатким, по-

этому медбрат решил сразу покончить с дедом – Ворчуном, которому была назначена магнезия. Видимо, из-за нервного характера повышенное давление перешло в стабильное. Медбрат постучал и зашел внутрь. Дед читал книгу и, когда увидел парня, нахмурил гневно брови.

– Доброе утро.

– Чего тебе?

Назар ощутил на себе волну злости.

– Мне надо укол сделать.

– Какой?

– Магния сульфат. У вас давление...

– Тоже мне открыл Америку. Я и так пью таблетки.

– По назначению так.

– Всё нормально у меня! Я освобождаю тебя от твоих важных полномочий, – дед надменно продолжал пялиться в газету и презирать парня.

– Но один укол надо сделать.

– Себе в задницу этот укол запихни! Отвали от меня! Я только с Николай Николаевич буду общаться!

Назар прошёл по палате, положил шприц на тумбочку рядом с койкой и с бушующей ненавистью покинул палату. Он чувствовал злобу на деда, которому он ничего не сделал. Старик решил, что может обращаться подобным образом с людьми, которые за ним ухаживают. Не ясно, получает ли тот от грубости удовольствие, но Назар себе дал слово больше с ним не церемониться. Взяв в руку капельницы, он пошел

дальше. Положение могла спасти только Алексеевна. Главное, чтоб у неё всё было хорошо. Парень зашел в палату и обнаружил старушку в сознании и вполне приподнятом настроении.

– О, кто ко мне пожаловал в гости, – запела она, – Назар Андреевич! Я всё гадала с Лилей, когда ты к нам еще заглянешь...

Даже не смотря на чёрные мешки под глазами и бледный оттенок лица, старушка старалась улыбаться и поддерживать жизненную энергию.

– Как я рад, что с вами всё в порядке, – признался искренне Назар.

– Да что со мной случится, дорогой! Все худшее уже случилось ... Ты сам как?

– Отлично.

– На скорую ещё устроился?

– Как быстро новости доходят.

– Да ты что! Лилька только так терроризирует Николая Николаевича насчет тебя.

– Боится, что в театр без неё пойду, -посмеялся медбрат, меняя пакет с физраствором.

– Что ты! Я ей сразу скажу, что ты так не сделаешь ... Мне вот интересно, что сейчас идет там в театре...

– Да постановки по всем тем же классическим произведениям. Совсем немного новых добавили.

– Правда?! – засияла, воображая она. – Очень интересно!

Наверное, Мастер и Маргарита, Гранатовый браслет, Преступление и Наказание, Анна Каренина, да?

– Да. И очень много постановок в стиле мюзикла, как вы любите.

– Ой, – воскликнула восхищенно она, – обожаю! Я была бы, как героиня Ремарка, которая живёт красивой жизнью и обязательно чем-то больна.

– А мы бы с Лилей были, как герои романов Кинга, которые находят приключения.

Старушка улыбнулась.

– И Олеську не забудьте с Николаичем.

– А они как герои «Сердца в Атлантиде».

– А что там было? Я не читала...

– Дедушка ребёнка спасал своим выдуманном миром.

Алексеевна приподняла чуть-чуть голову, желая что-то сказать по секрету.

– Он его не выдумывает, – шепнула она с искрами в глазах, – я тебя, как человек на грани смерти, уверяю.

– Я верю.

– Правильно. Надеюсь, вы обязательно слетаете на карнавал в Рио...

– Вместе слетаем.

– Да, – местами забывала она о боли, – я бы оттуда никогда не уезжала. Любовалась танцами и слушала музыку. Разве только к океану бы уходила прогуляться.

– Я бы тоже. Велосипеды напрокат бы взяли.

– Точно, и сквозь джунгли поехали.

– Слушая местную музыку через колонку.

– А есть такие колонки?

– Конечно. Я покажу когда-нибудь.

– Хорошо. Я бы напоследок послушала бы музыку, – старушку начинало клонить в сон.

Назар не мешал ей своим разговором и медленно ждал, пока бабушка заснет. Алексеевна вскоре закрыла глаза; улыбка, как обычно, оставалась на её лице. Назар понял, что теперь точно не упустит своё счастливое настроение. Порой вот так случайно можешь стать сам жертвой «Метастазов». Оказывается, любая душа в любом состоянии их может передать другому, чтобы тот в свою очередь отдал их следующим. Они перемножаются и пойдут дальше.

Парень направился с последней капельницей к Илье, палата которого находилась в самом конце. Илья сидел за столом и что-то усердно писал.

– Доброе утро, – отвлѣк аккуратно его Назар.

Пациент развернулся и, увидев знакомое лицо, улыбнулся. Он побрился и выглядел намного лучше, чем прошлый раз.

– О, привет, Назар. Сейчас, сейчас, подожди...

Писатель умопомрачительно заканчивал свои записи и, видимо, не хотел, чтобы его отвлекали. Назар тихим шагом прошѐл внутрь и поставил рядом с койкой капельницу.

– Ща, ща! Ага... Вот так!

Он с довольным видом откинул ручку в сторону и, ловко оттолкнувшись руками, перелег на кровать.

– Готов!

Медбрат подсоединил систему и поставил медленно капать.

– Что пишешь?

– Да так. Книгу.

– Ого. О чем?

– О море.

Назар улыбнулся, вспоминая их беседы о серфинге.

– Получается?

– Да. Думал, что у меня не хватит фантазии, – с энтузиазмом твердил Илья, – но, оказалось, котелок варит, что надо. Жюль Верн тоже ведь не бывал нигде, а все равно строчил, как пулемет.

– Думаю, все будет правдоподобно, как у Хемингуэя.

– Ну, – посмеялся Илья, – этого зверя никто не переплюнет. Настоящий воин!

– Согласен. Дашь прочитать?

– Конечно, когда напишу. Книга должна будет каждого заставить жить на максимум.

– Это как?

– А вот знаешь, читаешь и начинаешь жить хотеть. Жить, творить, делать, общаться, создавать, изучать – всё!

Назар посмеялся, вспоминая недавние мысли о Метастазах. Кажется, многие уже здесь необратимо заражены идеей,

даже не вникая в суть, но чувствуя душой.

– Думаю, у тебя всё получится.

– Надеюсь, – посмеялся он в ответ, – ведь, тот, кто больше всего хочет, но получить не в силах, сможет передать другим самое мощное желание?

– Так и есть, – кивнул Назар, радуясь за настроение Ильи.

– А что ты не хвастаешься? – задал тот вопрос.

– Чем?

– Своим предстоящим путешествием. Мне Николай Николаевич всё рассказал уже.

– В смысле?

Илья прервал свой поток информации и задумался.

– Кажется, я испортил чей-то сюрприз.

Назар пребывал в замешательстве. Нагваль снова что-то задумал и его не поставил в известность.

– Тогда тебе лучше пойти к нему и узнать, – прикинул Илья, – чтобы не мучиться в догадках. Но как я понял, у него в планах что-то грандиозное.

Назар закрепил капельницу и с любопытным выражением произнёс :

– Тогда я должен узнать.

– Давай, иди. Он ещё должен быть тут.

Назар отправился на первый этаж. Интуиция подсказывала, что сюрприз связан с лестницей. Нагваль собирался по своим делам и уже направился к машине.

– Назар, я сейчас уеду, потом вернусь за Олесей. Ты, ес-

ли что, иди, куда тебе надо. Работу ты сделал, остальное на Елене Ивановне...

– Что там за план у тебя с путешествием? – напал на него парень,

Нагваль сначала не понял, а потом расплылся в улыбке.

– Готовься. Завтра отправимся во второй половине дня.

– Куда? – загорелся Назар.

– В путь. Время вернуться на дорогу. Продолжим там, где начинали.

– В смысле? – Парень хотел узнать больше. -Продолжим лестницу?

– Увидишь.

– То есть, надо быть собранным в путь?

– Да. Ничего лучше не научит человека счастьем, как путешествие. Будь готов к самому захватывающему вояжу в своей жизни.

После этих слов Нагваль сел в машину, одел очки и уехал прочь.

Назар чувствовал прилив возбуждения. Он не мог поверить, что вернется так быстро к дороге, да и еще в компании с хорошим другом. Парень уселся на лавочку и вдохнул свежий воздух наступающего уже вот-вот лета. Завибрировал несколько раз телефон . Пришли одновременно сообщения от товарищей, которые пробудились после вчерашнего шоу и готовы были прожигать новый день.

«Старичок, я надеюсь, ты готов сегодня трахнуть вселен-

ную и распустить по ней наши Метастазы!!!» – СМС от Лето с прикрепленными координатами места проведения рейва.

« Назар, видос супер! Ты застолбил отныне кандидатуру режиссера в нашей банде! Сегодня заскочим за тобой с чуваками и отправимся убиваться под музлу Лето!»

Парень прочитал сообщения и подумал с сожалением лишь об одном: он не взял сегодняшней ночью номер Даши.

...

Назар сделал дополнительный обход к полднику, и потом ему удалось вздремнуть. По всей видимости, старшая медсестра была в курсе ночного похождения юного сотрудника и сооблаговостила оставить того в покое.

– Надо ещё чем помочь? – зашел напоследок к Елене Ивановне Назар.

– Нет, дорогой. Можешь идти. Главное, что убрались сегодня.

– Точно? – зевнул он.

– Да. Хорошего вам путешествия с Николаем Николаевичем.

С улыбкой она отпустила юношу. Назару лишь оставалось с благодарностью кивнуть и покинуть на сегодня хоспис.

«Чел, подгоняй к Манеге» – пришло на Телеграмм от Сада.

На улице смеркалось. Пахло теплом и свежескошенной травой. Назар глянул на небо. Фламинговые полосы пересекали фон синего небосклона. Что-то безумное собиралось про-

изойти под этим небом. Что-то, чего даже не подозревают боги. Лето уже находился на месте и, скорее всего, репетировал заготовленный сет. Осталось лишь встретиться с компанией и отправиться на лучший рейв в истории. Назар вызвал такси и поехал до Манеги.

Покинув салон тачки, Назар обнаружил, что на улице стало темнее. Стремительно наступала ночь, и то ли время быстро летело, то ли ей самой не терпелось пуститься в отрыв. У гаража никого не было, и Назар направился на общую площадку. Удивительно, но людей с их обожаемыми скейтами и BMX было всего ничего. Лишь некоторые не предавали свой стиль и наяривали по площадке; остальные кучковались в группах, пили пиво и что-то весело обсуждали. Помимо алкоголя парень заметил склады питьевой воды. Возле каждой компании стояли закупленные баклажки. Назар с любопытством проходил мимо и улавливал краем уха:

– Лето за аппаратом... Около 10 диджеев, ты прикинь... Это легендарная вечеринка... Копы точно не накроют, до места слишком долго пилить... Да все чики-пуки, там есть у кого достать дерьмо...

Валера нарядился в кислоту: одежда, обувь, очки, кепка готовы были сиять под светодиодами рейва. Яна с Мишей нацепили на головы повязки, надели белые майки и шотландские штаны. Порох наоборот выделился: обулся в резиновые сапоги, надел камуфляжные штаны, а сверху накинул олимпийку и спортивную красочную ветровку. Друзья, естествен-

но, ему не давали покоя. Назар слышал смех Сада и ворчание модника.

– Вот что ты будешь делать, когда твой отец придет на рейв и прикажет тебе вернуть его ветровку из 90-х? – ржал тот.

– Я тебе сказал – отвали! Вот посмотришь, во что превратится твоя банкетная одежда в куче грязи! Там же явно будет месиво!

– А в резиновых сапогах ты как будешь? Ты же прирастешь к земле...

– Пошел ты! – бросил пафосно Порох и увидел приближающегося Назара. – О, чувак!

Пухлый кинулся приветствовать объятиями новобранца.

– Я больше их не вытерплю, отвечаю! Это самые токсичные люди, с кем мне доводилось тусоваться!

Назар улыбнулся и поздоровался со всеми. Каждый был невыносимо рад видеть парня. Яна вообще его зажала руками и не отпускала.

– Как твои дела? – мило обратилась она.

– Отлично. Готов к погружению в культуру.

– Ты хоть спал? – смеялся Валера. – Этот псих ещё сегодня на работе успел побывать. Я как узнал, у меня чуть челюсть не отвалилась.

– Да нормально. Жить можно.

– Сегодня нужно! Как с Лето вчера сходили в храм любви?

Назар хотел не подавать особо эмоций, но воспоминания

отразились краской на лице.

– Ха-ха! Всё ясно! Не зря сходили. Лето, по-любому, свои стихи начитывал и комплиментами обольщал...

– В точку.

– Видимо, он тоже не хило подзарядился, потому что уже с утра залил пригласительное видео на наш канал, – поведал Сад.

Назару стало интересно, и он уставился в мобильник друга. Приглашение оказалось коротким. Лето с опухшим лицом говорит с огнём в глазах на камеру:

«Всем салют! Я короче думал с чего начать, но понял, что слова тут бессильны. Можно только показать. Показать все-ленной и всему миру. Каждый должен вернуть себе жизнь и тем самым помочь возвратить другому. Давайте сегодня покажем это! Покажем, ради чего стоит жить на свете! Сегодня земля содрогнется! Звезды попадают с неба! По воздуху вознесется наш сигнал до самого космоса! Жду всех живых организмов на величайший рейв, который не смогут забыть и в следующей жизни! Приходите и берите весь заряд энергии с собой! Место встречи к вечеру появится в комментариях. Всем любви и до скорой встречи! Только каждый из нас сам может изменить этот мир!»

– Гений! – прокомментировал восторженно Порох по окончанию приглашения.

– Несомненно. Таких не бывает, – заключил серьезно Сад.

Назар соглашался с каждым произнесённым словом. Он

понимал насколько может стать велик вклад Егора в общее дело. Такого раньше не видели. Такое раньше не чувствовали. Именно через масштабное зрелище можно достучаться до толпы.

– Надеюсь, всё получится, как запланировано, – изрек Назар.

– Не ссы, он профессионал. Ты кстати видел тобою заснятый шедевр?

Ребята спохватились, вспомнив про собственное достоинство для гордости.

– Нет.

– Так гляди. Мы все отмонтировали ночью и выложили так же на канал. Пока опережаем Лето по его просмотрам. Неплохая, я считаю, реклама.

– Ха-ха. Точно. Ни один шизик, увидев, что мы творим, не сможет удержаться, чтобы не завалиться на рейв! – подтвердил Миша.

На видео всё происходило как в живую. Напряжение, эмоции, краски отчетливо переданы. Лица музыкантов скрывались в тени, зато свет луны, звёзд и городских трасс сыграл на руку. Ребята собрали лучшие моменты и склеили в одно произведение искусства. Взрывные припевы, сирены, мигалки, обезумевшая толпа – всё, как в боевиках.

– Кажется, вы затмили звезды на небе! – посмеялся Назар.

– И не говори. Лучшее, что можно было заснять руками человека .

– Главное, чтоб не вычислили, – гнусаво изрек Миша.

– Риск всегда есть. Но будем надеяться, что фортуна с нами в одной лодке, – пожал плечами Сад.

– Если привлекут, то повесят целую конституцию, – начал танцевальную разминку Порох.

– Сегодня не будем об этом, – отрезал Валера. – Пошлите за водой и в лес!

– Наконец-то, – взвыла Яна, – а то столько лишней болтовни!

– Мадам, это осторожность, – чмокнул её в губы Миша.

Девушка перестала бурчать и в хорошем расположении духа припала к парню. Уходя с площадки, компания подверглась массы восхищенных взглядов. Самобытную группу узнавало больше и больше человек. Своими поступками они возрождали надежды брошенной миром Манеги.

– Надо будет ручку с собой носить! – озвучил первым мысли Порох.

– Зачем?

– Автографы раздавать.

Все засмеялись и продолжили путь до ближайшего магазина.

– А что за место? – спросил Назар.

– В лесу. За 20 километров от города.

– Ничего себе.

– Да. Лето подготовился по полной программе.

– Он уже там?

– Да. Организаторы приезжают заранее с палатками и уже там тусуются, подготавливая и настраивая оборудование.

– А мы?

– Мы на такси.

Магазинчик располагался во дворах. Сошел бы абсолютно любой. Ребята зашли в этот, точно зная, что им нужно. Они взяли пять двухлитровых бутылок и одну пятилитровую. Назар смотрел на друзей, как на полоумных. Валера, заметив лицо друга, засмеялся.

– На улице расскажем.

Затем они прихватили жвачек, мармеладок и сигарет. Никакой суеты и споров не возникло, оперативно справились за считанные минуты и покинули магазин.

– Снова вернулись к водным процедурам. Думаю, в этой забегаловке перед грядущим событием не останется попросту ни одной бутылочки с водой, – смеялся Порох, закуривая папиросу.

– Вы можете объяснить, зачем столько воды? – с недоумевающей улыбкой спросил Назар.

Все заржали.

– Можем показать! – кинул Сад и, оглянувшись по сторонам, достал из трусов маленький пакетик, заполненный разноцветными таблетками. Они были разной формы, точно как печенье из детства, но в основном преобладали сердечки.

– Это что?

– MDMA.

– Наркота?

– Да. Экстази обычное. Очень добрая вещь. Но пить от него хочется, хуже, чем после самых солёных бабушкиных огурцов!

– И сушит, как в самое лютое похмелье посреди Сахары, – добавил Порох, выпуская дым изо рта.

– Вы это закидывать будете на рейве? – Назар удивился количеству колёс.

– Почему «вы»? Мы! Тут много, на всю ночь хватит.

– Я не буду.

– Точно?

– Точно.

Все хитро заулыбались, парень это заметил.

– Только, пожалуйста, не подмешивайте мне ни во что.

– Мы таким не занимаемся, – на полном серьёзе заявил Сад.

– А чего лыбитесь тогда?

– Просто рейв меняет людей, – прикрыла мечтательно глаза Яна. – Освобождает от всего. От мира, проблем, мыслей, даже от себя самого.

Назар промолчал, вспоминая танцующих людей в первый день приезда в город.

– Но мы не заставляем, – продолжал улыбаться Валера, – там будет тем более бар с хорошим пивом.

– Отлично.

– А мы трипанем ешками. Запустим ракеты в далекое

неизведанное космическое пространство, – подмигнул Сад и начал искать такси.

– Мы решили себе двухдневный марафон устроить после такого триумфа с концертом, – пояснил Порох, – когда что-то в мир приносишь, за это надо заплатить. И знаешь, чем мы платим?

– Чем?

– Счастьем. Пока искусственным, но когда-нибудь всё изменится.

Парень не осуждал, а спокойно принимал рассуждения товарища.

– Потом пойдут детки, – облокотилась Яна виском на Мишу, – молодость покинет нас и всё останется в веселом прошлом.

– Хорошо философствовать и оправдывать себя, наркоманы, – посмеялся Валера, – я два такси заказал. Едем, а то там Лето скоро выступать начнёт.

– Любимое зрелище! – воскликнула девушка. – Держимся только вместе, чтоб там случайно не остаться.

– А то вселенная может забрать навсегда и без остатка! – загоготал Порох, потушив об бордюр бычок.

Два такси подъехали через пару минут. Ребята закинули пакеты с покупками в багажник и во тьме двинули к пункту назначения. В салоне старались особо не говорить о мероприятии. Даже когда любопытный таксист поинтересовался, молодежь соврала, что направляется на дачу к другу жарить

шашлыки. В это слабо верилось, но и мужик понимал, что это ни черта не его дело. Даже когда свернули на совершенно пустую дорогу, лежащую вдоль леса. Даже когда исчез поток транспорта. Даже когда спустя время увидели кучу таких же такси и высаживающийся толпами народ. Люди выбирались из машин, громко хохоча и болтая. Предвкушение полностью затуманило их мозг. Наряженные для карнавала рейверы осматривались с любопытством вокруг, повторяли шутки про жопу мира и шли друг за другом одним стадным инстинктом. Каждый надеялся, что человек впереди знает дорогу. Помимо такси здесь парковались и собственники, поэтому сомнения потихоньку отпадали.

– До свидания, – попрощалась компания.

– Всего доброго. Не жарьте шашлык, смотрите! – посмеялся водила и помчал прочь.

– Шашлык будет сегодня из молодых человеческих тел! – заявил с широкой улыбкой Сад.

Разноцветные фрики, неформалы, фанаты мгновенно находили знакомых и подобных себе. Даже если не знали друг друга прежде, они становились за пару минут лучшими друзьями на всю жизнь. Со всех сторон летели шутки, им навстречу летел разрывающий смех.

– Здесь грязи по горло..., – орали одни.

– Это падшие рейверы, – кричали другие.

– Скоро вырастет на этом месте конопля, – дополняли третьи.

Дикий шум проходил волной через поле до самого леса, где таилось то, зачем все прибыли. Машины устремлялись вперед, наплевав на болото. Музыка и клубы дыма валили из каждого салона.

– Твою мать, народу тьма! – отреагировал Порох, приспустив очки на нос.

– Кажется, это то, о чем мечтал Лето, – глаза Сада искрились.

– Сказка! – пролепетала Яна.

– Лучше закинуться тут. Пока подействует, то да се...

– Без проблем. За этим дело не постоит.

Сад достал пакетик и высыпал на ладонь колеса.

– Назар, точно не будешь?

Парень стоял на стороже спиной к товарищам.

– Не. Я пиво пока.

– Если что подгоняй. Я оптом брал целую партию, но качество у пацанов отменное.

– Сам за кладом ходил? – спросил Порох.

– С Мишей гоняли сегодня утром. Закладка трехмесячной давности, приколись?

– Ща приколюсь.

Все закинули круглые и запили водой.

– Минут 40 ждать прихода, как раз пока дойдем.

– Вас не сильно накроет? – переживал Назар.

– Забей! – утешил его Сад. – У ешек фишка в том, что эта маленькая залупка по башне ударит точно океанский бриз,

постепенно переходящий в шторм. Дорог надо вынюхать целый перекрёсток, а экстази можно и одну захавать.

– Пошли уже, хватит трепаться. Не терпится подэнситься.

Порох, не обращая внимания на корешей, направился напрямиком к лесной чаще.

– Порох, друг, подожди, мы только с тобой! – забыв обо всем на свете, дурашливо бросился за другом Валера.

Остальные посмеялись и пошли следом, выбирая целые клочки земли. Зablудиться не оставалось шансов, так как народ образовал плотную цепочку.

– Почему все так любят рейвы? – спросил Назар у Яны с Мишей, которым уже рефлексивно хотелось облегчиться словесным поносом.

– Чувак, это же особая культура, в основу которой входит протест и музло. Что ещё нужно молодому, никому не нужному поколению, – объяснил с удовольствием Миша, – она всегда была не слишком распиарена, её не все понимали. Но все кто выкупил, изменили свою жизнь.

– Но сюда все под наркотой приходят?

– Главная особенность рейва – измененное сознание. Не важно, каким образом ты этого достигнешь. Хоть ты по природе полный шизоид будешь.

– А в чем фишка изменения сознания?

– Ты перестаешь быть обыденным и зажатым, – помогла Яна, – ты становишься тем, кем являешься внутри, а не тем, кем тебя сделала жестокая жизнь. И самое прекрасное в этом

то, что, оказывается, все люди внутри добрые, наивные и понимающие.

– Не обязательно торчать и бухать. Если ты поймаешь ту волну, на которой проходит рейв, то она навсегда останется внутри тебя. Ты всегда её сможешь использовать в обычной жизни. Она станет твоим щитом.

– Каким образом?

– С помощью доброты, смеха, любви и осознания, что ты не один. Рейв оставляет внутри каждого человека метку. Он становится вторым домом.

– Короче, – посмеялась Яна, – если к тебе начнут подходить обниматься совершенно незнакомые люди, не удивляйся и обними их в ответ.

– Понял, – усмехнулся Назар.

По мере удаления от трассы грязи становилось всё больше и количество уводящих от цели дорог по бокам возрастало. Шире и шире расходилась притоптанная мокрая трава. Люди прыгали, скакали, некоторые сваливались прямо в болото, но не прекращали идти.

– Порох оказался умнее нас всех!

– Как всегда! – крикнул он через плечо.

– Мы подождем, когда ты умрешь в танце, и стащим с тебя твои чудесные резиновые сапоги!

– Я никогда не умру! Панки недохнут! Зуб даю!

– У панков нет зубов!

Все ржали, перекидываясь спонтанной чушью. Из леса на-

чинали доноситься жирные басы. Для скитальцев они являлись ориентиром, к которому как зомби те начинали перебирать ногами. Группы людей тусовались среди лесных оазисов. Попадались палатки и пламенеющие кострища, возле которых сидели уединенные личности и заворуженно наблюдали за языками огня. Сад развернулся и весело подбежал к Назару, желая что-то сказать.

– Вот это жопы мнут кислотники, – посмеялся он, указывая на отшельников, – они под ЛСД и к ним лучше не суваться, так как рискуешь на всю ночь стать заложником лекций о метафизике, гармонии и прочей фигне.

– Душевные люди, – толкнула Яна болтуна, – просто у них своя атмосфера, в которой они кайфуют.

– Овощи редкостные.

Он посмеялся и вновь вернулся к Пороху с его угарными историями. Лобных мест с кострами оказалось предостаточно, чтобы каждый желающий мог согреться и найти интересного собеседника. Но ребят интересовало не это. Скоро они увидели свет прожекторов, разноцветные лучи диско – шара и руки танцующих людей. Моторы прямо – таки выскакивали из груди, пульс зашкаливал, дыхание остановилось. Стартовал очередной рейв их жизни.

Первая сцена оказалась самой большой. Организаторы выделили места для диджея и пульта, дальше под навесом определили танцпол. Назар поднял голову и увидел, что навес покрыт звёздными блёстками разного размера. На де-

ревьях деятели закрепили ковры и обои с оранжевыми и красными планетами на фоне сплошной черноты. В сочетании светодиодов ручное старание людей превращалось в самую настоящую галактику. Звезды сияли, планеты отражались космической разноцветной пылью, чёрная мгла поглощала взгляды людей своей глубиной. Глаза разбегались по сторонам и словно танцевали на просторах вселенной. Помимо этого на территории располагались разные инсталляции. Первой увиденной стал слон, сделанный из проволок и гирлянд. Он напоминал буддийского животного, сидящего в позе медитации и сохраняющего полное взаимопонимание со своей дхармой. Диджей крутил вертушки, народ водил хороводы возле фигуры, смеялся, а потом бросался в пляс под долбящий бит.

– Это просто отвал пизды! – не выдержал Порох, проверяя на месте ли голова.

– Похоже, ребята постарались на славу! – крикнула Яна, чтобы слышали друзья.

Музыка убивала, земля сотрясалась от движений освобожденных тел. Они не следили за собой, этого совсем было не нужно. Каждый танцевал как умел, главным фактором танца лишь оставалась полная самоотдача. В движение подключались все части тела. Ноги, руки, голова, таз крутились по орбите радужной сансары, сплетаясь воедино с ритмом.

– Надо Лето найти, – заявил Сад, понимая, что за пультом стоит другой парень.

– Может, на другой сцене, -предположил Назар. – Погнали глянем.

– Мы тогда тут останемся потанцевать, – прикрыла в блаженстве Яна глаза, ощущая начало действие таблетки.

– Потом возвращайтесь с Егором сюда, – бросил Миша напоследок.

– Окей. Мы по-бырому.

Несколько тропинок вели к следующей сцене, которая совмещала с собой и следующую инсталляцию. Танцпол и диджейская стойка находились под возведенным куполом, покрытым полупрозрачными обоями с карикатурными изображениями. Рисунки подсвечивались изнутри и озаряли лес зеленым светом кислотного дома.

– Охренеть! – начинало вставлять и Пороха, который на каждое сооружение смотрел, как на чудо света.

– Да. Лето превзошёл себя, – покачал с восторгом головой Сад.

Назар с безграничной радостью зашел внутрь купола вместе с друзьями. По окружности были развешены ковры, точно в египетском храме. Сверху на поддерживающих брусках висели прожектора, освещающие толпу танцоров. Их оказалось меньше, чем на первой сцене, поэтому парни вмиг нашли расплывчатым блаженным взглядом Лето. Они подошли сзади и неожиданно прыгнули на организатора, который стоял у колонки и с восхищением наблюдал за работой своего напарника.

– Испугали, черти, – воскликнул Егор и принялся всех обнимать. – Ну как вам?

– Это прекрасно, – начал размахивать руками Сад, не в силах описать внутренний порыв эмоций, – это невообразимо! Это войдет в историю!

– А инсталляции видали? – с горящими глазами спросил Егор. – Это иногородние чуваки смастерили! Просто психи!

– Да вы все гении! Сегодня Метастазы захватят мир!

Егор кивал с внутренним довольством головой.

– А тебе как, Назарчик? – Окинул он товарища теплым хитрым взглядом. Парень был рад, что друг пришёл поддержать тусовку. – Лучше, чем в прошлый раз?

– Это восхитительно, – искренне ответил Назар. – Если меня еще мусора на примут сегодня, то это будет лучшая вечеринка в моей жизни.

– Не примут! Я тебя никому не отдам! – обнял его Сад.

Лето на него посмотрел подозрительными глазами.

– Ты под кайфом что ли?

Сад растерялся, посмотрел на Пороха, который уже полностью отдался музыке и дрыгался по полной программе, и понял, что врать бессмысленно.

– Чутка.

Егор покачал головой, а потом решил не обращать внимания, так как в этот вечер должны были быть счастливы абсолютно все.

– Засранец, – потрепал он члена семьи по голове. – Смот-

ри, чтоб башкой не улетел!

– Тяжко будет! Такое местечко сводит с ума!

Его тело начало тоже произвольно двигаться. Лето посмеялся и обратился к Назару:

– Будешь пиво?

– Да.

– Как вчера? – подмигнул тот.

– Завязывай! На себя бы со стороны посмотрел, пьяный поэт.

– Ха. Сегодня меня еще увидишь за моим главным достоинством. Я такой сет замутил!

– Не сомневаюсь.

– Скоро уже пойду играть, – сказал Лето, – чтоб все присутствовали на главной сцене!

– Без нас что ли не можешь? – подколот его Сад, крутя головой.

– Я вчера на вашем концерте чуть инфаркт не получил. Хотя и сегодня придется за вами, торчeboсами, наблюдать.

– Ха-ха, – передразнил его Валера. – Это ешка. Классика любого рейва.

– Не выпендривайся, умник!

Лето оставил танцоров и пошел к бару. Палатку с разливными напитками поставили на середине общей территории. Толстый мужичок с бородой, смахивающий на типичного байкера, продавал крафтовое пиво и наливал виски-кола. Егор угостил Назара.

– Спасибо.

– Наслаждайся. Скоро заиграет шаманская симфония, которая разгонит пульс до чистого счастья.

– Будем ждать.

– Пойду готовиться.

Каждый пожелал Егору удачи и он пошел на главную сцену. Сад с Порохом уже полностью слились с толпой, Назар присоединился к ним. Рейв пестрел разнообразием образов: дреды, ирокезы, зелёные, синие, розовые волосы, тоннели в ушах, татуировки по всему телу, пирсинги, лысые головы, спортивные костюмы, платья, купальники, топики, гавайские рубашки, даже кто-то умудрился в смокинге заявиться. Каждый ощущал свободу действий. Никакой моды, никакого фейсконтроля, предполагалось выглядеть максимально ярко и убого. Вещи здесь ничего не значили.

– Смотрите, какие цыпы, – кинул Порох, у которого заметно подскочило либидо на фоне действия наркотика.

– Где? – размазывало Валеру. Ему тяжело было сфокусироваться на одной точке.

– Вон две стоят, куриная слепота. Пойдем, подкатим.

– Да ты, – Сада начало сушить и он отхлебнул заготовленную воду, – и двух слов не сможешь связать. Тебя вон как колбасит.

Назар засмеялся, парень действительно постоянно двигался и не мог остановиться.

– Совсем сбрендил?! Самое время девочек кадрить! Не

найти развратнее и опытнее на свете какой-нибудь малолетней хиппи с рейва!

– Ладно, давай, Казанова, уговорил.

– Я пойду Яну с Мишей проверю, – бросил Назар друзьям, – подходите потом к нам, там Лето будет играть.

– Ща придем. И не одни, – придерживая друг дружку, поплелись к девушкам два парня.

Желания болтать и проявить внимание к противоположному полу им было не занимать в тот момент. Они были готовы трогать и обнимать всё подряд, приговаривая какое оно божественно прекрасное.

Назар вышел из шатра, новые басы музыки донеслись до ушей. Чуть дальше находилась третья сцена. По размерам выглядела самой маленькой. Музыка на ней совершенно отличалась от остальной. Спокойная, умиротворяющая, погружающая людей в созидательный транс. Парень решил разведать территорию, пока имелось время. Он шёл с пивом в руках, касаясь лодыжками прохладной травы. По бокам встречались люди: кто просто трепался безостановочно языком, кто в блаженстве курил траву, кто по ноздре пускал порошок с телефона, кто целовался и нежился в тактильных прикосновениях, пребывая в экстазе. Третья сцена окунулась полностью в тантру. Люди валялись на траве, сидели у костра, каждый как один пребывал на седьмом небе. В палатках доносился шорох совокупляющихся жертв химии своего же организма. Диджей крутился за пультом, а небольшая куч-

ка танцоров , подобно медузам , кружила по воздушным волнам. Назар подошёл ближе и тоже ощутил поток той энергии, что несла музыка. Тело начинало жить само по себе и двигаться в такт. Это было чудесно. Вдруг он почувствовал, что на его плечо легонько опустилась чья-то нежная рука. Парень развернулся, ожидая увидеть Яну, но не поверил своим глазам. Перед ним находилась Даша. Он подумал сначала, что под общей атмосферой ему это привиделось.

– Привет, – улыбнулась она своей широкой улыбкой.

– Привет, – выдавил Назар, – ты как тут?

– А вот так, – в ней чувствовалась простота, она общалась одной улыбкой и совсем не дерзила сарказмами.

– Кажется, мой каждый день после полуночи превращается во встречу с тобой.

Она посмеялась своим звонким смехом. Во тьме Назар разглядел белую блузку и чёрные свободные штаны.

– Так расскажи, – расслабился он, признавая самому себе, что теперь этот день точно превратился в абсолютный праздник, – как ты тут оказалась?

– Так Егор же играет. Он вчера об этом Любке все уши прожужжал. Вот мы и пришли с ней его послушать.

– А где она?

– С парнем ушла каким-то. Работа, видимо, подвернулась.

– Ясно.

– А еще, – зажгла она огонек в своих глазах, – я знала, что ты придешь.

– Да ну.

– Правда.

Назару не хотелось ерничать. Он видел, что Даша не притворяется и решил отвечать ей тем же.

– Мне очень приятно.

– Ммм, – довольно помурлыкала она. Судя по всему, тоже под кайфом.

– Давно уже одна танцуешь?

– Нет. Люба недавно ушла, а мне и здесь хорошо.

– Там Егор скоро играет, пойдём?

– Пойдём.

Она на все соглашалась, всему была рада и вела себя искренне и естественно. Назар не мог даже представить, что девушка может быть такой.

– Выспалась после вчерашнего?

– Да, – улыбнулась она и заботливо поинтересовалась, – а ты?

– Да, поспал.

– Работал?

– Да.

– Бедный, сколько поспал? – каждый незначительный разговор переполнялся чувствами.

– Достаточно.

Назар не выдержал и в темноте поцеловал её. Она ответила на поцелуй и прижалась к нему ближе. Он то отпускал её, то вновь притягивал к себе, и каждый раз заново с тем же

удовольствием она целовала взаимно. Когда он посмотрел на неё, она только лишь улыбнулась искрами в глазах. У Назара бушевал ураган эмоций. Что только не лезло к нему в голову. Всё, от чего он бегал и считал ядом, сейчас впустил в своё сердце. Как не пытаешься бороться с любовью, а все равно проигрываешь в какой-то момент. И то, что Назар её спасет, и что изменит, и что её жизнь сможет сделать лучше – вся эта дурацкая блажь мигом поселилась в мыслях. Он смотрел на неё и не мог поверить своему счастью.

– Целуешься и на трезвую голову отлично, – заполнил парень тишину.

– Да что ты говоришь! Ты тоже.

– Зеленые глазки только спрятались под зрачками, правда, – с хитрой ухмылкой разоблачил девушку юноша.

Даша даже не пыталась скрывать или отрицать что-то, а просто достала из кармана таблетку.

– Хочешь?

– Откуда у тебя?

– Достала.

– Ты тоже такую приняла?

– Да. Одну.

Она оставалась прозрачной, словно вода. Как же ему это нравилось. Он взял таблетку с её ладони, закинул в рот и запил пивом.

– Снова побываю в твоём мире.

Даша хихикнула, чмокнула Назара ласково в губы и тихо

прошептала.

– Конечно. Мне его не жалко для тебя.

Они дошли, держась за руки до сцены. Ничего так не было приятно, как ощущать ладонь любимого человека в тот миг. Назар не мог разобрать, начало его крыть или это реальность. Сердце разгонялось как турбо-ускоритель, в глазах начинало плыть от приливающих волн удовольствия. Хотелось отдать всю любовь миру, её оказалось слишком много. Неисчерпаемые запасы изнутри. Из тебя. Только ты мог сам себе устроить счастье, остальные лишь готовы были его принять и поделиться своим в ответ.

– Ты такая красивая.

Даша улыбнулась и потянулась для ещё одного поцелуя.

– Как думаешь, Егор уже выступает?

– Думаю, да. Никому шансов не оставит.

– Он талантище.

– Лучший человек на свете.

– Как тебе кажется, как он таким стал?

– Многое пережил и выбрал остаться просто хорошим человеком. А там пошло поехало.

– Вот, значит, какая формула счастья..., – ухмыльнулась она.

– Только так.

– А ты счастлив?

– Каждый день заново учусь этому.

– А именно сейчас?

– Я же в твоём мире, поэтому – да.

Даша посмеялась и погладила парня по щеке.

– Пойдём, – загорелся Назар, – кажется, там и правда Егор выступает.

– Бежим.

Танцпол заполнился от края до края. Разобраться в людях было невозможно. Все похожи, все одинаково счастливы. Лето занял свой трон за вертушками и поддерживал драйв. Не найти более безумного до своего дела человека, Егор был полностью поглощён музыкой, как и в первый день. Как в любой день его жизни, будь он наедине с собой или перед стадионом незнакомой толпы. Он верил в музыку и заражал этим вдохновением остальных. Люди понимали, что парень живой. Понимали, что у него в жизни такие же проблемы и преграды ко всему лучшему. Понимали, что он знает, как и они, безысходность каждой минуты. Но они видели, как человек из той же плоти и крови не готов падать духом и продолжает бороться со всем дерьмом жизни здесь и сейчас танцами, смехом и звучанием семи нот. Люди начинали верить, что не всё потеряно, если у кого-то получилось найти выход.

– Эй, воины измерений, – взял Лето микрофон в руки и толпа завелась скандирующим воплем, – я должен сказать вам, что вы прекрасны! Я не видел ничего красивее и сильнее того, что мы все вместе создали. Посмотрите вокруг, вы сделали счастливыми неограниченное количество людей, включая самих себя. Вы готовы это делать постоянно, без-

остановочно, безвозмездно! Ваша любовь становится вечностью! Именно этого от нас и хотело мироздание. И хоть я не Иисус, но я уверен сейчас в этом даже больше, чем он! Потому что других вариантов нет. Метастазы счастья, благодарности, удовольствия забираются в черепную коробку каждому. Нас уже не существует. Живёт лишь то, что мы создали. То, что смогли передать друг другу. Если прошлому богу пришлось разделить на части, чтоб создать планеты, звезды и нас, то мы создадим нового бога. Мы соединим всё то, что останется после нас и тогда родиться новый мессия. Он будет петь и танцевать, смеяться и радоваться. Он будет непобедим и вечен. Люди будут ему верить и всегда, слышите, всегда будут его любить, потому что он их творение. Его не сломает жизнь, ему не нужно будет каждый день сражаться с самим собой, он станет вечной гармонией. Ему всегда будет хорошо. Он спасет людей после нас. Он всё им покажет и расскажет. Нас не сможет стереть время. Мы станем теми метастазами, которые распространятся на всю дальнейшую историю человечества. Мы станем одним Богом, одной любовью, одной верой, одним танцем, одним смехом жизни!

Люди дышали каждым сказанным словом диджея. Плевать было, что он там говорит, все пропитывались именно той энергией, которую вкладывал Лето в свою речь.

– И да! Мы – самая вредная и опасная секта! Мы – самая самоотверженная и беспощадная армия! Мы – самая заразная религия! Мы прошли кучу троп, которые вели в

никуда, и выбрали единственную, стоящую жизни и смерти. Мы поселимся в головах людей и посадим там ростки истины. Всем нам быть рано или поздно удобрением для земли. Но пусть этот перегной будет идти на продолжение чего-то хорошего. Нас будут не понимать и бояться. Ведь здесь нет эгоцентризма, лишь помощь другому. Здесь нет страха, только вечная пустота. Здесь нет смысла, только лишь вера. Здесь нет ничего святого, только то, что приносит радость. Хватит на этом слов! Всё действительно важное и ценное можно передать танцем. Сделаем это сейчас, чтобы вселенная нами гордилась! Чтобы унылые и уставшие боги позавидовали людям! И пусть знает весь мир – это только начало, у которого нет конца! Метастазы – это часть гниющего организма, которая пошла против! Рак, он же краб, на латыни – это то единственное, что ходит взад–вперед, влево–вправо: во все стороны без препятствий и сопротивлений!

Народ пребывал в неопишемом восторге. Их зарядили настолько, что еще чуть-чуть и они бы сами засияли как прожектора. Они кричали «Лето», кричали «Метастазы»; кричали все, кто знал в чем суть, и те, кто не знал, но чувствовал. Назару показалось, что мурашки на его теле стали величиной с огромных настоящих жуков. Глаза слезились, и улыбка не сползала с лица. Где-то Сад с Порохом, позабыв о девчонках, орали, как одержимые. Лето заметил двух чокнутых и отсалютовал им.

– Теперь только то, ради чего все мы здесь собрались и

ради чего существуем! – закончил Егор и врубил музыку.

Народ продолжил сходиться с ума. Каждый чувствовал себя частичкой единого и большого. Каждый ощущал свою значимость в общем деле.

– Какой же он молодец, – произнесла Даша, на секунду оторвавшись от танца.

– У меня слов нет, – закачал головой Назар.

– Как ты думаешь, у него получится всё изменить?

– Он слов на ветер не бросает, – без сомнений изрек Назар, полностью доверяя другу.

Парень ощутил расслабление в ногах, распространяющееся по всему телу. Всё лишнее будто покинуло голову. Весь организм кайфовал от происходящих внутри процессов. Битение сердца, работа головы – всё было идеально. Но Назар даже забыл, что чем-то закидывался, так как на общем фоне счастья даже действие Экстази оставалось в стороне. Тело существовало своей собственной жизнью, ритм которой задавала музыка. Иногда подбегали друзья и, молча с какой-то милосердной благодарностью, крепко прижимали к себе, а потом снова растворялись в танце. Слова, мысли, время практически исчезли на рейве. Всё шло, как надо. Грёзы, мечты, сновидения, иллюзии воссоединились в один сплошной настоящий момент.

Даша всегда стояла напротив Назара, ни на шаг не отходя от него. Они танцевали, иногда нежно касаясь любимого человека по коже. Можно надолго было закрыть глаза с пол-

ной уверенностью, что он и она останутся рядом. Иллюзия, что так будет вечно, ласкала в своём безграничном океане наслаждения.

Девушка взяла за руку парня и прошептала кокетливо на ухо:

– Пойдём?

Назар выбросило из божественной музыки к родному созданию.

– Куда? – погладил он её.

– Сюрприз.

Назар без всяких раздумий пошел вслед за Дашей. Басы и дрожь под ногами сменялись спокойствием и уравновешенностью земли. Пальцы приятно пробегали кончиками по траве, тьма ублажала глаза. Пара ушла в сторону от тропы, напрямик к деревьям. Парню казалось, что из-за перевозбужденной пульсации сознание его может покинуть в любой миг. Даша что-то искала взглядом, а потом остановилась на кустах. Там стояла палатка. Девушка крепче сжала руку и повела за собой.

– Это чья?

– Какая разница.

Она потянула лицо парня к себе и в томном дыхании сплелась с ним в поцелуе. Назар находился на пике своих ощущений, каждый участок тела девушки ему казался чудом.

– Иди ко мне, – шептала она.

Он залез полностью внутрь палатки и начал избавляться

от одежды. Даже не чувствовал под куполом счастья, что его член уже тверже камня. Он снял с хрупкой Даши блузку и брюки. Два нагих тела невозможно было разъединить. Музыка долбила, рейв горел ярким пламенем чувств, но двое уже обрели свой рай.

– Это всё наркотик? – спросил Назар сбитым дыханием.

– Нет, – вздымалась тяжело её грудь, – это то, что внутри нас.

Больше сил не осталось на слова. Всё растворилось в счастье за доли секунды. Ни людей, ни музыки, ни мира, ни бога, ничего не было нужно.

Глава 8. Метаморфозы путешествия

Граница алого заката и тени оконной рамы оказалась прямо на середине рабочего стола. Валдаев заметил эту черту и понял, что пора собираться домой. Солнечные часы ему служили лучше, чем настенные. В любое время года он мог определить конец рабочего дня по сгущению красок за окном, по отражению света на стеклах пятиэтажек и даже по пению птиц. На дворе без пяти минут стояло лето, и дневная часть длилась больше привычного. Можно было бы пройтись по парку с Ларой и детьми, – подумал лейтенант. С навязчивой идеей он отложил следственные папки в сторону, как тут же кого-то принесла нелегкая, и раздался стук в дверь.

– Да, – с недовольным выдохом буркнул Валдаев.

– Семен Павлович, – заглянула голова его помощника, а потом объявился и сам Игорь, – я к вам.

– Понятно, что не к жене. Что стряслось?

– Стало известно о двух новых нарушениях порядка, довольно крупного масштаба..., – подбирал слова помощник.

– Когда?

– Одно это ночью, другое прошлой.

– Так, – протянул Валдаев.

– Про крышу на новостройке вы, наверное, слышали уже.

– Да, – почесал лоб одним пальцем лейтенант, – наши ребята прибыли, но эти чертовы музыканты, как сквозь землю провалились.

– Точно. Но это не совсем последнее их шоу оказалось...

– В смысле?

– Сегодня ночью за городом на окраине леса весельчаки тайно собрали около двух сотни человек и провели свой «рейв».

– Это что? – нахмурил брови тот.

– Что-то типа дискотеки под наркотой. Мы же и раньше, и в прошлый раз задерживали участников сомнительного веселья, у большинства при себе имелся вес.

– Да это-то понятно, что они там не на чай с конфетами приходят.

– Тоже верно, – перебирал бумаги Игорь, – туда стекается вся молодежь.

– Конечно, мозгов нет. Так... И ты думаешь, что организаторы одни и те же люди?

– Мы навели справки у некоторых подростков, которые якобы тусуются вместе с ними, ну и методами запугивания что-то прояснилось...

– Ну-ка.

– Они говорили про группу «Сияние». Местная музыкальная группа, которая, вполне возможно, участвует в разбоях, так как её представители были замечены во многих инцидентах.

– Каких?

Наконец в дело перешли приготовленные документы и Игорь, дополняя описанием, начал по одному фотороботу класть на стол.

– Вот этого часто принимали в переходе. Он играет там на гитаре.

Прилагались и фото с записей камеры.

– Вот этих двух увидели на железной дороге, копающихся в кустах. Сторож вызвал наших сотрудников, но, видимо, те успели скинуть товар, либо не нашли закладку, потому что наши ребята тогда ничего не обнаружили. Подержали для приличия в отделении до утра и отпустили.

Семен Павлович зорким глазом рассматривал портреты парней и пока не произнёс ни слова.

– А последнего вы хорошо знаете, -накалил обстановку Игорь. – Думаю, он стоит во главе этой наркобанды.

– Кто?

Помощник продемонстрировал заключительное фото, сделанное прямо с улицы.

– Да. Я его помню. Как там его кличка...

– Егор Летаев. Лето.

– Точно.

–Птички шепчут, что вчера на рейве он был главной звездой и организатором программы. Он у них прямо народный герой. К «Сиянию» пока не известно как причастен.

Валдаев задумался.

– Я помню его по молодости, он же и тогда привлекался...

– Да-да, – подтвердил Илья. – Потом исчез из поля зрения и последнее время только попадался за мелкие нарушения порядка.

– Это он тогда в театре Пионеров прямо перед глазами ребят смылся?

– Вероятнее всего. Тот был тоже диджей.

– Куда катится мир...

Валдаев подумал про своего старшего сына, и внутри затрепетало пока еще лёгкое волнение.

– Семен Павлович, я считаю, мы имеем дело с опасной группировкой, а может, и целым синдикатом по производству наркотиков.

– Вполне возможно. Слишком много совпадений и наводок.

– Да.

Лейтенант побыл наедине со своими мыслями минуту-другую, а потом заявил:

– Начинай за ними слежку, Игорь. Потихоньку, не спеша. Факты и компроматы у нас уже в кармане. Дело остаётся за малым. Если эти ребята замешаны в чем-то криминальном, то в любом случае рано или поздно сами угодят к нам в лапы.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант.

– А на этого Лето я уже положил глаз. Сам им займусь. Чувствую, его нельзя обойти стороной.

– Я тоже так думаю.

Валдаев ещё смотрел какое-то время на предоставленные материалы.

– Ты тогда можешь быть свободен, Игорь. Спасибо за службу.

Помощник направился к двери, чтобы со спокойной душой отправиться домой.

– До свидания, Семен Павлович.

– До свидания... До свидания...

Интуиция сотрудника полиции ещё никогда не подводила. Он не соврал, сказав, что Лето может представлять опасность. Лейтенант пытался вспомнить, в каких именно делах ещё был замешан этот парень. Следовало обратиться к архивам. Но не сегодня. Сегодня Семен себя заставил оставить работу и вернуться к ней завтра. Он аккуратно сложил новые документы поверх старым и набрал жене по телефону:

– Ало, Лара. Привет. Как у вас дела?

– Привет. Все хорошо. Пришла с работы, приготовила ужин.

– Дети как?

– Киря сделал уроки, покушал, сейчас в приставку играет.

– А Леха?

– Он еще не пришёл, – нехотя призналась женщина.

– Не понял. А где он?

– Гулять ушёл.

У Валдаева гневно раздулись ноздри.

– Понятно. В его интересах вернуться до того момента,

как я приеду.

Лариса промолчала.

– Надо что купить?

– Да, – придумала она как оттянуть момент, – хлеб, молоко, колбасу... Если что, я гляну в холодильник и допишу в СМС.

– Хорошо. Скоро буду.

Он скинул трубку. Мужчине было не по себе, что ему приходится пахать и кормить семью, а родной сын смеет доставлять лишние неудобства. Тот должен находиться дома и готовиться к ЕГЭ, а в свободное время помогать матери по дому. Валдаев понял, что мирная семейная прогулка по парку отправилась коту под хвост, и это начинало его еще больше злить. Он накинул куртку, захлопнул кабинет и направился к своей машине, желая поскорее разобраться с беспорядком.

Лара СМС не прислала. Семен добрался до подъезда, припарковал машину на своём обычном месте и пошел к магазину, заодно проверяя окрестности. По дороге он никого не встретил, кроме соседей. Закинув продукты в пакеты, он смиренным шагом дошёл до квартиры.

– Я дома! – провозгласил он, требуя, чтобы каждый член семьи показался ему на глаза.

– Привет, папа! – оторвался послушно от телевизора младший сын и подошел к отцу.

– Привет. Как твои дела в школе?

– Отлично.

– Что получил?

– Не помню уже, – действующей фразой ответил Кирилл.

– На каратэ ходил сегодня?

– Да.

Семен ещё бы попытал мелкого, но сейчас он был сосредоточен на другом. Лара появилась из угла как раз вовремя. Муж потянулся чмокнуть жену, она равнодушно подставила ему щеку.

– Вот продукты, – протянул он пакет.

– Спасибо. Кушать будешь?

– А я так понимаю ... Старшего сыночка ещё нет?

– Нет, – ответил Кирилл за мать.

– Ясно, – недобро улыбнулся Семен. – Вот так он, значит, отца слушает.

– Пап, он просто погулять ушёл...

– Так, ты вообще не лезь не в свои дела, – строго ткнул пальцем отец, и мелкий замолк. – Куда он пошел?

Жена не хотела говорить, но знала, что опер все равно добьется, чего хочет.

– Он взял скейтборд и поехал кататься.

– Куда? – в его голосе росла жёсткость.

– На их площадку, наверное.

– Ага. Любимый зверинец значит. Хорошо. Скоро буду.

Он целеустремлённо отправился на поиски.

– Может, сначала поешь? Я ему звонила, он скоро придет...

– Потом. Вместе с сыном хочу поужинать.

Дверь подъезда захлопнулась. Валдаев забыл про усталость, им двигала злость. Всё пошло не так, как он хотел, и виновником к тому же оказался родной сын. Лейтенант завел двигатель и помчал на Манегу. В мысли вернулась тревога, которая преследовала его на работе. Что если сын станет частью этого движения. Что если свяжется с наркотиками и преступностью. Что если всё вложенное воспитание окажется в пустую. Семен чувствовал беспомощность и потерю контроля над ситуацией. Ему впервые ясно пришло в голову, что сын другой человек и у него имеются собственная жизнь и возможные тайны. Отец не в силах был полностью влиять на его право выбора. Окружение, возраст, максимализм – всё могло направить не на тот путь. Отсутствие привычной власти пугало и выводило из себя. Он завернул в спальный район и подъехал к гаражам, где, как ему известно, и находилась та площадка. За изуродованными будками раздавались музыка и шумная болтовня подростков, у которых не было выходных для тусовок. Мужчина закрыл на всякий случай дверь и величественно, не ощущая дискомфорта, направился в эпицентр порока. Молодежь по своему обыкновению кучками слушала портативные колонки, плясала, пила пиво и выделявала выкрутасы на фигурах. Семён начал присматриваться к народу, в первую очередь он искал сына, но своим профессиональным взглядом заодно сканировал новоиспеченных преступников. Тусовщики тоже начали

обращать внимание на усатого незнакомца, который явно не вписывался в общий круг по возрастной категории. Кто-то узнавал Валдая и отводил взгляд в сторону, так как полицейский мог докопаться до чего угодно. Но Семена сейчас не интересовали мелкие хулиганства, цель была крупнее. Иной раз казалось, что его глаза натываются на схожие с фотороботом черты лица, но потом лейтенант осознавал, что видит таких как минимум ещё троих. Подростки оказались очень друг на друга похожи, и определить без наглядного образца оставалось невозможным. Но родное лицо он мог найти и в многотысячной толпе. Лёша катался взад – вперёд на своём скейте и пробовал сделать прыжок с переворотом доски, не замечая незваного гостя программы. Мальчик перекидывался с друзьями шутками, советами, подколками и затем вновь возвращался к любимому занятию. Валдай обрадовался удаче и, забыв о работе, громким, четким голосом окликнул сына:

– Алексей!

Музыка долбила на всю, но тяжелый баритон следователя услышало большинство. «Че за старпер» – раздалось шепотом. «Чей-то отец или дед». «Пусть проваливает».

– Алексей! – повторил Семен, понимая, что сын очень сосредоточен.

Вскоре пацан обернулся и увидел отца. Его лицо вмиг побледнело, и глаза наполнились серостью страха и стыда.

– Лех, – бросил друг, – походу, за тобой.

Парень потерял дар речи. Он улавливал строгий, ожидающий взгляд отца и понимал, что не стоит задерживаться. По всей видимости, намечается скандал. Вся молодежь ожидала парня, который откликнется оперу. И вот тот самый наконец-то показался. Лёша, опустив голову, направился к отцу быстрым шагом, чтобы не обламывать вечеринку остальным.

– Пока, – провозжали взглядом бедолагу друзья.

– Пока, – кинул он им без эмоций в ответ.

Семён окинул напоследок толпу властным взглядом, затем развернулся и вместе с сыном пошел к машине. Лёша ожидал незамедлительного разгрома, но отец тактично дождался момента, когда оба окажутся в машине.

– Почему не дома?

В его голосе доносились нотки подавляемой злобы.

– С друзьями решил погулять, – как бы с собой не боролся парень, все равно чувствовал полную доминанту отца и уже был готов признать свою вину.

– Это твои друзья? Крашенные, дырявые неудачники?

Лёша промолчал.

– Я тебя спрашиваю!

– Да! – громко ответил сын на вопрос отца, сдерживая подступающие слезы.

– Ты на меня голос не повышай, понял?! Ещё кишка тонка, чтобы кричать на отца!

Валдай собрал свою мощь в кулак, натренированную многими годами на заключённых. – Мы же договаривались с то-

бой, что гулять можно, если сделаешь уроки и...

– Но я сделал...

– Не перебивай! Только когда сделаешь уроки, закончишь занятия с репетиторами и, самое главное, строго с моего разрешения! Разве нет?!

Лёша утих, желая прямо сейчас выброситься на проезжую часть дороги под грузовик.

– Мы же договаривались, что, пока ты не можешь за себя отвечать, ты меня будешь во всём слушать?! Я прожил уже долгую жизнь и знаю, о чем говорю! Ты даже не представляешь, на какое дно тебя могут затащить эти друзья...

– Они мои одноклассники и их родители им...

– Мне плевать, что там их родители! Эти родители – алкаши и дегенераты! Плодящие себе подобных и заполоняющие мир грязью! Они ничего полезного ни обществу, ни себе не приносят! Просто существуют и губят друг друга! Ты хочешь таким стать?! Я тебя спрашиваю! Таким?!

Лёша ничего не ответил и просто, сильно прикусив нижнюю губу, всей душой ненавидел отца.

– Значит так, – выплеснув эмоции, вернул спокойный голос Семён, – теперь ты наказан и вообще не будешь выходить гулять с друзьями вплоть до окончания экзаменов и поступления в институт. Я не собираюсь жить в одной семье с маргиналом и неудачником, поэтому будешь слушать меня. Мы с мамой желаем тебе только хорошего. Понял меня? И ты не посмеешь повернуться к нашим стараниям одним местом...

Сын понимал, что не в силах сказать и слово. Энергетический вампир высосал всю радость и желание жить. Мальчик просто молчал, прижавшись к стеклу лицом.

– И ещё... Я, надеюсь, ты не употребляешь наркотики. Так ведь?!

Он взглянул на сына, полностью забыв о дороге.

– Мне нужен четкий, честный ответ прямо сейчас!

– Нет.

– Покажи глаза!

Лёша повернулся и продемонстрировал ему свои красные от слез и ненависти глаза.

– Верю, сын, – успокоился лейтенант, – но если я узнаю, что кто-то из твоих друзей принимает и тебя к этому приобщает, я клянусь, на следующий же день он отправится до конца своих дней за решетку.

Сын прикрыл веки, желая забыть о своём существовании.

– Надеюсь, мы поняли друг друга.

Семен наконец-то утихомирился, вновь ощущая превосходство над тотальным контролем. Отпрыск находился в его власти, а значит, можно было расслабиться и вернуться к тихой бытовой жизни. Он с приятным теплом внутри думал о семье, об ужине, о собаке, о телевизоре. На мгновение лейтенант даже забыл о тех неприятных новостях, в которые его совсем недавно посвятил Игорь. Отец с сыном приехали домой.

...

Назар был заряжен боевым настроением с самого утра. Будильник не понадобился, учитывая, что прошлый день парень провёл в глубоком беспмятном сне. Рейв продолжал жить в голове, делясь приятными воспоминаниями. Никакого похмелья и серотониновой ямы в помине не было. Намечалось путешествие с Нагвалем, да и мысли о Даше играли свою роль. Девушка забралась глубоко под корку мозга, Назар боялся спугнуть это греющее чувство. Боялся написать ей, боялся задавать вопросы, хотелось счастье оставить нетронутым в тишине. Необходимо было отвлечься и запланированное странствие как никогда оказалось кстати. Парень достал свой походный рюкзак из пыльного угла коморки, отряхнул и начал готовить к походу. Место и погода оставались неизвестными, поэтому дно переносного дома заняли теплые вещи. Сверху Назар положил спальник, по бокам разложил посуду, фонарь, раскладной нож и всякие медикаменты, а спереди рюкзака подвесил палатку и плотный коврик для сна. С Николаем они договорились встретиться на вокзале. По всей видимости, билеты на поезд у товарища имелись уже на руках. Проверив всё ещё раз, Назар покинул заброшку и двинул к метро.

Нагваль ждал друга возле главного входа, его рюкзак выглядел намного меньше и компактнее. Мужик смотрел в сторону своего компаньона, изначально зная, откуда тот явится.

– Возвращаемся к диким условиям? – с присущей ему усмешкой кинул Николай.

– Я уже истосковался по ним, – пожал Назар руку духовному учителю.

– Это правильно. Необходимо отбрасывать привычную жизнь, пока не надоела. Природа – лучший способ, чтобы на многое посмотреть по-новому.

Он держал у себя в левой руке распечатанные билеты.

– Куда едем?

– Пускай это останется до последнего тайной.

Назар засмеялся.

– Почему я ни капельки не удивлен. Мы же не просто так выбираемся?

– Нет, – серьёзно ответил он, – нас заждались одинокие леса, реки и горы. Их нельзя оставлять надолго в одиночестве.

– Составим им тогда прекрасную компанию.

Нагваль полез в карманы и достал оттуда деньги.

– Вот, это тебе. Вчера зарплата за работу пришла, поэтому часть твоя.

Назар удивился, но вспомнил, что, действительно, на мели.

– Конечно, я знаю, что ты любишь питаться подножным кормом, но все-таки это упростит существование в городе.

– Сейчас они очень нужны, потому что около заброшенного театра мало что растет съедобного, – отшутился Назар и взял деньги. – За билет что-то должен?

– Нет, пускай останется премией.

– Отлично, мне нравится моя новая профессия.

Друзья направились к платформе. Десятки поездов расходились в разные стороны, люди с чемоданами сновали взад-вперёд, разыскивая нужные вагоны. Назар решил просто идти за Нагвалем, который без затруднения нашел нужный рейс. Молодая проводница поздоровалась и сверила паспорта со списком пассажиров. Нагваль проскользнул мимо чужих купе как по маслу, Назару же пришлось извиваться, наклоняться и безостановочно просить прощения, чтобы протолкнуться со своим обмундированием.

– Ты, я вижу, основательно подготовился, – посмеялся Нагваль.

– Я же не знаю, куда мы поедем. Может у тебя там билеты до Северного полюса.

– Всё может быть. Но у меня в рюкзаке по большей части еда, да спальник.

– Что за еда?

– Крупы, орехи, изюм, мёд, пару палок копченой колбасы, хлебцы, паштет в консервах. Должно хватить.

– За глаза. Хотя я рассчитывал на роскошные пиршества со свежепойманной рыбой, – подколот Назар.

– Леску с крючком я тоже прихватил. Мало ли застрянем в лесных дебрях надолго.

– Было бы неплохо.

Странники дошли до своего купе и закинули наверх вещи. Соседей не оказалось. Женский голос объявлял по громко-

говорителю расписание. Поезд ещё немного постоял на месте, а затем двинулся в путь.

– Конечно, не автостоп, но тоже сойдет, – кинул Назар, размещаясь на своей койке.

– Зато послушаем дребезжание железного подстаканника и насладимся ароматом жареной курицы и яиц.

Поезд пока тащился по знакомой половине города, Нагваль достал книгу и начал читать, Назар решил сделать то же самое. Читал страницу за страницей, но понимал, что ничего головой не усваивает. Мозги были заняты Дашей. Вчера он пробовал начать с ней диалог, но девушка отвечала с большими паузами и без какого-либо энтузиазма. Назар не мог себя остановить и на каждое СМС девушки отправлял в ответ ещё десяток сообщений. Он не допускал мысли об её работе, для него она продолжала оставаться просто уставшей после вечеринки. Было страшно обжечься о её безразличие, но пьянил шанс увидеть её даже самый банальный «привет». Назар сдавался и вновь набирал сообщения. Каждую минуту он проверял телефон, не пришло ли ответное. Хотелось больше счастья, ведь с ним все остальное теряло значение, но при этом становилось чудесным. Парень знал, что готов свернуть горы, помочь всем людям на свете, достигнуть вершины просветления, но только лишь бы Даша ему ответила, и он осознал, что он ей так же нужен для принятия всего мира. Голод по любви его превратил в уязвленное большое существо, которое в какой-то мере отрицало любовь и

одновременно в такой же степени ожидало. Плевать стало на опыт, обещания, трезвое мышление. Назар считал её своим просветлением и следующей ступенью на лестнице пяти измерений . Она была его наградой за все умозаключения. Но Даша молчала. Самое прекрасное и ужасное происходило лишь у парня в голове. Связь пропала, ответа так и не пришло. Назар отложил телефон окончательно в сторону и вернулся к книге, стараясь не идти на поводу у сердца и мыслить реально. Нагваль внимательно наблюдал за другом краем глаза, но ничего не говорил.

Спустя часы за окном начал меняться ландшафт: появились валуны, покрытые мхом и деревьями; преобладали старые деревушки на берегах рек; озера блистали под ярким светом солнца. Назар отрывался от чтения и смотрел в окно, понимая, что уже знаком с природой этих краев. Парень возвращался на то место, с которого начинал свою новую жизнь.

– Отключи свои мысли, – изрек неожиданно Нагваль, – всё, что происходит вокруг тебя, начинается с них. Если хочешь успокоиться, научись не думать.

Назар взглянул на товарища хитрыми глазами:

– Это новая ступень?

Но его глаза были ещё хитрее.

– Это неотъемлемая часть каждой ступени.

– Когда же следующая?

– А ты к ней разве готов?

Парень не понял вопроса. Внутри затаилась обида.

– Почему я не готов?

Николай с широкой улыбкой привстал с койки и ладонями уперся в стол, свесившись над другом:

– По всей видимости, ты счастлив был все эти дни. И вероятнее всего, причина этого счастья заключена в другом человеке.

Назар понял, что умник сканировал его это время.

– Ты влюбился. Ты счастлив. Разве тебе этого мало?

Назар решил, что Нагваль прямо сейчас всё может бросить, сойти с поезда и назад вернуться домой.

– Привязанность к другому человеку, разве это не прекрасно? Не нужны больше поиски себя и истины. Не нужны ошибки, борьба, мимолетные победы. Окружающее становится ничтожно бессмысленно в маленьком мирке двух любящих. Многие принимают это и уходят с пути вечного странствия.

– Но разве лестница пяти измерений не приводит к всеобъемлющей любви и счастью?

Нагваль отрицательно покачал головой, дав понять, что совершенно не собирается обидеть юношу.

– Люди ищут зону комфорта и всевозможные блага, чтобы заполнить хоть небольшую долю внутренней пустоты. Они становятся работягами на своих работах, шопоголиками, озабоченными нимфоманами, на голову потерянными семьянинами, пьянствующими философами, политиками, религиозными фанатиками – всё, что угодно, лишь бы

ощутить иллюзию внутренней защиты от жестокой действительности. Страннику, одержимому идеей, не нужна защита и комфорт. Он чувствует себя хорошо лишь тогда, когда наиболее подвержен переменам и риску. Он понимает насколько всё парадоксально и абсурдно, что без сожаления прощается и расстаётся с фальшивыми устоями мозга, приобретёнными до этого. Люди хотят владеть и иметь, чтобы ощущать себя живыми. Странникам достаточно только быть. Именно поэтому у людей любовь и счастье выступает, как средство индивидуального лечения. У странников это орудие, с помощью которого они могут спасти других. Людям в первую очередь необходимо обезопасить себя. Им нужно, чтобы их кто-то любил, им нужна уверенность в следующем дне, им нужно, чтобы они были счастливее другого человека. В этом нет ничего плохого, любая схема жизненного пути подходит и не подходит одновременно, предполагая неизбежный конец. Но у людей их ненасытность в имуществе и стремление стать лучше в каждом аспекте не имеет границ, а значит рано или поздно, с приобретением или утратой новой «вещи», человек будет испытывать одинаковые страдания. Странник же не стремится владеть чем-то, он с твёрдостью духа готов проститься со всем, что его окружает, понимая скоропостижность живого мира. Он не может любить одного человека и быть каким-то образом к чему-то привязан, он любит каждого одинаково и не чувствует зависимости ни от чего. И в первую очередь, от самого себя. Он не оценивает,

не просит, не ждет, не отвергает, не отрицает. Всё, что он может делать – это лишь отдавать.

Назар внимательно слушал долгую лекцию и, к сожалению или к счастью, со многим оставался быть согласен. Вскоре, опустив голову, произнёс:

– Она не может любить. Ничего не выйдет.

Нагваль оставался непреклонным.

– Тогда ещё не все потеряно для выбора твоего пути. Пойми, что то счастье, которое ты ощутил за последнее время, дается взаймы. Оно настолько эфемерно в реальной жизни, что проще ждать от Санта-Клауса подарков. Любовь существует лишь абсолютно ко всему. Любовь к одному человеку – это болезнь с рецидивами и приступами боли. Она обречена на смерть, если человек привязан и зависим лишь от другого. Людей надо любить, но нельзя суживать свой мир на одном, если можешь познать поток вещей и стать одним целым с бесконечной любовью. Все боятся неизведанного и прячутся в свои норки компромиссов, принимая тишину и стабильность, но странники, как бы им не хотелось, не смогут так жить. Их семья – их союзники. Их счастье – счастье других. Их любовь – любовь к вечности. Всё людское утопает в смерти, скуки и запутанности.

– Что же мне делать? – спросил Назар, чувствуя, что ему становится легче.

– Ничего. Делай всё, что считаешь нужным. Дай этой девушке то, что можешь, но в любой момент будь готов отпу-

стить её. Пойми, что сейчас ты любишь только для себя, а не для неё.

Назар замолчал, вернувшись глазами в окно поезда, за которым стоял густой лес.

– Как же ты можешь так судить, если сам зависишь от своей семьи? Я же вижу, как ты любишь Олесю, Лилю, Валеру, Егора...

Нагваль даже не моргнул, сохраняя взгляд полностью стеклянным.

– Я многих близких людей проводил на тот свет, а сам остался здесь. Мне многое пришлось проверить на себе и поэтому я могу заявить точно: самый грустный, но достоверный опыт это тот, который ты проверил на себе через несчастье. Олеся, Лиля, Валера, Егор и другие близкие люди для меня источники энергии, которые помогают не прийти раньше положенного к концу.

– Значит, всё-таки имеет место привязанность? – наступал Назар.

Нагваль улыбнулся, встал и достал свой рюкзак.

– Конечно, я ведь всего лишь человек. Когда-нибудь мы все за свою любовь поплатимся.

Парень удивился, как его товарищ быстро сдался и позволил Назару остаться правым в вопросе неизменности человеческой природы, но спектакль лишь казался очередным хитрым манёвром мудрого человека.

– Мы приехали уже или ты меня бросить решил? – посме-

ялся Назар, после того как Нагваль начал собираться на выход.

– Нет. На тебя у меня еще планы. Да и ты расставаться с людьми ещё не научился, – шутил Нагваль, поправляя лямки своего ранца.

– Ой. Хватит уже. Лучше объясни, почему мы прибыли снова в эти земли...

– Здесь осталось кое-что незаконченное. Кое-что, что может продвинуться по лестнице дальше вверх.

– Интересно. Даже не думал, что для третьей ступени обязательно нужно покинуть дом.

– Ещё одна обязательная часть пути. Мы вечно отказываемся от себя и от привычной жизни, чтобы достигнуть большего. Всё начинается с побега, но совсем скоро даже он не будет нужен.

– В каком смысле?

– Путешествия, творчество, книги – они равнозначны тем же благам и зонам комфорта, о которых я говорил. Просто здесь люди выступают как антагонисты и находят успокоение, когда идут против чего-то. Но это не есть что-то новое. Когда-нибудь и оно становится ничтожно, бессмысленно и недействительно. Наша цель намного выше.

– Вечное счастье?

– Именно. Где бы мы ни были, когда бы мы ни были и в каких условиях бы ни находились.

Они прошли друг за другом по вагону, пока поезд сни-

жал скорость. Когда ребята дошли до тамбура, транспорт затормозил. Путешественники простились с проводницей и спустились на платформу, в низине которой располагалось несколько древних домов. За ними уже начинался лес.

– Куда дальше? – обозначил Назар свою боеготовность.

– В чашу. К далёким предкам. Жечь огни свободы, чтоб те стали путеводной звездой для потерянных душ.

– Красиво.

Друзья проводили глазами поезд и спустились на тропу.

– Нам нужно попасть к озеру, по легендам этих краев там до сих пор по ночам доносятся пения шаманов.

– Здесь жили шаманы?

– Да. Ведьмы, знахари, волхвы. Земля богата историями. Они жили по ту сторону леса. За скалистым хребтом, в маленькой деревушке, где устраивали обряды, пляски, песнопения.

– Они колдовали?

– Связывались с предками. Те в свою очередь делились с ними своими знаниями. Ничего нового не придумано и не сказано, всё было пережито и пройдено прошлыми поколениями.

– Шаманы пели и танцевали для них?

– Скорее это происходило после обрядов. Они пребывали в эйфорической лёгкости бытия после услышанных проповедей.

Назар улыбнулся, осознавая, сколько ещё тайн скрывается

внутри души Нагваля. Парень представил, что перенесся в своё детство, где каждое странствие приобретало таинственный и волшебный характер.

Товарищи обогнули деревню и всего через пару улиц оказались на пороге леса. Разнообразие тропинок уводило вглубь. Николай знал маршрут и без раздумий определил нужный.

– Волки выли на луну, медведи тяжело топтали землю, деревья заполняли пустоту шумом листвы и старые маги выбирались вглубь чащи, чтобы слиться с природой и напомнить себе, что они всего лишь её частичка. Каждая придавленная травинка, каждая упавшая ягода, каждое убитое или умершее от старости животное возвращалось к земле. Туда, откуда начинало. Так же одиноко и не понятно. Шаманы осознавали круговорот вещей и в любой момент готовы были так же стать удобрением и новым продолжением живого. Они выбирались сознанием из потока событий ещё при жизни. Они находили выход, который менял их карту судьбы. Мир нельзя изменить, но можно изменить жизнь с помощью внутреннего переворота. Слабые ищут снаружи, сильные ведут поиски внутри.

Нагваль шёл по тропе, Назар догонял следом и внимательно слушал учителя. Свежий аромат леса заполнял лёгкие.

– Шаманы являлись обычными людьми. Они использовали свои системы дыхания, кровообращения, пищеварения, чтобы достигнуть просветления. Все химические процессы

направляли к прозрению. Не было в их жизни ничего лишнего, так как ото всего заблаговременно избавились. Они дышали, чтобы их тело жило. Они питались, чтобы питать организм энергией, без которой он бы издох. Они двигались, чтобы не стать органической пищей для червей. Они понимали, что роковой час постучится и в их, так называемый, священный храм, который на самом деле является временной формой жизни.

– Неужели они не были несчастны, зная так много?

– Они преумножали и скорбь. Но за чертой всего осознания и принятия ждет освобождение и великая радость. Потому что нет больше исходов, нет других путей, нет возможности избежать участи. Существует только момент. Остаётся лишь право сделать выбор – благодарить и наслаждаться этим моментом, либо продолжать копаться в бездне и гадать почему ты в ней находишься. Необходимо каждый раз находить силы из неё выбираться. Смерть нас всех где-то поджидает за углом.

– Неужели эти шаманы никогда не уставали? – Назар продолжал смотреть по сторонам, наслаждаясь гармонией.

– Усталость присутствует всегда. Преобладает понимание того, что, по сути, человеку не составляет особого труда во всеобщей незначительности своего выбора и своих действий продолжать, не смотря ни на что, свой путь. Это путь воина, который нам послан ни для чего. Вселенная существует просто так, вряд ли у неё есть какие-то цели. Мы – всего лишь её

нано-копии. Бог не имеет форму. Рай не имеет форму. Все кто имеет форму – это люди. В этом наше великое несчастье. Избавившись от своей оболочки, мы наконец-то растворимся в общей пустоте.

– В этом есть счастье?

– Прислушайся к своему внутреннему миру, и он сам тебе ответит.

– Иногда не хватает такого ответа.

– Мозг человека засоряется, он цепляется за многие мелочи и зарывается в мусоре, начиная суетиться. Даже самый опытный шаман может дать слабину и вернуться к человеческим естественным порочным процессам. Мы, в конце концов, остаемся людьми до последнего. Мы придумываем преграды, чтобы через них проходить. Мы строим воздушные замки, чтобы их достигать. Мы создаем иллюзии, чтобы им верить. Это всё присуще нашему естеству.

– Как же от них избавиться?

– От них не нужно пытаться избавиться, ибо это невозможно. От собственной природы не стоит бежать, как и от всего другого. Разница странника и человека в том, что странник радуется тому, что ему было дано, не забывая главную истину.

– Истину нашей бессмыслицы?

– Скорее метаморфозы. Вселенная существует циклами. Солнце восходит, солнце заходит. Наступает зима, наступает лето. Луна приносит прилив, луна уходит вместе с отливом.

У человека происходит то же самое: полоса чёрная и полоса белая; грусть и радость; приобретение и утрата; жизнь и смерть. Мы заложники обстоятельств. Метаморфоза заключается в том, что странник сохраняет своё состояние вне зависимости от смены циклов. Он начинает существовать вне всего этого. Он не ощущает боли, печали, скорби, потери – для него остаётся один порядок вещей. Он не может изменить циклы, он в силах поменять отношение к ним.

– В этом есть его путь?

– Да. Преобразование на фоне стабильности окружающего мира. Может быть, в этом заключается эволюция, а, может, и очередной побег. Оценочной конечной точкой по итогу всегда является счастье и свобода. Это танец с мироустройством. Человек не борется, не подстраивается, он лишь танцует.

Назар еле успевал за потоком информации.

– Философия, которой придерживается странник, не ограничивает и не оспаривает никакие прочие взгляды. В мире Бога слишком много парадоксальности и несправедливости. В мире атеизма слишком много безысходности для дальнейшей жизни. В мире существования ради исключительного наслаждения слишком много границ и врагов. Наш путь вечного танца самый приемлемый. Мир принятия и стоицизма ради смеха, удовольствия и самоотдачи подходит каждому. Кем бы человек в этой жизни не был, он понимает, что здесь задержится ненадолго. Странники не здесь и не

там, не в прошлом и не в будущем, они повсюду и уже навсегда. Они не существуют для себя, а только лишь для других. Они как порталы в человеческой оболочке, приоткрывающие вселенную.

Нагваль затих, даже не обернувшись поглядеть на Назара. Парень начинал вникать в суть, но вопросы не исчезали, а наоборот прибавлялись. Он вспоминал многие ситуации из жизни Нагваля, которым ему довелось стать свидетелем, и не осознавал, почему мужчина ещё не отрекся от большей части того, чем существует сейчас. Многие вещи не состыковывались с философией и даже препятствовали ей. Но в данный момент Назар мог не понимать. Невозможно принять многого, пока это сам на себе не испытаешь. Можно давать наводки пути, но чтобы полностью прозреть, нужно пережить.

Деревьев вокруг стало меньше. Под ногами выступал душистый мох, наполненный влагой. Крохотные цветы разбросались по поляне. Создавалось впечатление, что их бутоны висят в воздухе. Лес стремительно возвышался. Стаи любопытных ворон не давали покоя и сопровождали путников своим карканьем. По пути попала река, из которой двум товарищам удалось вдоволь напиться.

– Стоит набрать с собой в дорогу воду. Скоро нас ожидает переход через горный перевал, – предупредил Нагваль.

Наполнив заготовленные бутылки, странники двинули в путь. Назар ощущал небольшую усталость под тяжестью сво-

его рюкзака, но вмиг старался её отгонять, так как впереди ждал более серьезный промежуток пути. Над верхушками деревьев вырастали горные цепи, острыми неровными хребтами врезаясь в голубой небосвод. Тропинка перешла из мягкого мха в твердое каменистое покрытие. Вскоре Назар понял, что дорога подошла к тому самому перевалу, так как Нагваль остановился передохнуть.

– По ту сторону горы у подножия озера располагается шаманская заброшенная деревушка.

– Ясно.

– Нам не помешало бы подзарядиться топливом, – заявил Николай и достал из кармана ранца пакет со смесью орехов и изюма. Он достал оттуда горсть и пересыпал половину в ладонь друга. – Лучшего быстрого восстановления энергии не сыскать на белом свете.

– Осталось только обуздать эту вершину, – подметил бодро Назар и закинул горсть питательных веществ в рот, запиная глотком воды.

– Она не так страшна, как кажется.

После этих слов парни начали подъём. Атмосфера места, действительно, оказалась очень таинственной. Корни практически голых деревьев торчали из земли. Серые камни разных размеров были сложены природой в пугающие фигуры, верхушки которых покрылись мхом. То и дело по тропинке пробежит какой-нибудь дикий зверёк. Одурачивающий аромат горных трав расправлял легкие и кружил голову. Подъ-

ём уводил в широкую расщелину между двух гор. Из-за благоприятного расположения солнца лучи света попадали прямоком туда и обогащали, казалось бы, отсоединенный от мира уголок, растительностью. Нагваль шёл размеренным шагом и срывал по дороге понравившиеся ему цветы, предварительно озвучивая их сложные названия. Как в первый день знакомства, – подумал Назар. У Николая в руках образовался уже целый букет, когда перевал предстал перед путешественниками во всей красе. Тень листвы накрыла тропу, неприхотливые деревья росли из расщелин под самым удивительным углом, лучи светила сбивались на твёрдой земле в ярко-оранжевые лужи.

– По преданию, – вернулся к легендам Нагваль, – именно сюда поднимались старые шаманы из деревни умирать. Они покидали свой дом, дабы не обременять своих родных неудобствами и страданиями, и приходили на перевал встречать смерть.

– Неужели родные их отпускали? – глядел Назар с интересом по сторонам, ожидая наивно увидеть призрак или скелет.

– В их племени смерть другого человека являлась праздником. Освобождением от вечной борьбы. Они продолжали танцевать и петь у своих костров, тем самым подпитывая душу усопшего для дальнейшего пути. Родные хотели, чтобы тот не переживал и легко простился с земной жизнью, ведь рано или поздно им всем суждено было ещё повстречаться.

Каждый предполагал для себя и любимых долгую вечность, к которой надо привыкать.

– Как же старики понимали, что приходит их конец?

– Они были очень пожилые и немощные. Сил хватало, чтобы взобраться на гору, подыскать себе уединенное спокойное место и ждать кончины. Никто в деревне не был вправе препятствовать их решению и пытаться вернуть человека обратно. У каждого воина наступает момент, который ставит точку в пути.

– И странствие заканчивается?

– Нет. Для странника это только часть пути. Ты скоро пойдешь.

Больше Нагваль ничего не сказал и позволил Назару насладиться собственной фантазией среди старых деревьев, проводивших на тот свет неисчислимое количество шаманов.

Перевал закончился. Перед глазами предстала картина огромного голубого озера, на берегу которого раскинулись развалины былой деревни. С высоты птичьего полета дома выглядели как игрушечные, к ним вела выдолбленная в горной породе лестница, или то, что от нее осталось спустя долгое время.

– Это то самое поселение ? – поинтересовался Назар.

– Да, – подтвердил Нагваль.

Медленным осторожным шагом путники начали спуск. Ступени оказались покалечены годами, большинство разва-

лилось под силой дождя и камнепадов. Приходилось оставаться начеку, чтобы не упасть кубарем вниз. Ближе к низине поверхность становилась более пологой, и значительно легче было сохранять координацию. Скоро каменистая земля сменилась чернозёмом и травой. Деревня продемонстрировала себя с другой стороны. Останки домов располагались недалеко друг от друга, практически ни одно не осталось целым, везде наблюдалась пробоина в стене или крыше. Земля давно заросла высокой травой, через которую пришлось с трудом пробираться.

– Даже не верится, что здесь когда-то жили люди.

– Это было очень давно. Удивительно, что вообще время не стерло полностью место с лица земли.

Где находился колодец; где отмечались части самодельного забора; посередине выделялось высокое строение с небольшой открытой площадкой на верхушке: по всей видимости, бывший храм или церковь.

– Жилища построены без единого гвоздя. Внутри ничего не было, помимо печки, да лавочки.

– Чем же они здесь занимались?

– Травы в основном собирали, скот выводили и углублялись в эзотерику.

Солнце спряталось за облака, и мистический купол накрыл деревню. От крошечной тишины кровь стыла в жилах. Нагваль дошёл до первого домика и зашел внутрь. Назар заглянул туда снаружи.

– Удивительно осознавать, что здесь когда-то жили люди из той же крови и плоти, что и мы. Их давно уже нет, и свидетелями их жизни остались лишь их дома. Здесь они молились, смотрели на звезды, растили новые поколения, думали, переживали внутренние превращения, ходили в лес, рыбачили на озере, радовались, грустили, а сейчас их нет. Только звезды так же светят, лес шумит, да озеро мерцает.

– Очень глубоко, если вдуматься.

– Намного глубже, чем кажется.

Николай дотронулся рукой до ветхой стены и взглянул ввысь сквозь пробоину в потолке на затянутое небо.

– В такие моменты понимаешь, что ты не один. И никогда таким не будешь. Этот факт определённо греет изнутри.

– Интересно, все ли хорошо было у хозяев этого дома...

– Надеюсь, что да, раз время не спешит сметать последние их следы.

Мужчина вышел и пошел дальше, с интересом разглядывая каждую мельчайшую деталь заброшенного места. Подобравшись вплотную к озеру, Николай остановился. По левую сторону зарослей травы виднелась пошарпанная деревянная лодка.

– Самый настоящий корабль, – улыбнулся Нагваль, – частенько пользуюсь его услугами. Нам предстоит переплыть озеро.

– Оно не маленькое на первый взгляд, – пожал плечами Назар.

– Да, и не такое простое. Мы преодолеем его ночью, когда духи предков спустятся на землю для очередного обряда с танцами и песнями.

– Неужели и правда будет что-то слышно? – не верил парень.

– Сколько тут бывал, столько раз оставался очарованным пением.

– С нами ничего не сделают плохого?

– Зачем? – усмехнулся Нагваль. – Они нам лишь только помочь хотят.

Назар уже не понимал, где в словах друга грань между реальностью и фантазией. Нагваль словно верил в им же придуманную сказку, но верил по-настоящему. Хотя одновременно парень и осознавал, что сейчас не нашлось бы такого, в чем бы он сам мог усомниться.

– Мы здесь пообедаем, потому что дорога будем дальней, озеро воистину громадное. Думаю, самое время разжечь костер.

Назар уяснил команду. Повсюду были разбросаны поленья и части заборов, и он мигом насобирал дров. На земле Нагваль соорудил из камней подобие кострища, и странники совместными усилиями разожгли пламя. Набрав в кастрюлю воду, они поставили её на жаркие языки пламени. Та мгновенно закипела, и Нагваль закинул гречневую кашу.

– Я бы здесь остался жить, – усевшись на землю, признался Назар.

Нагваль осмотрел еще раз заросшие дома, высаженные в ровный ряд деревья меж ними, горы на заднем плане – всё это было пропитано особенной атмосферой.

– Мы созданы для другого мира. Как бы мы не хотели сбегать, мы все равно вернемся к своим истокам. Туда, откуда и с чего начали.

– Почему?

Нагваль тщательно мешал гречку, чтобы та не прилипла ко дну.

– Потому что истинное счастье в начале. Мы даже не осознаем, как всю жизнь только и делаем, что возвращаемся. Мы обречены на основы счастья, которые в нас заложили изначально.

– Неужели ничего изменить или исправить нельзя?

– Только стать упертым искателем истины, вечно гонящимся за великим идеалом. Хотя можно просто вернуться к своим природным концепциям и обрести тишину и покой в кругу семьи и старости.

– Но великое счастье же существует?

– Конечно. Но какова цена. Ни один странник даже на мельчайшую долю не в силах представить, что его на самом деле ждет на выбранном им пути. Все предположения и догадки превратятся в ничто.

– Настолько все тяжело?

– Скорее невообразимо и странно. Жизнь играет с нами каждый раз, поступая по-своему. Когда мы стремимся к

большему и усложняем свою дорога, жизнь усложняет в свою очередь правила. Всё прямо пропорционально умножается до тех пор, пока будет не достигнута черта.

– Какая?

Нагваль закинул тушенку в густую массу и перемешал.

– Ты об этом узнаешь сам. Но поверь, каждый раз когда ты решишь, что достиг финала, ты себя жестоко обманешь. Странник по прохождению пути сам становится этим путём, так же и с концом.

Назар снова лишь мог улавливать слухом, но не понимать всю суть. Нагваль уловил озадаченное выражение лица парня.

– Не заморачивайся сейчас. Всё что ты можешь лучшего для себя сделать в данный момент -это накормить свой уставший организм. Величайшее благо и не сыскать другого на свете. Всё остальное придет со временем, гнаться за самим собой не стоит. Мы застряли в вечности и обязательно всё успеем. Главное, научиться не делать из этого проблему, и тихо в удовольствие созидать уже сейчас. Все эти учения ровным счетом облегчают твое бытие и твое заточение в человеческом теле.

Назару не стало легче, но он решил прислушаться и взялся за тарелку с вкусным обедом, который оказался очень даже ничего. Нагваль тем временем приготовил маленький чайник, залил туда воды и все собранные им растения он отправил на чай.

– Конечно, в астрал к шаманам мы не попадем, но напиток отведаем божественный.

Так и оказалось. Пламя нагоняло мощного жару и кипятков с заваркой себя не заставили долго ждать. Назар обонянием ощутил всю прелесть чая, но впоследствии и вкус превзошел ожидания.

Солнце начало плавно прятаться по ту сторону гор, что являлось первым знаменованием к наступлению вечера. Парни сытно поели, помыли посуду, немного полежали, подышав чистым воздухом, и затем решили продолжить своё путешествие.

– Достань сразу свой спальник из рюкзака, – предупредил Нагваль.

Назар недоуменно застыл.

– Мы что, будем ночевать в лодке?

– Может быть. Ночью на воде прохладно.

Парень понял, что совсем недооценил озеро. Он вытащил мешок со спальником, а остальные вещи закинул в лодку. Нагваль проверил дно, весла и одобрительно кивнул напарнику. Они вместе выпрыгнули на сушу и, опираясь ногами о землю, вытолкали лодку на воду.

– Вроде ничего не забыли.

– Да я и не прочь вернуться на такое место.

Странники посмеялись и с разбегу запрыгнули в лодку. Та покачнулась, но вскоре вернула равновесие. На берегу осталась сучать деревня. Дома, трава, черное пятно на земле от

кострища, тропа, ведущая к перевалу, останутся и дальше тосковать в истории. Становилось грустно за них, ведь, как и свое родное племя, они переживут и Нагваля с Назаром, и многих -многих других.

Лодка уходила дальше от берега, вода за бортом выглядела прозрачной настолько, что и на четырехметровой глубине можно было рассмотреть дно, устеленное камнями, водорослями и толстыми брёвнами. Закат ускорял темп. Палитра красок на небе, на водяной глади быстро менялась. Еще недавно преобладал ярко-голубой свет, теперь задержался томно-оранжевый, но постепенно прояснялось, что скоро оттенок превратится в бордовый. Нагваль с Назаром гребли веслами по очереди. Горизонт берега и деревни превращался в мираж. Парень решил прервать гармоничную тишину и задать вопрос товарищу, который его долго терзал:

– Ты говорил, что семья тебя остерегает от конца. Что ты этим хотел сказать?

Назар надеялся, что понятно сформулировал мысль и пристально ждал ответа Нагваля, который почему-то прекратил грести.

– Помнишь, – резко заговорил он, – мы шли по тому лесу, в который приходили встречать смерть пожилые шаманы племени?

– Да.

– Ты еще задал вопрос «приходят ли туда умирать молодые люди, которые не обременены старостью», и я ответил

«нет»...

– Это не так?

– Это так. Но существуют на земле еще места, похожие со своей историей. Туда приходят люди умирать разных возрастных категорий. Многие странники не встречают смерть, а ищут её сами.

– Где находятся такие места?

– Одно на Аляске. Путешественники считают почётом завершить свой долгий и пересытившийся путь в горах северного края. Они уходят глубоко в горы и теряются среди дикой природы. Кого съедают медведи, кого смывают реки, кто умирает с голоду.

– А второе?

– Второе носит философский и исторический характер. В Японии вокруг горы Фудзи лежит огромный лес. Он настолько непроходимый и путанный, что путники специально забредают в него, чтобы потеряться и рано или поздно обрести свою смерть. Туда уходят не состарившиеся телом, но износившиеся душой.

– То есть самоубийцы?

– Можно сказать и так. Но здесь большая разница. Такая же, как и с выбором обычных людей и странников.

– В чем же здесь разница?

– Странник с приобретением знаний и ясным взглядом на всё мироздание в конечном итоге приходит к главному выбору в своей жизни. Либо путь самоуничтожения, либо путь

самоотвержения. Абсурд, безысходность и отсутствие смысла приводят воина с его багажом мыслей к желанию всё прекратить. Грёзы освобождения после смерти очень заманчивы. Воин понимает, что ничего не изменит в этом мире, и с собственной кончиной, а также своих близких исчезнет навечно и вся связанная с ним история, включающая многочисленные испытания, тернии, осознания, утраты. Всё окажется зря. С вопроса «Зачем находить каждый раз силы и бороться с Левиафаном, который тебя все равно сожрёт» начинается самое страшное. Человек поселяет мысль внутри, и она его преследует.

– Как паразит? – переплетались в голове Назара мысли.

– Да. Это точно такая же идея, как и Метастазы. Только она намного сильнее, ведь не требует ничего. Она начинает согревать внутри воина. В любой трудной ситуации он возвращается к ней, и она все больше подталкивает его к безрассудным действиям. Ему нравится себя уничтожать, ибо в себе видит главную причину своего несчастья. Воин не может винить других, он не может даже сослаться на судьбу. Он понимает как всё устроено, так же как и то, что только его мозг, его память, его живая оболочка - главные враги вечного покоя. У каждого живого существа на весах лежит инстинкт самосохранения, а на другой чаше абсолютно противоположное побуждение. У странника или воина оно в разы тяжелее, ведь ему известно больше, чем обычному человеку.

– Но как же тогда воины сдаются?

– Их убивает самый, казалось бы, незначительный в сравнении с общим багажом опыта миг или случай. Океан внутри воина всегда переполнен, именно это делает его неуязвимым от многих глобальных проблем, но именно мелочь может переполнить этот океан и освободить его. Воины не видят в этом трагедию, ибо знают, что весь их путь ведёт в никуда, вся их борьба заканчивается поражением. Как раз это и отличает их от самоубийц, которые накладывают на себя руки. Воин уходит просто в незащищенный мир и его организм, нуждающийся в безусловных потребностях, сам находит смерть. Он побеждает инстинкты и осознанно с воледелением приближается к концу.

– А что ты имел в виду под самоотвержением?

– Это другая сторона медали. Когда воин сбивается с пути, утрачивает интерес и жажду к своей идее, он ускользает от мысли самоуничтожения и начинает жить лишь ради других людей. С теми же мыслями о бессмыслице, об усталости, о незначительности, он наперекор себе и всему миру начинает наивно и глупо помогать ближним. Его идея, которой он посвятил жизнь, канула в бездну. Его путь никуда не привёл. Но он остается на земле, чтобы жить ради других. Его счастье начинает измеряться счастьем остальных. Он понимает, что полон изнутри тогда, когда всего себя отдаст без остатка. Он почувствует вновь себя спасенным, когда другого человека выхватит из лап темной пропасти. Вот такая лишь существует альтернатива безмятежного небытия. Каж-

дый странник приходит к такому выбору в своё назначенное время. Улитка либо дальше поползет на последнем издыхании к вершине Фудзи, либо обретет покой в близлежащем лесу.

Назар начал понимать то, что хочет донести ему Нагваль и ужаснулся.

– Неужели каждый путь и каждая идея теряет для воина смысл?

– Всё возможно. Странник должен быть ко всему готов. Это как с любовью. Как со счастьем. Мы должны наслаждаться ими, но быть готовыми к любому исходу. У всего есть свой конец в земной жизни, этому подтверждение смерть.

– Даже Метастазам?

– Многие люди пытались сотворить что-то вечное, и они исчезали прежде, чем смогли увидеть результат. Мы никогда не узнаем, исчезнет ли наше дело или останется жить в людях навечно. Может быть, через столетия после нас какими-то отголосками, формулировками, или даже преображениями Метастазы всё-таки продолжают существовать.

Нагваль отпил из бутылки воды, позволяя пересохшему горлу немного освежиться. На его заднем фоне догорал закат и на фоне разлитых кровавых небесных красок летели стаи птиц. Этот день навсегда умирал и растворялся в общей истории, чтобы дать возможность родиться новому.

– Почему некоторые странники сдаются, а некоторые

несмотря ни на что продолжают путь? – не мог ни спросить Назар, потому что в его памяти неожиданно всплыли моменты недавнего печального прошлого.

– Мы не в праве никого судить. Самые сильные личности в итоге приходили к полному опустошению и начинали искать умерщвления. Одно могу сказать точно: будь то странник, доживший до глубокой старости, или странник, покинувший мир раньше предположенного нормой – каждый из них знал с чем сталкивается и не раз с этим сражался, оставаясь победителем.

– Ты о чем? – пытался уловить мысль парень.

– Скоро узнаешь, – улыбнулся Нагваль, – ни один воин не покончит собой, пока не познает себя и всю сущность жизни и смерти. Люди слепо ступают в неизвестность, странник же возвращается в родной дом.

Назар понял, что большего не сможет извлечь из Николая, так как тот откинулся на спину и запрокинул голову назад, устремляя глаза в небо. Назар долгое время летал где-то в пустоте сознания, потом сделал глубокий вдох и ощутил приятную влажность тумана, покрывающего гладь озера. Парень коснулся воды, та оказалась прохладной. В тот момент он безмерно был рад, что может её ощутить, и что она наполнена жизнью. Его пальцы легонько били по поверхности, удар отражался на воде разрастающимися кругами. Назар почувствовал счастье внутри. Такое легкое и ни от чего независимое. Счастье, переполненное благодарностью всему

вокруг. Очевидно, что люди обречены и ничтожны, но это больше не имело значения. Какая разница, если ничего изменить нельзя, а ты уже счастлив. Назар обратил внимание на товарища и понял, что тот испытывает то же самое. Точно одна волна окатила двух путешественников одновременно. А может это как раз продвижение по дороге к вечному счастью? Может, то самое слияние с путём в единое целое? Если даже и так, то в данный момент парень четко осознавал, что дальше нужно делать. Вера в идею росла, а значит, Назар был готов к новой ступени.

Нагваль взглянул на друга и хитро улыбнулся, как всегда читая его мысли. Затем учитель широко раскрыл глаза и произнёс шепотом:

– Слышишь? Слышишь это?! Пение шаманов! Они вновь обратились к предкам...

Назар затаил дыхание и прислушался. Как не старался, а услышать он ничего не смог. Нагваль же все это время наслаждался слуховыми галлюцинациями. Парень усмехнулся про себя, приятно поражаясь сумасшествию друга. Уровень счастья Николая намного больше, чем у него, поэтому и виденья с кругозором шире. Наверное, действительно, до учителя доносилась какая-то шаманская мелодия старинных времен. Зато Назару оставались доступны звезды, не менее старинные и прекрасные, чем песни. Парень, не отрываясь, наблюдал с блаженным лицом за рождением всё более новых и новых галактик, пока не погрузился в глубокий сон.

...

Назар очнулся в положении свернувшегося калачика на дне лодке. За ночь ему довелось пару раз проснуться из-за непривычной прохладной обстановки, но по большей части спал «без задних ног». Лодка под утро заняла неподвижное равновесие. Назар, открыв глаза, обнаружил перед собой небольшой песчаный участок. Позади устремлялась ввысь стена леса. Парень приподнялся и проверил обстановку. Нагваль, как обычно, уже проснулся и готовил завтрак.

– Доброе утро всем странникам! – торжественно воскликнул он веселым тоном. – Угадай что у нас на завтрак?

Назар обратил внимание на торчащую рядом с товарищем удочку и обомлел.

– Да неужели рыба?

– Именно?

– Я уже трёх карасей поймал.

– Видимо, зря время не терял. Ты выспался?

– Вполне. Я всего лишь час назад поднялся.

Нагваль усиленно нагонял жару под сковородку, на которой шипело ароматное блюдо.

– Нашел травы, грибы и сотворил новый рецепт.

– Кажется, – посмеялся Назар, – в прошлый раз тоже самое было.

– Тогда совершенно другие использовал виды ингредиентов.

– Ладно, шеф, здесь ты главный.

Назар скинул с себя одежду и отправился искупаться. Вода поначалу показалась холодной, но движения быстро разогнали по телу тепло.

– Шикарная водичка.

– Пожалуй, её надо будет набрать в дорогу.

– Далеко нам ещё идти?

– Нет.

Нагваль сосредоточился на сковородке. Последил за ней ещё пару минут и вскоре отнял у костра.

– Налетай!

Назар вышел из воды совершенно бодрым. Солнышко приятно грело влажную кожу. Парень достал свою тарелку, приготовил кружку под чай и двинул к импровизированному столу.

– Обьедение! – похвалил блюдо товарищ, как только взял вилку в рот и распробовал.

– Да, – согласился Нагваль, отведав немного, – не хватает только пюре и свежих помидорок.

– Закатай губу, – захохотал Назар, – в нашем случае можно только изюмом закусить.

– Оставим его на вечер для каши. У нас ужин с завтраком поменялись местами.

– И палатки не пригодились, – подметил друг.

– Точно, эта лодка меня не раз уже спасает. А ночь, которую она дарит, ни с чем несравнима.

– Согласен. Никогда не доводилось проспять всю ночь на

воде под звездами.

– Многое ты в своей жизни упускаешь, дружище!

– Куда уж мне до потомка древних шаманов!

Оба с иронией посмеялись и обглодали косточки молодой рыбы.

– Пожалуй, можно допивать чай и отправляться в путь.

– Я не против.

Друзья закончили с завтраком, затем сполоснули тарелки, укомплектовали вещи и накинули на плечи завершающим этапом рюкзак.

– А лодку оставим здесь?

– Это тропа довольно таки известная, лодка обязательно кому-то пригодится, тем более, учитывая, что она моя.

Назар удивился, но ничего не сказал. Предела ошеломляющим фактам по поводу жизни Нагваля до сих пор не существовало. Проще было смириться и не заморачиваться. Друзья свернули на лесную тропу, которая вела вглубь чащи, и пошли по ней. Судя по запасам воды, путь предстоял не близкий. Долгое время парни шли молча и лишь иногда обменивались какими-то шутками или впечатлениями по поводу окружающей красоты. Лес находился в лучшей своей стадии цветения: цветы распускались, ветки покрывались зелеными кронами, травы с грибами испускали свой умопомрачительный запах, птицы сочиняли симфонии, соблазняя себе подобных. Путникам оставалось лишь наслаждаться.

– Я у тебя хотел давно спросить... – начал Назар, спустя

пару часов подъёмов и спусков по лесным холмам, – как ты решился взять на опеку Олесю и Валеру? Мне Егор что-то рассказывал, но я хотел от тебя это услышать...

Нагваль не прервал шаг и продолжал сохранять темп.

– Я хорошо был знаком с их родителями. С матерью дружили с самого института.

– Она тоже была врачом?

– Да. Только акушером. Замечательная женщина с очень добрым сердцем. Отец был очень веселый и семейный человек. На моих глазах родился и Валера, и Олеся. Родители их очень любили и посвящали им все своё свободное время, но судьба оказалась очень жестокой. Ты ведь знаешь, что они попали в аварию?

– Да.

– Мою бригаду как раз назначили на тот вызов. Я долгое время возился с предыдущим, так как у бабушки не сбивалась аритмия и вполне мог возникнуть инфаркт. Поэтому я задержался, но свободных врачей не было...

– Но они же погибли, как мне известно, на месте?

– Да, – с тяжестью вздохнул Николай, – но все равно меня очень долгое время терзала вина. Я, может, и мог что-то сделать, но порой мы заложники переплетения судеб разных людей.

Назар промолчал.

– Я очень долгое время находился в отчаянии. Это была одна из самых ужасных потерь в моей жизни. С этими

людьми связывало много хороших моментов, память о которых осталась во мне неизлечимой болью. В тот страшный этап жизни я понял, что нужен Олеся и Валере. Олеся была совсем маленькая и мало что понимала, а вот Валере пришлось тяжело. Очень сыграл свою роль Егор, который мне помогал. Для Валеры он стал наставником и лучшим другом, который своим не завидным примером жизни подбадривал его. Олеся же всегда обладала неким даром принятия. Она плакала по родителям, но никогда этого не показывала. Она до сих пор всегда старается улыбаться, потому что знает, что таким образом поддерживает и своего брата, и меня. Девочка оказалась намного сильнее нас всех вместе взятых. Я думаю, её дар с возрастом раскроется в полной мере. Она станет великим человеком, как и Валера. Ему главное не сбиться с пути. Я очень надеюсь, что внутренний компас его не подведет.

– Но он же прислушивается и к тебе, и к Егору..., – вставил Назар.

– Да. Но у него свой путь, которому я не могу препятствовать. В нём очень много энергии, которая может обернуться против него. Но я сделаю всё возможное, чтобы они стали настоящими и счастливыми людьми. Ведь на самом деле это они меня тогда спасли. Именно они подарили мне новый смысл. Мы стали друг для друга Метастазами, которые после этого начали набирать обороты.

– Может быть, все так и было задумано.

– Не знаю. Но в первую очередь мы сами себе творим жизнь и нельзя никогда сдаваться. Поэтому, что не произошло бы, я их учу оставаться сильными.

Назар улыбнулся, чувствуя отцовскую заботу.

– Мы все равно от кого-то зависим, пока живем. От этого никуда не деться, – усмехнулся он в заключении. – Главное, дать понять себе и тем людям, что любовь будет жить и после нашего ухода, а, значит, мы ничего не потеряем.

– Что ты имеешь в виду?

– Что нам всем когда-то придется проститься на время, чтобы вскоре встретиться вновь, но уже в другой форме, в другой жизни.

Назару странно было слышать подобные слова, но необходимо их воспринимать как данность.

– А как вы познакомились с Лето?

Парень подумал, что на этот раз попытка будет удачной, но услышал молниеносный ответ:

– Это он тебе сам когда-нибудь расскажет.

Назар печально буркнул.

– После того, как переслушаешь всё его творчество, – добавил в шутку Нагваль и снял напряжённую паузу общим смехом.

Дальше парни шли в полной тишине, каждому было о чем поразмыслить. Иногда они останавливались передохнуть, посмотреть окружающую природу, попить воды, сорвать ягоды и съесть их вместе с орехами. Но затем снова

отправлялись в путь.

...

Сумерки сгущались над лесом. На тропе, окруженной деревьями, становилось мрачнее. Назар уже хотел напомнить Нагвалю о необходимости остановки. Но вдруг на отрезанной от чащи поляне в угасающих лучах солнца путник заметил маленький домик.

– Не узнаешь? – с улыбкой поинтересовался Николай.

Парень присмотрелся, но ничего знакомого в хижине не нашёл.

– Домик расположен неподалеку реки и водопада.

Тут Назара и осенило. Оказывается, странники пришли на то место, где состоялось их первая встреча.

– Это тот самый домик лесника?!

– Да. Только это моя лачуга на самом деле.

– Правда? – вытаращил глаза парень.

– Ага. Очень–очень давно построил.

Назар пребывал в изумлении от того, насколько многое оказалось переплетено. Поначалу даже не верилось, но Нагваль открыл с лёгкостью дверь, и сомнения отпали.

– Здесь и заночуем, – положил конец долгому дню учитель и, оставив тяжёлую дверь приоткрытой, зашел внутрь дома. Хижина, словно маленький антропологический оазис, разбавляла природу леса. Деревянные старые брусья, возведённые в стены и сложенные треугольником в крышу. Единственное окошко. Вколоченная в землю ступень на входе.

Не больше, не меньше - всё что нужно. Назар с облегчением последовал за Нагвалем. Внутренний мир дома располагал двумя самодельными койками, столом посередине и кухней с многочисленными полками, забитыми всяческим барахлом: наподобие стеклянных банок, консервов, инструментов, книжек. В нос ударил запах древности и земляной сырости. В полу скреблись мыши, а углы занимали пауки, возводившие свои липкие ловушки для мух и комаров. Атмосфера сохранялась очень даже уютная. Нагваль зажег закоптившуюся лампаду и озарил комнату тусклым светом.

– Как тебе в голову пришло построить здесь дом? – не мог никак налюбоваться Назар.

– Я просто люблю это место, поэтому решил здесь немного обжиться.

Парень скинул рюкзак и, выдохнув, уселся на матрац, пахнувший сеном. Тело обмякло, мышцы до сих подергивались от переутомления. Не верилось, что путь окончен.

– Есть хочешь?

– Что-нибудь перекусил бы, но немного.

– Давай тогда с кашей не станем возиться, ещё успеем её подавиться... Просто хлебцы с колбасой и паштетом поедим?

– Согласен, – резво отозвался на предложение парень, – я тогда на чай воду вскипячу.

– Река прямо по дороге к обрыву, а костер можешь на поляне развести.

Назар захватил чайник и неспешным шагом направился за водой. Стоило подойти к деревьям по указанному направлению, как тут же донесся приглушенный кронами деревьев шум реки. Парень начал довольно ровный спуск вниз. Кочки медленно убывали к низине, по дороге повстречалось много муравейников и грибов, которые парень решил сохранить на завтра. Расстояние от дома оказалось совсем небольшим, и через несколько минут Назар уже стоял у берега знакомой ему реки. В первую очередь он посмотрел по сторонам и слева обнаружил водопад, темным громким потоком срывающийся вниз. Справа вдаль мерцали на фоне розового неба горы, которыми парень ещё не так давно любовался из своей палатки. Он вспомнил, как познакомился с Нагвалем, два будущих друга чуть не погибли в ту ночь. Ладонь прикоснулась к воде и ощутила тот же холодок, что и ушедшей весной. Горные реки всегда остаются холодными и неприступными. Меланхолия нахлынула на Назара. Это место как-то по-особенному действовало на его душу. Он помнил, к чему был совсем близок в тот момент и полностью сейчас уверен, что дошёл бы мысли до результата. Чайник наполнился и путник, набрав опьяняющего воздуха в легкие, отправился обратно к хижине.

Нагваль с открытой дверью суетился на кухне. Назар, собрав сухих веточек по дороге, развел маленький костер на окраине поляны. Он разглядывал темный лес и наслаждался домашним уютом. Вода быстро закипела, и парень поспешил

с кипятком к ужину.

– Нарезал нам с лихвой, надо восстановить силы, – Нагваль поставил на стол доску с кучей бутербродов.

– Это точно. Зато ощущается невероятная лёгкость.

– Налетай.

Они с аппетитом умяли весь ужин, который показался необычайно вкусным. Затем попили чай с мёдом и почувствовали, что начинает клонить в сон.

– А завтра что будем делать? – спросил Назар, тяжело хлопая сонными глазами.

– Придумаем что-нибудь, – бросил Нагваль.

– Тогда я спать.

– И я.

Назар лег на матрац, подложил теплые вещи под голову вместо подушки, укрылся спальником и умиротворенно уткнулся лицом в стену. Нагваль потушил лампаду и свалился на своё место. Через минуту настала полная тишина.

...

Назар пробудился посреди ночи из-за едкого запаха гари. Сначала ему показалось, что это сон, но дым начал продвигаться в воздухоносные пути и вызывать кашель. Парень вскочил с кровати и понял, что вся комната заполнена дымом, а за окном бушует пламя, захватившее стену дома. Путник мигом выпрыгнул из спальника, посмотрел на соседнюю кровать, Нагваля там не обнаружил. Юноша в испуге выскочил наружу, понимая, что начинает задыхаться угарным га-

зом. Дверь была открыта, Назар отпрыгнул с порога на три метра и моментально сделал глубокий вдох чистого воздуха. Глаза вырывались из орбит. Он начал осматриваться в ужасе по сторонам и увидел рядом с огнём стоящего Николая, который, как ни в чем не бывало, наблюдал за действиями своего друга.

– Что это?! – воскликнул Назар, подбегая ближе. – Что случилось?! Почему ты стоишь?!

Нагваль сохранял спокойствие, в его глазах мерцал свойственный ему ехидный огонек.

– Ты можешь объяснить, что происходит! – вне себя от страха кричал Назар на весь лес.

Нагваль разглядывал с интересом напарника, а потом тихим голосом сказал:

– Помнишь, ты меня спрашивал, зачем люди продолжают жить, если всё бессмысленно, и они об этом знают?

Назар не мог поверить своим ушам.

– Это ты поджег дом?!

– Помнишь? – стоял на своём безумец, придумавший новую уловку, которая чуть не погубила Назара.

– Да! Да! Помню! Ты с ума сошел?! Я же мог там задохнуться!

– Так вот, именно поэтому и живут. Они боятся умереть и всеми возможностями цепляются за эту жизнь. С каждым годом, с каждым новым осознанием, которое, казалось бы, наоборот отвергает саму жизнь. Люди инстинктивно приви-

кают к своему существованию и не могут с ним проститься. Продолжают ненавидеть себя, мир, но всё равно остаются.

– А ты что, – злобно крикнул Назар, – хотел, чтобы я там остался добровольно ждать удушья?!

– Нет, – продолжал Нагваль в том же настроении, – я хотел тебе донести то, что ты не можешь проститься просто так с жизнью, как и каждый из людей. Ты должен смириться с тем, что твой мозг запрограммирован жить. Как бы ты не боролся и не препятствовал ему, ты всё равно продолжишь существовать вопреки своему желанию. Каждый воин носит это смирение и не оспаривает тот факт, что он всего лишь человек, который не должен строить из себя сверхнеуязвимое существо. Мы заложники своих страхов, рефлексов и инстинктов. Другое дело, когда знакомишься с ними и принимаешь их сущность.

– Но люди же кончают с собой?! Значит, у них получается побороть себя!

– Это глупая жертва. Они просто хотят доказать себе что-то, но ничего при этом кардинально не меняя. Остались те же нерешенные проблемы, те же фобии, те же комплексы. Человек не освобождается, он прячется в небытие от жизни. А воин, прежде чем сделать какой-либо окончательный выбор, знакомится с каждым состоянием лично.

Назар схватился за голову, не веря происходящему. Он не подозревал, что Нагваль способен на подобное.

– Может..., – крикнул он, – хотя бы дом потушим, пока

не стало слишком поздно?! Всё-таки твой...

– А, да, – вспомнил сумасшедший о пожаре, – пожалуй.

Он развернулся и специально заготовленными ведрами с водой начал тушить детище своего воспаленного разума. Назар мигом присоединился к нему. Брусья из-за регулярных дождей были пропитаны влажностью, поэтому огонь не успел добраться до крыши. Спустя несколько ведер путешественникам удалось остановить пламя. перевозбужденный Назар для надёжности еще пару раз сбегал к реке и притащил дополнительные запасы, но на стене лишь осталось обугленное черное пятно, кишащее дымом.

– Это просто невероятно! -не мог угомониться Назар. -Ты собственными руками поджег свою хижину, где находились твои вещи, ну и до кучи, непросвещенный я! Как тебе это вообще в голову пришло?!

– В первый же день, когда ты собирался покончить с собой, – неожиданно изрек Нагваль.

Назар застыл на месте, мозг полностью отключился.

– Что? – переспросил он, не понимая, послышалось ему или нет.

– Ты же хотел сброситься в ту ночь с водопада и свести счеты с жизнью.

Внутри парня разгоралась буря.

– Что?! Да ты спятил! Это я же тебя спас...

– Ошибаешься, – улыбнулся Нагваль.

Назар затряс головой, начиная понимать реальность про-

изошедшего того дня.

– В тот день я находился в своём домике и заметил тебя с рюкзаком. Мне стало интересно, и я долго за тобой наблюдал. По твоим беспокойным странным повадкам не сложно было определить, что ты забрался в безлюдную глушь не просто так, тебя явно внутри что-то одолевало. Когда ты направился к водопаду, я всё понял и поспешил тебя опередить.

Назар выпучил глаза на товарища:

– Так ты не собирался себя утопить в той реке?

– Нет. Я знал, что ты меня вытащишь и тем самым не дашь себе умереть. Лучший способ выхватить человека из лап его смерти – это позволить ему не дать лапам сомкнуться над жизнью другого. Он забывает о своей участи и чувствует себя обязанным перед человеком, которого спас. Он готов идти до конца.

– То есть, ты таким образом вернул меня к жизни? – Назару хотелось спорить, но факты оставались наглядными.

– Метастазы, друг мой, – не сдержал смеха Нагваль, – я подтолкнул тебя к жизни с помощью побуждения к доброму делу. Спасать кого-то ведь так заразительно. Наша идея так и работает.

У парня отпала челюсть, и вырвался нервный смешок. Он даже забыл о пожаре и пережитом стрессе.

– Заразителен, кстати, как смех.

– Я просто не верю тому, что слышу.

– Именно поэтому я был убежден, что ты на следующий день последуешь за мной. Человек думает, что он сам совершает выбор, но на самом деле за него решает его добрая душа.

Назар пребывал в полнейшем шоке. Многое теперь стало ясно. Тайны их загадочного знакомства больше не существовало. Многое происходит не так, как думалось до последнего. Всё по-другому и надо это признавать.

– А теперь, – прекратил смех Нагваль, – раз ты знаком с правдой, которая чуть тебя не убила, тебе нужно перешагнуть и следующую черту, которая тебя приведет на третью ступень.

Назар сосредоточил своё внимание на Нагвале. Парень даже и подозревать не мог, что этот момент настанет настолько неожиданно.

– Каким образом я это смогу сделать?

– Пошли за мной.

Николай развернулся и направился в сторону реки, даже не оглядываясь на ещё не остывший до конца дом. Назар плюнул и последовал за ним, всё нутро дрожало от непредсказуемости дальнейших событий. Нагваль целеустремленно шёл к речке, а затем свернул влево, не доходя до заводи.

– Жизнь и смерть нами играют, подбрасывая ситуации, в решении которых мы редко оказываемся вершителями. Мы выступаем в роли марионеток, которыми управляет судьба нитями чувств и внутренних переживаний. Человека очень

легко сломать. Огромная бездна вариантов имеет место в нашем жестоком мире, которая может уничтожить человека. Людям кажется, что их это не коснется, но они слишком наивны. Бездна глубока. Чем больше глаза наблюдают за историями разных людей, тем уверенность в общей человеческой выживаемости сводится ближе к нулю. На каждую личность найдется трагедия, которая разрушит его изнутри, поле экспериментов у судьбы велико. Задача воина познать на себе абсолютно всё, чтобы не оказаться сломленным. Он отказывается от вещей, которые могли бы его сдвинуть с пути. Как ты уже понял – чем больше ты принесешь в жертву, тем больше получишь. Чем от более важного откажешься, тем станешь неуязвимее в дальнейшем.

Назар слушал изречения Нагваля и с зарождающимся внутренним страхом понимал, что они приближаются к водоподу.

– В первый раз ты попросился со своим прошлым, научился не привязываться, уяснил тот факт, что каждый из нас абсолютное ничто. На второй ступени ты отказался от понятия жизни. Ты увидел насколько она бывает ужасна, насколько глупо и бессмысленно её бояться требовать от неё что-то и обижаться.

Нагваль подобрался прямо к подножию скалистого подъёма. Назар боялся того, что он может сейчас услышать, но продолжал идти.

– Ты близок к освобождению в человеческой оболочке,

но ты не знаешь, что тебя ждет дальше. Странник не должен останавливаться на границе одной жизни, он должен идти дальше.

Николай карабкался вверх по выпирающим камням, стараясь не оступиться в темноте. На другой стороне реки Назар разглядел под лунным светом лужайку, на которой когда-то стояла его палатка. Сейчас там не было ничего.

– Любой человек рано или поздно приходит к осознанию, что всё перепробовал и всем насытился. Чем больше жизнь его калечила, тем он становился мудрее. Но при этом он не знал, что его ждет после смерти. Никто не знает. Отсюда и рождается страх, который сковывает существо на протяжении всего пути. Можно податься в религию, можно придумать и верить во что-то своё, но каждый со своей колокольней одинаково боится судного дня. Воину без разницы с чем он столкнется после смерти. Он уверен, что впереди его ждет либо полное исчезновение, либо ещё неисчислимое количество перерождений с новой историей и приключением. Он начинает понимать, что в любой момент может начать просто всё заново, его питают интерес и азарт. Ему ничего не стоит дожить эту жизнь до конца. Он понимает, что круговорот вещей не изменим, и его сущность в любом случае останется вертеться в своем колесе. Воин переступает черту этой жизни и уже рассуждает и странствует за её границами. Смерть остаётся для сознания позади, как пройденный этап.

Нагваль забрался на самую вершину, и Назар вскоре ока-

зался рядом с ним. Вот перед ними мощный поток воды, огромный валун, разделяющий течение на две части, и чёрная пропасть под ногами. Николай посмотрел своими искрящимися на фоне ночного неба глазами прямо в душу Назара.

– На третьей ступени странник отказывается от смерти. Он принимает тот факт, что когданибудь умрет и, скорее всего, это может произойти в любой момент. Он принимает как данность, что инстинктивно может испугаться и спасти себя от неё. Но при всем этом он находит силы для осознанного знакомства с нею. Вольный разум одерживает победу над безусловностью собственной природы. Он даёт понять, что сильнее её.

Назар в ужасе догадывался, что Нагваль задумал сделать и нервно тряс головой.

– Но... Зачем?! Кому я что-то докажу этим?!

– Себе. Нельзя пройти до конца весь путь, не став с ним одним целым.

– А что изменится с этим шагом?!

– Ты. Мы ничего не меняем снаружи, мы меняем себя внутри. Только тогда преобразится и сама карта жизни.

– Но если я погибну?!

– Ты не погибнешь, я это знаю. Но если ты не сделаешь, то страх сожрёт тебя изнутри уже точно. Ты начал этот путь и назад вариантов идти нет. Воин не может жить другой жизнью, он двигается лишь вперёд. Твой час ещё не пришёл, ты только подбираешься к самой сути. К вечному счастью и

освобождению.

Назар смотрел с гневом на настоящего психопата и до сих пор не верил, что когда-то связался с ним. Нагваль отвел взгляд и подошел ближе к обрыву.

– Мы приобретаем больше, чем можно даже представить. Начинаем видеть по-другому, думать по-другому, жить по-другому. Мы переходим пороги сознания. Доходим туда, где ещё до этого никто не бывал. Мы плюем в лицо смерти.

С этими словами, произнесенными в полном спокойствии, он спиной назад плавно полетел вниз. Назар дернулся, но Нагваля унесло потоком воды. Испытываемое им чувство нельзя было описать, появлялись мысли о собственном помешательстве. Мозг совершенно потерял контроль. Парень пытался нормализовать мышление, но ничего не получалось. Ноги тряслись, сердце колотилось, глаза бегали в разные стороны. В один момент Назар подавил в себе все злополучные внутренние процессы одной сквозной мыслью «будь что будет, другого исхода нет» и с диким воплем, насколько позволяли дрожащие непослушные ноги, оторвался от земли и полетел во мглу. В тот же миг он почувствовал, как его подхватил водопад и понес с невероятной скоростью вниз. Назар даже не успел понять насколько он беспомощный в данном положении и что его вполне могут ждать на дне реки смертоносные подводные камни, как ощутил сильный удар о воду правой ягодицей и участком поясницы. Водоворот его закрутил на глубину, парень смиренно погружал-

ся дальше. Потом его вернула в себя мысль, что он остался жив, а тело начинает уносить от оглушающего водопада течением реки. Назар движениями рук помог себе выбраться головой к воздуху. Когда в глазах прояснилось, и кислород поступил к мозгу, парень понял, что с довольно приличной скоростью мчит мимо леса прямо к знакомым опасным порогам. Он глянул в сторону и увидел, что к нему устремляется чёрная фигура. Нагваль добежал до камней и потащил товарища за шкурку на себя. Назар ему помог, оперев ноги о камни, и по итогу оказался спасённым. Оба тяжело отдышались и затем захохотали, как два напрочь свихнувшихся дурака. Каждому из них ничего не хотелось так сильно, как вдоволь насмеяться.

– Теперь мы в расчёте, – похлопал по мокрой футболке Назара учитель.

– Да пошел ты, – отмахнулся парень и в изнеможении откинулся спиной на валун, омываемый бурной рекой.

Улыбка не сходила с лица, которое ещё недавно белело от ужаса. Не было ни гордости, ни радости за совершенный поступок. Мысли покинули голову юноши. Он смотрел просто на небо и ощущал неопишемую лёгкость. Прямо сейчас казалось, что он может спокойно вспорхнуть ввысь и улететь вместе с ветром в далёкое бесконечное путешествие. Гулять по этому миру или совершенно другому. Странствовать по этой жизни или следующей. Было уже совершенно плевать на то, где и как.

Глава 9. Ещё глубже

Обыденная жизнь вернула Нагваля и Назара в своё русло. Не успели они добраться на поезде до дома после нескольких дней странствия, как тут же начались экстренные звонки. Первый ближе к ночи, когда оба друга намеревались лечь спать на свои койки в купе: позвонили диспетчера с подстанции и попросили выйти доктора завтра на смену. Николай не мог отказаться, даже будучи невероятно уставшим. Соглашаться на всё, что подкидывает судьба – являлось одним из важнейших правил воина. Он дал добро на просьбу и заодно предложил составить компанию Назару, парень тоже не нашёл причины отказаться. Они легли спать, чтобы хоть немного прийти в себя после бурных выходных. Ночь пролетела быстро и спокойно, стоило лишь закрыть глаза.

Как только друзья выгрузились с вещами на платформу и дошли до вокзала, раздался на мобильник Нагваля еще один звонок. Звонил Валера. Николай взял трубку, радостно его поприветствовал, но через буквально мгновение его лицо накрыла тень серьёзности. Мужчина больше слушал, чем говорил. В итоге закончил разговор, сказав: «Хорошо, мы сейчас съездим». Назар тоже заволновался и, как только товарищ сбросил, сразу поинтересовался что стряслось. Оказалось, что подруга детства Валеры, сильно заболела, но не хочет сама беспокоить скорую, боясь, что её госпитализируют.

– А что в этом такого? – спросил недовольно Назар.

– У неё маленький ребенок на руках, – ответил Николай. –

В общем, надо съездить, ничего толком не понятно.

Коллеги вызвали такси до подстанции, доехали к положенным часам, быстро переоделись и, пока Назар проверял ящик с лекарствами, Николай сбегал в диспетчерскую.

– Все, я договорился, чтоб нам дали первым вызовом эту девочку. По всей видимости, там что-то серьезное. – Заявил он по возвращению.

Назар взял заряженный кардиограф и двинул за доктором. Водителем оказался не Саша, а другой молодой и чрезмерно болтливый парень. Николай дал понять, что ему сейчас не до разговоров и сразу назвал нужный адрес. Путь лежал к окраине города, поэтому пришлось несколько раз включить мигалки и объехать пробку. Машина доставила медработников довольно быстро. Их ждал старый, окружённый лесом район.

– Военный городок, – пояснил Нагваль, выходя из машины, – раньше здесь выдавали квартиры летчикам.

Назар посмотрел на изжитый себя неухоженный дом и, вдохнув чистого воздуха, направился к подъезду. Лестничные пролёты пропахли домашней едой. Прохлада, исходящая от бетонной лестницы, возвращала в детство: когда после футбольного матча во дворе малым спешешь на обед; ждёт бабушка, и ты должен успеть вовремя, чтобы потом отпустили поплавать на речку.

Нагваль разыскал нужную дверь и позвонил в звонок.

Долгое время никто не отвечал. Думать оставалось что угодно, но Николай нажал ещё несколько раз. Наконец дверь открылась, медработники увидели на пороге совсем невысокую, на лицо милостивую, девочку. Назар решил, что открыть вышла младшая сестра, так как пациентке не здоровится.

– Добрый день, а кто вызывал скорую помощь? Мы правильно попали? – так же, видимо, подумал Николай.

– Здравствуйте. Да, да, всё правильно. Это мне. Я заболела, кажись..., – бледное лицо окутала гримаса жалости, детские черты исказились в боли.

– Вы Таня? – спросил Николай.

– Да. Я не хотела вас отвлекать, – девушка держалась за живот, – просто Сад нас... То есть, Валера настоял на скорую. Он сказал, что вы очень хороший специалист...

– А он сам где?

– Пошел за обезболом в аптеку, сейчас должен вернуться. Ой... Что-то я вообще не могу...

Лицо стало еще бледнее, вплоть до землистого цвета. Девушка хотела подавить позыв, но все равно её вырвало прямо на пол.

– Давайте пройдем на кровать, – поспешил Нагваль, – не беспокойтесь, потом кто-то уберет. Вам сейчас нельзя лишних телодвижений совершать.

– Простите, загадила тут всё, – говорила, откашливаясь, девочка своей специфичной манерой речи, – уже не знаю,

как подавить эту рвоту. Блюю и блюю... Слушайте, а это не может быть задержка? Вдруг я беременна?

– Сначала на кровать.

Девушка послушно прошла в комнату и уселась на нижнюю полку двуспальной кровати. Медработники сразу обратили внимание на детскую люльку, в которой тихо сосал соску грудной ребёнок.

– Это ваш малыш? – спросил Нагваль, вспоминая слова Валеры.

– Да. Дочка. Алиса.

Карапуз хлопал с интересом глазами, иногда шевелил ручками и ножками, но совсем не пугался и не плакал. Назар не мог до сих пор поверить, что столь юная пациентка является мамой ребенка.

– Ты одна живёшь?

– Нет, с мамой.

– Где она?

– Бухает. Третий день уже пропадает, – легко и непринужденно отчеканила Таня.

– Вы ей звонили? Говорили, что вам плохо?

– Она немного не в себе. Крыша поехала. Слушайте, может это правда беременность?! – заикнулась она. – У меня так же рвало, когда я носила Алису...

– Так, – Нагваль совсем оторопел, – укладывайтесь на спину и рассказывайте. Сколько месячный цикл у вас?

– Да, по-разному. 5-6 дней, как у всех.

– Это кровотечения... Хорошо, а когда месячные были последний раз?

– Дней девять назад, – отвечала, запинаясь, девушка.

– А половой контакт?

– Неделю назад.

– Ясно. Вы не беременны. Это что-то другое. Когда началось? Какие симптомы?

– Фух, – выдохнула Таня. – Я думала опять придется девять месяцев мучиться... Да живот болит постоянно. Отдает вниз, прямо в пи... Ну, туда.

– В пах. Тупые, острые, колющие боли?

– Острые. С поясницы.

Нагваль попросил повернуться и принялся пальпировать, в поясничной области девочка отзывалась болью.

– Сколько уже длятся такого рода боли?

– Месяц.

– То есть после рождения ребенка?

– Да. Может, съела что-то не то...

– Надо в больницу ехать и анализы сдавать. Кровь, мочу.

– Ой, опять. Как я не люблю это..., – фыркнула Таня и глянула проведать ребёнка, который продолжал себя очень послушно вести.

– Есть с кем дочку оставить?

– Нет. Мать в запое, подруг нет, я одна.

– А отец ребёнка?

– Он на работе. И он даже нас не навещает. Козел отка-

зался от ребёнка, – в её голосе не было злобы. Сказанное ею было наполнено живостью и каким-то желанием поразить слушателей.

– Ну а ваш отец? – не сдавался Николай.

– Ушел давным-давно из семьи. Но иногда помогает деньгами.

Назар заполнял бумаги и иногда в шоке поглядывал на юную особу, оптимизма которой было не занимать.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

Тут входная дверь хлопнула, и раздались шаги по коридору, вскоре в комнате появился Валера с пакетом лекарств.

– Приехали уже..., – заключил он, пытаясь после ускоренного бега.

Сад поздоровался со всеми рукопожатием, обменялся мельком улыбками с Назаром, но вскоре вернулся к ситуации.

– Ну что там?

– Надо ехать в больницу, сдавать анализы.

– Ой, Валер, такой хороший доктор! – искренне призналась, лежа на кровати, Таня. – Спасибо тебе!

– Давай не болтай, а слушай что тебе говорят, – кинул он ей. – Как так можно было запустить свои боли?!

– Да я же знала что ли...

– Давайте собираться, – прервал их Николай, – надо ехать срочно в приемное. Уколем ей Дротаверин с Кеторолом.

– Я купил, – начал рыскать в пакете Валера.

– Да мы свой.

Назар отложил бумаги и, набрав смесь, сделал укол девушке в ягодицу.

– Ой! – вскрикнула Таня, а затем опять вырвала на пол.

Выходила одна лишь бесцветная жидкость.

– Я поеду с вами, – заявил Сад.

– Послушай, Валер, – глядя на девушку, принял решение Нагваль, – тут сильная, не ясно чем обоснованная интоксикация, надо скорее ехать и ею, вероятнее всего, положат в стационар. Ты можешь пока ей собрать вещи и каким-то образом связаться с её близкими людьми, потому что она сама с собой очень безалаберно обходится.

– Дура потому что..., – не мог сдерживать в переживание парень.

– Всё, успокойся. Сделаешь, что нужно, и приедешь к ней в больницу.

Валера с беспокойством взглянул на подругу и кивнул одобрительно головой. Таня уже медленно встала и, подавляя страдания, пыталась собирать вещи.

– Вам всё привезет попозже Валера. Вам как можно быстрее необходимо сдать анализы. Надо ехать.

– Тогда я Алису одену. А то на улице прохладно.

Публика заворожено смотрела, как девушка укутывает свою дочку, которая продолжала снисходительно молчать.

– Валер,хватишь, пожалуйста, её пеленки и подгузники.

ки?

– Конечно. И в магазин заеду. Скажешь потом что купить.

– Ой, спасибо большое.

Назар помог ей спуститься с лестницы и дойти до машины, хотя с ребенком в руках молодая мать себя держала очень уверенно и стойко. Валера с бегающими глазами проводил медработников.

– Тогда мне потом ехать в приемное?

– Да, – ответил Николай, усаживаясь спереди, – думаю, Таня будет ждать результатов анализов.

– Хорошо, – Валера закрыл дверь и бегом кинулся по назначенным делам.

Машина тронулась с места напрямик в больницу. Назар остался в салоне наедине с девушкой и ребёнком, который с любопытством рассматривал парня.

– Ей нравится синий цвет, – улыбнулась девушка, заметив сосредоточенность малыша на форме медбрата.

– Она очень спокойная.

– Всегда такая, – поцеловала в лоб девочку Таня и посмеялась, – не даёт маме совсем с ума сойти.

– Вы были женаты? – спросил Назар. – Прости, если не уместный вопрос.

– Да ты что. Обычный вопрос. Мне его все задают, – спокойно отреагировала Таня. – Ты еще наших пожилых соседей не слышал... Нет, мы не были женаты. Просто встречались.

– Долго?

– Да, – подсчитала про себя Таня, – три года.

– Подожди, – недоумевал Назар, – то есть тебе было 14 лет?

– 13 с половиной.

– А ему...

– Ему сейчас 31, – не скрывала с усмешкой правдивой информации девушка.

Назар подумал, что она врет.

– Но как это возможно?

– Что именно?

– Но это же... Очень большая разница ...

– Не знаю. Мне все равно было. Он хорошим показался. Заботливо обходился со мной, баловал. Я его любила.

– Но... Как вы вообще познакомились?

– В автобусе.

Пик удивления всегда оставался на шаг впереди. С одной стороны абсурдность истории девочки, а с другой стороны её лёгкое отношение к обстоятельствам.

– Он работал водителем.

– И он познакомился с тобой?

– Да.

– Это же... А как родители к этому отнеслись?

– Он познакомился, когда я с мамой ехала. Он у меня от-важный.

У девушки заметно ухудшалось состояние, но она все рав-

но сохраняла стойкость и улыбалась.

– И он хотел этого ребёнка?

– Вроде да. Но я бы все равно родила.

Назар хотел задать вопрос, но девушка опередила его с ответом.

– Я сама хотела малыша, тем более, очень любила мужчину. Как знаешь, первый и единственный. Проявление любви, все дела...

Она будто уже смеялась над своей испарившейся наивной верой в сказку, но при этом ни капли не жалела ни об одном поступке.

– А сейчас он ушёл от тебя?

– Да. К своей бывшей вернулся.

Назар молчал, не в силах подобрать слова.

– При чем самое обидное, я чувствовала, что так будет...

Но зато у меня Алиса теперь есть. Лучшая подружка во всей этой ненормальной жизни. Если бы еще не говорливые бабки у подъезда, вообще идеально зажили..., – закончила она смехом, сопровождающимся спазмами боли внизу живота.

Назар не мог описать те чувства, которые испытывал в тот момент. Непонимание. Ужас. Жалость. Умиление. Он смотрел на внутреннюю силу маленькой девочки, о существовании которой та даже не знала. Она просто жила и продолжала бороться, потому что так надо и всё этим сказано. Со своей подростковой глупостью и неопытностью она выглядела совершенным воином, который продолжает не сдаваться ра-

ди родного крохотного человечка.

Бригада доехала до больницы. Таня отказывалась от сидячей коляски, но Назар настоял. Николай шёл впереди, а помощник с девушкой догоняли сзади.

– Она улыбается, – в благодарность за услугу пыталась удивить Назара юная мама. Сейчас она продемонстрировала улыбку своей Алисы.

– Угу. Очень красивая девочка.

Таня смущенно улыбнулась и продолжила играть с ребенком. Оставив девушку в стороне от общей толпы людей, ожидающих своей очереди, медработники зашли в приемное отделение. Нагваль объяснил ситуацию и показал бумагу с паспортными данными. Старшая медсестра пробежала глазами каракули и заявила:

– Знакомая фамилия... Вроде... Ну-ка...

Она забила её в поисковике компьютера.

– Да. Точно. Таня лежала у нас с послеродовыми осложнениями.

– Не удивительно, – сказал Николай, – она совсем молодая...

– Она сказала, что у неё в анамнезе ВИЧ?

– Что?

– Её диагностировали ВИЧ-инфекцию ещё на первых неделях беременности, но девочка решила рожать.

Нагваль с Назаром окаменели, никто не смог выдавить из себя и звука.

– Малыш тоже носитель?

– Про ребёнка ничего не известно. Но мы возьмем анализы, проверим. Вероятнее всего, девушка будет на лекарствах до конца предрасположенного ей срока. Иммунитет сильно снизился после родов, это открытые двери для всей заразы. Вы же сами понимаете...

Нагваль ничего не сказал. Он просто подождал росписи в документе и пошел на выход. Планшет давно звенел, оповещающая о новом вызове. В коридоре доктор подошел, подавляя скорбь, к девушке и взял её за руку:

– Скоро придет Валера. Я с ним потом тоже свяжусь. Ты должна быть сильной.

Таня улыбнулась ему своей детской улыбкой:

– Спасибо вам большое. Не представляю, как вам тяжело с вашей работой...

Назару было известно больше о её жизни, чем Нагвалю. Парень не знал, как сдерживать разрывающую изнутри жалость. Он стоял рядом и смотрел то на малыша, то на его маму. Понимала ли она диагноз в той страшной мере, которую он собой представлял, или уже смирилась и продолжала просто жить с этим. Кажется, без разницы, что у тебя происходит в голове, если ты умеешь справляться со своей жестокой судьбой и оставаться человеком. Девушка ждала и от молодого парня прощания, поглядывая изредка в его сторону.

– Все будет хорошо, – улыбнулся Назар.

– Спасибо, – её глаза заискрились после добрых слов.

– Мы пойдем, а то там следующий вызов... Не дают никакого покоя диспетчера... Как бабки те у подъезда...

Девушка засмеялась, держась одной рукой за живот.

– Хорошо. До свидания! Алиса, помаши ручкой!

Дочка с маминой помощью тоже попрощалась с врачами.

Назар пошел следом за Нагвалем. Он больше всего на свете сам хотел научиться верить, что, несмотря ни на что, всё будет хорошо. Как верил Николай. Как верила Таня.

...

Ближе к обеду Нагваль созвонился с Валерой. Оказалось, девушке поставили основным диагнозом пиелонефрит и вместе с дочкой поместили в стационар. Николай спросил у Сада про ВИЧ, тот сообщил, что заразил Таню её мужчина. Девушка старалась держать заболевание в тайне, так как думала, что с ним можно спокойно жить дальше, но роды ослабили организм.

– Её может теперь разрушить изнутри самая банальная простуда, - прокомментировал Николай.

– А ребёнок мог не заразиться? – спросил Назар.

– Малая надежда есть, но нужно брать тест на кровь...

Назар очень хотел чем-то помочь, но не знал чем. Он чувствовал себя обязанным не оставаться в стороне. Парню открывался мир без его участия, где присутствует боль и страдания, о существовании которых тот даже не подозревал. В каждом доме, в каждой квартире, в каждой жизни имела место своя трагедия, пока у кого-то в это же время по стечению

лотереи всё было хорошо. Назар многое понимал, но для полного осознания не хватало пространства ни в его голове, ни в его сердце. Ужасные вещи случаются в мире постоянно. Знающий это человек не может больше думать лишь о себе. Пока он любит лишь себя, он в защитном коконе, но стоит ему впустить в свое мировидение других людей, как тут же рождается болезненная истина.

Нагвалю позвонили на планшет, он ответил. Назар поднял глаза на врача, предполагая что-то серьезное. Николай дал добро и назвал водителю адрес.

– Что там стряслось?

– Не понятно. Шизофрения вроде как.

Назар перевел взгляд на ящик, размышляя, что ему может понадобиться в такой ситуации.

– Мужчина или женщина?

– Женщина.

Нагваль заполнил в бумаге первоначальные данные вызова и откинулся на своё сиденье. Назар не смог расслабиться и начал готовиться к худшему. Дом находился в центре города и был совершенно неприметным со стороны. Подъездную дверь придерживал мужчина с недовольным лицом. Медработники вышли и мужик без всякого приветствия буркнул:

– Второй этаж.

Назар про себя подумал, что муж у пациентки очень странный. Но как только поднялись втроем на верхний этаж, тот мужчина покинул бригаду, вернувшись вниз. По всей

видимости, скороую вызывал сосед. Из четырёх дверей лишь одна оказалась открытой: очень старая, представляющая из себя голую фанеру, которую без особых усилий можно выбить. На пороге никого не оказалось.

– Здесь есть кто-нибудь? – кинул Николай в крошечную темноту, не спеша заходить .

Никто не ответил. Назару стало не по себе, он старался разглядеть хоть что-то, но все попытки оставались тщетны.

– Здесь есть кто-нибудь? – повторил громче вопрос Нагваль, подумывая уже обратиться к соседям по лестничной клетке. – Это скорая...

– Да, – неожиданно резко раздалось из комнаты, – здесь есть я!

Ответ прозвучал с ударением на последние слова, что показалось очень нелепым, будто человек кривляется. Нагваль пошел вперёд, Назар открыл шире дверь и последовал за врачом. В нос ударил стойкий запах испражнений.

На вешалке висели нетронутые с незапамятных времен куртки и пальто. На полу лежали пакеты с продуктами. Дальше весь паркет был устлан рваными бумагами, среди которых встречалось порезанное нижнее бельё. Назар заглянул с товарищем в единственную комнату и увидел сидячую на краю кровати женщину. То, что освещал дневной свет с улицы, повергло в ужас. У парня побежали по рукам и ногам мурашки. Пациентка средних лет смотрела на гостей одним косым глазом, потому что второй совершенно поплыл. На

него словно однажды пролили кислоту, и он растекся по щеке. На голове практически не осталось волос, лишь единичные сальные волосинки свисали со лба и затылка. На теле комкалась грязный халат со свежим пятном возле ног, туда капали слюны, которые не всегда успевала подобрать женщина. Она сидела, свесив руки и скрестив ступни. Казалось, ещё немного и она набросится на незваных визитеров.

– Здравствуйте, – попробовал заговорить Нагваль.

– Здравствуйте! – её тело содрогнулось после вырвавшегося слова.

– Что случилось? Это вы вызывали скорую?

– Нет. Не я. Мне вызвали её другие...

Назар уловил только эти слова, потому что после них начался бессмысленный бред. Женщина настолько быстро и невнятно тараторила, что уяснить суть становилось невозможно. Нагваль всё-таки подождал, когда женщина замолкнет сама, хотя говорить ей нравилось.

– Вы одна здесь живете?

– Да, одна, конечно, разве не видно! – каждое предложение отскакивало от её языка подобно мячику – попрыгунчику.

– Вы выходите на улицу?

– Нет, я одна живу здесь и никуда не выхожу, – она меняла тембр в голосе с поразительной частотой, каждый раз нотки звучали не попадая с особенной неопишуемой интонацией.

– Откуда у вас продукты из магазина? – медленно подби-

рался Нагваль, располагая пациентку к себе.

– Да родственник приносит, он вообще работает..., – снова неразборчивая речь, которую мозг просто отказывался воспринимать. Словно включили миксер, пропускающий лишь иногда что-то ясное для общей картины.

– Вас что беспокоит?

– Да сердце что-то кряхтит, знаете, так вот..., – она стала изображать что-то руками.

– Часто такое бывает?

– Да нет, не часто, у меня ведь..., – опять отвлеклась и переключилась на свой инопланетный речевой аппарат.

– Мы посмотрим ваше давление?

– Да, – вдруг неожиданно нормально ответила женщина.

Назар взял фонендоскоп с манжеткой и направился к пациентке, которая, на удивление ,спокойно предоставила руку и вела себя очень тихо во время манипуляции.

– Под двести и очень частит.

– Давай кардиограмму попытаемся снять.

Назар выдохнул и первый раз обратился к сумасшедшей.

– Вы можете лечь и поднять футболку, я ЭКГ сниму.

– Да, – продолжала слушаться женщина.

Парень поглядывал на неё во время процедуры – та почти не дышала и смотрела в одну точку, как будто боясь сделать что-то неправильно.

Николай взглянул на готовую пленку и промолчал, не видя смысла что-то пояснять женщине в её состоянии.

– Где ваши документы?

– Где-то вот тут... Где-то точно здесь они, – женщина натянула мигом халат и начала елозить руками среди клочков бумаги по полу.

Назар пробежал глазами по куче мусора и заметил оторванный кусок медицинского полиса. Он поднял его и продемонстрировал Николаю.

– Вы зачем порвали документы?

– Так конечно порвала, они же мне сказали это сделать, – быстро отчеканила она.

– Кто сказал?

– Немцы.

– Немцы?

– Голоса в голове, они приходят... А потом кричат... Если стук в дверь, то это враг... Они говорят, что не дадут меня в обиду... Но если стучат, они подсказывают..., – её лепет становился все более непонятным.

– Они вам говорят, что есть враги? – переспросил Назар.

– Да, тогда они злятся и говорят мне всё разрушать, чтобы защитить себя, иначе будет плохо...

– Они угрожают вам?

– Да, но они хотят обезопасить меня от врагов. А те стучат, стучат..., – снова ничего не понятно.

– А что за родственники вас навещают?

– Не знаю. Мама умерла 10 лет назад, – неожиданно к ней вернулась нормальная речь.

– Вы с ней жили?

– Да.

– Замужем не были?

– Нет.

– Вы начали слышать голоса в голове после смерти матери?

В последующем её ответе ни одно слово нельзя было разобрать на наличие смысла. Квартира наполнилась сплошным гулом.

Нагваль дослушал и с жалостью спросил:

– Вас клали в больницу раньше?

– Голоса они..., – новое продолжение нечеловеческого монолога.

Назар нашел среди бумаг рванный красный диплом, свидетельствующий об окончании высшего образования. Он его поднял и взглянул. Женщина с отличием около 30 лет назад окончила инженерный институт. Парень не поверил, что это один и тот же человек. Он бросил взгляд на кухню, где всё пространство было заполнено пустыми пакетами из-под молока. На столе, в раковине, на холодильнике – повсюду литровые пустые пакеты. На полу валялись раздавленные продукты питания: красные, слизкие ошмётки, по которым ползали мухи, вперемешку с осколками заполонили весь линолеум. Назар обратил внимание на ноги женщины: ступни были опухшие, зияли незажившие порезы с запекшейся кровью и прилипшей грязью.

– Одевайтесь, мы отвезем вас в больницу, – сказал Нагваль, складывая кардиограмму.

Женщина встала с кровати и начала мигом собираться, бубня и споря о чем-то сама с собой.

– Я не знаю где мои носки...

Назар ей нашел в общем мусоре целые носки.

– Что там? – ткнул Николай на сундук, размещённый возле стенки.

Назар обратил внимание на единственный нетронутый в квартире объект, измазанный в какой-то субстанции.

– Там мое дерьмо, – адекватно ответила на вопрос женщина.

Все это время Назар думал, что запах шел из открытого туалета, но теперь всё стало понятно. Парень стоял как вкопанный.

– А где мое платье?

Спустя долгие сборы женщина все-таки покинула квартиру. Не заморачиваясь насчёт замка, она отправилась вниз, оставив дверь открытой.

– Постучи к соседям, – кинул Назару доктор, -предупреди их.

Пока Николай повёл шизофреничку к машине, Назар постучался к соседям. Он долбил минут пять во все двери, но никто не открывал. Медбрат достал листок, ручку и написал письмо, которое запихнул в дверной проём. Там он сообщил, что женщину увезли в больницу, и добавил справочный но-

мер. В квартире нечего было красть, да и сунуться туда вряд ли бы у кого хватило духа. Порванные документы, полные пакеты продуктов остались лежать в одиночестве, никому не нужные, как и хозяйка.

Всю дорогу в психиатрическую больницу женщина что-то решала сама с собой. Стоило Назару поинтересоваться о её самочувствии, та начинала свой неразборчивый лепет. Со временем парень отбросил надежду что-то понять и замолк, иногда лишь с осторожностью бросал взгляд в её сторону. По приезду на место, Назар аккуратно помог ей выйти, женщина оставалась в бодром духе. В приемном бригаду вышла встретить довольно странная медсестра.

– Ой, вы нам пополнение привезли, – её глаз дергался, – а то мы тут заскучали...

– Вот женщина, у неё шизофрения..., – начал Нагваль, но медсестра перебила его смешком.

– Так она же у нас лежала уже. Её недели две назад выписали... Как дела, Ангелина?

Больная узнала место и быстро утихомирила свою избыточную активность.

– Как дела то у тебя, дорогая?

– Нормально, – к ней вновь вернулась человеческая речь.

– И вот так вот каждый день. С ними самому легко свихнуться, – махнула рукой медсестра, продолжая дергать глазом и смеяться. Видно, ей хотелось произвести впечатление перед двумя молодыми врачами.

Назар решил подождать на улице, пока Нагваль подпишет бумаги и расскажет что к чему. Парень вышел на улицу и сделал глоток воздуха. Он обратил внимание на окна психиатрического стационара, который находился прямо перед припаркованной машиной. Медбрат внимательно наблюдал, как молодой парень бегает по коридору, о чем-то скандируя. Как пожилой дед нескончаемо совершает по два шага то вперёд, то назад. Как бабушка смотрит через окно с открытым ртом на небо, не отрывая глаз. Назар не знал, что происходит у них в головах, но понимал, что они такие же люди. Самое ужасное осознание, которое может прийти это то, что мы одинаковые и всё в жизни повторяется. Он не сомневался, что и у этих людей были свои мечты, семьи, планы на будущее, но главным врагом оказался не мир, а их собственная природа разума. Назар смотрел и гадал – хорошо ли им сейчас. Он не желал им здравомыслия, он хотел, чтобы им просто было хорошо. Самым важным по итогу становится лишь одно...

– Поехали, – хлопком по плечу вытащил Нагваль своего друга из транса, – а то оставлю тебя здесь работать.

– Почему бы и нет, – Назар понял, что женщину положили повторно.

– Страшно там, – заключил Николай, – я писал диссертацию и заглянул на их собрания. Скажу тебе – зрелище не для слабонервных.

– Что за собрания?

– Да психиатры проводят с пациентами групповые бесе-

ды. Наподобие «анонимных алкоголиков». Каждый рассказывает о своём внутреннем мире. Абсолютно в каждом можно потеряться и никогда уже не вернуться.

Назар на это ничего не ответил, а просто молча погрузился в свои мысли.

...

Следующие часы бригада наведальась к больным по поводу гипертонии, отравления, один раз отвезли пьяницу без регистрации и прописки. Ближе к вечеру поступил вызов с передозировкой. Назар привык, что подобные индивиды всегда перемещаются и редко обнаруживаются на месте, поэтому свободно выдохнул. Но парень зря поспешил. Нагваль предусмотрительно попросил захватить носилки. Подниматься пришлось на последний пятый этаж. На пороге уже ждала со слезами на глазах женщина за пятьдесят.

– Я не знаю что делать, – повторяла она взхлёб, – он... он...

Николай понял, что дело серьезное и поспешил внутрь.

– Он просто в один момент... И кричит... Орет...

Женщина, прижав ладони к красным опухшим щекам, пребывала в аффекте. Медработники прошли прямо по коридору в комнату и на кровати увидели обнажённого молодого парня. Он вертел с закрытыми глазами головой в разные стороны и с небольшими паузами издавал истошные жалобные стоны.

– Что употреблял? – четко задал вопрос Нагваль и кинул-

ся измерять давление парню.

– Не знаю... – всхлипнула женщина.

– Раньше такое было?

Женщина терялась в пространстве, наблюдая, как сынок машет татуированными руками влево -вправо. На каждое прикосновение он отзывался рефлекторной агрессией, Назару пришлось держать конечности.

– Женщина, я вас спрашиваю! Вы мать?

– Да. Я не знаю, что он употреблял... Он неделю назад с зоны вернулся, восемь лет отсидел. Вернулся домой и пошел отметить с друзьями...

– Дальше!

– Пришел под утро и весь день спал. Потом снова уходил, какое-то время отсутствовал. И вот вчера я сидела на кухне, он ко мне подходит и делает укол себе в вену, говоря, что ничего подобного не испытывал и... Что познал всё на свете... Короче, очень много говорил. Я разрыдалась и убежала в комнату. Утром он является ко мне и... И... И говорит, что только что в зеркале видел свою смерть. Она, мол, стоит рядом и зовет его.

Женщина еле совладала с собой, чтобы закончить повествование. Слезы и плачь её душили уже несколько дней.

– Давление низкое... Сахар давай посмотрим... Он утром инъекцию делал?

– Не знаю...

– Сегодня он в таком же состоянии был, как и вчера?

– Частично, но потом резко побледнел и...

Парень завопил протяжным воем, он начал в беспмятстве махать ногами и руками, обливаясь потом.

– Идите за соседями, чтобы помогли нести, его срочно надо промывать!

Женщина с вытаращенными глазами ещё поглядела на одержимого сына, но потом рванула искать помощников.

– Нужен налоксон! – принял решение Николай. – Набирай сразу две ампулы, будем постепенно вводить...

Назар кинулся к ящику, дрожащими руками кое – как отыскал необходимый препарат и набрал в шприц.

– Вен совсем нет, – Нагваль рыскал по рукам парня, но все вены исчезли, – видимо, ядрёный наркотик себе вводил, раз попрятались ...

На руках, действительно, имелись следы от инъекций, прижатые бычками.

– Что это может быть? – спросил Назар, доставая катетер «Бабочку».

– Героин. Может, какая-то разбавленная синтетическая смесь...

Команда общими усилиями старалась удерживать наркомана и одновременно искать на его руках вены.

– Давай в кисть, выше ни черта нет! – сказал Нагваль и сильно сжал парню запястье.

Назар нащупал вену и ввёл тонкую иглу. Пациент взвыл подобно дикому зверю и начал с невероятной силой крутить-

ся по поверхности. Медбрат никак не мог попасть и исколол тому всю руку.

– Смотри аккуратнее, у него СПИД может быть...

Назар собрался с силами и воткнул иглу в цель, в тот же момент вернулась мать, отыскав двух перепуганных соседей.

– Помогите держать его! – рывкнул Нагваль и те бросились на помощь.

Назар медленно начал вводить антидот и тут парня начало колотить изнутри, как в фильмах ужасов. Из него будто вырывался дьявол. Его конечности извивались в неестественных позах, грудная клетка с судорогами выпячивалась вверх, а рот то бесшумно открывался, то издавал невообразимые крики. Все задействованные лица подавляли попытки наркомана выбраться из оков, а Назар продолжал вводить лекарство, умоляя, чтобы игла не выскочила из вены. Наконец глаза парня открылись и начали в непонимании рыскать по сторонам, Нагваль попробовал с ним наладить контакт, но тот ни на что не реагировал. Шприц опустел, и Назар вышел из вены. Парень продолжал извиваться всем телом, затем издал протяжный вопль, который закончился расслаблением. Раздалось на всю комнату отхождение газов, а затем наркоман помочился прямо себе на живот. Спазмы прекратились, и дефекация прошла свободно. Он продолжал стонать, но уже в более лёгкой форме.

– Прикройте чем-то его, – тихо сказал врач матери, – по-

везем.

– С вами можно поехать? – в слезах заикалась женщина.

– Да.

Мать забежала по комнате, подбирая вещи сына. Старания надеть на него какую-то одежду оказались бесполезными. Решили накрыть простынями и везти так. Парень продолжал бродить красными глазами по пустоте и отгонять галлюцинации руками. Здоровяка кое-как переложили на носилки и понесли из квартиры. Подошла к входной двери ещё пара зевак, которую бригада приобщила к помощи. Парень оказался увесистым. Медленными шагами, придерживая конечности наркомана, удалось спуститься вниз и дойти до машины. Водитель уже приготовил перевозные носилки, на которые на общий счёт закинули парня. Нагваль всех поблагодарил за помощь, сам сел вперед с документами. Назар с матерью пострадавшего уселись рядом с койкой. Капельницу пытаться ставить было бессмысленно, поэтому машина сразу тронулась с места. Мать то отвлекалась на чудовищные мысли, то снова продолжала заливаться горькими слезами. Назар наблюдал за пациентом, чтоб тот не потерял сознание. Возле больницы бригада переложила парня на больничные носилки и Назар с Нагвалем поехали к приемному.

– Он очень хороший мальчик, – твердила про себя его мать, – просто оступился... Он же мой сыночек. Маленький сыночек. У меня никого кроме него нет. Как же я без него буду. Я так его ждала....

Она это говорила, даже не намереваясь донести до слуха других. Мать просто это повторяла и повторяла.

Приёмник был переполнен людьми, а всё сидячие и лежащие каталки заняты. Помимо привезённых скорой помощью, толпилась куча людей, пришедших своим ходом. Женщину оставили наблюдать за неугомонным сыном; тот продолжал вертеться, рискуя свалиться на пол. Нагваль ждал очереди и заполнял пока квиток. Назар рассматривал уставшим взглядом собравшуюся публику. Парень чувствовал себя изнеможенным, но понимал, что готов работать дальше сколько потребуется. Тут он почувствовал вибрацию телефона в кармане. Он помыл руки и достал мобильник. Написала Даша:

«Привет)). Как ты?»

Назар ощутил приятную теплую волну внутри живота. Он не собирался её прогонять, но и решил продолжать мыслить лишь холодной головой.

«Привет)). Катаю людей экскурсиями до больницы, а ты?» – ответил он, не зная, как правильнее с ней общаться. Отчаянное безразличие в данный момент очень помогало.

« Хах). Сериал дома смотрю.»

«Любовь в большом городе?))»

«Очень смешно).»

Назар отвлекся и ничего на это не ответил. Нагваль подписал бумагу и направился к выходу. Парень посмотрел на прощание на бедную мать, дрожащую над сыном, и пошел дальше. Толерантность к отдельным человеческим бедам растёт,

остаётся лишь одна общая, вечная, всеобъемлющая печаль, которая будет сопровождать оставшуюся жизнь. Ещё одно полученное сообщение.

«Завтра я буду свободна. Можем встретиться))»

Назар задумался и понял, что все равно не сможет отказать. У некоторых чувств безопаснее идти на поводу, даже если они тебе потом встанут боком.

«Почему бы и нет. Можем сходить куда-нибудь.»

«Не хочу ходить. Давай лучше у меня посидим, кино посмотрим.»

«Люба с Сабиной и КО не будут против?))»

«А ты сегодня в ударе)). Сохрани свой заряд. У меня есть прекрасная квартира с видом на набережную. Я всё-таки неплохо зарабатываю.»

«Не сомневаюсь. Есть за что платить.»

«Спасибо, милый)))». Так что с меня завтра вкусный ужин и атмосфера.»

«Я тогда выпить принесу.»

«Идеально! Тогда до встречи)))»

«До завтра.»

Назар осознавал, что снова забывает о собственных умо-заклечениях и идёт на поводу у чувств. Но сейчас ему было плевать. На всё абсолютно. Ничего не изменится, если он поступит так. Ничего так же не изменится, если сделает иначе. Пускай будет, как предрасположено. Самое прекрасное состояние: когда ко всему дерьму жизни ты спокоен и готов

двигаться дальше просто так, без особых объяснений и ожиданий.

...

Вызов поступил ночью. Назар продрал глаза и потянулся руками на противный звук. С третьей попытки ему удалось отключить гудок и принять очередное назначение диспетчера. Мозг не соображал, всё происходило как в тумане. Парень начал искать информацию и повод к вызову. Окончательно пришёл в себя, когда узнал адрес и имя пациентки. Ею оказалась та кошатница с гипертонией, которая наотрез не хотела в прошлый раз ехать в больницу. Повод к вызову звучал очень скромно: «плохое самочувствие». Назар, не хотя, поднялся со своей койки, надел обувь и двинул за Нагвалем.

– Что там ? – быстро он вынырнул из сна.

– Та самая бабушка с кошкой.

Николай возмущённо буркнул:

– Господи! Ладно, поехали.

Они спустились на первый этаж, разбудили водителя и, открыв двери гаража, выпустили машину в ночную тишь города.

– Может, за нас сгоняешь? – подколот Нагваль водителя. – Мы тебе всё расскажем, что да как...

– Я сам себе уже скоро скорую буду вызывать прямо на работу! – отмахнулся сонный водила и дал газу.

До знакомого адреса бригада добралась без навигатора.

Никто даже вздремнуть не успел, как машина подъехала к подъезду. Назар начал узнавать знакомые черты внутреннего мира дома.

– Вот уже к людям повторно приезжаю, – бросил, поднимаясь по лестнице, парень.

– Скоро у тебя в голове детали смешаются, и начнешь каждый раз думать, что здесь уже точно был.

Нагваль дошёл до нужной двери и открыл её, ожидая испуганную пробежку рыжего кота. Но этого не случилось. Старая квартира погрузилась в загробную тишину.

– Это скорая! Доброй ночи!

Врач с медбратом прошли внутрь, зная, что бабушка могла и уснуть. Дойдя до зала, они увидели совершенно бледную, дряхлую, похожую на труп, бабушку. Она лежала под своим древним светильником, среди гор пыльных газет и с полнейшей отреченностью смотрела в одну точку. Рыжий кот лежал тихо на коленях старушки и будто бы жалел её, не реагируя на посторонние звуки.

– Здравствуйте, – прохрипела бабушка и выдавила из себя имитацию улыбки.

Нагваль в момент понял серьёзность ситуации и изменился в лице. Он мигом открыл ящик, достал фонендоскоп и бросился измерять давление.

– Что случилось?! Вы что совсем не вставали?! – догадался доктор по исхудалому лицу старушки, кожа которой тонкой пленкой свисала с черепа.

– Сынок, я хотела попросить..., – начала старушка, но не закончила.

– Давления вообще нет! – бросил разгоряченно Николай и начал нащупывать удары сердца на запястье.

Назар стоял рядом, еле дыша и надеясь на лучшее.

– Совсем низкое, – заключил он, – в районе 70 на 40. Надо капать. Давай Дексаметазон.

Назар начал набирать в шприц препарат.

– Вы пили свои лекарства?

Старушка вдруг неожиданно расплакалась. Хотя плачем это нельзя было назвать. Скорее, просто выступили слезы, но выражение глаз сохранялось тем же.

– Да.

– Когда себя плохо почувствовали? Пожалуйста, не плачьте...

– Два дня назад ещё держалось высокое давление...

– Вы вызывали скорую? – допытывался Нагваль.

Старушка отрицательно покачала головой. Нагваль тяжело выдохнул, размышляя, как лучше поступить. Он взялся за кардиограф.

– Сынок...

– Вы говорили своему сыну о вашем состоянии?

– Нет.

– Почему?

– Он не звонит. А сама я не хочу беспокоить.

Он снял кардиограмму и вдумчиво завис над ней. Назар

подоспел с набранными шприцами.

– Попробуй катетер поставить, надо везти в кардиологию.

А может, и в реанимацию сразу...

– Сынок, – пыталась дозваться до доктора старушка.

– Да? Что такое? Сейчас вас повезем в больницу...

– Не надо.

– Как это?

– Не надо меня уже лечить. Я вас хотела попросить...

– Да вы же можете до утра не дожить...

– И пусть. Я вас хотела...

– Нет, вы поедете! Обязательно! Никаких обсуждений!

– Сынок..., – тихо произнесла бабушка, подождав, когда тот услышит, – я бы вас не вызывала. Просто у меня сил нет. Можете покормить Персика. Пожалуйста. Он уже два дня ничего не ел.

Нагваль смотрел на старушку долго–долго. Назар обратил мельком внимание, на каменной статуе его друга выступили слезы. Потом в какой-то миг врач пошел на кухню, достал кошачий корм и исполнил просьбу бабушки. Он вернулся молча к кардиограмме и продолжительное время не вмешивался в процесс. У Назара получилось поставить броню и медленно ввести сначала одно лекарство, а затем и подключить капельницу.

– Всё, – сказал Назар.

Нагваль оставил бумаги и подошел к бабушке.

– Вам надо поехать в больницу, – спокойно изрек он. – У

вас очень тяжелое состояние. Пожалуйста, послушайте меня. Вам, действительно, сейчас нужно согласиться.

Старушка слушала молодого человека и что-то у неё внутри сломалось.

– А Персик?

– Мы позаботимся о нём. Я лично организую над ним присмотр. Обещаю.

Бабушка молчала.

– У меня есть дочка, она очень любит животных. Будет с ним играть. Он не заскучает в ваше отсутствие.

Старушка глядела влажными беспомощными глазами на доброго доктора. Слушала его слова, в которые уже не верила, но продолжала бороться. Ей была известна правда, так же как и остальным в комнате. Назар вспомнил то ощущение смерти, которое витало над пожилой бабушкой в первый день его работы в хосписе. То неподдельное чувство, которое никогда, к сожалению, не обманывает. Все знают о своём исходе, но кто-то держится ради других до конца, твердя о жизни.

– Я даю слово, что Персик окажется в нужных руках.

– Спасибо, - сказала старушка и это оказалось всем, что она могла ещё хотеть.

Назар сбегал за носилками. Старушка являлась маленькой и худой, поэтому друзьям не составило труда её вдвоем перенести в машину, закутав в старый плед. Нагваль вернулся за котом. Посмотрел на вещи в квартире, которые уми-

рали вместе с хозяйкой, и по его щекам вновь потекли слезы. Он не помнил, когда в последний раз плакал. Но сейчас ему стало жалко человеческий мир. Такой одинокий, добрый внутри, и вскоре совершенно недееспособный перед роком судьбы. Никто не вспомнит про эти письма и газеты. Никто не вспомнит про этот томный свет светильника. Никто не вспомнит ни про квартиру, ни про старушку. Кроме всего лишь парочки людей. Которым оказалось не все равно.

Нагваль вытер глаза и вернулся в руках с котом прямо в машину.

– Кажется, он готов к первой поездке по дороге! – заключил он на весь салон, стараясь приободрить бабушку.

Назар заметил, что та слабо улыбнулась, но продолжила молча лежать на каталке.

– Главное, чтоб он не выскочил со страху из окна, – бросил водитель.

– Нет, – протянул Нагваль, – он умный кот. Ему будет интересно.

Он гладил рыжую шерстку Персика, а тот, уже привыкнув к чужим рукам, немного помурлыкал. Дорогу питомец перенес спокойно. По прибытию Нагваль передал кота водителю. Мужчина сначала удивился, но потом вошёл в безвыходное положение. Бабушку довели до приемной и постучали в дверь спящим медсестрам, одна из которых вышла встретить неожиданных гостей.

– Кардиолога бы вызвать, – сказал Нагваль, – у бабушки

прединфарктное состояние.

Девушка без раздумий сделала что полагается.

– С вашим сыном свяжутся завтра утром, – заверил старушку Нагваль, положив ей на руку свою ладонь, – он к вам приедет.

– Только кормить котика не забывай, сынок. Хотя бы один раз в день.

Нагваль улыбнулся.

– Моя Олеся его будет и десять раз в день кормить. Не удержится.

Старушка тоже улыбнулась в ответ.

– Спасибо большое.

– Постарайтесь выкарабкаться.

Она кивнула легонько головой.

Пришел недовольный кардиолог и, посмотрев заключения скорой и кардиограмму, определил бабушку в реанимацию. Санитарки быстро закопошились и увезли пациентку. Она взглядом в последний раз проводила ту самую бригаду, которую часто донимала по ночам. Нагваль снова был близок к ступору, но Назар его похлопал по плечу.

– Почему мы так ограничены в наших силах..., – сказал Нагваль, глядя в пустоту.

– Потому что мы не боги.

– Надеюсь, хотя бы они что-то смогут сделать...

Николай пошел по коридору к выходу и тут наткнулся на знакомое лицо женщины. Та сидела на кушетке с носовым

платком в руке. Ею оказалась мать того наркомана, которого медработники госпитализировали ранее. Она увидела врачей и приподнялась молча на ноги.

– Вы что здесь до сих пор делаете? – оторопел Нагваль.

– Моего Егора не положили, – выдавила она остатками голоса, – мест нигде нет...

– И где же он?

– Здесь лежит под капельницей, – указала на дверь санитарной комнаты мать наркомана.

Что-то произошло в тот момент в голове у Нагваля. Что именно нельзя догадаться. Он не задавал больше вопросов, но и не продолжил путь к машине. Доктор просто пребывал в раздумьях.

– Вы можете помочь? – уловила искру надежды женщина.

В тот миг Николай развернулся и направился в приемное. Там медсестра удивилась его возвращению, но ещё больше поразилась его предложению переместить юношу с интоксикацией запрещённых препаратов к себе в хоспис. Девушка не знала, что делать, но Николай настаивал. Она по его настоянию созвонилась с отделом госпитализации и те через некоторое время дали добро. Санитарка собрала вещи парня и вывезла его в коридор на каталке.

– Он будет проходить реабилитацию вот по этому адресу, – передал бумажку Нагваль.

Женщина не верила в своё счастье.

– Господи, спасибо вам! Дай бог вам здоровья! Вы нас уже

второй раз спасаете!

– Ему будет очень трудно первое время, поэтому нужна будет ваша постоянная поддержка.

– Хорошо! Я обязательно буду навещать его каждый день! Спасибо вам...

– Ступайте домой, а завтра приезжайте навестить. Он как раз должен будет прийти в себя.

– Да, конечно! Спасибо ещё раз большое!

Женщина помогла погрузить своего сына в машину скорой помощи, хоть ей и запрещали. Она до последнего продолжала молиться за своего сына и за равнодушную бригаду врачей.

– Кажется, знакомое лицо у паренька! – прокомментировал водитель, когда медперсонал остался наедине в салоне.

– Да. У нас ожидается небольшое пополнение в хосписе, – развернулся к Назару его друг и улыбнулся.

Парень до сих пор не понимал, что происходит, но улыбнулся в ответ.

– То есть мы сейчас туда поедем? – уточнил шофёр.

– Если ты никуда не торопишься.

– Да нет. Я уже выспался немного, пока вы там набирали новых пациентов.

– Зато сделали доброе дело, да, Персик? – вернул к себе на колени рыжего кота Нагваль и усердно принялся гладить.

Так ближе к рассвету бригада, зная, что до утра, скорее всего, уже вызовов не будет, направилась к хоспису. Егор,

как назвала непутевого сына мать, продолжал спать. Назар находился рядом и гадал, что могло так резко повлиять на решение в голове у Николая. Вряд ли это было обычное снисхождение предоставить наркоману койку в учреждении, где оказывается в основном паллиативная помощь. Что-то тайлось в душе доктора, но что именно Назар не понимал. Он доверял своему другу и в этом всё дело. Значит так нужно. Никто не знает, что подошлет судьба и чем это всё в конечном итоге обернется. Назар уже начал закрывать глаза от усталости, как пришло неожиданно сообщение от Сада в Телеграмме, после которого спокойно заснуть перестало оставаться возможным:

«Мусора подкинули наркоту Мише. Ему светит 20 лет. Дай знать, как освободишься.»

Глава 10. Пляж вечного счастья

Назар решил ничего не говорить Нагвалю по поводу друга Валеры. Если будет нужно, то Сад сам расскажет. Медбрат сдал смену и оповестил Николая об уходе. Тот сказал, что заглянет в хоспис, а затем поедет за Олесей и домой. Как только друзья разошлись, Назар набрал Валеру, но телефон оказался вне зоны доступа. Со времени поступления сообщения от парня прошло два часа. Волноваться не стоило торопиться, вряд ли Сад решил взять штурмом полицейский участок. Назар набрал товарища ещё раз, но без результата. Держа телефон наготове в руке, медленным шагом он дошёл до заброшенного театра, который стал ему уже родным домом. Поднялся в свою каморку и свалился на кровать. Мысли по поводу Миши; наркомана, доставленного в хоспис; бабушки с кошкой – вертелись в голове на одной общей карусели. Назар ещё пытался бороться со сном и ждать перезвона некоторое время, но вскоре провалился в сон.

...

Проснулся после обеда. Глянул на часы и вмиг пробудился. Голова сильно гудела, мышцы оказались переполнены свинцом. От Валеры ни звонка, ни сообщения не поступило, хотя оператор дал знать около часу назад, что абонент появился в сети. Зато от Даши пришло многозначительное СМС: «Привет, как ты после работы? Не сильно устал?». На-

зар решил в первую очередь связаться с Садом. Пошли гудки.

– Алло, – наконец ответил Валера.

– Привет, чего не перезвонил? Я же набирал...

– Да я же знал, что ты после смены и высыпаешься. Нагваль в никакущем состоянии сестру забрал.

– Ты где?

– У Лето.

– Что стряслось?

– Да ничё хорошего. Мы договорились собраться порепать на Манеге. Яна, Порох и я уже были на месте и ждали Мишу, он ехал из дома на такси. Его короче долгое время не было, и на телефон он не отвечал. Мы забеспокоились и решили ночью позвонить его матери, спросить выехал ли он вообще. Она не спала и в слезах сообщила, что пацана приняли мусора с партией наркотиков. Остановили такси и при осмотре нашли вес.

Назар потер тыльной стороной ладони себе лоб.

– Как это могло произойти? Его таксист что ли сдал?

– Да кто его знает! – постепенно начал заводиться Сад. – Скорее всего... Может, водила когда-то возил его за кладом, а сейчас узнал лицо и решил совершить благородный поступок. Сука, самое главное, что у него не было точно при себе ни черта! Он завязал, а остальные ничего не юзали с рейва...

– То есть ты думаешь, что ему специально подбросили?

– Естественно! – бросил в отчаянии Валера. – Эти падлы

в погонах на все способны! Любую статью повесят, лишь бы жертва нашлась!

– А его уже принимали? – Назар старался сохранять спокойствие.

– Да, вместе с нами. Но там по мелочам. Тут то дело уже серьезное, ему двадцатилетний срок грозит из-за этих уро-дов. Парню просто так, за нечего делать, жизнь сломают!

– Неужели, они реально так могли подставить...

– Без сомнений, Валдай и его компашка ссаных уро-дов..., – слышно было, как Валера наносит разгоряченные удары по стене.

– Слушай, а тебе не кажется, что они на вас всех могут вести охоту?

– За что? За концерт на крыше? За рейвы?

– Когда я был в отделении, они дали понять, что вы им не раз дорогу переходили...

– И это еще цветочки, – неожиданно произнес Сад мсти-тельным голосом.

– Ты о чем?

– Если они не выпустят Мишу и отправят его на зону по сфабрикованной схеме, то они пожалеют об этом...

Тут Назар услышал решимость в голосе друга и почув-ствовал нарастающее волнение.

– Валер...

– Мы не станем молчать. Таким ходом они могут засадить и меня, и тебя, и Лето – всех!

– Может, ещё что-то изменится и его выпустят.

– Не знаю. Слишком большой срок, его даже не выкупить.

Да и если это уебки настроены серьезно, тут ничего не поможет.

– Не суйтесь только сами в участок.

– Туда сегодня родители Миши пойдут и узнают детали, – уставшим голосом тяжело выдавил Сад, – вообще какой-то пиздец. Сначала Таня с ребенком, потом Миша...

– Как кстати девушка?

– В больницу положили. Тяжелая форма пиелонефрита.

Врачи очень удивились, как она вообще держалась на ногах.

– Она сильная, – заключил Назар.

– Дура она. Наивная, как ребенок, сколько её помню.

– Надо её навещать.

– Да. Мы с Яной и Порохом постараемся каждый день заглядывать в стационар.

– Яна как? По поводу Миши...

– Никак. Не знает, что делать и ревет.

Назар замолк, не зная, что сказать.

– Ладно, котан, – подвел черту Валера, – мы сейчас попробуем пересечься с родаками Миши и выяснить что да как.

– Составить компанию?

– Отдыхай. С нами Лето ходит. Тебе кстати привет от него.

– Ему тоже.

– Он просит тебя скинуть ему твою почту на всякий по-

жарный. Будем чередовать методы конспирации.

– Скину.

– Ладно, давай, увидимся.

– Пока.

Назар отправил и Валере, и Егору логин своей почты. Предчувствие не из приятных. Сад явно был преисполнен жадой мести и готовностью в любой момент броситься на рожон. Смягчал положение тот факт, что рядом с ним находился Лето, который знает, как правильно поступить. Назар долгое время лежал и гадал – могла ли это быть подстава со стороны органов. И приходил к выводу, что вполне. Слишком антисоциальные персонажи задействованы в беспределе, выходящем, как бы сказал Валдай, «из рамок нормы». Но молодость невинного парня того не стоила. Назар осознал, что это мирно не закончится, но решил надеяться, пока это возможно, на лучшее. Сколько бы попыток не ушло ранее в пустую, а надежду нужно оставить умирать последней.

...

Назар открыл диалог с Дашей.

«Привет, только проснулся. Ты как?»

Парень поднялся с кровати и начал ходить взад – вперед. Чердак напротив единственного окна пестрел тенями.

«Отлично. Готовлю мясо с овощами в духовке. Жду тебя»))»

Почему так приятно было услышать это Назару. Может, просто он очень хотел верить в своё счастье. Он плевал на

всю возможную игру девушки. Если так, то парень тоже примет свою роль. Со временем всё становится искусственным и наигранным, но это не значит, что люди играют не по-настоящему. Просто остальное вымерло.

«Тогда я за вином и к тебе.»

Она скидывает свой адрес и добавляет к нему:

«Если что, я люблю белое сухое)))»

Назар вспоминал цикличность её настроения. Те дни, когда она игнорировала его или отвечала с крошечным безразличием. Но каждый раз он мог забыть то, что было прежде. Каждый раз подумать, что она изменилась и всё будет дальше совсем иначе. И каждый раз он понимал при этом, как ошибается.

Он зашел в магазин, стоял долго в алкогольном отделе, изучая полки с винами. Взял три бутылки вина, показавшихся ему самыми симпатичными, и пошел на кассу. Денег вновь становилось мало. Назар их не считал, а просто тратил, как придется. Кассирша, не поднимая глаз пробила бутылки, и отдала сдачу горой мелочи. Хорошо, что на выходе стоял какой-то опухший алкоголик, просящий милостыню. Вся мелочь пошла ему на водку. Назар вспомнил день знакомства с Олесей и Валерой. Тогда он не знал, что жизнь настолько перевернется. Парень находился на грани и Метастазы его спасли, теперь он им должен ответить тем же. Назар чувствовал благодарность перед членами семьи, если бы не они, то путник кормил бы червей в лесу, или ещё хуже

– остался жить в том состоянии, из которого он не мог выбраться. Назар у семьи в долгу и готов идти за ними даже против всего мира, потому что видит именно в этом истинное благо. Сейчас он верит в идею и готов с ней подниматься дальше по лестнице. Каждое происшествие в жизни – это часть пути. Что он не сделал бы – это судьба. И теперь судьба парня заключается в плавно распространяющихся по всему свету Метастазах.

Назар шёл по асфальту, издавая дребезг бутылок в пакете. Небо заволокло тучами, и где-то за крышами набережной раздался гром. Вмиг потемнело, но тепло задержалось. Влюблённые болтающие парочки поспешили добраться домой. Назару ещё предстояло пройти какое-то расстояние. Полил дождь: с минуту маленькими капельками, а затем ливнем. Назар не ускорил темп, он по памяти дошел до нужного дворика и там, спрятавшись под козырёк, проверил навигатор. Тот показал, что дом находится совсем рядом. Спустя недолгое время поиска, парень нашел необходимый номер. Действительно, рядом набережная и должен быть потрясающий вид из окна. Назар набрал нужную квартиру в домофон, Даша сразу открыла. Бетонную лестницу в подъезде через окно освещала молния. Три этажа дома содрогались перед мощью летней грозы.

– Не растаял? – Даша стояла на пороге квартиры, одной рукой придерживая дверь, другой упираясь в бок.

– Ты своими колдовскими замашками вызвала гром? –

ехидно задал вопрос белокурой ведьме. Одета она была в короткие шорты и легкую обтягивающую майку без лифчика.

– Да, специально для тебя, – девушка внимательно смотрела искрящимися глазами на Назара, ожидая его последующих действий.

– Тогда вот тебе часть дождя, – мокрым небритым лицом он врезался в поцелуй. Влажные губы переплелись с её губами. Она с радостью ответила на его порыв. Даша любила целоваться.

– Спасибо, зря только красилась.

– Тебе же не на работу сегодня?

Она одарила его хмурым взглядом.

– А кто знает...

– Я хотел сказать, что ты мне и такая нравишься.

– Как мило. Тебе дать полотенце?

Порой проститутка играла идеальную жену. С её стараниями могла получиться замечательная семья, но горькие жизненные предрассудки накрывали возможность медным тазом.

Назар вытер мокрые волосы и осмотрел уютную квартирку.

– Далеко до моей каморки...

– Хах! Мне Егор рассказывал про твой обиход дикаря, – девушка возилась на кухне.

– И что же он рассказывал?

– Что ты самый неприхотливый странник на всей планете

и мир у твоих ног. Дословно.

Назар посмеялся.

– Я бы тебя позвала к себе жить, но ты сбежишь.

– С чего ты взяла? – Назар продолжал стоять в коридоре, вкушая аромат приготовленной пищи.

– Ты же не знаешь, какая я внутри на самом деле.

– Знаю.

– Да, – протянула она и выглянула с кухни, её пучок волос качался в воздухе, – и какая?

– Хорошая и добрая. Просто поверх души ещё несколько слоев для выживаемости в реальном мире. А так, я видел тебя настоящую.

– Когда?

– На рейве.

– Я под кайфом была, малыш.

– Не важно. Глубину сознания не обманешь.

Даша, подобно кошке, грациозно подобралась к парню и приблизилась своим лицом.

– А ты всё продолжаешь копать в своей любимой душе?

– А ты всё продолжаешь баловать своё тело? – в ответ спросил он, не отрывая взгляда.

– Да! – резко отрезала она. – И твое тоже. И собираюсь сделать это прямо сейчас.

– Каким же образом?

– Я наготовила кучу вкусностей, сколько не сделала бы и за год одинокой жизни, и её необходимо съесть.

– Тогда я открою вино.

– А я наложу нам горы еды, за что живот скажет «большое спасибо».

Даша действительно постаралась. На столе стояло три вида салата. Один из морепродуктов, другой из зелени и овощей, третий с курицей, сыром и ананасами.

– Если ты думаешь, что это всё, то ты крупно ошибаешься, мой дорогой. Она открыла духовку и достала оттуда противень с горячим блюдом.

– Это что?

– Я утку купила и запекла её с яблоками.

– Мамочки! С чего бы такие изыски?

– Не знаю, хотелось приятное сделать, это ведь так редко бывает. Потом возьму и заберу у тебя вновь счастье. Что ты будешь делать?

– Ничего. Напишу и спрошу «как дела?».

– Знаешь, почему люди забирают у других счастье?

– Потому что их самих когда-то обидели?

– Нет. Потому что другие начинают от них зависеть и сами его отдают.

– Справедливо.

Назар разлил вино, а Даша наложила большие порции румяной птицы в тарелки.

– Ммм, – блаженно замычала она, – вроде получилось что надо. Ты яблоки любишь? Я их хорошенько поперчила.

– Обожаю.

Назар с нетерпением ждал вкусного угощения. Даша поставила блюда на стол и сама незамедлительно налетела на вкусную пищу.

– Специально ждала тебя и не ела, а то потом бы ходила как бегемот.

– У тебя не получится покинуть тело кошки.

– Подлиза.

Они с удовольствием уничтожали свои порции, запивая вином.

– Как ты удачно угадал с вином...

– Потому что ты сама сказала, что любишь белое сухое.

– А, да? Я забыла...

Назар обожал непосредственное отношение Даши к жизни. Она могла забыть, простить, не заметить любую мелочь. И самое главное – под понятие «мелочи» подходило практически всё.

– Ещё бутылку вина? – предложил ей Назар.

– Давай. Напьюсь, будешь таскать меня.

– Я не против.

Назар и у неё чему-то учился. Она любила жить. Пускай и со своим мировидением и пониманием вещей, но факт оставался фактом. Парень медленно подбирался к этой позиции и так они вдвоём оказались вместе, совершенно разные и непригодные друг для друга.

– Как же я люблю вкусно покушать, если бы ты знал, – довольно заявила она. – Жаль, я не родилась в какой-нибудь

богатой семье, в которой меня всю жизнь бы кормили да поили вином.

– Тогда бы понадобилось десять таких, как я, чтобы тебя таскать.

– Ну и ладно, – хихикнула она. – А тебе что больше всего в жизни нравится?

– Наверное, путешествовать.

– Значит, ты тоже всё любишь, кроме людей. Хотя на самом деле, я люблю людей.

– И я.

– Я понимаю, что не могу без них.

– И что всё самое прекрасное связывается каким-то образом с ними.

– Точно.

Она наелась, достала сигарету и начала курить. Вино в её бокале понемногу заканчивалось.

– Вот курить не люблю.

– Зачем тогда куришь?

– Не знаю. Немного хочется себя поуничтожить. Нет у тебя такого желания иногда?

– Думаю, я тебя понимаю. Дашь сигаретку?

Она посмеялась и угостила Назара. У парня случались периоды, когда он без повода начинал курить, но быстро завязывал. Сейчас ему нравилось выпускать клубы дыма в мрачную среду окружающего мира за окном.

– Можно в душ схожу? – спросил он.

– Конечно, раз мало искупался под дождем.

Он демонстративно усмехнулся и направился в ванную. Снял с себя одежду и включил теплую воду. Становилось хорошо после выпитого вина. Тут дверь неожиданно открылась и медленно закрылась.

– Я тебе полотенце принесла.

– Спасибо.

Но Даша не ушла, а отдернула занавеску, и обнажённая предстала перед Назаром.

– И себя, – добавила она и залезла к нему.

– Этот вариант мне больше нравится.

– Ещё бы.

Её пухлые губы коснулись каждого уголка его тела, пока не добрались до лица. Они стояли под напором душа и целовались. Он не знал, готова ли она уже, но сам держаться не мог. Парень подхватил её и, прижав спиной к стенке, вошёл в её влажный внутренний мир. Она застонала с рабочим профессионализмом, но Назару было плевать. Он хотел лишь наслаждаться моментом. Ни одни долгие чувства не выживали в этом мире. Ни одни обещания не сдерживались, в какой бы то не было форме. Ни один человек не задерживался навечно в этой жизни.

– Давно тебе хотела сказать, – шепнула Даша на ухо ему, слегка посмеиваясь от удовольствия, – у тебя классный член.

– От тебя это слышать в разы приятнее.

Она посмеялась и вновь застонала.

– Думала, ты тоже что-то хорошее скажешь.

– Я хотел бы, чтобы он всегда оставался в тебе.

Ей понравилось. Она задышала интенсивнее, ногтями впиваясь в спину. В какой -то момент Назар не удержался , поскользнулся и свалился в ванную, ловя следом и Дашу. Оба захохотали.

– Не ударился?

– Нет, а ты?

– Тоже нет. Но я думаю, мы уже чистые и можем перейти на кровать.

– Можно. Только вино захвачу.

Гольшом они носились по квартире, пока за окном стояла настоящая буря. Назар взял бокалы с бутылкой, а Даша включила на телефоне музыку. Играли «Нервы», чередуясь с «Три дня дождя» , «Nim», «The XX», «Hurts». Кровать оказалась куда удобнее, чем ванная, хотя обоим везде было хорошо. Даша встретила Назара с улыбкой на лице, тот улыбнулся в ответ и, отложив всё барахло в сторону, потянулся к ней. Девушка продолжала быть такой же влажной и готовой. Назар поражался её энергии и любви к сексу. Она трахалась как богиня, с невообразимой самоотдачей и желанием. Её крики сводили с ума.

– Тебе не больно? – переживал он.

– Обижает. Давай ещё.

Он кончал, но чувствовал, что член продолжает стоять. Весь в поту отсоединился от неё и жадно хватал ртом воздух.

– Обожаю твою растяжку, – признавался он.

– А вокальные данные? – смеялась она, целуя в плечо.

– Их тем более.

Они лежали в постели, пили вино и курили. Иногда слушали музыку и грозу за окном, иногда разговаривали.

– Если могло исполниться твое любое желание, ты бы что выбрал? – спрашивала всякие глупости она.

– Честно?

– Да.

– Чтобы кто-нибудь принёс и открыл ещё бутылку вина, а ты?

– Чтобы кто-то нам сходил в аптеку за релаксантами, под них секс божественен.

– Можем сходить.

– Нет уж, сейчас побудь со мной.

Они вновь сплелись в поцелуе. Член стоял колом. Назар ощущал абсолютную ненасытность, он хотел эту девушку всю целиком и до бесконечности. Он целовал каждый уголок тела, трахал во всех позах, но каждый раз было мало. Она вдруг дернулась, по её лицу пробежала волна боли, но затем рассмеялась. Назар вмиг прекратил долбить.

– Всю меня исколотил изнутри.

– Давай больше не будем.

– Нет, продолжай. Сейчас яичники воспалились, начнутся особые ощущения.

И правда, Назар ощущал матку, ощущал каждую мышцу,

а Даша притягивалась ближе и ближе, чтобы член проглотить целиком. Парень кончал, но через несколько минут продолжал вновь.

– Пойдём все-таки в аптеку, – посмеялась она. – У меня есть рецепт.

Они напялили первую попавшуюся одежду и вышли на улицу. Дождь продолжал лить, гроза сотрясала небо.

– У меня ноги дрожат.

– У меня тоже, – смеялся он.

Продавщица удивилась промокшей до ниточки парочке. Она взяла бумажку, убедилась во врачебной печати и пошла за лекарством.

– Откуда у тебя он?

– Иногда грустно бывает. За такую любовь к жизни приходится платить.

– От чего тебе грустно? – смотрел на неё внимательными глазами Назар, она вновь была похожа на потрепанного беззащитного ангела, которого хотелось обнять и никогда не отпускать.

– Ни от чего. Просто так. Разве есть что-то грустнее в жизни, кроме её самой.

Продавщица вернулась с какими-то транквилизаторами и отдала их Даше.

– Спасибо. До свидания.

Они покинули аптеку и добежали быстро до дома.

– Ой, – всплеснула девушка руками, – я же забыла, что я

торт шоколадный испекла. Хочешь?

– Конечно.

Назар ощущал с блаженством желание спасти Дашу. Ощущал искру между ними, их идеальное взаимодействие. Ощущал то, что называли любовью. Но мозгом понимал, что они никогда не смогут жить долго и счастливо.

– Сладости – моя отдельная любовь, – призналась она, уплетая вкусный десерт.

Назар посмеялся и отпил ещё вина.

– Если я не смогу всем этим наслаждаться, просто убейте меня.

– Я бы тоже не хотел дожить до старости. Хотя все, наверное, старики так думали.

– Да, скорее всего, с нами тоже так будет, – рассуждала она, – но пусть всё-таки судьба нам сделает подарок.

– Ты бы действительно хотела умереть?

– Не против, так скажем. Я люблю жить, но на это каждый раз нужны силы. Иногда просто устаешь. Хорошо, что встречаются приятные штуки, которых не будет после смерти. Например, этот торт или белое сухое вино.

– Думаешь, бог пьет красное?

– Конечно, кагор свой, будь он неладен.

Они оба залились звонким смехом, который закончился крепкими объятиями. Назару очень хотелось обнять этого человека, а Даша была не против, но потом они вновь начали целоваться и направились в постель, сгорая от желания.

– Так и знала, что этим закончится, – мурлыкала она.

– Я бы поставил десять из десяти, что будет и продолжение, – подчеркнул Назар, кидая вещи в сторону.

В ту ночь они слышали лишь учащенное дыхание друг друга, безостановочную музыку и бурю за окном. Получилось заснуть у них только глубокой ночью на скомканном постельном белье. Во сне они не заканчивали тянуться друг другу, прижимаясь по очереди к обнажённому телу.

Утром Назар проснулся, когда Даши уже не оказалось дома. Никакого письма или сообщения на телефоне она не оставила, лишь завтрак и вторые ключи на кухне. Парень не хотел что-либо спрашивать, а просто покурил на кухне, убрал в холодильник еду, оделся и, немного прибравшись, покинул квартиру. Даше он лишь отправил поцелуйчик со словами: «Завтрак потрясающий». Девушка ответила ему смайликом, но не больше. Тот день закончился, а новый сам не знал, что принесёт дальше.

...

Назар хотел созвониться с Садам, но тут раздался в кармане опережающий гудок.

– Привет, – ответил парень.

– Доброе утро, – поздоровался Николай, – слушай, дружище, у меня сегодня кое-какие дела есть. Можешь с Олесей побыть. А то Валера с Егором чем-то очень важным заняты все два дня...

Значит, Нагваль не был в курсе событий, – подумал Назар.

– Да, конечно. А что за дела у тебя?

– Скоро узнаешь, – интригующим голосом заявил тот, – приходите к вечеру в хоспис.

– Ты там будешь?

– Вечером да.

– Отлично.

Назару приятно было слышать бодрый настрой наставника.

– Ты где сейчас?

– У себя.

– Давай я тогда туда с Олесей подъеду.

– Договорились.

Через полчаса Николай подъехал на своей машине к заброшенному театру, Назар ждал на ступеньках. Олеся открыла дверь и неуклюже вывалилась из машины, направляя свой пистолет на Назара и издавая звуки стрельбы. Парень притворился, что в него попадают настоящие пули. Расстояние между ними заполнялось мыльными пузырями, вырывающимися из дула игрушки.

– Сдавайся, бледнокожий ! – воскликнула игриво рыжеволосая девочка, а потом почему-то покраснела от смущения, когда Назар её обнял.

– Спасибо, что согласился, – пожал руку ему Нагваль.

– Да ничего особенного.

– Олесе просто надо помочь в одном важном деле, – он сделал серьезный вид лица, – это касается нашего семейного

общего дела.

Назар ему подыграл:

– Метастазов?

– Именно. У нее есть превосходный план, которым она с тобой сейчас поделится.

Девочка стояла в стороне и улыбалась, сгорая от восторга.

Нагваль улыбнулся на прощание:

– А ближе к вечеру приходите к хоспису. Или за вами заехать?

– Да мы сами придем, – успокоил Назар.

– Тогда до встречи. Продуктивно вам провести время.

Он сел за руль и уехал по своим делам. Назар вернулся взглядом к Олесе. Девочка на него смотрела испытывающими глазами, словно о чем-то размышляя.

– Что такое? – перепугался Назар.

Девочка немного прищурилась, будто бы сканируя парня, а затем сняла рюкзак и достала из кучи всячины второй пистолет.

– Держи, – протянула она.

Назар с недоумением повертел игрушку в руке и затем нажал на курок. Прозрачные шарики устремились в небо.

– Это пистолет Коли, но пусть сегодня побудет у тебя.

– Он мне понадобится?

– На всякий случай.

Малышка отнеслась к делу с большой ответственностью, Назар в этом убеждался каждый раз заново, стоило заглянуть

в её зелёные глаза.

– Хорошо, так каков наш план?

– Ты мне точно поможешь? – продолжала она гадать, можно ли доверить юноше такое важное дело.

– Постараюсь.

Олеся вернула одним махом рюкзак на плечи и маленькими ножками целеустремлённо направилась вперёд в местные дворы. Назар поспешил за ней.

– Это касается непосредственно Метастазов.

Назар чуть не рассмеялся над деловитостью ребёнка, но продолжал слушать.

– Раньше я жила в этом районе, и здесь мы с друзьями прятались в доме на дереве. В месте, о котором знали только мы.

– Понятно, – Назар шёл нога в ногу с девочкой.

– Там хранили игрушки, еду, боевые костюмы...

– Боевые костюмы? – переспросил парень.

– У нас было много врагов. Дом никто не должен найти. Там сейчас никого нет, но, даже если кто-то и объявится, то я скажу, что ты свой.

– Почему такая осторожность?

– Дети прячутся там. Для них это как родной дом отдыха перед большой дорогой.

– Дорогой куда?

– Не знаю. У всех по-разному. Некоторые возвращаются обратно, некоторых находят и насильно уводят, а кто-то ухо-

дит в лес.

– В лес? – Назар всё больше сбивался с толку.

– Да. Тех, мы больше никогда не встречаем. Но тем, кто остаётся, нужен этот дом.

Олеся старалась рассказывать очень подробно и ясно, но парень всё равно путался.

– То есть, там ребята играют так?

– И живут. Они оберегают и охраняют дом, потому что многие его хотят разрушить.

– Кто?

– Злодеи, а иногда, бывает, подсылают и самых настоящих монстров.

Детское воображение переплелось с реальностью.

– И что делают эти монстры и злодеи?

– Находят детей и забирают к себе обратно в корпорацию ужасов.

– Почему «корпорация ужасов»?

– Не знаю. Её так называют.

Назар решил, что речь идет о неблагополучных семьях, дети которых сбегают из дома, а затем родители их находят и возвращают.

– Неужели встречаются те, кто навсегда покидает дом и уходит в лес? – спросил Назар.

Девочка мгновенно ответила, радуясь долгожданному конструктивному вопросу:

– Да. Особенно сейчас, когда дом сломали. Раньше у нас

имелось место укрытия и ночлега, а теперь детям приходится прятаться среди деревьев, а иногда бежать без оглядки.

– И что мы можем сделать?

– Дети маленькие и многие не в силах починить стены и крышу дома, поэтому я хотела их обрадовать сюрпризом. Должны были помочь Валера с Егором, но они очень заняты. Поэтому я подумала...

– Мы можем вместе отремонтировать ваш дом, – закончил за девочку парень.

Олеся улыбнулась:

– Только я не знаю, где взять доски и инструменты...

– Что-нибудь придумаем.

Малышка поняла, что не ошиблась с выбором помощника и воспрянула духом. Команда шла вдоль окраины города, заселённой пятиэтажками и частными домиками. В какой-то миг Олеся остановилась, повернулась с настороженным лицом к Назару.

– Сейчас ты увидишь ту самую корпорацию, которая разыскивает детей. Оттуда лишь немногим удаётся сбежать.

Назар опешил от такого хода событий и сам от внезапности решил держаться на стороже.

– Будь осторожен. Мы обогнем это злобное место быстрым шагом.

Парень даже не подозревал, что может таиться за пределами двора, в котором они притормозили. Раз корпорация не чьи-то дома и квартиры, то, может, какая-нибудь старая

зброшка или карьер.

– Готов?

– Да.

Девочка торопливо пошла по тропинке, огибающей пятиэтажку, и вышла на маленькую асфальтированную дорогу, которая вела мимо забора какого-то двухэтажного здания. Назару показалось сначала, что это школа или детский сад, так как на территории имелись пародии на детскую площадку и футбольное поле. Но потом, когда они прошли максимально близко, парень понял, что это было за место. Теперь детали соединились воедино. Это оказался детский приют. Забор выглядел страшно и напоминал настоящую тюрьму. Сам дом разваливался на части. В окнах, к сожалению, Назар ничего не успел разглядеть. Олеся не останавливалась и сосредоточенно шла вперёд, стараясь не замечать здание. Когда приют оказался позади, парень глубоко вздохнул. Той самой ужасной корпорацией, откуда сбегали в лес дети, являлся интернат для сирот. Девочка взглянула на друга.

– Видел?

Он покачал головой, не зная, что и сказать. Ему было не понятно, понимает ли Олеся что это такое или нет, поэтому решил запереть эмоции внутри себя.

– Это очень страшное место. Многие дети, которым чудом удалось выбраться, перестают разговаривать навсегда.

– Неужели там так страшно?

– Там обитает зло.

– Детей обижают?

– Некоторые рассказывают, что это место людей превращает в зверей. Что с наступлением ночи монстры выходят из своих комнат и нападают на беззащитных, издеваются над ними и даже... могут убить.

Друзья вышли на проселочную дорогу маленькой деревни и шли по направлению к лесной чаще. Назар следовал за девочкой и не переставал думать о сиротах.

– Неужели они не пробовали рассказать взрослым о том, что там происходит?

– Им никто не верит. Они рискуют обратно вернуться туда, и тогда будет ещё хуже.

Назар понимал, что маленькие дети врать не станут. Но, что там твориться, на самом деле никому не дано узнать.

– Монстры пожирают детей. Именно поэтому они прячутся в лесу.

Остались позади последние дачные дома, и товарищи направились вглубь чащи по лесной тропе. Олеся шла очень внимательно и в нужный момент сворачивала по нужному направлению. По дороге встречался мусор из бутылок пива, пустых пакетов сухариков, чьего-то нижнего белья и носков. Друзья прошли много перекрестков, прежде чем добрались до высоких кустов, загораживающих вид спереди. Олеся вновь обратилась к Назару с умоляющими глазами:

– Только обещай, что никому не расскажешь об этом месте. Это очень важно. Если ты проговоришься, может кто-то

пострадать.

– Клянусь, – на полном серьезе заверил юноша.

Олеся нашла лазейку в кустах и исчезла за ними. Назару пришлось пригнуться и на корточках пролезть следом. Перед ним вырос огромный дуб, два толстых ствола которого на высоте двух метров расходились в стороны и именно там располагался тот самый домик. Действительно, он выглядел уже побитым временем. В некоторых местах виднелись пробоины. Между стен свисали отвалившиеся доски. К нему наверх вела лестница, состоящая из многочисленных досок, прибитых к дереву. Но для особо ловких болталась до самой земли верёвка. Размером логово оказалось приличным: туда спокойно могло поместиться человек 6-8. Олеся стояла с искрящимися глазами, которыми смотрела то на друга, то на дом.

– Нравится?

– Ага.

– Его построили, когда я еще не родилась, представляешь?

Этот дом приютил очень многих детей...

Она уверенно полезла наверх и показалась уже изнутри шалаша.

– Здесь вот спал Волк, здесь Роза, здесь Микки с Тоби, это два брата, – она продолжала тыкать в пол и называть неизвестные Назару клички ребят, – а здесь, знаешь, кто спал? Лиля.

Парень пропустил бы мимо ушей, если бы девочка не ак-

центрировала внимание.

– Лиля?! – переспросил он.

– Да, – со смехом заявила Олеся, – ещё до хосписа она жила в детском доме, а потом, когда заболела, мы с Колей забрали её оттуда. В первое время она себя хорошо чувствовала и мы приходили с ней сюда играть с другими ребятами.

Назар не верил своим ушам. Значит многое, действительно, является чистой правдой.

– Потом здесь жили другие ребята, но некоторые вещи до сих пор остались, – она окинула глазами внутренности дома, – многие дети выросли и никогда сюда не вернуться. Но, как говорил Волк, после нас всегда придут новые и им будет легче, так как стены наполнены смехом и свободой прошлых поколений детей.

Назар внимательно слушал и наблюдал за девочкой.

– Поэтому я и хочу вернуть стены этому месту, чтобы дети обрели снова свой дом, – она спрыгнула вниз и обратилась к другу снова, – ты мне поможешь?

– Я же дал слово, – улыбнулся Назар, и девочка сама обняла его от переизбытка чувств.

– А где мы доски найдём?

– Кажется, я видел в ближайшей деревне кучу ненужных досок. А инструменты можем попросить у местных жителей.

– Главное, чтоб они ничего не заподозрили..., – переживала Олеся.

– Мы скажем, что скворечники строим.

Девочка рассмеялась и вместе с настоящим другом направилась к жилым домам. Назар примерно прикинул сколько нужно досок. Вернувшись в деревню, он нашел ненужное одеяло на помойке и сложил туда доски, прихватив еще найденную у бака банку красок с кисточкой. Молоток с гвоздями пришлось занять у деревенского старика, который с удовольствием помог, не вдаваясь особо в подробности.

Команда спасателей вернулась к дубу с кучей досок, кое-как пролезла под кустами и взялась реконструировать дом на дереве. Назар начал с самых хороших досок, которыми укрепил потолок и пол, а затем принялся усовершенствовать стены. Каждый раз, несмотря на старательную помощь Олеся, ему приходилось самому спускаться за тяжёлым материалом, ставить доски концом к краю пола, а затем уже наверху притягивать их к себе. Внутри дома, действительно, оказалось много забытых вещей, которых не посмели выкинуть. Конфеты, книжки, игрушки, одеяла, подушки - всё было разложено по углам. У Назара создалось впечатление, что он достраивает чью-то жилплощадь. Олеся остатками краски старалась придать дому свежий внешний вид. Только Назар заканчивал с обновлением одной части, так сразу девочка принималась её закрашивать под свой вкус.

– А твои друзья все сбежали? – спросил Назар, вбивая молотком гвозди.

– Да. Волк был предводителем. И в какой-то момент они все ушли.

– В лес?

– Да. По легендам, переданным Волку от старших поколений, за этим лесом начинается большая река, по которой, если долго плыть, можно попасть в океан. А там, придерживаясь юга, оказываешься вскоре на острове, где живут остальные сбежавшие дети. На острове нет взрослых, и нет монстров. Там дети строят свои хижины из пальмовых веток, кушают фрукты, крабов, рыбу, постоянно купаются и играют в теплом белом песке. У Волка была даже карта того Пляжа Вечного Счастья. Он его так называл.

Назар остановил работу и послушал девочку.

– И он сбежал туда с друзьями?

– Да. В один день собрали все вещи и ушли. Они собирались на берегу реки построить большой плот и уплыть. На острове их должны были ждать товарищи. У каждого ребёнка в сердце есть компас, который укажет дорогу до этого самого пляжа. У взрослых же ничего не получится.

– Жалко, я бы хотел туда тоже.

– Но у тебя есть я зато, – улыбнулась девочка, продолжая рисовать.

– А вам предлагали ваши друзья сбежать с ними?

– Да. Но мы остались.

– Почему?

– Лиля заболела и знала, что станет обузой, но ребятам об этом ничего не сказала. А я не могла бросить Колю. Он же мой второй папа. Без меня он бы пропал.

Назар улыбнулся.

– Это точно.

– Может, когда-нибудь и получится нашей семье сбежать на этот пляж. Бросим всё и сбежим. Потому что только там находится самое настоящее счастье.

Назар ничего не сказал, продолжая улыбаться. Он так глубоко погрузился в детский красочный мир, что сам начал в него верить. К нему вернулись силы, и он заработал в разы усерднее. Метастазы неожиданно коснулись его, ведь никогда не угадаешь, откуда они придут в следующий раз.

Через пару часов безостановочной стройки дом был готов. Теперь он заиграл свежими тонами и выглядел практически новым. Назар отряхнул руки. Они вместе с Олесей взглянули со стороны на своё детище.

– По-моему, неплохо! – не скромничая заключил парень.

– Потрясающе! – торжественно воскликнула малышка.

– Теперь бы я сам там поселился...

Девочка прыгнула на парня и сжала его в крепких объятиях, чмокнув в щеку.

– Спасибо! Спасибо!

– Да не за что! – Назар понимал, что готов проделать эту работу с самого начала. Настолько он хорошо провёл время.

– Теперь у детей будет снова дом...

– Остановка перед долгой дорогой к Пляжу Вечного Счастья, – поправил Олесю Назар и ещё раз посмотрел на воскресший монумент. Дом имел свою историю и являлся ча-

стью чьего-то огромного мира, поэтому он должен жить.

...

Назар с Олесей добрались до хосписа с чувством выполненного долга. Парень был переполнен силами и подумывал остаться на ночное дежурство. Город окутало вечернее летнее тепло. Капли росы искрились под лучами нежного солнца на зелёной траве. Нагваля ребята нашли в сестринской комнате вместе с Еленой Ивановной, которая, увидев гостей, начала свою обычную суету.

– Ой, кто пришёл! Что за чудесный ребёнок и лучший на свете медбрат! Давайте чай пить!

– Как провели время? – обернулся к новобранцам Николай.

Олеся с Назаром синхронно поднесли игрушечные пистолеты к губам и сдули с дула воображаемый дым.

– В городе отныне спокойно, – заявили с пафосом они.

– Всех перемочили мыльными пузырями? – смеялся Нагваль.

– Да, и тебе сейчас достанется, – малышка запрыгнула к отцу на колени.

– А ты все дела сделал? – поинтересовался Назар.

– Да, – с довольным лицом ответил тот.

– Колись, что там наделал?

– Да ничего особенного, – скромно отмахнулся он.

– Небось, какое-то супер-доброе дело...

Тут вернулась с кухни старшая медсестра, и в ту же секун-

ду произошло разоблачение.

– Вы даже не представляете насколько доброе! Я когда узнала, чуть сознание не потеряла... В общем, у нашего Ильи сегодня день рождения, а он же вечно мечтает об океане... Так знаете, что ему подарил Николай Николаевич сегодня?

– Нет, – хором произнесли друзья.

– Два билета в Таиланд этой осенью! Представляете в самый настоящий островной рай! Он же постоянно зависает в своём ежедневнике, делая заметки про море и путешествия, а теперь его мечта сбудется!

– А он же на коляске..., – растерялась Олеся.

– Д а, поэтому два билета, – отреагировал спокойно Нагваль, – придется с ним кому-то поехать. Я вот пытаюсь уговорить Елену Ивановну, она все-таки с ним долгое время возиться...

– Нет, я не смогу. Я уже стара для этого. Лучше вы, Николай Николаевич, возьмете заслуженный отпуск и потихоньку скатаетесь. Поглядите на острова, живописные пляжи, а потом вернетесь и расскажите...

– Ладно, ещё решим эти детали, – не придавал этому особое значение Нагваль.

Он был преисполнен умиротворением. Будто сам себе подарил внутреннюю тишину и покой. Дело было не в поездке на острова, а в самом сделанном поступке. Николай знал работу своего мозга, и ему было жизненно необходимо совершать добрые дела. Он уязвим от горя людей, и спасается

лишь благородными действиями. Так рождались конкретно его Метастазы. Парень был счастлив за товарища, нашедшего жизненную панацею.

– А что за острова именно? – спросил он.

– Пхукет, – поведал Николай, – там самая красивая природа.

– Илья обрадовался?

– Я его никогда не видела таким! – восторженно ответила медсестра. – Он сиял от счастья!

Назар улыбнулся.

– Пойду тоже его поздравлю.

Парень поднялся наверх. По коридору доносились крики из одноместной палаты. Назар заглянул туда и увидел того самого Егора. Он лежал под капельницей и спал. Изредка из его рта вырывались стоны страданий. Парня накачали снотворным и легкими обезболивающими, так как именно сейчас проходила стадия отмены, сопровождающаяся спазмами в животе и болями в конечностях. Назар смотрел на наркомана и поражался степени веры Нагваля в других людей. Большинство на маргинеале поставило бы крест, но ни Николай. Он в нём разглядел надежду и мигом уцепился за неё. Медбрат помнил глаза врача и осознал, что тут не всё так просто. Нагваль не мог бросить парня. Хотя он бы никого не оставил.

Назар оставил орущего наркомана и дошёл до палаты инвалида, который сидел за столом и, по всей видимости, пи-

сал свою книгу.

– С днем рождения, Илья!

– Назар! – воскликнул тот радостно и на своей коляске подъехал поскорее пожать руку доброму гостю. – Спасибо большое! Ты знаешь эту новость?

Он действительно расцвел лицом. Глаза по-настоящему пестрели жизнью. Улыбка, похоже, всё это время не покидала его.

– То, что вы с Николаем возьмете на бордаж тайские острова, и подобно пиратам будете лежать на белом песке и попивать ром?

Тот засмеялся.

– Да! И всё это под шум океанских волн! Мне достаточно будет одного лежака и вида на горизонт, чтобы дописать свою книгу...

– Ты там будешь писать?

– Конечно! Возьму с собой блокнот и буду вести записи. Как говорится, из Жюль Верна в Керуака! Лучшее что человек может написать, он напишет в дороге!

– Это точно. Записывай каждое впечатление и тогда текст останется живой надолго.

– Господи, – его разрывало изнутри совершенное счастье, – я не могу поверить, что впервые увижу океан. Это будет самая романтическая история. Я ведь думал, что не увижу уже ничего...

– Да ты что такое говоришь... Ещё весь мир повидаешь.

Продашь бестселлер, станешь богачом и рванешь куда душе угодно.

Илья продолжал улыбаться.

– Да куда мне... У меня просто сахар снова начал повышаться и вновь язвы появились на конечностях. Вероятнее всего, я и года не протяну. Николай Николаевич об этом тоже естественно знает.

Назар удивлялся. Ни одна мышца на лице мужчины не дернулась. Прежнее выражение радости сохранялось, даже когда речь зашла о здоровье.

– Так что может посмертно удастся протолкнуть книгу.

– Вот посмотришь, – похлопал его по плечу медбрат, – мы этим ещё вместе займемся.

– Спасибо.

– Насмотришься там экзотические танцы пышногрудых девиц, накуришься отменной травой с их диких болот, выпьешь все тайские запасы рома и , если умрешь, то только от похмелья на следующий день!

Илья засмеялся в голос.

– Звучит неплохо. Ещё мечтаю их рыбные блюда отведать с бокалом вина.

– И это будет. У них там рыба всегда свежая и продается за копейки у любого рыбака.

– Запечь её с овощами, да белым соусом. Пальчики оближешь.

– Нагваль – мастер по приготовлению рыбы.

Илья в блаженстве на секунду замолк, будто заново окунаясь в своё счастье.

– Значит, будем стучаться до небес прямо на берегу индийского океана! – заключил он.

– Именно! И нам обязательно откроют.

...

Нагваль, Олеся, Елена Ивановна, Илья, Лиля и Назар собрались в палате Маргариты Алексеевны. По словам Николая – бабушке становилось всё хуже. Рак прогрессировал, и химиотерапия уже не помогала. Оставалось лишь постоянно купировать боль. Она часто спала, а если бодрствовала, то была совершенно лишена сил. Рядом с ней большую часть времени проводила Лилия. Бледная девочка целыми днями старалась хоть чем-нибудь помочь близкому человеку. Сейчас старушка лежала ничком на койке и иногда находила в себе силу духа, чтобы чуть поддержать разговор и иногда улыбнуться. Народ собрался отметить день рождения. Не пришла только Оксана, которая уже к тому моменту спала. Ей Лилия отрезала огромный кусок торта и поставила на тумбочку. На празднике кто-то уплетал сладости, кто-то порезанные фрукты. Много было сказано теплых слов и пожеланий в адрес Ильи. Нагваль рассказывал про прошедшее путешествие с Назаром, а потом Илье давал советы, что можно с собой будет взять в Таиланд. Олеся не удержалась и рассказала Лиле о реконструкции дома на дереве. Девочка была потрясена до глубины души, начав сразу же расспра-

шивать об изменениях и обстановке. Назар поделился своим планом – совместно нарисовать карту до Пляжа Вечного счастья и закрепить её на дереве рядом с домом, чтобы все дети знали дорогу. Девочкам сначала идея показалась странной, но затем всё больше начала разжигать внутреннее желание. Вскоре подружки радостно согласились. Все путники должны знать маршрут на родину, которую они заслужили. Олеся с Лилей начали вспоминать подробности об острове, которыми в своё время делились ребята. Они хотели по памяти вспомнить все детали, чтобы потом обозначить их на карте. В какой-то момент Назар остался незаметным в стороне, он понял, что с ними мог сидеть и праздновать ещё один человек. Интуиция подсказывала, что сейчас самая подходящая минута для внезапного визита. Парень развернулся и тихо вышел из палаты, чтобы не прервать общую беседу. Назар вышел в освещенный лампочками коридор и прошёл до комнаты Ворчуна. Назар знал, что дед не пошлет и не оскорбит его. Уверенность родилась из ничего, но она была стопроцентной. Парень вежливо постучался и приоткрыл дверь. Ворчун сидел на краю кровати в кромешной темноте и смотрел в окно на тусклые фонари возле аллеи. Он безразличным взглядом взглянул на гостя, а потом так же медленно вернул глаза к окну.

– Доброго вечера, – поздоровался Назар.

Старик молчал, а потом неожиданно из его уст вылетел совершенно спокойный ответ:

– Доброго.

Назар понял, что интуиция не подвела. Ворчун отложил свой защитный хитиновый панцирь в сторону и остался в том, в чем бог послал на свет.

– Почему не празднуете со всеми? – парень зашел внутрь палаты.

– Не хочу, – молвил тем же тоном старик.

– Почему?

– Не хочу своим настроением портить кому-то праздник.

Спокойствие Ворчуна настораживало и показалось граничащим с внутренним отчаянием. Когда на всё плевать настолько, что даже скрывать переживание или злиться на кого-то уже не хочется.

– Я не считаю, что вы бы могли испортить кому-то праздник. Вы же друг Николая Николаевича.

– Я пациент всего лишь.

– Но всё же.

Назар увидел на столе старика фотографию, на которой была изображена молодая семья. Муж, жена и маленький ребенок на руках отца. Фотография лежала в полном одиночестве и, видимо, принадлежала Ворчуну. Тот понимал, что медбрат заметил его личную вещь, но никак не отреагировал и продолжил глядеть пустыми глазами в окно, сложив руки в замок.

– Это ваша семья? – осторожно попробовал спросить Назар.

– Да.

– С ней что-то случилось?

– Нет.

– Они вас навещают?

– Нет.

Назару казалось не привычным нормальное отношение старика. Каждый раз парень боялся, что тот сорвется, но тут случилось совсем из рамок выходящее: ворчун заговорил сам.

– Я больше не часть их семьи.

– Почему?

– Я работал преподавателем в элитном университете, – начал издали Ворчун, – имел два высших образования. После смерти жены остался лишь сын со своей семьёй. Он никогда не умел зарабатывать особо деньги, и я ему помогал, чем мог. Я его очень любил. Он единственное, что у меня осталось из напоминаний о моей собственной жизни. Он меня попросил переписать на него квартиру...

Ворчун замолчал, о чем-то размышляя в голове. Потом продолжил с тем же холодным отношением:

– Я оказался на улице через год. Он сказал, что не хочет меня видеть, и что я виноват в смерти его мамы. Он сменил замок в квартире и в загородном доме, оставив меня без всего. Я пытался с ним говорить, но...

– Почему он так сделал?

– Не знаю.

– Неужели у вас не осталось денег, чтобы нанять адвоката?

– Я все сбережения свои отдавал. Да и если бы были, то ни к кому бы я не обратился...

– Но почему?

– Я его люблю. Очень. Иногда это нельзя объяснить.

Назар хотел спорить, но некоторые ситуации жизни, действительно, подтверждали его слова.

– Николай Николаевич нашел меня на теплотрассе. Я выпивал и жил на улице. В тот день на дворе было ноль градусов, я валялся около плит под проливным дождём среди кошек. Мне хотелось умереть и отправиться на тот свет к жене, но доктор пришёл ко мне на помощь.

– Где же вы жили в такой холод?

– В подъездах, в подвалах, бывало, даже в канализации прятался. Ночью, ещё и на трезвую голову, порой становится очень холодно...

– Вы говорили об этом сыну?

– Он не желает со мной разговаривать. Единственный кто меня выслушал – это Николай. Он меня накормил и определил в хоспис. Теперь я тут провожу остаток своих дней. Помогаю с ремонтом иногда, ухаживаю за газоном...

Теперь Назар раскрыл причину ненависти дедушки ко всему миру.

– Это лучше, чем безостановочно пить и искать силы с собой покончить. Казалось бы, всё, финиш, ты проиграл. Но всегда проклятая надежда и любовь тебя подталкивают за-

держаться ещё на немного. Вдруг что-то изменится...

– Так может и изменится... Если вы с сыном ещё поговорите спустя время...

– Он не тот человек, который поменяет своё решение. Я понимаю, что ему нужны были деньги, а я лишь являлся обузой. Но он мой сын, а с возрастом, с утратой здоровья и жизненной энергии деньги становятся пустышкой. Мне не жалко их. Я сдался, потому что мне было невыносимо обидно.

– Наверное, мы все от кого-то зависим и наше поражение в их руках.

– Потому что любим. В старости у тебя совсем никого не остаётся, кроме родных. Ты даже сам себе не нужен. Так... Живёшь на рефлексиях.

Ворчун потрошил свою душу. Наружу выходило то, что было накоплено за долгое время. Он говорил, потому что было уже всё равно. Ничего не изменить и не доказать. Отчаяние всегда освобождает.

– Но у вас же есть внук...

– Внучка.

– Может, ради неё стоит жить.

– Отец и мать к ней даже не подпускают.

Старик впервые посмотрел на Назара и в этих глазах парень увидел полную потерянность и жалость. Окаменевшие слои слетели с души.

– Мне тяжело советовать с позиции чужого человека, – начал Назар, – но в одном я точно убежден... В этой жизни,

если мы что-то и совершаем от чистого сердца, то это делаем просто так. Никакого смысла, никакого взаимного ответа, никакого значения – ничего. Мы существуем просто так, ничего не изменяя и не приобретая нового. Но если всё делается просто так, то почему бы не пытаться до конца. Неужели нам жалко себя, настолько незначительных существ, или своей жизни, которая пролетит, что мы моргнуть не успеем. Почему бы не идти до конца...

Старик внимательно слушал и не хотел прерывать.

– Может, вам стоит пытаться видеться с внучкой и жить для неё. Если даже сто раз не получится, то все-таки настанет тот один момент, ради которого всё будет не зря. Вам нечего терять. Но в вас ещё ведь не умерла вера в добро до конца. Есть люди, которые ещё нуждаются в нём, которые ещё даже не видели в жизни ничего плохого. Разве они не заслуживают начать свою жизнь с чего-то светлого? Может, стоит свою последнюю искру вложить в тех, кого мы любим. Мне нравится фраза: из всей бессмыслицы, помогать людям – единственное менее бессмысленное.

Тут старик улыбнулся, и Назар воспрянул духом. Ворчун и забыл когда ощущал такое воодушевление. Ему не хотелось много говорить лишнего, оба понимали всё без слов.

– Поэтому стоит пытаться. Пытаться вам, мне, Николаю, и всем остальным. Ради друг друга.

– Интересно, – задумался дедушка, – они не успели уехать на отдых...

Назар по-доброму рассмеялся:

– Думаю, нет. Судьба должна была приберечь внучку для вас.

– Но с чем же я приду к ней?! – начал переживать из-за всяких глупостей старик.

– Знаете, – подумал Назар, – мы купили много тортов сегодня, их попросту некому есть. Но все малыши любят сладкое, и не хотелось бы, чтоб такое добро пропало...

Старик прослезился и протянул руку, надеясь начать всё заново. Назар пожал её, убеждаясь в очередной раз, что нет плохих людей, а есть только сломленные жизнью.

– Пойдемте ко всем остальным, – сказал Назар.

– А ничего, что я без подарка? – человек, вновь обретший надежду, подобен ребёнку.

– Нет. Там всех просто так рады видеть.

Старик поднялся, и они с Назаром направились на общий праздник, который продолжился разговорами и мечтами о будущем.

...

В эту же ночь, когда улицы центра города были максимально пусты, и воцарилось полное затишье, три человека в новогодних масках обезьянок и зайчиков дали себе волю. Они двигались быстро и оставались не заметными. Вандамы атаковали местные старинные мануфактуры, разрисовав их радужной краской. Памятникам архитектуры они надели парики, накладные усы, платья, клоунские костюмы и при-

делали между ног резиновые фаллосы. Возле входа роддома разбросали лепестки шиповника. У стен банка оставили украденные венки с подписями: «Упокой душу здоровья и счастья человеческого». На зданиях городских министерств вывели надписи дерьмом: «Мы любим трахаться и смеяться». На домах вдоль центральной дороги красками цитировали музыкантов. «Пластмассовый мир победил». «Глядит на танцоров и знает, что каждый из них умрет, но никто не хочет думать о том, пока Титаник плывет». «Она хотела повеситься – но институт, экзамен и сессия». «По свету ходят мертвецы с такими добрыми глазами». «Смерть – стоит того, чтобы жить, а любовь – стоит того, чтобы ждать». Досталось всему культурному центру, троица оставалась безжалостна. Ребята хохотали, кривлялись и ждали рассвета, чтобы мир погрузился в хаос, в котором они видели другое начало. Все их действия являлись посланием, напоминанием, что и они тоже люди. В их планах не было разгрома или уничтожения, для них самым важным оставалось то, что почувствуют люди, увидев их глупости. Некоторых уже не изменить, но большинство ждали глотка свободы. Банда знала это, потому что под шуточными масками скрывались те же раненные души. Они ничем не дорожили и хотели лишь заразить жизнь остальных. Дать понять, что мир – всего лишь шутка. Всё выдуманно потехи ради. Нечем дорожить вокруг, можно только смеяться.

Закончив с анархией и услышав звуки патрульных сирен,

три хулигана скрылись во дворах. Там они долго ещё ржали над содеянным безобразием, а затем заголосили песню на весь спальный район, в которой неразобранно, запутано, завуалировано, но так красиво говорилось про какие-то метастазы.

Глава 11. Четвёртая ступень

Валдаеву пришлось нарушить типичный распорядок дня. Коллеги разбудили лейтенанта раньше обычного, доложив об сложившейся ситуации в городе. Семен Павлович ответил на мобильник и выслушал новости, постепенно вникая в суть.

– Зацепки какие-то есть? – спросил он бодрым голосом.

– Нет. Просто насрали и ушли.

– Свидетелей тоже нет?

– Все спали. Да и темно было.

– Выезжаю.

Он надел рабочую форму и, не позавтракав, покинул свою обитель. Родные продолжили спать, не услышав и шороха. Лейтенант с задумчивым лицом завел машину и направился в центр города. В силу своего опыта Валдаев решил заранее обмозговать положение дел. Кто могли быть эти люди. Каковы их намерения. Но все мысли улетучились, стоило ему заехать на главную улицу, где и произошёл беспорядок. Каждое второе государственное здание оказалось исписанным гадостями, памятники изуродованными, объекты искусства и местные достопримечательности оскверненными. Создалось впечатление, что здесь поработала целая организованная группировка вандалов. Семён Павлович сжал крепко зубы и нахмурил брови. Его жигуль подъехал к банку, возле которого топтали асфальт сотрудники. Уборщицы

вымывали надпись, сделанную испражнениями, а их начальство о чем-то беседовали с полицией. Генерал Лазарев, увидев Валдаева, прервал разговор с возмущенным владельцем и подобрался всей своей массивной тушей к подданному.

– Здарова, Палыч.

– Здравия желаю, – со всем почтением изрек Семен.

– Не знаешь, что за беспредел тут произошел?

– Понятия не имею.

– Прямо засранцы редкостные..., – он закурил сигарету, пробегая глазами по улице, – странно, что никто из местных не заметил нарушителей ночью...

– Очень странно.

– Слушай, Палыч, мне мозги уже все вынесли с этим бардаком, – он почесал затылок тяжёлой с похмелья головы, – я не потерплю этого говна в городе...

– Я понимаю, товарищ генерал.

– Ты ответственный за район, поэтому и разгребать тебе придется. Я не знаю там... Смотри камеры, ищи понятых, но чтоб шпана угомонилась... Это не дело.

Валдаев кивал головой, уводя глаза в сторону.

– Семья как? – неожиданно переключил тему Лазарев.

– Хорошо.

– Вот и отлично. Пока отец семейства занимает такую должность, всё будет на мази. Так что, не подведи.

Он похлопал по плечу коллегу и удалился. Валдаев долго смотрел вслед коротеньких толстых ножек и осознавал, что

облажался. Лейтенант стоял так ещё некоторое время, глядя на несчастную уборщицу со шваброй, а затем набрал по телефону своего помощника Игоря.

– Алло, – ответил молодой парень после долгих гудков.

– Игорь, это я, приезжай к центральной площади...

– Что случилось?

– Тут ЧП. Вся улица в экстремистских лозунгах. Кто-то ночью хорошо постарался...

– А... Как... Хорошо, сейчас буду, – Игорь засуетился и начал выполнять приказ. – Кто это мог быть...

– Не знаю. Сейчас будем брать показания и смотреть камеры домов. Потому что я думаю, – заявил Валдаев строгим тоном, – это только начало. Эти люди что-то хотят доказать и вряд ли остановятся просто так...

– Может, просто пьяные хулиганы...

Семен Павлович обратил внимание на громкие цитаты, зияющие на стенах домов красной краской. Глядя на них, произвольно начинала в голове играть знакомая музыка. Живая и пробуждающая.

– Слушай, Игорь, – резко вернулся к разговору Валдаев, – а как того паренька звали, которого вы в такси взяли?

– Михаил, кажется... Фамилию не помню.

Лейтенант усмехнулся.

– Поезжай тогда сразу на участок и ищи его дело, я сейчас тоже приеду, – небольшая пауза, – будем ловить остальных музыкантов.

...

За всё рано или поздно приходится платить. То, тебя делает счастливым, легко отнять. Нет чёткого плана и всемирного заговора против тебя, просто это жизнь. Мы все в её руках детали и пазлы, которыми она орудует, как пожелает. Ты не был Богом, ты не был даже особенностью, и поэтому будь готов распрощаться даже с самым дорогим, что у тебя есть. Не расстраивайся, что это случилось с тобой. Сегодня жизнь забрала у тебя дорогих, а завтра у них заберет тебя.

Назар сходил позавтракать в ближайшее кафе. На улице дул легкий ветерок, и парень решил задержаться на летней веранде с книжкой в руках. Он пил кофе и наслаждался воздухом. В какой-то момент сфотографировал вид заведения снаружи и скинул Даше с подписью: «Доброе утро. Поиграем в семейную пару за чашечкой кофе и круассанами?)))).». На что получил ответ, который в миг прогнал с лица улыбку: «Работаю». Он отложил мобильник в сторону, откинулся на стул и углубился в книгу. Снова начиналась старая добрая игра в напускное безразличие. В девушке словно сидело несколько личностей, живущих каждый по своим правилам. Каждая личность выработала стратегию действий, чтобы выжить и не причинить какой-то урон хозяйки. Сколько нужно было обжечься, чтобы заменить себя настоящую на несколько фальшивок. Сколько нужно было расщеплений, чтобы не чувствовать одну целую гигантскую боль. Даша везде разная, везде непостоянная, чтобы никто не смог её поймать и при-

вязать к себе. Вечное обновление в погоне за счастьем. Назар её понимал. Нам не хочется быть самими собой. Теми, кого когда-то ранили и обидели. Даша тоже от чего-то бежит. Девушка не хочет повторять ошибок. Как и Назар. Правда, в этом получается один парадокс. Если человек не дает ранить себя, он обязательно ранит других.

От злополучных мыслей парня вернул вибрирующий телефон. Звонил Нагваль. Назар взял трубку.

– Привет, – начал быстро Николай, – приезжай в хоспис. Медбрат сразу почувствовал что-то неладное.

– Что случилось?

– Приезжай скорее, – на этом разговор оборвался.

Назар закопошился, позвал официанта, расплатился с ним за завтрак и вызвал такси, понимая, что Нагваль не стал бы просто так гонять товарища. Свободная машина нашлась быстро, и вот уже парень мчал в другую часть города. Назар предположить не мог, что там стряслось. Счастье ненадежное. Счастье хрупкое и ломкое. В хосписе счастье, связанное с жизнью – одна сплошная иллюзия.

Парень попросил остановить у забора и остаток пути пробежал на своих двух. С порога в нос уже ударил запах открытой процедурной. В переходе стояли и молчали потрепанная Елена Ивановна и бледный Нагваль.

– Что стряслось? – выдавил запыхавшийся парень.

Николай посмотрел на него грустными смиренными глазами, пытаясь оторваться от своих тяжёлых дум.

– Лиля плачет с самого утра.

Назар ощутил по спине бегущие мурашки. Он понял то, что хочет этим сказать врач.

– Кто...

– Маргарита Алексеевна.

Парень ощутил наступление неизбежности. Событие, которое должно случиться и которое невозможно предотвратить. Сколько таких повторяющихся трагедий происходит в жизни каждого, а все равно люди остаются и останутся заложниками ситуаций.

– Вчера же ещё всё было хорошо..., – изрек Назар, пустота поселилась и в его глазах.

– Бабушка уже долгое время жила лишь на одних сильных обезболивающих. Её время пришло.

Елена Ивановна впервые стояла рядом и молчала. Женщина не могла подобрать слов. Хоть ей довелось проводить на тот свет многих людей, но все равно каждое следующее прощание становилось похожим на первое.

– Рак повредил важные функциональные участки в мозге. Её организм не в состоянии поддерживать жизнь. Никакая химия и никакие операции здесь не помогут, – самому себе повторял Нагваль.

Со всем, к чему привязался, готовься распрощаться. За каждое неравнодушие готов понести несчастье. За каждую долю хорошего в жизни придется заплатить потому, что все составляющие этого хорошего рано или поздно покинут те-

бя. Придет и другое, но ты уже будешь разобран и мёртв внутри. Ты состоял из людей, которые так не долговечны.

– Как же это Лилечка перенесет..., – вздохнула тяжело Елена Ивановна, – она её так любит...

Нагваль не знал, что на это ответить. Он стоял молча, а затем обратился к другу:

– Назар, мне нужно, чтобы ты сегодня был здесь. Я один не справлюсь.

– Хорошо. Маргарита Алексеевна в сознании сейчас?

– Под анестезией спит. Мы не прекращаем её накачивать, иначе боль уничтожит. Но скоро и купирование будет не эффективно, сердце слишком слабое.

Сверху послышался звериный крик, сопровождающийся лязгом о пол палатной койки. Назар посмотрел вопросительным взглядом на коллег.

– Наркоман этот. Егор. Пару часов назад пришёл в себя, теперь бушует. Ломка у него..., – объяснила раздраженно старшая медсестра. – И так всем плохо, еще и он...

– Дай ему снотворным подышать, пускай поспит, – спокойно сказал Нагваль. – Скоро должен закончиться синдром отмены и можно с ним будет поговорить.

– Он, по-моему, всегда невменяемый, – буркнула женщина и ушла в процедурную.

Назар вместе с Нагвалем направился на второй этаж. В холле никого не оказалось, кроме Оксаны. Девушка в полном молчании смотрела в окно, отвернувшись от всех, и да-

же не реагировала на истошные вопли.

– Суки! Пидорасы! Отпустите меня! Мне больно, гондоны ебанные! Я не хочу! Отпустите! – доносилось по всему этажу. Каждое слово било молотом по голове и сердцу.

Николай вздохнул, но ничего не сказал, а отправился напрямиком в палату к наркоману. Назар поспешил за ним.

Егор оказался привязанным к поручням койки, но это не мешало ему извиваться всем телом и сотрясать пол.

– Что ты орешь? – обратился доктор к нему.

Пациент красными бешеными глазами взглянул на гостей. Пот с него лил ручьями, вены на теле вздулись.

– Отпустите меня!

– Ты должен прийти в себя. У тебя интоксикация наркотиками...

– ААААА! – перебил наркоман своим воплем Нагваля. – Пошел нахуй! Отпусти меня! Отпусти, сказал!

Он начал долбить тазом о койку еще сильнее, а затем со стоном боли завертел животом, измученным спазмами.

– Ты должен потерпеть! – не сдавался Нагваль. – Это скоро закончится...

– У меня все болит... Отвяжи! Отвяжи меня, пидорас! АААА!

Тут подоспела Елена Ивановна с кислородной маской. Нагваль настроил систему. Сначала наркоман пытался сопротивляться, но Назар помог придержать его голову.

Парень крутился и орал, но вскоре под действием препа-

ратов уснул.

Николай сполоснул руки от слюней пациента, а затем, не сказав ни слова, вышел наружу.

– Обосрался весь, – бросила Елена Ивановна, глядя на постельное белье, – снова менять.

Женщина перевернула спящего Егора набок и начала собирать простыни, готовясь подстелить новые. Назар смотрел на обездвиженное тело, из которого торчал катетер, и пребывал в небытие.

– Помочь? – спросил он.

– Нет, я сама. Лучше сходи с Николаем Николаевичем к Лиле. Ей там и так плохо, а ещё этот...

Она снизила голос, но продолжала недовольно бубнить. Назар оставил её и пошёл медленно по коридору разыскивать Нагваля. Двери в палаты были закрыты. Хоспис будто погрузился в сон. Никаких разговоров, никаких движений. Ещё недавно наполненные надеждой стены вмиг потускнели. Пациенты прятались, понимая, что уже давно являются их частью. Назар рискнул войти к старушке. Она находилась без сознания, с подключенным искусственным дыханием и питанием. Её организм прокапывало сразу три капельницы, соединенные в один катетер. Грудь тихонько вздымалась вверх по мере вдоха. Лицо окутало спокойствие. Тело переставало существовать. Не чем и не за что переживать. Назар сделал глоток палатного воздуха и его глаза расширились. А может этот запах всегда рядом с людьми. Может, каждый чело-

век лично сам носит его день за днём. Где свобода от всего? Почему мы научились прощаться с собственной жизнью и смертью, но научиться расставанию с близкими людьми не можем?

Парень услышал плач в другом крыле этажа. Он оторвался от силуэта Маргариты Алексеевны и повернул голову в сторону источника звука. Плач принадлежал ребенку. Столько из него исходило окончательного и безысходного, что Назара пробрало от головы до пят. Коридор казался бесконечно длинным, не имеющим власти над ситуацией в жизни. Сколько по нему ходило умирающих людей и сколько ещё пройдет. Он просто им предлагал пол, окна и кровати. Просто становился незначительной частичкой в их предсмертном периоде. Коридор оставался, а люди уходили. Кто-то трогал его стены, кто-то рисовал на них, кто-то плакал, уткнувшись в них, но заканчивалось всё всегда тишиной.

Парень на цыпочках добрался до палаты больной раком девочки и замер в метре от двери. Лиля плакала, а Нагваль продолжал жалеть её. Он мог это продолжать делать столько, сколько потребуется. Он никуда никогда не спешил. Спешить было глупо, он понимал это с каждым следующим днем, с каждой следующей смертью. Девочка старалась успокоиться, но слезы всё равно брали вверх над усилиями, и она вновь утыкалась в руку заботливому человеку, который заменял ей всех родных.

– Что... Что теперь будет? – еле получалось у неё гово-

ритель.

Нагваль молчал, а Назар продолжал стоять за стеной, полностью приросший к паркету.

– Она одна со мной здесь играла...

– Я буду играть с тобой. И Олеся будет с тобой играть. Назар будет с тобой играть.

– Я думала, что она проживет подольше. У неё ведь то же самое, что у меня...

Некоторые слова просто проглатывались всхлипами.

– Она была старенькая. Её тело уже не в силах бороться.

– Мы с ней хотели завести много маленьких коал и ухаживать за ними. Она очень сильная...

– Маргарита Алексеевна была намного сильнее каждого из нас.

Девочка жалобно завывала в отчаянии, а врач прижал её к себе покрепче.

– Я ведь тоже умираю. Я не хочу, чтобы Олеся плакала...

Долгое молчание, а потом Нагваль произнёс:

– Ты не умрешь.

– Я же знаю, что болезнь моя прогрессирует.

– Нет, – с чёткой уверенностью повторил Нагваль, – ты будешь жить вечно. Я в это верю.

– Но вы же сами всё знаете, – вытирала слезы Лиля и смотрела прямо в большие глаза доктора.

– Я тебя люблю. И я верю, что ты никогда не умрешь. Ты же знаешь, что вера спасает?

– Да. Но ведь я тоже верила, а...

– Вера спасает тех людей, которых ты любишь.

Назар чувствовал, как часто бьется сердце. Его глаза стали влажными, но он не посмел дать слабину.

– Я верила, что Алексеевна успеет осуществить свои мечты.

Девочка смотрела испытывающим взглядом на Николая. Её руки дрожали, а бледность лица не мог скрыть и румянец, выступивший после горьких слез.

– Я верила, что ей удастся в последний раз увидеть ту красоту, о которой она всегда рассказывала...

Нагваль смотрел на неё с жалостью, не зная, что сказать. Тут в палату зашел медленным шагом Назар. Он бросил взгляд на знакомые изрисованные джунглями и коалами стены, а потом и на двух друзей, сидящих на койке.

– Маргарита Алексеевна сможет увидеть то, о чем мечтала, – растерянным голосом заявил парень, – она ведь хотела с нами попасть на карнавал в Рио... Так почему бы ей сегодня не взглянуть на него в живую...

Нагваль с девочкой сначала не поняли, что имеет в виду Назар, но потом идея проскользнула к ним в подкорку. Увидев слабовыраженные улыбки, медбрат собрался с духом и улыбнулся за троих.

– У нас ведь получится спеть и станцевать не хуже, чем у этих бразильцев, не так ли?

...

Надо было действовать в темпе. Лиля осталась в хосписе ; вместе с Еленой Ивановной они проводили время возле Маргариты Алексеевны. Нагваль с Назаром сели в машину и поехали на квартиру за Олесей.

– Как ты думаешь, мы успеем? – волновался Назар.

– Мы должны успеть, ведь она верила, что побывает на карнавале, – загорелся так же идеей Николай.

Малышка сидела дома и игралась с рыжим котом, который успел стать настоящим членом семьи.

– Олеся, – крикнул Нагваль с порога, – собирайся, мы едем в хоспис.

– Зачем? – в ответ бросила девочка.

– Продемонстрируем танцевальный номер для Алексеевны.

Олеся появилась в прихожей с сияющими глазами.

– Правда?

– Да.

– Ничего себе, – естественно она радовалась любой встрече с Лилей, – а что за танец?

– Бразильский. Помнишь, как на океанских пляжах индейцы в фильмах плясали?

– Прекрасно. А Персика можно взять с собой? – она жалобно протянула кота, который разглядывал гостей всё теми же любопытными глазами.

– Конечно можно.

– Ура.

Девочка побежала одеваться, а Нагваль закончил рыться в комоде и с грустью заявил :

– У нас никаких подходящих шмоток нет.

Беспомощный взгляд обратился к Назару.

– Нам нужен цветочный. Сделаем из цветов ожерелья и венки. Потом заедем в какой-нибудь магазин и купим музыкальные инструменты и пару цыганских юбок. Думаю, в самый раз пойдет.

Нагваль одобрительно усмехнулся. Чёрные круги под глазами озарились искрой. Бездействие в нашей жизни – единственная недопустимая вещь. Всё с самого начала известно, но нельзя опускать рук.

– Ты просто гений!

Олесе понадобилось немного времени, чтобы собраться к предстоящему мероприятию. Девочка через пару минут выскочила из комнаты в платье, босоножках и котом подмышку.

– Нам нужна будет музыка, – заявил Николай и взял колонку с тумбочки. – Надеюсь, заряжена.

– Если что, я буду петь, – бросила Олеся и вышла из квартиры первой, остальные поторопились за ней.

Сначала, следуя плану, команда заехала в цветочный отдел. Флорист за кассой очень удивилась неформальной просьбе скрепить бутоны цветов в несколько венков и шейных бус. Продащица красиво переплетала цветы, постоянно демонстрируя результат работы. Олеся пребывала в вос-

торге, а Николай с Назаром тем временем усиленно рассуждали над нарядами.

– Я боюсь поинтересоваться, – светским тоном молвила женщина за кассой, работая над ожерельями, – а для чего это вам?

– Мы задумали организовать карнавал, – призналась мигом Олеся.

– Ну ничего себе! И где будет столь изысканное выступление?

– Тут по персональному заказу, уж извините. – Оборвал её Николай. – Вы не подскажите, где здесь можно приобрести гавайские тряпки в стиле шаманских дикарей?

Флорист надула губы.

– Нет. Но... В этом торговом центре есть Секонд Хенд неплохой. Можете подыскать что-то подходящее.

– Отлично, – восторжествовал Нагваль, – тогда я останусь здесь, а вы сходите за одеждой.

Олеся издала радостный клич и, взяв за руку Назара, потащила его на поиски нужного бутика. Секонд оказался на втором этаже и был довольно впечатляющих размеров. Побродив по нему полчаса, корзины оказались наполнены разной всячиной. Друзья нашли шотландские юбки, гавайские рубашки и шорты, длинные разноцветные буддийские платья, подходящие как мужчинам, так и женщинам. Когда Нагваль вернулся в строй, ребята уже топтались у кассы.

– Вижу, вы постарались на славу.

– Это будет лучший карнавал в жизни! – смеялась Олеся.

– Надеюсь.

Перетащив вещи в машину, где уже ждали цветочные украшения, команда нашла по навигатору магазин музыкального инвентаря.

– Я еще палочки благовония и свечи купил, – похвастался Нагваль за рулем, – всё должно произойти как в сказке!

Назар поглядел на старания друга. Желание помочь другим – главная суть Метастазов. Не важно как. Не важно какой ценой. Главное сделать всё для спасения какой-либо частички человека, даже если тот находится при смерти. Это должно вдохновить остальных. Должно изменить мир.

В магазине продавалась куча гитар и барабанов. Друзья знали, что это не подходит и сразу задали вопрос в лоб:

– А у вас есть что-нибудь экзотическое?

Через минуту команда вышла, держа в руках только что приобретённые укулеле, бубен и маракасы. Довольные собой они отправились обратно в хоспис. На дворе стояла пасмурная погода, но она не могла навредить боевому настрою целеустремлённой троицы. Они добежали с покупками в больницу, где их встретила с удивленными глазами Елена Ивановна.

– Вы что, в Мексику собрались? – спросила она, немного улыбнувшись.

– На карнавал в Рио-де-Жанейро! И вас, дорогая, берем с собой! – заявил Нагваль, подбирая подходящий костюм кол-

леге.

– В смысле? – с недоумением смотрела медсестра на возбужденных чудаков.

Через некоторое время Нагваль разложил план по полочкам. Женщина мгновенно всё поняла и не смогла отказать в участии заключительного шоу. Николай отправил Олесю с вещами наверх к Лиле и приказал одеваться тихо, чтобы Алексеевна ничего не заподозрила. Девочка с кучей вещей потащила на второй этаж, оставив взрослых наедине.

– Если и встречать смерть, то только с улыбкой. Любую. – Заявил с каким-то отречением на лице Нагваль и принялся примерять наряд первым.

Каждый выбрал себе по юбке, рубашке и по цветочному венку с ожерельем. Девочкам достались яркие платья.

– Я так в последний раз наряжался, когда в детстве пародировал Леонтьева перед телевизором, – признался с усмешкой Назар, глядя на себя в зеркало.

Все засмеялись, понимая, что выглядят не лучше.

– Зато красочно, – рассматривал врач ожерелье из ароматных бутонов.

– А у меня платье тесновато, – мучилась Елена Ивановна.

– Вы прекрасно смотрите!

– Вы меня точно не уволите?

– Повышу в должности! Все готовы?

– Да, – заявили хором медработники.

– Тогда пошли.

Девочки уже ждали на лестнице. Худое тело Лили утопало в платье и огромном ожерелье, но малышка улыбалась, понимая на что идет. Она больше не плакала и старалась сдерживать себя.

– Как мы выглядим? – продемонстрировала Олеся старания дизайнера взрослым .

– Чудесно! Две самые настоящие лесные феи!

– Мы вообще-то шаманские богини!

– Какие инструменты выбираете, шаманские богини? – шепотом спросил Нагваль.

Олеся забрала укулеле, Лиля взяла маракас, а Елене Ивановне достался бубен. Назар с Нагвалем остались на подтанцовке.

– Она не спит?

– Перед вашим приездом пришла в себя. Сейчас в её палате сидят Илья с Ворчуном.

– Отлично. Тогда по команде включаем музыку и заходим.

– Да-да! – сгорала от нетерпения Олеся.

Нагваль поджёт ароматизированные палочки со свечами и раздал по очереди напарникам. Затем дело оставалось за малым: Николай нашел скачанную заблаговременно экзотическую мелодию на телефоне и подключил колонку. Пятеро друзей подобно мышкам подобрались к палате и притихли.

– Ну-с, – пот стекал из под венка на голове Нагваля, – станцуем как языческие боги! Вперед!

Дикари ворвались в палату, до смерти напугав присут-

ствующим. Старик схватился за сердце, а Илья чуть не свалился с коляски. Одна Алексеевна открыла глаза и с тем же спокойствием наблюдала за неожиданным вторжением.

– О, жаркий прекрасный Рио! – громким голосом представился Нагваль. – С его горячими белыми пляжами, необитаемыми джунглями, пенистыми океанскими волнами и пылающими жаждой жизни сердцами... Прямо для вас прибыл сюда! Встречайте, господа! Такого вам еще не доводилось видеть! Карнавал, который вас унесет в ностальгическое прошлое, или интересное будущее, а, может, скрасит вам настоящее...

Нагваль продолжал толкать свою импровизированную речь, пока танцевальная группа раздавала зрителям палочки и свечи, дабы освободить руки под инструменты. Илья с Ворчуном поспешили помочь артистам, не переставая при этом восхищенно улыбаться. Назар завесил шторы, а Николай поставил колонку на тумбочку. Наконец, когда свечи оказались на позициях и аромат дальних стран заполнил палату, ребята начали шоу. Женская часть начала пробовать играть на своих инструментах в такт мелодии, а мужская пыталась попасть в движение танца. Сначала получалось что-то первобытное, характерное, скорее, для обезьян. Но вскоре пошли цыганские пируэты, а дальше и самые настоящие пляжные танцы живота. Девочки смотрели на мужчин и еле сдерживались от смеха. Вскоре, приноровившись к инструментам, они тоже присоединились к танцу. Каждый старал-

ся отпустить мысли и отдаться музыке. Воспоминания из фильмов и мультиков помогали подбирать подходящие движения. Дурачество продолжалось, артистам начали помогать в анимации и зрители. Ворчун оказался отличным танцором. Он словно всю накопившуюся за долгое время энергию решил выпустить за один присест. Илья подобрал бубен и начал попадать в ритм. Народ плясал и веселился, пока сухие губы Маргариты Алексеевна не разошлись в улыбке. Её глаза искрились безграничной благодарностью. Она всё сразу поняла и наслаждалась вниманием каждого. Её низкий пульс на мониторе возрос, её практически мертвое сердце вновь забило. Мечта сбывалась. Пускай чужими руками, и в критической момент, но того счастья, которое грело сейчас душу, она бы не почувствовала и в самом Рио-де-Жанейро на настоящем карнавале. Люди глядели на её улыбку и заряжались радостью вновь. Они отбирали старушку у смерти. Они делились своей жизнью. Каждый танцевал, как умел. Пел, как умел. Играл, как умел. Люди готовы были сражаться за одну человеческую жизнь, ведь они верили в то, что лишь тогда любые старания не напрасны.

В какой-то момент бабушка потянулась рукой и попробовала что-то сказать. Нагваль заметил жест и выключил колонку. Назар увидел в дверях Оксану, она тоже наблюдала за шоу, и её глаза улыбались.

– Вам понравилось? – ликовала покрасневшая Олеся.

– Смех продлевает жизнь, – посмеялась Алексеевна ти-

хим голосом, – кажется, болезнь меня покинула.

Все захохотали и окружили старушку.

– Я что, правда, побывала сейчас на карнавале, о котором столько мечтала?

– Да.

Ей было тяжело говорить, но она не сдавалась:

– Я бы даже сказала, что у вас получилось намного лучше.

Рио в подметки не годится.

– Спасибо! Мы даже не репетировали, – вести диалог продолжала Олеся, остальные просто молчали и сдерживали слезы.

– Эх, дорогая. Теперь куда я не отправилась бы, мне уже ничего так не понравится, как ваше представление.

– Ой... – досадно произнесла девочка.

– Но ничего. Зато я счастлива. Уже давно ради меня ничего подобного не совершали.

Толпа стояла рядом с переходной формой человеческого существа. Стояла и провожала в последний, неизвестный никому путь. Друзья знали, что так будет с каждым. Это всего лишь вопрос времени. Они все – простые копии друг друга. Какое бы не было за плечами прошлое, какое бы не планировалось будущее. У них нет сил бороться с неизбежным и это факт. Они могут лишь переубедить себя и поверить в обратное. Если им это удастся, другие по их подобию тоже поверят. Старушка прикрыла глаза, сохраняя улыбку на своём лице. Но это была ещё не смерть, а просто сон. Сладкий,

беспечный сон перед окончательным пробуждением.

...

Назар зашел к Алексеевне позже. Он решил помочь старшей медсестре с капельницами и оставил эту палату напоследок. Нагваль, Лиля и Олеся рисовали огромный плакат, на котором маленькие девочки и бабушка ухаживают за пушистыми коалами в далёком будущем. Медбрат осторожно переступил порог, но потом понял, что старушка не спит. Маргарита Алексеевна лежала с открытыми глазами и будто ждала момента, когда кто-то войдет. Она потянула руку навстречу, и Назар мигом подскочил к койке, взяв старушку за ледяную руку.

– Назар, – шепотом произнесла бабушка и поморщилась от боли в голове, – я умираю...

Парень уже было бросился за Николаем, но Алексеевна все свои оставшиеся силы сосредоточила, чтобы сжать крепче его ладонь.

– Не надо. Он с девочками. Я... Я не хочу, чтобы они это видели. Побудь, пожалуйста, со мной.

Назар сначала метался, двоякое чувство разрывало его на части. Он не мог позволить вот так старушке сдаться, но с другой стороны понимал, что это конец. Парень хотел дальше продолжать сражаться, но осознавал, что в некоторых сражениях значение победы неоднозначно. Мы просто боремся всю жизнь, зная, что окажемся побежденными.

– Побудь со мной, – ещё раз попросила она и расслабила

руку.

Назар сдался и окончательно уселся на стул рядом с койкой. Он готов был сидеть с бабушкой до самого конца, сколько потребуется. Он держал её руку, надеясь, разделить с ней свои силы. Она просто человек. Просто добрый обычный человек.

– Так и не сходили на спектакль все вместе, – усмехнулась она, стараясь не закрывать глаза.

– Не сходили, – подтвердил Назар, справляясь с эмоциями.

– Зато побывали на самом настоящем карнавале в Рио. Это было потрясающе. Спасибо вам.

– Вам спасибо, что вы нас заразили этой идеей.

Бабушка улыбнулась и посмотрела за спину парню, будто что-то там узрев. Она глядела долго и пристально, Назар хотел уже обернуться, но она вновь заговорила:

– Как ты думаешь, Назар, что там дальше? Что там дальше будет, после того, как я закрою глаза?

– Я не знаю.

– А во что ты веришь?

– Я верю, что там всё будет хорошо. Это всего лишь продолжение пути.

– Пути?

– Часть нашего дальнейшего путешествия. Как ночь переходит в день, как энергия переходит в форму, как вода переходит в пар. Ничего никогда не исчезает и не может исчез-

нуть.

– Я не хочу забывать эту жизнь...

– Думаю, человек даже после смерти не сможет забыть моменты, когда был счастлив. Он будет носить эти моменты в себе. Он будет состоять только лишь из них. Всё лишнее покинет его.

Она лежала и смотрела влажными глазами в потолок. Её сухие губы подбирали слова:

– Мне всегда казалось, что люди в эту жизнь приходят ради других людей. Чтобы спасти кого-то и подарить им счастье. Если реальность не исчезает, пока человек о ней думает и помнит, то, может быть, некоторые яркие моменты остаются живыми и мы вместе с ними в памяти тех людей, с которыми их пережили. Может, имеет право на существование тот момент, пока о нём кто-то помнит. И туда можно в любой миг вернуться.

Назар задумался. Он хранил в голове многие воспоминания и знал, что они являются его составляющим. Человек то, что с ним произошло. Все люди, которые прошли через его жизнь, сыграли роль в окончательном метаморфозе. Люди, несомненно, живые части его самого, а он в свою очередь часть них. Но когда-нибудь и они... Назар не стал об этом думать.

– Я тоже так считаю, – улыбнулся он.

– А потом мы все встречаемся, – молвила мечтательно Маргарита Алексеевна, – сначала на небесах. Потом в дру-

гой жизни. Ведь мы наверняка уже сталкивались давным - давно. Не зря же всё повторяется на свете.

– Скорее всего, да.

Старушке стало тяжело дышать. Её тело напряглось и мышцы задрожали. Она старалась говорить, чтобы прогнать боль. Ей ещё что-то важное хотелось донести.

– А... Как... Ты думаешь, что люди должны напоследок сделать... Прежде... Прежде, чем умереть... Я... Я хочу... Знать...

Назар в тот миг знал, что нужно. Он хранил это в голове, даже не возвращаясь мыслями, но сейчас, подобно яркому факелу, понимание его озарило.

– Один умирающий родной человек когда-то сказал: то единственное, что мы можем сделать для смерти – это благо- склонно принять её. Чтобы принять её, мы должны искрен- не для себя понять, что прожили эту жизнь не зря. Как бы оправдывая жизнь, мы оправдываем и смерть.

Бабушка молчала и слушала.

– У вас есть какой-нибудь момент в жизни, о котором вы хотели бы рассказать? – спросил Назар.

Смерть подбиралась, но помешать рассказать ту историю не смогла.

– Мы с мужем были молоды, – начала свой последний рас- сказ Маргарита Алексеевна, – только поженились. Он был главным красавцем в городе, я тоже совсем ничего. Спустя многочисленные ухаживания я сдалась, и он был без ума от

счастья. Я тоже его полюбила и готова была любить и ждать с его полетами всю жизнь. Месяц жили с ним рядом, расхаживая по ресторанам и театрам, а на месяц он улетал на службу...

Теплые воспоминания прогоняли боль. Старушка не сбивалась, будто проговаривала эту историю про себя всю жизнь.

– И так как он служил военным летчиком, нам удалось однажды попасть в Малайзию. Тогда совсем никто не вылетал за границу, поэтому для нас это представилось настоящим чудом. Мы собрали самые свои красивые и дорогие наряды и отправились. Мы нашли свободное время и отправились к побережью. В это трудно поверить сейчас, но мы жили в хижине на берегу океана как самые настоящие аборигены. Муж по утрам рыбачил, я ходила за фруктами. Мы рисовали картины, пели песни и занимались любовью. Для нас жизнь была праздником. Я отдавала ему своё счастье, а он мне своё. Мы им всегда оказывались переполнены. Однажды мы решили переплыть на соседний необитаемый остров. Он находился довольно далеко и, чтобы задуманное удалось, мы долго тренировались на волнах у своего побережья. Наконец мы спохватились и сделали это. Плывая то на спине, то под водой, то останавливаясь, позволяя отдышаться друг другу, мы десантировались на диком пляже. Я не смогу подобрать слов, чтобы описать его красоту. Он лучше того, что мы видели когда-либо на картинках. Лучше, чем в любом фильме.

Лучше, чем в любом повествовании. Вода бирюзовая. Песок белоснежный. Джунгли непроходимы. Мы купались и бежали по волшебному пляжу. Мы были счастливы словно дети. Я думала, что попала в рай и не понимала, как такое заслужила. А... На закате... Когда мы поняли, что пора возвращаться, мой муж достал завёрнутую в целлофан бутылку и бумагу с карандашом. Он заключил на ней договор, по которому в этой или следующей жизни мы должны были вернуться сюда и оба поставить вторую подпись. Мы по очереди расписались, спрятали договор в бутылку и закопали её глубоко в песок рядом с самой красивой большой пальмой. Мы не сомневались, что совершим обещанное, и со спокойной душой отправились обратно к себе в хижину. Знаешь, что было дальше?

– Что? Вы вернулись? – улыбнулся Назар.

– Нет. Мы не смогли. Но мы об этом рассказали нашей дочке и её мужу. И через много лет, когда мой муж умер, дети поехали отдыхать, они прислали мне фотографию с того самого острова. Они сфотографировали ту потрепанную временем бутылку и сохранившийся договор, внизу которого они поставили за нас свои подписи... В тот момент я ничего не могла сделать, как поверить, что мой любимый человек где-то видит свершившееся чудо. Что он, как ты сказал, живет до сих пор в том моменте. В том нашем счастье. Тогда я знала, что он рядом со мной и останется здесь навсегда.

У неё на глазах выступили слезы. Тоненькими полосками

те побежали к подбородку .

– И в тот миг я еще кое-что поняла. Не так важно самому второй раз оказаться счастливым, важнее вдохновить на это счастье другого человека. Дать ему почувствовать то, что ты сам ощутил прежде. Мы не успели с мужем воплотить в жизнь наш договор, но за нас это сделали родные люди. Наше счастье распространилось на них...

Назар улыбнулся. Следы слез так же выступали на его горящих щеках. Маргарита Алексеевна прервала свой рассказ. Её лицо замерло, а дыхание стало реже и легче. Она вытянула руку куда-то вперед, будто желая за что-то взяться. Назар сжал крепче её свисающую ладонь, а второй рукой погладил ласково по волосам.

– Вам пора. Ваш долгий сон закончился, – тихим голосом шептал парень. – Доброго пути к Пляжу Вечного Счастья.

Рука бабушки упала и глаза, полные умиротворения, застыли. Её дыхание прекратилось . Аппарат запищал, фиксируя прямую изолинию. Назар не сдержался и заплакал. Слезы хлынули потоком. Он продолжал держать в руках пальцы усопшей. Так легко привязаться. Так тяжело отпустить. Так просто и страшно чувствовать себя снова человеком. Парень оставался сидеть рядом с койкой, не зная, как донести весть до остальных.

Но вдруг его тело произвольно встрепенулось от неожиданного прикосновения. Кто-то тихо подобрался и положил свою руку ему на плечо. Назар обернулся и увидел Нагваля с

его печальным, но всё принимающим в который раз лицом. Сколько он уже тут стоял парень не мог предположить. Николай смотрел на бездыханное тело Маргариты Алексеевны долгим, отреченным от всего мира взглядом, а затем сказал:

– Ты сам проводил на тот свет близкого человека. Это твоя четвертая ступень.

Теперь ты понимаешь, что человеку не нужны реинкарнации. Не нужны и следующие жизни. Всё повторяется. Всё приходит к одному и тому же. Но человек достигает источника истинного счастья и освобождается ото всего. Что человеческая форма, что безграничная пустота вселенной – ему уже без разницы. Он вечен и счастье его необратимо и в возможной следующей жизни, и в полном небытии. Поздравляю, – хлопнул Нагваль ещё раз по плечу и убрался прочь, – ты уже у грани.

Назар остался снова один. С ним остались лишь его испытания и прозрения, которые он приобретал и вновь приносил в жертву ради той самой цели. Цели, которую скрывал избранный им путь. А рядом кто-то просто уходил. Но какая-то часть уходящего оставалась навечно. Ведь одни метастазы пожирали человека, а другие Метастазы вселяли жизнь в других.

...

Солнце в очередной раз скрывается за горизонтом. Облака разукрашиваются в кровавый цвет. Как вчера, как завтра, как сто лет назад и сто лет вперёд. Окно в машине от-

крыто и в салон пробивается тёплый воздух.

«— Давайте, сегодняшней вечер проведем всей семьёй, — предложил ещё в хосписе Нагваль. — Возьмем с собой Лилу, Персика...

— Я не против, — тускло ответил Назар.

— Заедем домой, захватим палатки и двинем к речке на всю ночь.

Парень одобрительно улыбнулся прозвучавшей идее.

— Узнать бы где Валера с Егором находятся...»

Автомобиль набирал скорость, Николай хотел успеть расположиться на природе до наступления темноты. Девочки сидели сзади и играли с рыжим котом, на шерсти которого солнечный свет приобретал насыщенную гамму.

«— Мы должны радоваться освобождению дорогого нам человека, — говорил Нагваль, — Маргарита Алексеевна долго мучилась и наконец-то обрела покой.

Назара всё ещё душили слезы, но он старался сдерживаться перед девочками.

— Лиле я сам обо всем сообщу, а Олесе скажу, что бабушку пока перевели в реанимацию, — тяжело вздыхал доктор, — я бы и Лиле ничего не говорил. Слишком много потерь пришлось на память этих детей...»

Николай сидел молча за рулем и внимательно наблюдал за дорогой. Снова его душа стала порталом, через который он отпустил человека навсегда. С тем количеством усопших, прошедших через нее, там уже зияла одна сплошная чёрная

дыра, которая не цепляется за этот мир вовсе. Только идея и дети заполняли пустоту.

«– Но это хоспис, – подвел он черту, – здесь повсюду рука об руку бродят смерть и жизнь. Никогда не знаешь, кого следующего они начнут делить между собой. Каждый думает, что никогда не умрет, но для каждого уже предназначено место в одной большой связанной цепи.

– Неужели совсем ничего сделать нельзя? – поднял голову Назар.

– Твоя смерть лишь может изменить ход дальнейших событий. Как один пазл задает форму следующим пазлам.

– Значит, каждый пазл играет всё-таки роль?

– Конечно. Но какая общая складывающаяся картина... Каждый решает для себя сам.

– Я сегодня понял, – вспомнил разговор с умирающей бабушкой Назар, – что Метастазы уже начинают распространяться по этой общей картине... Ведь так?

– Да. Так и должно было случиться, ведь мы уже являемся носителями.»

Николай перед выездом связался с Валерой, Егор как раз находился с ним. На предложение совместного пикника парни отозвались положительно и начали собирать вещи. Договорились, что они подъедут на такси к дому Николая и оттуда все вместе на машине отправятся к лесу.

– Берите теплую одежду, – командовал Нагваль, роясь в куче вещей в поисках палаток, – Олесь, ты собирайся само-

стоятельно, Лиле я соберу сам.

Малышка оставила Персика с Лилей, которая растерянно стояла посреди комнаты и ждала друзей.

– Даже не верится, что мы вместе поедem в путешествие! – Олеся была вне себя от счастья. – А Валера с Егором точно поедут?

– Точно. Они сейчас сюда подъедут.

– Отлично, – с деловым выражением лица девочка сразу приготовила мыльные пистолеты и куклы, а только потом теплые колготки, штаны и свитера.

Назар относил палатки и вещи в багажник, пока Николай подбирал себе и товарищам подходящую одежду. Подъехало такси и из него вышли два парня. Назар сразу признал Егора и Валеру.

– Вот он! Вот он, красавчик! – подлетел к другу Лето и подхватил его радостно в воздух. – Уже тыщу лет не виделись!

– Ты меня сейчас удушишь, и точно столько лет не увидимся!

– Да я тебя на том свете достану даже!

Он наконец опустил товарища на землю и крепко обнял, Назар ответил объятиями, а затем повернулся к Валере. На лицо парень совсем похудел и выглядел очень уставшим.

– Ну, привет, герой! – улыбнулся ему он.

Назар обнял и второго друга.

– Как ты? – сразу начал с вопросов Назар.

– Потихоньку, – но лукавые глаза, как и прежде, сохраняли свой характер.

– Есть новости по поводу Миши?

– Пока нет...

– Но это только пока! – громко и уверенно заявил Лето. – Грядут большие перемены, дружище!

– Что вы задумали? – в силу своей неосведомленности тупил Назар.

– Скоро обо всем сам узнаешь, – кивнул Сад с улыбкой.

– Да, но давай не сегодня. Не при Нагвале и детях. В это их вмешивать не стоит, – заявил Егор, настораживая друга ещё больше.

Назар испытывал плохое предчувствие. Он понимал, какого масштаба хаос может царить в головах двух бунтарей, но по-прежнему верил обоим, как самому себе.

– Пойдемте к остальным, а то в темноте придется эти палатки ставить..., – смеялся Лето, – наконец научите и нас бомжевать.

Все захохотали и двинули в дом, где Николай как раз с девочками закончил сборы.

– А вот и мы! – ворвались ребята в дом.

Все начали друг с другом здороваться, так как за долгое время успели соскучиться. Олеся не отлипала от брата и лучшего друга.

– Пирожок, я надеюсь, ты взяла фонарь в палатку, чтоб не обсикаться, а то я заготовил много разных страшилок под

посиделки у костра! – дразнил Лето Олесю.

– Я взяла ствол, – навела курок девочка, – чтоб нашинковать тебя мыльными пулями!

Егор всплеснул от хохота.

– Так ты теперь гангстер?! Возьмешь меня к себе в мафию?

– Я подумаю.

– Я куплю тебе сегодня маршмеллоу.

– Ладно, уговорил, – сдалась крошка, – Но мы с Лилей будем боссами. Да, подруга?

– Да. Поэтому ещё и шоколадку, – заявила в шутку Лилия.

– Ха! Да тут целый синдикат...

– Так! – прервал галдеж Николай. – Хватит болтать! Пора за продуктами, а то ничего не успеем.

– Точно, есть жутко охота, – потер ладоши Егор и прихватил оставшиеся пакеты с вещами, – надеюсь, папочка нам приготовит свои фирменные колбаски...

Укомплектовав всё в багажник и оставив место под еду, народ кое-как уместился в машине. Получилось так, что Олесе с Персиком пришлось сидеть на коленях у Валеры.

– Кажется, рыжий кот слишком много места занимает, – ерничал в своём приподнятом настроении под общий смех Егор.

– Это ты много места занимаешь! – начинала злиться Олеса.

– Если он раздавит моего друга, я из него колбасок на

ужин наделаю!

Олеся стукнула носком кроссовка по голени шутника, а он в ответ чмокнул девочку в щеку.

– Фу! Слюнявый!

В магазине все распределились по товарам. Каждый брал то, что было необходимо согласно составленному списку. Встретились у кассы с тележками в два раза больше положенного. В итоге отсортировав и расплатившись, мужики отнесли продукты в машину.

– А долго ехать? – спросила Лиля, дух приключений её тоже успел приободрить.

– Нет. В районе получаса. Там очень красивое место.

– А волки есть?

– Нет.

– Мы и без них повоем на луну, – заявил Лето .

– Мы не забыли колбаски?

– Нет, только марשמеллоу.

– Эй, – надула пухленькие щеки девочка.

– Шутка. Взяли. Там на неделю проживания хватит.

Дети облегчено выдохнули. Двигатель завёлся, и машина двинулась с места. Чтобы предотвратить очередную перепалку, Нагваль с Назаром начали проводить инструктаж по выживанию в диких условиях. Было настолько скучно, что Егор с Валерой даже заснули. Не отвлекаясь, лишь слушали Олеся и Лиля, которым всё было до жути интересно. Когда автомобиль завернул на проселочную дорогу, на небе

уже сгустились сумерки. Николай сбавил скорость и, взглянув в сосновый бор, начал искать нужные ориентиры. После продолжительной тряски по кочкам, капитан все-таки повернул налево и, припарковав машину, остановился.

– На выход, дорогие мои! Прибыли!

Ребята пробудились и оживленно покинули салон. Компанию окружал сосновый лес, пропахший насквозь смолой. Ноги топтали сухие иголки и опавшие шишки. Земля оказалась достаточно твёрдой, чтобы с легкостью поставить палатки. Вдали мерцало в световом зареве озеро.

– Прямо таки какие-то ужасики 80-х, – потянулся весело Егор.

– Думаешь, Джейсон выскочит? – подыграл Сад.

– Если это только не Хрустальное озеро.

– Это хрустально чистое озеро – поправил самодовольно Нагваль. – Не правда ли, чудесно?

– Самое то для озорного шабаша!

– Что такое шабаш? – задала вопрос Олеся.

– Тебе лучше не знать, пирожок!

Мужики перенесли пакеты и сумки на поляну. Девочки с Персиком спустились вниз по песчаному карьере к воде, задумав проверить температуру.

– Эти корни деревьев торчат из земли, как лапы монстров, – заявила Олеся.

– Очень необычно, – подтвердила Лиля.

– И страшно...

– Не бойся. С такой охраной мы не попадем в беду.

Они похлопали ладонью по поверхности воды. Оказалась теплой. Лучи солнца за день её хорошо прогрели и холодной та станет только к утру. Рыжий кот держался подальше от незнакомого водоема. Пляж был просторный и принадлежал целиком одной компании, лишь противоположный берег выделялся редкими жёлтыми светлячками жилых дачных окон.

Ребята разделились: Назар с Нагвалем ставили две больших палатки, а Лето с Садам направились на поиски дров. Девочки разложили стол, предназначенный для ужина, и хозяйски выложили некоторые продукты и посуду. Все управились за короткое время, понимая, что скоро совсем стемнеет. Профессионалы закончили надувать матрасы как раз в тот момент, когда Егор с Валерой притащили огромную охапку хвороста.

– Тут хватит на весь пионерский лагерь! – похвастался Лето.

– На незабываемый ужин точно.

Скоро маленький огонек захватил сухие ветки, и чёрную стену леса озарило пламя.

– Возвращается первородный дух! Теперь понятно, почему вы не можете жить без своих путешествий!

Девочки отвлеклись от раскладывания игрушек по углам палатки и обратили внимание на костер. Персика источник тепла уже давно держал под гипнозом.

– Самое время пиратам хлебнуть рома! – достал из пакета

бутылку Егор. – А то мы на острове, а до сих пор трезвые! Кодекс нам не простит! И ром тоже!

Мужики сделали по глотку, продолжая заниматься делами по организации стола.

– Волшебный напиток! Готов прямо сейчас отправиться на поиски золота Кортесса...

Девочки слышали про напитки, и пошли к столу сообразить себе экзотические коктейли из сока и разных газировок.

– Время жарить мясо! – заявил Николай.

– Свежепойманного?

– Да. Только что колбаска бегала по лесу, и я ее одним полетом шампура завалил...

– Так, – протянул Егор, – Нагвалю больше не наливать.

Все посмеялись. Немного ощущалась общая усталость. Сад постоянно заглядывал в телефон, проверяя возможные новости. Лиля то поддерживала разговор с Олесей, то вдруг отстраненно смотрела на костер. Нагваль с Егором в силу своей мудрости несмотря ни на что старались поддерживать весёлую атмосферу. Назар же являлся частью всего понемногу. Мог и радоваться, мог и грустить. Смесь чувств играла хаотичным оркестром в голове. На каждое имелась причина. Но присутствовало и то, что объединяло всех, а именно ощущение семейного уюта и покоя. Личные проблемы и несчастья лишь в очередной раз прибавили цену самым важным вещам.

Назар нашел кирпичи для кострища, Валера разместил

угли, а Нагваль поставил на камни шампура с колбасками. Егор похлебывал ром из бутылки, стремительно напаявал ребят и травил байки маленьким девочкам.

– В этом озере в моем детстве жило морское чудовище...

– Ты врешь.

– Да чтоб мне провалиться на месте! Такое огромное, с длинной шеей и толстым брюхом...

– И что оно делало?

– Не знаю. Но в свете луны местным жителям иногда показывалась его кочерыжка...

– Как Лохнесское чудовище?

– Типа того. Здесь оно мирное. Скорее всего, детеныш. В море оно бы стало большим и нападало бы на моряков.

– Ясно.

– Но лучше быть настороже.

– Хорошо.

– Пойду, искупаюсь.

Лето стянул с себя вещи, сделал ещё глоток пиратского пойла и побежал вольной рысцой к воде. Ребята одним глазом следили за колбасками, а другим наблюдали за наслаждением плавающего на спине товарища.

– Ему там слишком хорошо!

– Ему всегда хорошо.

Действительно, не нашлось бы в мире вещи, которая могла бы помешать Егору созидать удовольствие. Он являлся самой свободной частицей во Вселенной.

– Эй! – крикнул он. – А вы чего меня не спасаете?! Я рассчитывал на вашу поддержку, когда отчалил от берега!

Нагваль перевернул колбаски и уверенно встал во весь рост.

– Пойдемте. Вода теплая. Сегодня каждый обязан радоваться жизни.

Компания переделалась в купальники, заведомо приготовила полотенце и бросилась в воду. Олеся с Лилей сначала боялись, но потом тоже не удержались. Персик в недоумении сидел и хлопал глазами на берегу, глядя на людское сумасшествие. Ребята сначала игрались, брызгая друг в друга водой, а потом просто, задрав головы, встречали первые звезды. Царили беспечность и общее смирение. Все находились рядом. Этого достаточно. Мир рушился. Жизнь не щадила никого. Но до этого не было дела, пока у каждого имелся кто-то, помимо себя.

– Давайте уже есть, черт побери! Романтики недоделанные! – посмеялся Валера и первый направился на сушу, заметив, что девочки уже втихоря сбежали.

– Кстати да, – смеялся Нагваль, – самый продуктивный в счастье отдел мозга это тот, который отвечает за приём пищи!

– Разве за счастье отвечает не отсутствие мозга как раз? – поинтересовался с иронией Назар.

– Нет, – протянул подвыпивший Лето, – как бы тогда ты это понял и двинулся к этому?!

– Я бы стоял на месте и тупо пел песни.

– А это правильно, мой друг, – в следующую минуту поэт начал сочинять и распевать свои стихи на ходу:

– Я пожалуй к тебе голым

И раздену тебя в том борделе,

Ведь я напился ромом

И не встречал прекраснее форм, как на твоём теле.

– Не такое оно у меня уж прекрасное, – посмеялся вместе со всеми Назар.

Голодная компания принялась уплетать за обе щеки горячие колбаски, которые успели хорошенько прожариться. Вприкуску с помидорами, огурцами и лавашом они приобрели необыкновенный вкус.

– Лучшее, что доводилось есть, – признался Лето, – теперь я становлюсь официально походником.

– Ты ещё мою рыбу по утрам не ел, – похвастался Нагваль и поставил на угли вторую партию.

Девочки перешли на сладкое, а ребята продолжали разделять ром. Назар ощущал приятное опьянение и, попавшись на крючок иллюзий, написал Даше:

«Я по тебе скучаю».

Ему хотелось больше счастья. Он хотел рисковать, думая, что при любом исходе не пострадает. По классической схеме он терпел поражение, сам это понимая. Но он пообещал себе,

что об этом не пожалеет. Не дождавшись ответа, он сплюнул и сказал своим друзьям:

– У нас же в машине шаманские наряды. Неужели мы не устроим сегодня самый настоящий языческий обряд?!

Все сделали задумчивые лица, а затем в момент загорелись идеей.

– Точно! Вот чего и не хватало! Боги нас должны услышать сегодня!

– Подкиньте тогда дров в костер! Устроим огненные танцы!

– Мы с вами! – завопила Олеся и потащила с собой Лилю, которая нашла силы пойти за подругой.

Ребята накинули на себя те же цветочные ожерелья, бусы, венки, разноцветные платья, юбки. Олеся отыскала в бардачке школьную гуашь, которую когда-то там оставила, и внесла ещё один грандиозный штрих в продолжение карнавала. Ребята начали разукрашивать друг другу лица в стиле африканских папуасов и мексиканских индейцев. Затем достали музыкальные инструменты. Семейный музыкальный талант брата и сестры семейства Садовых сотворил настоящий праздник. Валера играл на укулеле, Нагваль бил в бубен, Олеся издавала своим тонким певчим голосом таинственные звуки предков, а Егор, Лиля и Назар кружили вокруг костра. Шоу выглядело необычным и завораживающим. Лето глотал ром и выдавал стихи, размахивая своим ожерельем на шее:

– Раскидаем листья акаций
И наполним лёгкие дурманом.
Пустимся же в дикие танцы
Как древние шаманы.

Ребята пытались попадать в такт. По воздуху летели сорвавшиеся лепестки цветов.

– Повсюду грязные латинос.
Запуталась в весах Фемида.
Кто я – сеньор Лезиргинос
Или все же мистер Мескалино?

Хохот, бубен и прелестное Олесино «ля-ляяляя-ля-ляя» заполнили лес, заполнили небо, заполнили воздух. Приводили в возбуждение и мертвых, и живых, и даже тех самых великих богов. Метастазы распространялись за границы всех осязаемых и знакомых измерений. Жизнь пробиралась внутрь каждого.

– У-у-у, – мычали и дурачились друзья, то подпрыгивая, то взмахивая конечностями, – а-я-я-я!

Затем снова мелодия и плавные движения в ритм шаманской пульсации инструментов. Благовония ароматизированных палочек пробиралось в лёгкие, платья развивались по ветру, руки вздымались к небесам, горло обжигал ром.

Так продолжалось долгое время, которое семья не замечала. Продолжалось до тех пор, пока ноги не начали отниматься. Ребята танцевали и радовались ради друг друга. Ради близких людей, которых нет уже рядом. Ведь те хотели бы, чтобы их родные были всегда счастливы.

К середине ночи все разошлись. Девочки на руках с рыжим котом покинули компанию раньше всех. Вслед за ними ушёл Нагваль, чтоб детям не было страшно засыпать. Валера вырубился прямо с открытой палаткой, свесив ноги на землю. Назар с Егором продолжали попивать ром, разговаривая о звёздах, о небе и о красоте. Их было нельзя заткнуть. Хотелось описать то, на что ни в словаре, ни в лексиконе просто не существует слов. Но чувствовали друзья одно и то же.

– Я видел красоты Ост-Норда
И познал портовых женщин местных,
Но ты прекраснее Карибского горизонта
И опаснее тысячи морских бесов.

Сочинял строки пьяным заплетающимся языком Лето, посвящая их своей невидимой музе. Поэт был переполнен красотой. Назару иногда даже казалось, что его товарищ излучает некое сияние. Яркие блестящие нити тянулись от силуэта. Они кружили в воздухе и окутывали деревья, палатку, любимых людей. Назар видел перед собой не человека, а источник. Источник всего человеческого. Но Егор этого не за-

мечал. Он просто жил и в порыве рифмовал, нежась в своих умопомрачительных фантазиях:

–И если суждено нам затеряться в общем горе
А вскоре раствориться в небосводе,
То отдам сейчас своё я тело морю,
А душу завещаю свободе...

Глава 12. С другой планеты

По новостям безостановочно крутят про участвовавшие беспорядки в городе. Одной из главных тем каждого следующего выпуска становится скрытое нанесение ущерба городскому укладу. Мотивы, как и сами организаторы, продолжают оставаться неизвестными. Поначалу представители закона считали, что смогут поймать вандалов и пресечь их действия, но по истечению дней осознали, что группировка не сосредоточена на одних и тех же местах, а распределяется по районам, придерживаясь вероятно существующему плану.

– Это не один, и не два человека, – говорит репортерша с места событий, – создаётся впечатление, что их с каждым новым нарушением становится больше.

Оператор наводит камеру на 30-этажное здание, с крыши которого свисает огромный плакат. На белом фоне черными буквами выведена надпись: «Свободу из головы не отнять». Бедолаги-рабочие тем временем устраняют экстремистское творчество с крыши и окон верхних этажей.

– По всей видимости, – продолжает девушка в стильном смокинге, – компания подростков задумала бунт. На данный момент им удастся оставаться не пойманными только потому, что никто на них не обращал должного внимания. Если они меня сейчас слышат, то вот мой совет – одумайтесь и сознайтесь, пока еще не поздно. Каждому родителю также

советую лишний раз поговорить со своим чадом лично, ибо дело начинает касаться уголовного закона ...

...

Если на федеральных каналах большую часть правды вырезали, то на местных уделяли намного больше времени объявившимся «революционерам». С репортажами по телевидению про проколотые шины автомобилей членов городского министерства, про заваленный мусорными пакетами полицейский участок анонимы быстро набирали популярность. Хулиганы приковывали внимание критикой и своим безрассудством. Эпатажными известиями стали: поломки телевизионных антенн на крышах местных новостроек, повреждение охранных камер и вскрытие уличного банкомата. Замешаны ли в этих нарушениях одни и те же лица – никто не знал. Очевидно становилось одно: регулярными обращениями на домах, осквернениями внутренних органов и призывами к действиям ребята уже не добиваются чего-то конкретного, просто забавляясь, а переходят в постоянную форму волнения, опасную для общества. Меры охраны городских предприятий ужесточались, по ночам на улицах отправлялось дежурить всё больше патрулей.

...

Помимо пиара на телевидении, закрытый канал рейверов и музыкантов набирал обороты. Опубликованные видеозаписи с мест правонарушений сыграли огромную роль, так как список подписчиков стремительно рос, а самое главное:

банде удавалось оставаться неопознанной во всех злодеяниях. Старые знакомые рассказывали другим, те в свою очередь третьим и так далее. Информация распространялась из надежных уст в надежные уши. Федеральные новости своим скандалом лишь подпитывали гордость населения, наблюдающего за революционерам и по телевизоре, и в интернете. Что-то пробиралось в головы народа. Что-то, что нельзя уже было выкинуть и предотвратить запущенный этим процесс. Последний ролик набрал рекордное число просмотров уже за пару часов. На нём парень, скрывая своё лицо, садится перед камерой на корточки и со словами «я уничтожу то, что мы больше всего любим» берёт денежные купюры в руки и медленно сжигает их. За 2 минуты он уничтожил примерную сумму в 200 тысяч. В конце аноним произносит:

– Теперь придется искать что-то другое. Я только что купил себе свободу.

Одержимые распространяющейся идеей люди понимали, кто прячется за маской на самом деле и чьих рук эти гроздья гнева. Они молчали и позволяли приятному чувству пробраться в сердце. Автор видео позволил каждому представить себя на месте анонимного лица. Теперь любой имел возможность стать частью общей свободы. Человек смотрел, слышал, переживал, чувствовал и в какой-то миг начинал хотеть жить. Внутри него зарождалось новое. То, что ему перешло от другого. И то, что хотелось передать следующим. Человек не знал, что это такое. Нельзя найти слов для опи-

сания, можно было только пропустить через себя.

...

Назар скитался по улице. Он покинул ближе к вечеру свою заброшку и пошел в неизвестном направлении. Атаковала апатия, но и одновременно наперекор ощущалось абсолютное ко всему безразличие. Чувство внутренней тоски перемешалось с безграничной пустотой, награждающей по своему обыкновению приятным равнодушием. Боль немного саднила пространство от горла до сердца, но иногда отпускала, даря неопишуемые моменты очищения. Причины того состояния оставались понятными, хотя иногда Назар пытался забыть себя и обмануть себя. Но правда существовала одна, и от неё он не мог никуда деться первое время. Даша ответила ему лишь только спустя пару дней. Девушка проигнорировала его признание в чувствах, а затем она сама поинтересовалась:

«Привет)). Как ты?»

Назар обрадовался, решив не бояться своих эмоций и просто плыть по течению.

«Привет. Уже хорошо, а ты?»

Разговор складывался вяло. Парень отвечал сразу, а девушка медлила с сообщениями.

«Я кстати до сих пор скучаю.» – Назар решил в какой-то момент поставить всё на кон и с биением в груди ждал. Тут Даша все-таки написала:

« Ты проиграл)))»

«Почему?»

«Ты влюбился.»

«Решил поиграть с собой, чтобы жизнь мёдом не казалась».

Дальше лишь улыбающийся смайлик.

«А с тобой такого не бывает?» – спросил он, чувствуя, что если не сейчас, то больше не вернется к этой теме.

«Нет. Меня обходит беда стороной.»

«Поделишься рецептом?»

«Устройся как и я в эскорт -услуги»))»

«Там не влюбляются?»))»

«Только за деньги.»

Назар несколько раз перечитал сообщения. Пришло в довесок ещё одно.

«Глупо верить в любовь, когда тебя уже папик трахнул за деньги, а до этого он трахнул свою любимую жену бесплатно.»

Прозвучало жёстко, но Назар почему-то от души на всю улицу рассмеялся. Он решил не придавать этому значения. Разговор помог на какое-то время и парня отпустило.

«Но мы с тобой можем встретиться как-нибудь, если захочешь» – писала Даша.

«Конечно. С радостью» – ответил коротко и искренне Назар, позволив завершиться диалогу и умереть чувствам.

Мир отвязался от него. Ни Назар ему не нужен, ни он парню. Теперь подобно пушинке оставалось лишь лететь безмя-

тежно по воздуху, ощущая желание и силу совершать великие поступки. Он блуждал без особого маршрута. Ноги сами его занесли туда, где бывал он всего единожды. За забором возвышалось старое здание психиатрической больницы, а в окнах первого этажа стационарного корпуса Назар разглядел круг сидящих на стульях людей. Значит, легенда о собраниях в больнице оказалась правдой. Парень расплылся в дьявольски-хитрой улыбке и направился вперед.

Идти через приемное отделение было рискованно, поэтому Назар решил попробовать войти сразу в главный корпус. Обшарпанная дверь с раздолбанным замком была закрытой. В принципе, глупо рассчитывать на свободный выход из психушки. Назар не отчаялся и уверенно пошел к главному входу. На посту сидела медсестра. Вспомнить – та ли эта девушка, которая приняла бабушку с шизофренией – парень не смог. Медсестра подняла на него уставшие глаза. В них, кажется, тоже не проскочило опознания.

– Вам что-то подсказать? – задала она вопрос, думая, что парень просто заблудился.

– Я записан на сеанс к доктору, – начал на ходу сочинять Назар, – он мне лично назначил встречу на сегодняшний день, но я опоздал...

Девушка осмотрела сверху донизу юношу и изумленно проямлила:

– К доктору Смирнову?

– Да, – четко ответил Назар.

– Но у него сейчас сеанс групповой терапии...

Назар сразу воспрянул:

– Так на него меня и записали.

Девушка, застигнутая врасплох, совсем растерялась:

– Он мне ничего не говорил...

– Может, забыл, – лавировал комбинатор, – он ведь человек занятой. С таким количеством пациентов попробуй запомнить все детали...

– Это да, – закивала девушка, – ну хорошо. Давайте пройдем в зал. Вы точно не перепутали день?

– Точно.

Медсестра в очередной раз прошлась по самозванцу своим неопытным внутренним сканером, будто проверяя парня на сумасшествие. Затем, закрыв входную дверь на замок, направилась к коридору, соединяющему корпуса. Назар пошел следом, убеждаясь окончательно, что это не та девушка, которую он встретил на работе.

Подойдя к кабинету, медсестра предварительно постучала, а затем приоткрыла осторожно ставни:

– Дмитрий Иванович, – просунула в проем она голову, – к вам тут молодой парень пришёл. Утверждает, что ваш пациент...

Спустя неловкую минуту молчания, доктор пробубнил что-то неразборчивое. После этого медсестра отошла в сторону, позволив Назару пройти в зал. Парень не чувствовал ни страха, ни волнения. Для него происходящее стало вроде

игры. Чем больше мир становился бесполезнее, тем легче всё в нём удавалось. Парень перешагнул порог, обойдя девушку. Перед ним открылся небольшой, но просторный зал, видимо, предназначенный именно для групповых бесед. Присутствующие люди сразу отвлеклись и обратили на любопытный объект своё внимание. Кто-то несдержанно хихикал, кто-то интенсивно грыз ногти, кто-то на долю секунды поворачивался, чтобы утолить любопытство, а затем возвращался в исходное положение, повторяя закономерность по несколько раз. Глаза у постояльцев были переполнены самыми разными эмоциями, которые, можно сказать, и управляли большими людьми. Но Назар не мог отвлекаться, он нашел человека в белом халате, распознавая в нём доктора. Смирнов Дмитрий Иванович являлся низкого роста, со смешной головой, напоминающей грушу верх – ногами, откуда по бокам торчали седые волосы.

– Добрый вечер, Дмитрий Иванович, – старался хитрец не забыть имя психиатра, – помните меня? Я у вас полтора года назад курс лечения проходил? Каждые вторник и пятницу? Я вам звонил на прошлой неделе, и мы договорились сегодня встретиться...

Назар изыскано вешал лапшу на уши, представляя, что это не он говорит, а какой-нибудь башковитый персонаж классической комедии. Смирнов не ожидал такого внезапного наваждения. Он пытался откопать в голове хоть что-то сходящееся со словами незнакомого парня, но ничего не уда-

валось. Из-за многочисленной информации, ежедневно проходящей через его уже не молодую голову, психиатр допускал вариант, что просто забыл о договоренности со своим якобы давним пациентом.

– Да..., – выдавил неуверенно он, – что-то, я честно признаюсь, подзабыл... А как вас зовут?

– Эдуард, – первое, что пришло Назару в голову, – Эдик. Эдичка. Как в книге Лимонова.

Врач удивился, с каким озорством озвучил сравнение загадочный гость. Почему-то сомнения отпадали прочь.

– А какой вам диагноз был поставлен?

Назар чуть ли не был загнан в угол, но он вспомнил своё реальное заболевание, которое ему диагностировал специалист в далеком прошлом, лишь чуточку его приукрасив:

– Маниакально-депрессивный психоз, обоснованный биполярным расстройством.

Доктор держал рот немного открытым. Нос со сползающими очками задрался чуть к потолку. Глаза прищурились. Руки крепко сжимали открытую папку, а голова машинально кивала каждому услышанному слову:

– Так-так... А сейчас что... Болезнь прогрессировала?

– Не знаю. Мы встретились с вами на улице, поговорили, вы сказали, что лучше вновь вернуться к лечению...

– Хм. Надо же. Совершенно ничего не помню.

– Вы сказали, что чрезмерная маниакальность, переходящая в бред, до добра не доведет и обязательно нужна груп-

повая терапия...

Назар вошёл в роль и играл спектакль, к которому словно тренировался днями и ночами.

– Ну хорошо, – сдался Смирнов, – проходи, бери стул. Чувствуй себя как дома, раз ты первый раз с нами. Мы здесь пытаемся друг другу помочь.

– Конечно, добро пожаловать! – выкрикнула несдержанно женщина со своего места.

Назар приободрился, понимая, что оказался там, где нужно. Он взял стул и направился в общий круг, присаживаясь у самого края. В общем счете, помимо психиатра, на собрании присутствовало шесть пациентов. Две женщины и четверо мужчин, все представители среднего возраста. У каждого пациента на незнакомца произошла своя неподдельная реакция. Говорливая женщина смотрела на юношу заинтересованным, игривым взглядом, сопровождающимся плавными поворотами на стуле. Вторая мадам глядела абсолютно безразлично, постоянно трогая своё тело. Можно было подумать, что у неё чесотка. Стоило ей слегка махнуть ладонью по телу, как тут же невидимый упавший на пол предмет приковывал её ненавистный, полный отвращения взор. Один мужчина радостно потирал руки, точно чего-то ожидая. Другой принципиально не поднимал глаз на новичка, с хмурым лицом скрестив руки на груди. Третий поначалу ничем не выдавал себя, а просто добродушно поглядывал на брата по несчастью. Лишь от четвёртого, сидевшего рядом,

разило кислым запахом, похожим на мочу какого-то животного.

– Итак, Эдик, – поправил очки Смирнов, – ты не стесняйся. Здесь каждый говорит то, что его волнует. Каждое мнение может изменить ход мышления не только твое, но и другого человека, тем самым оказывая двойную помощь.

Назар кивнул, удобно расположился на стуле и, внимательно глядя на психически больных людей, старался в первую очередь думать о помощи.

– Да, мы тебя боимся больше, чем ты нас, – дружелюбно посмеиваясь, признался мужик с добрыми глазами, – мы выслушаем тебя и поддержим, чем сможем. Правда, ребят?

– Это точно, – подтвердила кокетливая пациентка, – ты можешь обратиться ко мне за любой помощью, я все знаю о психозах.

Вонючий мужик даже не шевельнулся, продолжая держать руки на коленях и глазами высматривать пол.

– Это самозванец, – грубо заявил хмурый пациент напротив, – говорю вам, это симулянт! Блять... Суки, нахуй... Не видят нихуя...

– Хватит тебе, Лазарь, – отреагировал Смирнов на неконтролируемое поведение мужика, – будь снисходительнее. Человек у нас впервые в гостях.

– Мне плевать, что он впервые у нас. Ему к терапевту надо... Блять... Нахуй... Лечить дебилизм!

Мужик не мог сдерживать порывы и следить за своей ре-

чью. Он смахивал на скрюченного худого гномика с ненавистным взглядом.

– Не надо так. Ты неправильно поступаешь, – встал на сторону защиты добряк, – каждый из нас нуждающийся в помощи человек, не так ли?

Затем он рассмеялся, а его глаза в чёрных от бессонницы мешках горели безумным пламенем. Гоготом того поддержал инфантильный паренек, отреагировавший на шутку рукоплесканием и взрывным громогласным восторгом.

– Насрать вообще, – буркнул гном и с влажными обиженными глазами отвернулся. Брань уже намеревалась снова сорваться с его уст, но на этот раз удалось «Лазарю» её подавить.

– Это тебе насрать, мой дорогой, – заявила свысока кокетка, – не все в мире такие, как ты, понятно?

Одна женщина эксцентрично выступала на публику, другая же нервно что-то искала у себя на теле. Вонючка продолжал не по своей воле абстрагироваться от всех. Смирнов решил прекратить балаган:

– Хватит вам...

– Но я считаю..., – хотела было снова завязать ссору кокетка, но умный врач настоял на своём.

– Чтобы воспроизвести в памяти и понять, что с вами стряслось, – обратился он к Назару, – вы должны нам рассказать, что вас беспокоит.

Настала тишина. Всем с нетерпением интересно было

узнать, что одолевает внутри молодого и на вид совершенно здорового парня. Тот опустил глаза, но затем их резко поднял, по очереди заглядывая в душу каждого члена собрания.

– Я снова начал ощущать себя человеком, – начал он свою легенду, – я вновь становлюсь заложником чувств и мыслей вашего вида. Чем дольше я здесь нахожусь, тем сложнее мне бороться с вашей природой.

Назар говорил искренне, без запинки и недосказанности.

– Так, – заморгал Смирнов, – а раньше, что, вы не были, как вы выразились, человеком?

– Нет, конечно.

– А кем же вы были?

– На эту планету я прибыл более упрощённой для вашего понимания формой жизни. Именно оказавшись оставленным здесь на длительный срок, и не имея возможности покинуть вас, я стал всё больше походить на людей.

Пациенты приковали внимание к необычному расстройству, с которым раньше никто не сталкивался. Дмитрий Иванович усиленно пытался вспомнить подобного экземпляра на своём веку. Но ни неделю назад, ни полтора года назад он не припоминал так называемого Эдика.

– Вы хотите сказать, что прибыли на эту планету и не были рождены здесь?

– Нет, – серьёзно заявил Назар, сохраняя веру в свои слова.

– Но откуда же вы тогда?

– Как вам сказать... Я из потустороннего пространства любой жизненной формы. У меня нет образа, фигуры, черт, формы. Я есть, но для людского сознания меня нет.

– Вы привидение! – воскликнул большой ребёнок, начиная хохотать над своим же высказыванием.

– Придурок он! – поправил его хмурый. – И вы придурки, раз его слушаете! Даже нет... Долбоёбы... Если быть точным... Вот Блять... Блять...

Доктор жестом попросил замолчать пациентов.

– Как же вы тогда сейчас находитесь в человеческом облике?

– Я приобретаю образ по мере обмена информацией с другими объектами. Вашу планету по большей части заселяет людская раса, которая обладает большим количеством памяти и рефлексов. Я стал человеком по вашему подобию и влиянию.

– И долго вы уже на нашей планете? – с интересом спросил весельчак.

– Я сбился со счёту. Может, больше ста, а то и двух сотни лет.

Острый поворот в беседе миновал, Назар выстоял с неприкаянным лицом.

– Неужели? Двести лет?!

– Ничего себе он старый! По нему не скажешь!

– Да брехун он! Может, реальные проблемы выслушаем, вот у меня...

– Тихо! – снова прервал всех седой доктор. – То есть вы утверждаете, что, в здоровом молодом теле вы живите две сотни лет?

– Мой мозг живёт столько.

– Но как это возможно для организма?

– Я не старею. Моя форма жизни не может никуда исчезнуть, а человеческая оболочка у неё как костюм. Я могу поменять его, если захочу, но все равно вскоре обернусь в нового человека. Я застрял в данном природном организме.

Смирнов пытался разобрать суть проблемы в голове у парня, но пока говорить о чем-то было трудно.

– Почему же вы застряли?

– Потому что моя семья улетела отсюда без меня.

– Какая семья?

– Такие же скопления частиц, как и я. Мы путешествуем по всей вселенной. Мы исследуем галактики, созвездия, планеты. Мы странствующий народ, изучающий разные творения энергии путём личного преобразования в их форму.

– Но зачем вы это делаете? – изумился весельчак.

– Нам скучно. Мы просто путешествуем и заодно создаем вечность.

– То есть вы видели иные жизни на других планетах?

– Да. Но вам тяжело будет представить их. Некоторые общаются лишь звуками, некоторые безостановочными соединениями, некоторые меняют реальность восприятия друг другу для того, чтобы другой увидел всё своими глазами.

Есть планеты – океаны, пустыни, облака. Есть новорожденные звезды, есть мгновенно умирающие...

– Значит мы не одни во вселенной? – заинтересовалась кокетка. Подружка сняла с её руки воображаемую букашку и с омерзением выкинула паразита подальше,

– Нет, – ответил Назар, – миров очень много. Люди – одна из миллиона форм жизней, которых я встречал.

– А похожие на нас есть?

– Конечно. Всё повторяется. Зависит от потребностей и способа обмена энергией со средой.

– Они далеко от нас?

– Очень. Земной жизни не хватит, чтобы добраться.

Смирнов понимал, что пойманные на удочку пациенты начинают заваливать больного своими вопросами, поэтому решил не отвлекаться от работы:

– Вы сказали, что ваша семья вас бросила... Но почему?

– Я не знаю. Мы прибыли сюда после долгого странствия, планировали задержаться здесь в целях эксперимента. Но... после этого я лишь помню, что остался один в человеческом теле.

– Ваша семья тоже приобрела наши очертания?

– Да.

– А потом их в какой-то момент не стало?

– Да.

– А почему вы не можете отправиться один и отыскать родных?

– У нас был некий катализатор, – выдумывал на ходу Назар, – мы его могли активировать лишь общими усилиями. Семье как-то удалось объединиться и стать топливом для отправления с Земли, ну, а я остался один. Чем дольше я являюсь человеком, тем меньше у меня шансов вернуться к семье.

– Как же они так могли поступить? Вы же семья... – спросил весельчак, проявляя сочувствие к новичку.

Смирнов же начал заблаговременно вырисовывать психологический портрет парня.

– А ты не думал, что ты мог сделать такого, что они тебя бросили? Может, ты чувствуешь вину перед ними?

– Мы не чувствуем таких вещей, как обида, боль, досада, вина. У нас нет эмоций. Они появились лишь только тогда, когда «человек» поглотил мое истинное нутро. Форма жизни стала вживаться в меня.

– Но... Как же вы понимали друг друга с членами семьи?

– Мы соединялись в одно целое. У нас было что-то... Наподобие общего разума.

– Как же они могли так с тобой поступить? – злобно перердразнивал гном, понимая, что всё внимание уходит к самозванцу.

– Не знаю. Я уже гадаю над этим вопросом больше двух сотни лет.

Гном бледнел, на его синих губах уже выступала пена, предвещающая припадок.

– Лазарь, выпей свои таблетки, – обратился Смирнов к неуравновешенному пациенту. – Значит, Эдик, тебя волнует лишь то, что ты роднишься с нашей формой жизни?

– Да. Я не хочу быть человеком.

– Но почему?

– Я пробыл очень долгое время на этой земле. Я видел разных людей. Я их слушал, я был с ними близок, я к ним привязывался, я с ними встречал их смерть. Теперь я всё знаю. Мне известна судьба вдоль и поперек. Самое грустное, несчастное, радостное, приятное, болезненное. Я не хочу поддерживать эту форму жизни. Я хочу перестать быть человеком.

Психиатр задумался.

– Может твоя проблема в скуке? Ты ведь мог развиваться? Это ведь огромный плюс долгой жизни. Ты бы мог дальше узнавать разных непохожих людей, писать книги, диссертации, ничего совершенно не теряя...

– Люди разные, но пути у них схожи. Исходы и тупики у всех одинаковые. Я знал много людей и мысли у них отличались друг от друга. Вроде и чем-то похожие, но каждая всё равно остаётся уникальной. Дальнейшая жизнь загоняла этих людей в задуманные ею пропасти. Для каждого имелась своя. Ни одной жизни мне не удалось повстречать, которой бы удалось миновать своей участи. Ещё недавно радужные, полные надежд и планов люди начинали жить, но вскоре оказывались там же, где и их предшественники. Я находил их в пропасти сломленными, подавленными, униженными, обма-

нутыми самими собой, погасшими. Они собирались в кучки, молчали, плакали, тосковали, сожалели, кончали с собой и пускали в этот мир себе замену. Встречались и такие, кто смирялся с участью пропасти и даже начинал её любить, обретая своеобразное счастье. Каждому была подобрана пропасть, и каждый в своей голове пытался выкарабкаться из неё, но ничего не получалось.

– Почему? Может, они мало пытались?

– Кто больше всех пытался, тот оказывался ещё глубже.

– Мы что? Как лягушки, упавшие в яму? – хохотало бордатое дитё.

– Вы никогда её не почувствуете, находясь в ней. Я просто слишком долго существовал...

– Но скажи, – обратился к Назару Смирнов, начиная относиться к нему всерьез, как к больному депрессией, – ведь пропасть из чего-то состоит? Что способствовало её образованию?

– Конечно. Время. Пока человек живет, он всё больше теряет, понимает, ошибается, накапливает, переоценивает и, в конце концов, опустошается. Жизнь сама не толкает в пропасть, она ждет, пока мы сами к ней придем.

– Ты хочешь сказать, что мы не правильно живем? Даже я?! – акцентировала внимание на своей персоне кокетка, которая постепенно трансформировалась в натуральную истеричку.

– Вы живете теми повторениями, которые я уже встречал

на своём пути. Оставаясь человеком, мы обречены на исход, не способный впечатлить ни одно осознанное существо.

– Кретин...Ебать... Охуевший ... Дебил... Прямо все исходы на свете знаешь...Придурок...су...? – плевался гном.

– Да.

– Расскажи нам.

– Я не могу.

– Почему это?

– Потому что вы сами всё знаете.

Все притихли, даже доктор.

– Вы много потеряли за это время близких?

– Да. Но смерть ничто. Люди бояться исчезнуть, но этого никогда не произойдет. Если я боюсь остаться человеком, то они боятся перестать ими быть. Я жил в позапрошлом веку, в прошлом, в этом и скажу, что всё повторяется. Нет ничего нового. Те же иллюзии, преграды, выборы, желания, неудачи. Люди боятся посмотреть в глаза правде, боятся перестать ошибаться, боятся пробовать новое. Это неисправимо.

– Вас пугает, что вы тоже продолжите участь человека? – не отрывал взгляда от парня доктор.

– Я боюсь забыть то, что я знал перед тем, как прибыл сюда.

– Что вы знали?

– Понимаете, моя жизнь на родной планете походила на вашу, но и в корень отличалась. Мы тоже имели отчётливый образ для себя и так же обладали органом познания, кото-

рый управлял всеми остальными частями. Отличия же наших планет в том, что на моей было абсолютно спутано время, а так же расширены поля зрения и осязания. Появляясь на свет, мы сразу видели собственное прошлое и будущее, жизни других существ, а также всю историю нашей цивилизации целиком. Мы осознавали, принимали и прокачивали разум до космических масштабов прозрения. Некоторые доходили до того, что могли просмотреть историю вселенной и каждой её частички в частности. Всё что пережила частичка, а так же её мысли и чувства оставляли отпечаток на мне и моих сородичах. Мы адаптировались к тяжелому грузу, который нас готовил к финальной ступени нашей жизни. В конечном счёте, наша планета самоуничтожалась, таковой являлась её природа. Она взрывалась, стоило нам на ней начать жить. Но благодаря нашему внутреннему освобождению мы переходили в ту форму жизни, с которой могли обуздать вселенную. Планета освобождалась сама и освобождала нас, чтобы затем вновь возродиться и повторить весь процесс заново с другими обитателями. Каждый раз она обновляется и уничтожается. Является ли её судьба ею же избранной или всё же это независимое ни от кого пророчество – никто не знает. Пока мы жили на планете, мы познавали вселенную и её части, а после разрушения нашего дома мы уже знали, как работать с вечностью.

Пациенты проглотили эту информацию и начали её переваривать. Не осталось ни одного отвлеченного ума. Даже

молчаливый вонючий мужчина вынырнул из потайных уголков сознания в реальность.

– Вы увидели и перенесли то, что было за всю историю мироздания, – с широкими глазами качался взад-вперёд Смирнов, – неужели вас это не сломало изнутри?

– Мы были частью нашей планеты, которая через самоуничтожение обретало освобождение. Чужие истории жизни, наполненные разными чувствами, событиями, финалами, нас не могли оставить равнодушными. Мы пропускали их через себя. Вскоре у каждой формы жизни наступает грань, и мы не были исключением. Мы уничтожились вместе с родной планетой и стали лучше. Всё упиралось в то, что мы заранее многое увидели и прочувствовали. Наша семья любила окружающий мир. Нам нечего было терять и бояться. Лёгкость, познанная нами, должна была сопровождать оставшееся бесконечное путешествие. Зная о происходящем, случившемся и будущем, мы повысили порог своих чувств до полной эмпатичной нейтральности. Наш преобразованный разум нельзя было удивить, поразить, загнать в тупик. Мы скитались по вселенной свободными кочевниками, лишь только наслаждаясь вечностью небытия.

– Вы что, правда путешествовали по космосу? – большой ребёнок не мог смотреть прямо в глаза и направлял взгляд куда-то в сторону.

– Да. Далеко–далеко в прошлом так и было. Я стараюсь всеми силами об этом не забывать.

– Ничего себе! – издал он восторженный выплеск эмоций.

– Я тоже во сне летаю и что! Почему мы его слушаем?! – лекарства немного утихомирили гнома.

– А как же вы дышали? – вернулась к игривому тону де-вушка.

– Мы же были лишь атомной субстанцией, являющейся частью космического пространства. Просто у нас помимо прочего имелась ещё отдельная память.

– А тараканы там были? – с огнём в глазах задала самый волнующий вопрос вторая женщин.

– Нет. На других планетах есть похожие на ваших насекомых виды, но они немного по-другому функционируют.

– Как?

– Они способны за короткий срок эволюционировать в высшие формы. Так же могут с лёгкостью совершить и обратный процесс. Как им будет удобно...

– Брехня!

– Очень интересно! Неужели и правда...

Назар держался уверенно и наблюдал в посторонних глазах подлинное любопытство, плавно переходящее в веру.

– Вы сказали, что постепенно забываете своё прошлое? – копался в пациенте Смирнов. – Как это происходит?

– После того, как меня семья оставила, моя родная форма жизни всё больше начинала трансформироваться в человеческую. Я приобретал ваши чувства, ваши коммуникативные навыки, ваш ход мыслей вслед за потребностями. Как-

никак мозг заполнялся информацией, и я всё больше принимал участие в данной жизни. Периодами я забываю истину. Меня уводят от правды обстоятельства, и я ничего не могу с этим поделать. Я стараюсь возвращаться сознанием к истокам, но каждый раз встречаются факторы, возвращающие меня в человека.

– Что же это за факторы?

– Другие люди.

Доктор ухмыльнулся, будто нашел долгожданную лазейку.

– Другие люди мешают вашему чистому сознанию?

– Люди во мне запускают химические процессы, свойственные организмам этой формы. Они непременно затуманивают разум.

– Например?

– Любовь.

Все вдруг притихли, было произнесено кодовое слово массового молчания.

– Любовь в том смысле, в котором мы её понимаем?

– Да. Чем сильнее я любил людей, тем больше становился сам человеком. Я ввязался в низменные чувства, которые оказались очень сильными и глубокими. Я забыл всё что знал. Я готов был пробовать заново. Каждый раз я терял, обжигался, убеждал себя, что этого больше не повторится, но всё начиналось снова по кругу. Каждый раз, когда моя семья возвращалась за мной...

– Что? – прервал его резко доктор, чуть не свалившись со стула. – За вами все-таки возвращалась ваша семья?!

– Да и много раз.

– И вы не улетели?

– Нет. Каждый раз я оставался ради кого-то на этой земле.

Я привязывался к людям и не мог их покинуть.

Кружок психов вытаращил глаза. Услышанное сведение повергло их в шок. Смирнову понадобилась пауза, чтобы всё переосмыслить. Пойманное душевное состояние пациентов болталось у Назара на крючке.

– Но это же была ваша семья? – продолжил доктор.

– Да. Но человеческие страсти на тот момент оказались сильнее моего желания вернуться во вселенскую лёгкость. Я работал над собой, но каждый раз чувства одолевали разум.

Каждый больной нашел в этих словах какой-то личный смысл. Они не знали о других планетах, но им хорошо было известно о чувствах, которыми они тоже походили на здоровых людей.

– То есть ваша проблема в том, что вы не можете избавиться от свойств и рефлексий, присущих человеку?

– Да. Не могу.

Повисла тишина в зале. За окном уже наступила ночь. Было слышно шелест листвы деревьев. Такой земной. Такой родной. Она словно пела колыбельную для странников по звёздам, чтобы им не так казалось одиноко.

– Но вы же не забываете свою семью и планету? – беспо-

коился весельчак, у которого ни с того ни с сего выступили слезы на глазах.

– Нет. Я не забываю. – Произнес таинственно Назар. – Я помню ночное небо на своей планете: звезды расположены настолько близко к обитателям, что ещё немного и можно дотянуться и прикоснуться. Атмосфера настолько лёгкая, что можно вместе с ветром вспорхнуть и унести в любое место. Океан настолько открытый, что можно изо дня в день в нём плавать и встречать новые неизвестные формы жизни. Необитаемые острова рождаются каждое новое утро. Растения охватывают своим ароматом весь мир. Цветы пахнут. Цветы поют. С любой формой можно соединиться в одно целое и пропустить его чувства через себя.

– Я хотела бы стать звездой, – призналась с искрящимися глазами кокетка.

– А я цветком, – забыла о своих тараканах вторая.

– А я океаном, – молвил рядом болезненно воняющий пациент.

– А я! А я! А я..., – так и не придумал ничего большой ребенок из-за переизбытка возбуждения.

– Это вполне могло бы случиться, – заверил честно Назар. Доктор уже не менял позы, полностью замерев в одном положении.

– Вы сказали, что на земле уже двести лет, – решил продублировать Дмитрий Иванович, – что не можете выбрать-ся один... Но когда ваша семья за вами возвращалась, вы не

смогли с ней улететь домой из-за человеческой привязанности...

– Да. Каждый раз со мной повторялась одна и та же шутка.

– Даже несмотря на вашу, как вы утверждали, глубокую осведомленность в плане безысходности и отсутствие смысла человеческого существования?

– Да.

Смирнов печально взглянул на Назара. Все остальные лишь хлопали глазами, ожидая либо продолжения развития событий, либо, как минимум, ещё красочных историй про далёкую планету.

– Вы не боитесь, – вдруг изрек Смирнов, – что ваша семья за вами больше не придет?

Назар широко улыбнулся.

– Нет. Ведь моя семья здесь.

Окружающие вздрогнули, не понимая – слышалось им или нет.

– В смысле? Я что-то вас не совсем понял...

– Много лет назад, когда мои сородичи в последний раз прилетели за мной, и я снова отказался покинуть землю, они сдались. И...

– Тоже здесь остались..., – догадался молчун, не поднимая глаз от пола.

– Да. Они решили попробовать на себе эти сильные земные чары и задержались тут. Они тоже приняли облик людей, тоже начали жить как земляне и тоже оказались залож-

никами вашей сложной природы.

Пациенты разинули рты после невероятного исхода повествования.

– Нас было много. Мы общались, обменивались информацией и впечатлениями, продолжали играть в забавную игру под названием «жизнь», при этом понимая, что это всего лишь забава. Но по истечению времени, в потоке событий и в силу накопленного опыта представители моего рода начали забывать о доме. Некоторые стали жертвой тотальной амнезии. Они начали думать, что были рождены людьми. Этот удар прошелся по многим. От памяти о родном доме практически ничего не осталось. Выдержали единицы, кто хранит истину. Остальные же превратились в настоящих людей.

– Как же это произошло? Как они могли забыть? – взорвалась девушка.

– Таков характер воздействия человеческой оболочки.

– Вы пытались их образумить? – от весельчака совсем ничего не осталось радостного.

– Да. Но они меня не узнавали и не понимали, о чем я говорю.

– Почему же ты не забыл? – как-то снизил свой темперамент гном.

– Я боролся с собой и беспамятством. Раньше память об истине являлась обыкновенным знанием, сейчас перешла, скорее, в веру.

– Да! Да! Как же так?! – вскакивал со стула в отчаянии

большой ребёнок.

– Но неужели все позабыли о доме?

– Практически.

Смирнов поправил очки и задал финальный вопрос, к которому и старался подвести шарлатан.

– А сколько же вас было?

– Очень много. Я не могу сказать точно. Но прошлые поколения людей вымирали, а носителей нашей истины по причине долголетия становилось всё больше. Ещё полвека назад я в каждом десятом узнавал своего сородича.

Все затаили вмиг дыхание.

– А сейчас?

– В каждом третьем, но бывает и чаще.

Психически больные люди поняли, что это значит. Их глаза забегали по сторонам. Осматривая друг друга и самих себя, их внутренний пустой сосуд наполняла надежда. Те, кто никогда не был как остальные, вдруг увидели во мгле свет. Нормальность перестала существовать.

Доктор сидел молча и перебирал из рук в руки пишущую ручку. Назар с интересом наблюдал за участниками собрания. Весельчак вновь оживился, на этот раз, задержавшись без препаратов в хорошем настроении. Гном будто сменил гнев на милость, своими умными мозгами погрузившись в себя. Кокетка себя представляла звездой новой планеты. Вторая девушка и молчун в мечтании прикрыли глаза. Большой ребёнок высматривал потолок и иногда издавал смешок.

– И знаете, – самостоятельно продолжил инопланетный Эдичка, – все мы здесь оказались в добровольном заточении, зная, что было и будет. Но в тех нас, кто прибыл давным-давно из космоса, до сих пор живет часть вселенной и она не умрет. Часть родной планеты и общей семьи, которая затерялась в недрах человеческого существа, останется жить. Эта частичка вечна и бессмертна. Когда-нибудь настанет момент, и мы вернемся домой. Если мы задержались в человеческом существе, значит так пока надо. Ничего страшного. Нас ждет целая вечность. Не страшно чуть-чуть подарить ее близким людям. Я не хочу забывать о родном доме и не забуду его. Мы все когда-нибудь вернемся туда. Человек пройдет, но подлинная форма жизни никуда не денется. Она возвратится к своему захватывающему путешествию по просторам вселенной.

На лицах людей возникли улыбки. Пациенты сияли от счастья. По очереди они смогли лишь только выдать:

– Да!

– Конечно!

– Обязательно!

– Должны вернуться!

– Да! Да! Ещё раз да!

Разоблачил ли доктор аферу Назара – осталось загадкой. Смирнов сохранял молчание с каменным задумчивым лицом. Его взор не задерживался на свалившемся с неба Эдичке, а медленно перебежал с одного пациента на другого, на-

блюдая в каждом душевное преобразование. Назар понял, что самое время покинуть психотерапевтический сеанс.

– Мне пора, – встал он со стула под общий гул нежелающих мечтателей расставаться с пришельцем, – мне, правда, пора. Спасибо что выслушали, мне стало намного легче. Надеюсь, увидимся с вами ещё.

– Где-нибудь на другой планете, – добавил рядом сидящий мужик, взглянувший на уходящего соседа совершенно здоровыми глазами.

– Думаю, ваши некоторые сородичи что-то да вспомнят, – улыбнулась на прощание кокетка.

Назар ощутил внутренний прилив тепла. Парень не смог сдержать улыбку, чувствуя вокруг общее счастье. Идея пробралась в головы больных людей, которые совсем позабыли о желании жить.

– До новых встреч, – подыграл ему врач.

– До свидания.

Парень покинул зал собрания, позволяя Метастазам плавно перебираться из мысли в осознание, из эмоции в состояние, из пробуждения в смысл. Он попрощался с медсестрой на посту, которая в очередной раз ничего не поняла, и вышел на улицу. Глаза машинально устремились на ночное небо. Долгое время Назар в теле человека стоял возле забора больницы, а душой летал среди звёзд, разглядывая ту самую родную планету.

Он думал о Даше. Потом начинал думать о недавней смерти близкого человека. Затем размышлял о пятой ступени лестницы. Она являлась заключительной. Как он поймет, что достиг её. Может, это уже случилось. Он ощущал внутреннюю свободу, но являлась ли она тем самым счастьем. Наверное. Но ещё не конец. Вольной походкой Назар шёл по уклонной улице, ведущей меж дворов. Он представлял, что просто живет. Ничего не желая и не требуя. Просто ему легко и хорошо без всего. Пускай, каждый шаг будет лишен смысла и, пускай, этот шаг останется таким же красивым, каким кажется на данный момент.

Телефон завибрировал. На почту пришло сообщение от Лето. Назар насторожился, понимая, что просто так туда Егор не написал бы.

«Привет, ковбой! Нужно перетереть кое-о-чем нам втроем. Мы будем с Садом около театра через полчаса.»

Назар понял, что спешить некуда и продолжил свою умиротворенную прогулку до дома. С парнями виделся он не так давно. Хотя в том положении, в которое они себя вогнали со своими оппозиционными движениями, могло произойти что угодно и за короткий промежуток времени. Назар взял по дороге пиво в ларьке, решив угостить и себя, и парней. Одну бутылку он открыл сразу, так как во рту сушило после долгого выступления в психушке.

– Надо было у них задержаться, – посмеялся он, сделав ещё глоток.

К заброшенному театру он подоспел к сроку, обнаружив посреди дороги два знакомых силуэта. Коротко подстриженные черепушки прикрывали капюшоны, кроссы пинали камни по сухому асфальту, болтливые рты никак не могли наговориться.

– Дождались, бандиты? – Назар подошел к каждому и приобнял. – Чего вы творите там?! Вас же по всем новостям крутят!

Парни самодовольно усмехнулись, но особо на похвалу не стали обращать внимания, держа в голове что-то более ценное.

– Это еще что, Назарчик, – запел Лето, – только начало!

– Пиво будете?

– Давай.

Парни остались на улице, зная, что в округе особо никого нет, и обойдётся без лишних ушей.

– Так что случилось? Про Мишу ничего не известно?

– Нет, – заключил твердо Сад, – скорее всего, ничего изменить не получится. Ему реально светит срок.

Назар сжал губы в тонкую полоску, признавая, что ситуация становится необратимой.

– Но если у него реально не было веса... Неужели никак это нельзя доказать?

– Нет. На него имелись уже какие-то виды.

Назар был далек от криминала, но мог представить, что такое закон.

– Поэтому, – перебил его мысли Егор, – нужно переходить к кардинальным методам .

Парню стало не по себе от настроения товарища. Руки Лето сжимались победоносно в кулаки.

– Они нас так всех пересажают, и мы ничего не докажем. Надо наносить удар первыми.

– В каком смысле?

Сад с Лето переглянулись.

– Завтра мы собираем народ на митинг. Начнем с центра и пройдем по набережной по обе стороны реки, требуя освободить невинного человека. Мы должны показать себя сейчас.

– Но вы ничего же не добьетесь, – с холодной головой судил Назар.

– Ты не понимаешь, – говорил Лето, – это не война, это лишь первый бой. Мы знаем, что доказать что-то властям у нас не получится. Но мы обязаны сейчас появиться перед народом, чтобы показать им нашу храбрость и отверженность. Именно сейчас, когда наши действия отслеживаются и канал набирает грандиозные цифры просмотров, у нас есть шанс достучаться и воздействовать на их сознание. Метастазы никогда не были так близки к проявлению как сейчас. Наступила пора героев, на которых люди посмотрят и захотят жизнь. Именно сейчас на нас сосредоточено внимание. Именно сейчас возможно будет устроить взрыв эпидемии нашей идеи в чужих головах.

Назар слушал и до него начинал постепенно доходить тот факт, что всё происходит на самом деле и это уже не шутки.

– Мы должны показать, что не готовы мириться с их устоями и правилами, – пришел на помощь Валера, – сегодня знакомого уничтожат, завтра близкого, послезавтра тебя и твой мир. Миша ни в чем не виноват. Он соскочил с наркоты и не ездил в тот день за кладом. Его приняли, потому что им было это нужно и выгодно. Он был неуместный человек в их обществе. Общество, которое просто боится что-то сказать и пойти против системы. Мы вселили надежду в людей своими провокационными пакостями, и сейчас они готовы нам прикрыть спину.

Назар понимал, что его отговорки и переубеждения здесь не сработают. Парни были слишком заряжены на этот переворот. Он знал, что даже если они ему скажут не идти, он все равно пойдет, так как когда-то пообещал двигаться с ними до конца.

– Об этом кому-то известно уже?

– Да, мы выложили приглашение на «прогулку» на свой канал. Каждый подписчик теперь в курсе дела.

– Вы точно уверены, что нет течки информации?

– Пока все конфиденциально, раз мы до сих пор здесь целеустремленные и говорящие.

– На данный момент у нас нет крыс. Хотя это тоже до поры, до времени... – плюнул Сад.

– Поэтому надо действовать.

– Но почему вы уверены, что толпа за вами пойдет?

Лето не заморачивался долго с ответом:

– Человек забывает о себе, когда живет общей великой идеей. А когда человек забывает о себе, он готов на все.

Назар посмотрел в глаза одного друга, затем в глаза другого.

– Вы же понимаете, что это билет в один конец? Мы не сможем вынырнуть сухими из воды?

Но в тех глазах горел лишь огонь.

– Да. – Посмеялся Егор своим безумным смехом. – Левиафан всё равно неизбежно сожрет. Но этот исход лишь будет означать, что мы не сбились с пути. Это единственный финал, достойный избранной нами дороги. Завтра мы дадим бой, потому что уже не сможем по-другому.

Назар не понял, к чему упомянут Левиафан, но что-то подобное о некой легенде он уже слушал из уст Нагваля. В тот момент уличную тишину нарушил рингтон мобильного. Парни насторожились, а Назар посмотрел на экран.

– Нагваль, – доложил он друзьям и взял трубку, – алло.

– Привет, Назар, не спишь?

– Нет. Мы тут с Лето и Валерой шатаемся по городу.

– Понятно. Тут беда стряслась. Егор этот, который наркоман, сбежал...

Назар вспомнил физические параметры парня и запаниковал:

– Как? Никто не пострадал?

– Нет. Через окно выпрыгнул...

– Мы сейчас приедем, – заверил Назар, глядя на обеспокоенные лица товарищей.

Нагваль секунду молча рассуждал, но потом тяжело выдохнул:

– Давайте.

Назар отключился.

– Что стряслось?

– Да пациент один из хосписа сбежал.

– Кто? – удивился Егор. – Там же одни старики...

– Молодой наркоман. Мы с Нагвалем его по скорой взяли, так как мест в наркологичке не было.

Лицо Егора вмиг изменилось. Из шутливой гримасы оно перешло в серьезный лик с примесью неприязни.

– Твою мать, – ругнулся он, – всех подряд берёт с улицы, даже не задумываясь о возможных последствиях! Чем думает этот человек?!

Назар не мог объяснить необоснованную агрессию товарища. Тот действительно будто сорвался с цепи.

– Надо ехать? – спросил спокойным голосом Сад.

– Да.

Парни вызвали такси и поехали к хоспису. Егор сидел тихо. Редко доводилось видеть парня настолько погруженным в себя. Старые тусклые фонари вдоль яблочной аллеи ожидали гостей. Друзья поблагодарили за поездку таксиста и скорее направились внутрь больницы. Николай с Аллой Петров-

ной, второй старшей медсестрой, ждали ребят в коридоре. Нагваль стоял, сложив руки в боки, и о чем-то размышлял. Его коллега хмурым взором испепеляла висящую картину на стене.

– Добрый вечер всем! – поздоровался Назар.

– Что случилось? – перешёл сразу к делу Егор.

Нагваль посмотрел на него долгим испытывающим взглядом, будто гадая говорить правду или нет.

– Пациент сбежал, – начал он четко, но постепенно, – он сидел на наркотиках и я решил помочь ему с реабилитацией...

– Никто не пострадал? – спросил Назар ещё раз.

– Нет, но..., – сделал тяжёлую паузу врач, – пока Алла Петровна делала обход, он украл из процедурной остатки запасов Морфина и Феназепам, предназначенные для Алексеевны и Лили.

Тут Лето вспылил не на шутку.

– Ты что, занимаешься благотворительностью для всех подряд?! Это же чертов наркоман! А если бы ему кто-то попался по пути?! Он же его порешал бы, не задумываясь!

Назар оторопел, ему не доводилось видеть Егора в подобном порыве злости.

– Хватит, Егор, – почему-то со спокойствием отреагировал Нагваль.

– Ты хоть в полицию сообщил?

Николай молчал, понимая, что врать бессмысленно.

– Ты еще и ментам его не сдал! Позволил свалить с запрещёнными препаратами! Дал возможность совершить ещё преступление!

Его гнев набирал обороты. Остальные присутствующие пребывали в ступоре.

– Я не мог его сдать! Его бы посадили! У него мать одна!

– И что?! – настаивал на своём Егор. – Ты знаешь на что наркоманы способны?! Знаешь?!

Нагваль ничего не ответил, но посмотрел на Егора пронзительным и очень загадочным взглядом, который вмиг его усмирил. Парень резко развернулся и пошел на выход. Остальные остались наедине с тишиной. Медсестра не хотела вступать в чужую ссору. Назар с Валерой не знали чью сторону справедливости занять. Нагваль продолжал находиться в том же положении и с тем же выражением глаз. Он думал в тот момент о том, что осталось не сказанным. О тех скелетах в шкафах, которые имеются у каждого. Николай запустил руки в свои кудрявые волосы, поражённые сединой.

– Он не сделает больше ничего плохого. – С отчаянием в голосе произнёс доктор. – Он вернется домой. Он слезет с иглы. Я в него верю...

Глава 13. Революция

Стояло воскресное утро. После типичной пьяной субботы безлюдные улицы томились в тишине. По асфальту ветер катал пустые стеклянные бутылки шампанского, использованные салфетки и буклетики с коротким извещением: «Завтра в 12 часов дня выходим гулять!». Обессиленные бродяги дрыхли на лавочках, так и не дойдя до дома. Рядом еле шевелилась переполненная банками и шелухой помойка, над мусором лежали те же буклетики с экстремистским призывом. Поток ветра проносился вдоль набережной, заворачивал в закоулки, где стены домов пестрели провокационными цитатами стихов и песен революционных деятелей. Маленькие брошенные буклеты врезались прямо в центр настенного городского творчества и, словно чувствуя родство, задерживались на том кирпиче минуту другую. В почтовых ящиках, на дворниках автомобилей, на столбах автотрассы – везде можно было встретить агитационные приглашения на протест. Новость распространилась по местности довольно быстро, ведь ещё совсем недавно проходил митинг за свободу ни в чем невиновного журналиста. Сейчас по народу прошёл слух, что история с фабрикованной статьёй повторилась. Так же стало известно, что организаторы непосредственно связаны с недавно вспыхнувшими беспорядками в городе. Протестующие скрытно атаковали мемориалы город-

ской мэрии и охраняемые объекты исторического наследия. Теперь же они решили нанести удар в открытую. Известие о запланированном митинге не успело дойти до федеральных вестей в безопасные сроки. По всей видимости, члены группировки хотят войти в прямой эфир.

...

Назар проснулся с первыми лучами солнца и больше не мог уснуть. Руки и ноги мерзли. Мозг активно перерабатывал вредные мысли. Волнение перед предстоящим событием не давало покоя. Он пробовал отвлечься книгой, но ничего не получалось. Еду организм тоже не принимал. Парень отбросил все попытки отвлечься, оделся и направился на квартиру к Лето.

Сад остался ночевать у товарища, чтобы еще раз обдумать стратегию действий. Назара потряхивало. Подавляя страх, парень себя убеждал, что так надо. Миша ни в чем не виноват. К тому же и Егор прав: если хочешь, чтобы тебя услышали, нужно рисковать. Молодежь увидит смелость и вспомнит о своём несчастье, а дальше начнётся борьба. Зрелое поколение отмахнется, но запомнит лица. Никто не сможет остаться равнодушным. Общая идея – не революция. Общая идея – связать людей единым стремлением. Люди забудут про себя и начнут жить для других. Останется лишь подкинуть им формулу.

Назар постучался в дверь. Быстрые шаги подобрались в коридор и предусмотрительно проверили обстановку в гла-

зок.

– Здарова, братишка, – неожиданно дверь открыл Порох и своими медвежьими объятиями окутал новобранца, – я рад, что ты с нами! Покажем этим уродам!

– Привет. Все уже тут?

– Да. Мы с Яной приехали рано утром. Сад с Егорычем не спали всю ночь.

Назар понимающе кивнул, снял обувь и прошёл в зал. Ребята нависли над компьютером и что-то обсуждали.

– Всем доброго утра.

Команда оглянулась. Атмосфера разбавилась улыбками.

– Мы знали, что ты придешь, мой герой! – подмигнул Лето.

– Спасибо, – нежно обняла гостя Яна. Её глаза страдали хроническим недосыпом.

– Как ты?

– Более менее, – призналась тяжело она, – целыми днями торчим в отделении, наведываемся в городской суд, но всё без толку. Видимо, достучаться можно только путём демонстрационного протеста.

– По подсчетам, – втесался в разговор Валера, – на прогулку сегодня придет около четырёх сотни человек.

– Да будет больше! – уверенно заявил Порох. Парень сидел в стороне и о чём-то размышлял.

– Хорошо, если так, – согласился Сад, – можно положить-ся на чуваков с Манеги, на нашу узкую фан-базу...

– Нагваль ничего не знает?

Сад замялся.

– Нет, – ответил за него Лето, – не нужно его беспокоить, это наше личное дело.

В голосе парня еще таились нотки вчерашнего гнева, возникшего по непонятной причине. Егор быстро переключил внимание на работу с каналом. Чат высвечивал один за другим волнующие вопросы: «Где точно собираемся?». «Сколько человек будет?». «Мусора точно не накроют?». «Через сколько их ждать?». Главарь банды по мере возможности отвечал от лица всего проекта. Сад глядел изнеможенным взором на экран, перебирая мысли у себя в голове.

– Чего такой кислый? – поинтересовался Назар.

Валера сначала пропустил обращение мимо ушей, но потом встрепенулся и протер двумя руками и без того красные глаза.

– Да устал что-то, – разгоряченно признался он, – всё как-то навалилось. Сначала Миша. Теперь Таня звонила с больницы...

Назар позабыл в водовороте дней про молодую девушку с маленькой дочкой.

– Как она?

– У неё обострение болезни... Лежит сейчас в стационаре и даже встать не может. У дочки вчера взяли тест на ВИЧ...

– Ей разве ещё не делали?

– Она совсем малышом была, – тяжело сглотнул Сад, – те-

перь решили проверить... Результат скоро должен стать известен.

Назар немного задержал взгляд на друге, но затем отвернулся печальными глазами в монитор. Егор бил пальцами по клавиатуре, пытаясь доложить участникам мероприятия больше информации. Яна рассматривала в очередной раз фотографии Лето, Сада, Нагваля и Олеси, где они всей семьёй гуляют по парку и едят то сахарную вату, то мороженое, то хот-доги. Пороха с Садам не покидали навязчивые думы. Время тикало и плавно подбиралось к роковому часу.

...

Ровно к полудню команда выдвинулась к назначенному месту.

– Мы дети провинциальный красной ночи, – читал вслух Лето с переднего сидения такси, – Мы мертвецы черно-белого утра!

Мы те, кто мозгами напрочь испорчен,
Кто понял, что существует зря!

Патрулей на улицах не было. Лишь единичные парочки сновали по улицам.

–В нас, на нас, из нас отборная кислятина,
Без грязи человек почувствует упадок.
Нас оживляет лишь чёрная пошлятина

И протрезвляет голый завтрак...

Лето смотрел в одну точку и продолжал исполнять свои строки. Никто не посмел его прервать.

– Каждый из нас хоть монах, хоть даже политик.

Нарики, шлюхи, гомики – все на реалиях и гламуре.

Увидим бога, скажем – радуйся жизни, ссанный нытик!

Увидим дьявола, и не о чем говорить со скучным занудой!

Лишь водитель иногда с любопытством поглядывал на самобытного поэта.

– Кто-то ещё в этом мире походу и смеётся, и плачет,

Вперемешку доносятся лестно слова, молитвы и ругань.

Жизнь летит в гору – мы достаем сигарету из пачки!

Жизнь летит в бездну – мы все так же сидим и курим...

– Красиво, – молвил мужик за рулём, когда понял, что незнакомец закончил.

– Спасибо, – без особых эмоций поблагодарил Егор.

Машина подъехала к набережной и упёрлась в толпу размером в пару сотен человек. В основном, возраст ребят составлял от 16 до 25 лет: яркие представители Манеги и близкие поклонники группы «Сияние». Встречались люди и старше, но индивиды по большей части относились к без-

работному классу, готовые воевать против чего угодно, ничем не рискуя. Остальные участники зарядились безрассудством и жадной справедливости: тем, что было необходимо для подобного мероприятия, обречённого на провал. Лето не скрывал в своих призывах очевидную бессмысленность действий. Он не раз упоминал о превосходстве вражеских сил и огромном риске, но при этом не скрывал существования мизерного шанса что-то изменить и спасти судьбу молодых ребят.

Яна вышла из машины с огромной распечатанной фотографией Миши. Сад, Назар и Порох развернули плакат с надписью «Невиновным нечего бояться!». Лето же взял роль командующего.

– Что здесь происходит, эй? – влез любопытный таксист осуждающим тоном.

– Война, -отрезал лидер и последним покинул салон.

Он с теплом в душе и улыбкой на лице обошёл шумную толпу и предстал перед ней спереди. Его безумные глаза загорелись, и разум отошел в сторону.

– Охуеть! По-другому не скажешь! Я не ожидал увидеть здесь так много настоящих героев!

Народ вмиг затих. Кто-то узнал любимого диджея с рейва, кто-то смотрел как на полоумного. Каждый готов был поблагодарить Лето за его выполненную работу, за его веру. Люди сами не думали, что решатся на такой шаг.

– Вы прекрасны и бесстрашны! Если у нас получилось

объединиться вместе, то дело остается за малым! Вместе мы не дадим друг друга в обиду и сможем спасти наших родных! Как вам уже известно, правоохранительные органы без суда и следствия обвинили ни в чем не повинного человека по статье «два-два-восемь». Я лично с этим человеком разговаривал и могу заверить, кладя руку на сердце, что в тот вечер его подставили. Не секрет, что жертвами такого беззакония становились и другие молодые люди...

В толпе возникли громкие рассудительные переговоры.

– Сначала мы пребываем в неведении, потом до нас доходят слухи, а затем мы занимаем непосредственные роли в этой несправедливой и ужасной трагедии! – В голосе парня просыпалась ярость. – Мы не оставим это просто так! Нам есть за что сражаться! Мы не делали ничего плохого! Меня лично уже многочисленное количество раз запирали в участке за организацию музыкальных мероприятий! Я знаю, что такое стереотипный и эгоистичный взгляд на вещи, который прячется под массовой тупостью и слабостью! Мне не с чем мириться и не с чем соглашаться! Если вы здесь, то вы разделяете это мнение! Мне хватает мозгов, чтобы понять, что происходит в мире без чужого вранья и навязанной морали! Мне нечего терять в этой жизни, хотя я люблю, живу и ценю всё, что имею! Я буду за это бороться несмотря ни на что!

Толпа затряслась от возбуждения. Каждый попал в чары могущественной энергии человека. Сколько Назар оказывался свидетелем выступлений Лето на публику, столько

раз поражался его сильнейшей вере в сказанное. За каждое слово парень был готов ответить, за каждым поступком стоял обоснованный мотив, подкрепленный выточенными идеалами. Восхищенный товарищ издал победоносный клич, к которому присоединились остальные члены команды. Гулкий крик прошелся по дворам звонким эхом. Отскакивая от стен домов, рёв влетал в окна квартир, поднимая жителей города на ноги.

Лето передала высокий флаг, на красном фоне которого черными кривыми буквами выделялась надпись: «К свободе». Он его вознес над головой и, развернувшись, целеустремлённо двинул вдоль набережной. Толпа подхватила сигнал и направилась следом. Подготовленные ребята в толпе подхватили барабан и начали выдавать дробь, окончательно пробуждая грохотом город. Двигались не спеша, сохраняя беспечный и вольный шаг. Егор поддерживал общий дух чтением стихов. Ребята старались ему помогать, иногда попадая в слова. Постепенно балаган начинал приковывать внимание прохожих. Стреляли по толпе первые возмущенные взгляды и единичные выкрики. Недоумевающие граждане города высывались из окон домов, чтобы ужаснуться возникшему беспределу. Громогласным рокотом с учащенной дробью барабана народ дружно скандировал:

– К свободе! К свободе!

С каждым новым восклицанием децибелы происходящего кошмара нарастали. Те, кто прежде молчал, теперь кричал

во всю глотку. Постепенно количество протестантов росло. Новые люди примыкали к толпе по мере движения. Появлялись свежие плакаты по бокам батальона: «Мы против такого порядка!». «Мы часть вас!». «Воры!». «Если не в жизни, то мы станцуем и споем на могилах!». Люди подпрыгивали, размахивали руками, продолжали дружно петь. Маленькая кучка людей незаметно превратилась в плотную длинную полосу, хищной змеёй ползущей вдоль реки. Разобраться в окружающих лицах становилось невозможно. Идея объединила отдельных людей в одно целое. Не успев дойти до первого моста, революционеры начали замечать первые полицейские патрули.

Представители охранительных органов были направлены в точку, где произошла вспышка массовых волнений. Машины с сотрудниками полиции одна за другой подтягивались к центру набережной. Никто поначалу не понимал причину ни с того ни сего возникшей акции протеста. Легавые докладывали о ситуации диспетчерам, ожидая приказа к дальнейшим действиям.

Назар оглядывался по сторонам: Порох и Сад громко скандировали «К свободе!», не замечая ничего вокруг; Яна продолжала идти впереди, держа фотографию Миши и ликуя вместе с толпой. За пределами массы скапливались полицейские фуражки. Офицеры постепенно блокировали дорогу к возможному отступлению. Назар осознавал, что уже нечего терять. Оставалось лишь идти вперёд. Вдруг посреди

столпотворения он заметил знакомую причёску. Присмотревшись, он признал Дашу. Девушка в темном свитере и темных штанах тоже участвовала в шествии. Он не отводил глаз, пока парочка не встретилась взглядами. Даша улыбнулась и помахала рукой. Назар ответил с добродушием в ответ. По телу пробежала горячая волна возбуждения. Парень не ожидал встретить любимого человека. Забылись обиды и сказанные слова. Всё будто происходило в другой реальности. Назар развернулся, возвращаясь к действиям.

Протестующих оказалось слишком много для лёгкого сопротивления. Толпа набирала масштабы, офицеры ничего не могли предпринять. Сигнализации, обращения в микрофон оказались недействительны. Сотрудникам было велено ждать омоновцев и только тогда начинать применять силу. Помимо легковых машин появились на горизонте автозаки. Народ шёл одной волной, подбадривая друг друга и не позволяя страху взять верх.

Мост приближался. Тут перед друзьями возник затерявшийся Лето. Его лицо было красным, со лба ручьями лил пот, он с одышкой обратился ко всей команде:

– Сейчас принимать начнут! ОМОН с автозаками уже на полпути! Нам надо разделиться, пока они нам совсем не перегородили дорогу...

– Зачем разделяться?! – негодовал Сад.

– Я объясняю, – громко гаркнул Егор, – они нам сейчас перекроют один из путей, а так одна часть свернет и пойдет

по мосту, вторая продолжит ход по набережной. Нам нужно дойти до конца! В случае чего, стараемся стоять на месте и держать оборону. По одному они нас всех перехватят...

Под действием адреналина ребятам только и хватило мозгов, чтобы зафиксировать информацию и сделать всё согласно услышанному плану.

– Я пойду вперёд, за мной пойдут люди, – запыхавшись, говорил он на ходу, – а вы с остальной половиной сворачивайте налево! Понятно?!

– Да! – согласились товарищи, понимая, что спорить бесполезно.

– Не бойтесь! Я уверен, у нас всё получится!

Вернувшись в первые ряды, Лето во всю глотку заревел:

– А теперь половина идет за мной, а другая половина сворачивает на ту сторону реки! Нас много, теперь мы можем разделиться!

Идущие в задних рядах люди не могли что-то услышать, поэтому Сад с Порохом решили прийти на помощь Егору и в голос закричали:

– Задняя колонна сворачивает на мост!

– Половина следует за нами!

В итоге большая часть свернула на мост, так как набережную разделяла проезжая часть. Лето не отчаялся и, притормаживая поток машин, провёл через дорогу свое войско. Назар наблюдал за разделением и понимал, что совершилась ошибка. Из-за неорганизованности Егор оказался в мень-

шинстве. Парень хотел было вернуться, но тут Даша неожиданно взяла его за руку.

– Надо идти, – шепнула она.

В тот момент на глазах у Назара произошло то, к чему всё и шло: отряд Лето перекрыл ОМОН и через пару минут, когда вторая половина уже пересекла середину моста, началось столкновение. На Егора и его революционеров накинута сотрудики, вооруженные щитами и дубинками. Особый повод не потребовался, на беззащитных людей напали вооруженные представители власти, начиная всех без разбора колотить дубинками. Кто-то убегал, кто-то бросался в бой. Те, кто попадал под тяжёлую руку, получал сокрушительные удары до тех пор, пока обессиленно не валился ничком на землю. Назар проклинал себя, что послушал Егора. Идея захватить две стороны набережной сразу оказалась глупой и необдуманной.

Люди продолжали идти по мосту, но всё большее количество лиц оборачивалось и с ужасом наблюдало возмездие над недавними напарниками по оружию. На захваченной стороне реки не оставалось уже ни одного сопротивляющегося. Либо удавалось чудом сбежать, либо ждал автозак. Половина ускорила темп, чтобы поскорее перейти реку. Машины останавливались, гудели и наблюдали с переживанием за происходящим.

Назар потянул Дашу вперёд, за ними следом пошли Яна, Сад и Порох. Им было необходимо возглавить движущуюся

полосу. Но стоило половине шествия свернуть на набережную, раздались сирены и показались несущиеся по главной дороге сразу несколько патрулей. Тут и начался хаос: народ, увидев, что стало с ребятами на противоположной стороне, испуганно заметался по сторонам и в итоге с криками бросился бежать. Организаторы пытались их остановить и сохранить спокойствие, но было уже поздно. Все поддались панике и инстинкту самосохранения. Перед глазами один за другим мелькали люди, желающие не угодить в лапы правосудию. Полицейские машины загораживали пути отступления, а сотрудники бросались в погоню за добычей. Понимая, что пришёл конец, Сад крикнул остолбеневшим друзьям:

– Пора! Надо сваливать!

Все четверо послушались и вместе с толпой рванули во дворы, где хорошо уже знали каждое укрытие. Назар не отпускал руку Даши. Девушка бежала рядом, не думая останавливаться. Первые секунды команда неслась с народом в одной куче, затем по мере удаления люди начали сворачивать и укрываться по углам и подъездам. Когда почувствовали изнеможение, ребята замерли и убедились, что за ними нет хвоста. Пришлось спрятаться в торговом центре.

– Ты в порядке, – спросил Назар у Даши, как только зашли внутрь.

– Да, – кивнула она с улыбкой.

Ребята отошли в сторону и уединились возле обществен-

ных туалетов.

– Все на месте? – борясь с одышкой, спросил Порох.

– Егор..., – не мог откашляться Сад.

– Его приняли, – заверил Назар, прикусив до крови нижнюю губу.

...

Лето не успел даже собрать людей в круг, как ОМОН уже набросился на растерявшуюся толпу. Парней и девушек без особого разбора били дубинками, толкали щитами и валили на асфальт. Действовали до тех пор, пока жертва не перестанет двигаться. Кто-то пытался дать в ярости отпор, но вскоре получал ответ вдвойне сильнее. Егору удалось нанести лишь пару ударов по спортивно-сложенному ростовардею, но тому на помощь вскоре пришёл его напарник, и бунтаря оглушительным приёмом сбили с ног. На этом драка не закончилась как в школьном дворе, а только началась: два уже разгневанных бойца без какого-то снисхождения стали избивать парня по всем частям тела размашистыми ударами. Лето только и успел прикрыть голову, чтобы не отключиться. Он слышал женские вопли, крики пощады и безостановочный топот бегущих ног. Он практически не ощущал боли, лишь только досаду за своё неправильное решение. Вскоре здоровяки его прекратили истязать, убедившись, что противник не опасен. Парня подняли резким движением на ноги, накинули браслеты и повели к автозаку. Народ практически весь рассосался: кого уже упаковали, как Егора; ко-

му удалось вовремя скрыться. На асфальте валялась брошенная одежда, и зияли свежие пятна крови. Егор плохо ориентировался в пространстве. Помимо подкашивающихся ног, оказался сильно подбит правый глаз. Парень ощущал, как воспаляется щека и загораживает обзор. Два ростовардейца запихнули парня в бобик и закрыли за ним дверь. По всей видимости, человеческий багаж был полностью укомплектован. Егор откашлялся, сплюнул на пол кровавые сгустки и осмотрелся вокруг одним зрячим глазом. На него пристально глядели шесть лиц, на каждом остался след после битвы в виде ссадины или открытой раны. Люди подвинулись и Егор, собрав последние силы, плюхнулся на скамейку.

– Ты Лето? – спросил один из мужиков.

– Ну.

– Хорошо они тебя...

– Я их лучше.

Всем, кроме Егора, было не до смеха.

– Неплохо выступили, – продолжил тот же.

В глазах парня мелькали звездочки, а голову сковала резкая пронзающая боль.

– Это только начало...

...

Егора и остальных экстремистов оформили по очереди в отделении, а затем отправили по камерам. По закону всем полагалось либо 15 суток заключения, либо предусмотренный срок общественных работ. Более строгий приговор дол-

жен был рассмотреть суд. Лето сидел спокойно, ни с кем особо не поддерживая беседу. Любые лишние разговоры могли помешать дальнейшему делу. Его опухшее лицо изменилось до неузнаваемости. Даже близким друзьям было бы трудно узнать его в тот момент. Он придерживался тени, лишь иногда потирая левый бок от нестерпимой боли в рёбрах. Два амбала на славу постарались. Просить обезболивающего было бессмысленно. Ментам только и был нужен повод, чтобы ещё раз отделать дубинками особо выделяющихся наглецов. Телефон с паспортом забрали ещё на оформлении, а сделать звонок пока не разрешали. Не по закону, а просто из-за мерзкой прихоти. Ничего не оставалось как только в тишине убивать время и ждать развития событий среди таких же покалеченных ребят. Камеры напоминали раздевалки бойцов ММА или притоны задиристых бомжей: повсюду капли крови, лужи розовых слюней и клочки рваной одежды.

Через какое-то время железная решётка открылась, и показалось знакомое Егору лицо. Молодой паренек окинул публику внимательным взглядом и громко выкрикнул:

– Летаев!

Лето не прогадал, что пришли по его душу.

– Я, – выглянул он из тёмного угла.

– На допрос к старшему лейтенанту.

Егор с трудом оперся на ноги и выпрямил покалеченный торс. Он испытывал адскую боль, которую хотелось просто не замечать. Молодой сотрудник его не торопил, наблюдая

внешнее состояние революционера. Лето не заставил себя ждать и без остановки направился вперёд по коридору. Он знал, куда его ведут.

Игорь открыл дверь и пропустил вперёд Егора. Старый знакомый с нетерпением ждал встречи с преступником.

Валдаев отложил бумаги и полными властью глазами уставился на задержанного:

– Здравствуй, Егор. Давно не виделись.

Лето оторвал от пола свой единственный зрячий глаз и улыбнулся, демонстрируя кровоточащие дёсны.

– Вижу, тебя ребята хорошо проучили за твои злостные деяния... Игорь, можешь подождать за дверью.

Молодой парень послушно вышел из кабинета, оставив лейтенанта и Летаева наедине.

– Можешь присесть.

– Да постою, – спокойно молвил Егор.

– Выпендриваешься?

– Вставать потом больно.

– А, – протянул Семен Павлович, – ну это сам виноват.

– В чем же?

– В своих проступках. В своих правонарушениях.

Егору была знакома старая песня, но Валдаев отнюдь не собирался читать нотации. С этим фруктом он уже встречался и нравоучения здесь всегда оставались бессмысленными.

– Что ты сегодня делал на митинге? – начал усатый коп, сложив ладони в замок.

– Мимо проходил, – огрызнулся Лето, – увидел, как ваши сотрудники бьют беззащитную женщину, и решил заступиться.

– То есть, не ты организовал это шествие? – не обратил внимания на грубость Валдаев.

– Вы слишком меня переоцениваете.

– Да ну?! Я так не думаю. Смотри, сколько приводов за год уже имеется... Везде на каких – то провокационных мероприятиях...

– Это вам кажется. Знаете, и у величайших умов есть свой срок годности. Приходит время, чтобы уйти на пенсию.

– Ты мне не хами, дружок! – Повысил голос лейтенант. – Я тебе ребра ещё раз пересчитаю, и это будет справедливо!

Егор лишь издевательским смехом отреагировал на угрозу.

– Что вы знаете о справедливости?

– Я! – взъелся мужик. – Я, твою мать, больше двадцати лет охраняю этот город от такой швали, как ты! Сохраняю порядок, чтобы общество могло нормально существовать и развиваться! А что делаешь ты?! Агитируешь безмозглых наивных школьников на революцию, никому не всратую?! Чтoб они с малого возраста шастали по детским колониям?! Это по-твоему справедливость?!

– Вы подставили невиновного человека. Вы подкинули ему наркотики, и теперь молодому парню светит срок, – спокойно пояснил Егор, впиваясь бесстрашным взглядом в хищ-

ные глаза Валдаева.

– Это был сторчавшийся наркоман! И не надо говорить, что это не так! Таких, как он и ты, пруд пруди по городу! У них всегда есть при себе вещества! А если в данный момент он успел толкнуть товар, то это не значит, что через пять минут у него его снова не будет для следующих клиентов!

Он яростно вскакивал со своего кресла, выпускал пар, а затем снова возвращался на место.

– Вы сами знаете, что это чистой воды подстава! Правда для вас существует и поэтому она вас так задевает, господин лейтенант.

Валдаев на этот раз не среагировал, он долго изучал перед собой побитый мешок мяса. Затем достал из папки снимки, на которых демонстрировалось грязное искусство группы знаменитых вандалов.

– Это ваших рук делишки, не правда ли?

Лето прищурился, чтобы рассмотреть.

– Я плохо вижу из-за травмы. Но выглядит очень живописно.

Валдаев понял, что спорить бессмысленно. Он перебрал ещё раз перед глазами снимки и отложил в сторону.

– Ты хоть понимаешь, сколько граждан толкаешь на безрассудные поступки? Даже мелкие преступления ведь могут привести к необратимым последствиям...

– Я их освобождаю от таких, как вы.

– Будешь дальше дурака играть?

– Будете дальше пытаться держать под подошвой живых людей?

Валдаев не отводил взгляда, как и не позволял себе этого. Лето.

– Я живу ради этих людей.

– Это единственное в чем мы с вами похожи.

– Я хочу, чтоб мои дети спали спокойно. Чтобы они выросли среди порядочных и воспитанных граждан. Я борюсь, чтобы в этом мире было всё как у всех. Нормально. По-человечески.

Егор перестал смеяться и сделался серьёзным.

– В вашем желанном «Городе солнца» уже давно нет счастья. Дети наблюдают сумасшествие родителей. Подростки кончают с собой. Взрослые не знают для чего жить. Старички бояться смерти, как огня, хотя и прежде вовсе не жили. Люди проживают в ожидании и иллюзиях до конца своих дней. Они существуют настоящим, искренне ненавидя его. Для них не то, что чья-то чужая жизнь ничего не значит, они и в своей не особо нуждаются. Так... Всего лишь привычка и боязнь судного часа.

– Неужели ты другой?

– А вы сами не видите и не чувствуете? – стоял на своём Лето. – За мной люди идут по доброй воле. На якобы безумные и абсурдные идеи они смотрят прозревшими глазами. Вашей нормой не заставить загореться изнутри человека. Вы способны лишь подчинять властью.

Валдаев слушал.

– Но это не вы сильный, а ваша огромная система. Общая масса, которая по отдельности ничего не понимает, а в совокупности превращается из единичных пороков в огромное зло, которое уничтожает жизнь себе и другому. Вы не виноваты, что стали таким. Каждого можно понять и спасти. Вот только беда в том, что вас слишком поздно.

– Ха! – выдал громко Валдаев, поражаясь размышлениям молодого парня. – Неужели ты хочешь сказать, что я злодей в этой истории?

– Знаете. Абсолютно у всего на свете есть две стороны. Каждый сам для себя выбирает правильная та или другая. Есть у добра две стороны. Есть у любви две стороны. Есть у справедливости две стороны. У зла. У мудрости. Даже у жизни и у смерти. У каждой добродетели, которой живет человек. Есть добро ради выгоды, а есть добро из-за крошечного отчаяния. Есть любовь ради одиночества, а есть любовь ради самоотдачи. Есть справедливость ради своей задницы, а есть ради другого человека. Есть зло ради познания и урока над ошибками, а есть зло ради собственного удовлетворения. Есть преступление из-за слабости, а есть преступление из-за безысходности ситуации. Есть стойкость принципов, а есть защитное самолюбие. Есть меняющая в лучшую сторону правда, а есть убаюкивающая ложь. Есть хитрое поведение, а есть мудрость. Есть неудачи и полученный опыт, а есть неосознанный выбор необоснованного пережитым мне-

ния. Есть смех над своей победой, а есть смех, чтоб радовались другие. Есть жизнь, ради собственной жизни и есть смерть, ради жизни других людей. Есть просто существование. Люди, выбирающие одну сторону фактора, всегда останутся врагами с теми, кто выбрал иную. Одни не поймут других, а те в свою очередь не примут первых.

Семен Павлович понимал, что перед ним находится далеко не ребёнок. С этого человека нечего взять. Мужчины оба обладали внутренней силой, но она имела разные векторы атаки, которые, действительно, в большинстве случаев сталкивались именно друг с другом. Постоянство и поток. Мёртвая тишина и буря. Гниение и горение.

– Ты хочешь сказать, что...

– Нам с вами воевать до последнего вздоха, – закончил за него Егор. – Вот только я не проиграю, а вы не выиграете.

Валдаев широко улыбнулся, что было не свойственно строгому лейтенанту. Но затем улыбка сменилась злобным оскалом:

– Я все равно уничтожу тебя. Посажу тебя за решетку, а потом доберусь до твоих дружков. И вас всех вместе с вашими идеями в порошок сотру.

Он прошипел это тихо и уверенно, подобно дикой гадюке, которая никогда не сомневается в своем превосходстве. Вот только яд начинал поражать собственного хозяина. Этот факт выводил из себя Семена Павловича.

– Посмотрим, – не на секунду ни отводил взгляд Егор,

продолжая играть по правилам полицейского. Если для Валдаева Лето являлся главным врагом и мишенью, то для Егора мужчина был лишь нелепой неисправимой шуткой природы.

– Игорь! – позвал резко помощника лейтенант. – Забери этого бедолагу! Пускай чалится до конца дней своих на нарах! И пусть его в жопу отдерут все зэки! Я лично позабочусь о твоём перенаправлении в самую жестокую тюрьму нашей необъятной страны!

– А вам пожелаю наслаждаться жизнью в нами изменённом мире! – весело посмеялся в ответ Егор, ещё больше подливая масла в огонь.

Парень вышел из кабинета, оставляя Валдаева бороться с агрессией. Неконтролируемые эмоции мешали обрести беспечность царю зверей. Чутьем Валдаев понимал, что до финала далеко и выскочка ещё задаст немало хлопот. Семен Павлович боялся признаться даже себе, что держа Летаева в руках, он себя всё равно не чувствовал в безопасности.

...

Революционеры до последнего не покидали укрытия. Они молча слонялись среди киосков, ожидая, когда ситуация уляжется. Торговый центр остался вне подозрения. Видимо, полицейские, укомплектовав автозаки, с чувством выполненного долга двинули к участку.

– Они точно повязали Егора? – прервала затяжное молчание Яна.

– Да, – уверенно заявил Назар при всём желании ошибать-

ся.

– Что тогда делать?

Никто не мог прийти в себя после случившегося. Даша с тихим отчаянием в глазах ждала решения других. Порох с красным лицом от долгой пробежки дергано метался из угла в угол.

– Надо сообщить всё Нагвалю, – заключил Валера, понимая, что другого выхода нет. Тянуть время было нельзя. Назар долго и упорно смотрел на товарища. Втягивать в суматоху Николая не хотелось, но с приличным количеством приводов у Егора не было бы шансов выйти сухим из воды. Выбора не оставалось.

– Я поеду с ним, – твердо решил Назар, – вам нельзя светиться.

Никто спорить не стал. Имелся большой риск оказаться пойманными и осужденными за все совершенные дела. Потерянность окунала каждого в своё болото вместе с осознанием того, во что втянулись. Сейчас, как никогда прежде, нельзя было допустить ошибку.

...

Члены команды разошлись. Назар ждал Нагваля на парковке. По телефону парень рассказал о случившейся беде в подробных деталях. Скрывать что-то не было смысла. Николай молча выслушал и назначил место встречи. Мужчина уже знал о вспыхнувших в центре города массовых беспорядках. Додуматься, кто стоит за скандалом, было не слож-

но. Когда машина подъехала и Назар сел внутрь, никакого взрыва эмоций не произошло. Нагваль полностью оставался погруженным в себя.

– Привет, – сказал он лишь отречено от реальности.

Его глаза были наполнены глубокой тоской. Он смотрел на дорогу и рефлексивно давил педали. На бледной морщинистой коже, казалось, не осталось ничего живого. Назару хотелось что-то сказать. Даже не оправдания и объяснения, а просто что-то произнести, чтобы заполнить царящую в салоне тишину. Но пустота пожирала всё на своём пути. Николай смиренно делал то, что должен, не возмущаясь и не жалуясь. Он бы никогда не бросил родного человека в беде. Никого бы не бросил. Но повод для грусти вряд ли числился один. Накопившаяся тоска разрослась за жизнь до необъятных размеров. То, что было увидено, осознано, принято и прочувствованно невозможно было передать какой-то отдельно возникшей эмоцией. Не было ни виноватых, ни правильных. Конечным результатом являлось то, что произошло, и то, кем и чем после этого каждый стал.

– Беглеца из хосписа не нашли? – не выдержал Назар.

Николай отрицательно помахал головой, продолжая думать о своём.

– Ты знаешь в какое его отделение отвезли?

Нагваль даже не повел глазом.

– Его могли отправить только к одному человеку.

...

Потрясённый разговором Валдаев разбирался с бумагами, пытаясь сосредоточиться на работе. Из головы не выходил Лето с его умозаключениями. Сущность лейтенанта жаждала мести. Парню он готов был вынести самый ужасный приговор. Плевать было даже на полномочия, сейчас в мужчине буйствовал гнев личного характера. Молодой юнец не просто попер против его персоны, он затеял войну против принципов, против уклада жизни сотрудника полиции. Всегда существовали работа и закон, но превыше всего стояли духовные качества и мораль. У лейтенанта они имелись, а существование других он не признавал. Для него альтернативы отсутствовали. Каждый должен был получить по заслугам. Никто не имел права перевернуть сложенную жизнь.

В момент разгара внутренних рассуждений в кабинет ворвался помощник Игорь.

– Семен Павлович к вам идет генерал...

Валдаев замешкался и рывком вынырнул в реальность.

– Что случилось? – охрипшим голосом спросил он.

– Не знаю.

– Хорошо. Ступай. Если что, я позову.

Игорь послушно кивнул головой и вышел за дверь. Валдаев с предостережением начал готовиться к визиту старшего по званию. Пораскинув мозгами, он мог лишь ожидать похвалу за выполненную работу и, может быть, каких-то указаний на дальнейшие действия. Но через пару минут он понял, как сильно ошибался.

Лазарев пожаловал без стука. Лицо сохраняло выработанную за долгие годы безмятежность. Никто не должен был даже догадываться, что за этим каменным выражением могло скрываться.

– Семен Палыч, – обратился он к Валдаеву, предусмотрительно прикрыв от лишних ушей дверь, – кто такой Летаев?

Мимические мышцы на лице лейтенанта задрожали, а кишечник скрутило в узел.

– Так ведь, – борясь с сухостью во рту, выдавил из себя Семён, – один из организаторов сегодняшнего беспорядка...

Лазарев причмокнул губами и подошел вплотную к Валдаеву. Живот толстяка почти уперся в пышные усы.

– Слушай, лейтенант, – снизил он громкость своего баса, – тут обстоятельства такие. За парня внесли залог.

– Что?! – взорвался Семен. – Но...

– Ты чего орешь?! – осек его звериным рыком начальник. – Что тебе непонятно в сказанных словах?! За парня внесён залог! Он свободен!

– Да вы что?! Генерал! – негодовал Валдаев, ощущая падение внутренней башни, которую он возводил своим уязвленным эго. – Вы даже не представляете кого отпускаете на свободу! По нему пожизненный срок плачет!

– Я тупой по твоему, сука?! – взбесился Лазарев. – Я знаю что мне делать и как! Не ты, сявка кабинетная, меня учить будешь, понял?!

– Он особо опасный преступник...

Тут раздался по стулу хлопок. Жирная ладонь с размаху свалилась об гладкую поверхность. Рамка с фотографией семьи Валдаевых подпрыгнула и упала навзничь.

– Я тебе сказал! За него бабки отвалили! Мы эту шпану в любой другой день успеем повязать! Засунь свои принципы в жопу и делай то, что я говорю...

На этой ноте он оттолкнулся от стола и сделал два шага назад.

– Зови своего помощника! Тоже мне командир нашелся... Дома будешь у себя командовать...

Валдаев чувствовал, что сейчас взорвется от стыда и унижения. Злость, которую он испытывал, невозможно было описать. Он ненавидел деньги, систему, жирного генерала, но больше всего Лето. Лейтенант дал себе обещание, что этот паренек от него не уйдет. При погонах или без них он посадит выскочку за решетку. Теперь это решение обрело определенную важность.

Лазарев ждал, а потом испытывающим грозным взглядом посмотрел на Валдаева. Тот сдался и, переступая через себя, почти окончательным посаженным голосом крикнул:

– Игорь!

...

Хромая на правую ногу, Лето вышел на воздух. Его лицо переполняла усталость, а тело острая боль. Ни радости, ни радости возмездия он не ощущал. Сотрудники полиции по приказу проводили диссидента до выхода, где ждали Нагваль

с Назаром. Презренным взорам хотелось расплаты, но приказ оставался приказом. Егору же хватило эмоционального переполоха на сегодня за глаза. Он подошел к друзьям и застыл на месте, готовый в спокойствии простоять до скончания веков. Нагваль окинул оценивающим взглядом его состояние и сказал:

– Пойдемте.

Машину они оставили в ближайшем дворе. Лето еле перебирал ногами не в силах быстро идти. Николай тоже куда не спешил и делал медленно шаг за шагом, глядя с поникшей головой себе под ноги. Назару ничего не оставалось, как следовать за товарищами. Что-то должно было произойти и оно произошло прямо у угла жилого дома.

– Я тебя не просил этого делать..., – прекратил молчать Егор и повернулся лицом к Нагвалю.

Тот оторвал от земли пустые глаза.

– Ты хоть понимаешь во что ты втянул членов семьи?! Не меня. А Валеру. Назара. Ты осознаешь, какому риску ты подвергаешь других людей своими безумными идеями?!

– Я никого никогда ни к чему не принуждал! – вспыхнул Лето. – Каждый обдуманно знал на что идет!

– Даже ты не знаешь на что идешь! И что преследуешь! – оборвал его Николай, прервав шаг. – Ты помешался на своей революции! Мир не изменить невинными жертвами и насилием!

– Я не знаю?! – загорелся парень ни на шутку, не ощущая

боли. – Это ты давно позабыл к чему шёл! То, что создавалось нами, предполагало поступки из ряда невозможного! Мы понимали на что шли! Чтобы что-то перевернуть внутри людей, придется чем-то жертвовать!

– Но не близкими людьми!

– А кто учил не привязываться ни к чему?! Кто говорил, что довериться текущей жизни это ловушка?! Ты сам стал слабаком! Мы все когда-то приняли тот факт, что реальность иллюзорна и за неё нельзя цепляться, а, тем более, укрываться в ней подобно мышам! Ты забыл это! Забыл то, что произошло с тобой и нами всеми! Забыл, что обещал самому себе! Тебя снова реальность обманула и втянула в свою тряси-ну! Думаешь, она тебя снова не поимеет?! Оставит в покое?! Думаешь, познал всю глубину её бездны?! И она позволит доживать нам свои бессмысленные дни до самой старости?! Я ей верить не собираюсь!

Нагваль понимал, о чем Егор говорит, все понимали это на фоне своего прошлого.

– Я дорожу своими родными. Я живу ради них. В этом тоже заключаются Метастазы...

– Нет! Ты не живешь! Ты существуешь, подставляя миру сраку, чтоб он тебя ебал! Путь воина ради идеи предусматривал не наркоманов с алкашами спасать, а вселять в людей желание действовать, расти, эволюционировать! Чтобы наше удобрение стало почвой для новых людей, которые станут человечнее и счастливее, чем мы! Они станут жить друг

для друга! Они должны увидеть яркий пример, который перевернет их жизнь! Спасая обречённых себя на провал животных, никогда не достигнешь результата идеи, которой мы посвятили жизнь! Мы доживем свой век и исчезнем! Про нас забудут! Левиафан из детской сказочки проглотит и не подавится! Мы ни на что не повлияем, как и наши предшественники! Они сдались, они дали слабину, они с расплывшимися объёмами встретили старость, деменцию и запланированную судьбой смерть! Они смирились с тем, что было предложено природой...

Егор повторял беспощадную истину с глазами навыкат, все услышанные слова Нагваль принимал с глубоким сожалением.

– Я помню каждый переломный момент в своей жизни, – тихим голосом сказал он. – Помню обещания, которые давал самому себе. Каждый день помню то, что должен сделать ради общей идеи. Но всё, что у меня осталось в этой жизни, в этой реальности, в этой бессмысленности – это вы. Я люблю вас...

– Да пошел ты! – крикнул Егор на всю улицу. – Больше ничего никогда не говори и не делай, за тебя всё сделает жизнь...

Парень, позабыв о своём слабом состоянии, направился прочь от друзей. Он не останавливался и не желал больше ничего слышать. Одержимость выбранного им пути говорила за него. Он не мог смириться с утверждениями других, так

как за каждый свой выбор и решение когда-то понес огромную плату. Он являлся тем, что жизнь из него сделала. Что произошло в его прошлом, что являлось его осознанием за прожитые годы, тем и стал Лето. Силуэт побитого революционера удалялся всё дальше и вскоре совсем скрылся за домами.

Нагваль схватился руками за лицо, пальцы впились в кожу. Казалось, ещё чуть-чуть и он заревет отчаянным воем. Он не мог ничего изменить. Жизнь не прекращалась и продолжала испытывать человека без жалости. Момент за моментом. День за днем. Пока остаешься у неё в гостях, она продолжает подбирать ключики к твоей поломке.

Назар стоял рядом, не зная, что делать. Когда Николай пошел в машину, он отправился за ним. Его друг сел за руль, откинул голову назад и уставился несчастным взглядом в никуда. Назар впервые увидел, как Нагваль плачет. По щекам стекали слезы, которые мужчина даже не пытался остановить или скрыть. Назар почувствовал вину. Может, не нужно всё было это делать. Может, нужно было отговорить ребят.

– Коль..., – начал Назар говорить. Но тут товарищ перебил его и дал понять, что и он сам ошибался в своих догадках о глубине бездны.

– Лиля в коме..., – произнёс Нагваль и опустил медленно веки.

Глава 14. Во снах классно

Иногда поражаешься, как мир успеваешь за долю мгновения перевернуться с ног на голову. Без предупреждения, без намёков, без шанса на поправку. Человеку остаётся лишь стоять в стороне и наблюдать. Кажется, наступает миг, когда мир хочет обозначить нашу ничтожную роль в хронологии событий. А может и не хочет. Может, все происходит просто так. Могло быть по-другому, но случилось именно так, а не иначе. Соображение, что какая-то трагедия случилось конкретно почему-то и для чего-то – выдумка людей. Фразу «все, что не делается, то к лучшему» тоже придумали люди, им и деваться некуда. Принимать как данность. Увеличивать порок боли. Учиться жить вне абсурдной сцены действий. Все что остаётся.

Порой Назар замирал на месте и погружался в мысли. Может, это лестница виновата в череде событий. Может, это она хочет сломать человека, который идет к её вершине так целеустремлённо. Наносит на каждой ступени удар за ударом. Ведь с приобретением чего-то, мы должны отдать своё взамен. Она чувствует, что сознание приближается к истине и хочет проверить его, подкинуть ещё испытания. Но с другой стороны парень понимал, что никогда до этого не был так близок к массовой реальности, как в данный период жизни. Сейчас ему максимально открыт обзор на судьбы людей.

Хоспис, скорая помощь, путь воина. Он выбрался из своего личного мирка и оказался среди миллиона таких же творцов собственных судеб, имеющих право на существование. О чужих по большей части не задумываешься, так как живешь лишь для себя. Миры одинаковы по строению, но у каждого человека своя дорога и свой сценарий. Жизнь одного разумного существа тяжела. Побывать в шкуре других небезразличных тебе людей – непосильный выбор.

Медбрат сидел на лавочке возле хосписа и держал рисунок, который ему подарила больная раком девочка. Коала, выпятив своё пушистое серое пузо, смотрела с листа бумаги и, кажется, немного улыбалась. Позади неё бамбуковый лес и куча бананов на случай, если она проголодается. Лиля подарила ему рисунок в самый первый день его работы, тогда она шутила над своей участью. Люди все шутили, таким образом сражаясь с диагнозом своей отсроченной летальности. Назар не мог поверить, что время так быстро пролетело. Что Лилия на грани. Часы приравнивались к месяцам, а дни к счастливым годам. Хоспис учит не привязываться. Хоспис не позволит закрыть глаза на окружающий мир.

– Она сейчас в коме, – говорил Нагваль, – сознание отключено. Опухоль давила участки, отвечающие за большую долю активности. Мозг еле поддерживает жизненно необходимые функции. В любой момент рак может поставить точку.

Врач проводил большую часть времени в палате девочки.

Малышке сбрили волосы. Она выглядела умиротворенной. Тонкие черты лица лишь выражали спокойствие. Грудная клетка еле заметно то вздымалась, то опускалась под простыней. Бледное лицо с мрачными веками придавало ей образ Белоснежки, у которой в конце всё должно стать хорошо.

– Сколько ей осталось? – спрашивал Назар.

Стены оставались исписанными художествами маленькой постояльцы большого дома. Никто не посмел бы закрасить джунгли и многочисленных коал в ее палате. Нагваль верил, что она всё продолжает чувствовать внутри и ей легче будет среди родных стен бороться за жизнь. Врач не стал её переводить в реанимацию больничного комплекса, организовав за ней достойный постоянный уход в хосписе.

– Я перевез необходимое оборудование. Аппаратура поддерживает терминальное состояние. Но кома может длиться очень долго. Люди порой в неё впадают на годы. Правда, у них не у всех в анамнезе рак головного мозга.

Олеся тоже навещала подругу. Нагваль сказал маленькой девочке, что Лиля просто заснула на неопределённый срок. Что видит очень яркие и красивые сны, которые хочет досмотреть до конца. Олеся ждала возвращения девочки. Она играла на простыне в игрушки и просила, чтоб Лилия запоминала сюжет каждого сна и потом обязательно рассказывала. Конечно, Олеся внутри себя догадывалась о чем-то плохом, видя лица окружающих людей, но продолжала несмотря ни на что верить в чудо. По её соображениям всё должно было

наладиться.

– Лиль, мы нарисуем карту Пляжа Вечного Счастья, – шептала Олеся на ухо подруге, – мы с Колей и Назаром отыщем тот самый путь. Когда ты проснешься, мы отправимся на поиски острова. Построим плот, переплывем океан и встретимся с нашими друзьями. Представляешь, как они уже выросли и загорели...

Елена Ивановна с Аллой Петровной ежедневно вели пригляд за состоянием девочки. Они находились в хосписе практически круглосуточно, надеясь, что малышке станет лучше. Ворчун с Ильей редко заходили в палату. Мужчинам тяжело было принять действительность. Дед себя занимал уборкой на территории больницы, а Илья запирался в своей палате, ни с кем не общаясь. Зато появился анонимный посетитель. Каждый день у Лили на тумбочке обнаруживались свежие полевые цветы. Поначалу никто не понимал, откуда они берутся в вазе, но потом старшая медсестра засекала девушку. Оксана ранним утром покидала хоспис на пару часов, возвращалась молодая пациентка уже с красивым букетом, который относилась девочке. Добрая душа старалась это делать втайне.

– Если бы я что-то мог изменить, – моментами давал волю чувствам Нагваль, – я бы всё отдал. Но в хосписе, как в жизни – никогда не знаешь, кто будет следующим...

Назару нестерпимо было видеть своего друга в таком обреченном состоянии. Бывало медбрат встречал Николая на-

едине с Лилей. Врач держал часами её руку в своей ладони и не шевелился. Назар глядел со стороны на темный силуэт друга и вспоминал, когда тот так же успокаивал в своих руках девочку и повторял: «Ты никогда не умрешь. Потому что я тебя люблю. Потому что я в это верю.» Сейчас Назар в уставших ото всего глазах наблюдал не меньше любви, но все меньше веры. Нагваль почти не разговаривал и никуда не ходил, считая своим долгом не оставлять Лилию в одиночестве. Ему были нужны лишь Олеся, играющая на кровати уснувшей девочки, и почти неуловимая жизнь ни в чем не повинного маленького человечка.

– Олеся, ты что-то хочешь? – спрашивал он в апатии.

– Ммм, – задумывалась девочка, – мы хотим мороженое. Лиля любит шоколадное. Может, сработает...

– Может, – кивал головой Нагваль и они вместе быстро отправлялись за мороженым и сразу возвращались обратно.

Так он спрашивал несколько раз на дню у всех. Николай был готов сделать для каждого что угодно. Пустые глаза вглядывались в душу ближнего и искали там спасения. Люди отвечали, что ничего не надо, а доктор с тусклым принятием возвращался к Лиле и продолжал ждать её.

– Чтобы ты хотела, Олеся?

– Я хочу, чтобы Лиля проснулась. Мы бы поехали на остров. Неужели во снах так классно?

– Да. Во снах классно.

Назар облокотился на лавочку и задрал голову к небу, не

выпуская из рук рисунок коалы. Он наблюдал, как по голубому пространству плывут облака. Такие же бесполезные, эфемерные, предсказуемые и вечные, как люди. Они пришли сюда поиграть. Насладиться небом. Создать свой красивый неповторимый пейзаж. Изображение получится размытым, неидеальным и каждый в нём поймет что-то своё. Облака будут плыть день и ночь. Им придется научиться существовать и в свете, и во тьме. Они будут метаться из стороны в сторону, не особо понимая зачем, куда и для чего. Потом они станут дождем. Таким грустным, меланхоличным, но необратимым. И они не исчезнут. Круговорот вещей вернет всё на круги своя и уже другие формы облаков поплывут по тому же неведомому пути. Но в один миг поймут, что они просто воздух. Что плыть не так уж трудно. Что они просто есть и на этом всё сказано. Им станет легко и хорошо. А человек вскоре потанцует под их дождем.

...

Стоял тихий вечер. Назар бродил по крыше заброшенного театра. На черстве покрыва после вчерашнего ливня остались лужи, в которых сейчас отражался фламинговый закат. Парень присел на корточки и дотронулся до воды, оказалась теплой. В этот момент на телефон пришло сообщение от Даши.

«Привет .»

«Привет.» – ответил парень без особого взрыва эмоций, хотя ему очень не хватало рядом любимого человека.

«Как дела? Слышала, Егора освободили... Вы – большие молодцы)»

«Да. С ним всё отлично.»

«Не ожидал меня увидеть на митинге?»

«Почему? В тебе есть что-то бунтарское.»

»Ахах. Совсем нет. Я – милая беззащитная девочка))»

«Хорошая попытка обмануть)»

«)))».

Назар на это ничего не ответил, но тут же пришло ещё одно СМС.

»Можем увидеться?«.

Он не знал как реагировать, поэтому, не размышляя, ответил :

«Да.»

«Приезжай ко мне.»

Ему нечего было делать, а морочиться с собой и своими мыслями он очень устал. Встречи с Дашей парень больше не боялся. Когда что-то теряешь, становишься безразличным к другому. Одно несчастье вытесняет и делает мелочным другое. Найдите самого спокойного и доброго человека на свете, он окажется самой несчастной душой в прошлом.

Через час Назар добрался до знакомого дома. Он поднялся на этаж и постучал в дверь, никто не открывал. Парень попробовал надавить на ручку и дверь открылась, оказавшись не запертой. Кухня пустовала, лишь легкий ветер через открытое окно играл пляшущей занавеской.

– Даш, – окликнул квартиру Назар.

Та же тишина. Парень зашел внутрь и заглянул в зал.

– Даш, ты где?

Тут раздался тонкий, сухой голосок:

– Я здесь.

Назар с облегчением выдохнул, отбросив переживания.

На тумбочке лежали деньги, презервативы, постель на кровати выглядела помятой. Даши не оказалось в зале и Назар начал бегать глазами в вечерней темноте. Остановился на распахнутой двери балкона, откуда с порога торчали женские ноги.

В угасающих лучах солнца, расщепляющихся через оконное стекло, нежилась на полу Даша. Вокруг неё валялись разбросанные пустые коробки от таблеток. Назар узнал упаковку антидепрессантов, аналогичные которой они покупали однажды в аптеке. Сама девушка лежала в одних трусах и бутылкой воды в руке. Прозрачная жидкость приковала зелёный взгляд девушки, наполненный светом заката.

Назар встал напротив и, облокотившись спиной о стену, улыбнулся одним уголком рта.

– Я напилась таблеток..., – с удрученной насмешкой призналась она.

– Зачем? – спросил парень, не отрывая глаз от обнажённого силуэта.

– Думала, что от них умереть можно...

Назар задумался.

– Много выпила?

– Целую кучу, – по-детски сожалела Даша о поступке, – теперь новые придется покупать...

Выглядела невезучая самоубийца совершенно здоровой, лишь губы немного отдавали синим оттенком. Но глаза её были как никогда прекрасны.

– И зачем ты хотела умереть?

– Да все мы этого хотим. Так, – провела она плавно рукой по воздуху, – отвлекаем себя всеми возможными способами. А на самом деле, ждем и никак дожидаться не можем.

Назар усмехнулся. Ему не хотелось видеть, как столь сильная и жизнерадостная девушка попадает на типичные человеческие слабости. Он её любил и считал неземным созданием. Нужно поторопиться и помочь всем, чем возможно. Она должна обрести снова свою совершенную форму.

– Я бы покончила с собой по-другому, но очень боюсь боли. Вот и решила подыскать самый нейтральный способ. Я просто девочка...

Она пожалала невинно плечиками, как будто действительно имелся смысл в чем-то оправдываться.

– Давай тебе чай с сахаром сделаю? – предложил с улыбкой Назар. – А то у тебя губы синие...

Её глаза заискрились.

– Ты лучше ложись рядом, мне от этого намного лучше станет.

Она подвинулась, а Назар прилег сбоку. Получилось, что

они оба лицом смотрели в белый отштукатуренный потолок, а тень балкона постепенно окутывала их тьмой.

– Так много дураков на свете, которые не ценят свою жизнь и пытаются покончить с собой, – рассуждала она. – Грустно, что их никто не останавливает. Стоит просто появиться в нужный момент и человек останется живой...

Назар молча слушал.

– Ты вот появился, – она чуть повернулась на правую сторону и погладила своей нежной ладонью скулы парня.

– Ты сама меня позвала, я ведь мог и не узнать ничего.

– Я хотела увидеться. Хотела извиниться.

– За что?

– За то, что не умею больше любить.

Он взял её руку и сжал ласково своей.

– Как бы я не пыталась, у меня не получается, – продолжала она монотонное честное признание, – что-то, видимо, внутри умирает раньше нас самих.

Назар гладил её бархатную кожу и хотел, чтобы она не страдала.

– Как ты думаешь, в нашей жизни ещё будет что-то светлое, если мы так себя рано похоронили?

– Конечно. Если начнем новую жизнь, а остальное забудем.

– Это возможно?

– Да. Если просто существовать ради чего-то обыкновенного и хорошего. Не так сложно сделать выбор, особенно ко-

гда осознаешь низкую цену жизни.

Девушка водила пальцем по венам на запястье Назара, чтоб он чувствовал, что она с ним.

– Я понимаю, что происходит. Мне от этого очень забавно одно время, что я чувствую себя свободной. А в другое время невыносимо грустно. Больше нет причин для переменны настроения. Есть одна лишь истина, а отношение к ней зависит от... От...

– Химии в голове.

– Да. Вот я и пью таблетки.

Назар повернулся к ней лицом. Он знал, что сейчас ей очень хочется, чтоб он её послушал. Она нежилась в океане покоя, созданным эффектом таблеток, а ему хотелось ее нирвану сделать еще безмятежнее.

– У меня получается бороться и радоваться жизни, но она оказалась такой длинной... День за днем. Утро за утром. Момент за моментом. Тебе всегда нужны силы, чтобы хвататься за смысл, за счастье. Долго, долго, долго... Пока просто не заснешь вечным сном.

Назар не отводил глаз.

– Думаешь, тогда всё закончится?

– Надеюсь.

Парень подумал, что знает не до конца, но всё же некоторую часть формулы счастья. Ею можно поделиться с Дашей, вдруг станет лучше.

– Представляешь, там, у прозрения, у порога вечности,

мы наплюем навсегда на проблемы, суету, лишние мысли. Для нас любая жизнь станет приключением, детским путешествием в неизвестную страну. Но мы будем знать и помнить, что по итогу с нами ничего плохого не произойдет, мы просто вернемся к вечности.

– А если забудем? – милым грустным взглядом окинула она парня.

– Мы не позволим этого себе. Мы отречемся от всего мирского и будем даже в человеческой оболочке носить бесконечную лёгкость и красоту.

Назар пытался вложить в слова все свои чувства. Всё то, что он узнал и ощутил на себе. Он верил, что можно передать через любовь внутренние преобразования воина, которые ему уже довелось претерпеть на своём выбранном пути.

– Но мы же все равно остаемся людьми, – так ласково осадил его Даша. – Может, так всё и есть, как ты говоришь. Может, мы не сошли с ума и всё это реально чувствуем. Беззаботная игра в жизнь. Полная свобода в действиях, которые не несут важности. А на десерт та самая вечность с её пустотой. Но мы всё равно ещё обычные люди с их ограниченными потребностями, возможностями и характерностями.

Её зрачки баловались, меняя размеры. Две чёрные дыры то сужались, то расширялись, создавая в голове вселенные.

– А может, получится стать навечно счастливым, оставаясь людьми?

Она улыбнулась, и вторая рука потянулась к лицу парня.

– Я в тебя верю. Правда.

Назар пообещал себе, что, чтобы это ему не стоило, дойдет по лестнице до конца и расскажет всё девушке, и ей станет легче и проще. Главное, чтобы та правда оказалась панацеей, а не ядом. Ему стало хорошо в надежде, он почувствовал себя счастливым.

– Хочешь, займемся любовью? – предложила взамен какое-то спасение девушка.

Но у Назара уже всё было.

– Не, – ответил парень и с любовью сжал крепче её руку, продолжая смотреть в глаза. Там хранились доказательства всему, во что бы он хотел верить.

Даша улыбалась ему. А Назар улыбался в ответ. В головах обоих крутились одни и те же мысли, разгоняющие тепло по всему телу. Он просто человек. Она просто человек. Он просто есть. Она просто есть.

...

В тот день примерно в пол десятого вечера Назару пришло сообщение на Телеграмм от Нагваля, которое он настоятельно прочитал с опозданием.

«Присмотри за Олесей, пожалуйста.»

Назар решил не гадать и набрал Николаю, но тот не ответил. Одни пугающие гудки. Но тут неожиданно позвонил Егор. После революции прошло уже несколько дней, и всё это время парень где-то пропадал.

– Привет, ковбой. Чем занят?

– Привет. Да ничем. Слушай, мне Нагваль написал. Что-то случилось?

– Нет, вроде, – буркнул Лето. – А что написал?

– Чтоб я присмотрел за Олесей...

– А. Может, по работе куда смотался. Олеся дома с Валерой. Уже спит. Я сейчас от них как раз топаю.

– Тогда хорошо, – успокоился Назар.

– Пройтись не хочешь? Я знаю одно клёвое место.

– Давай.

– Тогда у метро рядом с твоим театром встретимся.

– Хорошо. До встречи.

Началось долгожданное лето, даже сильные вечерние порывы ветра отдавали теплом. Дни стали длиннее и стиралась грань с ночью. Спать совершенно не хотелось. Парень двинул к метро, слушая, как в кронах деревьев поют птицы. Помимо серенады, улицу тревожил скрип ржавых качелей. Родители не спешили гнать детей домой, позволяя еще немного поиграться на детской площадке. Малыши резвились, а взрослые стояли молча в сторонке. Рядом с пятиэтажками пахло сиренью. Крупные фиолетовые гроздья свисали прямо на дорогу, ударяясь о лобовое стекло проезжающих машин. Назар был счастлив, что Егор вернулся в строй. Что бы там не произошло, он являлся ему родным человеком.

Лето ждал у входа в метро, на фоне стоял гул автотрассы, мокрая плитка под ногами блестела в общем мерцании города.

– Ну здорова, Емельян Пугачёв! – радостно поприветствовал Егор Назара.

Ссадины на лице Лето немного подлечились. Раны затянулись, а вместо красных припухлостей остались темно-желтые разводы.

– Ты как сам? – спросил оживленно Назар, – Ребра целы? В прошлый раз ты совсем плоховат был...

– Ха. Меня тогда застигли врасплох. Сейчас намного лучше. На мне ведь всё как на собаке заживает. Мы же с вами из племени диких волков?! Ауууу!

Завыл он весело на луну. Присущий парню безумный оптимизм возвращался, и Назар не мог нарадоваться. Они потихоньку пошли в сторону.

– Правда, зуб откололся, прикинь? – парень продемонстрировал верхний клык.

– Ничего себе!

– Я же говорил: «зуб даю, что поднимем всю мировую контору на уши»!

– У нас неплохо получилось, – посмеялся вместе с другом Назар.

– Не то слово! Видосы с канала набирают охренительные цифры! Сенсация на всех платформах интернета! Я думал, что стар для этого дерьма, а оказывается всего лишь надо было подгадать властям и теперь Метастазы главный тренд молодёжи...

– Ты молодец!

– Мы все молодцы. Мы сделали самый важный первый шаг. Теперь можно работать не в пустую, а на большую аудиторию. Прикинь, если нас увидит весь мир?

– Ты думаешь, они пойдут за нами?

– Я уверен, – с горящими глазами заявил Лето, – мы никогда не были так близки к тому, чтобы всё изменить.

– Ты хочешь нанести новый удар?

– Нет. Показуха закончилась. Мы не хотим разрушения, нам нужен переворот в головах людей. Теперь у нас в руках их пристальное внимание...

– Как кстати с ментами обстоят дела? – следуя нога в ногу с Егором, поинтересовался Назар.

– Да ничего. Я стараюсь не светиться особо, хотя понимаю, что слежка есть. Вроде бы два последних дня спокойно. Но..., – посмеялся он от души, – Валдай меня не оставит в покое. После того как я ускользнул у него из-под носа, да еще и по приказу свыше, теперь я главная добыча.

– Стоит опасаться...

– Да пошел он в задницу, там ему и место. Я его уделаю первым же следующим шагом.

– Ты подарил ему кучу бессонных ночей.

– Простатит подарил ему их! – поправил Лето. – Ты как сам кстати? Как в хосписе?

Назар не хотел упоминать, но сказать пришлось.

– Лиля в кому впала.

– Да, – изменился в голосе Егор, – я знаю. Не верил сво-

им ушам. Она же с нами еще не так давно ездила в поход...
Какая-то череда трагедий в вашем заведении ...

– Хоспис, одним словом. Наш разум не привык к реальным вещам. Да и вряд ли привыкнет, пока его самого это не коснется, – подчеркнул Назар.

– Что-то мы не в силах изменить, – Егор уставился вперед на дорогу. – У неё есть шансы выкарабкаться?

– Не знаю. Если и есть, то они очень малы.

– А Нагваль как? – спросил Лето, Назар чувствовал в голосе друга беспокойство.

– Рядом с ней постоянно находится. Не сдается. Верит.

– Это на него похоже.

После этого наступило обусловленное произошедшим инцидентом молчание. Назар решил не касаться этой темы.

– А куда мы идем?

– Сейчас узнаешь, – ухмыльнулся товарищ, – почти пришли. Могу поклясться, что это лучшее место на свете.

Назар был по – настоящему заинтригован. Удивлять Лето умел. Они шли по дороге между пустых дворов, постепенно склоняющихся в ночную тьму, а затем уперлись в решетчатый забор. Назар вопросительно посмотрел на друга.

– Нам надо туда, – махнул игриво он головой.

– Через забор?! Опять что-то нарушать?!

– Ну да. По-другому никак.

Егор не стал долго чесать языком и с неуклюжими кряхтящими движениями перелез через преграду.

– Уже не четырнадцать лет, – с сожалением заметил виртуоз.

Назар понял, что выбора у него нет, поэтому, плюнув на всё, направился следом. Нарастающий интерес пожирал изнутри. Когда два друга оказались на противоположной стороне, Егор развернулся и двинул дальше. Не останавливаясь, товарищи пробирались мимо деревьев. Территория походила на закрытый парк. Назар не задавал лишних вопросов, а с осторожностью осматривался по сторонам. Наконец мрак густой листвы рассеялся, и парни вышли на асфальтированную дорогу. «Клёвым местом» оказался городской парк развлечений.

– Егор..., – волнительно спохватился Назар.

Лето мимо ушей пропустил страх товарища, его лицо расплылось в блаженной улыбке, переполненной ностальгией.

– Этим аттракционам уже больше 20 лет, а они до сих пор у меня вызывают счастье.

– Егор, – не сдавался Назар, – это наверняка охраняемый объект...

– Его здесь охраняют так же, как скамейку у подъезда, – усмехнулся тот, – камеры здесь давно не работают, а охранник на другой стороне парка сидит в своей будке и смотрит телек.

– А если поймают?

– Тогда мы прославимся самыми глупыми фальшивомонетчиками в истории, которых скрутили на детских каруселях.

лях.

Лето сводил к шутке риск ситуации и оставался целеустремлен. Внутреннее озорство нельзя было унять даже тюремным сроком, грозящим Лето последнее время. Он двинул напрямик к технической будке.

– Что ты задумал? – напрягся Назар ещё больше.

– Как что? Покататься.

– Ты спятил?

– Ага. На всю голову, – смеялся Лето.

Парень достал ключ из кармана и начал копошиться им в замке.

– Что ты делаешь?! – не находил себе место его товарищ.

– Когда я был маленьким четырнадцатилетним пацаном, я каждое лето приходил работать в этот парк на колесо обозрения, – пояснил Егор, не оставляя попытки открыть дверь, – а потом мы с друзьями украли ключ зажигания и начали втихоря по ночам кататься на аттракционах бесплатно. Прикинь, нас ни разу не палил никто! Каждый знал по работе как фурычит его объект, а затем катал друзей. Я был ответственный за самую здоровую махину с обзором на весь город. Пацки всегда меня брали с собой, потому что догоняли, что у меня самые ценные знания. В юношеском возрасте я водил сюда уже тискать девчонок. Они всегда таяли перед отработанным манёвром, а я только рад был стараться. Ну, короче, ключ у меня до сих пор сохранился как талисман удачи. А эти простофили даже не додумались поменять замки за эти

долгие годы.

Назар обомлел.

– И часто ты ходишь?

– Сейчас уже нет. Не катался, наверное, года три...

Тут дверь неожиданно открылась, Лето самодовольно развел руки:

– Вуаля!

Парень скрылся в темноте, Назар поспешил к нему.

– Скажи, а почему нельзя это сделать днем?

– Не так интересно. Тем более, из-за отсутствия гарантии безопасности некоторых горок аттракционы пока прикрыли.

– Отлично! – с сарказмом восторжествовал Назар.

– Но это полная чушь, они в идеальном состоянии. Хоть в космос на них улетай!

Егор включил фонарь на телефоне и осветил на множество выстроенных в ряд рычагов и кнопок.

– Ты точно умеешь?

– Я за диджейской стойкой бог. Это не сложнее.

Назар тяжело вздохнул, не понимая, почему всегда ведется на идеи друга.

– А если колесо как раз и не работает?

– Сейчас проверим, – с этими словами Лето непринужденно нажал на две кнопки, а затем резко опустил рычаг. В этот момент позади Назара раздалось слабое сияние. Сине-красный свет осветил площадку и вместе с ней радостное лицо победителя.

– Ничего не изменилось!

– Но колесо обозрения же в первую очередь будет заметно, – тыкал нервно пальцем Назар, – его же, черт возьми, видно с окраин!

– Всем плевать. Если что, свалим. – Заключил равнодушно Егор и направился к колесу.

Назар на цыпочках старался не отставать. Его друг отодвинул железное ограждение и подошел к пульту управления.

– Десять лет назад я с закрытыми глазами мог вертеть этим колесом как душа пожелает, – хвастался с азартом в глазах безумец, – для меня эти аттракционы являлись вторым домом.

Лето начал что-то крутить, тыкать и настраивать. Колесо сначала закричало своими ржавыми поршнями, но вскоре устремилось по часовой стрелке вверх.

– Ха! Да я просто настоящий волшебник!

Назар не мог поверить, что у друга так всё легко получилось. Он не переставал смотреть с опаской по углам, но теперь еще и восхищался зрелищем.

– Погнали! – позвал его с детской боеготовностью Лето и побежал ловить фургон.

– Но...

– Пошли уже! Скатаемся до неба!

Назар проклял ту минуту, когда согласился на преступление, сплюнул и понесся к маленькому фургончику.

– Чтоб тебя... Клянусь, больше никогда не пойду с тобой никуда!

Егор не сдержал смеха и запрыгнул следом. Коробку затрясло и медленно потянуло ввысь. Назар мигом прилип задом к лавке и начал молиться всем известным ему богам, чтоб забава миновала жертвы.

– Поверить не могу, что я снова здесь! – Лето сходил с ума от счастья. – Это же, твою мать, настоящая машина времени в мое детство!

Назар кивал головой и наблюдал с ужасом, как листва остается позади.

– Невообразимо, – только и смог выдавить он.

– Мы с друзьями тоже тащились от экстрима. Сейчас еще вид на город откроется! Такого ты больше нигде не увидишь, я тебе гарантирую!

Назар с трепетом в душе ждал пика. Вскоре верхушки деревьев опустились на ярус ниже, и глазам открылся панорамный вид на ночной город. Новостройки пестрели ночными фонарями, трассы выглядели непрерывными световыми полосами – мегаполис лежал как на ладони.

– Там вон река и мосты... А там вы давали концерт на крыше, – неутомимо указывал Егор, – отсюда можно подглядывать за кем угодно. Даже за Богом.

Глаза парня переполнялись красотой и романтикой. Воспоминания окунули в меланхоличную ностальгию, которой он хотел разделить с товарищем. Назар же глядел на яркие

огоньки большого города и восхищался его грандиозностью.

– Я как-то, – посмеялся Лето, – задумал привести сюда Олесю с Валерой, но охранник в тот день покинул будку, так как кроме нас тоже кто-то захотел прогуляться и привлёк внимание. Мы вернулись домой, и маленький пирожок всё рассказал Нагвалю. Больше со мной ночью их вдвоём не пускали гулять...

Назар присоединился к смеху.

– А когда это было?

– Вот как раз года три назад и было, – покопался в памяти Лето.

Назар задумался и понял, что нащупал подходящий момент, и задал вопрос, на который до сих пор не получил ответа:

– Как вы познакомились с ним?

Егор притих и отвел глаза от горизонта.

– С кем?

– С Колей.

Лето почесал лоб и после небольшой паузы решился. Судя по его волнительному голосу, история оставила в душе парня след.

– Он меня спас. Единственный человек, который не отвернулся.

– Как он тебя спас?

– Я сидел на героине.

Тут у Назара в голове всё перемешалось: разговоры, реак-

ции, суждения. Но и затем многое приобретало ясность.

– Я был третьим ребёнком в семье, – опустив голову, подробнее начал повествование Лето. – Мама вырастила трёх сыновей от разных мужчин. Отца я своего не помню. Старшие братья о нём рассказывали лишь, что он полный урод, и правильно, что мать его выгнала из семьи, так как мужик мог её в один день убить. Не знаю, была или стала мама такой, какой я её знал, но на своих детей она плевала с высокой колокольни и постоянно бухала. День за днем. Её запои с друзьями – собутыльниками могли длиться неделями. Мне тогда было около десяти лет, когда квартира превратилась в настоящий притон. Братцы свалили на улицу, а мне пришлось наблюдать, как родной мне человек превращается в животное рядом с вонючими свиньями. Я по большей части торчал у бабушки и дедушки. Дед всему научил, а бабушка заменила мать. Потом годы шли. Старшего брата посадили. Маму клали несколько раз в наркологичку, пытались кодировать, но каждый раз с возвращением она опять срывалась. Я пытался что-то изменить, но оказался бессилён. Последнее, что меня окончательно добило, это случай, когда я ночью без спроса зашел в её комнату и увидел, как её трахают двое узбеков, которых она без прописки поселила в квартире за гроши. Один помладше, пыхтя, долбил её раком, пока другой давал на клык.

Егор замолк на секунду, борясь с отвращением и ненавистью.

– Потом я сбежал из дома навсегда и мать больше не видел. Для меня это было большим потрясением. Я не мог спать. Помню, несколько дней трясло как больного. Тогда я начал больше времени проводить на улице. Средний брат меня вписал в компанию и через время я стал там своим. В те года улицы были помешаны на наркоте. Вскоре и второго брата посадили за хранение и распространение. Мне стукнуло семнадцать, когда предложили легкий заработок на позицию родственника. Чтобы существовать мне были нужны деньги и я начал разбрасывать по ночам закладки с ширевом. Деньги капали и удача улыбалась. Меня ни разу не ловили мусора с весом, только за мелкие хулиганства. Тогда, наверное, лучшим бы для меня стал тюремный срок, так как я подсел на иглу. Ты играешься с чем-то, пока не осознаешь, что сам являешься в игре игрушкой. Когда есть стаф, это всегда риск самому подсесть на это дерьмо. Сначала помаленьку пробуешь. Потом радуешь себя по праздникам. Дальше по выходным. Дальше, когда захочется. И вскоре как потребует организм, зависимый лишь от одного. Тебя не интересует ничего, кроме дозы. У тебя и счастье, и проблема являются одним и тем же.

Колесо крутилось. Лето сделал глубокий вдох, а Назар перестал бояться охраны.

– Я просадил все заработанные деньги. Потерял друзей и знакомых. У меня ничего не было в жизни, ничего не осталось внутри. Только иногда героин с тотальным уничтожени-

ем личности и тела. Нагваль приехал ко мне на скорой, когда я отрубился, рискуя больше не проснуться. Он мне ввёл антидот и вернул к жизни. После этого... Спаситель меня отвез в свой дом и выхаживал.

Егор нервно начал потирать ладонь. Назар вспомнил наркомана, который недавно сбежал из хосписа. Вспомнил речь Лето и взгляд Николая.

– Почему он решил так сделать? – спросил парень.

Егор молчал, а затем посмеялся.

– Да он псих! Он же живёт лишь добрыми поступками. У него такого отброса, как я, имелся целый дом. Это позже он открыл свой хоспис, а до этого складировал мусор общества прямо рядом с собой. Он верил в каждого. Каждого убеждал, что тот сможет выкарабкаться и всё образуется. Кто-то убегал, кто-то крал его вещи. Природу падшего человека практически нельзя изменить, но Нагваль и после предательства не сдавался и гнул свою прямую линию.

Назар оказался потрясён до глубины души. Неужели Николай всех связанных с ним людей спас от бездны.

– Я находился на грани, – будто бы прочитал мысли товарища Егор. – Омерзение и нежелание жить помогли мне побороть ломку и не свалить на поиски дозы. Отчаяние было настолько сильным, что подавило зависимость. Я хотел умереть, и желание стало превыше наркотиков, а что до жизни... – он улыбнулся, – Нагваль разговаривал со мной. Я не скажу, что всегда слушал его слова, но в один момент я пове-

рил в его добро. Человеку можно говорить что угодно: и мудрую истину, и философскую ерунду, но ему будет насрать на неё. Единственное, что являлось ключевым – это внутренняя вера, с которой подходил Нагваль к каждому. Без разницы – что он болтает, главное – его поступки. Я видел, как он переживает за людей, как хочет спасти каждого в этом мире, и как корит себя за то, что не хватило сил сделать абсолютно невозможное. Глядя на него, я вдохновился жизнью. Я захотел действовать дальше и знал на этот раз как. Мне были не нужны наркотики, и это стало ещё более весомым доказательством его влияния. Ты можешь себе представить, чтобы наркоман со стажем отыскал что-то сильнее ширева?

Назар с улыбкой отрицательно помахал головой.

– Наверное, нет.

– А я нашел. Нагваль как-то назвал это «Метастазами». Тогда в моей голове произошёл переворот. Я понял, что не так сложно прожить жизнь до конца, если просто помогать кому-то. Я приобщился к нему, а вскоре начал действовать самостоятельно. Судьба меня сама будто вывела на верный путь. С моим шилом в жопе и любовью к музыке я пришёл к...

– Рейвам, – не удержался Назар.

Лето посмеялся.

– Да. Я однажды очутился на подобной закрытой тусовке. Тогда, видимо, бывший наркоман и инициативный добродетель в башке скрестились и сотворили идею..., – тут на

его глазах навернулись слезы, он мигом спешил смахнуть их рукой, но голос тоже стал подводить, – я увидел, как люди показывают свои чувства без страха. Увидел их настоящими и осознал, что у нас получится. Что совсем не всё потеряно. Вспоминая свой собственный пример, я был уверен, что вернуть к жизни можно каждому человеку. Просто надо действовать. Жить так, чтобы и другим захотелось. Я нашёл способ. Начал делать музыку. Для меня в прошлом настолько всё обесценилось, что кроме смеха и танцев я не мог ничего признавать и воспринимать. С каждым следующим заданием в Метастазах я становился сильнее. Идея вселилась в меня, я ею стал одержим. Я ничего не просил взамен, а просто делал. Потому что мне так нравилось. Потому что это мой самый правильный выбор из всех возможных на свете.

Он вытер последние слезы и снова посмеялся, бросив взгляд на пульт управления, который друзья проехали уже три раза.

– В тот период семья пополнилась. Валера с Олеськой стали членами нашей банды. Нагваль их сразу полюбил как родных детей, они стали его жизненным катализатором. Я от них тоже не отходил ни на шаг. Валера сразу примкнул ко мне, а Олеся больше, конечно, тяготила к Коле. У них, я уже говорил сто раз, какая-то неземная связь! Они больше, чем просто люди. Я убеждаюсь в этом с каждым новым днем.

Лето нервно затряс ногой.

– Я знаю, что бываю полным говном. Что не слежу за язы-

ком. Что перехожу границы. Но... Я честно..., – снова тяжесть в горле, – люблю их больше себя. За каждого члена нашей семьи я готов отдать жизнь... Я за свою не цепляюсь. Я верю, как ни во что никогда не верил, что мы изменим мир внутри людей. Это скоро случится.

Разговор прервала тишина. Доносился лишь скрежет ржавых петель колеса обозрения и слабое щебетание птиц. Назар дослушал историю товарища, которую будет еще очень долго вспоминать.

– Да, – уверенно подтвердил он, – случится.

Колесо совершило последний оборот. Два друга наслаждались видом на город и просто молчали. Каждый понимал, что теперь точно не отступит назад. Метастазы могли лишь только расти. Глупостью, ложью, иллюзией являлись любые выводы, мысли и идеи, но только не то, что спасло когда-то жизнь.

...

Назару с Лето удалось остаться незамеченными. Отключив колесо и заперев будку, они вернулись к забору и покинули парк аттракционов. Перед тем, как разойтись, они решили набрать Нагвалю, который так и не перезвонил. Абонент так же не отвечал на телефон. После этого Лето связался с Валерой. Парень в полусне сообщил, что Николай не появлялся дома. Парни подумали, что, кроме как в хосписе, пропажу негде искать и вызвали такси до больницы. Внутри таилось необъяснимое волнение, которое товарищи пы-

тались не замечать. Машина высадила их у калитки и друзья скорее кинулись к входу. Перепуганная Елена Ивановна вышла встретить неожиданных гостей. Они доложили обстоятельства ситуации и задали главный вопрос.

– Ой, мальчики, он уехал ещё вечером, – пожалала плечами женщина, – не сообщил куда и зачем.

Назар с Егором загадочно переглянулись, но ничего друг другу не сказали. Каждый не хотел пугать и себя, и окружающих своими предрассудками. Нужно было успокоиться и ждать.

– Как Лиля? – спросил Назар, переводя тему.

– Да так же, – с печалью ответила старшая медсестра.

– Можно к ней? – спросил Егор.

– Конечно.

Парни направились по лестнице на второй этаж. В коридоре мерцали лампочки. Все пациенты спали. Назар пошёл в палату, Егор следовал за другом. Дверь оставалась открытой, тихо пищал аппарат. Маленькая девочка продолжала лежать в одной окаменевшей позе. Никакой реакции, никакого движения, кроме слабого дыхания. Егор впервые увидел Лилю в состоянии комы.

– Глазам не могу поверить, – с невыносимой болью сказал он.

– Тут один месяц сравнивается с жизнью, – заключил в том же духе Назар.

Друзья, не шевелясь, стояли над ребёнком, лицо которо-

го озарял лунный свет. Никто не знал, что и делать. Будто всё в один миг стало бесполезным и неважным. Время остановилось, наплевав на людей. Но вдруг Лето спохватился и вскрикнул, указывая пальцем на Лилю:

– Смотри! Это слезы! Она плачет!

Назар встrepенулся и приблизился к неподвижному телу. На впалых щеках действительно блестели слезы.

– Лиля! Лиля! – позвал громко Назар, но глаза девочки оставались закрытыми.

Ни давление, ни пульс, ни частота дыхания больной не изменились, все показатели на аппарате оставались такими же. Струились слезы, но сознание девочки пребывало во мраке.

– Она плачет в коме, – заверил Назар и отошел на два шага назад.

Егор вопросительно посмотрел на охваченное ужасом лицо друга и вдруг понял то, что и он.

Глава 15. Улитка и Фудзи

Тем утром Валдаев проснулся раньше жены. Он открыл глаза и заметил, что занавеску уже освещает утреннее солнце. За последние дни он засыпал с большим усердием, а просыпался чуть ли ни от каждого шороха. Из-за массы мыслей в голове организм испытывал сильнейшую усталость. Семен Павлович посмотрел на время, час имелся в запасе. Мужчина перевернулся на спину и просто глядел в потолок, летая в одних и тех же раздумьях и переживаниях, на которых остановился прошлым вечером. Лейтенант думал о службе, о семье, о чести, о справедливости. Самые благородные стремления терзали его голову. Он вспоминал разговор с Егором Летаевым, вспоминал его ехидные, полные насмешки и силы глаза. Затем произвольно мысли переключались на генерала Лазарева, который одним лёгким махом уничтожил в пух и прах гроздя задуманного суда. Мужчина не мог никак смириться, что деньги заменили служебный долг. Он чувствовал обиду и злость на то, что впервые ему преградила дорогу система, на которую он работает. Лейтенант отдал лучшие годы защите прав и закона, а теперь ему и его принципам плюнули какой-то взяткой в лицо. Самое страшное, что сделать он ничего с этим не мог. Он ненавидел Лазарева, хоть и удивляться, казалось, было нечему. Валдаев каждый раз находил новые поводы гневаться на старшего по званию коллегу: от

взгляда и тона, с которыми тот указывал что делать, до наглой коррупции, которая ему так легко сошла с рук. Но больше он ненавидел Лето. Паренек будто знал, что не пропадет, и даже не волновался. Засади его за решетку, он и там почувствует себя как дома. В нём таилась свобода, которая его защищает и спасает в любой сложившейся ситуации. Семен не глупый, он мог разглядеть истинную веру, которая движет человеком и охраняет его в окружающем мире. Лето – упертый глупец, одержимость которого помогает абстрагироваться в абсолютно любом положении. Семен ненавидел его, потому что боялся. С таким типом людей невозможно бороться. Их невозможно сломать изнутри, так как ломать нечего. Они ни за что не держатся. Даже гражданская свобода, даже личная жизнь – для них всё сущий временный пустяк. Лейтенант понимал, что не простит себя поражения, а, тем более, отступления. Он знал, что его принципы заставят продолжить войну. Но именно сейчас, как никогда прежде, он чувствовал уязвимость и беспомощность. Дело даже не в ситуации с генералом Лазаревым, здесь суть закопалась намного глубже. Семён ощущал, что его атакуют, а не он. Что конкретно он выступает в роли загнанного животного. Словно ведётся шахматная игра, где Семён претерпевает наступления и атаки, но ничего не может сделать. И казалась бы, как и в шахматах, положение может изменить один правильный умный ход, но лейтенант осознавал, что с Лето он не знает правил игры. Человек имеет ценности, но другие. Те, кото-

рые его одарили бесстрашием и безрассудностью. Теми качествами, которые сдавливали мирок Валдаева и, к сожалению, заставляли его обдумывать ситуацию дел и приходиться к незавидной реальности происходящего. Он пытался от навязчивых мыслей избавиться, но ничего не получалось. Трепещущее чувство не покидало душу и призывало за собой волнение. Война идеалов, война мировоззрений, война всего того, что два человека поняли за эту нелегкую жизнь. Война, которую никак не мог проиграть Валдаев.

Он с безысходностью в глазах оторвал глаза от потолка и повернул голову к жене. Лара, свернувшись калачиком, тихо сопела рядом. Ещё влажные после мытья волосы были разбросаны по подушке. Она выглядела ещё беспомощнее и беззащитнее, Семен Павлович почувствовал обязательство перед любимой женщиной быть сильнее. Он любил её. Она ему подарила двух замечательных детей, которых он тоже очень любил. Несмотря на строгое воспитание, для него они являлись единственной отдушиной в мире. Словно существовало два Валдаева: один лейтенант и борец правосудия, а другой обычный ранимый человек, который живет лишь семьёй. Он всегда считал, что делает и поступает так или иначе только ради своих родных. Не существовало другой причины. Он должен был оставаться всегда неприступным и жёстким, чтобы семья находилась в безопасности. Ведь мир жесток. Лейтенант за свою долгую службу в этом убедился, как никто другой. Если не ты, то уничтожат тебя. Он любил

своих детей, они являлись его ахиллесовой пятой. Он не мог позволить, чтобы кто-то им нанёс вред.

Валдаев не сдержал порыва чувств и прижался сзади к Ларисе. Его рука легла ей на живот, а нос уткнулся в затылок, пропахший ароматом шампуня. Семен бесконечно повторял про себя: «Я никогда не дам вас в обиду! Я никогда не дам вас в обиду! Я уничтожу любого, кто будет представлять угрозу!...». Лара сонно промурлыкала что-то про себя, а затем, потянувшись, пробудилась ото сна. Женщина посмотрела на время, а затем повернулась к мужу, который пронзительным взглядом наблюдал за ней.

– Уже проснулся? – спросила она.

– Да. Давно.

– Что-то ты плохо стал спать.

– Нет.

– Всё хорошо?

Он улыбнулся, чувствуя её равнодушие.

– Всё хорошо. Честно.

Жена ответила быстрой лёгкой улыбкой, затем зевнула и направилась в ванную комнату.

Валдаев решил самостоятельно приготовить сегодня семье завтрак. Пока дети спали, а Лариса наводила марфет, отец семейства пробрался на кухню и взялся за кулинарию. Он порезал лук, колбасу, помидоры, болгарский перец, сыр, всё скинул в одну миску и залил взбитой субстанцией из 8 яиц, молока, соли и приправ. Тем временем, пока муж-

чина размешивал полученную массу, на сковородке шипело сливочное масло. Когда сковородка нагрелась, Семен вылил будущий омлет, тем самым приглушив шум масла. Сегодня ему хотелось совершить что-то приятное, восстановить внутренний защитный кокон. Слишком много он за последнее время ругался со старшим сыном и слишком мало уделял должного внимания жене и младшему. Работа затянула и превратила его в черствого робота. Теперь Валдаев хотел исправиться, вернуть понятие «дом».

Семен включил телевизор. Он не собирался его смотреть, так как был очень сосредоточен на приготовлении завтрака. Ему достаточно было постороннего шума на фоне. По каналу шли новости, и, когда лейтенант встал спиной к телевизору, чтобы перевернуть омлет, он услышал то, что заставило его замереть и забыть про блюдо:

– ...страшная авария произошла сегодня около двух часов ночи за окраиной города, – говорила репортерша, – чёрное Renault выбросило с обочины трассы прямо в овраг...

Валдаев обернулся к экрану и уставился взглядом на кадры сломанного дорожного ограждения и разбитой всмятку машины, валявшейся в кювете среди деревьев. Семен Павлович узнал машину.

– Водитель скончался на месте. По документам опознали, что жертвой являлся Николай Николаевич Кремлёв, врач скорой помощи...

Валдаев смотрел на останки человека, от лица которого

после столкновения с деревом не осталось живого места.

– Данные экспертизы показали, что в крови пострадавшего ни алкоголя, ни наркотических веществ выявлено не было...

Валдаев с ужасом слушал речь женщины и полностью забылся.

– Семен, – с возгласом ворвалась жена на кухню, – ты что не чувствуешь, что воняет горелым?! Что..., – тут новости тоже приковали её внимание. – Господи... Это же... Это же тот врач... Он к моей подруге по работе на скорой приезжал постоянно... Гипертонические кризы её... Лечил...

Лара произносила слова медленно, продолжая глубже погружаться в скорбь.

– У него же еще свой хоспис был... Катя мне рассказывала, что он сам его содержит, что он... Он же... Господи... Он такой молодой...

В голове лейтенанта всё перемешалось. Он стоял, точно вкопанный в землю. Слова жены, шум новостей, запах гари проходили мимо него стороной. Он тоже знал врача и его репутацию. Он помнил, как о нем положительно отзывались люди. Очевидно, что Кремлёв каким-то образом был связан с Летаевым. Что думать по этой ситуации и за что цепляться – Валдаев ничего пока не понимал. Он пребывал в помутнении сознания, как и рядом стоявшая жена. Что-то несла за собой кончина этого человека. Что-то, что нельзя было передать. Прямо с экрана телевизора пронзала нутро волна

опустошения. Про завтрак никто больше не вспомнил.

...

Назар с Егором заснули прямо сидя на стульях в палате Лили. Они не разошлись ночью, ожидая возвращения Нагваля, но в какой-то момент отключились. Оторвал ото сна женский плач. Назар открыл глаза первым. Не понимая, что происходит, они с Лето начали метаться по сторонам. По всему второму этажу раздавались подавляемые всхлипы, чередующиеся жалостливым стоном. Через секунду в дверях показалась Елена Ивановна. Ее лицо от рыдания опухло и покраснело до неузнаваемости, тело пронзала дрожь, а слезы безостановочно струились по щекам. Парни испуганно вскочили на ноги и уставились на женщину, которая не в силах сдерживать горе, с трудом донесла страшную весть:

– Мальчики... Николай Николаевич... Господи...

Она издала протяжный несчастный крик и, проводя по стене рукой, сползла на пол. Друзья кинулись к женщине. Её громкий плач заглушал вопросы, но в итоге она смогла договорить :

– Он... Он погиб.

Тут Назар ощутил холод по всему телу. Он посмотрел Егору в глаза и увидел там крах. Товарищ будто перестал дышать и смотрел то на Назара, то на страдающую женщину.

– Он разбился ночью на машине..., – выдавливала старшая медсестра из себя, – умер на месте...

Каждое слово сопровождалось болью. Назар, схватившись

за голову, начал ходить из стороны в сторону. Он не мог поверить своим ушам. Он ни черта не мог понять, надеясь, что это сон. В реальности такого не могло случиться. Никак. Егор оставался сидеть на корточках, полностью спрятавшись куда-то в себя. Тьма и пустота постепенно начали окутывать его душу. Зрачки пульсировали, в сердце начались перебои. В один момент парни оба взглянули на Лилю. Девочка продолжала находиться в коме, не подавая жизненных признаков. Ее предсказательные слезы оказались пророчеством. Бледное худое лицо не выражало, как и прежде, ничего, кроме жалости ко всему происходящему внутри неё и за пределами. Боль стала общей. Болел каждый человек, как единый организм.

Нужно было скорее оказаться рядом с Валерой и Олесей. Непонятно откуда возникло это чувство и почему и Назар, и Егор его ощутили одновременно без слов. Ясно одно: друзья начали переживать за остальную семью. Им необходимо находиться рядом с ней прямо сейчас, будто жизнь могла забрать и остальных. Стало страшно перед судьбой. Стало страшно от того, какие люди временные и непостоянные.

...

Просто бродишь по городу. Заходишь в разные места. Строишь не ясно зачем, что-то делаешь без особой надобности. В мире ничего не произошло, только ушёл один из миллиардов человек. Каждый день кто-то теряет близкого, каждый день у кого-то рушится жизнь. Чувство, будто без

предупреждения бросили. Оставили одного. Чувство, будто ничего не было, ничего не происходило до этого, прошлое – просто иллюзия. Моменты, смех, счастье, связанные с человеком растворяются в печали. Наша память – сильнейший источник наших чувств. Не будь её, не было бы боли. Казалось, что Нагваль просто спрятался на время. Что это очередной его фокус, но вот наступит момент и он неожиданно явится. В смерть любимых людей мы не можем поверить до последнего. Для нас это нереально, ведь невозможно утратить то, что любишь. То, без чего жизнь не представляется. Самое абсурдное то, что мы и после их ухода остаемся дальше существовать. День за днем. Момент за моментом. Кто-то покидает этот мир, а мы остаемся делать всё то же самое, только опустевшие и тоскливые. Слишком вечность кажется долгой и ненужной, когда ты теряешь кого-то. Вроде бы понимал, что так когда-нибудь будет. Вроде люди вокруг тоже теряют близких. Но теперь ты часть этой общей боли, о которой никому не сумеешь рассказать, кроме тех, кто её сам испытал. Любой опыт, любое чувство можно лишь разделить с теми, кто знаком с ним. Нагваль верил, что идею Метастазов люди примут, так как они прошли через боль и теперь захотят помочь друг другу, позабыв о себе. Он верил, что каждый носит в себе руины разрушенного мира, которые послужат почвой для чего-то благородного. Он верил до последнего, а потом ушёл.

– Левиафан, – иногда говорил Лето, а потом молчал, а за-

тем снова говорил, – Левиафан. Сначала ты живешь, мечтаешь, любишь, а потом тебя пожирает монстр вместе со всем твоим миром. Как в той старой легенде. И кажется, что всё происходит не зря только до того момента, пока ты существуешь.

Егор замкнулся в себе. Пропал тот вечный балагур из ничего. Он не показывал своих эмоций и не делился переживаниями. Он просто молчал и думал о своём. Заглянув в его глаза, можно было узреть разрушение, которое он пытался побороть каким-то планом действий. Лето, как и все, оказался выброшен океаном жизни на остров, где можно делать всё что угодно, но с каждым шагом у тебя меньше и меньше желания и сил.

– Бездна глубока, – изрекал он с каменным серым лицом, – каждый раз думаешь, что знаешь грань, но жизнь каждый раз подкидывает сюрприз.

Парень пропадал в своих мыслях и не шёл на контакт ни с кем. Он прятался от мира, который продолжал быть счастливым и безразличным к трагедии.

– Я организую похороны, – сообщил он, натянув капюшон на лицо, – завтра к 10 утра будь готов.

– Деньги нужны? – поинтересовался Назар.

– Нет. Тот Илья из хосписа... Продал билеты в Таиланд, которые ему Нагваль подарил, и отдал их мне.

Мелкие детали приоткрывали реальность ситуации. Потеря поселилась в образе походного рюкзака, картинок с мо-

рем и горами, ночных фонарей возле хосписа. Воспоминания накрывали с головой. Можно было замереть на месте и больше не двигаться никогда.

– Нагваль учил не привязываться, – ни с того ни с сего говорил Лето, – учил не зависеть ни от жизни, ни от событий, ни от людей. Не научил он лишь только как выживать человеком.

Назар вспоминал о лестнице счастья. Николай обещал довести до конца и показать божество. Но его человеческий срок подошел к концу. Жизнь смеялась над человеческими планами. Мы словно дети, придумавшие свой собственный мир, но не успевшие доиграть, так как родители забрали из садика. Назар не мог знать, что там на пятой ступени, но сейчас ощущал легкость. Его будто послали на землю просто так. Просто поразвлечься. Он сквозное явление между эпохами, между жизнями. Ничего не имеет важности. Задуматься и понять, но не отпускать эту мысль никогда.

За Олесю переживали больше всего. Назар встретил девочку, когда ей уже сообщили новость. Не реакция была похожа на реакцию Егора. Она не плакала, не задавалась вопросами и просто молчала. Она приняла и спрятала в себя эту страшную правду. Может, девочка решила, что так надо в этом мире. Сначала родители, потом Николай, который для нее являлся заменой и папы, и мамы. Просто у жизни свои законы, которым люди не в силах противостоять. Девочка обнимала Персика и смотрела абсолютно взрослым взглядом

на окружающих. Назар с мучением наблюдал, как внутри девочки рушится детский мир. Она не станет эгоистичной и злобной на всех, она будет молчаливой и всё понимающей. Назар молил, чтоб она ещё улыбнулась, но пока сам этого был не в силах сделать. Олеся часто просила навестить Лилю. Они каждый день вместе ходили собирать молча цветы, а затем относили в палату и клали их рядом с букетом Оксаны. Иногда девочка встречала жучков, улиток, а один раз на неё села бабочка и не хотела улетать. Олеся всех насекомых приносила к подружке, показывала ей, а затем отпускала. Лиля продолжала молчать с закрытыми глазами и не реагировала ни на что.

– Может, Коля нас ждет на Пляже Вечного Счастья? – спрашивала Олеся.

– Олесь, он... – с трудом говорил с малышкой парень.

– Умер. Я знаю.

Назар не знал, что отвечать на это и просто вставал на колени и прижимал крепче к себе девочку. Он обещал себе, что никогда не оставит ребёнка. Он готов отдать всю свою жизнь этому человеку. Раньше тоже не было жалко, но сейчас появился смысл.

Накануне дня похорон к Назару заглянул Валера. Он стойко держался долгое время, но наступил момент, когда сдался. Внутреннее горе его убивало и он не нашёл лучшего способа защиты, как в иронии над всей ситуацией. Он сидел возле заброшенного театра, пил из горла водку и смеялся.

Он смеялся над всем. Над любыми поступками, действиями, словами, обещаниями, происшествиями. Над жизнью и всеми её проявлениями. Он ещё только учился принимать всё как данность. Он еще был чуть-чуть не согласен.

– Он помогал, – усмеялся он в слезах, – на скорой, в хосписе, дома. Всем. Он знал, что в жизни нет смысла, но он его видел, когда что-то делал хорошее для других.

Назар находился рядом и слушал. Он не мог представить, каково парню потерять второго отца.

– Он менял в хорошую сторону каждого, кто с ним находился рядом. Он мог изменить мир. Я в него верил.

Все то, что Назар испытывал внутри к Нагвалю, переживал каждый знающий того человек.

– Сначала автокатастрофа и смерть родителей, – ненавидел себя за свою слабость Сад, но не мог больше молчать, – потом снова то же самое... Неужели у жизни всё так просто...

Назар не знал, что говорить. Оставалось лишь молчать. Это не являлось правильным или неправильным методом. Просто как конечный результат всего.

– Знаешь, я тебе не доверял первые дни нашего знакомства, – признался Валера, отхлебнув с отвращением еще водки, – но потом я убедился, как ошибался. Я понял, что Нагваль видит хороших людей. Я не знал, как это у него получается...

– Только мудрый человек может видеть насквозь.

– И по-настоящему мудрый может выбрать добрую сторону и верный путь, – кивал головой Сад, – я понимал, что следуя за ним, я делаю правильно. В жизни так всё запутанно и двойственно, но конкретно в этом выборе не возникало и доли сомнения.

Два друга сидели на пустой улице и смотрели на уходящее солнце. День заканчивался. Жить оставалось ещё на чуть-чуть меньше.

– Почему всё так навалилось? – гадал Сад, уже совершенно спокойным голосом. – Почему столько несчастий подряд?

– Жизнь для людей как хоспис – никогда не знаешь, что тебе предназначено и кто будет следующим, – процитировал Назар Нагваля, который почему-то знал истину наперед.

Кажется, этот ответ устроил Сада. Всё становится понятным, если с этим смириться. А солнце стремительно скрывалось за горизонтом.

...

День похорон настал. Изуродованное лицо и тело Нагваля скрывала чёрная мантия. Возле гроба собрались самые близкие люди, позади с цветами в руках и слезами на глазах расположились коллеги со скорой помощи, давние друзья и большая куча неизвестных людей, которым довелось знать Николая. Семья походила на окаменевшие статуи. Царило холодное небытие. Стало абсолютно всё равно на себя. Не страшно теперь за смерть, когда родной человек ждет тебя по ту сторону жизни. Назар видел в посторонних отраже-

ние одних и тех же мыслей. Люди всё принимают. Люди готовы дальше сражаться. Люди согласны жить дальше. Но это не отменяет того факта, что люди знают насколько их выбор бессмыслен. Каждый научился биться ни за что, не сдаваться просто так, совершать добро безвозмездно.

Священник говорил слова, но на них было тяжело сконцентрироваться, потому что в голове перебивали собственные громкие мысли. Никто не предлагал похоронить Николая по-другому. Каждый хотел иметь возможность принести цветы на его могилу и побыть с ним рядом. Он верил, что смерти нет, значит, он будет находиться поблизости. Оплакивающие глаза смотрели на фото усопшего. Там он такой же жизнерадостный, такой же любящий несмотря ни на что, такой же реальный и живой, как и несколько дней назад. Невозможно поверить, что человек на надгробии и человек под мантией один и тот же. Снова всё не по-настоящему. Снова должен выскочить из угла веселый Нагваль и вернуть к жизни мрачную толпу.

– Я думал, он из другой вселенной, – говорил Илья, соединив на коляске худые ноги в коленях. – И не думал, что он уйдет от нас вот так. По-человечески. Я... Я до сих пор не могу это понять. Сколько всего случилось, а я все равно задаю вопросы: «Зачем?», «Почему?», «За что?». – Он делал паузы, медсестры не сдерживали плач, а Ворчун с Оксаной стеклянным взглядом смотрели на изгибы трупа. – Я многое не успел в этой жизни. Но Николай Николаевич не успел еще

больше. Он мог совершить очень многое. Он понял для себя то, что могло спасти очень многих людей. Теперь мы остались одни. Каждый теперь навечно поселил у себя внутри потерю чего-то важного. Нам дальше с этим жить. А с этим человеком мы когда-нибудь ещё встретимся. Только попозже. Мы просто застрявшие в грустной вечности случайности, смягчающие положение любовью друг к другу. Николай Николаевич верил и жил каждый день для кого-то, но не для себя.

Кто-то мог произнести слова, а у кого-то не хватало совершенно сил.

– Каждый не раздумывая, пошел бы за тобой, – тихо сказал Назар Нагвалю, подойдя проститься к гробу.

Валера оставался стоять и с болью в сердце созерцать и принимать происходящее. Олеся несколько раз пыталась сделать шаг вперед, но лишь только на третью попытку оторвала правую ногу и направилась к папе. У всех подступили к глазам слезы, а девочка даже не думала плакать. Она достала со спины мыльный пистолет.

– Ты кое-что забыл, – положила она аккуратно игрушку рядом с рукой Николая, – пусть будет с тобой. Мы всегда останемся братьями по оружию.

Она легонько наклонилась и обняла неподвижное тело Нагваля, а затем с беглыми глазами вернулась к брату, который опустил голову и сжал её в объятиях. Назар чувствовал, что его сердце сейчас остановится. Он, сдерживая слезы, подо-

шел ближе к своим друзьям.

Лето всё время смотрел на оставленную игрушку в гробу упорным взглядом. Он не обращал внимания ни на кого больше, а лишь только смотрел на пистолет, который маленькая девочка оставила на память своему лучшему другу. В его голове происходили процессы. Лето чувствовал то, что никто не мог чувствовать. Знал то, о чем никто не подозревал.

– Думаю, если мы уходим отсюда настолько внезапно, то так надо. Кажется, этого человека не хватало там. Может, он намного нужнее небесам. Он говорил, что вся жизнь танец, а мир лишь игра. Он играл красиво и учил других танцу, – народ притих, слушая речь самого близкого товарища Нагваля, – у нас были разногласия, мы по-разному смотрели на некоторые вещи... – Егор нервно царапал ногтями ладонь, – но это только потому, что он очень любил людей. Он готов был отдать свою жизнь за абсолютно любого человека. Я считал это глупостью. Я цинично и хладнокровно относился к каждому, считая это правильным и закономерным. Но сейчас я понимаю, что у моего друга случилось не меньше неприятностей, чем у нас всех вместе взятых. Нагваль наблюдал и пропускал через себя то, что ни один не вытерпел бы. Несмотря ни на что он оставался верен своему добродушию и самоотверженности. Он совершал добрые поступки и умел при этом вдохновить других на то же самое. Каждый его шаг, каждое его слово могли вернуть к жизни, казалось

бы, и затхлого трупa. С него начались Метастазы. Он сотворил идею. И если он любил весь мир и готов был жертвовать ради него собой, то я люблю его. Жалко не то, что он нас покинул. Все мы когда-то встретимся там. Жалко, что я не успел ему сказать «спасибо». Он подарил смысл жизни, в которой его не может быть..., – парень подавлял слезы, – Фудзи не нужна улитка. Да и улитке не нужна Фудзи. Но остальным живым окружающим наблюдателям просто необходимо, чтобы улитка через все страдания, тернии и утраты продолжала ползти на вершину.

Его взгляд оставался сосредоточенным на одной лишь точке. Людей вокруг для него не существовало.

– Я написал стих..., – произнес он,– стих короткий, но... В общем... Я не успел попрощаться, но я знаю, что ты где-то здесь..., – он собрался с силами и прочитал.

– Тем, кто отправился к началу
Будут светить бесконечно звезды,
А долгие жизни полные печали
Тем, кто на время остаётся.

Мы здесь просто так, ни зачем-
Вольные элементарные частицы.
Если ты не для кого и я ни чей,
Почему же нам так тяжело проститься.

Наша жизнь глупая пленница
Без смысла и без сути.
Я тебе обещаю – мир изменится,
Но нас в нём уже не будет.

Лето закончил и опустил руку с листом бумаги. Слезы побежали по щекам присутствующих. Никто не понимал, что происходит. Кто мы. Зачем мы. Что нам делать. Мозг лишь подсказывал, что вроде это реальность. Наши души порхали в невесомости общей скоропостижности. Все планы к чёрту. Все мечты суший пустяк. Обиды, желания, принципы не имеют веса. Почему-то каждый просто прижал поближе к себе стоящего рядом любимого человека. Любовь являлась главной глупостью, но только она способна была спасти людей по итогу. Мы не совершенны. Нам не нужны звезды с неба и сакральные тайны вселенной. Мы как пришли, так и уйдем. В промежутке хочется кого-то и что-то полюбить. А там уже будь что будет.

Народ продолжал неподвижно стоять на месте. Никто не хотел заканчивать церемонию. Никто не умел отпускать навсегда.

...

Назар тосковал в своей камерке. Если удавалось заснуть, то он естественно выбирал беспмятный мир снов. В остальное время он сидел на краю кровати. Валялись книжки. Валялся рюкзак. Стоило было пробежать глазами по вещам и

заново начинали душить слезы. Вопросы и догадки терзали каждую минуту на протяжении последних дней. Он не знал причины, возможные мотивы и вероятность стечения обстоятельств. Что творилось в голове у Нагваля. Или что было в планах у судьбы. Как теперь узнать истину. Как двигаться дальше. Назар старался гнать все раздумья прочь. Интуиция подсказывала, что это не конец истории. Он видел глаза Егора на похоронах; он знал, что природа парня будет мстить всему миру. Лето не мог опустить руки и простить жизни эту трагедию. Опасны два типа человека: которому нечего терять и который одержим своей идеей. Когда эти два фактора соединяются в одно целое, тогда и наступают изменения.

Назар выходил на улицу, чтобы проведать Олесю. Они могли абсолютно молча играть с котом. Девочка доставала свои игрушки и парень в полной апатии машинально подключался к игре. Друзья выбирались на кухню, чтобы что-то приготовить поесть. Назар готовил, а Олеся тихо сидела за столом и разукрашивала картинки. Затем к вечеру он либо оставался ночевать в их доме, либо уходил к себе. Даже становилось поразительно, как просто существовать на рефлексиях. Как может душа за долю мгновения перегореть. Но всё изменилось в пятницу вечером.

Назару позвонил Валера, парень сразу взял трубку.

– Привет, занят? – в голосе товарища звучала серая монотонность.

– Привет. Нет.

– Можешь подъехать к центральной больнице.

Назар догадался, что что-то случилось, и быстро помчался в центр. В окнах метро парень наблюдал своё отражение. Долгое время он даже не подозревал, что стал похож на самого настоящего призрака: истощало тело, щеки впали, нос и скулы выперлись, глаза потускнели. Если бы позвали сниматься в фильмы ужасов, Назар без очереди прошёл кастинг. Но было абсолютно плевать. Как мимолетно увидел, так и быстро безразлично отвернулся. Парень вышел на нужной станции и скорее направился к больничному комплексу.

Назар понятия не имел, где его ожидает Сад. Он решил дойти до приемного и там набрать другу. Но стоило ему подняться по лестнице, как возле решетчатого железного забора нарисовались три знакомые фигуры. Порох протянул ноги, сидя на бордюре. Яна топталась на месте и докуривала сигарету. Валера ходил взад вперед, держа что-то в руках. Заметив товарища, Порох резко поднялся на ноги, а Яна выкинула бычок на проезжую часть.

– Привет всем, – поздоровался с музыкантами Назар и слегка улыбнулся, поражаясь этому непривычному ощущению.

– Привет, Назар, – кивнули они.

Валера стоял в стороне и будто бы ничего не слышал, обращаясь лицом к панельным зданиям.

– Чувак, – начал Порох, Яна лишь глядела полными глазами отчаяния, – тут, в общем это... Короче... Пускай тебе

Сад сам всё...

Он кинул взор на статую, не выпускающую из рук тайный секрет. Назар, ничего не сказав, пошел к Валере. Метр за метром сокращалось между ними расстояние, и вот уже парень стоял впритык. Сад застыл как камень, Назар в руках у него увидел маленького ребенка. Он знал эту девочку. Самую спокойную и понимающую. Он встречал такую лишь однажды и эта была Алиса. Маму девочки Назар с Нагвалем возили на скорой с пиелонефритом в эту же самую больницу. Таня оказалась носителем ВИЧ-инфекции ещё до родов малютки. Девушку заразил отец ребенка, который впоследствии её бросил. Она одна воспитывала ребенка, будучи ровесницей Валеры. История прокручивалась в голове плёнкой, которую зажевала в кассете жизнь. Валера знал, что подошел Назар, но почему-то никак не мог оторвать взгляд от домов, отражающих лучи солнца. Назар, не сказав ни слова, смотрел на малышку и постепенно осознавал реальность происходящего. Остальные ребята тихо приблизились сзади. Валера вскоре обратил внимание на верного друга и спросил дрожащим голосом:

– Поможешь?

Назар летел сознанием куда-то в глубокую пропасть. Падение нельзя было предугадать и остановить. Он лавировал между событиями и пытался как-то не сойти с ума. Ни он, ни друзья даже не думали жаловаться на судьбу. Они крутились в общем водовороте, открывая для себя тот факт, что ,

оказывается, в мире людей случается самое разное каждую минуту. Ребята варятся в котле, не замечая того, что тучи давно сгустились. Но в такие моменты они понимают, что становятся сильнее. Ведь именно в эти дни им как никогда прежде необходимо остаться людьми. Назар стоял в тишине. Стоял с выпученными глазами и думал. А затем улыбнулся. У него это наконец-то получилось с лёгкостью. Он смотрел с улыбкой на ребёнка, завернутого в несколько пеленок, а затем ласково погладил малышку по маленькому телу.

...

Друзья вызвали такси до хосписа. Назар понимал, что если и искать помощи, то там. Они не могли самостоятельно позаботиться о ребёнке. Возможны лишь были совместные усилия.

– Ей стало хуже, – рассказывал на заднем сиденье Валера, – она позвонила мне из реанимации и молила приехать...

Алиса хлопала глазами, рассматривая незнакомых дядей; иногда начинала плакать, но затем быстро отвлекалась.

– Таня попросила позаботиться о дочке, – в горле стоял ком, – я сказал... что не знаю. Совершенно не знаю, как ухаживать... Но она сказала, что не может отдать девочку пьющей бабушке, а урод, который ей является отцом, даже трубку не берёт...

Малышке вновь что-то приходило в голову, и она улыбалась своими тонкими губами.

– Она обещала, что выкарабкается, но её иммунитет со-

вершенно ослаблен.

Яна игралась с крохотной ручкой девочки, а та радостно шла на контакт со всем окружающим миром.

– Зато..., – начал Валера, подавляя спазмы в голосе, – у Алисы брали кровь на анализ...

Назар с надеждой обратил взгляд на друга.

– Она не заражена.

...

Ребята зашли в хоспис, в котором в какой-то миг потускнело. Тени разрастались в углах. Сквозняк гулял по пустому пространству, жалобно завывая в одиноких палатах. Назар стал жертвой мрачной картины. Он смотрел в конец коридора и будто ждал, когда хотя бы что-то произойдет. Лёгкие шаги раздались на лестнице, но общее внимание привлекла Елена Ивановна. Женщина покинула процедурную и направилась к ребятам. Grimаса печали стала родной выражению лица. Медсестра застыла, увидев Валеру, держащего в руках маленького человечка. Но затем подошла ближе и познакомилась с лицом малышки. Шаги наверху продолжались, но никто не обернулся.

– Здравствуйте, ребят, – вздохнула женщина.

– Елена Ивановна, – решил за всех сказать Назар, – нам нужна помощь... Мама девочки...

– Я знаю, – перебила его медсестра, – Николай Николаевич рассказывал мне про подругу Валеры.

Назар медленно кивнул, принимая факт, а затем спросил:

– Вы сможете помочь? Если всем вместе, то... То...

Он не смог договорить, потому что стало очень тяжело. Парень крепко сжал губы и отвернул голову. Никто не нашёл сил прийти на помощь и закончить просьбу товарища, каждый испытывал одно и то же. Елена Ивановна стояла молча, продолжая наблюдать малышку и понимать, что в любом случае не сможет отказать.

В этот момент за спиной у компании раздался совершенно никому не знакомый женский голос:

– Можно мне...

Люди вздрогнули и обернулись. На крайней ступени стояла Оксана. Девушка, которая за всё время не сказала ни слова, впервые заговорила. Она не спеша спустилась и плавно приблизилась к ребёнку. Её глаза были сосредоточены лишь на нём. Сейчас лишь они искрились надеждой, которую остальные утратили. Девушка аккуратно взяла из рук Валеры Алису и улыбнулась ей. Все затаили дыхание, глядя, как девочка знакомится со своей второй мамой, которая пережила не меньше боли. Несчастье снова свело людей вместе. Оксана восприняла девочку как неземное чудо. То, о чем она молила и ежедневно просила, наконец-то свершилось. Девушка не нашла на свете ничего ценнее и важнее только что приобретенного. Стены чёрного замка, в которых она была заточена долгое время, обрушились. Она поняла, что еще может чувствовать счастье и дарить его другому. Тому, кто однозначно заслуживает. Народ вокруг наблюдал за но-

ворожденной идиллией. Показалось, что что-то новое пожаловало в их жизнь. Первый луч света пробился сквозь непроглядную, казалось бы, тьму. Новый человек пришёл в мир, чтобы любить. Ничего не заканчивалось, а только продолжалось в новой форме. Вера не покидала хранителей идеи, а лишь становилась сильнее в беде. Мама нашла ребёнка. А ребёнок нашел маму. Остальные сделали глубокий вдох. Метастазы нащупали пульс у жертв запутанной судьбы .

...

Назар взял стул и поставил его рядом с Лилей. Девочка спала бесконечным сном, а парень пребывал в сознательной коме. Он смотрел то на её бледное лицо, которое с каждым часом становилось прозрачнее, то на линию солнечного света, медленно ползущую к плинтусу. На стене нарисованные радостные люди держались за руки. Нагваль, Лиля, Олеся, Валера, Егор, Назар, Оксана, Ворчун, Илья, Нина Алексеевна, Елена Ивановна – все остались счастливы на светлой стороне заката. Неровные, совсем непохожие на реальные гримасы будут всегда улыбаться. Назар глядел на рисунок, считая про себя прошедшее с того времени дни. Невообразимо было даже представить, что жизнь сможет настолько круто повернуться. Неужели жизнь это хоспис? Хоспис, от которого тоже ничего толком не осталось. Никому не нужная больница держалась на двух медсестрах и кучке пациентов, словно зомби бродящих по мрачному коридору. Соню перевели в другой пансионат; её Паркинсон с поражением мозга

прогрессировал, и ей понадобилось врачебное наблюдение. На счет перевода Лили тоже оставался спорным вопрос, но Елена Ивановна убедила, что пока самостоятельно сможет наблюдать за девочкой. Она напомнила, что Николай Николаевич не хотел её отправлять в чужое место. Родные стены должны были помочь, но они, повидав многое, лишь грустили, как люди. Состояние каждого подвисло в воздухе; никто не знал, что делать с тем, что имеешь на данный момент внутри себя. Разрушение ли это, которое вскоре положит конец или которое позволит двигаться дальше.

Назар почувствовал позади чужое дыхание. Он на секунду подумал, что это Нагваль. Галлюцинация возникла буквально ни с чего. Вернулся добрый друг, в котором все так нуждались. Будто время грусти прошло. Он пришёл всех спасти. Жизнь станет как прежде. Но на пороге палаты стоял Лето. Лицом он походил на покойника. Огромные синяки под глазами являлись последствием гнетущих дум. Он сделал два шага вперёд и снова замер.

– Привет, – хриплым голосом произнес парень.

– Привет, – ответил ему Назар и опустил голову вниз.

Егор подошел ближе к койке Лили и взглянул на неё.

– Ей не лучше?

– Нет.

Затем он подошел к стене с изображением большой семьи и начал разглядывать.

– Что-то я тут какой-то маленький и толстый, – усмехнул-

ся он, тыкая в свой портрет.

– Тебе кажется. Ты такой и в жизни, – подколот его Назар.

– Ничего себе. Надо будет Лилю попросить отредактировать этот шедевр.

Назар ничего на это не ответил. Он долгое время не разговаривал с товарищем. Если признаться на чистоту, то вообще не касался темы смерти их соратника. Егор молчал, держа что-то у себя на уме, и не делился ни с кем. Назар наблюдал за другом: тот, медленно касаясь пальцами стены, дошёл до окна и принялся рассматривать вечернюю улицу.

– Что происходит? – не выдержал Назар. – Я ничего не понимаю... Всё было хорошо, но тут просто в один момент кануло в бездну.

– Нет, – не согласился как-то таинственно Егор.

– Что «нет»?! – переспросил Назар в отчаянии. – Почему в тот вечер Нагваль не брал трубку? Куда он на ночь глядя поехал? Почему никто ничего не знает...

Егор развернулся к другу и тот увидел на его лице освещенную тусклым светом безумную улыбку. Это улыбка не несла радости, она была результатом всего произошедшего и того, чему предстояло произойти.

– Ты что-то знаешь? – спросил напрямую Назар, чувствуя как похолодели пальцы.

Лето продолжал испепелять своим взглядом, но уже не только Назара, а всё окружающее пространство.

– Ты ведь сейчас на четвёртой ступени, верно? – задал он

вопрос, который собеседника чуть не повалил со стула. – Тебе Нагваль рассказывал, что представляет собой пятая ступень?

Назар поднялся на ноги.

– Вечное счастье? Освобождение?

Егор не стал отвечать на этот вопрос, а снова посмотрел на картину счастливых людей.

– Метастазы не то, что мы представляем на самом деле. Породив, мы подарили им собственную жизнь. Они зависят теперь не только от нас, их судьба протекает отдельно от нашей. Они существуют по совершенно иным законам. То, что у нас считается крахом, для них лишь очередное проявление.

– Но что теперь будет с Метастазами?! – не мог понять суть Назар.

– Они достигнут той вершины, к которой шли долгое время.

Парень смотрел на друга, как на сумасшедшего.

– Что?! Но ведь Нагваль...

– Он дал сильный толчок, – прервал его Лето. – Он положил начало новой главе. Каждый из нас представляет лишь один из пазлов в одной бесконечной картине, по которой расходятся Метастазы. Нагваль знал всегда, что нужно делать.

Назар вспомнил похожие слова из уст Николая. Он пытался переосмыслить заново услышанное и постепенно при-

ходил в ужас.

– Ты думаешь, что его смерть не случайна?!

Егор усмехнулся ещё раз, но теперь четко и громко.

– Ничего не происходит просто так. Через пару дней Метастазы изменят мир раз и навсегда. Каждый человек узнает и прочувствует то, ради чего мы все жили.

Назар слушал и понимал, что Лето не свихнулся и совершенно не шутит.

– Что ты задумал?

– Мы закончим то, что начал Нагваль. Мы стоим у финала нашего пути.

– Ты знаешь правду его смерти?

– Да.

– Скажи.

– Только после окончания дела.

Его глаза горели ярким огнём. Необъятных размеров душа томилась в изношенном теле, желая вырваться на свободу. Назар знал, что Егор попросит его.

– Это будет противозаконно? – сразу спросил наперед парень.

– Мы нарушим все правила и харкнем в морду закона.

– Нагваль бы согласился на это? – спросил Назар.

– Никогда, – посмеялся Лето, понимая, что его друг в деле.

– Это действительно необходимый шаг?

– Да. Наш шанс изменить людей.

– Как мы это сделаем?

Егор замолк, на миг отвел лицо в сторону и убедился, что пурпурный свет заката полностью поглотила тьма.

– Мне будет нужна твоя помощь.

– Я понял. Я сделаю всё, что требуется.

– Ты уверен?

– Да, – заявил Назар.

Лето не смог ни улыбнуться ещё раз, понимая, что никогда не сомневался в товарище. Он достал из кармана штанов маленькую пластмассу и показал ее Назару. Это оказалась флэш-карта.

– Программу с неё надо будет встроить в один компьютер. Что это за программа и что за компьютер я объясню тебе завтра прямо перед заданием, так же как и про остальной план действий.

Назар даже не подозревал, что ответственная миссия будет нести такой характер, но Егор добавил интриги.

– Другого об этом я не смогу попросить.

– Хорошо, – кивнул Назар.

Лето еще раз не сдержал улыбки. Напротив него стоял парень, который являлся частью его самого. Находясь вместе, им было не страшно и, казалось, абсолютно всё возможным. Воинов уже ничего в этой жизни не могло задерживать, кроме как поставленной цели идти до конца. Сжав в руках флэшку, Егор обнял товарища.

– Сделаем это ради Нагваля.

– Да.

– Завтра каждый вдохнет жизнь, мы им поможем. Если вся жизнь – бессмыслица, то это...

– Самое не бессмысленное, – закончил Назар цитату Нагваля.

– Ха, – на миг ему показалось, что старый Лето вернулся, – жаль, что Коля тебя нашел, а не я.

– Ты продолжил его дело. Он ведь всем помогал без исключения, теперь этим займемся мы.

– Точно. Так и будет. До завтра, котан.

– Пока.

Егор махнул на прощание рукой и скрылся в темноте коридора. Он направился к выходу, но перед тем как выйти на улицу, зашел в комнату к старшей медсестре. Женщина заполняла бумаги и чуть не умерла от испуга, когда парень сходу спросил:

– Елена Ивановна, у вас случайно не хранятся номера телефонов пациентов?

...

Лето бродил в одиночестве по безлюдным улицам. Он шёл легким шагом, каким ходят, когда никуда абсолютно не нужно. Ни один человек не попался на встречу за всё время. Парню так и хотелось. Только он, дома и квартиры, спрятавшие людей. Людей живущих, переезжающих, вырастающих, умирающих, ждущих чуда. По внутренностям расползлась пустота. Огромный вакуум холодного равнодушия к своему на-

стоящему и будущему. Только немного что-то побаливало и ныло под ребрами. Это, наверное, как раз прошлое. Задираешь голову к небу и ничего. Пробегашь глазами по округе и ничего. Хоть танцуй. Хоть беги. Хоть падай. Больше потерь, больше легкости. Хотелось закружиться вместе с вихрем ветра и улететь. Прыгнуть в реку и унести по течению. Лечь на лесной мох и замереть навсегда. Всё что угодно, только бы перестать себя ощущать человеком. Какая любовь. Какое счастье. Рано или поздно всё убивает, а бывшее хорошее вдвойне.

Егор накинул на голову капюшон, полностью скрыв лицо от ночного города. Кроссы чертили подошвой об асфальт, а пальцы мяли в кармане бумажку, на которой были записаны семь цифр. В небе раздался гул летящего самолёта, парень проводил его взглядом и свернул к уличному таксофону. Оббитые кирпичи, да и сама телефонная будка заляпаны местными художествами. Маркеры, фломастеры оставили тоже на память свою ничтожную, никому не нужную чушь. Лето достал бумажку с номером телефона, посмотрел на неё долгим взглядом и набрал необходимые цифры. Прижав к уху трубку, парень облокотился головой о стену и уставился стеклянными глазами вдаль. Шли затяжные гудки, Егор не торопился, наконец-то ответил вялый осипший голос:

- Алло.
- Егор?
- Ну.

– Привет, Егор.

– Это кто?

– Не знаю даже что сказать, – прикусил зубами нижнюю губу Лето, – знаешь, бывает чувство, когда хотя бы что-то нужно сделать, чтобы выйти из состояния ...

В трубке стояло лишь недоумевающее молчание.

– Знаешь, когда можно кому угодно высказаться, лучше даже незнакомому, – он говорил искренне и легко.

– Да кто это, блять?

– Он верил, что нужно исключительно делать хорошие поступки, и тогда полегчает...

– Че ты несешь, нахуй?! Откуда у тебя мой номер?! – крикнул в трубку второй Егор, а первый не обращал на его брань внимание.

– Я его... Я его, короче, не понимал... Ну, типа, понимаешь, как можно спасти того, кто не хочет, чтобы его спасали..., – он сделал паузу, – а потом понял, что всех нас когда-то просто вовремя не спасли и мы стали такими, какие есть.

– Чел, у тебя проблемы с башкой, – хотел было сбросить вызов юноша, но не успел.

– Я тоже на героине сидел, – сказал в том же тоне Лето, – долго. Очень долго. Знаешь, до беспамятства. До умопомрачения. До вытеснения других удовольствий. Никому ведь не объяснишь, что это такое, пока сам не изведает. А я знаю что это.

– У тебя есть ширево?! – завелся наркоман. – Я щас на мели, бля...

– Я короче, понял, – сжал он ещё сильнее эластичную ткань губы, чтобы болью подавить дрожь голоса, – мне казалось, что у меня так много причин любить эту жизнь... Кажется, не найти человека, который настолько идеально мог с нею взаимодействовать.

– Че ты несешь, кретин?! У тебя есть хмурый или нет? – начал беситься второй Егор.

– Наверное, из-за дерьмового прошлого. Когда видишь безысходность в главном – в душе, в человеке, в реальности, как-то легче становится с остальными мелочами. Но...

– Ты совсем ебанулся? Нахуя ты мне звонишь посреди ночи? Я-то тебе чем помогу в твоей сопливой депрессии?

– Но всё равно у тебя подвешенное состояние. Такая вечная грань. Единственная черта, которая тебе не дает переступить и исчезнуть. Человек никогда не поймет, как важна эта спасительная черта, пока та не пропадет. Она необходима оказывается жизни больше любого наркотика. Это может быть незаконченное дело, инстинкт, долг, идея, а может быть просто человек, который когда-то единственный пришёл к тебе на помощь.

Наркоман, сбежавший когда-то из хосписа, замолчал и решил послушать бред незнакомца.

– Нас, видимо, меняет то, чего нас лишили, чего нам не хватало. – Продолжал Лето, задержав взор на крыше дома

напротив, – Кого-то деньги. Кого-то власть. А кого-то неравнодушие и любовь. И та самая черта реально становится самой значимой. Дальше ты как говно в прорубе, как сознательная бактерия в космосе, как нерв, отключенный от системы ... – слезы обожгли щеки. – Мы что-то не успеваем. Что-то не говорим. Что-то не делаем. Много не знаем... Если бы мы в полной мере знали, что происходит на самом деле, то никогда бы не улыбались.

– Че ты хочешь от меня? – спокойно спросил наркоман.

Лето вытер рукавом лицо, но слезы продолжались; он сполз по стене к тротуару.

– Я знаю, что твоя мама за тебя очень переживает. Знаю, что будет тебя любить, к сожалению, несмотря ни на что. Знаю, что сейчас ты её смысл жизни.

– Кто ты такой? Ты имя можешь назвать, пидарас?

– Многие не могут любить, не могут найти себе смысл существовать, но у каждого есть та черта, которая не позволяет ему угодить в пропасть. Если человек её утратит, он забудет про кайф, про себя, про все осознания и стремления – про всё. Нельзя потерять эту черту. Ты сидишь на герыче, как сидел я. Ты уничтожаешь себя, как я уничтожал. Но ты еще не потерял то, что отняли у меня. Еще не поздно...

– Я тебе чем могу помочь?!

– Сохрани себя ради своей мамы. Сделай что-то ради одного человека. Я не могу указывать что делать, но я знаю как правильно, так как сам когда-то на этом месте ошибся

и сломался.

Наркоман снова притих. Лето даже не задумывался, слушает ли его парень, он просто продолжал вырывать из себя слова.

– Иногда одно происшествие, одна случайность, один типичный для человечества случай может всё изменить. Миллионы вещей проходят через нашу жизнь, но одна из них может стать ключевой. Вещь или черта, называй её как хочешь...

Лето сидел на голом асфальте, протянув вдоль тротуара ноги.

– Мне бы только сил сейчас. Только бы не бояться..., – повторял он в бреду.

– Сил на что?

– Сделать то, что должен.

Наступило молчание на двух концах телефонной связи.

– Зачем ты всё это говоришь?

– Он бы сделал так, если бы остался жив.

– Кто он?! – вспыхнул наркоман.

– Хочешь, я стих прочитаю? – настаивал Лето. –

Тем, кто отправился к началу

Будут светить бесконечно звезды.

А долгие жизни полные печали

Тем, кто на время остаётся...

Тут терпение торчка иссякло, и он бросил трубку. Но Егора это не остановило, он продолжил читать недавно написанные строки. Парень не отступал и делал то, что считал должным. Глупо, бессмысленно и безнадежно читал. Читал ритмичным гудкам в трубке таксофона, читал окружающей глухой улице, читал обволакивающей пустоте. Когда стих подошел к концу, он громко отчаянно рассмеялся, схватившись за голову. Одинокая улица рассмеялась с не меньшим отчаянием в ответ. Все, в конце концов, смеялись над своим итогом.

Глава 16. Жить ради Лето

Назар не находил себе места. Внутренняя дрожь сковывала весь день. Паническая атака сбивала с толку в совершенно неуправляемое волнение. Недоказанность Лето добавила масло в огонь. Что творится у товарища на уме только самому дьяволу известно. Но Назар доверился. Он не сомневался в том факте, что Егор знает то, что остальным неведомо. Что связано с внезапной смертью Нагваля. Если она таковой вообще являлась. Лето обратился за помощью, сказав, что дело несет особую важность и поставлено на кон абсолютно всё. Загадка оставалась покрытой мраком. Но потери побуждали к действиям. Страх перед грядущим переворотом заглушал грусть. Нечего больше ждать и не на что надеяться.

Назар забежал утром навестить Олесю, так как Валера отлучился по каким-то неотложным делам. По словам девочки: брат подрывается так уже не первый раз. Назар начал подозревать, что в общей суете имеется некая связь, и Лето с Садом работают слажено. Подозрительно оставалось только то, что Назара не до конца посвятили во все детали. Юноша истязал себя до вечера, пока не пришло на почту конфиденциальное письмо от Лето.

«Жду тебя возле метро в полночь.»

Нервная система дала сбой: руки леденели от холода, сердце колотилось в патологии. Район вдруг накрыла гнету-

щая тишина, предостерегающая об опасности. Такое мёртвое молчание может предвещать лишь страшную бурю. На часах: начало одиннадцатого. На крыше заброшки Назар вдохнул глубоко свежий воздух и отправил другу обратным сообщением «ОК». Город начинал погружаться в сон, даже не подозревая, что его ждет. Местные жители продолжали обыденный образ жизни, давно посеяв зерна Метастазов в своих головах. А тех, кто остался не тронутыми, ждали невообразимые перемены. Парень смотрел на яркие огни города, как глядел на них в свой первый день прибытия. Но сейчас он их созидал, словно в последний раз.

Лето сидел на бордюре посреди парковки точно в назначенное время. Позади него мерцала вывеска знака метро, а входные двери болтались туда-сюда толчками людей. Парень беззаботно водил веткой по мокрому асфальту, положив мечтательно лицо на своё плечо.

– Привет.

– Доброй ночи, амиго, – улыбнулся он Назару, настроение кардинально изменилось с прошлой встречи, – готов жертвовать собой во имя благой идеи?

Его глаза блестели давним озорством. Создалось впечатление, что вернулся прежний Егор и ничего плохого на самом деле в их семье не случилось.

– Готов, ведь некуда деваться.

– Тут ты прав. Всё предрешено уже этими небесами, – он кинул хитрый взгляд на небо, точно бросая кому-то непобе-

димому вызов. – Поможешь подняться старичку?

Назар подал руку и потянул на себя приятеля.

– Знаешь, говорят, что там на небе в нас играют. Прикинь, Бог сидит и рубится в плэйстейшен, а мы для него компьютерные боты. У кого роль захватывающая, у кого-то второстепенная, у кого-то вообще ни к чему не приводит, как ссаный Симс. Просто поиграть ни для чего, убить время.

– Думаешь, у Бога плейстейшен? – убеждался Назар в возвращении друга. Лето нёс чушь, но предельно мотивирующую.

– Да хрен знает что у него там, – поржал он, – иногда просто кажется, что чердак конкретно протекает, а так, теория с виртуальной игрой более менее что-то сглаживает.

– Хах, точно.

– Зато он крутой дизайнер. Такими великолепными красками заделать мир мог только чувак со вкусом, – парень задрал голову вверх и подобно птице закружился по оси.

– Откуда столько романтики? Будто не на революцию идем, а в поле букетик собирать...

Лето поржал от души.

– Мы готовимся внести в этот мир хаос. Но красота – неотделимая часть хаоса. Она его первоисточник. Наша катастрофа будет иметь самый живописный характер. Это знаешь, как стоять на вершине пропасти: перед тобой открытая смертоносная бездна, но вид с верхушки остаётся непревзойдённым и оправдывающим мотивы.

– А ты пришёл прыгать в эту бездну?

– Нет, – улыбнулся широко он, – летать.

Назар взглянул на товарища и понял, что теперь его безумие перешло в спокойную форму, обретя гармонию с противодействующими внутренними силами. Теперь Лето стал в многочисленное количество раз опаснее.

– Ты мне скажешь какой у нас план?

– Скоро узнаешь, – отчеканил Егор и вдогонку подмигнул, – а то спугну тебя ненароком.

Назар нервно усмехнулся, подавляя любопытство. Друзья придерживались центральной части города, проходя мимо баров, магазинов и различных организаций. На улице практически не попадалось народа. Заведения закрывались, лишь возле пабов выбирались подымить исключительные парочки.

– Помнишь своё первое задание в Метастазах? – поинтересовался Егор.

– Конечно. Такое не забыть.

– Как мы бомжа то заболтали!

– Я думал, ты говоришь про заварушку, где нас отметили.

Лето снова пустился в смех. Парень истончал своим настроением полную свободу действий. Каждый его шаг был наполнен лёгкостью и наслаждением.

– Это вообще невозможно без слез вспоминать! Видно, перебрали мы тогда с пивом...

– Это был твой любимый стаут.

– И правда, – подчеркнул он. – Но ты быстро выкупил суть идеи. На самом деле, ты их распустил еще в первый день нашего знакомства... ,

Назар вопросительно уставился на друга.

– Когда не сбежал с рейва во время облавы, как все остальные, – улыбался Егор. – Знаешь, как меня это впечатлило!

– Да ты псих просто на самом деле. Этим всё и доказано.

– Ха! Сам ты псих! – он толкнул дружелюбно в плечо Назара. – Но психи спасут мир, за ними эволюция... , – затем наступила пауза. – Ты кстати знаешь, как возникли вообще Метастазы?

– Ну да. Нагваль их придумал, – с горчинкой в голосе ответил Назар.

– Нагваль дал им название, но ведь и он сам стал подневольно их жертвой. Он тебе не рассказывал об этом случае?

– Нет, – Назар осознал, что, действительно, не знаком с историей, которая однозначно имела место быть.

Егор с удивлением выкатил глаза.

– Это самый необычный рассказ, который мне доводилось слышать, но, тем не менее, он является реальным прародителем идеи, ради которой мы живем .

– Её тебе Нагваль поведал?

– Конечно. Это случилось еще до встречи со мной. Наш дружок тогда работал на скорой и параллельно в больнице, что, по всей видимости, сильно сказалось на его психике и он

вскоре сильно запил. Будучи мужчиной не глупым и любознательным, он довёл себя до состояния тотальной депрессии, в которой совершенно утратил стимул жить дальше. Ежедневные наглядные примеры серости и ужаса реальности отягощали его душу изо дня в день. Бедность, насилие, пьянство, обреченность, короче, сам видел, что творится в мире, если за ним понаблюдать хотя бы в дверную щёлку. Нагваль был одинок, и все накопившееся эмоции хоронил с помощью алкоголя. Он сам утверждал, что тот его период являлся одним из самых тяжёлых в жизни. Но случилось чудо, в которое даже тяжело поверить, но я расскажу дословно.

Назар заметил, как Лето горит желанием поведать историю друга. Единственное о чем можно было сожалеть, что Николай сам не успел рассказать воспоминание.

– В общем, у него имелась одна постоянная клиентка на скорой. Бабушка около 70 лет. Поразительно то, что сама она почти не вызывала бригаду, за неё это делали соседи, но не в добром намерении, как обычно бывает. Они звонили в скорую, чтобы те бабку забрали в психушку, – Егор начал смеяться, он словно прогуливался, а не шёл на важное задание, – так вот, в какой-то из вызовов Нагваль столкнулся с этой бабкой. Она страдала сильнейшей формой Паркинсона, жила совсем одна, но, несмотря на это, по словам его самого, он хотел после знакомства к ней заезжать каждый день.

– Почему?

– Да она была реально шизанутая! – смеялся Егор. – Она

всю пенсию просаживала на сладости и марихуану. Не знаю, имелась у неё уже любовь к сладкому или она стала последствием курения, но траву она употребляла в медицинских целях, утверждая, что так у неё проходят судороги и тремор. Бабка настойчиво критиковала все прописанные ей лекарственные препараты и продолжала долбить косяки. Но это пол беды. Разглядев хорошего человека в Нагвале, она ему рассказала по секрету, что в молодости работала эстрадной танцовщицей. Якобы даже в кино танцевала. Но к старости любовь к пляскам не прошла и каждый вечер, купируя приступ болезни жирным сплифом, она врубала на полную громкость Майкла Джексона и начинала танцевать, пока руки и ноги оставались в её подчинении. Магнитофон неистово гремел, приводя в бешенство всех окружающих соседей. Они приходили к ней на разборки, но бабушка их слала в жопу, называя безмозглыми скучными козлами. Те вызывали полицию, но и ментам не хватило жестокости арестовать старушку, которой осталось на этом свете жить всего ничего. Её пытались сдать с наркотиками, пытались лечить стационарно, но каждый раз старушка добивалась своим поведением возвращения в родные стены квартиры к выработанной лечебной терапии.

– То есть, она курила траву и танцевала каждый день?!

– И ела сладкое! Нагваль с ней подружился, понимая, что она очень весёлая и хорошая. Он мне говорил, что не бывает плохих людей с любовью к музыке и чувством юмора к себе и

остальным, поэтому и не придавал значения слухам и сплетням соседей. Бабушке на их мерзость тоже было плевать. Если бы они её не доставали, она бы их с удовольствием пригласила потанцевать вместе. Старушка понимала, что срок её ограничен, но совершенно не парилась по этому поводу и с твёрдостью духа не сгибалась под роком судьбы, смеясь той в лицо и продолжая делать то, что любит. Она утверждала, что если не веселиться в этой жизни, то та проходит напрасно. Говорила, что смерть нам уготовлена, и она есть самое худшее и непоправимое что может произойти, поэтому не существует той причины, по которой можно перестать жить в наслаждение.

Егор старался вспомнить слово в слово.

– Понимаешь, в каком находился состоянии Нагваль и как на него подействовал настрой немощной и обреченной на первый взгляд бабки? Чтобы изменить человека, надо заставить его стыдиться самого себя. Нагваль понял, что его проблемы глупы и позорны, как и все существующие. Они лишь плод мыслей, которых вполне может не быть. Однажды он приехал в очередной раз к старушке, и в какой-то миг она потеряла гримасу вечного блаженства. Нагваль не мог её узнать и понять в чем дело: может болезнь обострилась, может соседи задавили морально, может полиция снова прицепилась. Но тут она не выдержала и призналась, что не может смотреть, как страдает внутри её друг, на которого ей не плевать. Бабушка действительно негодовала из-за внутреннего состо-

нения доброго врача, а затем сказала: «Я ничего не могу сделать с твоей печалью, но у меня есть варенье, которое я хранила долгое время. Я очень берегла банку, а теперь понимаю, что пришёл её час. Поверь, варенье тебя вернет к жизни.»

Нагваль сначала ничего не понял, но направился есть сладости вместе с бабушкой, а после этого открыл для себя идею, которая сейчас паразитирует в головах тысячи людей. Которая изменила жизнь и мне, и тебе. Которая станет нарицанием и перевернет весь мир верх дном. Чудики ели варение, которое являлось ценностью в истекающем времени бабушки, и оба ловили себя на том, что несмотря ни на что любят жизнь. Если старушка об этом помнила каждый уготованный судьбой день, то Нагваль прозрел именно в возникший момент. Он слушал биографические факты из жизни Майкла Джексона, Элвиса Пресли, Фрэнка Синатры, и понимал, что можно жить за просто так. Он обдумал случившееся позже и открыл для себя такую несложную истину: что делая какую-то хрень, мы можем вернуть наблюдающего человека к жизни, а может быть и заставить почувствовать счастье. Нагваль осознал насколько заразительно просто совершать поступки, говорить слова, танцевать, петь, смеяться; чтобы другие отпустили с лёгкостью проблемы и свободно вздохнули, понимая, что всё вокруг на самом деле суета, не стоящая нашего счастья. Он глядел на курящую, танцующую и поедающую сладости бабушку и понимал, что готов остаться жить ради этой идеи. Он подумал, что, если себе не нужен, то

случайно может понадобиться какому-то другому человеку в решающий миг. Он нашел ту стезю, ту дорогу, которые были ему близки и, скорее всего, предначертаны. Понятно, что он являлся равнодушным человеком сам по себе, но неопровержимо остаётся одно: других непохожих друг на друга людей он тоже ведь воодушевил этой идеей.

Назар расплылся в улыбке. Теплом по телу прошла память о друге.

– А что же дальше случилось с той бабушкой?

– Она умерла, – Лето почему-то смеялся, – подавилась конфетой и задохнулась. Обычный топот танца оборвался, и соседи слышали резкий грохот. Они нашли старушку уже мертвой посередине зала. Видимо, приступ Паркинсона спровоцировал глотательный спазм. Это не смешно, я знаю. Очень грустно. Но знаешь, я не над бабушкой смеюсь. А над нашим серьёзным отношением к своей жизни. Мы так печемся за неё, заморачиваемся, углубляемся в самокопания, депрессии, хотя она ничего абсолютно не стоит. Единственное, что бабушка продолжала любить в познанной жизни – это сладенькое после курева. В итоге, её убило то, что она любила. Её лучшее лекарство. Настолько всё абсурдно и глупо, что остаётся лишь смеяться. Даже старушка с энцефалопатией догоняла, что мы ничтожны. Именно поэтому даже в момент визита смерти с косой она танцевала, а в магнитофоне пропитывался вечной любовью к жизни давным-давно усопший Майкл Джексон.

Назар обомлел. Настолько простая история его тронула до глубины души. Он почувствовал точно впервые волшебное действие Метастазов.

– Я тоже вспомнил сейчас и вдохновился, – согласился с мыслями друга Лето, – видишь, иногда даже хватает чужой ситуации из жизни, чтобы оказаться в приятном плену.

– Это точно.

Друзья шли вдоль дороги, болтая о прекрасном. Егор вдруг остановился, глубоко вдохнул тёплый летний воздух и сказал:

– Я стих написал.

– Ещё один?

– Да.

– Прочитай, – Назар тоже остановился.

– Мне не нужны заумные книжки,
Тебе не нужна красота и косметика.
Сегодня нашим желаниям крышка
И не впечатлят никакие эйфоретики.

Мне не нужны власть и деньги.
Что-то там про море и дальние страны.
Тебе не нужны эти наряды и серьги.
Плевать какие были на будущее планы.

Не нужна душа, энергия, метафизика.

Без разницы старость или молодость.
Нашей смерти не нужна поликлиника
И любой смысл жизни утопает в непригодности.

Исчезла потребность даже что-то хотеть.
Любые слова, мысли и мы вместе с ними напрасные.
Сейчас кажется, что так будет и впредь -
Не нужно всё это, потому что сегодня мы счастливы.

Не нужна вселенная и все её части.
Не обязательно существование господне.
Просто у нас случилось счастье,
Но это только сейчас, это только сегодня.

– Красиво, – Назар ощущал мурашки по всему телу. Стих стал хорошим завершением истории сотворения великой идеи.

– Спасибо, – скорчил невыносимо довольное лицо Лето.

– Одно из лучших твоего репертуара.

– Странно, что говорим о счастье в такое время, но почему-то оно случилось.

Парень стоял с закрытыми глазами и наслаждался моментом своего временного жизненного пребывания.

– Нам долго ещё идти?

– Мы пришли, – неожиданный ответ отчеканил Егор.

Назар вострепнулся и начал вертеться по сторонам. Окру-

жали ничем не приметные пятиэтажки. Ничего особенного на первый взгляд не выделялось.

– Пункт назначения за этим двором, – пояснил Лето.

– Что там?

– Радиочентр. Точка, через которую проходят все радиоволны нашего города.

Егор достал из кармана знакомую уже Назару флэшку.

– Главный голос в ушах жителей. Миллионы людей ежедневно слушают проигрыватели, частотами которых управляет данная станция.

Егор говорил медленно и четко.

– Есть такие шаблонные вставки на радио, которые крутят в рекламу и в моменты неполадок, требующих какое-то время на устранение. Их быстро включают, и зритель слушает в сотый раз какую-то повторяющуюся пургу, – рука с флэш-кой величаво вознеслась в воздухе, – если встроить в общую программу наш файл с записью, то его завтра прокрутят диджеи за весь день как минимум раз десять, пока не придет жалоба. Наше обращение услышит чуть ли не вся страна.

– Приглашение куда?

– На апокалипсис, – пожал невинно плечами Егор, – на момент истории, когда Метастазы захватят мир.

Назар притих, живот свело от волнения.

– Но его же могут сразу же вычислить и удалить из программы!

– На пару раз хватит. Рекламы повторяют каждые пять

минут. Объективно нам хватит и полчаса жизни этой записи в их системе.

– Разве они не успеют предпринять противодействующие меры?

– Плевать. У них очень мало времени.

– Сколько?

– Уже завтра вечером начнется долгожданный пир во время чумы, -радостно и гордо заявил Егор, совершенно не переживая, что что-то может пойти не так.

У Назара пересохло в горле. Он находил тысячи причин не согласиться, но и всего одно превалирующее убеждение, что надо действовать.

– То есть, ты хочешь ворваться в этот радиоцентр посреди ночи?! Там же, по-любому, охрана и сигнализация...

– Сигнализации там нет. У них месяц назад она полетела, и до сих пор никто не починил.

– Откуда ты знаешь? – удивился Назар.

– Порох работает как раз на этой станции.

Назар вспыхнул, но старался возмущаться шепотом:

– А он сам не мог втихоря загрузить эту программу?

– В конце дня приходит менеджер, который устраивает перепроверку радиопрограммы на следующий день. Имеется риск попасться самым глупым образом.

– А так он не спалит?!

– Он устраивает проверку вечером, так как уже рано утром начинают крутить волны, и ни у кого нет времени.

Егор продолжал держать флэшку в руках, а Назар метался тревожным шагом взад-вперёд.

– Зато, – приготовил сюрприз Лето, – у нас есть ключи. Так что не придется организовывать взлом. Но надо будет их вернуть Пороху, а то его вздернут. Хотя... Нас всех ждет участь и похуже.

С опасностью возрастало и его безумие.

– А где они вообще все? Порох, Валера, Яна?!

– У них особое задание, которое требует времени и осторожности.

– А у нас прямо игра в ладушки! Ты хочешь, чтобы мы ворвались в объект...

– Ты ворвался.

– Что? – Назар надеялся, что ему послышалось.

– Чтобы ты ворвался, – уточнил с той же непреклонностью Лето, – ты пойдешь туда один.

– Почему это?!

– Я должен буду отвлечь охрану. Чел – мой знакомый и только я смогу безопасно отвлечь его внимание от камер.

– Там еще и камеры?!

– Накинь капюшон.

Назар взвыл от безысходности и злобы.

– Там будет маленькое ограждение, – диктовал свой план Егор, будто Назар дал уже давно своё согласие, – но ты с ним быстро справишься. Дойдешь до двухэтажного здания с кучей антенн на крыше. Откроешь дверь ключом и попа-

дешь внутрь. Сразу двинешь на второй этаж в их стадию. Порох сообщил, что двери во все кабинеты они оставляют на ночь открытыми. Зайдешь в дверь с табличкой «Радиоузел» и включишь любой из компов.

Назар несколько раз хотел прервать чокнутого товарища, но вместо этого размахивал руками.

– Вставишь флэшку и загрузишь имеющийся файл на рабочий стол. Дальше самое сложное, – сконцентрировался Лето, – на каждом компе есть папка «Прейскурант», запомнишь? В ней имеется всякое барахло, которое они вклинивают по очереди меж основной программой. Так вот, зайдешь в эту папку и перекинешь туда наш файл. После этого достанешь флэшку, вырубешь комп и дашь деру. Тебе должно хватить на всё про всё минут пятнадцать. Через это время я покину интереснейшего своего собеседника, которого я встретил случайным образом на незапланированной прогулке, и буду тебя ждать на этом же месте.

Назар слушал с выпученными глазами.

– Завтра информация разбежится по городу, и к вечеру мы устроим революцию, которую численностью не сможет подавить ни одна росгвардия. Мы добьемся освобождения невинных парней и прославим нашу идею на весь мир.

Назар отрицательно мотал головой, уже позабыв первоначальную причину несогласия. Он отчётливо начал осознавать масштаб риска, на который идет вместе с другом.

– Ты понимаешь, что теперь нам некуда будет деться, кро-

ме как в тюрьму?

– Ещё в лики святых, – усмехнулся Лето.

– Но...

– Поверь, за нами и так уже ведётся охота. Мешкать нет времени. Либо сразу сдать, либо успеть воспользоваться шансом, – он оскалил свои нецелые после побоев зубы. – Нам в любом случае уже пизда. А так... уйдём красиво. Нагваль бы поступил так.

Назар не хотел соглашаться, но, взглянув в глаза Егора, понял, что снова о чем-то знает не до конца. Глаза парня оставались уверенными в сказанных словах и неприступными в своём решении.

– Ты же хотел узнать, что на пятой ступени лестницы, по которой ты шёл вместе с ним? – подмигнул Лето. – Скоро всё узнаешь. Завтрашняя ночь изменит не только людей вокруг, но и нас самих.

Глаза Егора замерцали искрами в представлениях о завтрашнем вечере. Но хоть в его голове и отображалось то, к чему он так долго шёл, и то, ради чего жил, но всё равно присутствовала во взоре тень печали. Печали, у которой много источников. Печали, которая уже никогда не покинет его существо.

– Я задавался вопросом, – вдруг отстраненно произнес он, – а стоило ли это того? Всех наших жертв и смертей? А потом вспомнил, что главной задачей изначально являлось спасение хотя бы одной человеческой души. Тогда я убедил-

ся в том, что мы выполнили этот план, потому что спасли как минимум себя самих с помощью друг друга. И я осознал, что теперь не существует невозможного. Теперь можно с лёгкостью взяться и за остальных людей. И знаешь, – он посмотрел со счастьем на своего друга, – я уже вижу в будущем, как наяву, плоды нашей веры и приложенных сил. Люди будут любить друг друга. Будут заботиться друг о друге. Будут благодарны друг другу за то, что они просто есть. Они будут жить ради ближнего. Для них это станет главным смыслом и отрадой. Чувак, я это реально вижу!

Он засиял ещё ярче и на его глазах выступили слезы радости. Не найти было более прозревшего в данный момент человека на всей планете.

– Ты только мне поверь, – добавил он, – немного надо подождать и ты всё сам поймешь.

Назар стоял рядом и ни одной фразы из уст товарища не пропустил мимо. Парень вновь стал жертвой чар этого бесконечного потока энергии. Он был тоже счастлив находиться рядом с другом и разделять с ним безумие. Назар потянулся рукой и взял флэшку с ключами из рук Лето.

– Я верю.

Егор не выдержал, обнял товарища и сильно похлопал его по спине, словно прощаясь на неопределённый срок.

– Проживем эти два дня за Нагваля! – прошептал он. – Сделаем то, что он не успел.

– Да, – согласился Назар.

Егор отпрянул.

– Встречаемся через 15 минут здесь.

– Да.

Назар, сжав ключи с флэшкой в кулаке, направился к цели. Егор проводил долгим взглядом товарища.

Шум сердцебиения стоял в ушах. Назар старался действовать быстро, чтобы поскорее закончить. Он воображал себе в голове, как через 15 минут снова будет стоять рядом с Лето с чувством выполненного долга. Судорогу в икрах он подавлял ускоренным шагом. Даже собственное дыхание ему в ночной тишине казалось громким. Парень увидел через дорогу небольшой забор и в паре метров от него то самое двухэтажное здание. Он зорким глазом осмотрелся вокруг и бросился подобно дикой кошке вперёд. Он перепрыгнул через забор и проскользнул за долю секунды к двери. Сложнее всего оказалось попасть трясущимися руками ключом в скважину. Назар ощущал капли пота по всему телу и со скрежетом в зубах пытался попасть в цель. Наконец получилось и ключ совершил три оборота. Дверь на удачу открылась. Назар почувствовал облегчение за часть выполненной работы. Он зашел мигом внутрь и, сориентировавшись, побежал по лестнице бегом наверх. Лунный свет через окно оставался единственным его спутником. Только оказавшись на втором этаже, Назар предстал перед длинным коридором, по двум сторонам которого располагались двери в кабинеты. Он, считая про себя затраченные секунды, пошел вперёд; его глаза

быстро метались то налево, то направо в поисках необходимой таблички. Наконец перед ним предстала надпись «Радиоузел». Он с упором приложился к двери, и та открылась. В середине зала находился круглый стол со всей рабочей техникой. Микрофоны, компьютеры, экраны занимали большее пространство всего помещения. Назар сразу прильнул к первому попавшемуся компьютеру, разыскивая в темноте большую кнопку запуска. Заморгал монитор и через несколько гнетущих секунд высветился экран рабочего стола. Назара трясло не на шутку. Компьютерная мышка под ладонью выдавала ритмичную дробь. Из-за шумной одышки парню приходилось несколько раз нервно перепроверять углы кабинета. Он запихнул флэшку в разъем и начал ждать загрузки. Наконец окно появилось. Назар кликнул в него и отобразился единственный созданный файл. Начали раздаваться звуки с улицы. Парень не понимал галлюцинации это или нет. Он не мог отвлечься от работы, так как каждая минуты была на счету. Назар старался не реагировать на лай собак и на шорох с внешней стороны дома. Он повторял себе как в бреду, что всё скоро закончится. Чем быстрее он пытался действовать, тем больше овладевала им дрожь. Он нашел растерянными глазами папку «Прейскурант» и зашел в неё. Она, на удивление, была заполнена массой похожих файлов. Разглядеть преступление на общем фоне не оставалось возможным. Назар загрузил файл в общую программу. Ничтожное мгновение отделяло парня от свободы. Юноша не находил

себе места. Время поджимало, но бросить задание и уйти он никак не мог. Парень решил послушать то самое приглашение; открыл отдельным окном файл и включил запись. Динамик начал транслировать голос Егора:

«Прошу особого внимания всех граждан! Всех тех, кто еще остался равнодушным к человеческим ценностям. Всех тех, кто не желает мириться с навязанными устоями. Всех тех, кто шёл прошлым воскресением со мной плечо к плечу по набережной, выступая за свободу. Всех тех, с кем несправедливо и жестоко обошлись проплаченные трусы в форме. Всех вас, друзья, я призываю на долгожданный переворот. Мы ждали этот исторический момент, и он настал! – призывной голос Лето набирал тембр, нервные клетки внутри Назара содрогались от ужаса.– Время свергнуть власть над нами и победить зло! Завтра в десять вечера встречаемся на окраине города возле старой площади имени Н.! Встречаемся и начинаем судный день! Судный день тем, кто давно этого заслуживает! Они не люди, они давно перестали ими быть! Они хотят нами управлять, но мы не сдадимся! Вместе мы сильнее, вместе мы непобедимы! Завтра мы поседем крах, чтобы из него воссоздать новое и лучшее! Запомните! Завтра в десять вечера на старой площади имени Н.! Не бойтесь, страх мы уже побороли, остался лишь кровожадный лик монстра, которого мы сами и сотворили! Жду вас! Нас очень много!...».

Стоило записи подойти к концу и оборваться обращению

Егора, тут же Назар услышал приближающиеся многочисленные шаги по лестнице. Они неслись как торнадо, парень не успел встать со стула, как на пороге кабинета увидел силуэт первого вбежавшего полицейского со стволом в руках. За ним сразу явились второй, и третий, и четвёртый.

– Всем лежать! – раздался протяжный крик. – Я сказал всем на пол!

Назар не успел сообразить, что делать. В его голове ничего не происходило. Он лишь рефлексивно поднял руки вверх. Офицеру было плевать на безоружное положение молодого парня, он сразу влетел ему по лицу дубинкой, а затем добавил парочку ударов по спине. Назар не чувствовал боли, адреналин спасал ноцицепторы от импульсов. Парень упал на пол и заметил, как его окружает полицейская свора. Первым его возникшим чувством оказалась обида. Обида за то, что он облажался. Он видел, как один из сотрудников вытаскивает флэшку из компьютера и удовлетворенно усмехается.

– Кажется, мы поймали ценную птичку! – подвел тот черту. – Сейчас отправимся в участок с тобой, милый! А там бог его знает, что с тобой будет ...

Назар молчал. Кровь стекала из свежей раны на лбу. Но было так плевать на неё, ведь, действительно, теперь не понятно, что будет дальше.

...

Лето убедился, что Назар пошёл в нужном направлении и пробрался на территорию радиостанции. Он не сомневался,

что друг не испугается и сделает всё возможное для общего дела. Егор отошел в сторону, затем прикрыл веки и сделал глубокий вдох. Воздух пробрался в его легкие, и тело немного расслабилось. Он не собирался идти ни в какой пост охраны, не собирался отвлекать якобы знакомого сторожа. Он, стоя на одном месте, считал про себя блаженным шепотом секунды, а затем вынул мобильник и набрал 02. Гудки шли, но сердце билось чаще. С этим парень ничего не мог поделать.

– Алло, – ответила женщина в дежурной части.

– Алло. Здесь взлом и вторжение в радиоцентр по адресу Л. 24. Какой-то странный парень перепрыгнул забор и проник в здание. Поспешите.

На этом Лето сбросил звонок, передав остальную часть действий правоохранительным органом. Он некоторое время не двигался, думая о чем-то своём. Затем его лицо озарила улыбка. Глаза наполнились неподдельной радостью. Он пошел прочь с места, куда должны были вскоре приехать легавые. Жители местного района увидели в окнах подъезжающие патрульные машины и вооружённый наряд полиции, но разбудил их ещё прежде громкий звонкий смех. Какой-то мужчина во всем чёрном сошел с ума: он шёл по улице вдоль панельных домов и весело ржал и пел, пробуждая спящих людей.

...

Последняя спокойная ночь окутала город. Жители смот-

рели безмятежные сны, укутавшись в одеяла. Пили водку на кухне, выпуская в форточку дым сигарет. Стояли на балконе, наблюдая за звездами на небе. Последние гуляки разошлись по квартирам, не в силах связать слова пьяными языками. Народ созидал в усталости и опьянении, никто бы даже не обратил внимания на нескольких ребят, снующих по углам улиц. На этот раз их творением стали не настенные художества, этой ночью у них не было цели бросить кому-то вызов. В их головах таилось что-то другое. Они передвигались на машине по разным закоулкам большого города. Не осталось такого района, в который бы они не заглянули. Ребята заходили в подъезды, что-то заносили, прятали, проверяли, затем следовали дальше. Их было уже не трое, на каждом месте революционеров росло в количестве. Где суенилось пять человек, а где уже целых десять, действуя вне подозрения. Хотя и кому было что-то подозревать, когда остальные являлись уже, по большей части, сообщниками. Время поджимало. Заканчивая с одним объектом, ребята быстро перебирались на следующий. К рассвету они должны были завершить задуманное. Так всё и произошло, потому что на улицах к утру остался всего лишь один человек.

Лето в одиночестве бродил по городу. Ни с кем не связываясь, и ни с кем не разговаривая. После расставания с Назаром он не заходил домой, а провёл всю ночь на свежем воздухе. Спать не хотелось. Силы не были нужны. Казалось всё одинаковым и иллюзорным. Уже давно завершённым. Пре-

бывающем в лимбе. Он сидел на набережной, свесив ноги над водой. Ждал, когда туман над рекой и газоном развеет свет и солнце прогреет атмосферу до приятного комфорта. Красные глаза пристально созерцали даль текущей реки. Течение уносило воды к дальним берегам, в неизведанные страны, где всё так просто можно было начать заново. Где – то совсем другая жизнь. Не такая избитая и поношенная. А может, и нет. Скорее всего, нет. Жизнь это то, что с нами в первую очередь уже было. Мы результат пройденного нами. Никакая река, никакие страны не поменяют того, что уже написала судьба. Лето знал, что деваться некуда. Оставалось только идти вперёд. Навязчивые мысли – это просто способ скоротать время. На самом деле, мы знаем, как правильно поступить. Мы имеем ответы на все вопросы, просто нужно не бояться. Каждое верное действие требует сил. В мире воина, где всё бесполезно и бессмысленно, сил нужно во сто крат больше. Лето находился в смиренном потоке судьбы. Делал то, что надо без страха, боли, жалость, сожаления и сомнения. Так нужно жизни. А парень лишь улыбался, выполняя то, что предначертано.

Лишь одно оставалось желанным. Единственное, что приковывало до сих пор его к чувствам. То, что хотелось сделать прямо сейчас и никогда позже. Он направился за Олсей. Где-то к 6 утра поднялся на лифте, открыл свою дверь и зашел внутрь. Старался передвигаться тихо, чтобы раньше времени не разбудить ребенка, но, добравшись на цыпочках

в спальню, обнаружил Олесю на полу. Девочка игралась с котом в абсолютной бодрости.

– Привет, – поздоровалась она спокойным голосом. Её кудри лежали на ковре, а маленькая ручка гладила рыжую шерстку питомца.

– Привет. Почему не спишь?

– Я выспалась. Решила с Персиком поиграть.

Егор прошёл в куртке к стулу и уселся на него, наблюдая за игрой девочки и животного.

– А ты где был?

– Гулял.

– Всю ночь?

– Да.

– Один?

– С Назаром сначала, потом один.

– Хорошо всё у него?

– Да.

Девочка вернулась своими зелеными глазами к коту. Тот мурлыкал от бесконечного переизбытка ласки, но всегда был не против продолжения. Егор без эмоций на лице смотрел в одну точку.

– Здесь рядом с домом есть моя любимая забегаловка. Она для людей – сов. Знаешь кто это?

– Нет.

– Те, кто по ночам не спит.

– Почему же они не спят?

– Не знаю. От одиночества, наверное.

Олеся промолчала.

– Кафе открывается очень рано. И там готовят суперские блинчики и круассаны. Очень вкусные. Можно и с вареньем заказать, и с шоколадом...

Егор подбирал слова, особо не желая совершенно говорить. Но тут глаза девочки на его предложение отозвались интересом.

– Может, вы с Персиком хотели бы со мной позавтракать?

– Хм, – задумалась малышка, – а со сгущенкой там подают блинчики?

Лето выдавил слабую улыбку.

– Конечно. Для тебя всё что угодно.

В кафе посетителей не оказалось, только зевающая официантка за кассой. Маленькие круглые столики выстраивались в ряд вдоль витрины, за которой пустовала проезжая трасса.

– Доброе утро, – заговорил Егор, – нам бы вкусно позавтракать всем троим.

Девушка взглянула на компанию, состоящую из парня, похожего на воскресшего вампира, маленькой девочки, похожую на юную ведьму из сериала, и рыжего кота в её руках с хлопающими, любопытными глазами из того же сериала.

– Да, конечно, – по итогу кивнула она, – что будете заказывать?

– Блинчики. Три порции. Со сгущенкой, с медом и..., –

Лето глянул на кота, – с семгой.

– Пить что будете?

– Всем молочный коктейль.

– И котикку?

– Ему в первую очередь. Он любит клубничный, если что.

А мы будем с моим другом шоколадные.

Олесю забавляла манера речи Егора, он старался ради неё держать себя в тонусе.

– Хорошо, – равнодушно пожала плечами официантка. – Можете занять любой столик.

– Тогда, пожалуй, вот тот, – парень ткнул в самый уголок, где располагался уютный книжный шкафчик, – если он не занят.

– Для вас освободим.

– Спасибо! Пойдемте, моя леди! – обратился Егор к Олесе и девочка, воодушевляясь почётным званием, гордо направилась к столику.

– Смешно ты с ней, – призналась она, усаживаясь удобнее и кладя на колени кота.

– По-любому, втюрилась в меня уже, – махнул Егор головой в сторону девушки, пробивающей заказ.

Олеся посмеялась, а потом притихла. Лето тоже ничего больше не сказал. Они сидели молча и ждали своего завтрака, пока весь город спал. Не то чтобы им не о чем было поговорить, а просто каждый мог понять друг друга без слов. Не нужно было что-то обсуждать или в чем-то признавать-

ся. Каждый понимал друг друга, несмотря на разницу в возрасте. Им было хорошо вдвоём. Как настоящая семья они были счастливы просто находиться рядом.

Девушка принесла блюда и пожелала приятного аппетита. Олеся с впечатлением вытаращила на роскошное блюдо глаза и принялась с ним расправляться. Она предусмотрительно отделила Персику блины и рыбу. Кот, высунув мордочку ввысь, начал принюхиваться, а затем облизнулся и рискнул взяться за деликатес. Егор отпил немного холодного коктейля и, сложив руки в замок, уставился глазами на восходящее солнце.

– Ты почему не ешь? – спросила Олеся, испачкавшись в сгущенке.

Лето повернулся к ней и долго смотрел прямо на любимого человека, словно позабыв родную речь. Олеся тоже не уводила взгляда от Егора, а потом передвинула свою тарелку на противоположную сторону и, подхватив Персика, переместилась ближе к другу, с которым провела рядом всю жизнь.

– Всё хорошо будет, – говорила она, успокаивая Егора. – Потому что не может быть по-другому.

Лето даже не моргал, его роговица стала блестеть подобно стеклу. Он чувствовал в этой девочке дар. Сильную, добрую, непреклонную веру. Кажется, Нагваль жив. Он прямо здесь и сейчас находится рядом с Егором. Он не умер, а смотрит глазами маленькой девочки. Лето в этом был убежден боль-

ше всего на свете. Она верила в него так, что и он сам начал верить.

– Давай, – грубее бросила она с тем же милым лицом, – ешь блинчики! А то мы с Персиком всё слопаем!

Девочка понимала, что должна быть сильной ради своих родных. Она принимала это как данность. Как то безусловное, что имеет место быть. При этом она оставалась той же крохой, которая без помощи Егора даже не могла себе подлить из графина ещё сгущенки. Лето помог ей, а затем присоединился к дружной компании по поеданию блинов.

– Слушаюсь, мой пирожок!

Олеся очень обрадовалась и даже не отреагировала на излюбленное обращение друга. Она улыбнулась и вернулась к блюду. У Егора стоял ком в горле и из-за тошноты проглоченный кусок просился обратно наружу, но глядя на благодарные глаза девочки, он подавлял приступы и старался наслаждаться моментом. Лето понимал, что действительно всё будет хорошо. Не может оказаться по-другому.

...

Назара доставили сразу прямиком в отделение. В участке забрали документы, телефон и определили в отдельную одиночную камеру. Парня приняли за опасного экстремиста, которого необходимо было изолировать, дабы избежать какого-либо контакта с лицами его группировки. В наручниках его провели через несколько решетчатых дверей и поместили в одну из камер.

– До утра пробудешь здесь, – сообщил ему здоровяк в форме, – потом на допрос.

Назару было плевать, что с ним будет дальше. С кромешным равнодушием он выполнял то, что требуется, не обращая внимания на слова, летящие в его сторону. Железная дверь закрылась, ставни защелкнулись, и парень остался ждать в одиночестве. Смертельную тишину нарушало лишь жужжание кварцевой лампы на потолке. Рана на лбу напоминала о себе тупой ноющей болью. Сколько теперь здесь пробудет и что дальше – он не знал. Вопросы в голове перемешались в кашу. Как так быстро налетела полиция? Как он себя сдал? Куда подевался Егор? Что теперь будет с общим делом? Теперь менты в курсе задуманного плана и в любом случае предпримут противодействующие меры. Остановить или повернуть время вспять не представлялось возможным. Ни позвонить, ни кому-то передать новости о своём положении Назар не мог. Оставалось лишь находиться наедине с собой и разъедающей виной. Теперь его ждёт суд и уголовный срок. Но это минимум к чему может привести оплошность. Сколько людей пострадает из-за него. Сколько товарищей выследят и накроют. Как же так могло случиться, чтоб его взяли прямо на месте преступления... Парня одолевали терзания и сожаление. Обхватив руками голову, он сидел в одном и том же углу до самого утра. Но ощущение времени пропало. Иногда на секунды удавалось провалиться в сон, но затем волна волнения накрывала вновь. Если бы только уда-

лось сбежать... Ещё бы только пару минут... Просто загрузить файл и выкинуть флэшку...

В полубреду парень томился в камере, пока не раздались шаги в коридоре и звон ключа. Здоровяка сменил коротышка, рядом с которым стояло знакомое Назару лицо. Назар начал догадываться, что произойдет дальше.

– Старые друзья, – заявил с иронией Игорь, – не прошло и года.

Назар встал со скамейки, не видя смысла растягивать комедию.

– Понравилось в прошлый раз у нас.

– И не говори, – коротышка немного картавил, – после первого раза все возвращаются. Точно мёдом намазано.

Игорь пропустил реплику напарника мимо ушей и накинул браслеты на запястья заключённого. Сотрудник полиции даже не объяснил куда ведет юношу, так как всё было каждому понятно. Старший лейтенант уже ждал с нетерпением пойманную рыбку в своём кабинете. Ждал, так как видел в парне идеальную наживку на поимку Летаева и возможность предотвращения его операции.

Заведенный с самого утра Семён Павлович ерзал за рабочим столом и слушал запись на изъятой флэшке. Он разбирает каждое слово, дабы не упустить чего-то важного. Он узнал голос Лето и восторжествовал, осознавая, что теперь неугомонному бунтарю не удастся выскользнуть из его лап. Лейтенант готовил в уме сопротивление и предвкушал побе-

ду. Потенциального уголовника уже не спасут никакие деньги. Никакая взятка не загладит то, что он намеревается на творить. Усы шевелились над тонкими губами, глаза оставались прищуренными. Сейчас нельзя было ошибиться. На кону стояло слишком многое.

В дверь постучались, и на пороге возник Назар. Его каменное лицо с отвращением взглянуло на Валдаева. Он видел мужика второй раз в своей жизни, но тот уже успел смертельно надоесть. Семен как раз пребывал в замечательном расположении духа.

– Ну здравствуй, Назар, – поприветствовал он правонарушителя, как старого приятеля, – не послушал ты меня всё-таки в нашу первую встречу. Я то тебе поверил, что ты не связан с делишками Летаева и имеешь свою голову на плечах...

Каждое слово лейтенант чеканил с не подменным удовольствием.

– Я же предупреждал тебя, что дружба с ним плохо закончится. Этот социопат любому жизнь пустит под откос...

Назар не менял выражения лица. Ему не нужно даже было слышать бред лейтенанта, чтобы презирать того всей душой. Вены на лбу от напряжения пульсировали, а рана вновь начала зудеть.

– Скажи мне, мой друг, – не прекращал Валдаев, – твой товарищ тупой или чересчур самонадеянный, думая, что так легко сможет реализовать свою «революцию»? Он не по-

нимает, что на любое волнение, выходящее из рамок, власти будут оказывать должное сопротивление? Пострадают невинные люди. Большинство получит штрафы, а многие и срок. Пусть он маленько и навредит нынешнему благополучию города, но ничего сверхкритического ему не позволят совершить. Он хочет ломать, переворачивать, крушить, но диссидент бессилён против нас.

Семен Павлович говорил тихо и спокойно, держа под контролем ситуацию.

– Он же псих. Большой человек. Его надо изолировать от общества. Ему верят лишь глупые подростки и подобные ему маргиналы. Я говорил уже и ещё раз повторяюсь – он кардинально ничего не изменит! Люди останутся прежними, им срать на этого обдолбанного диджея.

Он хлопал блаженно глазами, наблюдая за поведением парня.

– Ты должен это понимать. Хоть ты и выбрал не ту дорогу, но твоим глазам я верю. Ты хороший человек.

Назар догадывался, к чему тот клонит.

– Летаев уже в наших руках. Он проиграл. Без пяти минут он на зоне. Его песенка спета, и мятеж пошел коту под хвост. Больше не за что бороться и хвататься. Это мнимые и выдуманные ценности. Принципы, которые ничего не стоят. Ты должен понимать, что покрывал преступника. Человека, который опасен для окружающих. Он и его подопечные не должны находиться среди нас, нормальных людей. Мы на-

кроем их сегодня в тот момент, когда они не будут готовы.

Он сложил руки в замок.

– Ты можешь обойтись условным сроком, если сдашь членов вашей организации. Я тебе гарантирую свободу, если подействуешь следствию. Поверь, я это делаю только из-за личностной эмпатии. Лето уже у меня в руках, но мне всё же хочется тебе помочь.

Назар продолжал молчать, ни один волосок не шевельнулся в ответ на предложение лейтенанта.

– Подумай, ведь тебе грозит колония. Не советовал бы я туда угодить в столь молодом возрасте.

Стойкость Назара не дала трещину. Он знал, что не скажет ни слова провокатору. Валдаев почувствовал негатив в свою сторону по одному взгляду и усмехнулся.

– Грустно, очень грустно, – повторял он с иронией, – это сейчас ты такой смелый, а потом станет иначе. Ты вспомнишь об этом упущенном шансе, начнешь кусать локти, но будет поздно. К сожалению, поздно...

Он разыграл театральную скорбь.

– Мы примем всех ваших ублюдков сегодня ночью – это плохая новость для тебя. Но есть и хорошая – ты не один окажешься за решеткой. Прощай, Назар... Игорь! – позвал помощника лейтенант, не желая больше играть с заключённым в молчанку.

Сотрудник вернулся за Назаром и открыл перед ним обратную дорогу в камеру.

– Надеюсь, – тем же довольным тоном кинул напоследок Валдаев, – тебе смягчат срок. А решение суда по Летаеву я тебе обязательно сообщу лично.

Семен Павлович нагло улыбнулся, но Назар уже развернулся к нему спиной и вышел из кабинета. Смешно было, что этот мужик до такой степени не понимает, как на него всем плевать. Лейтенант останется в своём воображаемом мире, где он пуп земли. А может, и его мирок тоже расплющит жизнь. Он ведь лишь человек. Все люди заигрались только и всего.

Назара вернулся в камеру. Он не знал чего ждать и стоит ли вообще это делать.

...

Время стерлось как существующее понятие. Ни черта не было кроме мрачных грязных стен вокруг. Назару было невдомек, что происходит за пределами участка. Он погряз в своих раздумьях и не надеялся от них спастись. Теперь оставалось только сидеть и считать минуты до наступления вечера. Либо всё пропало, либо что-то изменится. До него доносились голоса боевиков, звон патронов, щелчки обоймы, шум подготовки к операции, постоянные шаги из помещения в помещение. Парень осознавал, что все силы города сосредоточены на переворот с задачей атаковать на поражение и чего бы того не стоило остановить народное волнение. Конец приближался. Но не давало покоя предчувствие, что закончится всё не так просто. Что-то грядет. Что-то, че-

го никто не ожидает. Судьба перевернется, перемешается и проявится в непредвиденной никем форме. Течение жизни нельзя предугадать. Она сделает по-своему. Метастазы достигли частоты пульса. Они с людьми дышат в унисон. Они могут существовать самостоятельно и поступать так, как им заблагорассудится. Ни создатели, ни враги им больше не нужны. Идея уже заразила людей и теперь готова выйти наружу.

У кого-то пролетели годы. У кого-то месяцы. У кого-то дни и часы. Даже у Назара в камере время медленно, но шло. Было ли то ещё утро, или обед, или ночь, а может и следующий день. Но парень в абсолютном помутнении сознания услышал в какой-то момент грохот, произошедший за стенами участка. Вспышка звука оказалась мощной и продолжительной. Юноша вмиг пришёл в себя, осознавая, что происходит. Началось. Революция. Дрожал серый бетон здания. Сотрясался холодный пол. Что-то невообразимое происходило вне поля видимости. Воображение начало подкидывать самые масштабные столпотворения, красочные взрывы и озлобленные настроения. Но в какой-то момент протяжный гул, похожий на сломанный микрофон затих. Тогда Назар окончательно вышел из оцепенения и подскочил с лавочки. Сердце заколотилось. Волосы встали дыбом. Слезы выступили на глазах. Он услышал музыку, которая, по всей видимости, заполонила город. Абсолютно всё пространство. Он почувствовал телом знакомые до боли биты. И Метаста-

зы. Они были повсюду.

...

Время на часах 21:47. Егор не встречал уже около часа ни единой живой души. Так нужно, но парень рад бы был увидеть хотя бы одного случайного человечка по дороге. Его путь лежал дворами, потом через парк.

Он с улыбкой смотрел на старое колесо обозрения, на котором работал в юности. Он бы всему сейчас хотел улыбнуться. Страх ушёл. Казалось, что все возможно. Он смотрел на часы, как быстро бежали минуты. Время казалось поездом, имеющим конечную станцию. Оно несло в пропасть и в начало одновременно, просто для каждого по-своему.

В 21:48 Лето дотронулся до листвы рукой. Наблюдал за цветами, торчащими из клумбы. В полной тишине и пустоте он никогда не чувствовал себя в одиночестве. Он понимал, что сейчас имеет больше, чем человеческое тело. Люди где-то далеко, но сегодня они всё равно рядом. Нагваль далеко, но он тоже рядом. Валера, Олеся, Назар – все здесь.

21:49. Легко. Значит, так и должно было быть. С ними вселенский ход событий. Или просто они сами выдумали целую вселенную. Мысли отошли куда-то в сторону. Чувства тоже. Лишь ощущение лёгкости. Лето не хотел его оставлять себе, теперь у него его много и оно вечно. Пусть уйдет тоже в Метастазы. Теперь они живее любого из людей.

21:50. Всё получилось. Нагваль был бы счастлив. Сегодня всё изменится. Через несколько минут. Лестница сча-

стья для каждого станет доступной подобно детской горке на площадке. Они не понимают и не знают, что такое Метастазы. Но абсолютно каждый чувствует их. Новая жизнь уже среди человечества.

21:51. Как воздух. Как вода. Как свет. Как тьма. Как то, что будет существовать после. То, что человек будет различать как вирус. То, что передаст другим. То, что победит смерть. То, что всегда поможет. То, что никогда не бросит. То, что всегда будет правильным и верным.

21:52. Егор нагнулся и сорвал цветок. Он не знал его названия. Трогал гладкие лепестки на бутоне и чувствовал, как капли влаги стекают с конца оторванного стебля. Парень попросил цветок побыть с ним, так как ему может стать страшно. Он не собирался отступить, никогда бы не передумал, но попросил об этой услуге такое же живое существо. Цветок не знал, что у Егора в планах, но готов был помочь. Парень сжал крепко друга в левой руке и выпрямил торс. Немного постояв с закрытыми глазами, он поднял веки.

21:53. Лето знал, что его ждет за пределами парка. Издалека виднелась чёрная скопившаяся масса. Они собрались вовремя. Так, как рассчитывал Егор. Они попались на уловку. Их очень много. С каждым шагом дрожь в ногах усиливалась. Лето не выдержал и вслух своему же страху посмеялся в лицо. Цветок в руке не покидал его, а ноги несмотря ни на что продолжали идти. Это все просто игра. Просто случайно сотворенная шутка.

21:54. Отряды спецназа, ОМОНа, росгвардии выстроились в линии вдоль дороги, ведущей к площади имени Н. . По приказу свыше были назначены на операцию по устранению народного движения вооруженные силы города. Сотни экипированных мужчин ждали начала революции, утечка информации которой произошла днем ранее. Силовики прибыли в пункт назначения заранее предполагаемого начала, организовали блокпост и получили команду. Настроенные крепыши ждали бунта, сопровождающегося погромом и насилием, но теперь лишь гадали, в чем подвох странного бунта, на который никто не пришел. Старший лейтенант Семён Павлович Валдаев, стоящий во главе организованной группы контратаки, смотрел вдоль дороги. Он знал, что митинг не отменили. Он чувствовал, что что-то грядет. Сомнения не оставалось, что Лето со своими людьми назад уже не отступит. Выработанный годами опыт и отменная чуйка подсказывали, что самое веселое только впереди.

– Никакой самодеятельности, – кричал он своему отряду, посматривая на боковые колонны, – первыми не атаковать! Слушать только мою команду! Быть всё время на чеку!

Мужики слушали приказы и сжимали крепче в руках свои дубинки и щиты. Тишина их настораживала. Несмотря на солидное количество, каждый с подобным сталкивался впервые. Другие экстремистские движения можно было предугадать, выследить задействованных лиц; сейчас же улица пустовала. Будто вся жизнь вымерла на районе.

Валдаев глядел на время. В его голове четко прокручивалась речь Летаева, записанная на флэшку. Ровно в 22:00. Революция. Переворот. То, что изменит мир. Слова психопата звучали в седой голове лейтенанта, призывая к организованности и повышенному контролю.

– Применять оружие только в целях обороны! – напоминал он строгим голосом. – Это могут быть мирные граждане, попавшие под влияние преступников! Полная концентрация своих действий! Вы...

Речь Валдаева оборвалась посторонним шумом. Пустой звуковой фон площади охватило одиночное человеческое пение.

21:55. Лето увидел силуэты вооружённых людей. Они выстроились, словно на праздничный парад для самого президента. Это не могло ни позабавить парня. Теперь он точно понимал, что всё идет по плану и революции суждено случиться. Егор находился вне видимости офицеров, но шаг сбавлять не стал. С цветком в опущенной руке он пошел к дороге, где в метрах ста начинались боевые колонны. Страх ушёл, он лишь развязал эмоции до полной свободы действий. Это был финал. Финал, к которому так долго шли Метастазы. Парень набрал полные легкие цветочного аромата и ступил на асфальтированную прямую трассу. Он запел. Это была одна из любимых его песен малоизвестной группы «Пионерлагерь Пыльная Радуга». Ему захотелось исполнить её живым созданиям с автоматами в руках.

– Харбор детства, миномётами перерытое королевство, – пришлось напрягать голосовые связки, но почему-то это давалось очень легко, – уцелевших докоротят последние спазмы, промеж лужами нашей радужной протоплазмы...

21:56. Представители правоохранения встрепонулись и разом среагировали на триггер, схватившись крепче за рукоять своего орудия. Взгляды полетели в сторону источника звука. На горизонте показался лишь один парень. В гордом одиночестве он шёл навстречу боевым силам.

– Трахай фазу! – тянул радостно припев Лето, видя перед собой длинную расплывчатую полосу людей. – Без остатка серпом по небу, бритвой по глазу. Расплескай по земле волшебные метастазы... Биохазард!!!

Тело наполнилось теплом, которого так долго ждало сердце. Егор никогда не чувствовал такой благодарности, как существующей песни и цветку в руках в данный момент. Ноги сами его несли напрямиком в водоворот.

21:57. Валдаев стоял в центре замыкающей дивизии отряда. Он тоже быстро разглядел единственного пришедшего революционера на поле боя. Гадать не пришлось, чтобы узнать Летаева. Безумец и лейтенант были расположены на одной траектории. Не сворачивая, Лето двигался противнику навстречу. Семен Павлович не мог выдать из себя ни слова. Всё его существо заворуженно наблюдало за этим сумасшедшим человеком, с которым ему довелось скрестить жизненные пути.

– Жаль, не всё спас, – продолжал голосить Егор, дойдя до границ линии первых припаркованных автозаков, офицеров на лошадях и снаряженных омоновцев, – План теракта мне, как всегда, продиктует космос. Я танцую на вашем взорванном копирайте. Я один в этом поле ебанном, наступайте. Наступайте!!!

Никто не понимал, что происходит. Люди наблюдали за молодым парнем как за волшебством. Кто-то ещё минуту назад ждал сюрприза, в виде внезапно появившейся тысячной толпы, но стало очевидно, что соратников у сумасшедшего воина нет. Без поддержки, без опасения, без страха парень продолжал переворачивать мир в одиночку, как и хотел.

21:58. – Нахуй разум! – смело и потешно заглядывал в лица Лето и продолжал петь, – Свет объявленный темной, свобода – проказой. Оцепления, вертолёты, противогазы. Биохазард!

Он пел, что он прокаженный для общества. Но именно этой заразой он сумел покорить мир. Силовики провожали его звериным взглядом. Даже в руках с оружием каждый чувствовал страх. Страх от непонимания и незнания. У парня есть сила, которой нет у других и с которой без понятия как справляться. Егор шёл, будто по саду родного дома. Его вольные движения не сковывали ни чужие взоры, ни собственные опасения. Он над всем взял верх. Не пропуская никого, каждому смотрел прямо в глаза своим освобождением и любовью к жизни.

– А-а-а! По морозу злыми реками в семь цветов кровавые слёзы. Помираю за деньги вшторенных и провальных. Пожирает мои просторы орда нормальных. А-а-аааа!

Его шейные вены походили на синие водопроводные трубы. Лицо краснело, но лишь от перенапряжения связок. Глаза горели непередаваемым либо большим, либо просвещённым пламенем. Он проходил мимо армии врагов и добрался до эпицентра. Он играл с ними в то, что они же сами и придумали. Но для себя лишь он пел и танцевал. Жизнь пронеслась, а парень плыл по её волнам. Как Нагваль. Как никогда и никуда не исчезающая вечность.

21:59. Валдаев ощущал всем своим существом приближение Егора. Он знал, что тот следует бесстрашно к нему и ни в коем случае не остановится. Ни союзников, ни помощников оппозиционера лейтенант так и не обнаружил. Валдаева обвели вокруг пальца. Парень пришёл воевать за свою идею один. Он обречён перед многочисленными силами, но собравшиеся боевики были повержены его храбростью в этой войне. Семен молча смотрел на насмехающееся лицо парня и не мог разобрать своих чувств. Там не было обиды, сожаления, ненависти. Сейчас лишь облегчающее опустошение. Самое страшное и пугающее – лейтенант осознавал, что эти ощущения не принадлежат ему. Их запустил каким-то образом внутрь один парень. Он затронул что-то невыносимо важное в душе. Валдаев на секунду окинул взглядом напарников и понял, что все испытывают одно и то же вместе с

ним.

Лето наконец добрался до черты. На дистанции десяти метров от лейтенанта он остановился. Дальше некуда было идти. Цветок продолжал оставаться в его руке и в тайне помогать ему. Егор не обращал больше внимания ни на кого, кроме Валдаева. Парень широко открыл глаза и с серьезным лицом посмотрел прямо в глаза мужчине. Семен не стал отводить взор и принял бой. Егор знал, что офицер поймет. Он выжидал секунды, позволяя всё наконец-то понять. Лейтенант предполагал там увидеть огонь, вечную войну, нежелание мириться с действительностью, разрушение и гнев, но увидел совсем другое. Егор дал ему заглянуть внутрь себя, где таились лишь усталость, печальное осознание всего сущего, благодарность тем, кто когда-то его спас, и желание спасти таким же образом других людей. Валдаев это узрел так же четко, как видел над головой парня кровавый закат и пышные узорчатые облака. Как видел первые звезды на темнеющем небе. Как городские дома и улицы, проводившие множество таких же временных людей в неизвестный безвозвратный путь. Как видел вооружённых силовиков, обороняющих не ясно что и для чего. Как видел глаза любимой жены и любимых сыновей, ради которых только и жил на этом свете. Как видел то понимание, что всё в этой жизни происходит ни за чем. Что грусть и тоска превосходят по итогу проблемы, принципы и разногласия. Он увидел это в открытой душе Летаева и понял, что проиграл. Лейтенант не

мог опустить глаза и проявить слабость, из последних сил он продолжал прикрывать защитным слоем гордости свою душонку. Но Егору было достаточно. Парень запел вновь. Оцепеневшие силовики вздрогнули. Это оказалась концовка песни:

– Трахай фазу! Сам одной ногой и других зарождаешь сразу! Распуская по земле волшебные МЕТАСТАЗЫ!..

22:00. Не переставая голосить, в один миг Лето резким движением свободной руки потянулся за спину. Когда офицеры увидели в руках парня пистолет, они открыли незамедлительно огонь. Десятки пуль пронзили тело насквозь. Валдаев не успел не то что бы отдать приказ, а даже понять, что происходит. Он услышал череду выстрелов, а затем словно в гипнозе наблюдал, как одежда молодого парня покрывается густыми бурыми пятнами. Веки моргнули. Держа в одной руке мятый цветок, а в другой пистолет, Егор простоял ещё недолго на ногах, затем опустился сначала на одно колено, потом на второе. Боль сковывала последние движения. Органы брэнного тела завершали свою отведенную работу. Но, несмотря на это, душа захотела посмеяться в ответ людям. Испачканные кровью губы в судороге, но добились желанной победной улыбки. В глазах всё поплыло, образы начали мутнеть. Силовики в оцепенении смотрели на завершённое ими представление. Они перестали чувствовать что-либо внутри. Жизненные процессы в миг будто приостановились. Лето приложился щекой к теплому асфальту. Всё заканчива-

лось так, как и должно было быть. На последнем издыхании Егор поднял руку с пистолетом над собой и нажал на курок. Из дула полетели мыльные пузыри. Прозрачные шары одной дружной семьёй устремились прямо в вечернее летнее небо в гости к облакам. Ведь они похожи на них. Так же как и облака на людей. Лето тоже летел среди них. Он парировал над чёрной бездной и отправился к невообразимо прекрасному пейзажу, который ждал его.

В этот же момент по всему городу раздался протяжный шум, который заставил вздрогнуть полицейских. Силовики задергались, испуганные конвойные лошади завертелись по сторонам. Никто не понимал что происходит. Могло показаться, что наступил конец света, но после недолгого странного гудка заиграла музыка. Музыка, которая и являлась революцией. Музыка, которая и изменит мир. Музыка, которую Лето уже не услышал.

...

Биты послужили сигналом, на который жители города выходили из своих квартир и домов. Все районы мегаполиса, все улицы, кварталы и дворы наполнились одним и тем же музыкальным ритмом. Общая частота неслась по проводам, разрываясь оглушительной волной из машин и колонок. Спрятанные акустические системы обрели жизнь в потайных углах, переулках, тоннелях, балконах, крышах. Люди подключались к нужной частоте своей домашней аппаратурой, возводя громкость на максимум. Они ждали этой мину-

ты и, когда час настал, каждый поспешил внести свой вклад в общее дело. На удивление, практически никто не остался в стороне. Музыка захватила город. Она заполнила воздух. Казалось, что её можно услышать даже из космоса. Дома, торговые центры, вокзалы ходили ходуном. Повсюду распространялись биты, заставляющие людей отбросить ненужное и начать танцевать. Разум отправился в никуда на крыльях свободы. Тысячи людей выходили на улицу и приобщались к танцам. Они забывали обо всем, просто наслаждаясь своим телом под музыку. Они знали, что в этом и заключается революция. Хаос, который невозможно остановить. Который вырвался наружу из одной человеческой души и дал ощутить жизнь остальным. Метастазы без слов, без договорённости, без размышлений распределились в головах людей. Не спрашивая и не советуясь с окружающими, они знали, что будут не одни. Каждый готовился действовать за себя, изменять свой внутренний мир, так и получилось: вышли на несогласованный переворот все вместе.

Биты вселялись целиком и полностью в организм, овладевая душой. Пробираясь через ушные перепонки и нервную систему, они оказывались в сердце. Не существовало отдельной частоты пульса, а лишь одна общая цифра сердцебиения, управляемая музыкой. Невидимый дирижёр будто вознесся над городом и своей волшебной палочкой двигал людьми словно марионетками.

Яна с Валерий были первыми, кто подключился к запла-

нированной акции, выйдя на вечеринку в центре города. Когда набежали люди, у ребят чуть не вырвались из орбит глаза. Они до последнего сомневались, что задумка обретёт реальность. Но результат превзошел все ожидания. Биты Егора вдохнули в город энергию. Люди стали теми, кем никогда не были в обычной жизни. Они танцевали на дорогах, на набережной, на мостах, возле музеев, возле ресторанов. Повсюду шёл неведомый массовый праздник. Стекла дрожали, стены трещали, людские голоса верещали от изумления.

– Ты это видишь?! Ты видишь это?! – повторяла вне себя от счастья Яна. – У нас получилось!

Сад осмотрел танцующую толпу. Люди двигались, как умели и как им нравилось. Там. Там. Везде. Маленькими кучками, большими. Народный рейв приобрёл неземной масштаб. Хаос порождал что-то неопишимо прекрасное.

– В это невозможно поверить! Мусоров нет! Автозаков нет! Свобода! – он расплылся в героической улыбке.

– Мне звонил Порох сейчас, – пыталась перекричать шум девушка, – у него всё на мази! Радио будет работать до талого!

– Господи, – растрогался Валера, – я расцелую это хомяка, как только встретимся! У него всё получилось! Миллионы слушателей! Все свидетели священного рейва! В следующий раз мы захватим вселенную!

Яна смеялась и продолжала двигаться, чувствуя себя дома. Они за всё отомстили и всё доказали. Революция по-

полнялась новыми лицами. С ошарашенными заинтригованными выражениями люди выбирались из своих лачуг, чтобы вскоре околдованными присоединиться к всеобщему шаманскому обряду. Устоять никто не мог. Если вначале в поддержку задуманному перевороту явилась лишь молодежь с Манеги, малочисленные фанаты творчества рок-группы, друзья организаторов и их знакомые, то сейчас можно было заметить в движении даже представителей зрелого поколения. Всем были известны причины и мотивы проходящего безумия. История писалась изолинией сердца. Сами люди стали механизмом перемен. Просто слушать музыку. Просто танцевать. Просто жить.

– Всё как хотел Лето, – подтвердил Валера с внутренним душевным теплом.

– А где он кстати? И где Назар?

– Думаю, они где-то уже в общей толпе.

– Да, – протянула Яна, – такой танец они бы ни за что не пропустили.

Сад кивнул одобрительно головой. Общий экстаз овладел друзьями, очарованными глазами они наблюдали за невообразимым чудом. Никаких запретов, никаких границ, никаких полицейских, все рамки будто растворило одно настроение.

– Смотри! – закричал на ухо Валера, указывая пальцем на небо.

Подруга подняла голову и увидела вертолеты. Те кружи-

ли над толпой, подсвечивая прожекторами танцующие все-
ленские атомы. Никто не знал, как остановить эту социаль-
ную катастрофу. Все люди счастливы, на остальное им бы-
ло плевать. Они стали одним целым. Сражаться было не с
кем и некому. Репортеры слонялись мимо танцоров, стара-
ясь снять на камеру уникальное событие. Люди не чувство-
вали себя ничем подобным никогда. Они понимали, что не
одинокими. Что сейчас где-то рядом находится родная поло-
винка. Такая же брошенная, обиженная, борющаяся за сча-
стье и жизнь изо дня в день. В ту секунду они были гото-
вы на всё ради другого человека. И умереть, и даже жить и
быть счастливыми. Метастазы переходили от одного к дру-
гому. Через взгляд, касание, улыбку. Один человек мог во-
одушевить одними глазами многотысячную толпу. Револю-
ция произошла. Землетрясение под ногами. Тепло ближне-
го. Неукротимые биты в голове. Каждый чувствовал, что ме-
няется внутри, что следом меняется и мир вокруг. Люди хо-
тели от жизни теперь лишь одного – чтобы эта ночь никогда
не заканчивалась. Но биты Лето оказались пропитаны веч-
ностью, и толпа продолжала танцевать. Свободно она танце-
вала где-то на отшибе вселенной без какого-либо стеснения
и желания что-то исправить.

Глава 17. Легенда о двух Богах и Левиафане

Пока играла музыка, Назар даже не присел. Не шевелясь, он стоял у стены камеры до последнего. Биты сотрясали здание, отдавались вибрацией по полу. Парню казалось, что если он отойдет, то музыка прекратится. Но та и не планировала заканчиваться. Назар не ориентировался во времени, но создавалось ощущение, что биты захватили мир и теперь останутся навсегда. Стопы чувствовали движения народа; миллионы ног, создающих катастрофические сейсмические движения. Пускай взаперти, но душой парень находился на историческом событии, к которому они с друзьями так долго шли. Назар улыбался, приступы счастья его накрывали раз за разом с тем же потрясающим эффектом. Парень не мог подозревать, что конечный план был именно такой. А если бы даже знал, то не поверил. Только Егор со своей верой мог добиться подобного результата. Рейв победил.

Сомкнуть глаз Назар попросту не мог. Его организм устал, но внутренний восторг не давал уснуть. Когда биты прекратились, он не находил себе покоя и пару часов слонялся по камере. Что могло произойти дальше со всеми участниками протеста – даже страшно было представить.

За дверью начали раздаваться посторонние голоса и вско-

ре камеру открыли. Назар готовился к очередному допросу, но ошибся. Офицеры начали заводить молодых ребят. Одного за другим пихали внутрь. Назар отошёл в сторону и заметил, что соседние камеры заполняются таким же образом; народу оказалось много. Судя по выражению лиц пойманных ребят, те совершенно не унывали. Оставаясь под впечатлением только что произошедшего, они со смирением принимали дальнейшее развитие событий. Издевательская веселая улыбка досталась в качестве сувенира каждому правонарушителю. После этой ночи уже ничего плохого произойти не может. Совсем юные девушки и юноши, ровесники Назара, а так же семейные парочки среднего возраста с лёгкой беззаботностью рассаживались на свободные места. Дежурный, ничего не сказав, захлопнул дверь и направился помогать с распределением остатка. Назар рассматривал гостей, пока те в один миг хором не начали смеяться. Они смотрели друг на друга и не могли сдержать смеха.

– Что это сейчас было?! – воскликнул парень с дредами. – Это, мать твою, отвал башки!

– Я не знаю, – повторяла девушка, сидящая рядом, – у меня нет слов! Я думала, что только единицы выйдут на улицу...

– Да какие к черту единицы?! Вышли тысячи! Мне товарищ звонил с другой окраины города, у них там такой же пиздец!

Уголовников охватил переизбыток эмоций.

– С ума сойти! На весь город! На каждой улице! От этого музла нельзя было спрятаться! Как этим шизоидам всё удалось повернуть?!

– Понятия не имею! Аппаратура, общественная гласность...

В комнате по меньшей мере находилось около десятка человек и каждый буквально сиял после пережитого чуда.

– Мы недавно зарегистрировались на канал Метастазов, – заявил семьянин, – у них же произошёл за пару дней нереальный скачок подписчиков...

– Как им удалось привлечь столько людей?! Как?!

– Массовый разум. Мы сами все каким-то образом вписались в это...

– Теперь на нарах чалиться, – хохотал дредастый.

– Ничего у них не выйдет, – усмехнулась блондинка лет сорока, – за большинством правда. Сегодня на улице тусовался почти весь город!

– Народа действительно тьма! Я это запомню надолго!

– И все счастливые какие! Вы видели их лица?! – продолжала мечтательно блондинка.

– Да я не встречал никогда настолько сдруженный коллектив!

– Ребята хотели рейв, – подвела черту молодая девушка.

– Что такое этот ваш рейв? – спросила представительница семейной пары.

– Ха! – гаркнул дредастый. – Это когда музыка и всем не

всё равно! Рейв это то, что было сегодня!

– Не просто протест, а переворот! Самая добрая и благо-
родная революция за всю историю человечества!

Назар находился в стороне и слушал впечатления. Под
рёбрами грело счастье. Всё получилось. Метастазы повсю-
ду. Люди готовы жить и быть счастливыми, даже находясь в
клетке. Назар не хотел обрывать беседу, но сдерживать лю-
бопытство больше тоже не мог:

– А как вы узнали о мероприятии?

Все взглянули на бедолагу с удивлением, а затем с сочув-
ствием, понимая, что тот пропустил за решеткой невероят-
ный праздник.

– Главарь их банды за несколько часов записал видео-об-
ращение и выложил на канале, – добродушно объяснила
девушка. – Поразительно, как информация разнеслась так
быстро среди людей... Ведь, по-любому, большинство узна-
ло о грядущем через посредников... А то, что полиции не
оказалось в разгар безумия – это вообще уму непостижи-
мо...

– Да, -хлопнул в ладоши дредастый, – Лето постарался на
славу! Народный герой...

Тут его перебил мужчина, который до этого лишь молча
улыбался:

– Как ты сказал его зовут?

– Лето. Егор, – добавил парень, как само тому разумею-
щееся, – диджей и организатор всех движений...

Мужчина на миг замер, хлопая глазами на дредастого.

– Как его фамилия?

– Не знаю...

– Летаев, – ответил молниеносно Назар, чувствуя нарастающий холод за грудиной.

Тут мужик перекинул взгляд на Назара.

– Вы не слышали про парня, которого убили сегодня ночью?

С головы до ног побежали мурашками.

– В смысле? Кого убили? – встрепнулся дредастый.

Информатор тяжело сглотнул, ощущая на себе нервные взгляды.

– Я созвонился с братом, он на «скорой помощи» работает... Где-то, через час после начала рейва... Сказал убираться оттуда... Предупредил, что есть уже жертвы... Молодой парень напал на сотрудника полиции и того пристрелили... Брат сказал, что это был один из организаторов последних митингов и назвал фамилию покойника...

– Что?! – вспыхнул Назар, забыв обо всём вокруг. – Как его фамилия была?! Как?! Не молчи!

Назар хотел, чтобы это оказалось не правдой.

– Та фамилия, которую ты назвал! – чуть не начал заикаться мужчина. – Летаев...

Назар понял, что в глазах его начинается темнота; внутренний крах соединился с усталостью и свалил парня на пол. Он отполз к стене и схватился за лицо.

– Это случилось на площади имени Н... Брат сказал, что парень скончался до прибытия бригады... Даже шанса спасти не было.

Все вдруг замолкли, перебирая в голове услышанное. Улыбки исчезли.

– Может, это не Лето был..., – кинула девушка, на её глазах навернулись слезы, но голос оставался твёрдым, – может, ошиблись...

– Не знаю. Но там присутствовали органы полиции..., – бубнил мужчина. – Брат предупреждал, что этой ночью лучше оставаться дома...

Информатор замолчал, но спустя паузу посыпались бесконечные вопросы, летящие в пустоту: «Что он вообще там делал?! Как это могло случиться?! Зачем он напал на полицейского?!». Кто-то метался взад-вперёд, кто-то плакал, кто-то размышлял вслух. Сложившаяся сцена воспринималась Назаром второстепенным фоном. Узнав факты последних событий, он больше не мог концентрироваться ни на чем другом. Мысли в голове перемешались в кашу. Площадь, сорвавшийся митинг, его привод в полицию, флэшка с приглашением, радио... Он ничего не понимал. Одна догадка быстро переходила в другую, и получался кромешный бред. Но поверх всего стояло таинственное убийство. Назар несколько раз бросал недоверчивый взгляд на мужика, не желая верить его словам. Хотелось спасти Егора от настигшей участи. Этого ведь не могло произойти. Лето должен был быть

со всеми остальными. А что тогда с Валерой? С Олесей? Они где? Назара настиг жар. Горячка охватила уставшее тело. Там, где еще недавно царила безграничная радость, сейчас душили лишь страх и беспокойство за родных. Ничего вокруг не существовало. Парень пытался найти в себе силы, чтобы придумать, как выбраться отсюда. Он понимал, что должен позаботиться о маленькой девочке.

– Чувак, с тобой всё хорошо? – кто-то его хватал рукой за плечо. – Эй...

Назар поднял голову, чтобы успокоить неизвестного, но из-за пелены в глазах даже не разглядел лица. Парень кивнул, а затем прикрылся ладонями. Ничего реального. Сплошная иллюзия. От начала до конца.

Железная дверь открылась, и зашел взволнованный лейтенант Валдаев. Заключённые притихли, а Назар уставился на знакомую рожу, стараясь не потерять сознание. Он хотел было встать на ноги, но понял, что конечности онемели. Лоб горел, мышцы дрожали, сознание еле ориентировалось в пространстве. На Семёне Павловиче тоже не было лица. Он тяжело дышал, видимо, до этого сильно понервничав. Его никто не интересовал, он уставился на самого молодого мальчика, сидящего тихо в центре всё это время. Пацан с отворачиванием отвернулся. Его презренный взгляд искал укрытия от диктатора. Назар подметил, что их лица очень похожи.

– Алексей..., – разбитым, но все еще приказным голосом

произнёс Валдаев, – ты... Пошли.

Пацан продолжал оставаться на месте, будто не замечая отца. А тот до сих пор пребывал в шоке от сложившейся ситуации.

– Ты меня слышишь! – пытался сдерживать себя лейтенант перед коллегами и заключенными, среди которых обнаружил родного сына.

Алексей не реагировал на повышенный тон командира. Тогда Валдаев сделал намеренный шаг вперед, его глаза были полны стыда и гнева.

– Алексей, пошли, – он не мог произнести фамилию пацана, – пошли...

– Сам иди! – огрызнулся в усмешке юноша, повернувшись к полицейскому лицом. – Я нарушил закон и останусь здесь!

Валдаев оцепенел и вытаращенными глазами испуганно хлопал на сына. Назар рассмеялся во всю глотку. Дикий смех прошелся по всей камере. Один из полицейских чуть не пнул ногой клоуна со словами:

– Тебе, блять, смешно, сука..., – но его остановил Валдаев, преграждая пространство рукой.

– Не трогай его.

Семён стоял неподвижно, будто осознавая происходящее. Алексей не думал давать отцу поблажку, пацан оставался непоколебим в своем решении. Лейтенант всё понял, его взгляд бегал из стороны в сторону в надежде найти спасение. Затем он развернулся и отправился прочь из камеры.

Железная дверь закрылась. Заключённые не двинулись с места, поглядывая то на смелого пацана, то на свихнувшегося парня на полу. Назар продолжал смеяться. Нервным смехом он пытался подавить в себе чувства. Пытался смеяться над всем. Ведь всё утратило давным-давно смысл. Это просто игра. Просто детская площадка.

...

Назар не воспринимал происходящее. Реальность и бред спутались. Когда назвали его фамилию и сказали, что его ожидает посетитель, он пребывал в полусознательном состоянии. Тени вместо людей. Размытые образы стен и дверей. Ему до последнего казалось, что мир лишь плод его болезненного разума, который никак не отключится. Когда его отвели в комнату, в которой находился Валера, парень окончательно сдался и признал своё помешательство.

– Хреново выглядишь, – дверь помещения закрылась, два товарища остались наедине.

Голос друга звучал вполне реально. Заключённый поднял голову и увидел перед собой бледного, уставшего, но настоящего человека.

– Снова оказался за решеткой вместо нас, – Валера попробовал улыбнуться, но не особо получилось. Юноша ходил взад-вперёд, борясь каждую секунду с внутренними демонами.

– Как..., – Назар сглотнул слюну, – как тебя сюда пустили? Валера достал из кармана бутылку с водой и протянул то-

варищу.

– Хороший человек помог, – заверил Сад и усмехнулся, – у нас теперь много друзей.

– А Валдаев?

– У него там сейчас свои проблемы... Да и у всего городского правоохранения. Особого надзора ни над кем нет. Физически не успевают.

Назар собрался с силами, закрыл и открыл глаза, затем спросил:

– Что произошло?

Валера в момент угас, но спустя небольшую паузу сказал:

– Мы поставили город на уши и изменили мир.

Назар чувствовал тяжесть в груди.

– Прости, Назар, – добавил Сад, – я не знал, что тебя повязали. Я думал, что вы той ночью вместе с Лето затерялись в общей толпе... Но он... Всех перехитрил.

Назар снова обратил свой взор на друга, который смотрел с взаимной исчерпывающей печалью.

– Он..., – начал Назар.

– Мёртв, – закончил Сад.

Руки сжались в кулак и задрожали веки.

– Как?

– Его убили на площади примерно в то же время, когда начался рейв. Он каким-то образом оказался там один среди отрядов полиции и ОМОНа... Лето пошел на них в одиночку и был расстрелян якобы за нападение. Его убийство списали

на самооборону.

– Но..., – Назар должен был всё наконец-то узнать, – почему рейв оказался в другом месте? И зачем Егор тогда пошел на площадь?

Валера опустил голову.

– Я тоже не понимал ничего, – признался он, – Егор нам с самого начала объяснил план рейва и сказал без опасения готовиться к нему. На вопрос о полиции и патрулях, который бы мог поставить крест на общей идее, он ответил, что этим займется сам. Рейв начался. Подготовленная аппаратура загромыхла на весь город. Порох запустил радиоволну, и народ вышел на улицу... Нам действительно не помешали ни полиция, ни охрана, никто... Мы удивились, как всё удачно провернули и начали искать вас, но потом узнали новость про парня, бросившегося на вооруженную ораву в одиночку...

У Назара сжалось сердце, зубы впились в губы и старая рана кровоточила.

– Я не знал, где ты находишься, и каким образом Лето удалось отвлечь мусоров, – продолжал Валера, – но спустя время я отыскал тебя в участке и ознакомился с обстоятельствами твоего привода. Тогда мне всё стало ясно.

– Что? – не отрывал глаз Назар.

– Знакомый коп доложил, что тебя приняли после звонка. Тебя кто-то сдал. Причем это случилось сразу же, как только ты пробрался в радиоцентр.

Настало прозрение. Во рту пересохло, глаза забегали по сторонам.

– Ты ведь с Лето туда пошел? – давил ещё больше Валера. – И он тебя попросил пробраться внутрь здания с флешкой, на которой было записано фальшивое приглашение? Егор думал наперед, ему была необходима наживка для полиции. Чтобы те не усомнились в подлинности видео. Как только ты туда пробрался, Лето позвонил в полицию и тебя взяли с поличным. Они не раздумывая, взяли сообщника главного преступника. Менты посчитали, что блокировали один из путей распространения информации намеченной революции и пустили все силы на предотвращение переворота. Лето знал, что махинация сработает и, помалкивая о второй части плана, позволил нам провести свободно запланированный рейв.

Назар ошеломлено молчал, но не прекращал слушать.

– Мы ждали этот рейв, – говорил Валера, – мы знали, что он изменит людей... Но полиция могла помешать, поэтому Лето всех перехитрил и с помощью тебя отвлек их.

Назар вспомнил, как друг спрашивал его о готовности к самоотвержению. Он никогда бы не сказал «нет».

– Мне Егор тоже многое не сообщил, – мрак на лице юноши прибавлял к его годам еще лет десять, – у него имелся свой ход действий, которым он всех переиграл. И полицию, и меня, и тебя...

В голове что-то начинало проясняться. Назар осознавал

свою роль во всей этой цепочке событий, но единственный вопрос оставался без ответа. Сначала он возник после смерти Нагваля, а теперь повторился. Парень чувствовал, что находится на грани сумасшествия. Ему казалось, что вот-вот и он начнет нести невнятный абсурд.

– Но... но зачем... Зачем он сам отправился на площадь в руки к полиции? – подавлял дрожь в голосе Назар.

– Он осознанно шёл на эту смерть.

Сад ответил быстро, будучи совершенно убежденным в достоверности слов. Явь ускользала, как песок сквозь пальцы.

– Я что-то, видимо, не знаю, – Назар сжимал себе до сильной боли по очереди пальцы, – Нагваль погиб... А Егор... Мне сказал, что знает правду его смерти... Он обещал, что после революции мне обо всем расскажет... А потом... Потом он погибает следом...

Назар складывал слова в предложения с тяжелыми паузами. Ему хотелось всё понять. Желал узнать то, что вокруг него творилось с самого начала. Он был уверен, что Саду что-то известно. Ему не было сказано напрямую, но юноша являлся частью их семьи. По наполненным тоской, но абсолютно ясным глазам юноши становилось понятно, что он-то во всём разобрался.

– Когда мы были маленькими с Олесей, – начал неожиданным воспоминанием Валера, – Нагваль нам на ночь рассказывал одну легенду. Со временем многое стиралось из памя-

ти, но её мы знали наизусть. Легенда о двух богах и Левиафане. По её сказанию на свете жили два бога. Они очень любили жизнь и были неразлучны. Однажды один бог захотел сделать так, чтобы все живущие люди вокруг стали навечно счастливыми. Его тернистый путь проходил через многие преграды, но что удивительно, второй бог шел вместе с ним. Первый был полностью уверен в своём намерении, его вера оказалась сильна, а побуждения самые благородные. Вначале он отказался от своих других желаний, интересов и грёз. Бог полностью стёр свое прошлое, оборвав нити со своими привязанностями.

Назар широко раскрыл глаза.

– Он знал: чтобы добиться невозможного, надо принести в жертву то, что бы никогда не отдал другой человек. Самое дорогое. Он не должен был тосковать, сожалеть и скучать ни по кому и ни чему. Затем он избавился от понятия «жизнь». Он странствовал по миру, стал свидетелем множества финалов и исходов судеб других существ; он понял, что все люди по сути своей похожи. Что мы не перепрыгнем выше собственной головы. Что остаемся заложниками своей природы. Он посмотрел в бездну и принял для себя тот факт, что никогда не сможет познать её границ. Жизнь изнашивает своих постояльцев и на каждого найдутся свои причина и метод поломки. Бог признал этот факт и пошел дальше к своей цели. Вскоре ему пришлось отказаться от...

– Смерти, – молвил Назар.

– Да. Он победил страх смерти. Бог принял обречённость и осознание того, что он когда-нибудь умрет. Он смирился с тем, что будет жить с этим осознанием, и, несмотря на парадоксальность пути, продолжит его. Смысла не стало там, где существовал конец. Смерть обрывала, опровергала и лишала всего ещё у основания размышлений. Она породила страх перед неизвестностью. Но Бог утратил и его, смирившись с тем, что в любую минуту жизнь покинет тело. С каждой ступенью на пути ему становилось всё труднее и труднее. Чтобы достичь и узнать большее, ему приходилось жертвовать вдвойне. Глаза Бога стали серыми и печальными. Он чаще молчал, чем говорил. Ко всему начал относиться с понимающей улыбкой. Начал действовать ради других людей. Безвозмездная помощь, сочувствие и любовь переполняли его существо. Он всё меньше воспринимал себя как ценность и всё больше отдавался без остатка другим. Он шёл дальше, но второй бог двигался рядом с ним. Тяготы дороги они делили поровну и оставались неразлучны.

Назар вспоминал каждый шаг и слезы душили изнутри.

– На следующем этапе первому богу пришлось отказаться от будущих жизней. Он понимал, что если все обретут счастье, то им будет не сложно справиться и со следующими человеческими перевоплощениями. Люди всё забудут, они не вспомнят свои прошлые ошибки и прозрения, но у них будет гореть внутри цветок, который никуда уже не исчезнет. Всё протекает абсолютно бессмысленно, и именно поэтому

очень просто было начать любить жизнь просто так. Любить смерть и небытие. Любить пустоту. Имея счастье, люди бы растворились во времени, им стало бы навсегда легко. Для них судьба превратилась в одно приключенческое испытание. В своей безысходности они бы просто любили и радовались. Существование души стало бы одним танцем в вечности. Исчез бы груз реинкарнации и постоянного повторения одних и тех же страданий и мучений. Бог преодолел четвёртую ступень, приняв стадию пустой вечности. Второй бог находился рядом и помогал ему. Во всех достижениях он играл роль верного союзника. Он готов с родным существом был идти и против зла, и против добра.

Назар старался привести рассудок в порядок. Его ждал финал, та последняя ступень, к которой он так долго шёл.

– Наконец два бога подошли к заключительной черте. К черте, которая отделяла первого бога от мечты сделать всех людей навсегда счастливыми. Но путь преградил страшный монстр – Левиафан. Огромный кит, упоминания о котором присутствуют и в религиях, и в мифологиях. Он представлял собой непобедимую мощь и силу, воздвигаемую веками. Монстр пожирал всё без исключения. Ему не было равных. Многие воины пытались с ним бороться, но итог всегда оказывался одним. Сколько не сражались бы, сколько не прошли бы и не познали в пути, какие бы цели не преследовали, а все равно огромный кит оставался непобеждённым. Этой участи не избежал и первый бог. Он шёл своей дорогой

упорно, жертвуя многим, но на последней ступени никому не доводилось выстоять. Всё, что он совершил для человечества, забылось. Он и его история жизни канули в бездну. Его стерли из истории, через много лет о нём не должны были и вспомнить. Труды и цели стали, по сути, напрасны. Бог принял поражение как воин, он обрёл наконец покой. Левиафан остался доволен собой, так как поработил очередное сильное творение. Монстр создан для этого, на пятой ступени нельзя было избежать естественного хода вещей. Как после дня наступает ночь, как после лета приходит зима, так же и нас всех ждет окончательное исчезновение в конце пути. Но в тот момент Левиафан не учел одного...

Назар ощутил на теле мурашки.

– Бог прошёл лестницу из пяти ступеней не один. Второй бог всегда находился рядом и не думал отступать даже перед кровожадной пастью Левиафана. После смерти первого, второй смело обратился к монстру, предложив сделку. Он сказал, что отдаст себя в жертву ради воплощения идеи своего спутника. Сказал, что не боится Левиафана и распрошнется с жизнью, если тот сделает людей счастливыми, как и хотел падший друг. Тогда монстр впал в ступор. Он пожирал тех воинов, которые нагло и настырно добирались к нему; они знали исход и абсурдность пути, но все равно жаждали схватки с непревзойдённым чудовищем. А тут ему попался бог, который прошёл эту долгую дорогу просто за компанию, и сейчас готов расстаться с жизнью ради задумки чужого су-

щества. Левиафан мог уничтожить чудака и так, но по каким-то соображениям приклонился перед непонятной глупой верностью и благородным побуждением.

Саду стало тяжело говорить, горе невозможно было выплакать.

– Левиафан пошел на сделку со вторым богом. Он уничтожил его, а взамен выполнил просьбу двух путников, принесших себя в жертву. Он сделал людей счастливыми. Он распространил счастье в каждого человека. Мощная волна разбежалась из сердца в сердце, из головы в голову. Монстр не знал, в чем будет заключаться данное счастье, и взял за основу последнее, с чем ему довелось столкнуться, а именно внутренним миром двух богов. Людское вечное счастье стало заключаться в любви и желании несмотря ни что помочь ближнему. Человек жил, познавал тяжелую правду и печальный финал во всех возможных проявлениях, но при этом он выбирал жить так, чтобы и рядом находящийся полюбил и принял свою судьбу. Только с помощью этой идеи можно было сохранить счастье в таком сложном существе, как человек. Люди не верят в любовь и добро, но, когда теряют всё, у них встает выбор – или манящее самоуничтожение или наивное самоотвержение. И там, и там конец один: везде Левиафан отыщет тебя и сделает то что предопределено. Но совершая что-то для других, люди и себя странным образом чувствовали счастливыми. Нагваль, ссылаясь на легенду и свой опыт, назвал этот способ распространения счастья Ме-

тастазами. Они расходятся и захватывают всё больше пространства, прямо как рак; но источник их, а конкретно сам человек, должен в любом случае погибнуть. Несмотря на то, что сам организм и порождает Метастазы, остаться должен кто-то один. Рак идет против природы. Опухоль состоит из родных клеток организма человека. Но если Метастазы распространятся, человеку предначертано погибнуть, как и богам в легенде. Метастазы счастья так же не могут существовать, пока жив их создатель. Что-то необходимо приносить в жертву: либо путём самоуничтожения, либо самоотвержения. По-другому не изменить мир.

Назар оцепенел. В голове детали начинали постепенно складываться.

– То есть..., – в безумии осознания произнес он.

– На пятую ступень лестницы суждено добраться только одному. Можно бродить по четырём, познавая и испытывая себя, но успокоишься ты лишь, когда полностью исчезнешь. Нагваль шёл всю жизнь к концу со своей идеей. Улитка когда-нибудь всё равно достигнет Фудзи, а когда предстанет перед бездной, ей предначертано либо наконец-то упасть, либо...

– Полететь, – вспомнил слова Егора Назар.

Валера кивнул.

– Нагваль знал о неизбежной участи столкнуться с Левиафаном. Всему приходит неожиданный и совершенно необъяснимый конец. У жизни свои планы и расчеты. Неминуе-

мый миг настал. Лето же...

Голос задрожал, Сад начал бить кулаком о стену.

– Он знал... Знал, что идея изменения людей являлась самой значимой в жизни Коли. И если он не успел или не смог завершить дело, то у Егора это получилось. Он принёс себя в жертву ради той цели, который они и мы шли. Он произвел вспышку Метастазов по всему миру. Это трудно понять, но факт остаётся фактом. Со смертью Нагваля Лето утратил для себя что-то важное; то, что каким-то образом его держало в этой жизни. Когда он узнал о кончине своего друга, ему больше нечего было терять, и он стал неуязвимым. Я лично был свидетелем этого. Что творилось с Егором за последние дни выходило из рамок человеческого понимания. Даже в этой хронологии страшных событий он увидел скрытый толчок к действиям. Жизнь забрала родного человека, который когда-то спас его, тогда в ответ Егор отдал свою. Лето заключил сделку с Левиафаном. Этим ходом он воплотил идею Нагваля, ради которой он преодолевал лестницу.

Назар замер, чувствуя себя ни живым, ни мертвым. Вся жизнь являлась непонятной и абсурдной, но сейчас абсурд стоял в одном ряду с чудом.

– Монстр поработил их обоих. Нагваля, как воина, а Лето, как верного, любящего друга. Но монстр всё же исполнил их просьбу и распустил Метастазы, сделав многих людей счастливыми.

– Егор знал эту легенду? – поднял голову Назар.

– Конечно, – улыбнулся с блестящими глазами Сад.

Молчание воцарилось в помещении. Всё будто закончилось, и ничего нельзя было поделать. Произошел переворот в судьбах, для каждого воспринимаемый по-своему. Но всем оставалось только его принять и больше ничего.

– Неужели такое бывает... – глядел в одну точку Назар.

– Как видишь, у этих парней получилось. Они сделали людей счастливыми.

– А мы?

– Мы те, кто любили их больше всего. Такова цена любви. Метастазы убивают создателей. Рак уничтожает собственный организм.

– Что нам с этим делать?

– Учиться жить дальше, – тихо сказал Сад, – в новом мире.

Назар поднял глаза на друга, но долго не мог сфокусировать взгляд и в итоге опустил голову. Там жизнь. И вокруг жизнь. И впереди жизнь. И не ясно, что с ней делать и что она сделает с тобой. Нагваль и Лето знали. Знали, потому что победили мироздание. Ради остальных людей.

...

Семен Павлович Валдаев заперся в своем кабинете. Он закончил со всеми делами с холодной отреченностью и никого не хотел сейчас видеть. За окном сгушались вечерние краски, и в его душе царил похожий убаюкивающий мрак. Он листал новости в телефоне. Интернет гремел свежими статьями и видео-отзывами о произошедшем погроме. Без-

различным взглядом лейтенант наткнулся на фотографии, сделанные на улицах города: плакаты и постеры с портретом того самого инициатора исторического движения можно было заметить над головой чуть ли ни у каждого прохожего. Корреспонденты спешили взять интервью у жителей города.

«— Как впечатление после вчерашнего?»

— Мне кажется, что ничего не закончилось и весь город продолжает танцевать, — смеялась счастливая девушка.

— Вы тоже выходили на улицу поддержать акцию?

— Конечно.

— Как вы о ней узнали?

— Мой друг внимательно следил за действиями организаторов, а потом показал мне видео с приглашением на прогулку.

— И вы согласились?

— Я поняла, что вышла бы в любом случае.

— Как думаете, все люди знали на что идут?

— Да. Внутренним чутьем. Мало кому доводилось испытать подобную эйфорию.

— Понятно. А знаете кто стоит за этим?

— Конечно, — расплылась в смущенной улыбке девушка.

— И кто они?

— Метастазы.»

Портреты с Лето опередили по счёту лишь упоминания о неких Метастазах. Репортёр спешил обратиться к двум парням, до пояса исписанным маркером данной аббревиатурой.

«— Как настроение? — интересовалась женщина, пока на заднем фоне кучка молодых ребят скандировала песню.

— Отлично, просто отлично, — дополняли они друг друга.

— Вам понравилась вчерашняя дискотека?

— Думаем, её услышал весь мир, — говорил в камеру один.

— Если бы не она, то я бы умер со скуки, — добавлял другой.

— Почему люди вышли на улицу?

— Они захотели сделать добро. Народ доказал, что на самом деле человек способен на хорошее.

— Как именно они делали добро?

— Вернули к жизни друг друга общим стремлением, — помог товарищу второй парень.

— Люди не боялись?

— Нет. Совсем нет. Ни полиции, ни ОМОНа, ничего.

— Мы это отчётливо видели в глазах людей.

Репортерша не сдержалась и тоже улыбнулась.

— У вас по всему телу бросается в глаза надпись «Мета-стазы». Что она означает?

— Это... Это значит, что мы в одном общем деле.

— Каком?

— Мы выбрали жизнь и хотим жить так, чтобы и другой человек её выбрал и полюбил.»

Валдаев смотрел на цифровые данные, по которым лишь в одном центре города вчера зафиксировали около десяти тысяч человек. Часть этих людей не хотели прекращать празд-

ник и считали долгом продолжать танцы на улицах. С колонок и бумбоксов играли биты очень похожие на ночные. Молодежь вела себя раскованной и доброй. Ребята подходили и обнимали прохожих людей без особой причины, поддерживая массовое настроение.

«— Как вам вчерашняя музыка? — спрашивала та же женщина у довольно зрелого мужчины.

— Супер музыка. Настоящий рейв. Я хоть такое сейчас не слушаю... Но вспомнился дух молодости.

— Не испугались, увидев пляшущую толпу людей по всему городу?

— Нет. Я танцевал вместе с ними, — признался мужчина.

— Не считаете странным подобное выступление?

— Всё к тому и вело. Многие ждали от ребят агрессии, а они обыграли верхушку. Они побудили народ не к войне, а к демонстративному миру.

— Вы это одобряете?

— Конечно. Я скептически относился к попыткам изменения людских устоев и системы, но когда сам попал под влияние одного человека, я поверил в Метастазы.

— Кто этот человек?

— Егор Летаев.

— Что он сделал?

— Вместе со своими друзьями он подарил обществу идею, за которую стоял до конца. Многие будут не согласны, ведь у каждого своё мнение и взгляды. Но факт храбрости и твёр-

дости его веры неоспорим.

– Это лицо Егора на портретах и плакатах?

– Да. Парень заслужил. Он погиб за свою идею и теперь она останется в головах людей, а может, и изменит их в лучшую сторону.

– Это идея Метастазов?

– Да.

– В чем она заключается?

Народ продолжал громыхать на заднем плане, но мужчина не прервался.

– В побуждении к жизни другого человека. Быть готовым воодушевить, чтобы другой стал счастлив. Методы и способы различны, но конечная цель одна.

– У людей получится?

– Да. Сейчас народ под большим впечатлением, но будем вместе верить, что это не забудется и всегда останется жить внутри нас. Один человек смог, значит и у остальных получится.

– Вы знаете, как он погиб?

– Нет. Но я думаю, что для него этот шаг являлся сущим пустяком, – уверенно заявил мужчина, – последняя ступень к общему результату. Парень не ограничивался одной жизнью и смертью. Он заставил людей забыть о страхе.

– Спасибо вам за интервью.»

Лейтенант без устали просматривал каждый раздел, где хоть что-то упоминалось о произошедшем событии. Больше

и больше загружалось в ленте фото и видео. Больше рождалось спорных мнений. Информация неизбежно попадалась на глаза Валдаева. Нельзя сказать, что он испытывал злость и несогласие. Семена накрыла апатия, стены которой не смогло бы пробить даже самое провокационное заявление. На счет смерти ,произошедшей на площади Н. ничего не упоминалось. СМИ решило не выносить на обсуждение публики убийство кумира. Намекающие высказывания или предположения можно было лишь отыскать в источниках постправды; на массовых обзоримых платформах ничего компрометирующего найти было не реально.

Валдаев достал старую пачку сигарет и закурил. Перед ним лежало уголовное дело Егора Летаева. В едком дыму он открыл последние страницы и в десятый раз перечитал заключение:

«По факту вооруженного нападения на представителя законной охранительной власти действия и намерения гражданина Е. А. Летаева были ликвидированы. По существующей информации гражданин Е. А. являлся организатором запрещенной группировки, деятельность которой представляла опасность для общества. По полученным данным деятель ранее привлекался органами полиции по делам о разбое, воровстве, а так же нападении на частные государственные объекты. В ходе сопротивления Е. А. Летаев получил огнестрельное ранение, которое, несмотря на оказанную первую медицинскую помощь со стороны сотрудников полиции, ста-

ло летальным. Тело преступника было отправлено на следственную экспертизу...».

Лейтенант несколько раз пробежал глазами составленный протокол. Этими словами всё заканчивалось. Дальше не было смысла продолжать. Подлинная история останется в головах у Валдаева и тех свидетелей, кто присутствовал на площади. Дело необходимо было замять в интересах безопасности правоохранительных лиц. Теперь существует лишь липовая папка на случай разбирательства и куча необоснованных теорий о случившемся. Ни на секунду образ Егора не покидал Семена. Мужчина помнил взгляд парня и его улыбку. Падение своего главного врага не принесла лейтенанту никакого облегчения. В случае с Лето смерть представилась чем-то новым, выходящим из рамок известного и понятного. Парень дал продолжение другой жизни, не собираясь оставаться играть в общем болоте. Ему было плевать на противников своей идеологии, он просто прошёл мимо и направился дальше. Куда и каким образом – Валдаев не мог даже предположить, но отчётливо понимал, что Лето в курсе. Парень покинул человеческий мир и бросил здесь всех остальных. Всё равно, что и как про него напишут, в каком свете преподносят его гибель. Этого человека больше нет, он лишь история сфабрикованного уголовного дела.

Семен достал ещё одну сигарету. Его глаза смотрели в тёмную пустоту. Ему вдруг показались все им предпринятые действия такими глупыми и незначительными. Будто вся

жизнь пролетела в неосознанном гипнозе. Принципы и выводы потеряли смысл. Он словно очень долго и усердно возводил огромное здание и считал это важно необходимым. Он верил в него и призывал других им восхищаться. Но вскоре понял, что на самом деле никому оно не нужно. В нём никто не захотел жить. Никто не захотел заходить в него и смотреть, что там твориться внутри. У всех имелись собственные здания, которые они самозабвенно лелеяли, а на чужие было плевать. Сейчас собственное строение стало безразлично и Валдаеву. Его творение растворилось в общей бессмыслице. Всё оказалось просто. Жизнь, смерть. Ничего лишнего. Ему сейчас ничего не хотелось, кроме одного. Лейтенант закрыл папку по делу усопшего, потушил четвёртый окурок о дно пепельницы и направился за своим старшим сыном в камеру, чтобы вместе отправиться домой.

Лёша сидел на переднем сидении и молчал. Он не мог ничего изменить и понимал, что дальше вести войну с родным отцом глупо. Семён тоже не собирался продолжать ссору. Ему не хотелось ругаться и проводить нравоучения. Он спокойным голосом позвал сына и он пошел. Валдаев следил за дорогой, держа руль двумя руками. В голове томилось желание наконец-то оказаться дома, подальше от всей этой вечной трагедии. Суэта превращала людей в молчаливых трупов. Живой лишь оставалась ценность семьи. Лёша разглядывал огни города и гуляющих людей. Они возвращались к тишине после ежедневной бури.

Валдаев остановился у магазина и в одиночестве направился за покупкой. Вернулся отец с пакетом сладостей.

– Вы в детстве с Кирей любили эти заварные пончики, – передал он аккуратно пирожные в руки сыну.

Лёша вспомнил кондитерские изделия своего детства. Они действительно с братом могли их съесть килограммами.

– А ещё обожали смотреть Спанч Боба и есть горячие бутерброды с сыром, – завел мотор Семён.

– Медузье желе, – вслух вспомнил юноша, как они с братом называли блюдо.

– Точно.

Им оставалось совсем немного до конца пути. Оба наслаждались обволакивающим покоем. Валдаев бесконечно повторял про себя: «Только бы оказаться дома, только бы оказаться дома ...».

На пороге ребят встретила Лариса. Обеспокоенными глазами она убедилась, что родной сын в порядке. Семён заранее предупредил жену и попросил не затрагивать болезную тему. Женщина была рада возвращению двух мужчин и совершенно не собиралась бранить или наказывать ребёнка. Своей мудростью она ко всему относилась со смирением.

– Мы купили сладости к чаю, – сказал Валдаев.

– Молодцы, – улыбнулась Лара.

Семён внимательно изучал выражение лица жены. Вероятнее всего, последние новости не обошли женщину, и она

была в курсе произошедшего. Но несмотря ни на что, она оставалась на стороне мужа. Ей без разницы кто был прав или не прав, она любила и считала долгом находиться за спиной родного человека. Лейтенант чувствовал эту поддержку. Преданность в подобных ситуациях становилась жизненно необходимой.

– Ужинать будете?

– Конечно, мы голодные как волки, – улыбнулся Семён, Лёша одобрительно моргнул глазами.

Лара погладила по лицу старшего сына, словно вспоминая руками его кожу, и ласково произнесла:

– Тогда я сейчас быстро доготовлю и вас позову. Устроим вкусный совместный ужин, а на десерт слопаем пончики!

Воодушевленно она вернулась на кухню. Вернувшийся мир в семью не мог её ни радовать, женщина расцвела на глазах. Единственное что вставало наперевес сумасшествию в мире – это семья. Мир предаст, мир обманет, мир забудет, но любовь к семье навсегда останется поводом бороться и жить дальше.

Валдаев зашел в комнату к младшему сыну. Тот что-то увлечённо рисовал за своим столом. Маленькие ручки совершали чёрным карандашом наброски на белый лист. Семён тихо подкрался сзади и заглянул сверху на творчество Кириллы. Мальчик создавал супергероя с плащом за спиной, вытянутым боевым кулаком, поражающим злодеев, и улыбкой на лице.

– Привет, – произнес отец.

Кирилл резко обернулся.

– О, привет, пап, – он отвлекся от дел и обнял папу.

– Рисуешь? – спросил Валдаев, разглядывая рисунок.

– Да.

Отец был знаком со многими мультфильмами про супергероев, но сейчас никак не мог состыковать детали.

– А почему у тебя супермен лысый и бородатый?

– Это не супермен, – заявил сын с хитрой улыбкой.

– А кто? – удивился Семён.

– Это Лето.

Тут лейтенант ощутил нарастающее сердцебиение.

– Кто?

– Егор его зовут. Егор Лето.

Мужчина осознал, что ему не показалось. Он испепеляющим взглядом смотрел на рисунок. Мир перестал быть прежним уже окончательно.

– Он наш с друзьями герой. Я хочу с ним футболку, – сын с энтузиазмом делился впечатлениями с отцом, – представляешь, пап, он сделал всех людей счастливыми.

Слова сына до Семёна доносились, словно сквозь густой туман. Он глядел на супергероя и вспоминал молодого парня, скончавшегося на его глазах. Он не понимал, зачем и для чего всё произошло. Там ещё летели пузыри. Мыльные пузыри.

– Как он сделал их счастливыми? – выдавил он из себя.

– Он включил им музыку, – гордился Кирилл своими познаниями, – и люди начали танцевать. Представляешь, весь город танцевал.

Пузыри летели вверх. Их было много. Летели и становились облаками. А облака просто продолжали плыть по небу. Просто плыть. Как люди просто улыбаются. Как люди просто любят. Как люди просто живут. Им ведь по сути большего и не надо. Всё остальное – лишнее. Всё остальное – не нужное.

– Он придумал Метастазы, – продолжал сын, – ты знаешь, пап, что это такое?

– Что это?

– Это когда люди любят друг друга и на всё ради любви готовы, – продолжал корректировать свой шедевр мальчик, – как ты любишь нас с мамой. Как мы любим тебя.

Семён не двигался. Его тело будто парализовал мощный разряд по телу. Глаза созерцали рисунок.

– Метастазы изменяют мир.

Егор действительно жив. Его не подстрелили тогда. Все пули прошли мимо. Он не падал на асфальт и не истекал кровью. Он жив. Он продолжит своё дело в головах других людей. Он не может исчезнуть.

– Пап? – Кирилл заметил ступор отца.

– Что?

– Метастазы ведь изменяют мир, правда?

Семён сделал долгую паузу. В глазах человека что-то непоправимо и навсегда поменялось. Мир перевернулся

внутри. В тот момент, будучи абсолютно уверенным в правоте своих слов, он ответил:

– Да, сынок, правда.

Кирилл не сдержал порыва чувств и ещё раз обнял папу. Тот улыбнулся, ощущая в душе благодарность. Он не знал, что с ней делать, но обязательно в скором времени поймёт и сохранит понимание на всю оставшуюся жизнь.

В том же загадочном состоянии Семён прошёл на кухню, где его жена, стоя спиной к нему, готовила ужин. Он подошёл сзади, уткнулся лицом ей в плечо, а руку положил на живот. Лариса замерла, а потом в ответ накрыла его руку своей ладонью и щекой потерлась о его волосы. Она была рядом и обещала оставаться до самого конца. Мужчина не спешил отходить от любимой жены. Он понял что-то важное для себя. Что-то, чего нет глубже и мудрее на свете. Лето говорил, что у всего есть две стороны медали. И у хорошего, и у плохого. У всех людей выбор стороны отличается. Но, кажется, сейчас весь мир замер на какой-то одной стороне, и наконец-то стало всё ясно и правильно. Семён не хотел скрывать больше свои слезы. Он согласился быть проигравшим в этой жизни, но при этом остался счастливым. Потому что жизнь могла отнять всё, но только не любовь к родным.

На следующий день старший лейтенант Семён Павлович Валдаев закрыл протоколы по участникам и организаторам недавнего экстремистского движения и отпустил всех ребят на свободу. Сам же мужчина спустя двадцать с лишним лет

добросовестной службы государству подал в отставку.

...

Назар покинул полицейский участок свободным человеком. Глаза резало солнце. Они привыкли к тусклому люминесцентному свету. Лёгкие наполнились свежим прохладным воздухом. Парень увидел впереди возле неизвестной машины тех людей, с которыми сейчас больше всего хотел находиться рядом. Олеся бросилась навстречу лучшему другу. У Назара задрожали ноги от мысли, что по нему скучали так же сильно, как и он.

– Назар! Назар! – девочка обхватила руками шею парня.

– Привет! – прижал он её хрупкое тело к себе ближе. – Как ты нарядилась! Тебе очень идёт!

Олеся действительно была одета просто прекрасно. Белые цветы на её платье идеально сочетались с рыжими пышными волосами.

– Спасибо...

Девочка хотела ещё что-то сказать, но подошел Валера, и она пропустила брата вперёд.

– Но здравствуй, уголовник, – пытался поддерживать оптимизм Сад, – ты теперь террорист номер один?

Но радости в лице невозможно разглядеть. Валера совсем потускнел, ослаб и похудел. За то время, которое они не виделись, у того набухли вены на лбу, кожа покрылась морщинами, а глаза превратились в черное колодезное дно. Хотя сам Назар выглядел не лучше.

– Да у нас вообще теперь, похоже, нет преступности, – усмехнулся парень, – участок пустой.

– Да, я слышал, что Валдай тронулся. Но, видимо, в хорошую сторону.

– Все стали добрыми, – напомнила неожиданно Олеся главную новость.

Назар заглянул в глаза девочки и увидел подступающие слезы. Капельки дрожали подобно росе на лепестках веток. Девочка пыталась спрятать в себе страшное осознание, и у неё получалось лучше, чем у остальных. Когда Назар заволновался, Олеся уже вновь улыбалась ему. Парень опустил на корточки и ещё раз прильнул к малышу.

– Как остальные ребята? – поднял он глаза на Сада.

– Пороха выперли с радио, – даже в усмешке его глаза продолжали оставаться мрачными, – теперь революционер безработный. С Яной вроде всё в порядке, вот её машину позаимствовали...

– Сегодня у них концерт! – восторженно заявила Олеся.

Назар удивился.

– Какой концерт?

– Да не концерт, – отмахнулся Валера, – просто хотим группой поиграть на Манеге. Народ нас поддерживал, хочется его отблагодарить. Мы гадали, когда лучше, но раз и ты освободился, то...

– Группа «Сияние» возвращается! – продолжала настаивать девочка.

– Ничего себе, – улыбнулся Назар, – значит и я приглашен?

– Конечно!

– Сегодня в восемь вечера попробуем организовать, – монотонным голосом говорил Сад.

Назар понял, что его друг очень изменился.

– Будет сюрприз, – закивала головой девочка, – тебе очень понравится.

– Не сомневаюсь.

Сад молча глядел на асфальт, а затем вернулся в реальность.

– Ты куда сейчас?

– Думаю, надо проведать свой чулан и телефон врубить.

– Хорошо, – Валера копался в своих мыслях, – ты можешь к нам переехать. Наверное, так будет лучше.

– Посмотрим. Давай до завтра оставим. Сегодня у нас великий концерт.

– Ладно, понял, – вновь усмехнулся Сад, а затем подал свою холодную руку, – тогда до вечера? Нам еще по делам кое-каким нужно...

– Для сюрприза, – пояснила девочка.

– Хорошо, – Назар чмокнул её в щеку и пожал другу на прощание ладонь, – до вечера.

Парень проводил взглядом своих друзей до машины. Вскоре они скрылись во дворах. Назар постоял немного на месте, чувствуя какую-то потерянность. Оглянулся назад,

потом на дома в округи. Ноги совершенно не желали сдвинуться с места. Асфальт слишком ледяной. Деревья слишком не живые. Мир никогда не станет тем, каким был раньше. Опасно в нём оставаться одному. Огромная пропасть, которую видишь только ты и подобные тебе. Можешь сходить с ума, можешь продолжать бороться, можешь выдумать что угодно. Ходи со стеклянным взглядом, отвечай на вопросы нелепым сарказмом, пытайся найти за что зацепиться, чтобы выкарабкаться из мёртвого состояния. Пятиступенчатая лестница не избавляет от депрессий, она их преобразует. Счастье явилось, но не одно.

Назар дошёл до ближайшей кофейни и зашел внутрь.

– Можно у вас зарядить телефон? – обратился он к девушке.

– Надо что-то заказать.

– У меня нет денег.

Если бы она ему отказала в просьбе, он бы пошел на поиски дальше, совершенно не расстроившись.

– Ну и ладно. Подзарядите ваш телефон.

У девушки что-то щелкнуло в голове, и она решила помочь незнакомцу.

– Спасибо, – Назар выдавил улыбку, – я тогда в уголке спрячусь.

– Хорошо.

В заведении присутствовало не больше трёх человек, поэтому Назар остался в незаметном одиночестве. Он подклю-

чил телефон к зарядке. Внутренняя интуиция подсказывала, что мобильник таит много неизвестного и упущенного. Так и оказалось. Пропущенные звонки от Валеры и Яны. Он безразличным взглядом проматывал рекламы, затем СМС приятелей, но никак не мог найти нужное. На Ютубе высветился ролик с рейва. Пальцы юноши были ледяными, он пытался несколько раз нажать на «play», чтобы добиться результата. На смонтированном видео танцевал народ. Тысячи людей заполнили улицы вдоль и поперек, двигаясь под знакомые биты. Назар слушал счастливые вопли, ощущал сотрясение земли, его замороженный взор не мог оторваться от бывшего великолепия. Камера сняла танцы с разных районов города. Кадры чередовались, как и люди. Лишь биты оставались постоянными. Это биты Лето. Те, которые он воспроизводил в лесу и в заброшенном театре. Парень мог смотреть без остановки. Люди просто танцевали, музыка являлась односложной, но Назар находил в безумстве неопишемую красоту. Как дурак, позабывший обо всем на свете, не прекращал улыбаться.

Вскоре он наткнулся на видео, которое записал Егор. Обращение после гибели главаря оказалось на просторах всеобщего доступа. Назар с замиранием сердца включил тот самый ролик, который побудил людей к действиям:

«Я хочу обратиться ко всем гражданам нашего города, – всё тот же уставший, но пылающий внутренним огнём Егор; такой, каким его и запомнят люди, – после всего, что мы вме-

сте сделали и чего добились, вы ждете от меня решающего рывка, но этого не будет. Пару дней назад случилась трагедия. Наш мир покинул мой любимый друг, – Назар переживал, что испугает своим видом окружающих, – он был замечательным врачом, отцом и тем человеком, который всегда готов прийти на помощь. Его имя Николай Николаевич Кремлёв, но для нас он был и останется мудрым Нагвалем. Он создал и придумал Метастазы. Идее, которая нами сейчас движет, мы благодарны ему. – Большую часть записи Лето смотрел в пол. – Когда-то мы договорились изменить мир. Это невозможно, но мы верили. У нас имелись силы и мотивация, но у вершины цели у нас возникли разногласия. Я не понимал, зачем он помогает отдельным людям; не понимал, зачем спасать безнадежные единицы, когда в руках миллионы. Я не слушал его и считал слабым. Но когда он ушёл, я... Я осознал что может значить один человек. – Не верилось, что это видео предполагалось последним; Назар прикусил кулак. – Единица. Всего лишь частичка одной огромной массы. Но эта частичка может представлять для кого-то целый мир. Тогда я понял, что мы в первую очередь являемся глупыми в тот момент, когда считаем себя предельно просветлёнными. Нагваль помнил это. Как и то, что мир можно изменить, начиная с единственного числа. В большинстве случаев, этим единственным числом оказываешься ты сам. Метастазы не являлись тем механизмом, который перепрограммирует человека, они выступали в роли толчка к про-

буждению. Ведь человека не поменять, если сам он не изменится внутри. Так же не поменять мир, если человек на него не посмотрит другим взглядом. Нагваль хотел своими действиями изменить именно взгляд людей. Чтобы они сами захотели меняться. Он нашел средство и формулу. – Лето на секунду замолк, а затем поднял глаза, обратившись к камере. – Мне хотелось обратить больше внимания на идею, вынести наши старания на общий обзор, стать героями... Сейчас я хочу лишь одного и больше ничего. Хочу, чтобы завтра вы вышли на улицу и начали танцевать. Зовите своих друзей, знакомых, детей и просто радуйтесь жизни. Никаких требований, переворотов, скандалов, разрушений. Просто музыка и танцы. Я хочу, чтобы вы это сделали ради моего друга. Он представлял жизнь и смерть как единое целое. Как вечное освобождение, безостановочный танец. Скорбеть и грустить можно всю жизнь. Мне хочется, чтобы сейчас вы сделали в память о нём самое трудное, а конкретно: стали на вечер свободными и счастливыми. Каждый из нас погряз в трясине проблем и разочарований. Но один человек жил ради того, чтобы другие стали чуть счастливее. Давайте исполним его мечту. Больше никакой войны. Никакой революции. Просто выйдем всем городом на улицу и предадим своё незначительное временное существо танцу. На грусть, абсурд и безысходность ответим музыкой. Дата и время – сегодня в 22:00 . Место – повсюду. Жду вас. Выходите, танцуйте и заражайте счастьем друг друга. Превратим один день

нашей истории в сказочную утопию...».

Запись оборвалась. Экран стал черным. Лето исчез навсегда. Оставалось лишь только пересматривать видео и лицезреть полученный результат его стараний. Назару еле как удалось оторвать глаза от телефона. Таким же прикованным взглядом он уставился в окно. Вроде что-то и происходило на улице, но сейчас оно не улавливалось разумом. Что-то и было, но для парня не существовало. Может, что-то важное или наоборот мелочное, но и то, и то оставалось вне поля осязаемости. Глаза не моргали. Напряжённые белки покрылись лопнувшими сосудами. Если бы прошло тысячу лет за витриной, Назар бы не заметил. Если бы его жизнь закончилась и началась следующая, он бы не отреагировал тоже. Круговорот вещей продолжался, но парень из него каким-то образом выбрался. Что это – нирвана? Или опустошение? Может, просто настигшее успокоение, которое не покинет его больше никогда? Мир человека. Мир вселенной со всеми её формами жизни. Всё крутится – вертится, а парень сидит и смотрит в одну точку. Невыносимая лёгкость или тяжкий груз. Вечное счастье или безвыходная тюрьма. Неискоренимая скорбь или многогранное познание.

Назар наткнулся на ещё одно письмо совершенно случайно. Оно хранилось на почте по подсчетам Назара с той самой минуты, как его приняла полиция на радиостанции. Лето, по всей видимости, написал и отправил пояснение сразу после того, как позвонил с доносом в участок. Назар чи-

тал его медленно, перечитывая и вдумываясь в каждое слово. Может, пытался найти в нём сакральный смысл, а может, просто хотел, чтобы оно не заканчивалось. Люди с подозрением кидали взоры на странного парня, сидящего в углу кафе; он не контролировал свои эмоции и выглядел настоящей жертвой сумасшествия. Он просто читал и погружался в письмо лучшего друга. Его сердце разрывалось от печали. Его щеки горели от слез. Его губы дрожали в непроизвольной улыбке. Он переживал миллионы чувств одновременно. Всё стерлось. Всё обнулилось. Всё растворилось. Письмо подошло к концу. Понимая, что владельцы заведения на грани того, чтобы вызвать психиатрическую бригаду, Назар встал из стола и поспешил убраться из кофейни.

Парень поплелся по улице в никуда. Он глядел по сторонам и сосредотачивался на каждой детали. Любая мелочь притягивала его существо и заставляла всё ощущать с ней воедино. В голове крутились одни и те же слова:

«Котан, если ты это читаешь, значит, у нас всё получилось. – Назар чувствовал, как ветер гладит листву деревьев. – Сразу хочу извиниться за очередную подставу с мусорами. Я тобою снова прикрыл свой тощий наглый зад. Кажется, некоторые вещи остаются неизменными. – Назар чувствовал, как летит к зеленой траве лист и опускается на темно-красный цветок. – Но это стоило того. Нагваль мог бы возмутиться в данной ситуации лишь на то, что его с собой не позвали. – Назар чувствовал, как серостью покрывается небо. – Мы хо-

тели жить так, чтобы захотели жить другие. Каким-то образом у нас это получилось. Я предполагаю всё потому, что мы крутые. – Назар чувствовал, как эхо пробегает по пустым подъездам старых домов. – Улитка добралась до вершины горы Фудзияма и кайфует над видом. Левиафан сожрал наши души, и его вставило, как самого заядлого рейвера. Думаю, народ отпляшет что надо. Жаль, что мы с тобой не увидим это чудо света. – Назар чувствовал, как где-то чайки горланят над океанским прибоем. – Но ничего страшного. Зато я, вероятнее всего, увижу растерянную рожу Валдая. Вот потеха будет. – Назар чувствовал, как белый песок несется вдоль берега и врезается в скалы. – Я за тебя не переживаю. У тебя есть то, что не отнять. Ты не пропадешь ни в этой жизни, ни в следующих; ни в этой реальности, ни в другой. – Назар чувствовал, как дышит лес и хранит многовековую тишину. – Чувак, я так люблю жизнь, если бы только знал! Прошу тебя, помни, что она прекрасна. Всё совершенно не сложно, а очень просто. Как говорит Олеся – «всё точно будет хорошо». Поверь, она знает наверняка. У неё дар, отвечаю. Берегите друг друга. – Назар чувствовал, как живут и умирают люди, как они повторяют с наслаждением и горем пути своих предков. – Мы все еще встретимся попозже. Мы обуздали петлю времени и бесконечное пространство нашей вселенной. Мы сами выдумали эту игру и выиграли. – Назар чувствовал, как Бог создаёт мир, потому что вдруг поверил, что может вот так всё просто вообразить. – Продолжай весе-

литься, смеяться и танцевать. Поверь это единственный верный способ прожить свою жизнь. – Назар чувствовал, как Бог смеется подобно маленькому ребенку и говорит, что всё будет однозначно хорошо. – Это точно, ведь так я стал счастливым и нужным. А еще люби. Эти слова стоят за Нагвалем, который всех нас спас и привёл к смыслу. – Назар чувствовал, как давным-давно успокоился и облегченно выдохнул весь мир, принимая ход вещей. – А теперь зацени видео, после которого Метастазы станут постулатом человеческого счастья. – Назар чувствовал, как улыбается и наслаждается своим предназначением его любимый друг.

Назар брёл по свету как беззаботный странник. Понимал, что вокруг происходит и чётко знал, что нужно делать. В душе он вечно боролся и любил. Черпал силы из глубоких недр веры, чтобы прожить эту жизнь, и смиренно ждал. Ждал того, что может по итогу оказаться глупым и нереальным. Но разве может врать вечное счастье?

...

Ближе к 8 часам вечера Назар подошел к Манеге. Парень не стал доходить до самой площадки, а решил заглянуть в гараж, догадываясь, что группа готовится на данный момент именно там. Так и оказалось. Порох с Яной молча настраивали инструменты, ситуация напоминала этюд с крышей. Только настроение изменилось. Яна подошла и крепко обняла приятеля.

– Мы рады, что ты снова с нами, – она чмокнула его в

щеку.

– И я, – признался Назар, – как ты?

– Ничего, – улыбнулась она.

– Привет, герой, – отвлекся от барабанов Порох, – говорят, что ты прикрыл всю мусарню?

Шутки продолжали оставаться теми же, но не лицо балагура.

– Есть такое. Вы все хорошо постарались.

– Это было потрясающе, – уверяла Яна.

– Я знаю.

– Количество слушателей нашего радио побило за одну ночь все рекорды, – похвастался Порох.

– Тебя уволили?

– Да пошли они! Я им публику собрал, а они сраные моралисты...

Назар усмехнулся и похлопал с сочувствием товарища по плечу.

– Назар пришёл! – раздался позади голос Олеси.

– Я не мог не прийти на такое событие. Если помнишь, именно с вас началось мое знакомство с Метастазами?

– Да. В переходе, – подтвердила девочка.

– Когда мы уносили ноги от охраны, – на пороге появился во всём чёрном Сад.

– Точно.

– Кажется, мы неплохо тогда выступили, да сестренка?

– Естественно.

Малышка не могла нарадоваться визиту Назара, а тот понимал, что ему ничего не нужно, кроме присутствия друзей.

– Хочешь, мы тебя в первые ряды проведем? – спросил Валера.

– Нет, спасибо. Думаю, из толпы вас наблюдать атмосфернее.

– Хорошо, – выдохнул Сад, – тогда пора. Подведем красивую черту.

Олеся хотела чем-то поделиться с Назаром, но брат её повел за собой.

– Ты с нами сразу пойдешь, дорогая.

Девочка надулась, но затем с улыбкой помахала другу рукой. Команда собрала аппаратуру и направилась за гаражи.

– Скоро увидимся, – бросила Яна вслед Назару.

– Удачи! – пожелал парень и пошел в противоположную сторону.

Вместе с остальным народом Назар дошёл до площадки. Скопление людей стремительно нарастало. Все удивленно смотрели по сторонам и гадали, где будет проходить выступление. Парень встал в общей толпе ребят, к внешнему образу которых очень привык. Те же разукрашенные неформалы, творческие личности, рейверы, подростки, но сейчас встречались и совершенно шаблонные типы среднего рабочего класса. Курили, пили пиво, обсуждали прошедший рейв, смерть Лето и предстоящий концерт. Никого не беспокоила облава. Люди породнились и больше не чувствовали страх

перед законом.

Время: начало десятого. Солнце спряталось за серыми тучами. Наконец толпа загудела и под общий шум на крыше одного из гаража показались виновники торжества. Участники группы организовано распределились по своим местам, не заставляя никого ждать. Они не разговаривали меж собой, а лишь пристальным взором разглядывали публику. Порох сел за барабаны, Яна подвесила на плечо гитару, а Сад прильнул к микрофону.

– Раз... Раз... Хорошо слышно? – раздался голос Валеры.

– Да! – завопили разом.

– Спасибо, что собрались на нашу коду, так сказать... Нам очень приятно вас видеть. Как вы знаете, нас в группе должно быть четверо, но сегодня мы постараемся заменить дорогого нам Мишу втроем. Помимо его трагедии нас собрала ещё одна беда. Не буду много говорить об этом, ведь каждый здесь присутствующий в курсе дел. Давайте такой душевной атмосферой скажем им спасибо за всё. Они изменили мир. Они пустили в жизнь Метастазы. Да, жизнь всё расставит вскоре на свои обычные места. Как бы нам не хотелось, всё повторится и зло не уйдет, но.... Метастазы, добро, любовь, Бог, – перечислял низким тоном Валера, – нам нужно во что-нибудь верить, чтобы выдержать испытания. Верить отчаянно и самозабвенно. Посвящаю эти песни не тем, кто ушёл от нас, а всем тем, кто остался.

После этого заиграли инструменты и загрохотали дина-

мики. Огромная толпа народа вскинула руки вверх и задвигалась в такт музыке. Валера чередовал треки популярных групп вперемешку с авторскими. И те, и те публика охотно подпевала. Народу становилось больше. Назар оборачивался и осознавал, что не видит границ фан-зоны. Порой и самих исполнителей невозможно было расслышать под общим пением. Зрители обнимались, смеялись, вытирали слезы, но не покидали воцарившуюся гармонию. Когда заиграла композиция группы СЛОТ «Круги на воде», ребята достали свои телефоны и включили фонарики. Миллионы светлячков озарили тёмное пространство. Подобно увеличенному в микроскоп небесному одеялу Манега засияла своими огнями. Поминальная грустная песня оказалась близка каждому. Тоска и боль высвобождались изнутри. Душа лечилась пониманием ближнего. Всем необходимо было чувствовать родство, никто не хотел возвращаться в несчастное одиночество. Огни мобильных освещали небо, а слившиеся воедино голоса оглушали космос.

Под самый конец Валера прервался, призвав этим жестом к молчанию.

– Последнюю песню я хочу, чтобы мы спели небесам. Чтобы нас услышали те родные люди, которых с нами уже нет, – у Сада загорелись глаза и он посмеялся впервые за время выступления, – Лето однажды предложил наложить на его стихи нашу музыку. Мы постоянно шутили друг над другом. Я говорил, что его стихи макулатура, а он называл мой рок

гормональным высером.

Народ засмеялся, вспоминая диджея.

– Но на самом деле я не встречал человека гениальнее, чем Егор. Каждую строчку из своего стиха он пережил на своей шкуре. Каждый сведенный бит попадал прямо в сердце.

Снова тяжёлое молчание.

– Этот стих он написал после смерти Нагваля. Моего второго отца. Он прочитал его на похоронах. Стихотворение посвящено не конкретному человеку, эти слова обращены ко всем. В скором времени мы окажемся там. Может, там хорошо, может, и не очень. Отец говорил, что вся наша жизнь хоспис и не знаешь, кто и когда окажется следующим. Но ещё он говорил, что надо успеть стать счастливым навсегда уже в этой жизни. Нигде не найдётся покоя, кроме как здесь и сейчас.

Мёртвая тишина накрыла площадку. Зрители буквально застыли перед вступительной речью.

– Поэтому поспешите стать счастливыми и сделать такими остальных. А мы с моей младшей сестрой Олесей всё-таки исполним просьбу нашего любимого друга.

Назар не мог поверить своим глазам, когда на сцене появилась маленькая рыжая девочка в платье с белыми цветами. Она немного смутилась перед количеством народа, но её брат встал в поддержку рядом. Олеся взглянула ему в глаза и набралась храбростью. Назар от переживания сжал руки в

замок прямо у своего лица.

Наконец Валера взял в руки гитару и задал темп остальным участникам. Олеся сфокусировала глаза на одной точке и начала петь стихи, написанные рукой Егора.

– Тем, кто отправился к началу
Будут светить бесконечно звезды.
А долгие жизни полные печали
Тем, кто ещё на время остаётся.
Мы здесь просто так, ни зачем,
Вольные несчастные частицы
Если ты не для кого и я ни чей,
Почему нам так тяжело проститься.
Просто в пустоте танцуют и летают атомы.
Просто люди живут, любят и умирают заново.
Просто... Просто.... Просто...

Она тянула слова куплета своим звонким детским голоском, поражая до глубины души всех присутствующих. Взявшись друг за друга, люди наблюдали за невероятным выступлением девочки. Но Назар видел, как Олеся со спокойствием относится к реакции окружения. Она пела для любимых, как сказал Валера. Для Нагваля и Лето.

– Здесь наша жизнь пленница
Без смысла и без сути

Я тебе обещаю – мир изменится

Но нас в нём уже не будет.

Просто в пустоте танцуют и летают атомы

Просто люди живут, любят и умирают заново.

Просто... Просто... Просто... Нас в нем уже не будет...

Просто... Просто... Просто... Нас в нём уже не будет.

На этой фразе она начала понижать голос и вскоре за-
тихла. Публика взорвалась овациями. Даже сами участники
группы не выдержали и в порыве чувств накинулись на Оле-
сю. Яна, отбросив гитару, со слезами на глазах прижимала
к себе девочку. В какой-то момент все четверо музыкантов
стояли в одном кругу, прижавшись друг к другу. Народ гал-
дел и аплодировал. Назар кричал громче всех, не жалея голо-
совых связок. Кто-то из толпы достал букет и подарил Оле-
се. Она словно не знала, что с ним делать, но потом Валера
вместе с ней принял комплимент. Группа «Сияние» поклон-
илась скандирующей толпе.

– Спасибо большое, – поблагодарили народ ребята и по-
тихоньку начали удаляться со сцены.

Назар молниеносно встрепенулся и направился скорее к
гаражу, он старался не привлекать внимания. Музыканты де-
лились впечатлениями и пили воду, когда Назар ворвался на
эмоциях внутрь.

– Вы молодцы! Вы такие молодцы! – разгоряченно вос-
кликнул он, а затем накинулся на Олесю. – А ты! Ты самая

большая молодец!

Девочка подвисла в воздухе и даже не думала отлипнуть от Назара.

– От тебя невозможно было оторвать глаз!

– Спасибо. Я старалась, – девочка сияла от счастья.

– Вы просто лучшая группа на свете! – искренне твердил Назар, обращаясь уже к остальным.

Все посмеялись и обнялись, объединяясь в круг.

– Мы чуть ли не собрали второй космический рейв!

– Да нам нужен стадион теперь для концертов!

Друзья окунулись в небытие, будто всё хорошо, как раньше. Но тут неожиданно у Назара в кармане завибрировал телефон. Парень отпрянул и с испугом посмотрел на незнакомый номер.

– Да.

Все замерли в ожидании. Назар не говорил ни слова, а стоял окаменевшей статуей с мобильником возле уха. Напоследок лишь произнёс:

– Сейчас будем.

Ребята вопросительно уставились на товарища.

– Звонила Елена Ивановна, – губы Назара побледнели. – Сказала скорее ехать в хоспис.

...

Объяснений никаких не прилагалось. Назар, Валера и Олеся вызвали по-быстрому такси. Яна с Порохом остались, ребята им пообещали позвонить. В салоне машине стояла

мертвая тишина. Стараясь не шевелиться, каждому хотелось поскорее добраться до больницы и узнать в чем дело. Такси пронеслось по ночному городу почти без пробок, но на каждом светофоре Назар в мандраже считал роковые секунды.

Когда машина подъехала, Валера помог выбраться сестре, и оба помчали вслед за Назаром. На пороге их встретил Илья, выбравшийся подышать воздухом.

– Илья! – чуть ли не бежал Назар навстречу инвалиду. – Что случилось?

Олеся с Садом замедлили шаг, чтобы случайно не прослушать весть. Илья развернул коляску и открыл дверь долгожданным гостям. Затем посмотрел каждому в глаза и радостно заявил:

– Лиля вышла из комы.

Ребята замерли, думая, что им послышалось. Но потом, до конца осознав случившееся волшебство, мигом бросились внутрь здания. Олеся рванула первая, перепрыгивая одним махом по две ступени. Назар с Валерой подхватили ошеломленного Илью вместе с коляской и на пике эмоций вместо специальной лестницы доставили его на руках прямо на второй этаж.

–Вы с ума сошли! – держался в испуге за плечи друзей мужчина.

Но два парня действительно обезумели. Случилось наконец-то невообразимое чудо. Чудо, которое так необходимо всем на данный период жизни. Здравый рассудок отказывал-

ся верить. Он так привык к трагедии, что совсем забыл о необратимости наступления белой полосы.

Наверху их встретить вышли Ворчун и Оксана с маленькой Алисой на руках.

– А вот и мальчики прибежали, – счастливым голосом прокомментировала Оксана и приветственно подвигала маленькой ручкой малышки, которую та усердно сосала во рту, – кажется, сейчас мы их очень обрадуем!

– Это правда?! – вытаращил глаза Назар.

– Самая что ни на есть, – уверил Ворчун, уткнув руки в боки.

– Охренеть! – кинул Валера и бросился узреть свершившееся чудо.

Елена Ивановна дрожала над кроватью вернувшейся девочки. Олеся, долго не раздумывая, запрыгнула на койку в объятия подруги.

– Олеся, тихо, ты сейчас удушишь её! – предупреждал её брат, но все слова летели мимо ушей.

Назар обошел группу людей и увидел в маленьких ручках Олеси бледное лицо Лили. Её глаза действительно были открыты. За долгое время её веки впервые поднялись, а синие сухие губы разошлись в блеклой улыбке. Мозг отказывался верить в реальность происходящего.

– Наконец-то! Наконец-то! – повторяла Олеся, то обнимая, то целуя больную девочку.

– Олесечка, тихо! Лиля сейчас очень слаба, – умиrotво-

ренным голосом предупредила Елена Ивановна.

– Да как тут тихо может быть! – хлопнул в ладоши Ворчун. – Это ведь невероятно!

– Оксана сегодня утром значит заходит с цветами к Лиля, – решил рассказать историю Илья, – а девочка открывает глаза и смотрит на неё!

– У меня все цветы на пол попадали! – заверила звонко Оксана. – Я побежала скорее звать Елену Ивановну!

– Как это вообще возможно? – улыбался Валера.

– Кажется, – закивала головой старшая медсестра, – каким-то чудом болезнь начала отступать. Лиля сейчас в тяжелом состоянии, но кризис миновал.

– Я знала, что ты проснешься! – не отлипала Олеся от подруги.

Лиля не решалась пока совершать лишние движения, лишь её глаза оживлено и благодарно осматривали собравшихся близких людей.

Оксана положила Алису на кровать, и ребёнок радостно пополз по ногам девочки. На лице малыша сияла озорная улыбка, и ручки стремились познакомиться с чем-то новым.

– Кажется, у нас рождение за рождением, – добавила молодая мама.

Возвращение Лили приравнивалось к заново начавшейся жизнью. Девочка находилась на грани и какие-то силы ей все-таки помогли победить рак. Судьба вновь сделала свой хитрый парадоксальный ход.

Но все попытки осмысления отступали перед фактом, что девочка пришла в себя. Она смотрела, чувствовала и готова была остаться. Может, во снах и классно, но Лиля выбрала иное.

В какой-то момент к очарованной событием публике обратилась Елена Ивановна. Она отпрянула от кровати и опустила голову.

– Мне кое-что нужно рассказать, – хрупкий характер женщины не выдержал и у неё снова побежали слезы по пухлым щекам, – когда Лиля пришла в себя, я решила ей поправить подушку и случайно наткнулась на конверт. На нём девочка спала всё это время. Это письмо ...

Толпа замерла, не зная чего уже можно ожидать.

– Письмо от Николая Николаевича. Последнее послание перед исчезновением. Я думала... Мне кажется правильным, если каждый всё наконец узнает. В этом письме правда. Я... Я не смогу его прочитать, поэтому...

Она протянула мятый конверт вперёд, ожидая добровольца, у которого хватит духа озвучить предсмертные слова Нагваля. Олеся крепче прижала Лилю к себе и пробежала растерянными глазами по окаменевшим взрослым. Никто не осмеливался взять на себя эту ношу. Друзья будто боялись узнать нечто страшное. Ящик Пандоры приводил в ужас человеческие души. Послание так и висел в воздухе.

– Можно я, – неожиданно Олеся потянулась за письмом своей маленькой ручкой.

Валера с Назаром в волнении дернулись вперёд, но решительность малышки осталась непоколебима. Она чувствовала то, что остальным было невдомек. Девочка знала больше, имея с лучшим другом и вторым отцом невидимую связь. Она открыла конверт и достала лист бумаги. Глаза уверенно впелись в написанные чёрной ручкой предложения. Никто не осмелился отобрать у неё письмо, понимая, что на данный момент ребёнок сильнее их.

– Дорогая Лиля, – зачитала Олеся вслух с редкими запи- наниями и паузами, – пишу тебе это письмо, чтобы ты не переживала. Когда ты проснешься, и меня не будет, не беспокойся. Ты не поверишь, но я связался с работником зоопарка одного малазийского острова и он сообщил, что их любимая коала вывела большое потомство. Животное представляет вымирающий вид, но выводок оказался большой и добрый хозяин вошёл в наше положение. Я ему отправил фото твоих рисунков и исписанных стен, а также поведал о твоей давней мечте. Он растрогался, и мы с ним договорились, что, если я прилечу и угощу его нашей традиционной водкой, то он мне с радостью в тайне отдаст одного малыша. Кстати, он в ответ мне прислал и фотографию, можешь полюбоваться. Я, воодушевившись, сразу же купил туда-обратно билеты на самолет и очень надеюсь вернуться вовремя ...

Всех с головой накрыла истина. Олеся проверила конверт и, действительно, нашла обещанное доказательство. С открытыми ртами и вытаращенными глазами люди слушали

послание и разглядывали приложенную фотографию, на которой весёлый узкоглазый мужчина с беззубой улыбкой держит на руках маленький комочек шерсти. В голосе Олеси не возникло дрожи. Она будто верила и знала изначально, как всё произошло на самом деле.

– В это невозможно поверить, но как только ты проснешься, с тобой на кровати будет играть малыш – коала. Представляешь, ты будешь единственной в мире девочкой с таким домашним животным. Я обязательно привезу ему на первое время необходимую еду и договорюсь с хозяином о поставке пищи, а потом, если удастся, приучим нашего питомца к нашим вкусным растениям. Обещаю посадить деревья и сделать малышу самый настоящий дом, чтобы он не скучал по родной земле. Поэтому я мигом на остров, а затем сразу вернусь обратно. Не скучай и не печалься, когда проснешься, ведь мы с коалой скоро прилетим к тебе. Помни, ты никогда не останешься одна и будешь жить вечно, потому что я тебя очень люблю!

Олеся закончила и ещё некоторое время смотрела на письмо любимого человека. Это он написал и никто другой. Затем девочка улыбнулась и с вызовом посмотрела на остальных, убеждаясь в своей внутренней правоте. «Видите, – говорила она глазами, – а вы не верили!». Присутствующие, действительно, не верили и не могли поверить. Даже предположить такой поворот событий никто не был в силах. Слезы, улыбки, восторг, печаль – всё смешалось воеди-

но. Назар смотрел на Валеру, потом на Олесю, потом на Лилю. Девочка продолжала лицезреть окружающую жизнь спокойным озарением. На секунду Назару показалось, что Лилля встретилась с Нагвалем между небом и землей. Добрый друг всё объяснил маленькой девочке. Может, это он её уговорил вернуться. Может, понял, что она здесь очень нужна. Никто никогда не узнает досконально всю правду. А если бы и узнал – либо ничего не понял, либо посмеялся. Ведь ничего не остаётся, кроме как смеяться над необратимым потоком вещей и событий. Нагваль не сдавался до самого конца. Боролся за счастье абсолютно каждого человека. И у него это получилось. Своей жизнью и смертью он вернул к жизни всех остальных. Человек сделал всё что мог. Истина многое поставила на свои места. Ни Николай, ни Егор не умерли зря. Ведь они умирали за того, кого любили. Находясь на вершине пятиступенчатой лестницы, прямо перед пастью непобедимого Левиафана, они выбрали самоотвержение, а не самоуничтожение. Жертвуя собой, они изменили людей. Это всё, что имеет смысл во всеобщей бессмыслице, которая всегда заканчивается смертью. Глядя на них, люди нашли счастье. Они просто наблюдали и вдруг захотели жить. В этом и заключались Метастазы и дорога воина. В этом и таился смысл войны с Левиафаном, с собой, с системой и со всей жизнью. Мы здесь лишь для того, чтобы дать себе и другим возможность быть как можно больше счастливыми.

...

Через некоторое время большинство покинуло палату. Елена Ивановна отправилась вниз. Оксана направилась кормить Алису. Илья с Ворчуном, видимо, устали и решили лечь на боковую. Каждый остался погруженным в свои мысли. Каждый у черты навсегда меняющих выводов и умозаключений. Лиля уснула. Она тосковала по здоровому сну и с теплом на сердце ушла в сладкие видения, чтобы вскоре проснуться утром с новыми силами. Олеся лежала с открытыми глазами рядом с подругой и наблюдала за Назаром с Валерой. Те сидели на подоконнике и глядели в окно. Казалось, можно бесконечно созерцать за одинокой жизнью на улице. За такой простой. Размеренной. И в некоторые моменты понятной. Всё казалось не плохо, когда многому знаешь цену и итог. Печаль навсегда оставалась внутри. Но и счастье возвращалось в самом необыкновенном проявлении. Всё крутилось, вертелось, переворачивалось, обрывалось, а люди просто жили.

В какую-то секунду Валера оторвал глаза от ночных фонарей, освещающих летнюю зелёную траву. Он достал телефон и, немного покопавшись, нашел то, что было необходимо. Стрекотание сверчков прервалось постепенно нарастающей из динамика музыкой. Это были биты Лето, написанные им на пике его любви к жизни. Той любви, которую мало кому давалось когда-либо достичь и прочувствовать. Тихая, спокойная, окунающая в красоту и ностальгию музыка заполнила палату. Валера отпрянул от подоконника и, закрыв

глаза, начал потихоньку танцевать. Он плавно водил руками по воздуху, иногда переступая с одной ноги на другую. Его движения были полны лёгкости и свободы. Назар встретился с игривыми глазами Олеси и разгадал её настрой. Одновременно девочка и парень поднялись и присоединились к танзору. Они двигались под музыку рядом с постелью Лили. Маленькие ручки кружились в полутьме. Рыжие волосы плавали по лёгкому ветру, прорвавшись из открытого окна. Сердце обретало покой. Друзья танцевали, отбросив в помойку всё, что знали и когда-нибудь узнают. Стоял аромат летнего свежего тепла. Тени от фонаря переливались на стене с рисунком счастливых людей. Мир не был таким, каким его привыкли воспринимать. Всё снизошло до атомов, до пустоты. Жизнь превратилась в один безмятежный танец.

Эпилог. Те, кто спасён. Те, кто спасёт. Те, кто остаётся

«Давно не писал в дневник. Наверное, с самого крайнего путешествия. Что тут сказать – был счастлив. Метастазы, все дела. В голове до сих пор не укладывается то, что произошло. Вроде бы ничего не изменилось, но на самом деле перевернулся мир. Я теперь знаю куда иду. Побег битника превратился в дорогу воина. Так же из ниоткуда в никуда, но сейчас я уверен, что обрел тот смысл, который спасёт. Я не грущу больше. Для меня моя жизнь и смерть – сущие пустяки. Лестница вечного счастья сработала на ура. Каждое событие подводило меня к финалу и не произошло ни лишнего, ни случайного. Значит так надо. Значит так должно быть. Я знаю зачем нужна вера. Чтобы сохранить в себе человека. Чтобы пережить то, что с тобой происходит. Верить можно во что угодно. Вокруг всё эфемерно и нет исключений. Я знаю, что впереди Левиафан, который сожрет с потрохами без суда и следствия. Но я буду идти до конца и верить, что так надо. Другого просто не дано. Там, где нет выхода и смысла, приходится обманывать себя и бесконечно отвлекать. Главное, принять и познать всё сейчас, дальше лишь ожидает свободный и вечный полёт. Я знаю зачем нужна любовь. Чтобы всегда имелись силы. Сломать челове-

ка очень легко. Жизнь это проделывает с большой охотой без каких-либо поблажек. Любовь то, что делает неуязвимым и щедрым. Любящий готов делиться тем, что имеет. И конечно, я теперь знаю зачем я тут. Затем, чтобы сделать как можно больше людей счастливыми. Выбрать смех, танцы, секс, молодость, путешествия – любой способ, чтобы пользоваться своим внутренним богатством. А чтобы никогда не надоело, нужно выбрать жить для других. Для абсолютно всех. Без логики, без справедливости, без переосмысления, без взаимности-без всего. Временному, незначительному и биоразлагаемому существу это подходит. Надо пережить много плохого, чтобы осознать как всё смешно и просто. Но бездна глубока, а Фудзи высока. Поэтому стоит, подобно дураку, наслаждаться дорогой и не искать других ответов и предназначений. Мы просто существуем, меняемся, принимаем, стареем. Все по-разному, но всё же в рамках шаблонного человеческого естества. Можно окончательно признать этот факт и не выдумывать из нас что-то лучшее. Мы прекрасно обречены. Но всё будет, в конце концов, хорошо. Это говорили люди, которых я любил и люблю. Значит, так оно и будет.»

Назар не спал. Держал дневник в руках и перелистывал страницы, вспоминая прошлые записи и чувства, побуждающие писать. Действительно, всё изменилось. Пишущая ручка произвольно добавляла на страницах то, что хотелось. Но тут дверь открылась. На пороге возник Валера. Назар поднял глаза на тёмный силуэт, застывший на месте. На улице

стояла глубокая ночь и в хосписе все давно спали. Видимо, кроме двух парней, которым так тяжело уснуть.

– Я ухожу, – собравшись с силами, молвил охрипшим голосом Сад.

Назар продолжал смотреть на друга, облокотившись спиной к стене. Открытый дневник битника валялся в открытом виде на коленях, сосредоточив на себе тусклый свет фонарей. Почему-то Назар всё понял.

– Я не могу больше, – говорил Валера, открывая перед товарищем душу, – я не могу с этим жить. Эта неискоренимая и неизлечимая боль... Внутри всё гниёт от слабости и грусти...

Не получается ни у кого оставаться вечно сильным. Где-то в глубине прячется та ощутимая пустота, которая напоминает о пережитом и осознанном. Мы мечемся в вечном отчаянии, но становимся настоящими людьми.

– Если я останусь, то сторчусь или сопьюсь... Я не могу это перенести.

Каждому жизнь найдет способ уничтожения. Она и не хотела с самого начала нас оставлять живыми навсегда.

– Олеся знает, – давился парень эмоциями и сдерживаемыми слезами, – я ей сказал... Я знаю, что с тобой она не пропадет... Я не хочу, чтобы она видела то, во что я превращаюсь...

Его мысли разрывали и разум, и сердце на части. Где-то получалось оказать сопротивление, но затем наступало воз-

вращение к тому, что нельзя никак изменить.

– Ты позаботишься о ней?

Человек вложил всю свою надежду в просьбу. Он надеялся, что обретет покой на том пути, через который прошли многие. Путь не принёс должного эффекта, но он продолжал оставаться необходимым и вполне естественным. Другого просто-напросто знать было не дано.

– Да, – честно пообещал Назар.

– У Нагваля остались деньги, – сглотнул тяжело слюну Валера, – они в доме на комодке. Я ничего не беру и всё оставляю. Вот ключи.

Валера аккуратно потянулся дрожащей рукой и положил рядом с Назаром связку. Парень посмотрел на неё несчастным взглядом.

– Мы с Яной и Порохом уедем из страны, – рассказал Сад, – наш товарищ переехал недавно в Англию и говорит, что нашей группой заинтересовалась одна студия, с которой он может нас связать. Я знаю, что это побег от себя. Но мы просто будем странствовать, мотаться по земле, пока не примем себя такими, какие есть. Ведь всё и так делается зря...

Назар в непонимании поднял глаза.

– Потому что заканчивается одинаково печально, – закончил Валера.

Назару нечего было ответить. Он понимал друга как человек, который тоже от многого бежал и многое потерял. Чей-то огонь до сих пор горит и обжигает собственное существо,

а чей-то просто остаётся греть окружающих. Парень встал проводить друга. Валера смотрел на Назара влажными бегающими глазами, его сердце кричало от боли. Он подошел ближе и обнял соратника.

– У нас же всё получилось?

– Да, – убедил Назар.

– Думаешь, Нагваль с Лето счастливы?

– Думаю, они уже спасают другие миры или придумывают новые.

– Мы еще встретимся вместе?

– Конечно, – Назар отпрянул и улыбнулся, – но оставим это на десерт. Мы еще нужны здесь.

Валера одобрительно закивал головой, повторяя эти слова у себя в голове.

– Ты хороший человек, – начал медленными шагами удаляться юноша.

– Ты тоже.

– Мы же всё равно останемся рядом, – на этот утвердительно заявил Сад, – будем смотреть на одни и те же звезды.

– И дышать одним воздухом.

– Мы ведь все внутри друг друга.

– Помогаем справиться с болью.

Валера выдохнул, у самого порога еще раз посмотрел на друга и затем скрылся в ночной мгле. Холод смирения пробежался по спине Назара. Он просил не расставаться больше с родными людьми, но сейчас не ощутил той утраты. Просто

люди живут и привыкают. Их уничтожают, а они становятся бесчувственными. Так жизнь превращается в сущий пустяк.

Назар поднялся по лестнице на второй этаж и тихими шагами дошёл до палаты Лили. Девочка спала, а вот Олеся сидела на подоконнике. На лице девочки держалась таинственная улыбка. Свет фар пробежался яркой волной по стенам палаты, а затем унесся вместе с гулом мотора. Девочка помахала на прощание брату рукой. Даже когда звуки отдалились, она не останавливалась. Назар медленно зашел, чтобы не испугать ребёнка.

– Не спишь?

– Не спится, – даже не обернувшись, отозвалась Олеся.

Назар смотрел, как взрослеет с каждой секундой девочка. Спасал великий дар. Она могла выдержать всё. Это не восьмилетний ребёнок, а человек, у которого за плечами сотни пройденных жизней.

– Он скоро вернётся.

– Я знаю, – затем она повернулась и ласково улыбнулась, желая успокоить переживание друга, – он станет рок-звездой.

– Хочешь тоже, когда подрастешь?

– Хочу прогуляться.

Назар взглянул на Лилию. Та спала безмятежным крепким сном. Ему тоже хотелось на улицу.

– Пойдём.

Они шли вдвоем по пустой тихой улице. Воздух был на-

сыщен чем-то чистым и первозданным . Тишина успокаивала и все мысли оборачивала в ничто.

– Пойдём к нашему дому на дереве, – предложила Олеся.

– Пойдём, – Назар бы на всё согласился с этим человеком.

Им никто не был нужен. Они остались как последние частички бывшего целого. Они должны сохранить друг друга, чтобы Метастазы остались. Так и происходило. Ведь каждый своим присутствием спасал другого.

– Не страшно? – спросила Олеся Назара возле старого дома.

– Нет.

На всякий случай девочка крепко сжала ладонь друга в своей. Они вдвоем смело и решительно прошли мимо корпорации монстров и устремились в лес.

– На самом деле там не живут монстры.

– А кто?

– Я поняла, что нет плохих.

Назар прислушался к словам девочки.

– Есть спасенные и те, кто спасет. И знаешь кто и те, и те?

– Одни и те же люди.

Назар продолжал смотреть на дорогу, освещаемую телефонным фонариком.

– А мы тогда кто?

– Мы те, кто остаётся.

Запахло деревней. Свежескошенной травой и спаленной совсем недавно помойкой. Назар помнил эти запахи из дет-

ства. Он хотел, чтобы и Олеся запомнила череду ароматов. Девочке нужно видеть и знать что-то большее, чем смерть и расставания. Но кажется, в ней присутствует то, что возвышается над всемирным тленом.

– Лес, – напомнила Назару она, – который приведет к острову вечного счастья.

Девочка стремительно и воодушевленно перешагивала через пустые бутылки водки, окурки, рваные тряпки, пережитки несчастных людей. Не замечала этого всего и шла к дубу.

– Иногда, – заявила она, – даже здесь слышно, как смеются на острове дети.

Назар вспомнил путешествие с Нагвалем: замороженное лицо друга, когда ночью в лодке до него донеслись отголоски песен и танцев древних шаманов.

– Их радость настолько велика, что даже лес пропитался ею. Он держит радость в своём сердце и не отпускает.

Она не боится тьмы и пролезает в свободное пространство меж густых кустов. Назар следует за ней и оказывается перед огромным дубом. Там среди стволов и веток старинный домик, который они недавно отремонтировали.

Олеся замерла. Она долгое время, не отрывая глаз, смотрела на деревянные стены и пол. Девочка не собиралась туда залезать, ей будто надо было в чем-то убедиться. Что-то понять. Она смотрела на пустой одинокий дом, в котором, по всей видимости, со дня реконструкции никто не появлялся.

О нём забыли, о нём никто не знал, но девочка продолжала верить в него. У Назара пошли мурашки по телу, теперь он сжал руку малышки, чтобы вернуть её в реальность. Олеся продолжала что-то неумолимо искать в пустоте и не собиралась сдаваться. Надолго ли хватит человека, чтобы смотреть туда, где ничего нет. Абсолютно и необратимо. Назар уже отчаялся, когда она заговорила:

– Знаешь, что мы забыли?

– Что? – всей душой волновался Назар.

– Мы забыли нарисовать карту, ведущую на остров.

Назар выдохнул и сжал крепко губы от радости.

– Дети всегда должны знать, куда им идти, – Олеся никуда не пропала, а всё это время думала о других.

Мёртвое внутри существо вновь почувствовало тепло Метастазов. Они жили и так же никуда не пропадали.

– Нарисуем? – с мольбой в глазах обратилась девочка к другу.

– Да, – улыбнулся Назар, – у меня как раз в походном рюкзаке есть отличные карандаши и фломастеры.

– Это подойдет, – кивнула Олеся и напоследок еще раз взглянула на дом, который только ради маленького ребенка и существовал.

Через некоторое время Олеся с Назаром и Персиком встречали на крыше заброшенного театра рассвет. Они расположились поближе к парашюту, дабы оставить открытым обзор на безмолвный город. Карандаши были разбросаны

вокруг огромного холста и по очереди вступали в работу. Кот досматривал сны, свернувшись в клубок, и лишь иногда лениво проверял своих друзей. Назар с Олесей трудились слаженно, вкладывая в дело весь энтузиазм и фантазию. Лучи раннего солнца разгоняли ночные разводы небосклона, но ещё не проснулись даже утренние птицы.

– Олесь, – обратился Назар.

– Да? – отозвалась девочка, продолжая рисовать.

– Как у тебя получается оставаться такой?

Девочка почему-то сразу поняла, что имеет в виду Назар и с детской непосредственностью раскрыла секрет:

– Это Коля. Он обещал всегда быть рядом.

Назар несколько раз говорил подобное, а теперь почувствовал себя невероятно счастливым, так как счастье действительно произошло.

– Он рядом сейчас?

– Да. Во мне.

Парень посмеялся, не в силах сдерживать эмоции и Олесь хохотнула в ответ.

– А это мы сейчас проверим! – Назару в голову пришла идея, которая ему показалась просто ошеломляющей. – Согласитесь вы с Нагвалем отправиться в путешествие, как только выздоровеет Лиля?

У Олеси заискрились глаза, которым совсем немного оказалось нужно.

– Все вместе?

– Да.

– Конечно, – затем она пафосно откинула рыжие волосы по ветру, – я между прочим сама хотела предложить этот план.

– Да что ты говоришь?!

– Вообще-то да! И Валеру по дороге захватим...

Тропинки, пунктирные линии, деревья, скалы, монстры появлялись на карте и постепенно зарождался тот самый остров счастливых людей. Два друга глубоко прониклись воображением.

– Мы ходим в театр, – дополнила Олеся.

– И на карнавал в Рио.

– Только Персика не забудем.

– Думаю, этот кот от нас не отвяжется уже никогда.

Олеся погладила пушистую шерстку любимца.

– Мы заберемся выше пятой ступени на лестнице, – неожиданно выдала девочка.

Назар прекратил рисовать и уставился с недоумением на Олеся.

– Ты знаешь, что дальше пятой ступени?

– Конечно. Это каждый дурак знает.

Парень хлопал глазами в полной растерянности.

– И что там?

– Там новые ступени. Это же лестница.

– Но...

– Мы ведь их сами выдумываем. Каждый раз нужно что-

то особое и сказочное. Это ведь счастье. Никогда не знаешь, что оно от тебя хочет.

– А, – с глупой гримасой соображал Назар и усмехнулся.

– Я даже знаю, что делать с Левиафаном.

– Правда?

– Да.

– Что?

– Ничего. Пускай себе существует. Зачем о нем думать.

Он нам не нужен. Мы останемся на острове вечного счастья, и нам не будет дело до него.

Теперь детской верой засияли глаза и Назара. Он смотрел на мудрого художника и не мог нарадоваться.

– Останемся? То есть мы уже находимся на острове вечного счастья?

– Конечно. Разве не чувствуешь? – Олеся посмотрела на друга.

Назар видел её глаза. Он вмиг вспомнил всё то, что с ним произошло. Жизнь до встречи Нагваля и после. Тех родных людей, которые ушли и тех, и кто остался. Те осознания и принятия, которые довелось пережить. Те разговоры и чувства. Те войны и поражения. Те попытки со всем покончить и попытки начать жить заново. Тот неважный и странный минимум, что происходит в объективе мироздания. То всё, с чем легко, по сути, просто оставаться счастливым. Назар чуть повернул голову к теплому солнцу и ощутил ветер. Он нёс с далёких побережий послание, что океан и песок ждут

странников. А может, этот ветер шёл изнутри, где действительно океан, песок и маленький остров. Парень вернулся взглядом к девочке, которая ждала окончательного озарения.

– Да, – заверил без сомнений он, – чувствую.

Олеся с лёгким смущением посмеялась:

– Тогда рисуй. Скоро отправимся в долгий интереснейший путь.

...

Посвящаю тем, кто остаётся.